

Министерство образования и науки РФ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского
Национальный исследовательский университет
Факультет социальных наук
Нижегородское региональное отделение Межрегиональной
общественной организации «Академия Гуманитарных Наук»

**СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ КОРНИ НАСИЛИЯ
В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ**

1-3 ноября 2012 года

Нижний Новгород
Издательство НИСОЦ
2013

УДК 316
ББК 60.5
С77

Рецензенты:

Барбанова С.В. — к.соц.н., Уполномоченный
по правам ребенка в Нижегородской области
Щуров В.А. — д.филол.н., профессор ННГУ
им. Н.И. Лобачевского

С77 **Социокультурные корни насилия в современном обществе** / Под общей редакцией проф. З.Х. Саралиевой. — Н. Новгород: Издательство НИСОЦ, 2013. — 659 с.

ISBN 978-5-93116-149-5

В сборнике представлены материалы социологических исследований и международной научно-практической конференции «Социокультурные корни насилия в современном обществе» (1-3 ноября 2012 г., Нижний Новгород, ННГУ им. Лобачевского).

Сборник предназначен для преподавателей, аспирантов и студентов, исследователей широкого спектра социальных проблем современного общества, практических работников образовательных и социальных учреждений и общественных организаций.

Составитель и научный редактор З.Х. Саралиева, д.и.н., профессор, зав. каф. общей социологии и социальной работы факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского, зам. председателя оргкомитета конференции.

ББК 60.5

ISBN 978-5-93116-149-5

© НИСОЦ, 2013

Социокультурные корни насилия в современном обществе

В конференции «Социокультурные корни насилия в современном обществе» участвовали исследователи, специалисты и практики России (*Москвы и Московской области, Нижнего Новгорода и Нижегородской области, Екатеринбурга, Иванова, Казани, Калуги, Кирова, Муром, Самары, Санкт-Петербурга, Саратова, Харькова, Ярославля*), Абхазии, Беларуси, Великобритании, Германии, Испании, Польши, Республики Мордовия, Украины, Чехии, Японии.

Цели конференции: Обсуждение результатов социологических исследований и практик по проблемам:

- Культ насилия
- Насилие в сфере трудовых отношений
- Законодательное ограничение насилия
- Политическое насилие
- Насилие в детско-юношеских коллективах
- Насилие в межэтнических отношениях
- Насилие в киберпространстве
- Сексуальное насилие
- Насилие и наказания в семье
- Экстремизм
- Эмоционально-психологические формы насилия
- Социальная политика как институт противодействия насилию
- Конструирование насилия
- Насилие в силовых структурах

Члены редколлегии:

Бекарев Адриан Михайлович	– д. филос. н., профессор кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского
Блонин Владимир Александрович	– декан ФСН ННГУ, <i>ученый секретарь конференции</i>
Каржина Галина Альбертовна	– заместитель декана по научной работе ФСН
Рыхтик Михаил Иванович	– декан факультета международных отношений ННГУ
Романовская Вера Борисовна	– заведующий кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета ННГУ
Шпрингер Вернер	– профессор университета Дуйсбург-Эссен (Германия)

Как и в предыдущих публикациях, отбор материалов в данном издании осуществлялся редколлекгией исходя из двух основных критериев: соответствия заявленной теме и содержания. Сборник открывается пленарными докладами. В начале каждого раздела даются публикации авторов, выступавших с секционными докладами.

Редакционная коллегия

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

<i>Козлов А.А.</i> Экстремизм как выраженная форма насилия	15
<i>Козлова Т.З.</i> Агрессивность личности как дефицит её саморегуляции	19
<i>Меренков А.В.</i> Взаимосвязь природных и социокультурных факторов насилия	23
<i>Николаева М.А.</i> Об организации работы по профилактике насилия и жестокого обращения в отношении несовершеннолетних в Нижегородской области	28
<i>Романовская Л.Р.</i> Концептуальные основы противодействия терроризму в российской федерации	35
<i>Саралиева З.Х., Балабанов С.С.</i> Насилие в подростковой среде	39

НАСИЛИЕ КАК ЭЛЕМЕНТ КУЛЬТУРЫ

<i>Абрамова А.В.</i> Механизмы влияния психокультуров на своих потенциальных членов (на примере материалов о деятельности тренинг-центра «синтон»)	45
<i>Аргунова В.Н.</i> Индивидуализм как предпосылка и условие социального насилия	48
<i>Артемова В.Г.</i> Социокультурная природа насилия	54
<i>Белая И.А.</i> Метаморфозы насилия: модерн и постмодерн	57
<i>Беляров В.В.</i> Социокультурная почва корней насилия	59
<i>Бурмистрова О.Н.</i> Феномен жертвы психологического насилия	63
<i>Власкин В.Ю.</i> Актуальная и перспективная социализация военнослужащих как условие сокращения насилия в вооруженных силах	67
<i>Волкова А.Г.</i> Подверженность психологическому насилию: диагностика по письменному тексту	71
<i>Гладина Т.Д., Наумов А.В., Годухин А.Н.</i> Особенности развития и совершенствования социальной политики государства как института противодействия насилию в российском обществе	75

<i>Гончарова Н.В.</i> Современные режимы нормализации и контроля телесности в женской тюрьме.....	79
<i>Дорошева Е.Д.</i> Конфликтный эффект процесса зачисления в распоряжение командира.....	82
<i>Злотникова Л.М.</i> Насилие как элемент культуры	85
<i>Изуткин Д.А.</i> Конфликт между врачом и пациентом в различных моделях их отношений	89
<i>Исакова И.А.</i> Агрессия и насилие в транспортной рекламе	94
<i>Иудин А.А.</i> Информационное давление в информационных войнах	99
<i>Казаков М.А.</i> Гуманитарные технологии – актуальная система противодействия насилию	105
<i>Каржина Г.А.</i> Религиозная культура как фактор преодоления насилия в постиндустриальном обществе.....	112
<i>Козырьков В.П.</i> Мифы о насилии и насилие мифов	116
<i>Кузнецова Ю.А.</i> Взаимосвязь насилия в обществе и религии на примере ислама.....	120
<i>Куконков П.И., Лубяной М.С.</i> Структурное насилие как угроза социальной безопасности	123
<i>Куликова Н.А., Быкова С.Ю.</i> Теоретическая модель профилактики семейного насилия в условиях образовательного учреждения.....	127
<i>Куракина Л.М.</i> Специфика восприятия насилия студенческой молодежью	131
<i>Кутявина Е.Е.</i> Насилие в первичных и вторичных социальных связях	134
<i>Ларишина Н.В.</i> Насилие в контексте достижения поставленной цели (на примере профессионального спорта)	138
<i>Малес Л.В.</i> Легитимация насилия в гендерном дискурсе	143
<i>Масловский М.В.</i> Насилие как характеристика фашистских движений в исторической социологии Майкла Манна.....	147
<i>Прохорова М.В.</i> Кибербуллинг в социальных сетях.....	151
<i>Пугина Е.И.</i> Социальный контроль в религиозной общине.....	154
<i>Рябов О.В.</i> Враг как насильник: «честь и бесчестье родной земли» в военной пропаганде	159
<i>Рябова Т.Б.</i> Социальные стереотипы как форма символического насилия.....	163

<i>Салагаев А.Л.</i> Распространенности применения насилия в полиции г. Казани по данным экспертного опроса медицинских работников	165
<i>Сергеев С.А.</i> Националисты и антифа в российской провинции: насилие на улицах	170
<i>Солдаткин А.Е.</i> Спортивные и игровые формы насилия: единоробства в современной городской культуре	174
<i>Фатенков А.Н.</i> Насилие и ненасилие ума	179
<i>Федоров А.В.</i> Преодоление стигматизации молодых инвалидов Санкт-Петербурга как формы социального насилия.....	183
<i>Фейгельман А.М.</i> Истоки человеческой деструктивности в концепции просвещения М. Хоркхаймера и Т. Адорно	186
<i>Цветкова Б.Л.</i> Информационное насилие как формат жизни	192
<i>Чиров М.В.</i> Насилие и принцип навязчивого повторения.....	196
<i>Шалютина Н.В.</i> Изучение медиа насилия и его влияния на «реальное» насилие	200
<i>Шубрт И.</i> Насилие, спорт, возбуждение и цивилизация: несколько замечаний к концепции Норберта Элиаса	205
<i>Щекотуров А.В.</i> Социальная сеть «вконтакте»: риски виртуальной социализации подростков	211

НАСИЛИЕ И НАКАЗАНИЯ В СЕМЬЕ

<i>Симпсон К., Шаталина В.</i> Особенности агрессивного поведения и наказаний детей до школьного возраста в семьях различного этнического состава Великобритании	216
<i>Абрамова Е.А., Давыдов Д.В.</i> Насилие в семье: восприятие родителями и детьми (на примере Республики Мордовия)	217
<i>Багирова Т.Б.</i> Формирование сознательного родительства как фактор предотвращения насилия над детьми	221
<i>Бессчетнова О. В.</i> Насилие в семье: исторический аспект	224
<i>Бутакова О.С., Глушкова Е.В.</i> Отношение населения города Иванова к супружескому насилию	228
<i>Вагин Д.Ю.</i> Современное насилие в контексте кризиса межпоколенческих связей и ценностей	232

<i>Вараева Н.В.</i> Ресурсы и ограничения профилактики насилия социальными службами в рамках сопровождения семьи в трудной жизненной ситуации.....	236
<i>Васильева Е.Н.</i> Стиль воспитательного воздействия родителей как «скрытое» эмоционально-психологическое насилие по отношению к ребенку	240
<i>Волченкова Е.В.</i> Взаимоотношения в семье как фактор суицидального поведения студенческой молодежи	244
<i>Вяльшина Д.Р., Пантюшина М.В.</i> Представление о психологическом и физическом насилии у детей и родителей (на примере Республики Мордовия).....	248
<i>Егорова Н.Ю.</i> Модели родительско-детского взаимодействия в современной российской семье	251
<i>Ефимцева А.Г.</i> Гендерные роли и насилие в семье.....	255
<i>Зубков В.И.</i> Методика изучения социально-психологических детерминант семейного насилия	257
<i>Кондюрина А.С., Пробылова В.С.</i> Программы профилактики жестокого обращения с детьми и насилия в семье в гбuz но «консультативно-диагностический центр по охране психического здоровья детей и подростков».....	262
<i>Куфтина Е.Н.</i> Насилие родителей в отношении детей.....	267
<i>Никифорова Н.В.</i> Психологическое насилие над детьми дошкольного возраста	270
<i>Орлова З.Н.</i> Насилие в семье: бьют, значит любят?!.....	274
<i>Осипова И.И.</i> Социальная работа с семьями группы риска.....	278
<i>Придатченко М.В.</i> Шлепок, подзатыльник и другие методы воспитания	283
<i>Пушина В.Н., Сабусов И.А.</i> Проблема насилия над мужчинами в семье как феномен современности.....	286
<i>Сироткина Е.С.</i> Насилие в отношении несовершеннолетних Матерей	289
<i>Соломатина Г.Н.</i> Влияние насилия в кровной семье на процесс адаптации приемного ребенка к условиям замещающей семьи	293
<i>Таланов С.Л.</i> Насилие и наказание в семье: опыт социологического анализа.....	297
<i>Трухачев В.В.</i> Насилие в семье как фактор роста социального сиротства	301

<i>Ходырева Н.В.</i> Оценка программ вмешательства для превенции партнерского насилия	305
<i>Шатохина В.А.</i> Дискуссионные аспекты психологического насилия в семье (непроходящая история Короля Лира)	310

НАСИЛИЕ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

<i>Азерли Джаваир Агасы.</i> «Скажите крику «нет» (к вопросу жестокости на уроках).....	318
<i>Беляев В.А., Покровская Т.Ю.</i> Конструирование насилия над социально-исключенными в студенческой среде (на примере студентов с избыточным весом)	323
<i>Бородатая М.Н.</i> Социально-психологические характеристики агрессора и жертвы школьного буллинга.....	327
<i>Горская И.В.</i> Противоречия при реализации медико-социальных прав и свобод несовершеннолетних пациентов их родителей.....	331
<i>Дробовцева С.В.</i> Ученичество в духовных традициях: добровольное смирение или психологическое насилие?.....	335
<i>Лымарь Е.А.</i> Социально-культурологическая работа с родителями «проблемных» детей. Из опыта работы школьной социальной службы	339
<i>Лымарь Н.А.</i> Риторика в контексте предупреждения агрессии и непонимания в процессе получения информации и знаний в школе.....	344
<i>Лютова Д.В.</i> Адаптация первоклассников к школьной жизни	349
<i>Максимова М.Л.</i> Категория «символическое насилие» в социологии образования	352
<i>Мигунова А.В.</i> Медиация в ситуации школьного насилия	355
<i>Мухаметзянова А.Р.</i> Проблема психологического и физического насилия в школе (на примере Республики Мордовия).....	358
<i>Птицина Н.А.</i> К проблеме насилия в профессиональной деятельности специалистов по социальной работе.....	361
<i>Сизова И.Л.</i> Гендерная специфика насилия в школе: опыт немецкий исследований	367
<i>Судьин С.А.</i> Психическое здоровье учеников как фактор школьного насилия.....	372

<i>Сухова А.Н.</i> Взаимодействие иностранных студентов за границей: коммуникативное напряжение в границах насилия	375
<i>Jańczuk R. (Jajcik P.)</i> Молодежная преступность – исследование польских школ в XXI веке (Juvenile delinquency – a challenge for polish schools in xxi century)	378
<i>Якушкин М.В.</i> Нормативно — правовые основы защиты детей от насилия в Республике Мордовия	385

НАСИЛИЕ В СФЕРЕ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

<i>Ануфриева К.М.</i> Насилие как социальное последствие безработицы	390
<i>Архангельская А.С.</i> Проблема манипуляции в работе с клиентами на российском рынке консалтинга.....	394
<i>Бафанов А.П.</i> Элементы социального насилия в отношении рабочих промышленных предприятий России	399
<i>Бекарев А.М.</i> Насилие в бюрократических организациях	402
<i>Бокова Э.М.</i> Корпоративное добровольчество как форма социализации бизнеса	405
<i>Dziubek I.T. (Дзюбек И.Т.)</i> Workplace mobbing (Моббинг на рабочем месте)	408
<i>Захарова Л.Н.</i> Организационное насилие как социальная проблема	413
<i>Зотова О.К.</i> Насилие в сфере трудовых отношений: особенности принудительного труда в XXI веке	419
<i>Кареев Д.В.</i> Террористическая и экстремистская угроза в общественном мнении жителей ивановской области	423
<i>Леонова И.С.</i> Индикаторы латентного конфликта как формы реагирования персонала на организационное насилие	427
<i>Митягина Е.В.</i> Проблемы эксплуатации рабочих в условиях глобализации.....	432
<i>Плотников М.В.</i> насилие в менеджменте: традиция или необходимость	438
<i>Рушева А.В.</i> Принудительный характер корпоративной культуры.....	441
<i>Сергеева З.Х.</i> Структурное насилие и социальная ответственность крупного бизнеса (на примере нефтяных корпораций)	445

<i>Смаковская Н.И.</i> Аутплейсмент как ненасильственная технология маркетинга персонала.....	449
<i>Соколов И.В.</i> Насилие как часть взаимоотношений работодателя и сотрудников на примере амбулаторно-поликлинических учреждений нижегородской области.....	452
<i>Сухова Е.Н.</i> Факторы эмоционального дисбаланса в профессиональной практике врача	456
<i>Ховрин А.Ю., Новикова С.С.</i> Управление организацией: власть, насилие, партнерство.....	460
<i>Хусьяинов Т.М.</i> Негативное влияние занятости в сети интернет на семейные отношения	466

ЭКСТРЕМИЗМ КАК ФОРМА НАСИЛИЯ

<i>Азисова Н.Н.</i> Роль НКО в профилактике и предупреждении экстремизма в Республике Мордовия.....	469
<i>Белова Т.П.</i> Цели, структура и формы деятельности экстремистской организации	474
<i>Бурова Ю.В.</i> Духовные истоки молодежного экстремизма	478
<i>Зацепин М.И.</i> Молодежная делинквентность и насилие: угрозы национальной безопасности	483
<i>Зернов Д.В., Луконина Е.С.</i> Экстремистские настроения студенческой молодежи на фоне выборов федеральной власти.....	488
<i>Коровина Е.В., Цветкова Е.А.</i> Терроризм как концепт конструирования насилия	493
<i>Кулешова Г.П., Дадаева Ю.В.</i> Профилактика экстремизма в студенческой среде региона	497
<i>Лобырев В.В.</i> Молодежный экстремизм в сети интернет в современной России.....	501
<i>Лукьянова С.С.</i> Молодежный экстремизм в современной России	506
<i>Меркутова А.В.</i> Экстремизм, и его осмысление в современный период развития	508
<i>Щебланова В.В.</i> Террористические действия: функциональные и дисфункциональные последствия.....	512

НАСИЛИЕ В ПОЛИТИКЕ И ЕГО ЭФФЕКТИВНОСТЬ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ

<i>Бобков Д.И.</i> Насилие как метод управления государством и осуществления социальных отношений.....	516
<i>Бобкова Е.М.</i> Фактор доверия как основа для предотвращения политического насилия в постконфликтном регионе	520
<i>Епархина О.В.</i> Концепт «коллективное политическое насилие» и его измерение.....	523
<i>Кондратьева А.Н.</i> Финансовая зависимость российских муниципалитетов как проявление политического насилия.....	528
<i>Круглов Н.В.</i> Влияние политического насилия на демографическую ситуацию	531
<i>Кузнецова Н.А.</i> Влияние СМИ на формирование политического самосознания	535
<i>Лымарь А.Б.</i> Особенности социальных диалогов российской молодежи в контексте социально-политических трансформаций.....	538
<i>Морозова А.В.</i> Политико-экономические проблемы современной Европы и вызовы сепаратизма (на примере испанской Басконии).....	543
<i>Морозова Н.М.</i> Особенности межэтнического конфликта	549
<i>Пушина Л.Ю.</i> Политическое насилие как фактор формирования поколенческой специфики.....	553
<i>Сергунин А.А.</i> Теория «структурного насилия» Й. Гальтунга: прошлое и настоящее	557
<i>Старкин С.В.</i> Дискриминация конфессиональных меньшинств в мусульманских государствах.....	561
<i>Фоменков А.А.</i> Русские национал-патриоты в период перестройки и политическое насилие	566
<i>Ходырева Е.Б.</i> Проблемы международного и внутреннего усыновления на современном этапе	570

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ ОГРАНИЧЕНИЕ НАСИЛИЯ

<i>Белоусов Н.М., Серпухов Я.А.</i> Сексуальное насилие как объект культивирования в современном обществе.....	576
--	-----

<i>Емельянова С.Н.</i> Проблема психического насилия при допросе.....	581
<i>Зиновьева А.С., Сырова Л.А.</i> Дедовщина как разновидность насилия в силовых структурах страны	585
<i>Калинина Е.В.</i> Проблема допустимости насилия в религиозных источниках права. Ветхий завет и талмуд о роли насилия в регулировании международных отношений	589
<i>Минеева Т.Г., Романовская В.Б.</i> Противодействие насилию в проповедях Дамаскина	592
<i>Назарова Н.Л.</i> Психическое насилие как способ завладения ужим имуществом	596
<i>Остроумов С.В., Остроумов Н.В.</i> Влияние категории насилия на состав преступления.....	601
<i>Попова С.А.</i> Криминологическая характеристика женщин, совершаемых насильственные преступления	606
<i>Соловьев С.А.</i> Диалектика государственного насилия как составляющей метода принуждения в осуществлении функций государства.....	610
<i>Соловьева С.В.</i> Медиация как средство противодействия насилию в трудовых отношениях	614
<i>Сохан А.В.</i> Азартные игры как источник насилия в современном обществе и правовые формы их ограничения	618
<i>Тихонова С.С.</i> О современных направлениях криминофамилистических исследований, затрагивающих проблематику насилия в отношении несовершеннолетних	621
<i>Шарангия С.З.</i> Насилие, вина, непреодолимая сила: особенности юридической конструкции терминов	625

РЕАБИЛИТАЦИЯ ПОСТРАДАВШИХ ОТ СЕКСУАЛЬНОГО НАСИЛИЯ

<i>Глазырина А.М., Михайлова Т.Л.</i> Насилие в рекламе как фактор конструирования гендерной идентичности.....	630
<i>Ермолаева А.Г.</i> Тренинг «Методы и техники реабилитации детей, пострадавших от насилия»	634
<i>Казнин Л.Н.</i> Сексуальное насилие	638
<i>Курамшев А.В.</i> Агрессивность и соревновательность: гендерный аспект	642

<i>Пристуна Е.Н.</i> Социальная работа с лицами, перенесшими жестокое обращение.....	645
<i>Свадьбина Т.В., Немова О.А., Пакина Т.А.</i> Трэффик как форма проявления насилия над женщинами	649
<i>Туманова Е.Е.</i> Значение социального менеджмента в решении проблемы бытового насилия над женщинами	651
<i>Щербаков А.В.</i> Детские роли как предпосылки агрессивного поведения девушек	655

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

ЭКСТРЕМИЗМ КАК ВЫРАЖЕННАЯ ФОРМА НАСИЛИЯ EXTREMISM AS AN EVIDENT FORM OF VIOLENCE

А.А. Козлов

Санкт-Петербургский государственный университет

A.A. Kozlov

State University of Saint Petersburg

Подводятся итоги двадцатилетних исследований лаборатории исследования проблем молодежи. Рассматриваются ключевые моменты, являющиеся предметом дискуссий или не имеющие развернутой и удовлетворительной трактовки в современной научной литературе, а также пути и способы профилактики экстремизма в молодежной среде.

In the article are summarized results of the twenty-year surveys conducted by the laboratory of the youth problems research. The key aspects are considered which are either subjects of discussion or do not have a satisfactory interpretation in the contemporary scientific literature and also ways and methods of youth extremism prevention.

Ключевые слова: определение, экстремизм, идеология, личность экстремиста, агрессия, экстремумы, профилактика.

Keywords: definition, extremism, ideology, personality of extremist, aggression, extremums, preventive measures.

Без преувеличения можно сказать, что проблематика экстремизма в широком плане и в том числе экстремизма в молодежной среде получила широкое распространение, о чем говорит значительное число публикаций, диссертационных исследований, конференций, документов международных организаций. Что касается проблематики экстремизма в молодежной среде, то сегодня в нашей стране ключевыми публикациями, по нашему мнению, являются работы Т.Н. Кухтевич и Туманян, В.И. Чупрова и Ю.А. Зубок. Представленные ведущими школами исследования проблем молодежи эти работы достаточно точно определяют предмет исследования, хотя и различаются, что естественно, в некоторых подходах и трактовках. Однако, бесспорно, вносят значительный вклад в изучение феномена экстремизма, открывая тем самым перспек-

тивы дальнейшего изучения (тем более, что большая часть тем и сюжетов еще ждет своей очереди), а также и пути профилактики этого, несомненно, опасного для общества явления. Причем, в данном случае, во все не важно, носит ли экстремизм в том или ином обществе, государстве ярко выраженный и относительно массовый характер или же проявляется в виде спорадических актов. Не столь существенно, проявляется он в странах с нестабильными условиями и резким размежеванием между слоями и группами населения или же в виде актов сравнительно небольших групп и отдельных субъектов в тех странах и регионах, которые принято относить к благополучным и традиционно спокойным. Является ли он следствием действий политических сил, использующих экстремизм в своих корыстных целях, или же проявляется в виде спонтанных актов. Иными словами, можно говорить как об использовании экстремизма в качестве реального оружия воздействия на ситуацию в обществах, так и об эффекте следования, подражания в расчете на возбуждение общественного мнения или же на удручающий по сути самопиар. Конкретных примеров этого множество и вряд ли стоит заниматься перечислением таковых, хотя и данная тема может стать предметом интересного исследования.

Задачей настоящего материала является подведение по принципиальным позициям итогов многолетней работы, в основном, коллектива лаборатории исследования проблем молодежи НИИКСИ факультета социологии СПбГУ, первыми в стране (с 1993 года) проведшего серию исследований данной проблематики, а также определение дальнейших действий.

Прежде всего, следует остановиться на определении экстремизма, а точнее на ключевых его составляющих. Наиболее массовой, то есть часто встречающимся, является выделение склонности к крайним действиям и суждениям. Слов нет, кажется, правильно. Но остается открытым вопрос о пределах «крайностей». А также и о том, что понимать под «склонностью». Равно как и то, применительно к каким ситуациям можно дать точную оценку этих «крайностей» и «склонностей». В юридической практике, требующей конкретики, решение находится через перечисление действий, относимых к экстремистским. Но в этом случае, понимание природы экстремизма, что важнее для теоретического его осмысления как бы отходит на второй план.

Решая данную проблему, мы пришли к выводу, что глубинное смысловое понимание должно находиться на первом плане и ни в коем случае не «стираться». Тем более, что многие исходящие (следствия) оста-

ются без соответствующей интерпретации. Но что более существенно, создаются прецеденты для вольных трактовок. Поэтому мы определили суть экстремизма «в превышении пределов допустимого, при наличии злого смысла или умысла».

Из данного определения следует, что превышение пределов допустимого определяется в разных формах силовым воздействием (насилие) на систему устоявшихся и сопряженных с общецивилизационными принципами и тенденциями норм и правил, разрушение которых способно или нанести значительный урон системе, или же разрушить ее вовсе. Конкретные примеры можно обсудить на данной конференции.

Экстремизм – явление однозначно негативное, поэтому зло (в этической трактовке) в явной или скрытой форме всегда остается стержневым, системообразующим его элементом. Отсюда, встречающиеся до сих пор попытки обосновать некие положительные виды экстремизма или же позитивные элементы не более, чем печальное заблуждение. Что же до злого умысла, то определение такового и развернутую интерпретацию можно встретить в уголовном праве.

В современной практике основное внимание уделяется трем разновидностям экстремизма по важности и степени выраженности – этническому, политическому и религиозному. Хотя это довольно условное деление, и эти разновидности могут переплетаться, образуя весьма взрывчатые смеси. Вместе с тем в тени, то есть практически не исследованными, остаются такие разновидности, как экстремизм в межличностном и групповом взаимодействии, гендерный, сексуальный экстремизм, экономический, культурный и другие формы. Тогда как их исследование может дать новый срез проблематики, в том числе и применительно к перечисленным трем основным разновидностям.

Экстремизм – не куст чертополоха, выросший в чистом поле. Как показывает анализ, это побочное и второстепенное, мелкое и зряшное проявление творческой природы человека, его великого стремления к вершинам достижений, к экстремумам проявлений человеческого духа, за которыми начинается нечто новое, ранее неизведанное. Переход же неких, подчас незаметных граней (что блестяще описано в художественной и научной литературе разных эпох) безжалостно отбрасывает ищущего в пропасть зла и обрекает на самоуничтожение как искателя и творца.

Базовой основой экстремизма является агрессия. Будучи предметом психологии, агрессия не является обязательно экстремистски насыщенной. Более того, это необходимая часть жизнедеятельности животного и человеческого мира. Но очевидно, что экстремизм всегда имеет агрес-

сивную составляющую. А инструментом его проявлений обязательно выступает насилие.

Экстремизм отличается от большинства видов насилия своей идеологичностью. Реже в его основе лежат более или менее целостные идейные концепты (что, в основном, характерно применительно к деятельности организованных систем, претендующих на масштабность и значительную результативность). Но применительно к действиям небольших групп чаще приходится встречаться с обрывками отдельных экстремистских идей или с полной, зачастую лишенной всяческой логики, окрошкой из таковых.

Исследования позволили получить основные параметры личности экстремиста, что немаловажно для конкретной работы. К ним относятся, во-первых, выраженная прямолинейность, стремление идти к цели кратчайшим путем. Во-вторых, предпочтение силовых (насильственных) способов всем остальным. В-третьих, неспособность к консенсусу. В-четвертых, нечувствительность к боли, переживаниям других людей. Наконец, в-пятых, с большой долей принятие формулы «цель оправдывает средства». Конечно, у разных людей комбинация и выраженность этих признаков различна, что указывает на особое место индивидуального подхода как в оценке человека и его действий, так и в профилактической работе.

Экстремизм воспроизводится как социальной действительностью, так и психологическими и биологическим факторами, и поэтому неуничтожим. Однако, подвержен профилактическому воздействию. А значит можно говорить о сокращении как ареала экстремизма, так и его выраженности. Исследования показали довольно высокую распространенность экстремистских стереотипов в сознании молодежи. Правда, одновременно большая часть молодежи не склонна к экстремистским формам поведения и осуждают экстремизм, а особенно его крайнюю форму – терроризм. Растет и уровень адекватности молодых людей в отношении действий, которые следует предпринять им лично в критической ситуации, как-то встреча с террористом, критическое отношение к экстремистской пропаганде и т.д. В этом плане мы не склонны рассматривать молодежь как резерв экстремизма. Но следует помнить, что те полтора-три процента, которые являются носителями экстремистских идей и действий, способны вовлечь в свою орбиту до пятнадцати процентов молодежи, которая по разным основаниям может быть отнесена к группе подверженных воздействиям.

Следует также учитывать роль и значение социальных сетей, способствующих не только сплочению единомышленников, но и быстрым действиям довольно больших групп молодежи, в чем мы уже имели возможность неоднократно убедиться.

Профилактика экстремизма в современной России ведется крайне неудовлетворительно. Не определены действия по уровням: глобальном, в масштабе страны, региона, населенного пункта, наконец, на групповом уровне. Односторонний крен в толерантность выводит на ложные пути. Просвещенческий характер действий весьма ограничен по эффективности, хотя и необходим. В значительной степени открытым остается вопрос о возможностях развития молодежи, ее востребованности государством и обществом.

**АГРЕССИВНОСТЬ ЛИЧНОСТИ КАК ДЕФИЦИТ
ЕЁ САМОРЕАЛИЗАЦИИ
AGGRESSION OF A PERSON AS A DEFICIT
OF HIS SELF-REALIZATION**

Т.З. Козлова

Институт социологии РАН

T.Z. Kozlova

Institute of Sociology, RAS

Самореализация человека – смысл его жизни. Отсутствие работы или неудовлетворённость ею влияют на уровень самореализации. Низкая самореализация – источник депрессии и агрессивности человека.

For a person, self-realization is his life's purpose. Lack of employment or dissatisfaction in work affects his self-realization. Low level of self-realization is a source of depression and aggression in a person.

Ключевые слова: самореализация, смысл жизни, личность, безработица, удовлетворённость, агрессивность

Keywords: self-realization, purpose of life, personality, unemployment, satisfaction, aggression

Самореализация – главная цель всей жизни человека. «Основная ценностная характеристика жизни связана с потребностью личности в самовыражении, самореализации, самоосуществления в формах жизни. Потребность самовыражения, принимающая формы конкретных притязаний и мотивов, проявляется в такой организации жизни, которая ведёт

к самореализации личности»[1]. Согласно А.Маслоу, высшей потребностью личности является потребность в самоактуализации. Человек должен стать тем, что ему дала природа, т.е. реализовать свои способности, развившиеся на основании врождённых задатков. (Абрахам Маслоу, 2003).

Смысл жизни состоит в самореализации, самоактуализации человека. Жизненный путь его – непрерывная цепь этапов самореализации.

Основные сферы самореализации – профессия (работа) и семья. Естественно, эти сферы тесно взаимосвязаны. Если нет удовлетворённости (самореализации) в одной из них, то это обстоятельство негативно скажется на другой сфере.

Отечественные исследователи самочувствия граждан страны уже в 90-е годы XX в. отмечали, что проблема самореализации «стала проблемой повседневного существования практически всего взрослого населения России»[2].

Современные учёные обращают внимание на особенности самореализации россиян в настоящее время. Эти особенности заключаются в том, что в перестроечные и в постперестроечные периоды у россиян возникли препятствия на пути самореализации. Эти препятствия связаны с разрушением мотивации у большей части (трети) работающего населения России. Именно эти россияне, работающие в бюджетных организациях, не чувствуют, что они нужны своему обществу и государству. Отсутствует продуктивный подход государства к использованию специалистов в разных областях. Профессионалы работают зачастую не по своей специальности, получая небольшую зарплату. Это обстоятельство, несомненно, их унижает. Специалисты ищут разные выходы из создавшейся ситуации, чтобы себя реализовать: кто-то уезжает из России, некоторые начинают протестовать (забастовки научных работников и др.). У кого-то начинается депрессия, они начинают пить (Р.А.Зобов, В.Н.Келасьев, 2008).

Гораздо сложнее обстоит дело с самореализацией у людей, которые вообще не имеют работы. Говоря о безработице и связанным с ней плохим материальным положением семей, нужно отметить, что в некоторых регионах люди не работают в связи с отсутствием работы. Сравнение уровня безработицы в двух регионах Центрального Федерального Округа показало, что если в Москве уровень безработицы в 2010 г. составил 1,76% , то в Иваново – 7,6% (Росстат, 2011).

С нашей точки зрения, отсутствие работы у родителей в семье (особенно у мужчин) ведёт к их низкой самореализации, низкой самооцен-

ке¹. Вслед за этим к раздражительности. Человек не может понять, откуда у него возникает агрессия. На кого он, прежде всего, её может направить? На людей незащищённых, ближе к нему находящихся (жена, дети). Данные по всему массиву нашего исследования² свидетельствуют, что 5,8% респондентов били своих детей за какие-то проступки. Это средний показатель по всем исследуемым регионам. Отклонением от такого показателя является город Иваново, там 9,1% респондентов били своих детей. Иваново - это город с неблагоприятной демографической ситуацией. Здесь (в силу специфики производства, которому требовался в основном женский труд) всегда была диспропорция в соотношении мужчин и женщин. Кроме того, в Иваново – неблагоприятная и социально-экономическая ситуация. Сравнение уровня безработицы в двух регионах Центрального Федерального Округа показало, что если в Москве уровень безработицы в 2010 г. составил 1,76% , то в Иваново – 7,6%. Такая же ситуация с материальным положением жителей этих регионов. Если в Москве среднемесячная номинальная начисленная зарплата в 2010 г. составляла 38410,5 руб., то в Иваново – 13123,3 руб. (Росстат, 2011).

Жителям Иваново всегда жилось труднее по сравнению не только с Москвой, но и с другими регионами. Наше исследование показало, что в этом городе было больше неблагоприятных семей. Женщины по сравнению с другими регионами чаще выходили замуж (некоторые по три раза). Это обстоятельство объясняется тем, что если женщину не устраивал муж (безработный, алкоголик, хулиган), то она, не пережив побоев мужа, взяв ребёнка от первого мужа, уходила к другому мужу. Затем к третьему. Ситуация повторялась. Наше исследование показало, что по сравнению с другими регионами во многих семьях Иваново большее число детей (по три ребёнка). Но в этом же городе матери, лишаясь родительских прав, оставляют по два или три ребёнка сиротами (в Москве – по одному), не всегда точно зная, кто их отец. В интервью, которое мы проводили в городе Иваново, одна из бабушек-опекунов рассказала следующее: *« Моя дочь первый раз вышла замуж и привела мужа к нам. Он нигде не работал. Родилась моя внучка. Отец внучки пил, а в пьяном*

¹ Ранее автором была установлена тесная прямая связь между самооценкой личности и её самореализацией.

² Автор этого материала провела в 2009 г. социологическое исследование среди опекунов в восьми регионах России.

состоянии лез драться. Я выгнала первого мужа дочери. Она привела другого мужа. Он тоже пил. Не работал. При этих двух мужьях моя дочь много работала. В 30 лет она умерла на работе. Её дочь осталась сиротой». Рассказы такого рода можно продолжать.

Известно, сколько женщин в нашей стране сидят в тюрьмах из-за того, что убили своего мужа. Почему? Как говорится в народе, «довёл до белого каления». Они стремились защитить своих детей, себя от ярости мужа, отца семейства.

Учёные, изучающие проблемы насилия в семье (Я.И.Гишинский, 2004; М.В.Сапоровская, 2005; и др.). видят причину физического насилия в семье в комплексах родителей, которые пришли с ними из детства. Известно, что молодые люди, создав свою семью, во многом повторяют сценарий родительской семьи (М.В.Вдовина, 2009). Поэтому, если дети в родительской семье подвергались унижению и насилию, то они могут перенести образцы своего поведения в свою будущую семью. С этим положением нельзя не согласиться. Вместе с тем, когда здоровым молодым мужчинам негде работать (как в Иваново и других регионах), что остаётся делать? Ехать по стране искать работу (в этом случае есть риск распада семьи) или свою неудовлетворённость искать на дне бутылки. В пьяном состоянии человек теряет контроль за своим поведением. В своём желании как-то утвердить себя он унижает других, избивает более слабых, близких ему людей.

Мы согласны с точкой зрения тех исследователей[3], которые считают, что только распушенные люди при неудовлетворённости профессией (отсутствием работы) или другими сторонами жизни позволяют избивать своих детей.

В настоящее время проблема трудоустройства граждан, сокращение безработицы является одной из приоритетных задач руководства страны, регионов.

Литература

1. Абульханова К.А. , Березина Т.Н. Время личности и время жизни. СПб., Алетейя, 2001. С. 24.
2. Косова Л.В. «Человек советский» – возможность типологии // Экономические и социальные перемены. Информационный бюллетень. ВЦИОМ. 1997. № 2. С. 18.
3. Закирова В.П. Развод и насилие в семье – феномен семейного неблагополучия // Социс. 2002. № 12. С. 131–133.

**ВЗАИМОСВЯЗЬ ПРИРОДНЫХ
И СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ФАКТОРОВ НАСИЛИЯ**
**INTERRELATION OF NATURAL AND SOCIOCULTURAL
FACTORS OF VIOLENCE**

А.В. Меренков
Уральский федеральный университет
A.V. Merenkov
Ural federal university

Анализируется система взаимодействия природных и социокультурных факторов, определяющих возможность насилия со стороны личности. Определяются условия профилактики насилия и снижения возможности рецидивов в его проявлении.

Article is devoted to the analysis of system of interaction of the natural and socio-cultural factors defining possibility of violence from the personality. Conditions of prevention of violence and decrease in possibility of recurrence in its manifestation are defined.

Ключевые слова: насилие, природные факторы насилия, культура и насилие.
Keywords: violence, natural factors of violence, culture and violence.

Традиционное рассмотрение насилия, выражающегося в различных формах преступной деятельности, обычно осуществляется путем поиска причин его возникновения в семейном воспитании, недостатках школьного образования, «дурного» влияния улицы, некоторых телепередач, фильмов и т.п. Однако, несмотря на неоднократные указания на недостатки организации общественной жизни, социализации подрастающего поколения, насилие в разнообразной форме, со стороны различных социальных субъектов сохраняется, и даже отмечается его рост не только в нашей стране. Нет государства, в котором бы не существовало в явной или скрытой форме насилие по отношению взрослых к детям, мужа к жене, начальника к отдельным подчиненным, власти к народу. Если учитывать еще и войны, которые всегда где-нибудь велись, то насилие является чуть ли не естественной формой человеческой жизни.

Если оно представляет собой устойчивое для истории и современности явление, то причины его кроются глубже, чем принято выделять. Недостаточно указывать только на роль ограниченности культуры тех, что демонстрирует насилие, следует искать основу, первопричину такой деятельности социальных субъектов. Нередко при анализе культурных

феноменов исследователями не учитывается, что всякое явление культуры вторично по отношению к природе. Человек преобразует мир, исходя из физических, химических, биологических свойств того материала, с которым имеет дело. Созданный человеческими руками предмет есть не что иное, как воплощение в реальности того, что природа в целом предусмотрела, но не сделала, так как она по-своему создает предметы, явления неживого и живого мира.

Сама преобразовательная деятельность человека выступает как реализация заложенных в нем природой возможностей познания и изменения окружающего мира, исходя из постоянно возрастающих потребностей. При этом у каждого человека заложена на генетическом уровне предрасположенность ко всем видам чувственно-эмоциональных переживаний, мыслительных действий, форм поведения, освоения тех или иных требований социума. Эта предрасположенность является *материальной основой* тех новых знаний, умений, которые развиваются у личности под влиянием культуры. На пустом месте, как известно, никогда ничего не возникает. Поэтому при поиске людей, которые бы могли на высоком уровне осуществлять какие-то действия, всегда идет отбор по определенным физическим, психическим параметрам. Все понимают, что талантливых людей воспитанием, даже самым совершенным, не сформируешь, надо учитывать роль природных факторов. Однако этот подход не применяется или используется крайне ограниченно, когда анализируются отклонения в поведении отдельных индивидов.

Считается, хотя этого никто и никогда не доказал, что абсолютно все люди могут освоить базовые моральные, правовые нормы. Будто бы не должна иметься некая предрасположенность к тому, чтобы быть милосердным, честным, принципиальным, совестливым, трудолюбивым, не способным издеваться над другими и т.п. Факты реальной жизни постоянно доказывают, что одних людей очень легко и быстро можно приучать к совершению добрых поступков, сочувствию, готовности оказать помощь, а другим необходимо сотни раз напоминать о важности этих норм, а результаты будут мизерными.

Поэтому при анализе насилия следует попытаться выяснить те природные и социокультурные факторы, которые влияют на его содержание, способы, частоту и многообразие проявления. Человек, как уже доказано исследованием его генома, сохраняет в себе все те гены, а, следовательно, программы их реализации, которые существуют у организмов, находящихся на более низких ступенях эволюции животного мира. У животных, включая наших ближайших родственников, насилие

является обычным явлением. Оно проявляется в трех типичных ситуациях. Во-первых, при добыче пищи, когда приходится уничтожать то, что поедается. Во-вторых, при защите себя и жизни сородичей. В-третьих, при утверждении власти по отношению к более слабым, а также самкам, детенышам.

Человек, как показывает история, демонстрирует почти в чистом виде эти же формы насилия в ситуации голода, защиты себя от врагов, желания установить свою власть. Только люди существенно усовершенствовали те методы принуждения, которые они наследуют от «братьев меньших». Вся история представляет собой постоянное создание все более и более совершенных орудий уничтожения. Только уже не для добычи пищи, как это когда-то делалось охотниками, а для отнятия ресурсов у тех, кто ими обладает. Великим явлением именно культуры, а не природы, является широкое использование насилия по отношению к своим соплеменникам. При этом чаще всего калечат, уничтожают не ради выживания, не в процессе самозащиты, а для утверждения своей власти. Именно этот, часто скрытый и от самих преступников мотив, движет ими, когда они издеваются над детьми, женщинами, инвалидами, просто более слабыми, над подчиненными, если являются их руководителями.

Эти люди обычно не испытывают голода, защищать себя им не нужно. Что еще может ими двигать, когда они используют ту или иную форму насилия? Оказывается ничто другое, кроме жажды превосходства над другими, ими не движет. Она заложена у них на генетическом уровне и чаще всего проявлялась уже в детстве, когда они пытались командовать родителями, сверстниками, всячески отвергали те нормы поведения, которые должны быть приятны всеми. Только на такое поведение не обращают внимания те, кто должен был заниматься воспитанием в семье, дошкольном учреждении, в школе. Склонность к насилию существует у всех, кто страдает *гордыней*, справедливо называемой самым страшным пороком человека. С проявлением этого качества раньше активно боролись в процессе нравственного воспитания, а в наше время, фактически, перестали. Природная предрасположенность к насилию реализуется, когда с помощью культуры не только не останавливают ее реализацию, а, наоборот, поощряют.

Если выделять природные факторы возникновения насилия, то появляется возможность не только эффективной профилактики, но и подавления склонности к его совершению теми, кто уже хотя бы раз поступил аморально, нарушил закон. Так, например, насилие для получения ма-

териальных преимуществ путем завладения чужой собственностью возникает у людей, не склонных к честному труду. Следовательно, во-первых, нужно приучать их работать для других, только своим трудом обеспечивая личный комфорт. Во-вторых, тех, кто украл, присвоил чужое, в частности, с помощью взятки, следует, видимо, заставлять бесплатно обрабатывать то время, которое уходит на создание присвоенного, а не просто оплачивать его стоимость. Пока не выработается *привычка к честному труду*, такие люди будут в будущем совершать преступление. Это единственный показатель, указывающий на исправление вора.

Тех, кто склонен проявлять насилие ради власти, еще в детстве демонстрируют желание командовать. Поэтому нужно устанавливать, во-первых, особый контроль общения с разными людьми. Если в нем проявляется желание приказывать, то требуется активное перевоспитание. Во-вторых, приучать к равному с другими труду, получению каких-либо благ. В-третьих, формировать негативное отношение к имеющейся у них *гордыне*, проявляющейся в самоуверенности, чувстве превосходства, переходящего в презрение к окружающим. Иначе такие люди когда-нибудь обязательно проявят не только психологические, но и физическое насилие по отношению к более слабым. Также следует отстранять таких людей от какой-либо власти на тот срок, пока не исчезнет чувство превосходства над другими.

Очень важно учитывать склонность к проявлению власти над определенными категориями людей. Тех, кто хотя бы периодически проявляет психологическое насилие над женщиной, детьми в семье, во-первых, требуется обучать *состраданию* ко всем людям, более слабым физически, ставя в ситуацию заботы о них. Пока человек не почувствует чужую боль, он не изменит свою установку на насилие, которая у него часто существует на уровне подсознания. Во-вторых, при совершении преступлений над слабыми, зависимыми людьми необходимо до тех пор держать преступника в изоляции, пока у него не возникнут установки, связанные с заботой о них.

В настоящее время преступников выпускают из тюрьмы не на основе четких доказательств изменения их сознания и возможного поведения на свободе, а с окончанием срока наказания. До сих пор существует во всем мире система наказаний, основанная на ложных представлениях о том, что сама по себе временная изоляция меняет человека. Жизнь опровергает это заблуждение. Такое может произойти только после глубокой *самостоятельной* переоценки индивидом своих жизненных

ценностей. Поэтому должна быть создана в местах заключения система побуждения личности к *самовоспитанию*. Ничто иное не помогает людям становиться другими. Изоляция от общества должна продолжаться до тех пор, пока методами тестирования, включая использование полиграфа, или другими способами человек *не докажет* наличия у него нового умения, связанного с *самостоятельным подавлением природных склонностей к асоциальному поведению*. Поэтому судом должен определяться не окончательный срок пребывания в тюрьме, а тот, который дается на предполагаемую перестройку сознания и подсознания преступника. В конечном счете, пребывание в местах заключения определяет он сам не путем демонстрации так называемого «примерного» поведения, как это происходит сейчас, а результатами специальной проверки *степени сохранения склонностей* к нарушению конкретной нормы закона. Может кто-то останется в тюрьме на всю жизнь, но это будет его выбор, его слабость.

Методы проверки готовности к соблюдению конкретных норм права должны стать предметом научных исследований на основе изучения теории детерминации человеческой деятельности. Качественно иной подход в трактовке взаимосвязи природных и социокультурных факторов совершения насилия позволяет выделить самовоспитание, перепрограммирование подсознания как важнейшие средство культуры для преобразования природы конкретной личности. Социум будет до тех пор иметь рецидивистов, пока не перейдет на иную систему взаимодействия с теми, кто совершил насилие, нарушив закон.

К тому же следует учитывать влияние на личность и такого социокультурного фактора, как совершение насилия самой властью. Если какое-то государство силой заставляет принять свои идеалы в результате военных действий, то отдельный преступник всегда найдет себе оправдание. Когда органы власти внутри страны допускают насилие над гражданами, они провоцируют аналогичные действия собственного населения. Необходимо менять как систему взаимодействия государства с населением, так и людей друг с другом.

**ОБ ОРГАНИЗАЦИИ РАБОТЫ ПО ПРОФИЛАКТИКЕ НАСИЛИЯ
И ЖЕСТОКОГО ОБРАЩЕНИЯ В ОТНОШЕНИИ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ
ORGANIZATIONS OF WORK AGAINST VIOLENCE AND CHILD
ABUSE PREVENTION IN THE REGION OF NIZHNY NOVGOROD**

М.А. Николаева

Министерство социальной политики Нижегородской области

М.А. Nikolayeva

Ministry of Social policy of the region of Nizhny Novgorod

В Нижегородской области в последние годы наблюдается динамика снижения количества преступных посягательств в отношении несовершеннолетних.

In the Region of Nizhny Novgorod in the past years is registered a decreasing dynamics of crimes against children.

Ключевые слова: преступления, в отношении несовершеннолетних; законодательство; профилактика; насилие над детьми; модель межведомственного взаимодействия.

Keywords: crimes against children, legislation, prevention, violence against children, inter-agency cooperation.

*Количество преступлений, совершенных в отношении детей
в Нижегородской области (данные ГУ МВД России
по Нижегородской области)*

Наименование позиций	2008	2009	2010	2011	В % к 2010 г.
Количество преступлений, совершенных в отношении детей, всего	2578	2546	2217	1661	-25 %
Количество совершенных в отношении детей преступлений, сопряженных с насильственными действиями	1373	1520	1221	993	-18,7%
Количество преступлений сексуального характера, совершенных в отношении детей	135	444	283	116	-59,4%

Преступления, совершённые в отношении несовершеннолетних

Наименование позиций	2010	2011	%
Всего совершено преступлений в отношении несовершеннолетних	2202	1661	-24,6

Окончание табл.

Наименование позиций	2010	2011	%
Сопряженных с насильственными действиями	1159	993	-14,3
Убийства (ст. 105 УК РФ)	5	7	+40,0
Причинение тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК РФ)	12	11	-8,3
Лёгкий вред здоровью, побои (ст.ст. 115-116 УК РФ)	453	509	+12,4
Преступления против половой неприкосновенности (ст.ст. 131-135 УК РФ)	283	220	-22,3
Кражи (ст. 158 УК РФ)	392	212	-45,9
Мошенничество (ст. 159 УК РФ)	74	54	-27,0
Грабежи (ст. 161 УК РФ)	359	157	-56,3
Разбои (ст. 162 УК РФ)	21	9	-57,1
Хулиганства (ст. 213 УК РФ)	4	5	25,0
Нарушение правил дорожного движения (ст. 264 УК РФ)	65	45	-30,8

За 2011 год, по данным Информационный центр (ИЦ) ГУ МВД России по Нижегородской области, признано потерпевшими от преступных посягательств 1661 (2010 г. – 2217) несовершеннолетних, в том числе 993 (2012 г. – 1159) сопряжены с насильственными действиями, 116 (2010 г. – 283) – от посягательств против половой неприкосновенности и половой свободы личности.

Сегодня государственным структурам, полиции, общественным формированиям особенно важно осознать, что работа по профилактике насилия и жестокого обращения с детьми – это не пиар-кампания, не дань моде, не разовые акции или раскручивание негативных историй для любознательной публики. Предотвращение и профилактика всех форм жестокого обращения с детьми и профессиональная работа междисциплинарной команды специалистов с ребенком, пострадавшим от насилия, – это важнейшие элементы целостной системы защиты прав и законных интересов несовершеннолетних.

Данная работа основывается на международных и федеральных *базовых документах*, обеспечивающих защиту прав и законных интересов детей: Конвенции о правах ребенка, Семейном кодексе РФ, а также федеральных законах «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации».

В Нижегородской области в целях совершенствования правового механизма дополнительно приняты региональные нормативные право-

вые акты по развитию системы защиты детей, обеспечению их физической и социальной безопасности:

– Закон «Об ограничении пребывания детей в общественных местах на территории Нижегородской области», в соответствии с которым детям, не достигшим 16 лет, запрещается в ночное время находиться в общественных местах, а также запрещается допуск детей, не достигших 18 лет, на объекты, реализующие алкогольную продукцию, товары сексуального характера, и иные места, нахождение в которых может причинить вред здоровью детей и их развитию. Определены административные меры для родителей/законных представителей детей, должностных и юридических лиц в случаях нарушения данного закона. Каждым органом местного самоуправления установлен перечень объектов с ограничением пребывания детей.

– Нижегородская область – один из первых регионов, который утвердил областным Правительством «Положение об отобрании детей в случае непосредственной угрозы их жизни и здоровью (в соответствии со ст.77 Семейного кодекса Российской Федерации)». Этот документ имеет важное практическое значение, способствует оперативному и четкому реагированию соответствующих уполномоченных органов на ситуации, когда есть вероятность угрозы жизни или здоровью ребенка.

Безусловным приоритетом нашей работы является *профилактика*. Прежде всего – пропаганда семьи, семейных ценностей, укрепление детско-родительских отношений. Во-вторых, формирование активной гражданской позиции населения в отношении защиты детей от всех форм насилия, своевременное выявление фактов нарушения права ребенка на безопасность. В-третьих, межведомственная работа с семьями «группы риска» по оказанию комплексной помощи детям и подросткам, подвергшимся жестокому обращению. И, наконец, так называемые «силовые методы» обеспечения безопасности детей – выявление и устранение причин и условий, приводящих к нарушению прав и законных интересов несовершеннолетних, от разъяснительных административных мер – до отобрания ребенка у родителей/законных представителей.

Одной из важнейших задач системы профилактики насилия является организация *своевременного выявления детей, подвергшихся насилию*, либо детей из семей «группы риска», которая осуществляется в школах, при первичных осмотрах на приемах в детских поликлиниках, при посещении медицинского персонала ребенка на дому, а также при поступлении в стационарные отделения больниц, специализированные социальные учреждения для детей, находящихся в трудной жизненной ситуации.

В решении задач защиты прав несовершеннолетних очень важно четкое разграничение функций органов государственной власти, местного самоуправления, учреждений и организаций – субъектов профилактики, но при обязательном условии их тесного взаимодействия. Только в этом случае будет обеспечена результативность работы как на уровне принятия решений, так и при непосредственной помощи пострадавшим детям. Межведомственную координацию органов, учреждений и организаций осуществляют комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав.

С целью совершенствования механизма защиты прав несовершеннолетних в Нижегородской области разработана и реализуется *модель межведомственного взаимодействия* по профилактике и выявлению случаев насилия над детьми. Практически во всех муниципальных районах (городских округах) работают межведомственные рабочие группы по вопросам профилактики жестокого обращения с детьми, а также комиссии, созданные в рамках реализации постановления Правительства Нижегородской области «Об отобрании детей при непосредственной угрозе его жизни или здоровью». Утверждены их регламенты, разработаны протоколы действий (реагирования) по фактам жестокого обращения с детьми. Сведения о фактах насилия и жестокого обращения с ребенком передаются в органы опеки и попечительства, ОВД, КДНиЗП для постановки на учет и дальнейшего динамического наблюдения за ребенком и условиями его проживания. С семьей проводится индивидуальная профилактическая работа, осуществляется социальный патронаж. Наблюдение осуществляется во взаимодействии с органами опеки и попечительства, социальными педагогами образовательных и социальных учреждений, сотрудниками ПДН ОВД и комиссий по делам несовершеннолетних.

Данные комиссии принимают решения о вмешательстве в неблагоприятную семейную ситуацию и определяют необходимость временно помещения ребенка в специализированное учреждение, осуществляющее социальную реабилитацию несовершеннолетних, либо учреждение здравоохранения, оказывающее первоочередную медицинскую помощь пострадавшему ребенку. Ключевую роль в деятельности этих комиссий играют специалисты по охране детства, реализующие полномочия по опеке и попечительству несовершеннолетних.

Для решения вопросов повышения уровня безопасности детей, укрепления престижа семьи и родительства реализуется *комплекс межведомственных областных программ*: «Нижегородская семья» и «Профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в Нижегородской области», «Под защитой семьи», «Точка возврата».

На базе Консультативно-диагностического центра по охране психического здоровья детей и подростков реализуется социально-профилактическая программа «Зрелое родительство», направленная на развитие основ семейного воспитания, укрепление детско-родительских отношений, профилактику жестокого обращения с детьми в семье. Мероприятия программы обеспечивают создание оптимальных условий для сохранения ребёнка в семье, позитивные сценарии семейного воспитания и развития ребёнка, становление родительской компетенции, формирование у родителей разумного, грамотного и гуманного подхода к воспитанию своих детей.

В Центре социальной помощи семье и детям г. Арзамаса проводятся занятия по программе социальной коррекции «Поверь в себя» для мужчин-инициаторов насилия или жестокого обращения. Занятия проходят на базе спецприемника управления внутренних дел г. Арзамаса для лиц, ставших инициаторами насилия и задержанных в административном порядке. У мужчин появляется возможность проанализировать свои поступки, приобрести навыки ненасильственного поведения. Большинство участников программы хотели бы научиться управлять своими эмоциями, изменить свои отношения с членами семьи. Основные принципы построения программы способствуют использованию не обвинительно-карательных методов воздействия на обидчиков, а гуманистического подхода к данной категории лиц.

Социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних «Вера» Московского района г. Нижнего Новгорода реализует программу «Детство без слез», направленную на социально-психологическую помощь детям, склонным к употреблению алкоголя и психоактивных веществ. Занятия проводятся совместно со специалистами областного наркологического диспансера.

В Социально-реабилитационном центре для несовершеннолетних «Улыбка» Автозаводского района г. Нижнего Новгорода открыто специализированное стационарное отделение на 14 мест для оказания комплексной социальной помощи детям-жертвам насилия. Разработана и апробируется социально-реабилитационная программа «ВВВ» или «Верить в себя! Верить в людей! Верить в добро!». В 2011 году 49 детей, пострадавших от насилия и жестокого обращения, прошли курс социально-психологической реабилитации.

В санаторно-оздоровительном центре для несовершеннолетних «Золотой колос» (Арзамасский район) проведены профильные смены для детей, пострадавших от насилия или жестокого обращения – «Школа

бесстрашного детства». Весь комплекс разработанных восстановительных медико-психологических и социально-педагогических мероприятий ориентирован на целевую группу, включающую в себя детей, подвергшихся любым видам насилия; из семей, где родители лишены родительских прав в связи с жестоким обращением с детьми; из семей «группы риска» по пренебрежению нуждами детей и жестокому обращению с ними; из неблагополучных семей; пострадавших от преступных посягательств; детей, состоящих на различных формах профилактического учета.

Важное направление программы «Бесстрашное детство» – обучение и повышение профессиональной компетенции специалистов системы профилактики. В 2011 году проведено более 20 обучающих мероприятий для различных категорий специалистов. Обучение проводилось областным ресурсным (методическим) центром, созданным на базе Центра социальной помощи семье и детям г. Арзамаса, а также НРЦ «Детство без насилия и жестокости».

Нижегородским институтом развития образования в 2011 году разработана программа специализированных курсов повышения квалификации педагогических работников: «Социально-педагогическая работа по профилактике и помощи в случаях насилия над детьми». Данные вопросы включены в надпредметный блок курсов повышения квалификации заместителей директоров по воспитательной работе, социальных педагогов, педагогов-психологов, классных руководителей.

С 2010 года в Нижегородской области получила развитие система экстренной психологической помощи семьям и детям. Между Правительством Нижегородской области и Фондом поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, было подписано соглашение об обеспечении деятельности на территории области *детского телефона доверия* с единым общероссийским телефонным номером (8-800-2000-122), работающего на базе 4-х государственных учреждений. Министерством социальной политики разработан и реализуется алгоритм межведомственного взаимодействия между службами детского телефона доверия и органами (учреждениями) системы профилактики. Информация, полученная от консультантов, позволяет оперативно реагировать на выявленные случаи детского неблагополучия или нарушения прав несовершеннолетних. В связи с подключением телефонов доверия к единому общероссийскому номеру, количество звонков значительно возросло. Ежеквартально поступает более 10 тысяч звонков, более половины звонков – детские обращения.

Одним из важных элементов системы защиты прав несовершеннолетних является информационная политика по противодействию жестокому обращению с детьми.

Особое внимание уделяется Интернет-ресурсам как наиболее востребованным современным информационным каналам. В рамках программы «Бесстрашное детство» создан Интернет-сайт «бесстрашное-детство.рф» для детей, родителей и специалистов, работающих в сфере профилактики насилия и жестокого обращения в отношении детей.

Между министерством социальной политики Нижегородской области, министерством информационных технологий, связи и средств массовой информации Нижегородской области и Пресс-службой Правительства Нижегородской области утвержден и реализуется в 2011 году медиаплан информационной кампании по противодействию насилию и жестокому обращению в отношении детей.

Таким образом, в Нижегородской области созданы необходимые организационные и нормативно-правовые условия для оказания помощи детям, подвергшимся насилию, а также организации работы по профилактике жестокого обращения в отношении несовершеннолетних. Эффективность и результат этой работы во многом зависят от слаженной, профессиональной деятельности специалистов на местах, их внимания к каждому отдельному случаю, их компетентных решений по защите прав и законных интересов детей.

Действия органов государственной власти, местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений, некоммерческих общественных организаций должны способствовать реализации приоритетной задачи, поставленной в Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012-2017 годы, утвержденной Указом Президента Российской Федерации 1 июня 2012 года.

**КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
ТЕРРОРИЗМУ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**
**THE CONCEPTUAL BASES OF OPPOSITION TO TERRORISM
IN THE RUSSIAN FEDERATION**

Л.Р. Романовская
*Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского*
L.R. Romanovskaya
Nizhny Novgorod State University after N.I. Lobachevskiy

Исследуются цели, задачи, принципы и правовые основы противодействия терроризму в Российской Федерации.

In the article are investigated the purposes, tasks, principles and lawful bases of opposition to terrorism in the Russian Federation.

Ключевые слова: терроризм, теория государства и права, Россия.

Keywords: terrorism, the theory of state and law, Russia.

Терроризм относится к числу самых опасных явлений современности. Террористические акты приносят массовые человеческие жертвы, влекут разрушение материальных и духовных ценностей, сеют вражду между государствами, провоцируют недоверие и ненависть между социальными, национальными и религиозными группами.

Терроризм характеризуется как явление, имеющее транснациональный характер, угрожающее стабильности во всем мире. Согласно Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, международный и национальный терроризм являются глобальными вызовами современности наряду с политическим и религиозным экстремизмом, национализмом и этническим сепаратизмом[1].

Военной доктриной Российской Федерации распространение международного терроризма, а также противоправная деятельность экстремистских националистических, религиозных, сепаратистских и террористических движений, организаций и структур, направленная на нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации, дестабилизацию внутривнутриполитической обстановки в стране, отнесены к основным угрозам *военной безопасности государства*[2].

В Докладе Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам ООН «Более безопасный мир: наша общая ответственность» говорится: «Терроризм наносит удар по ценностям, которые лежат в основе

Устава Организации Объединенных Наций: уважение прав человека; верховенство права; правила ведения войны, защищающие гражданское население; терпимость между народами и странами и мирное урегулирование конфликтов»[3].

В Стратегии национальной безопасности Соединенных Штатов Америки 2002 г. терроризм квалифицировался как новый вид войн, в связи с чем сама Стратегия в предисловии к ней Президента США была охарактеризована как «военная стратегия национальной безопасности»[4]. Как было заявлено в Стратегии, война против террористов в глобальных масштабах – это глобальный проект с неопределенной продолжительностью.

Методы и практика терроризма представляют собой грубое пренебрежение законом и моралью, препятствуют международному сотрудничеству, ведут к подрыву демократических основ любого государства.

Противодействие терроризму становится в XXI веке одной из основных задач обеспечения национальной безопасности для любой страны вне зависимости от ее географического положения, размеров территории, численности населения, экономического состояния. Существенным компонентом системы эффективного противодействия терроризму является адекватная правовая основа, которая должна развиваться и постоянно совершенствоваться, так как терроризм является не только крайне опасным, но и весьма динамичным явлением.

Акты антитеррористической направленности, принятые в России или ратифицированные ею, в системе источников права относятся к различным отраслям законодательства: это и международное публичное право, и уголовное право, и административное право и др.

Правовую основу общегосударственной системы противодействия терроризму составляют Конституция Российской Федерации, общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации, федеральные конституционные законы, федеральные законы, нормативные правовые акты Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации, Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, Концепция внешней политики Российской Федерации, Военная доктрина Российской Федерации, Концепция противодействия терроризму в РФ, а также нормативные правовые акты Российской Федерации, направленные на совершенствование деятельности в данной области.

Особое значение среди перечисленных актов имеют Федеральный закон от 6 марта 2006 г. N 35-ФЗ «О противодействии терроризму»[5] и

Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации, утвержденная Президентом РФ 5 октября 2009 г.[6]

Суть любой концепции в том, что она определяет стратегию действий, пути решения определенной задачи.

Концепция противодействия терроризму определяет основные принципы государственной политики в области противодействия терроризму в Российской Федерации, цель, задачи и направления дальнейшего развития общегосударственной системы противодействия терроризму в Российской Федерации.

Так, цель противодействия терроризму в Российской Федерации, в соответствии с концепцией, – это защита личности, общества и государства от террористических актов и иных проявлений терроризма.

Основными задачами противодействия терроризму являются:

а) выявление и устранение причин и условий, способствующих возникновению и распространению терроризма;

б) выявление, предупреждение и пресечение действий лиц и организаций, направленных на подготовку и совершение террористических актов и иных преступлений террористического характера;

в) привлечение к ответственности субъектов террористической деятельности в соответствии с законодательством Российской Федерации;

г) поддержание в состоянии постоянной готовности к эффективному использованию сил и средств, предназначенных для выявления, предупреждения, пресечения террористической деятельности, минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма;

д) обеспечение безопасности граждан и антитеррористической защищенности потенциальных объектов террористических посягательств, в том числе критически важных объектов инфраструктуры и жизнеобеспечения, а также мест массового пребывания людей;

е) противодействие распространению идеологии терроризма и активизация работы по информационно-пропагандистскому обеспечению антитеррористических мероприятий.

Федеральный закон от 6 марта 2006 г. N 35-ФЗ «О противодействии терроризму» законодательно установил основные принципы противодействия терроризму в Российской Федерации:

1) обеспечение и защита основных прав и свобод человека и гражданина;

2) законность;

3) приоритет защиты прав и законных интересов лиц, подвергающихся террористической опасности;

4) неотвратимость наказания за осуществление террористической деятельности;

5) системность и комплексное использование политических, информационно-пропагандистских, социально-экономических, правовых, специальных и иных мер противодействия терроризму;

6) сотрудничество государства с общественными и религиозными объединениями, международными и иными организациями, гражданами в противодействии терроризму;

7) приоритет мер предупреждения терроризма;

8) единоначалие в руководстве привлекаемыми силами и средствами при проведении контртеррористических операций;

9) сочетание гласных и негласных методов противодействия терроризму;

10) конфиденциальность сведений о специальных средствах, технических приемах, тактике осуществления мероприятий по борьбе с терроризмом, а также о составе их участников;

11) недопустимость политических уступок террористам;

12) минимизация и (или) ликвидация последствий проявлений терроризма;

13) соразмерность мер противодействия терроризму степени террористической опасности.

Эти принципы являются руководящими началами, лежащими в основе всей антитеррористической деятельности российского государства. Они отражают политические, экономические и социальные закономерности развития российского общества, нравственные и правовые представления о сущности, целях и процедурах противодействия терроризму, а также основные международно-правовые концептуальные подходы к осуществлению антитеррористической деятельности.

Литература

1. Указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. N 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // СЗ РФ – 2009 - N 20 - Ст. 2444.

2. Указ Президента Российской Федерации от 5 февраля 2010 г. N 146 «О Военной доктрине Российской Федерации» // СЗ РФ - 2010 - N 7 - Ст. 724.

3. Более безопасный мир: наша общая ответственность. (Доклад Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам) // Юрист-международник. Всероссийский журнал международного права. - М.: Современная экономика и право, 2005, № 1. - С. 24-38.

4. National Security Council. The National Security Strategy of the United States of America. Washington, DC: US Government Printing Office, 2002.
5. Федеральный закон от 6 марта 2006 г. N 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (в ред. от 8 ноября 2011 г.) // СЗ РФ – 2006 - N 11 - Ст. 1146.
6. Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 05.10.2009)// «Российская газета», № 198, 20.10.2009.

НАСИЛИЕ В ПОДРОСТКОВОЙ СРЕДЕ VIOLENCE IN TEENAGE ENVIRONMENT

З.Х. Саралиева
*Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского*
С.С. Балабанов
Филиал Приволжского института социологии РАН
Z.H. Saralievа
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
S.S. Balabanov
Sociological Institute of Russian Academy of Sciences. Volga Branch

На материалах социологического исследования, проведенного кафедрой общей социологии и социальной работы ФСН ННГУ им. Н.И. Лобачевского, анализируются проблемы распространенности и многообразия видов насилия в школах Нижнего Новгорода.

Basing on the survey conducted by the department of general sociology and social work are analyzed problems of violence dissemination at schools in Nizhny Novgorod.

Ключевые слова: насилие; виды школьного буллинга; типичные черты обидчиков и преследователей; позиция школы и учителей

Keywords: violence, forms of school bullying, typical features of offenders and pursuers, attitudes of school management and teachers

Предпошлем нашим тезисам два высказывания Эриха Фромма:

= «... синдром личности коренится в определенных формах ориентации индивида, демонстрирующих его отношение к внешнему миру и к себе самому, и является главным источником, питающим личность».

= Почему человек боится?

«... Или человеку угрожает более сильный противник, или он пытается справиться со своей собственной внутренней агрессивностью, или он страдает от чувства беспомощности, или страх есть симптом пара-

ной, и много есть других факторов, которыми можно объяснить синдром страха» [1].

К последнему высказыванию можно поставить другой вопрос: «Почему человек проявляет агрессию, склонен к насилию?» И получим почти такой же перечень симптомов.

На факультете социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского сложилась неплохая традиция: перед ежегодными научно-практическими конференциями проводить социологические исследования по их тематике.

В этом году тема была фактически спущена «сверху»: заявка кафедры на участие в Федеральной целевой программе «Комплексное исследование проблемы насилия в современной российской школе, анализ его социокультурных корней, а также разработка системы мер по предотвращению школьного насилия с использованием ресурсов социальной работы» получила поддержку, и мы провели исследование на тему «Школа: обыденность насилия».

Наши интервьюеры опросили студентов младших курсов, то есть вчерашних школьников, по вопросам насилия в тех школах, которые они заканчивали. Понятно, что о репрезентативности данных такого выборочного исследования речь не идет. Фактически мы имели дело с суждениями наиболее благополучной части бывших выпускников средних школ. Думается, если провести подобный опрос о насилии учащихся ПТУ, техникумах и колледжах, мы получим более тягостную картину распространенности и жестокости насилия в подростковой среде.

Однако есть аргумент в пользу некоторого преимущества опроса студентов. Их лексикон богаче, чем у старшеклассников, события школьной жизни отфильтровались в их памяти. В ней остались действительно значимые события школьной поры, претендующие на номинацию «насилие в подростковой среде».

Мы не считаем, что насилия в школах России становится с каждым годом все больше. Однако становятся выше запросы общества и требования к гуманному отношению к детям и среди детей, появились документы ООН о правах детей и обязательствах государств-членов ООН соблюдать их. В перечне этих документов имеются положения о защите детей от всевозможных видов насилия, в том числе и в системе школьного образования. Строки из недавнего Указа Президента РФ: «Низкий уровень этического, гражданско-патриотического, культурно-эстетического развития различных категорий детей приводит к возникновению в подростковой среде межэтнической и межконфессиональной

напряженности, ксенофобии, к дискриминационному поведению детей и подростков, агрессивности, травле сверстников и другим асоциальным проявлениям» [2].

В англоязычной научной литературе есть обобщающее название всех видов насилия – *буллинг*. Это *умышленное, не носящее характера самозащиты и не санкционированное нормативно-правовыми актами государства длительное (повторяющееся) физическое или психологическое насилие со стороны индивида или группы, которые имеют определенные преимущества (физические, психологические, административные и т.д.) относительно другого индивида и которые происходят преимущественно в организационных коллективах с определенной личной целью* [3].

Остановимся на школьном буллинге. На наш взгляд, школьный буллинг следует разделить на две основные формы:

1). *Физический школьный буллинг* – умышленные толчки, удары, пинки, побои, нанесение иных телесных повреждений и др., а также действия сексуального характера.

2). *Психологический школьный буллинг* – насилие, связанное с действием на психику, наносящее психологическую травму путем словесных оскорблений или угроз, преследование, запугивание, которыми умышленно вызывается эмоциональная неуверенность. Это также обидные прозвища жертвы, распространение грязных слухов и т.д., обидные жесты или действия (например, плевки в сторону жертвы), изоляция (бойкот), вымогательство денег, еды, иных вещей, принуждение что-либо украсть, воровство, повреждение и иные действия с имуществом жертвы. Наконец, ноу-хау в способах насилия – кибербуллинг – унижение с помощью мобильных телефонов и Интернета.

Насилие в школе – в основном латентный для окружающих процесс, но дети, которые подверглись травле, получают психологическую травму различной степени тяжести, что приводит к тяжелым последствиям вплоть до самоубийства. Предотвращение случаев школьного насилия является важнейшей задачей государства, поскольку жестокое отношение к ребенку неминуемо приводит к негативным социальным последствиям.

Существуют, конечно, некоторые трудности и субъективизм в определении того или иного поведения подростков в школе (шутки, розыгрыши, драки, игры, прозвища и т.д.) именно как насилия. Но в этой связи уместно вспомнить теорему У. Томаса, которая гласит: «Если ситуация воспринимается людьми как реальная, она реальна по своим последствиям».

В проведенном нами анкетном опросе участвовало 45 студентов и 150 студенток. Почти все – выпускники школ Н. Новгорода и Нижегородской области.

Наиболее распространенные виды насилия, отмечавшиеся бывшими учащимися в своих школах, в %

	Виды насилия	%
1.	Оскорбления, издевательства одноклассников и старшеклассников	55
2.	Старшеклассники задираются, бьют	24
3.	Обзывают обидными кличками, высмеивают	73
4.	Дразнят, издеваются, занимаются травлей явно и по телефону	23,5
5.	Клеветают, распускают слухи, приписывают позорящие чело- века поведение	41,5
6.	Жестокое обращение и унижение со стороны учителей (учите- ля)	10,5

Самый распространенный вид школьного буллинга, в оценках вы- пускников школ, насмешки и клички, прозвища, стигматизирующие жертву и понижающие самооценку учащихся.

Между мужской и женской частью молодежи нет большой разницы в оценке распространенности тех или иных видов насилия в своих шко- лах. Статистически значимая разница существует только по пункту рас- пространенности клеветы и фактов унижения школьников учителями (последний вид насилия указали всего 3% «толстокожих» юношей, но 18% чувствительных к обидам девушек).

При изучении социально-психологического портрета типичных насильников и жертв школьного буллинга мы предпочли задавать от- крытые вопросы и дать волю респондентам в описании насильников и их жертв.

«Кто он, типичный насильник в школе»? По частоте упоминаний (в %)

Социально-психологические черты насильников	Пол	
	Муж.	Жен.
Агрессивный	25	15
Злой, озлобленный на все и вся	14	15
Грубый, драчливый, задиристый	30	14
Хам, развязное поведение	22	9
Бесчувственный, холодный	11	2

В анкете был вопрос, какие меры предпринимала дирекция школы и учителя к агрессивным учащимся, которые обижали, терроризировали одноклассников и учащихся младших классов? Треть юношей и половина девушек не только отметили факты противодействия дирекции и учителей школьным хулиганам, но и... их безуспешность: приструненные хулиганы и насильники некоторое время вели себя тихо. Затем все повторялось в прежнем стиле. 55% юношей и 39% девушек заявили, что дирекция и учителя практически не борются с насильниками.

Немногим более половины юношей и две трети девушек могли рассчитывать на школьных друзей в случае попыток насилия, на реальную помощь и защиту от притеснений в школе. Надо отметить, что даже родители примерно у половины юношей и трети девушек были не в курсе насилия над их детьми в школе: последние берегли нервы отцов и матерей, не говорили дома о своих неприятностях в школе, не жаловались им на обиды. Порой жертвы испытывали чувство вины за то, что они стали жертвами буллинга(!)

Хороший индикатор социально-психологического самочувствия учащихся в школе – их ответы на вопрос, «Если бы вернуться к окончанию 9-го класса, то пошли бы вы продолжать учиться в этой школе в 10-ом классе»? Патриотами своей школы оказались 88% юношей и 81% девушек. Остальные предпочли бы учиться в других школах. Понятно, такое решение обусловлено не только, а иногда не столько преследованиями и насилием в своей школе, сколько уровнем преподавания и перспективой получить качественное среднее общее образование в престижной школе и поступить в желаемый вуз.

Опираясь на мнения непосредственных участников школьной жизни, можно сказать, что масштабы насилия в школах Нижегородской области не вызывают тревоги у основной массы участников опроса.

Комментарий по этому поводу может быть таков: ответы на вопросы анкеты не подтверждают эту благозвучность; проявления агрессии и насилия стали обыденностью или они не касались непосредственно наших респондентов.

На открытый вопрос, «Какие меры Вы могли предложить для снижения насилия в школе?» от студентов поступили следующие предложения:

- ужесточение наказаний насильников,
- установка камер видеонаблюдения в школах,
- создание «закрытых» школ,
- уменьшить число учащихся в классах,

- тестирование при приеме в школу,
- привлекать всех к занятиям спортом и т.д.,
- проведение уроков доброты,
- проведение психологических тренингов...

Начатое исследование проблемы насилия в школе, основная часть которого планируется на 2013 год, предполагает опрос школьников, учителей и руководителей школ, родителей, экспертов из системы здравоохранения и правоохранительных органов для комплексной оценки распространенности различных видов буллинга в школах как нарушения прав детей на безопасную жизнедеятельность.

Литература

1. Э. Фромм. Анатомия человеческой деструкции // СОЦИС. – 1993. – № 11. – С. 111, 105.
2. Указ Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012-2017 годы».
3. http://www.rusnauka.com/33_NIEK_2008/Psihologia/37294.doc.htm

НАСИЛИЕ КАК ЭЛЕМЕНТ КУЛЬТУРЫ

**МЕХАНИЗМЫ ВЛИЯНИЯ ПСИХОКУЛЬТОВ
НА СВОИХ ПОТЕНЦИАЛЬНЫХ ЧЛЕНОВ
(НА ПРИМЕРЕ МАТЕРИАЛОВ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ТРЕНИНГ-ЦЕНТРА «СИНТОН»)
MECHANISMS OF PSYCHOCULTS` INFLUENCE
ON THEIR POTENTIAL MEMBERS
(ON AN EXAMPLE OF MATERIALS ABOUT "SINTON"
TRAINING CENTER` ACTIVITY)**

А.В. Абрамова

*Ярославский государственный педагогический университет
им. К.Д. Ушинского*

A.B. Abramova

The Yaroslavl State Pedagogical university of a name of K.D. Ushinsky

Приводятся семь основных тактик манипулятивного воздействия психокультов, разбираемых на примере центра практической психологии «Синтон».

Seven main tactics of manipulative influence of the psychocults assorted on an example of the center of practical psychology "Sinton" are given in the article.

Ключевые слова: психокульт, манипуляции, «Синтон».

Keywords: psychocult, manipulations, "Sinton".

В современном российском обществе особенно актуальна проблема манипулятивного воздействия на личность со стороны организаций, которых называют психокультами. Психокульт – это коммерческая структура, оказывающие психологические услуги (как правило, в форме тренингов) и использующая методы привлечения и удержания клиентов, признаваемые психологическим сообществом нездоровыми и опасными для психики. Деятельность психокультов носит манипулятивный характер. Согласно одному из определений, манипуляция — это вид социального воздействия, который основан на скрытой эксплуатации социальных стереотипов и ошибок восприятия другого человека и при искусном исполнении которого у мишени воздействия неотрефлексированно возникают мысли, чувства и поступки, не планировавшиеся и не совпадающие с ее актуально существующими желаниями.[1]

Американские социальные психологи Эллиот Аронсон и Энтони Пратканис выделили семь основных тактик воздействия, применяемых для создания и функционирования манипулятивных групп:

1. Создание собственной социальной реальности.
2. Создание групповой парадигмы, которая должна спланировать саму группу при одновременном жестком противопоставлении ее образам внешних враждебных групп.
3. Связывание членов группы обязательством с помощью «западни рационализации».
4. Обеспечение способности лидера или его образа внушать доверие и быть привлекательным.
5. Миссионерская деятельность
6. Отвлечение членов группы от обдумывания «нежелательных» мыслей.
7. Фиксирование воображения членов культа на фантоме (недостижимой цели).[2]

Целью нашего исследования было выявление признаков использования этих тактик в деятельности одного из наиболее популярных российских тренинг-центров – центра практической психологии «Синтон».

Начнём с целей, которые декларирует клуб. Это «личностный рост», «улучшение качества жизни во всех сферах» [3], достижение жизни «сильной и яркой, полной счастья, успеха и свободы, богатой во всех отношениях». Это классический не только для психокультов и сект, но и для любой рекламы, приём фиксирования воображения на фантомах.[4]

Цитата: «Тренинговый центр «Синтон» ставит себе задачу помочь каждому приходящему к нам человеку стать благополучнее, счастливее, здоровее, успешнее, найти свое достойное место в жизни и максимально реализовать свой личностный потенциал.»[5]

На эту же задачу работают и лозунги центра: «Мы соединяем счастье и успех», «Живи по-настоящему»[6]. Последний чётко показывает направленность на создание собственной социальной реальности «настоящей жизни».

Тактика создания групповой парадигмы, спланивающей группу и противопоставляющей её внешней среде, прослеживается в видеообращении создателя и руководителя «Синтона» Николая Козлова, в котором он противопоставляет студентов клуба и людей, которые «неплохо живут, но в силу тех или иных причин не раскрыли свои настоящие возможности».[7]

Из отзывов на сайте мы узнаём, что для привлечения студентов в «Синтоне» используется практика «бомбардировки любовью». Цитата: «Первое, что я возьму с тренинга в свою дальнейшую жизнь — это чувство огромной благодарности к создателю Синтона и автору «Базового тренинга» Николаю Ивановичу Козлову! За атмосферу любви, доброжелательности, доверия, тепла, в которой находились все тренирующиеся и я, в том числе. И вот именно эту атмосферу я хочу взять в свою жизнь. Понимая, что эта атмосфера была создана личностью ведущего, его «солнечностью», его позицией «Ангела».[8]

Анализируя материалы сайты, становится понятно, что в «Синтоне» существует культ личности руководителя центра. На сайте указано, что Николай Иванович Козлов – доктор психологических наук, профессор.[9]

Однако проверка показала, что Высшая аттестационная комиссия Министерства образования и науки не присуждала Козлову Николаю Ивановичу ни учёной степени доктора наук, ни учёного звания профессора.

Сам Козлов позиционирует себя как Учителя с большой буквы, создателя нового психолого-педагогического направления – Синтон-программы, представляющую собой «целостную программу душевного развития и нравственного воспитания, новую форму образовательной и воспитательной среды», которое он противопоставляет существующей системе общего и профессионального образования, говоря о ней как о неэффективной в принципе.[10]

Использование в «Синтоне» тактики, названной Аронсоном и Пратканисом западной рационализации, также можно проследить по материалам сайта: приводится масса причин, которыми студент клуба может объяснить себе и другим, почему лично у него пока не получается стать благополучнее, счастливее, здоровее, успешнее, но обязательно получится и, всем, кто ещё не принимал участие в синтон-программе, непременно стоит записаться на тренинг.

Стоит отметить, что в Интернете довольно много резко негативных отзывов о тренингах, проводимых в центре «Синтон». В частности указывается, что многие практики, используемые в ходе групповой работы, унижают человеческое достоинство. Вот отрывок из отзыва о тренинге «Приход супостата»: «В итоге туфлю поцеловали все. Вошедшие во вкус поцеловали туфлю несколько раз. Причем последним участникам она досталась уже изрядно облупленной и испачканной губной помадой. В конце игры нам прочли лекцию о том, что 22 июня 1941 года

нашим дедам нужно было сдаться на милость "победителя" и не воевать...»[11]

Таким образом, мы сделали следующий вывод: если брать в качестве критерия использования манипулятивных тактик воздействия, то центр практической психологии «Синтон» можно отнести к психокультам.

В заключение хочется сказать, что не стоит однозначно относить центры практической психологии, и в частности «Синтон», к деструктивным организациям, так как названные тактики манипулятивного воздействия характерны далеко не только для сект и психокультиков, а распространены повсеместно: от маркетинговых коммуникаций до управления персоналом.

Литература

1. Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. 3-е изд., испр. и перераб. /СПб.: Речь, 2003. — С. 43-53.
2. Аронсон Э., Пратканис Э. Р. Эпоха пропаганды: Механизмы убеждения, повседневное использование и злоупотребление / СПб. :Прайм-Еврознак, 2002.
3. <http://www.syntone.ru/about/index.html>
4. http://www.syntone.ru/trainings/index.php?cat_id=11
5. <http://www.syntone.ru/about/rights.html>
6. <http://www.syntone.ru/about/index.html>
7. <http://www.syntone.ru/library/video.php?video=49>
8. <http://www.syntone.ru/about/feedbacks.php>
9. http://www.syntone.ru/trainers/index.php?trainer_id=1
10. <http://nkozlov.ru/books/s220/d1337/?full=1#.T2Rp5OVixg4>
11. <http://www.iriney.ru/links/sites/rahmanov/www.entheta.ru/synton/index.html>

ИНДИВИДУАЛИЗМ КАК ПРЕДПОСЫЛКА И УСЛОВИЕ СОЦИАЛЬНОГО НАСИЛИЯ INDIVIDUALISM AS A PREMISE AND CONDITION OF SOCIAL VIOLENCE

В.Н. Аргунова

Ивановский государственный университет

V.N. Argunova

Ivanovo State University

На примере эволюции представлений о социальной справедливости рассматривается трансформация социальных взаимоотношений. Обос-

новывается утверждение, что исчезновение единой нравственной основы справедливости, закрепление принципов индивидуализма и нравственного плюрализма привели к ослаблению коллективистских духовных связей, усилению властных и насильственных общественных отношений.

In the article the transformation of social relationships is considered in terms of evolution of conception about social justice. The article substantiates the statement that the disappearance of common moral basis, the consolidation of principle of individualism and the moral pluralism led to weakening of collectivist spiritual connections and intensification of power and forcible social relations.

Ключевые слова: справедливость, социальная справедливость, индивидуализм

Keywords: justice, social justice, individualism

В настоящее время во всем мире, особенно в западном обществе, во всех сферах жизни общества (семейная, экономическая, политическая, культурная жизнь) утвердились разнообразные формы прямого и косвенного (психологического) насилия. Социологический словарь определяет насилие как применение силы или угроза силой каким-либо субъектом (личностью, кликой, группой, сообществом, партией, государством) с целью принуждения людей определенному поведению [1]. Широкое распространение социального насилия свидетельствует не только о наличии объективных предпосылок его распространения, но также о легитимности насильственных форм взаимоотношений.

Что же служит глубинной причиной институализации социального насилия и почему общество соглашается с происходящими социальными трансформациями? На наш взгляд, истоки данного явления следует искать в трансформации «социальной ткани», которая за последние столетия претерпела существенные изменения.

«Социальная ткань», с точки зрения социологии, это взаимоотношения в обществе. Аналогия с тканью позволяет выделить во всем их многообразии определяющие типы, которые существуют во все периоды человеческой истории. Ткань, как известно, образуется переплетением нити, которая движется то по вертикали (утку), то по горизонтали (основе). Вертикаль социальной ткани – это властные отношения, играющие значительную роль в политической и экономической жизни. Горизонталь социальной ткани – это коллективистские, общностные отно-

шения. П.А. Сорокин дает несколько иное название этим социальным осям: вертикальные отношения – это принудительные, антагонистические отношения; горизонтальные – семейственные отношения [2]. «Нить» социальности составляют этические отношения, предполагающие моральную ответственность каждого из участников взаимодействия.

В период, когда происходило формирование социальной ткани современной человеческой цивилизации, для людей было вполне естественным, не требующим доказательств, положение, что все человеческие взаимоотношения имеют единую, моральную сущность. Данное положение можно раскрыть на примере эволюции представлений о социальной справедливости.

В доиндустриальном обществе понятия «справедливость» и «социальная справедливость» не различались. Справедливость рассматривалась как добродетель, моральное качество, которое непременно должно быть у настоящего человека. В эпоху античности справедливость трактуется как добродетель, присущая гражданину, т.е. как морально-политическое качество; она является результатом постоянного разумного поиска меры соотношения личного и общественного интересов.

По мнению Сократа, справедливость – это добродетель, т.е. знание, которое имеет надличностную природу. Справедливость – есть знание о том, как вести себя по отношению к законам (формальным и неформальным). Она является действительным счастьем и действительной пользой для человека.

У Платона связь справедливости с общественными установлениями звучит еще более отчетливо. Индивидуальная этика Платона, которая является этикой самосовершенствования, самовозвышения личности, дополняется у него социальной этикой, в основе которой лежит принцип безусловного подчинения граждан интересам государства. В «Государстве» Платон пишет: «Справедливость, считаем мы, бывает свойственна отдельному человеку, но бывает и целому государству. <...>...так в том, что больше, вероятно, и справедливость принимает большие размеры и легче ее там изучать. Поэтому, если хотите, мы сперва исследуем, что такое справедливость в государствах, а затем точно также рассмотрим ее в отдельном человеке» [3]. Платон признает полное совпадение структур индивидуальной психики, морального сознания и государственного устройства. Государство – это человек больших размеров, и, наоборот, человек – государство малых размеров. Основой единства человека и города-государства является структура

души, характер изначально присущих индивиду способностей. В реальных взаимоотношениях человека и государства Платон отдает приоритет государству, которое в идеальном виде является не просто внешним условием существования индивидов или актуализации сущностных сил индивида, а единственной нравственно организованно формой земного бытия.

Аристотель, развивая учение о добродетелях, говорит, что этика является политической наукой, подчинена политике. Цель политики состоит в том, чтобы обеспечить счастье граждан, такое состояние, которое позволяет им осуществлять разумную сущность. Иными словами, цель политики находится в этической сфере. Более того, добродетельность жизни отдельных граждан, обеспечение условий их счастливой жизни являются благодатной почвой для самой политики. Это означает, что и человек, и государство оказываются субъектами нравственных добродетелей.

Античность заложила традицию рассматривать справедливость как нравственное требование, предъявляемое обществом индивиду. Суть его заключается в следовании моральным традициям и обычаям социума. Справедливость – это добродетель, состоящая в понимании и следовании своему общественному предназначению. Содержание справедливости не имеет конвенционального характера, оно безальтернативно, имплицитно свойственно общественным отношениям. Это значит, что критерии справедливости являются объективными и беспристрастными. Фактически это означает слияние в справедливости индивидуального и социального, морального и правового начал.

С наступлением индустриальной эпохи в западном обществе ситуация изменилась. Окончательное становление частной собственности выдвигает на первый план частные и групповые интересы. Координация социальных взаимоотношений, достижение консенсуса противоположных социальных сил становится политической проблемой, требования справедливости перемещаются в политико-правовую сферу. Ранее единый принцип справедливости дифференцируется. Справедливость как моральный принципы распространяется только на межличностные отношения, а для характеристики социальных отношений появляется термин «социальная справедливость». С этого времени «справедливость» становится неотъемлемой составной частью любой политической идеологии.

Справедливость как единство общественного и индивидуального, морального, политического и правового содержания перестает суще-

ствовать. Критерии справедливости имеют конвенциональное происхождение. Соглашение по вопросу о нравственных требованиях справедливости в идеале должны строиться на разумных основаниях разумных индивидов, заботящихся как о самореализации, так и об общественном благе. В действительности же имела место политизация нравственных критериев справедливости. Появилось множество рационально обоснованных «справедливостей», которые, по сути, отстаивали и защищали не общий, а групповой интерес. Произошла первая подмена общественно-го характера нити социальных отношений.

Другая, более радикальная трансформация происходит в настоящее время, которое называют «постиндустриальным», «постсовременным», «глобальным» и пр. По мнению современных мыслителей, нельзя считать политику универсальным средством воплощения справедливости в действительность. Понятие добродетели как общего блага становится фикцией, и рациональный дискурс невозможен. Основное внимание современных исследователей при обсуждении проблем справедливости и сопряженных с ней проблем равенства привлечено к особенному, гетерогенному, интерпретирующемуся как форма социального равенства. Ж.-Ф. Лиотар считает, что нужно стремиться к достижению локальных консенсусов, временных контрактов по правилам игры, которые потом могут быть расторгнуты[4]. Справедливость предполагает допущение существования всех возможных жизненных практик и дискурсов и предоставление всем участникам социального действия возможностей для презентации и реализации своих жизненных проектов [5]. Подобные идеи развивает Р. Рорти [6]. Он считает, что содержание справедливости должно освободиться от универсальных моральных обязательств и замениться понятием широкой лояльности.

Большинство современных теорий справедливости относятся к концепциям «процедурной» справедливости, обсуждают принципы распределения, разрешения конфликтов в рамках существующих социальных структур (С. Хэмпшир). По сути дела, они создают своего рода «технологии» справедливости, преследующие не достижение единого морального общественного блага, а максимально возможное удовлетворение разнообразных материальных индивидуальных интересов. Современные западные идеи справедливости фактически закрепляют дифференциацию общества на основе нравственных критериев.

В постиндустриальном обществе в представлениях о справедливости на первый план выходят требования признания уникальности, автономности личности. Не общество, не класс, а индивид с его неповторимым

своеобразием должны быть защищены справедливостью. Справедливость как служение человека государству, обществу, Богу утратила свое значение. Теперь справедливость служит эмансипированной личности.

Современная социальная ткань имеет довольно странный вид. Ее основа – горизонтальные взаимоотношения – стала очень рыхлой. Вместо единых «Мы» – узлов образовалась простая сумма «Я». Духовные связи, ранее объединявшие людей в нацию, государство, класс, род, семью и пр., утратили свое значение. Они либо трансформировались в материальные связи, либо подменены клановыми, узкогрупповыми связями. Сама социальная нить – нравственные отношения – объявлена анахронизмом, она сосредоточилась во внутреннем духовном мире изолированных друг от друга индивидов. Это привело к духовной изоляции людей друг от друга. Отсутствие единых моральных требований ко всем людям оборачивается «толерантностью» к тем, кто нарушает этические принципы. Сомнения людей в правоте своих моральных убеждений, требования признать правомерными любые другие моральные нормы делают невозможным нравственное осуждение. Социальная нить, следовательно, «расслоилась», почти растворилась. В этой ситуации неизбежно скрепление социальной ткани осуществляется посредством властных и насильственных отношений. Социальное насилие, как вертикальная нить, «скрутило», «смяло», уменьшило пространство социальной ткани. Это проявляется в фактическом уничтожении разнообразных форм социальных взаимоотношений, основанных на солидарных связях, лишении индивида действительной, духовной свободы. Индивидуализм, который вырос на отрицании служения общему нравственному благу, привел к уничтожению этого императива, фактически санкционировал, легализовал различные формы социального насилия.

Литература

1. Социологическая энциклопедия / Под общ. Ред. А.Н. Данилова. – Мн., 2003. – С.218.
2. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамики. – СПб., 2000. – С.513-520.
3. Платон. Сочинения в 3-х т. – Т.3. – С.144.
4. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. – М.; СПб., 1998. – С. 157-158.
5. Walzer M. Spheres of Justice. A Defense of Pluralism and Equality. New York, 1983; O'Neil Sh. Impartiality in Context: Grounding Justice in Pluralism World. Albany, 1997; Gabel P. Affirmative action and racial harmony // Tikkun, 1995, May – June. V.10. №3; Eisenberg A. I. Pluralism, Justice, and Equality: book reviews // American Political Science Review. 1996, Sept. V.90. №3; Lazarus N. Without Jus-

tice for All: the New Liberalism and retreat from racial equality: Review // Race and Class. 2000, Oct.-Dec. V.42. № 91.

6. Порти Р. Справедливость как более широкая лояльность // Логос. – 2007. – № 5. – С.54-69.

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ПРИРОДА НАСИЛИЯ THE SOCIO-CULTURAL NATURE OF VIOLENCE

В.Г. Артемова

*Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского*

V.G Artemova

Nizhny Novgorod State University. Lobachevsky

Обсуждаются социокультурные детерминанты, влияющие на проявление различных форм насилия в современном обществе.

In article are discussed the socio-cultural determinants affecting manifestation of various forms of violence in modern society.

Ключевые слова: насилие, безнравственность, социокультурная детерминация, информационная среда, ценности

Keywords: violence, immorality, sociocultural determination, information environment

В современном мире есть такие явления, которые поражают своей интеллектуальной мощью, вызывают восхищение достигнутыми технологиями. С другой стороны, ужасают своими последствиями, вызывая озабоченность перспективами существования человеческой жизни. На вопрос, "В какое время мы живем?", можно дать удручающий ответ – "В эпоху сверхнасилия". Насилие проникает во все сферы общества: в политику,экономику, духовную жизнь, быт, семью, школу. Современные исследователи приходят к выводу, что 21 век – это "новый мир",резко отличающийся от всех предыдущих. Сегодняшний "новый мир" – это мир коренных изменений в ценностных ориентирах людей, живущих в технологически развитых, урбанистических странах. Это сокрушение традиций, удерживающих человека от насилия, которые зарождались еще в античности.

Великий Сократ не только своим учением, но и всей жизнью и даже смертью утверждал, что нравственное начало – это главное в человеке.

Античность формулирует и закрепляет следующую триаду ценностей: Истина, Добро и Красота, ведущие к Благу. Для средневековья – это Вера, Надежда, Любовь с вершиной в Боге. В секуляризованное Новое время, особенно в век Просвещения – это Свобода, Равенство, Братство, ведущие к признанию Человека с его правом на достоинство, правом распоряжаться собой и своим временем. В России в 19 в. сложилась триада: Самодержавие, Православие, Народность. При всем своеобразии этой триады складывалась определенная нравственная культура, удерживающая людей от беспредельного насилия.

В советское время, не формируя традиционной триады, был выработан моральный кодекс строителей коммунизма. Складывается впечатление, что в России сегодня вообще нет никаких нравственных ограничений. Кстати заметим, что на одной из областных философских олимпиад было предложено студентам разных вузов сформулировать ценностную триаду, которую они разделяют. Ответ, который мы получили, выглядел так: "деньги, пиво, секс". Можно воспринимать это как юмор молодых, но, к сожалению, эта установка скорее реальность, чем шутка.

Парадокс современного мира заключается в том, что оказались обманутыми ожидания многих философов, историков, просветителей, религиозных деятелей. Они надеялись, что плоды их трудов послужат делу совершенствования человека. Мы с горечью видим, что современный человек не только не совершенствуется, но погрязает в пороках, толкающих его к бесчисленным формам насильственных действий. Порочность человека – результат не только и не столько его биологической природы, сколько отражение условий его существования, то есть влияние социокультурных факторов. Изменение социальных условий жизни человека ведет к изменению форм насильственных действий, их масштабности и последствий. Насилие выступает в роли "повивальной бабки" для разрешения не только государственных, классовых, этнических антагонизмов, но все больше проявляется в экстремальных действиях отдельных индивидов. Насилие – это мировая беда.

Современное общество и Россия в том числе столкнулось с такими масштабами проявления пороков и насилия, что это становится угрозой существованию человеческого рода. Среди множества детерминант, влияющих на проявление насильственных действий, хотелось бы отметить некоторые наиболее очевидные и тревожные. Непрерывный рост производительных сил, техническая оснащенность труда увеличивают свободное время. Это великое благо для человека. Но значительная часть населения тратит его так, что уродуют свою жизнь и в результате

угрожают жизни других. Алкоголизм, наркомания, порнографические пристрастия становятся условием преступности, насилия, террора.

Немалое влияние на человека оказывают сегодняшние СМИ. Информационное пространство организовано таким образом, что именно катастрофы, разборки, склоки, убийства, отклонение от психических и моральных норм выходят в топы новостей. Такая фокусировка общественного внимания на патологии и насилии не только искажает картину реального мира, но приучает население к мысли, что кругом дурдом, что все позволено и ненаказуемо. Это создает ложные ориентиры у людей, особенно у детей и подростков.

Другим фактором, влияющим на духовное состояние народа, является современная литература. Книжный рынок переполнен банальными историями, изнанкой человеческого быта, смакованием насилия и порока. Язык многих книг вульгарен и засорен матом. Например, среди массы населения матерщина сегодня в ходу ничуть не меньше, чем нормативный великий и могучий.

Теперь остановимся еще на одном явлении. XX век стал веком еще одной революции: сексуальной. Она привела к деинтимизации сексуальных отношений и генитализации культуры. В результате происходит сокращение нравственных табу. Исчезает стыд – главное, по мнению В.С.Соловьева, качество, отличающее человека от животного. Стыд – это индикатор состояния души, страж, защищающий ее целомудрие. Бурно развивающаяся секс-индустрия, красивые шоу, эксплуатирующие то потаенное, что живет в каждом человеке, способствуют беспрепятственному удовлетворению всяческих сексуальных фантазий и причуд, что ведет к безответственности за брак, семью, детей. Дикие случаи убийства своих детей, рост педофилии приобретают массовый характер. В обществе начинается одичание, а это путь в бездну насилия.

Что же делать? Скорее всего – осознать эту угрозу, изучать природу насилия и формы его проявления, стараться найти способы его преодоления.

МЕТАМОРФОЗЫ НАСИЛИЯ: МОДЕРН И ПОСТМОДЕРН METAMORHOSES OF VIOLENCE: MODERN AND POSTMODERN

И.А. Белая

*Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского*

I.A. Belaya

Nizhny Novgorod State University. Lobachevsky

Обсуждаются проблемы трансформации насилия в современном мире.
In article are discussed transformations of violence in modern situation

Ключевые слова: насилие, этика ненасилия, сознание жизни
Keywords: violence, ethics of nonviolence, consciousness of life

Современная эпоха, получившая название постмодерна, не просто включает насилие в качестве своей компоненты, но несет с собой невиданный по своим масштабам культ насилия. Если говорить о философии постмодернизма, парадокс заключается в том, что основная ее интенция была направлена на тщательный демонтаж системы ценностей и мировоззренческих принципов предшествующей эпохи, разоблачение ее как системы насилия, интерпретированного в качестве системного культурного фактора. Усилия философов-постмодернистов аккумуляровались вокруг выявления репрессивного характера так называемых больших нарративов, рассматриваемых как смысловая квинтэссенция исторического этапа модерна.

Как показывает история, смена эпох сопровождается заменой мировоззренческих, аксиологических оснований социума. Слом несущих семантических осей/координат эпохи модерна – нечто беспрецедентное в духовной культуре человечества: речь идет не просто о переустройстве ценностной иерархии локального исторического периода, но об аннигиляции самого принципа иерархичности и об образовании принципиально новой структуры ценностного пространства, лишенной каких-либо координат, критериальных возможностей ориентации.

Человек, оказывающийся в таком пространстве, находит себя в ситуации ценностного хаоса, всевозможности вседозволенности, легализации запретного, в том числе и насилия, часто эстетизации насилия. Если принимать точку зрения постмодернизма о репрессивном характере культуры модерна, то представляется уместным сравнение структури-

рованного, институализированного насилия эпохи модерна, условно говоря, «занимающего» определенную часть пространства жизни социума, с постмодернистским насилием-«магмой», становящимся тотальной средой существования общества. Сегодня приходится говорить о том, что насилие, захватывая все новые пространства, все более активно проявляет себя во внутреннем измерении, захватывая не только сознание, но и подсознание человека, порождая не столь явные, но не менее опасные формы насильственного воздействия на человеческое сознание и подсознание: манипуляции, суггестии и т.п. Глубоко закономерно, на наш взгляд, не только присутствие в колоссальных объемах образов насилия на телевизионных и кино-экранах, в самых разных средствах массовой информации, но массированное внедрение этих образов в сознание и подсознание человека, перенасыщение среды социальных коммуникаций агрессивностью, паттернами девиантного, недопустимого поведения.

Действительно, возникает ощущение искусственности, преднамеренности «раскачивания» современной нам ситуации, все чаще звучат голоса, усматривающие аналогию с началом XX-го века, принесшим человечеству неисчислимые страдания и жертвы. Возможность воспроизводимости трагического обстояния дел, чреватого обвалом насилия, обращает нас к духовному опыту, оказавшемуся практически неотребованным в нашем Отечестве. Мы имеем в виду этику ненасилия и концепцию сознания жизни Л.Н. Толстого.

Философия ненасилия в лице наиболее авторитетных представитель великих культур Индии и России махатмы Ганди и великого русского писателя и мыслителя Л.Н. Толстого появляется в конце XIX – начале XX века, в преддверии того исторического периода, когда развернулась беспрецедентная по масштабу волна насилия. Наиболее чуткие в нравственном отношении мыслители почувствовали надвигающуюся угрозу и сделали все, что могли, чтобы предостеречь людей. Не случайно, что русский родоначальник этики ненасилия Л.Н. Толстой исследовал также логику развития человеческого сознания, его возможности, различные типы его структурирования. Толстой является создателем концепции сознания жизни, в которой он, опираясь на свой личностный духовный опыт, выявляет возможности духовного сознания – сознания жизни в деле устройства человеческой жизни. Сознание человека понимается им как мощная жизнеустроительная сила. Такое понимание специфично для русской философии и принципиально отлично от западноевропейского аналога.

Часто этику ненасилия упрекают в утопизме, однако прецедент не просто ненасильственной борьбы индусов за независимость своей родины, но и победы в этой борьбе говорит сам за себя. Это пример традиционного понимания подлинного достижения результата – одоления насилия не через внешнюю организацию действия, но через преобразование человеческого сознания, через усилие внутреннего его переустройства, преображения.

Это задача, которая стоит перед каждым человеком и каждый человек несет за нее ответственность, оказываясь участником той битвы, о которой писал ФМ Достоевский: «В душе человека Бог с дьяволом борются».

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ПОЧВА КОРНЕЙ НАСИЛИЯ **SOCIOCULTURAL SOIL OF THE ROOTS OF THE VIOLENCE**

В.В. Беляров

*Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского*

V.V. Belyarov

Nizhny Novgorod State University

Проведение аналогий между агрессией животных и насилием имеет свои социокультурные корни. Развитие идеи о родстве животной агрессии и насилия предстает как реалистическое видение мира людей. На самом деле, такой взгляд может сказываться и как форма инфантилизма. Культ насилия в немалой степени зиждется на подобных аналогиях. Они выступают как естественнонаучное оправдание насилия.

Drawing analogies between animal aggression and violence has its sociocultural roots. Develop the idea of relationship of animal aggression and violence is presented as a realistic view of the world of men. In fact, such a view may be affected as a form of infantilism. A culture of violence to a large extent based on such analogies. This acts as a natural scientific justification for violence.

Ключевые слова: разактуализация инстинктов, инфантильность, мир людей, насилие

Keywords: irrelevance instincts, infantilism, the human world, violence

Когда мы видим, как камень падает вниз, то никогда не говорим, что свойство Земли притягивать предметы передалось ей от старших пла-

нет. Но подобия в поведении различных органических систем все же порождают мысль о генетическом наследовании. И нам часто приходится слышать, как между агрессией животных и насилием проводится аналогия.

Спору нет, идея об органическом развитии от простых форм жизни к сложным сегодня находит подтверждение в лабораториях и на основе опытов с генами. Таким образом, К. М. Бэр и Ч. Дарвин вновь и вновь оказываются правы. Другое дело, тотально или ограниченно, то есть в контексте какой проблемы распространяем мы эту их правоту.

Мы можем полагать, что вид *Homo sapiens sapiens* есть результат усложнения живой клетки. Мы знаем про клетку, что она умирает или делится, вытесняя либо заменяя собой другие клетки. Но мы не можем утверждать, что клетка кого-то третирует. Тем не менее, идея биологической преемственности подозрительно легко приводит к убежденности, что человек унаследовал склонность к насилию от примитивных форм существования. В то же время пока принято считать, что у животных нет насилия. Среди них есть пища и тот, кто ее поглощает. Но дело в том, что и какое-либо безапелляционное эмпирическое доказательство наличия насилия у животных ничего не прибавило бы к тому естественнонаучному знанию о сходстве шимпанзе и человека, которое уже имеется. Дальнейшие опыты с обезьяной в ракурсе сравнительной психологии выглядят необходимой данью уже достигнутому знанию.

Другая крайность, считать человека «пасынком природы» или того пущее, своего рода Каином животного мира, сбившимся с пути. Но в таком случае, кажется, возникает проблема Авеля. Что есть такое, этот Абель? Представляется, что в роли Авеля здесь должны выступать мир животных и, в конце концов, сама природа. Это – нонсенс.

Но можно думать, что такого Авеля не существует, как нет и природного Каина. Такого рода «ущербное» существо, «глухой недоразвиток», как сказал бы поэт, является одним из выдающихся произведений воображения. Например, И. - Г. Гердер считал, что человек – это «первый вольноотпущенник творенья» [1, с. 101]. А Ф. Ницше, скажем, называл человека «блудным сыном природы» [2, с. 34]. Кажется, нам нужно отдавать этому выдающемуся вызревшему продукту воображения должное, и мы можем заглядывать дальше. А это значит лишь то, что мы можем продолжать избавляться от инфантильности. Ведь ни клетку, ни обезьяну, ни сакральную силу мы все равно не обяжем нести ответственность за нас.

Также с именем Ницше исторически ассоциируется название человека «еще “неустановившимся животным”». Но принципиальным замечанием будет то, что «самое неудачное животное, самое болезненное, уклонившееся от своих инстинктов самым опасным для себя образом», как сказано в «Антихристе» [3, с. 274], таково у Ницше, скорее, по определению, чем «еще», или покуда. И если уж говорить о человеке как о животном, то как об *уже* неустановившемся. Человек – это *уже* неустановившееся животное. Именно таким, так сказать, совершенно человеком, по-видимому, и является Homo sapiens sapiens. Человек – не обездоленное животное, а существо, имеющее свою долю. Другими словами, мы есть состоявшийся вид, а не какой-то перспективный. Поэтому же, если человечество и «болеет», то только самим собой. Говоря словами К. Лоранца, человечество имеет «опасность задохнуться в самом себе» [4, с. 17.]

Но раз наши дела могут обстоять так, то возникает предложение: переставать ссылаться на биологию, проводя аналогии с агрессией в животном мире, когда речь идет о насилии. В таких сравнениях насилие предстает действием какой-то чуждой нам или не совсем человеческой силы. Оно, может быть, больше даже располагает к инфантильности, чем к адекватному восприятию действительности.

В книге «Так называемое зло. К естественной истории агрессии» в главе, которая называется «Проповедь смирения», Лоренц говорит, что видит нашу гордыню, мешающую самопознанию и подталкивающую нас к деградации и падению, в том, что многие люди не признают родства Homo sapiens'а с шимпанзе [4, с. 265]. Однако отнюдь не меньше пагубной гордыни и снобизма, видимо, может оказаться также и в признании родства человеческого насилия и агрессии животного. И тут гордыня может выражаться в рассуждении, что мы-то, дескать, не такие, что третируем и убиваем не мы, а наши животные инстинкты. Таким образом, самим по себе признанием нашего родства с шимпанзе мы от гордыни не избавляемся. Это потому, пожалуй, что у гордыни, как и у насилия, корни сплошь социокультурные, погруженные в столь же социокультурную почву.

Когда убивают деятеля науки, это кроме всего прочего говорит о том, что бандиты среди нас, то есть выросли они на *культурной почве*, а не на почве инстинктов. Это говорит о том также, что ни принадлежность к человеческому виду, ни даже принадлежность к интеллигентскому сословию не являются пропуском в рай или карт-бланшем. И нам всегда есть над чем, точнее, над кем работать – как и тысячи лет назад,

над собой. Среди животных нет бандитов. Мы опять не можем ссылаться здесь на животное наследие. Нам нечего терять в животном мире, но нам есть кого терять в своем.

Недавно мы отметили печальную дату девяностолетия с начала повального избавления России от интеллигентов. Вся эта операция носила характер гуманитарной и гуманистической катастрофы, а получила название эвфемизма – «Философский пароход». Главным деятелем в организации этой катастрофы был выдающийся интеллигент В. И. Ленин. И если в ставке А. Гитлера имел место дефицит интеллигентов, то среди сподвижников Ленина их было достаточно. Вопрос: что в поведении Ленина и, отступая от бихевиоризма, в его сознании досталось ему от так называемой «инстинктивной программы»? Кажется, в насилии, учиненном Лениным, неправильно искать какие-то «инстинктивные импульсы». Ведь он сын своих интеллигентных родителей и выпускник высшей школы. Тут как раз всё из социокультурной почвы корней насилия.

Со времени обретения оригинальных видовых характеристик мы имеем дело в своем лице не с *настоящим прошедшим*, не с инстинктами, а с *настоящим наступившим*. Думаю, в отношении человека как вида следует говорить только о некоей разактуализации инстинктов. Неактуальными инстинкты стали для нашего вида, по-видимому, десятки тысячелетий назад. Но они и по сей день всплывают в науке в статусе какого-то существующего неодолимого препятствия на пути избавления человечества от насилия. Это фобия, от которой предстоит избавляться. Избавление потребует много сил и времени, но потому именно, что и у этой фобии глубокие культурные и научно обоснованные корни. В двадцатом веке эти корни чрезвычайно окрепли. И тем не менее, каждый раз, когда дело доходит до какого-либо насилия, мы можем напоминать себе, без оглядки на наше животное начало: проблема насилия есть только наша проблема, а отсылка ее по адресу сил низших или высших всегда имеет инфантильную подоплеку. А по случаю инфантильности не может не возникать сожаления, даже если она исходит от нашей активности.

Литература

1. Гердер И.- Г. Идеи к философии истории человечества. – М.: Издательство «Наука», 1977. – 704 с.

2. Ницше Ф. Собрание сочинений: В 5 т. Т.1 / Пер. с нем. Я. Бермана, Т. Гейликлмана, Г. Рачинского, С.Франка. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. – 480 с.
3. Ницше Ф. Собрание сочинений: В 5т. Т.5 / Пер. с нем. Ю. Антоновского, Я. Бермана, В. Вейнштока и др. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. – 416 с.
4. Лоренц К. Так называемое зло / Под ред. А.И. Федорова. – М.: Культурная революция, 2008. – 616 с.

ФЕНОМЕН ЖЕРТВЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО НАСИЛИЯ **PHENOMENON OF VICTIMS PSYCHOLOGICAL VIOLENCE**

О.Н. Бурмистрова

Волгоградский государственный университет

O.N. Burmistrova

Volgograd State University

Психологическое насилие не обязательно должно оставлять видимые следы на теле жертвы, но оставляет глубокие и прочные шрамы, которые очень трудно лечить.

Psychological violence does not necessarily leave visible marks on the victim's body, but leaves deep and lasting scars which are very difficult to heal.

Ключевые слова: психологическое насилие, жертва, угрозы, ревность, низкая самооценка, чувство вины

Keywords: Psychological violence, victim, threats, jealousy, low self-esteem, feelings of guilt

Проблемы, связанные с психологическим насилием, очень важны, поскольку именно испытывая эту форму насилия, человек привыкает быть жертвой, и, следовательно, повышается риск физического и сексуального насилия.

Психологического насилия не всегда замечается жертвой, принимается как обычная форма повседневного общения, в котором бывают разные варианты интенсивности и формы – угрозы, запреты, манипуляция с использованием лжи, клевета, оскорбление, косвенное насилие — порча или уничтожение имущества другого человека, издевательство над его любимым животным, финансовый контроль.

Становление жертвы происходит в первую очередь в родительской семье, затем оно может продолжаться и в других сферах жизни: в учебе,

на работе, в отношениях с друзьями и потом снов уходит во вновь создаваемую человеком семью. Как правило жертвами психологического насилия становятся женщины в отношениях с мужчиной.

А.Б. Орлов очертил спектр психологического насилия, который включает в себя:

а) *психологические воздействия* (угрозы, унижения, оскорбления, чрезмерные требования, чрезмерная критика, ложь, изоляция, запреты на поведение и переживание, негативное оценивание, фрустрация основных нужд и потребностей и т.п.);

б) *психологические эффекты* (утрата доверия к себе и миру, диффузная самоидентичность, внешний локус контроля, беспокойство, тревожность, депрессия, уступчивость, угодливость, низкая самооценка, склонность к уединению, суицидальные наклонности, личностная психопатология различной этиологии и т.д.);

в) *психологические взаимодействия* (доминантность, эффективность, непредсказуемость, непоследовательность, неадекватность, бесчувственность, ригидность, безответственность, неуверенность, беспомощность, самоуничижение).

Жертва психологического насилия испытывает на себе своего рода контролирующее поведение со стороны агрессора, который за счет этого стремится компенсировать свои внутренние проблемы. Среди конкретных поступков, содержащих психологическое насилие, можно выделить следующие:

- демонстрация ревности;
- ограничение общения;
- контроль за передвижениями и действиями;
- подавление, унижение;
- ограничение допуска к денежным доходам;
- угрозы;
- повреждение имущества.

Психологическое насилие в сравнении с физическим отличается многоступенчатым психологическим процессом, который может не осознавать ни жертва, ни агрессор, потому что жертва поглощена своими чувствами к партнеру, а для агрессора такая схема манипуляций весьма привычна и не осознаваема. В итоге жертва продолжает отношения с агрессором по ряду причин, которые часто присутствуют в совокупности:

1. Экономическая зависимость – жертва отстранена от процесса решения финансовых вопросов, у нее нет права распоряжаться деньгами,

если же жертва по каким-то причинам зарабатывает больше агрессора, то психологическое насилие может принять более жесткую форму, поскольку агрессору необходимо доказать, что в доме хозяин он.

2. Отсутствие веры в свою возможность справиться с проблемами без агрессора. Жертва всегда имеет низкую самооценку и тем самым признается в своей никчемности и неспособности решать разные проблемы.

3. Эмоциональная зависимость от агрессора, так как жертва понимает, что в нем есть и положительные качества, которые для нее важны. Агрессор создает иллюзию силы и защищенности. Конечно, временами бывает тяжело, но ведь затем наступает период затишья, положительных эмоций. Кроме того, жертва начинает ждать проявлений психологического насилия, чтобы убедиться, что еще не безразлична агрессору, то есть психологическое насилие расценивается как гарант стабильности отношений: «бьет — значит любит».

4. Установка, что детям нужна полная семья, где есть мать и отец. Другими словами, происходит жертвоприношение собственной жизни ради жизни детей. Подобная мотивация является прикрытием и нежеланием что-либо менять. Кроме того, она дает свои плюсы «мученика».

5. Религиозные установки, которые препятствуют разводу.

6. Страх мести со стороны агрессора в случае разрыва отношений. Уход от агрессора — это предательство, за которым должно последовать наказание. Как правило, переход к физическому насилию происходит именно после попытки ухода от агрессора.

Примерная схема психологического насилия может выглядеть следующим образом:

На первом этапе происходит атака на идентичность и навязывание чувства вины. Это делается посредством унижений, направленных на понижение самооценки, выражения недовольства, обвинений в неправомерности действий или поступков. Критика личности сопровождается критикой действий и поступков. При этом заранее невозможно предугадать ошибку, она будет найдена агрессоров в любом случае. В результате снижается самооценка, вера в себя, появляются сомнения в правомерности поступков, усиливается тревожность по отношению к тем ситуациям, по поводу которых были придирки и недовольство. Возникает чувство вины, когда агрессор в очередной раз дала замечание или упрек.

На втором этапе агрессор устраняет объектов «плохого влияния» — друзей, подруг, семью, коллег и других людей, которые пытаются жерт-

ве помочь. Таким образом, перерубаются все каналы связи с миром, и если это происходит достаточно долго, жертва теряет способность выстраивать отношения с другими людьми, понимая, что кроме агрессора у нее никого нет. Сжигая мосты, жертва испытывает чувство вины перед близкими, от которых отрекается, что в свою очередь продолжает разрушительно влиять на самооценку и Я-концепцию жертвы.

На третьем этапе происходит череда нервных срывов, и в этот момент жертва беспомощна, испытывает чувство одиночества и потерянности. Агрессору остается совсем немного, чтобы жертва раз и навсегда осталась жертвой.

Феномен жертвы психологического насилия заключается в следующих положениях:

1. Жертва сама выбирает быть жертвой в отношениях с агрессором. При этом жертва изначально сама позволяет относиться к ней таким образом.

2. Жертва получает определенные выгоды из своей страдательной позиции (ее жалеют, она не несет ответственность).

3. Агрессор в свою очередь является жертвой, поскольку он объясняет свою агрессию как реакцию на неправильное поведение жертвы.

4. Жертва испытывает чувство вины и берет на себя ответственность за насилие со стороны агрессора, пытаясь его оправдать и объяснить его поведение.

Таким образом, возникает замкнутый круг. Работа с жертвой психологического насилия должна быть построена на принятии ею ответственности за все, что происходит в ее жизни. Осознание всех ситуаций с позиции ответственности дает возможность выйти из замкнутого круга.

**АКТУАЛЬНАЯ И ПЕРСПЕКТИВНАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ
ВОЕННОСЛУЖАЩИХ КАК УСЛОВИЕ СОКРАЩЕНИЯ
НАСИЛИЯ В ВООРУЖЕННЫХ СИЛАХ**
**ACTUAL AND PERSPECTIVE SOCIALIZATION
OF THE MILITARI PERSONNEL AS A CONDITION
OF REDUCTION OF IOLENCE IN MILITARI FORCES**

В.Ю. Власкин

Войсковая часть Министерства обороны

V. Y. Vlaskin

Military unit Ministry of Defense

Рассматриваются проблемы современного состояния и перспектив развития механизмов социализации в армейских организациях, способствующих оказанию влияния на эффективность социального контроля в Вооруженных силах.

In the work authors offer to consideration at the problem of a current state and prospects of development of mechanisms of socialization in the army organizations, promoting to influence on efficiency of social control in military forces.

Ключевые слова: армейская организация; механизмы социализации; общественные ценности; идентификация; социальная роль; дисбаланс

Keywords: army organization; socialization mechanisms; public values; identification; social role; disbalanse

В настоящее время проблемы отклоняющегося поведения продолжают сохранять свою актуальность для изучения во многих областях гуманитарного знания. Повышенный интерес к отклонениям в поведении личности объясняется, прежде всего, теми преобразованиями в российском обществе, которые повлекли за собой «презентацию» и рост числа различных противоправных действий во многих сферах общественной жизни. Особую остроту эта проблема приобрела в Вооруженных Силах РФ. «Сегодня, в условиях сложной социально-экономической обстановки в стране, резко обострившейся криминогенной ситуации в обществе, реформирования войск и сил флота, радикального обновления их нормативной правовой базы профилактика правонарушений в армии и на флоте приобретает исключительное значение». Данный тезис, прозвучавший на научно – практической конференции, посвященной проблемам насилия в Вооруженных Силах еще в 1999 году, в

настоящее время не потерял своей актуальности. На заседании коллегии Генеральной прокуратуры России 8 августа 2012 года главный военный прокурор Российской Федерации Сергей Фридинский отметил, что количество учтенных общеуголовных преступлений в армии впервые в три раза превысило количество воинских.

Проблематике армейского насилия посвящено большое количество работ военно-гуманитарной направленности. Их авторы, отмечая факт существования в научном сообществе дискуссии о границе между нормативным и отклоняющимся поведением, определяют армейскую девиантность однозначным определением: то, что «...приносит вред функционированию военной организации». Квинтэссенцией данного посыла является следующая цитата: «... набирающий в последнее время силу гуманистический подход, предполагающий гармонию между функционированием военной организации и развитием личности военнослужащего в ней, императивным направлением все-таки считается развитие организации». [1].

Такой подход к изучению проблемы, оптимальный при непосредственной подготовке и ведению боевых действий, состоит в определенном противоречии с положениями утвержденной в 2002 году Президентом Российской Федерации Концепции воспитания военнослужащих Вооруженных Сил РФ, в которой главным ориентиром строительства и развития Вооруженных Сил позиционируется человек: «...он не только средство любых преобразований, но и их цель...без готовности добросовестно исполнять обязанности военной службы нельзя ожидать весомых результатов в реформировании современной российской армии» [2]. Поэтому изучение проблемы насилия в войсках видится наиболее целесообразным именно в социокультурной парадигме. В этой связи представляют интерес исследования, посвященные изучению противоправных действий в войсках с позиций виктимологии. Анализ результатов показал, что лишь 8% потерпевших заявили о преступных посягательствах, более 80% респондентов из их числа признали, что после того, как стало известно о преступлении, отношение к ним, даже со стороны своего призыва, резко ухудшилось [3]. Можно сделать базовое предположение, что такое положение дел является результатом нарушений механизмов социализации, должных способствовать освоению желаемой для общества социальной роли его защитников. В первую очередь, данный посыл можно отнести к результатам деятельности командного звена по воспитанию подчиненных, что способствует усвоению определенных норм поведения в новой для них среде.

Автором работы был проведен ряд панельных социологических исследований, где предметом изучения послужили социальные установки солдат срочной службы на предмет идентификации их отношения к обозначенному как «неуставному» (далее - НУВ) асоциальному поведению в армейской среде; особое внимание было уделено мнению респондентов о позиции, занимаемой офицерским составом в этом вопросе.

Исследования проводились в воинских коллективах, каждый из которых имеет различную направленность служебно-боевой деятельности: подразделение охраны дисциплинарной части (РО), учебное (УБ) и два линейных подразделения (МСП, ТР). Результаты представлены в табл. 1.

Таблица 1

Таблица распределения ответов респондентов
(результаты даны в процентах от числа опрошенных)

Вопросы анкеты	РО (n = 100)	УБ (n = 60)	МСП (n = 60)	ТР (n = 40)
Обращения к представителям командного звена по проблемным вопросам различной направленности	8,7	10	0	4
Офицеры и НУВ:				
- обеспечивают порядок через силу	16,3	11,8	12	4
- противодействуют проявлениям НУВ	58,5	57	24	68
- офицерам «безразлично»	8,4	8,5	12	8
- офицеры не могут справиться с НУВ	14,75	12	16	16
- это дело самих солдат	27,3	23	32	16
Индивидуально-личностное отношение военнослужащих к НУВ:				
- просоциальная направленность	22	34	12	16
- асоциальная направленность	78	66	88	84
Решение проблем через «командирский» почтовый ящик, «телефон доверия»				
- готовы воспользоваться	4,4	20	12	6
- не считают нужным	95,6	80	88	94

Можно отметить две основные группы выводов из оценки полученных результатов:

1. Превалирование асоциальных установок респондентов о НУВ как непреложном атрибуте армейской реальности, своеобразном механизме

полоролевой «инициации» прибывших акторов. Это обстоятельство отчасти детерминируется неоднозначностью оценки значимости военной службы в современном российском обществе, переживающем состояние социальной аномии, когда, по мнению Р. Мертона, «...отклоняющееся от нормы поведение может быть расценено как симптом несогласованности между определяемыми культурой устремлениями и социально-организованными средствами их удовлетворения» [4]. В данном случае можно сделать вывод о затруднении в процессе идентификации молодых солдат, прибывающих в войска, как о предпосылке возникновения, прежде всего, внутриволевых конфликтов при усвоении новой для них социальной роли.

2. Низкий «кредит доверия» к руководящему составу, осуществляющему социализацию военнослужащих в войсках. Сокращение числа армейских воспитателей, передача их функций и полномочий звену командного состава в условиях «пенитенциарного» подхода к оценке воспитания в подразделении. Все это способствует определенному искажению армейской реальности, дистанцированию командного звена от постоянно возникающих проблем социальной адаптации подчиненных.

Отклоняющееся поведение как результат десоциализации, по мнению авторов, является, в первую очередь, следствием низкой компетенции отвечающих за социализацию ее субъектов, когда прибывшие в часть военнослужащие испытывают определенные межролевые трудности, связанные с быстрой сменой ранее привычных либо проблемой освоения новых социальных ролей.

В условиях сложившейся армейской реальности перспективными направлениями социализации, способными снизить уровень насилия в войсках, можно считать принятие мер по выведению функций разбирательств противоправных действий в производство военной полиции, нейтральной по отношению к субъективным оценкам деятельности командного звена, а также включение в состав армейских воспитательных структур специалистов, способных осуществлять квалифицированную деятельность по усвоению общественно значимых ролей, – социальных работников.

Литература

1. Караяни А.Г., Евенко С.Л. Психология отклоняющегося поведения военнослужащих в бою: Учеб. пособ. – М.: ВУ, 2005.
2. Концепция воспитания военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации: приложение к приказу Министра обороны Российской Федерации

[Электронный ресурс] - URL: <http://www.innovbusiness.ru.html> (дата обращения 8.8.2012 г).

3. Преступное насилие среди военнослужащих / Под ред. В.Е. Эминова, И.М. Мацкевич - М: Юрист, 1994. 104с.

4. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура // Социс, 1992. № 2.

**ПОДВЕРЖЕННОСТЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКОМУ НАСИЛИЮ:
ДИАГНОСТИКА ПО ПИСЬМЕННОМУ ТЕСТУ
EXPOSURE TO PSYCHOLOGICAL ABUSE:
DIAGNOSIS AT THE WRITTEN TEXT**

А.Г. Волкова

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

A.G. Volkova

Kaluga State University named after K.E. Tsoilkovsky

Раскрывается проблема определения по письменному тексту наличия психологического воздействия на человека, причем содержание этого воздействия определяется как нравственные (психологические) страдания. Подобная диагностика базируется на психолингвистических методах анализа текста и является актуальной в практике судебной психологической, а также комплексной психолого-лингвистической экспертизы.

In the article is discussed the problem of finding out the features of psychological torture as the form of psychological influence in the written text. This diagnostics is based on the methods of psycholinguistics and becomes useful in forensic psychology and forensic linguistics.

Ключевые слова: психологическое насилие, текст, психолингвистика, количественные методы, судебная психология, судебная лингвистика

Keywords: psychological torture, text, psycholinguistics, quantity methods, forensic psychology, forensic linguistics

Понятие насилия связано с понятиями воздействия и страдания. В отличие от физического, психологическое воздействие выявляется сложнее, и не всегда можно дать категоричные выводы о том, имело ли место психологическое страдание, вызванное психологическим насилием. При этом психологическое воздействие / насилие возможно употреблять как синонимы и понимать под этими терминами любой нефизический

зической целенаправленный перенос информации от одного участника воздействия к другому с целью изменения поведения, а иногда и психики человека – адресата воздействия. Страдание понимается как длительное по времени отражение боли и всего того, что с ней связано, в психике человеке.

При этом в некоторых случаях различают страдания нравственные и страдания психологические, определяя нравственные страдания как вид психологических, но относящихся к сфере моральных чувств и нравственности (чувства достоинства, самоуважения, доверия, самооценка). Вообще к психологическим страданиям относят страдания нефизические, вызывающие субъективное чувство боли.

Рассмотрение наличия и степени психологических страданий, испытываемых человеком при психологическом воздействии, может быть предметом судебной психологической либо комплексной психолого-лингвистической экспертизы. Исследования, посвященные оценке тех страданий, которые человек испытывает, находясь под стражей (в тюремном заключении), указывают на чувства подсудимых или осужденных. При этом объектом исследования в такого рода экспертизах могут быть письменные тексты, по которым определяется наличие насилия и страданий. В компетенцию лингвиста, в отличие от психолога, не входит описание чувств автора текста, однако анализ семантики лексических единиц и их сочетаний (в пределах словосочетания, предложения, на макроуровне – всего письменного дискурса) позволяет вычленивать такие оценочные компоненты в языке текстов, которые относятся к семантическим полям, соответственно, «страх», «стыд» и т.д.

Определение уровня интенсивности насилия и страданий также не входит в компетенцию эксперта-лингвиста, однако анализ языкового материала позволяет проследить нарастание/угасание тех или иных эмоций, состояний. В этот анализ входит рассмотрение как качественных, так и количественных показателей текстов. К качественным показателям относятся семантика лексических и синтаксических единиц, смысл целостного текста и совокупности текстов. Количественные показатели включают в себя расчет разнообразия текста (его «многословия»), сложности синтаксических конструкций), подсчет числа знаменательных частей речи (особенно существительных, глаголов), орфографических и пунктуационных ошибок, а также рассмотрение семантических полей, образуемых за счет ключевых слов текста. Разница в количественных показателях различных текстов одного автора (например, письма из мест лишения свободы, датированные различными числами)

позволяет говорить об изменениях в его переживаниях. При этом семантические поля, выделяемые в каждом тексте и в совокупности текстов, определяют тематику этих переживаний.

В подобного рода экспертизах возможно ставить на разрешение следующие вопросы:

- имеются ли в представленных на экспертизу материалах признаки оказания на *Н.* физического и/или психологического воздействия, направленного на причинение ему физических, психологических и/или нравственных страданий?

- если такое воздействие на *Н.* оказывалось, то в чем оно заключалось (каковы были его форма и содержание)?

- испытывал ли *Н.* в какой-либо период (указать, в какой именно) физические, психологические и/или нравственные страдания?

Для ответа на подобные вопросы лучше всего привлекать к исследованию корпус текстов.

Для выявления признаков психологического насилия и страдания в письменном тексте используются следующие количественные показатели речи:

1. Количество прилагательных, глаголов и соотношение количества глаголов к количеству прилагательных (так называемый индекс Шлисмана).

2. Лексическое разнообразие (В.П. Белянин):

$K_{\text{лекс}} = L/C$, где $K_{\text{лекс}}$ – коэффициент лексического разнообразия, L – число лексем в данном тексте, C – общее число слов (единицы между пробелами) этого текста.

- Синтаксическое разнообразие (В.П. Белянин):

$K_{\text{синт}} = 1 - P/C$, где $K_{\text{синт}}$ – коэффициент сложности; P – число предложений; C – число слов во всем тексте. Чем больше дробь, тем многословнее в целом предложения данного текста, следовательно, выше возможность разнообразия синтаксических отношений между словами в составе отдельного предложения.

3. Семантические показатели речи:

- 1) характер использования глаголов:

- количество глаголов, обозначающих действия, состояния, настроение;

- количество переходных глаголов (и их соотношение с количеством непереходных);

- количество инфинитивов;

- количество глаголов будущего времени.

2) количество конкретных существительных (и отношение их количества к количеству абстрактных существительных).

3) использование пейоративной, то есть стилистически сниженной или обценной лексики и арготизмов.

4) количество нарушений в согласовании единиц лексико-грамматического уровня и в целом показатели эмоциональной напряженности речи.

5) пунктуационные знаки: количество и нарушения в постановке. Количество и качество орфографических ошибок.

Также учитывается лексический состав текста, его связность и цельность как основные свойства текста, а также наличие и количество описок и помарок (зачеркиваний, вымарываний текста).

По данным количественным показателям можно определить время наибольшего душевного волнения либо пребывания в не свойственном автору текста состоянии. Как правило, на такие периоды приходится наибольшее число орфографических и пунктуационных нарушений, а также именно употребление наибольшего числа глаголов в форме будущего времени. Если далее число таких глагольных форм заметно сокращается, то это может свидетельствовать о снижении возможности хотя бы в какой-то мере конструировать свое будущее. Также на изменение эмоционального состояния в некоторых случаях указывает употребление ласкательных обращений и слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами.

Таким образом, текст как продукт речевой деятельности является носителем не только эксплицитной информации, но и информации, которая дана имплицитно и которая может помочь в определении наличия психологического воздействия / насилия и страданий, вызываемых таким воздействием.

**ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ
СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА
КАК ИНСТИТУТА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НАСИЛИЮ
В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ**
**FEATURES OF DEVELOPMENT AND IMPROVEMENT
OF THE SOCIAL POLICY OF THE STATE AS AN INSTITUTE
OF COMBATING DOMESTIC VIOLENCE IN RUSSIAN SOCIETY**

Т.Д. Гладина

Арзамасский филиал ФГБОУ ВПО

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

А.В. Наумов

ГБОУ ДПО «Нижегородский научно-информационный центр»

А.Н. Годухин

ГБОУ ДПО «Нижегородский научно-информационный центр»

T.D. Gladina

Arzamas branch of Federal Grant-Maintained Educational Institution of Higher Professional Education The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

A.V. Naumov

GBEA «Nizhny Novgorod science information centre»

A.N. Goduhin

GBEA «Nizhny Novgorod science information centre»

Рассматриваются особенности развития и совершенствования социальной политики государства как института противодействия насилию в Российском обществе.

The sociocultural origin of violence in modern society. The article focuses on the peculiarities of development and improvement of the social policy of the government as regards the antiviolence policy of the government.

Ключевые слова: социальное партнерство, насилие в сфере трудовых и экономических отношений, профсоюз, кадровая политика, коммуникации

Key words: social partnership, violence in the sphere of labour and economic relations, trade unions, human resources policy, communication

Третье десятилетие в Российском обществе происходят экономические и политические процессы, которые предъявляют не только новые требования к работникам разных форм собственности, но и определяют качественные и количественные изменения, происходящие сегодня на ранке труда.

На уровне предприятий или организаций современные экономические процессы требуют от руководителя новых форм, методов и путей развития, а они невозможны без перестройки сознания и компетенций работников, а значит построения эффективных коммуникаций для достижения целей организации при удовлетворении потребностей работников.

Интеграция в мировое пространство и вступление России в ВТО позволит существенно изменить психологию российского наемного работника и работодателя.

Работодатель должен иметь четкое представление о выгодах и потерях его предприятия (бизнеса) в новых изменяющихся условиях, а наемный работник сегодня должен знать вопросы спроса и предложения на рынке труда (к чему основное российское общество еще не совсем психологически подготовлено), представлять движение миграционных ресурсов. Ему необходимо адаптироваться к рынку труда, к элементам корпоративной и кадровой политики предприятия, которая отражена в социальной политике государства.

Данные вопросы являются одними из самых актуальных в совершенствовании современного института социального партнерства в новых социально-экономических условиях развития российских предприятий.

При переходе России на рельсы рыночной экономики руководители и собственники многих вновь созданных предприятий малого и среднего бизнеса недооценивают вопросы мотивации работников и очень часто проявляют элементы насилия в сфере трудовых отношений, пренебрегают административным и трудовым законодательством, часто употребляя выражение: «Не нравится работа, заработная плата или условия труда, идите в другую организацию, на ваше место стоит очередь из числа других наемных работников».

Работодатель считает, что он вправе ничего не вкладывая в развитие человеческого ресурса, считать себя хозяином наемного работника и использовать его трудовой потенциал по своему усмотрению, тем самым создавая себе и компании определенный капитал, а наемный работник, не зная рынка труда и его особенностей, часто терпит производ-

ственное насилие работодателя, потому как на предприятиях малого и среднего бизнеса зачастую отсутствует профсоюз как орган защиты работников.

Начиная с конца 2012г. в России будет проходить вторая волна приватизации и, по заявлению руководителя Российского Правительства Д.А. Медведева, до конца 2018 г. останется минимум предприятий с государственной формой собственности, то есть подлежат приватизации даже такие крупные Российские компании, как Газпром и Сбербанк.

Можно предположить, что в данных условиях в российском обществе будут нарастать все виды насилия, это и эмоционально-психологические, насилие в сфере трудовых и экономических отношений. В этих условиях, как никогда прежде, возрастает роль социальной политики государства как института противодействия населению работодателя в отношении наемного работника.

Одним из ярких примеров насилия работодателя над наемными работниками можно считать использование труда гастрабайтеров из стран ближнего и дальнего зарубежья, таких как Молдавия, Узбекистан, Таджикистан, Китай и другие. Этих работников «хозяева», т.е. руководители компаний зачастую не оформляют на работу по трудовому законодательству, чтобы уйти от уплаты налогов государству. Люди, как крепостные рабы, вынуждены месяцами не выходить с предприятия, жить на рабочем месте без прописки и права на жительство. Можно наблюдать даже случаи гибели людей на рабочих местах из-за несчастных случаев, и никто за это насилие не несет постоянного административного или уголовного наказания. Человек, соглашаясь с такими условиями труда, терпит, чтобы выжить самому, а, может быть, и дать возможность выжить своим семьям.

Учитывая данные особенности развития российского общества, законодательные органы разрабатывают и применяют к работодателям соответствующие законы и положения, которые будут способствовать противодействию насилию. Огромную роль в развитии социального партнерства играют профсоюзы, которые, заключая коллективные договоры с работодателями, защищают работников от возможного насилия над ними собственников или менеджеров компании.

Одним из эффективных инструментов защиты от насилия работодателя над работниками является также принятие на предприятии таких атрибутов, как миссия и философия организации, принципы, ценности, которые отражены в документах кадровой политики на предприятии.

Важным элементом противодействию насилию в социальном управлении является также построение эффективных коммуникаций в организации, а все вышеперечисленные атрибуты являются средствами позитивного коммуникативного общения.

Социальная жизнь человека в обществе начинается с общения. Проблемы взаимосвязи общения и деятельности человека относятся к числу принудительных методологических проблем социологии управления.

Исследование проблем коммуникации в общении руководителей и работников разного уровня на предприятиях Н.Новгорода, Ярославля, Заволжья в течение 5 лет позволило авторам выделить часто встречающиеся внешние и внутренние барьеры коммуникации, которые приводят к отсутствию понимания между сотрудниками.

Вот некоторые из них: разный уровень образования, возрастные особенности, недостаточный уровень квалификации (компетенций), отсутствие должной исполнительской дисциплины, разность целей и интересов, постановка противоречивых задач, рассогласованность действий, разные интересы, отсутствие мотивации, несовершенная кадровая политика, боязнь обращения к руководителю, авторитарный стиль управления, не совершенные формы оплаты труда и другие. Данные коммуникативные барьеры обычно создают конфликтные ситуации.

История не знает рынка без частной собственности, так как все известные формы рыночной экономики основываются на частной собственности. На международных, межгосударственных и национальных рынках правит бал частная собственность, поэтому государству следует учитывать менталитет российского народа и развивать государственную социальную политику, совершенствовать законодательную базу и выстраивать политику социального партнерства, основанную на эффективных коммуникациях. Все вышеуказанные особенности развития рыночных отношений помогут противодействовать насилию в российском обществе.

Литература

1. Граждан В.Д. «Социальное управление» – М. «Кронус» 2008 г. – С. 5-12.
2. Гладина Т.Д. Компетентность современного менеджмента: сущность, модели, мотивация. Монография – Н. Новгород, 2009 г.
3. Васильева Т.В. «О вступлении России в ВТО» Полномочный представитель Правительства Нижегородской области в Правительстве РФ. – Москва, Н. Новгород, 2012 г.

**СОВРЕМЕННЫЕ РЕЖИМЫ НОРМАЛИЗАЦИИ И КОНТРОЛЯ
ТЕЛЕСНОСТИ В ЖЕНСКОЙ ТЮРЬМЕ**
**THE MODES OF NORMALIZATION AND CONTROL
IN FEMALE PRISON**

Н.В. Гончарова

*Ульяновский государственный университет,
научно-исследовательский центр «Регион»*

N.V. Gonchzrova

Ulyanovsk State University, scientific research centre "Region"

Фокусом материала являются режимы нормализации и контроля в контексте женской тюрьмы. В частности тюремная гигиена рассматриваются как социальная политика тела; закрепление гигиенических правил – как механизмов контроля и формирования тела «заключенной»; режимы чистоты – то, как гигиенические правила «вписываются» в тело через навязывание определенного гигиенического порядка и через конструирование собственных дискурсов чистоты и гигиены; практики наказания и надзора как способы модификации телесности; формы контроля над телом (на внешнем, межгрупповом, индивидуальном уровнях).

In article are discussed processes of normalization and control in female prison. In particular prison hygiene are considered as social policy of a body; fixing of hygienic rules – as mechanisms of control and formation of a body prisoners; hygienic rules, which are entered in a body through imposing of a certain hygienic order and through designing of own discourses of purity and hygiene; practices of punishment and supervision; control forms over a body (at external, intergroup, individual levels).

Ключевые слова: социальная политика тела, пенитенциарные системы, дискурсы чистоты и гигиены

Keywords: social policy of a body, penal systems, purity and hygiene discourses

Современные режимы нормализации и контроля телесности в тюрьме включают множество повседневных практик дисциплинирования. Вопросы материально-бытового обеспечения, условий содержания в тюрьме и его последствий остаются в центре внимания юристов, психо-

логов, социологов, правозащитников и выполняют зачастую иллюстрирующую функцию в контексте обозначенных дисциплин.

Выступление подготовлено по результатам исследования «Возвращение: постпенитенциарный опыт молодых женщин, бывших в заключении»¹ На материалах экспертных интервью и бесед с женщинами, имеющими опыт заключения, анализируются ключевые социально-гигиенические темы (личная гигиена, быт, питание, материнство и пр.), рассматривается, как именно происходит закрепление механизмов контроля, посредством которых и формируются «тела» заключенных. Такая постановка позволяет затронуть множество вопросов, выходящих за рамки привычного круга обсуждения видов дискриминации и исключения. Основной акцент делается на тюремной гигиене как социальной политике тела, функционирующей в рамках определенных режимов чистоты и реализуемых социально-гигиенических стратегий.

Дискуссии вокруг бытовых, медицинских и иных условий содержания заключенных не умолкают. В их основе лежит, как нам кажется, более широкий вопрос о целях функционирования системы исполнения наказаний в целом. Какими должны быть условия содержания в тюрьме? Насколько они должны быть проблемными или комфортными для заключенного? Насколько тюрьма должна устрашать и тем самым удерживать от преступлений, ослаблять организмы и уменьшать возможность совершения новых правонарушений? Эти вопросы невероятно сложные и касаются общей установки государства в отношении заключенных и способов поддержания легитимности власти в целом. Во многом здесь видны отголоски советской репрессивной системы, сложившейся как часть административно-командного строя тоталитарного государства, в котором властное насилие и подавление личности стали основной нормой жизни.

Исследования проблем содержания осужденных имеют длительную историю. При этом женщины-заключенные оказались в фокусе интереса ученых сравнительно недавно. То, что женщины составляют на сегодняшний день лишь 8% от общего количества заключенных, делает для многих ученых тему «нетипичной» и «непоказательной» для исследований пенитенциарной системы. Такой подход ведет к искажению представлений о правонарушителях и формированию неэффективных, слабых адаптационных политик, игнорирующих гендерный компонент.

¹ Проект выполнен в рамках Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» 2010–2012 гг. (индивидуальный исследовательский проект проф. Омельченко Е.Л.).

Ограничение свободы является важным, но не единственным элементом наказания. Заключение подвержены определенным депривующим механизмам, которые могут выражаться в ограничении потребительских запросов, права собственности, сексуального выбора и т.д. В таких закрытых институтах, как тюрьма, призванных контролировать и дисциплинировать индивида, именно в отношении пространственно-временных параметров заключенные испытывают на себе двойную структуру. Она приводит к сгущению, концентрации механизмов социального взаимодействия в рамках одного институционального пространства, что, в свою очередь, вызывает дискриминацию и депривацию заключенного. Таким образом постоянная угроза дезадаптации, психологический дискомфорт, претерпеваемые индивидом в тюрьме, являются результатом воздействия на субъекта этой самой двойной структуры.

На примере гигиенического режима тюрьмы и колонии происходит нормализация и контроль женской телесности. Они могут формироваться на внешнем, межгрупповом и индивидуальном уровнях. Есть нормы, структурирующие повседневную жизнь заключенных, установленные официально (любое отклонение от них будет караться санкциями со стороны администрации и надзирателей), и нормы, созданные самими заключенными. В рамках тюремной культуры вырабатываются собственные законы социальной жизни, социального взаимодействия даже при условии жесткого внешнего контроля и ограничений.

Действующая система наказания и исправления женщин всячески стремится укрепить связь женщины с телом и при этом контролировать всякое проявление телесного через процессы дисциплинирования (регламентация питания, встреч с родственниками, пользования средствами личной гигиены).

Суть гигиенических режимов дисциплинирования заключается в том, чтобы поместить привычные действия в контекст риска и ущерба здоровью, вынудить человека принять новые правила повседневного поведения. Навязывание гигиенического порядка оказалось способом навязывания порядка властного. Дискурс чистоты – процесс утверждения системы, образов «свой/чужой», «опасный/безопасный» «больной/здоровый», возможности выстраивания внутренних иерархий.

Следует отметить, что именно вопросы чистоты и личной гигиены оказались центральными в ассоциативном ряду понимания «женственности» и «женщины». Эти навыки личной гигиены были включены в

перечень необходимых качеств «женского» и стали фундаментальным основанием режима.

Используемые техники, предписывающие графики времени каждого дня жизни в заключении, не оставляют возможности соотносится с течением времени вне тюремных стен, а значит и с жизнью других, не изолированных, свободных. Гендерная идентичность «заключенной» находится под прессингом режимных дисциплин, вписываемых в их тела, с одной стороны, и ежедневной работой по сопротивлению и отво-еванию приватного пространства для своего времени – с другой.

**КОНФЛИКТНЫЙ ЭФФЕКТ ПРОЦЕССА ЗАЧИСЛЕНИЯ
В РАСПОРЯЖЕНИЕ КОМАНДИРА
THE CONFLICT EFFECT OF THE PROCESS
OF ENTERING THE MILITARY PERSONNEL
AT THE DISPOSAL OF THE COMMANDE**

Е.Д. Дорошева

*Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского*

E.D. Dorosheva

Nizhny Novgorod State University of N. Lobachevsky

Обсуждаются негативные последствия процесса зачисления военно-служащих в распоряжение командира.

In article are discussed the negative consequences of the process of entering the military personnel at the disposal of the comman- de.

Ключевые слова: распоряженцы, денежное довольствие, необеспеченность жилым помещением

Keywords: military personnel, enlisted (included) in the commander's disposal, the monetary allowance, neediness of accommodation

Организационно-штатные мероприятия, проводимые в современной российской армии начиная с 2009 года с целью оптимизации ее количественной и качественной структуры, обязательно сопровождаются процессом зачисления военнослужащих в распоряжение командира. Происходит это в результате того, что в новых утвержденных штатах воинских частей и иных военных организаций не хватает воинских должностей.

Российским законодательством предусмотрено увольнение военнослужащих с военной службы с зачислением в запас не только по достижении предельного возраста пребывания на военной службе (в большинстве случаев, это 45 лет), но и по другим основаниям, в том числе, в связи с проведением организационно-штатных мероприятий. Однако важнейшим условием для возможности увольнения в запас служит обеспеченность жильем военнослужащего и членов его семьи по избранному месту жительства.

Механизм обеспечения жильем военнослужащих, окончивших военно-учебные заведения до 2005 года, был очень слабо отрегулирован законодательством и весьма путанным для самих военнослужащих. В результате этого большинство офицеров, прапорщиков, сержантов и солдат, проходящих военную службу по контракту, к моменту проведения организационно-штатных мероприятий оказывались не обеспеченными жильем. В силу сокращения должностей, которые ими ранее замещались, а также – при условии необеспеченности жильем и невозможности их увольнения, единственным выходом из сложившейся ситуации было зачисление в распоряжение ближайшего командира (начальника) для решения вопроса дальнейшего служебного предназначения (или увольнения).

Итогом такого процесса стало формирование целого социального слоя в структуре российской армии – военнослужащих, не замещающих никаких должностей, не исполняющих специальных обязанностей военной службы, не несущих никакой ответственности и, вместе с тем тех, которых нет возможности уволить без нарушения действующего законодательства. Точного числа этой армии «распоряженцев», или, как их еще называют, «армии призраков», в официальных документах не называется. Однако по данным некоторых структур, их численность количественно превышает военнослужащих, проходящих военную службу на должностях.

Естественно, сначала зачисление в распоряжение, а потом и длительное нахождение в распоряжении (по закону – это срок до шести месяцев, на практике – от двух лет) сопровождается негативными социопсихологическими процессами как для самого «распоряженца», так и для сослуживцев и командиров.

В результате сокращения воинских должностей «за бортом» оказались кадровые офицеры, выслуга которых составляет более двадцати лет, а стаж замещения воинских должностей руководящего состава не менее десяти лет. С их точки зрения, их опыт и знания оказались никому не нужными при одновременном ущемлении их прав в области обес-

печения жилыми помещениями. Министерство обороны не только не выполнило свои обязательства перед ними, но еще и унизило в глазах сослуживцев, зачислив их в распоряжение. Механизм разрешения этого внутреннего психологического конфликта развивался в двух основных направлениях: первое – когда военнослужащий, состоящий в распоряжении, возвращался к тем обязанностям, которые исполнял, находясь на воинской должности, помогая своим опытом и знаниями вновь назначенным молодым начальникам; второе – когда военнослужащий «привыкал» к своему новому положению и находил в нем положительные моменты (например, никаких обязанностей и ответственности при одновременном начислении денежного довольствия в прежнем размере). Как правило, социально зрелое разрешение внутреннего конфликта наблюдалось крайне редко, в большинстве случаев процесс зачисления в распоряжение сопровождался и сопровождается нарастанием социального иждивенчества и инфантильности, что в свою очередь способствует нарастанию напряженности по отношению к ним со стороны сослуживцев.

Так, принятый в ноябре 2011 года Федеральный закон Российской Федерации «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» № 306-ФЗ, а вслед за ним и приказ Министра обороны Российской Федерации от 30 декабря 2011 года № 2700 «Об утверждении Порядка обеспечения денежным довольствием военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации» увеличили денежное довольствие военнослужащих в несколько раз. При этом разницу в денежном довольствии военнослужащих, проходящих военную службу на должностях, и «распоряженцев» составляют, в основном, материальная помощь, выплачиваемая раз в год, и премия за эффективное и добросовестное исполнение должностных обязанностей. Если учесть достаточно высокие разряды по воинским должностям, которые существовали до организационно-штатных мероприятий, оклады по воинскому званию и максимальную надбавку за выслугу лет, то денежное довольствие «распоряженца»-полковника примерно соответствует или даже превышает денежное довольствие лейтенанта и капитана. Учитывая при этом отсутствие каких-либо специфических ограничений, сопровождающих прохождение военной службы, получается весьма «удобная» компенсация за невыполнение обязательств, или неплохое пособие по безработице. Такое положение дел в российской армии приводит к потере стимула служить на должностях у молодых офицеров. «Распоряженцев» не любят, в какой-то степени, завидуют.

Для командиров и начальников «распоряженцы» – это дополнительные проблемы: именно по ним проходят постоянные прокурорские проверки и финансовые ревизии; при практически полном отсутствии контроля за «распоряженцами» за них несетя полная ответственность; со всех сторон говорится о нарушении только их прав. Вместе с тем законодательством не предусмотрено, как именно командир, в чье распоряжение зачислены военнослужащие, может привлекать их к несению службы. Появляется замкнутый круг в отношениях, недовольство, напряженность и непонимание.

Единственным способом решения данной проблемы является тщательное продумывание организационно-штатных мероприятий именно с финансовой стороны. Их проведению должен предшествовать тщательный анализ количества военнослужащих, необеспеченных жилыми помещениями. Армия в любом государстве – это основа власти, но когда эта основа сама расколота изнутри и осуждает политику государства, это говорит о незрелости самого государства.

НАСИЛИЕ КАК ЭЛЕМЕНТ КУЛЬТУРЫ **VIOLENCE AS AN ELEMENT OF CULTURE**

Л.М. Злотникова
Белорусский торгово-экономический университет
L.M. Zlotnikova
Belarusian Trade and Economics University

Анализируются источники и механизмы насилия. В обществе распространено мнение о причинно-следственных связях роста насилия с реформированием экономики. Оно постоянно порождается существующими механизмами распределения и использования собственности, действием устойчивых стереотипов ролевых функций в семье и обществе. Общая культура человека и насилие находятся в тесной взаимосвязи, прочно интегрированы в системе «человек – общество – государство»

The sources and the mechanisms of violence are analyzed in the paper. It is widely believed in the society that there is a cause-effect relation between the increase of violence and economic reforms. This view is constantly caused by the existing mechanisms of distribution and use of the property, the action of the stable stereotypes about the roles and functions of the family

and society. The general human culture and violence are closely related, firmly integrated in the 'man - society – state' system

Ключевые слова: насилие, механизмы, гендерное насилие, структура насилия, распределение собственности, система противодействия

Keywords: violence, mechanisms, gender violence, the structure of violence, property distribution, the system of resistance

О насилии очень много сказано, написано, на первый взгляд может показаться, что механизмы давно известны. На теоретическом и практическом поле обозначенной проблемы сосуществуют два, можно сказать, взаимоисключающих подхода. Первый широко распространен в обществе, его можно изложить в одной фразе: «Разгулу насилия способствует отсутствие политической воли государства». В буквальном смысле слова широко тиражируется с момента возникновения государства. Ее давно изложили историки права, которые связывают появление государства как необходимого инструмента борьбы с насилием. Второй подход отражает результаты многочисленных исследований в психологии, социологии, философии и т.д. В отличие от носителей идеи «простоты проблемы насилия» ученые-гуманитарии пытаются обратить внимание общества и политиков на сложность проблемы насилия. В рамках предложенного формата мы не можем претендовать на глубокий анализ существующих философских, социологических, юридических, психологических и этических теорий насилия. Нас интересует экономическая сторона проблемы насилия. Т.Веблен – это один из немногих ученых, которого социологи, экономисты и философы считают своим. И это неудивительно, каждый его труд – это системный анализ процессов развития общества, основанный на строгой методологии. В «Теории праздного класса» Т.Веблен предложил свое понимание проблем насилия. Названный труд посвящен анализу образа жизни незначительной части общества – богатым людям. Но именно исследование источников происхождения богатства, принципов его распределения и приумножения позволяет обосновать фундаментальную основу насилия.

В какой-то степени правы исследователи, утверждающие, что «насилие заложено в природе человека». Однако возникает вопрос, что включает спусковой крючок, почему человек прибегает к насильственным методам. Ситуация с насилием, обусловленным природой, очень похожа на ситуацию с людьми, которых в медицине называют «бакносителями». Есть некоторая общность людей, которые хранят в своем орга-

низме опасные бактерии, сами при этом не болеют, но и способны заражать других только при особых условиях. Если принять точку зрения заданности насилия, то вопрос, «почему для одних – это образ жизни, а для других – противоестественное поведение», остается открытым.

Следуя за Т.Вебленом, мы склонны считать, что «голодный человек» быстрее отнимет кусок хлеба, чем сытый. Гипотеза небесспорна. Но различия в материальном положении часто стимулируют насилие. Собственность по-прежнему защищается разными способами. Историческое развитие человеческой цивилизации показывает, что борьба за сохранение социального статуса нередко порождает насилие богатых. Уничтожение соперника традиция оценивает как «мужественность, высокое достоинство, смелость, храбрость мужчины и т.д.». Борьба за собственность: материальное богатство, женщин, престиж, социальный статус поддерживается общественной моралью. Т.Веблен отмечал: «Захваченная добыча, трофеи охоты или налета начинают цениться как свидетельства выдающейся силы...Принятое на этой ступени развития (Веблен ведет речь о становлении человеческой цивилизации) культуры борьба становится общепризнанной, достойной формой самовыражения, а захваченные трофеи ...служат в качестве традиционного свидетельства успешной борьбы».(1, 74) Труд особенно упорный, однотонный, к тому же требующий больших затрат, не имеет огромного значения в общественном мнении.

На первый взгляд, наивная привычка возвышать отдельную личность, обладающую, прежде всего физической силой, зародившаяся на заре цивилизации, постепенно переросла в устойчивую традицию. Награды воинам, титулы, эпитеты все тем, кто чаще использует свои силы не на созидание, а разрушение. С одной стороны, это выглядит справедливо, воины, защитившие отечество, должны быть отмечены, узнаваемы и поддерживаемы народом. Но, с другой стороны, возникает мощный эффект подражания силе, которая невозможна без насилия. В общественной системе сосуществуют две культуры: миролюбивая, созидательная и хищническая, разрушительная. Это сосуществование невозможно пока разделить. Доказать, что миролюбивые формы ведения бизнеса, деловых переговоров, семейных отношений выгодны всем, достаточно проблематично. Мужественное, сила и многие другие характеристики воинственного поведения перекочевали в бизнес и политику.

Общество, в котором материальные ценности ставятся на пьедестал, создаются и широко поддерживаются различные средства их накопле-

ния. Сильное желание стать обладателем красивых, больших, дорогих домов, яхт, украшений и т.д. создает мощный стимул для агрессивного поведения. Агрессия – это реальное, практически ежедневно используемое проявление насилия. В XXI веке происходит медленное, но устойчивое замещение физических форм насилия на моральные, психологические. Сегодня сложно признать не только на теоретическом и тем более практическом уровне, что действующая система собственности и есть питательная среда насилия. Гуманитарная наука сегодня не может ответить на важнейший вопрос развития цивилизации: «Как связаны между собой объемы собственности и эффективность ее использования?» В начале реформирования экономики широко эксплуатировался тезис о наличии прямой корреляционной зависимости между величиной богатства и целью его приумножить. Если обратиться за помощью к Т.Веблену, то он еще в конце XIX века обосновал гипотезу, которая отрицает наличие устойчивых связей между количеством собственности и стремлением ее преумножать. Для членов общества, обладающих большими богатствами, становится важным их защитить. А это в свою очередь ведет к поддержанию общественных институтов насилия. Дополнительная охрана, вооружение, рост общественных затрат на содержание полиции, пенитенциарной системы, ужесточение законодательства, к сожалению, не снижают проблемы насилия. Если пользоваться официальной статистикой, то люди, прошедшие школу заключения, приобретают более изощренные методы насилия.

Традиционная культура семейных отношений родилась на заре цивилизации. Женщина становится собственностью мужчины на низших стадиях варварской культуры. В этот период ее демонстрировали как «трофей, захваченный в качестве пленницы». Женщина нужна была для ведения домашнего хозяйства, рождения и воспитания детей, занятий различными видами непроизводительного труда. Первая форма брака в большинстве случаев носила принудительный характер. Многие из современников могут ничего не знать об истории формирования семейной культуры, но при этом на практике широко использовать поведенческую культуру древности. Противоречия тенденций современной цивилизации и устойчивая приверженность традиционным ролевым функциям в семье, на наш взгляд, еще больше способствуют насилию в семье. Уголовные дела, публикации в средствах массовой информации, различные ток-шоу на телевидении предлагают большое количество примеров изощренных форм насилия в семье. Социальный портрет насильника в семье носит размытый характер. Семейное насилие опасно его

продолжением в будущее и не только формированием стиля поведения, но и состоянием здоровья. Решение требует объединения усилий всех заинтересованных и неравнодушных людей.

Литература

1. Т. Веблен, Теория праздного класса / Перевод с англ., общая редакция доктора экон. наук. В.В. Мотылева. Изд-во: Прогресс. Москва 1984. С. 367.

КОНФЛИКТ МЕЖДУ ВРАЧОМ И ПАЦИЕНТОМ В РАЗЛИЧНЫХ МОДЕЛЯХ ИХ ОТНОШЕНИЙ CONFLICT BETWEEN THE DOCTOR AND THE PATIENT IN DIFFERENT MODELS OF THEIR RELATIONSHIPS

Д.А. Изуткин

Нижегородская государственная медицинская академия

D.A. Izutkin

Nizhni Novgorod state medical academy

Рассматриваются возможности конфликтных ситуаций во взаимодействии врача и пациента в зависимости от модели их отношений. Это необходимо предполагает учет ряда объективных и этических факторов клинической деятельности, в частности, внутренние диспозиции врача и пациента на формирование определенного типа общения. Обращается внимание на профессионализм врача в выстраивании наиболее приемлемых отношений с пациентом на основе комплекса клинических, психологических и этических факторов медицинской деятельности.

Some ethical aspects of the relationship between the doctor and the patient in regard to specific models are highlighted in the article. These aspects are considered on the basis of objective factors, such as very dynamic and technological character of modern medicine and subjective dispositions of both sides. In the limits of definite model positions of subject and object may change. It demands the doctor be highly professional to choose the most relevant system of communication with the patient.

Ключевые слова: конфликт, врач, пациент, модели, субъект, объект
Key words: conflict, physician, patient, models, subject, object

Взаимодействие врача и пациента является одним из главных разделов клинической медицины и медицинской этики. Это проблема, лежа-

шая на пересечении различных дисциплин, – медицинской психологии, антропологии, философии, социологии и других. Данное взаимоотношение, являясь разновидностью коммуникативной сферы человеческой деятельности, тем не менее представляет свои особенности, внутренние разновидности и конфликтные проявления. Специфичность общения между врачом и больным заключается в следующем. Во-первых, она определяется и ограничивается не только определенной отраслью медицинских знаний и совокупностью клинических мероприятий, но и медициной как своеобразным *социальным* и *этическим* институтом, где устанавливается и регламентируется конкретная система и алгоритм действий по отношению к пациенту как человеческому «материалу». Во-вторых, с точки зрения многовековых исторических, этических и религиозных тенденций, предполагается, что в данной системе врач выступает не только как носитель теоретических знаний и эмпирического опыта, но и символом гуманных ценностей, образом, воплощающим максимальные представления, чаяния и идеалы людей о человеколюбии и других человеческих добродетелях. В-третьих, во взаимоотношениях врача и пациента последний, с точки зрения самосознания и самооценки, предстает как существо уязвимое не только в восприятии своей телесности, но и во многом теряющее ощущение себя как личности и собственной уникальности. В-четвертых, для того, чтобы в максимальной степени адаптироваться к специфике клинического и коммуникативного пространства и, тем самым, «защитить» свое Я, пациент в зависимости от конкретных медицинских вмешательств вынужден выработать индивидуальное отношение к происходящему, т.е. играть определенную «роль» и на основании этого пытаться выстроить общение с врачом, исходя из степени притязаний на свою автономию.

Постольку поскольку отношение врача к больному детерминируется системой его теоретических знаний, практического опыта и этических ценностей, здесь тоже имеет место формирование специфических диспозиций в рамках собственного понимания постулата «Я нужен тебе». И здесь имеют значение не только знания врача о болезнях – механизме развития той или иной патологии, диагностике и лечении, но и *взгляд* врача на болезнь и больного, его представления о *конечной* цели своей клинической деятельности. Отсюда, с точки зрения становления клиники и медицинской этики, «продвижение медицинского знания внутрь больного есть не просто продолжение движения приближения, которое должно было бы развиваться более или менее регулярно, начиная с того дня, когда едва умелый взгляд первого врача издали переместился на

тело своего первого пациента. Это результат коренного преобразования на уровне самого познания, а не на уровне накопленных, утонченных, углубленных и точных знаний» [2, 170].

Исходя из вышеизложенного, представляется целесообразным рассмотреть некоторые *модели* взаимоотношений врача и пациента, имеющие место в современной клинической медицине, в которых различный характер их общения может создавать основу для конфликтных ситуаций. Эти модели целесообразно рассматривать как *парадигмы*, сложившиеся в определенных объективных условиях развития медицинской науки и практики. Их темпоральность также во многом опосредуется весьма динамичным характером социально-экономической жизни общества, а также сложившейся системой общественных этических и нравственных ценностей. В современной медицинской психологии и медицинской этике существуют различные принципы, лежащие в основе выделения той или иной парадигмы взаимоотношения врача и пациента. В контексте данной статьи нижеизложенные модели будут рассмотрены с точки зрения возможностей формирования *конфликтных* отношений между врачом и больным.

Патерналистская модель, в основе которой лежит полное подчинение больного врачу, рассматривает врача как *субъекта* (начало активное, повелевающее) и больного как *объекта* (начало пассивное, подчиненное). Постулат «Я для тебя» со стороны врача подразумевает не просто необходимость для пациента оказания ему комплекса медицинских услуг, но в определенной степени (по мнению врача) предполагает его беззащитность, беспомощность, низкую самооценку, неспособность к принятию решений и активной позиции. В глазах врача такой пациент видится и воспринимается как «ребенок», в то время как сам врач ощущает себя «родителем», на которого возложены функции по воспитанию этого «ребенка». Предусматривается полное доверие пациента врачу и, в соответствии с этим, готовность следовать рекомендациям врача, причем не только в области непосредственно медицины, но и советам, выходящим в другие сферы деятельности пациента (трудовая, семейная, потребительская, в целом – образ жизни). Информированное согласие пациента здесь возводится в ранг аксиомы. Данная модель является по своей сути идеальной, с точки зрения подавляющего большинства врачей, ибо именно здесь достигается завершенный *комплаинс* (согласие пациента полностью следовать различным рекомендациям врача). Однако, именно эта модель в максимальной степени лишает пациента права на его *автономность* и в определенной степени ограничивает (если

не подавляет полностью) выработанную им систему жизненных ценностей и приоритетов. Отсюда, возникает вероятность формирования напряженности и конфликта, если врач не учитывает половозрастные, психологические, религиозные, социальные и другие особенности и диспозиции пациента.

Взаимоотношения врача как *субъекта* и пациента как *объекта* продолжают иметь место в *технической* модели, в которой врач рассматривает пациента как «материал» для апробации новейших достижений медицинской науки и практики, как «поле» его научных изысканий. Технократичность врача обусловлена здесь его стремлением использовать высокие медицинские технологии в диагностике, обследовании и лечении пациента. Постулат «Я для тебя» со стороны врача имеет в данной ситуации характер научно-исследовательской деятельности и часто выносится за рамки моральных и этических суждений. Исторические атрибуты, часто приписываемые врачу, такие как, сострадание, милосердие и сопереживание в этой модели имеют второстепенный характер (если они вообще значимы для врача). *Обезличенность* пациента в качестве объекта внедрения достижения медицинской науки в практику клинической медицины, вторжение в его телесность, переход от «живого» общения с врачом в виртуальную область медицинских технологий здесь проявляется в большей степени по сравнению с патерналистской моделью. Таким образом, существенное ограничение коммуникативного «пространства» и недостаточный индивидуальный подход врача к больному создает основу формирования конфликтных отношений, особенно в группе пациентов с тяжелыми формами заболеваний и, как следствие, существенно ограниченных в своей социальной жизни.

В отличие от предыдущих, *коллегиальная* или модель *партнерства* теоретически видит взаимоотношения врача и пациента как *субъекта* и *субъекта*, сотрудничающих в достижении некоей общей цели, обусловленной болезненным состоянием. Этой целью может быть скорейшее выздоровление, ослабление страданий, взаимное согласие партнеров относительно медицинских и социальных рекомендаций и пр. Данная модель в ее проекции на коммуникативную сферу деятельности вписывается в общие представления об идеальных человеческих отношениях. Постулат «Я для тебя», как со стороны врача, так и со стороны больного здесь в значительной степени теряет свой смысл и трансформируется в правило «Я для тебя и ты для меня». Обращенность пациента к собственному суждению и пониманию сложившейся медицинской ситуации, равно как и ожидаемое «равенство» партнеров, как бы призваны

уравнять шансы и права обеих сторон в выстраивании единой стратегии и тактики. В этой связи практически полностью утрачивает свое значение правило информированного согласия пациента, так как последний выступает как самоопределяющаяся сторона.

Вместе с тем, проявляется и определенная ограниченность в возможности реализовать данную модель в практической медицине и, отсюда, создать предпосылки для конфликтности. В любой клинической ситуации требуется *лидер*, определяющий и выстраивающий методiku и методологию общения врача и пациента. С другой стороны, как правило, между врачом и больным существует масса различных индивидуальных несоответствий. В руководстве по медицинской этике, изданной Мировой медицинской ассоциацией, отмечаются два основных препятствия на пути к плодотворной коммуникации между врачом и пациентом – *язык их общения и культура* [3, 43]. Это включает комплекс гендерных, социальных, религиозных, психологических и других особенностей. В этой связи выстраивание партнерских отношений по принципу *субъект – субъект* возможно, если будет достигнута единая цель общения, но интересы и позиции сторон будут различаться. К. Дернер называет это «позицией *противников*» (выделено мной – Д.И.) в отношениях между врачом и пациентом [1, 116]. «Тем самым устраняются недоразумения формулы друг – враг, когда вы или пациент, исходя из собственного желания, вырабатываете более дружественное отношение, чем к которому вы готовы, и которое вследствие последующего разочарования переходит во враждебность с различными деструктивными последствиями» [1, 118].

В заключение следует отметить, что конструирование взаимно приемлемых отношений и снижение вероятности формирования конфликтных ситуаций необходимо предполагает учет различных факторов социальной, культурной и медицинской деятельности, присущих врачу и пациенту. В мозаичности их взаимоотношений и тот и другой вправе (даже в формате одной модели) проявлять многогранность своей личности.

Литература

1. Дернер, К. Хороший врач / К. Дернер. – М., Алетея, 2006. – 541 С.
2. Фуко, М. Рождение клиники / М. Фуко. - М., Академический проект, 2910. – 252 С.
3. Medical ethics manual. The World Medical Association, Inc., 2005. – 134 P.

АГРЕССИЯ И НАСИЛИЕ В ТРАНСПОРТНОЙ РЕКЛАМЕ AGGRESSION AND VIOLENCE IN TRANSPORT ADVERTISING

И.А. Исакова

*Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского*

I.A. Isakova

N.I. Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Анализируется использование сцен агрессии и насилия для привлечения внимания потребителей на примере транспортной рекламы, а также меры борьбы с нарушениями в такой рекламе.

This article are about using of scenes of aggression and violence for drawing consumers attention on an example of transport advertizing, and also discussed a measure of fight against violations in such advertizing.

Ключевые слова: транспортная реклама, нарушения, агрессия, насилие, законодательство, российский и зарубежный опыт транспортной рекламы

Keywords: transport advertizing, violation, aggression, violence, legislation, Russian and foreign experiance of transport advertizing

Сегодня транспортная реклама – один из наиболее динамично развивающихся сегментов рынка рекламных услуг. Эта сфера насыщена инновациями, в первую очередь связанными с новыми технологиями манипулирования, подбираются всё новые формы сочетания визуальных эффектов, максимально продлевающих влияние рекламы на потребителя. Транспортная реклама за рубежом является значимым для рекламного рынка способом продвижения товаров и услуг, используется для популяризации инноваций, разрабатываемых во внеклармных сферах. Происходит эволюция способов размещения транспортной рекламы. Например, в Новой Зеландии используется следующая новейшая техническая инновация – абоненты оператора мобильной связи Vodafone могут получать рекламные сообщения во время ожидания транспорта на остановках прямо на свой мобильный телефон. Естественно, получать или не получать рекламные объявления – решает сам абонент, но в Vodafone считают, что данная услуга будет пользоваться популярностью, так как поможет привлечь пассажиров во время ожидания автобуса [1].

В зарубежной транспортной рекламе представлены все возможные типы передачи рекламной информации. Многие из них достаточно интересны, некоторые необычны и могли бы применяться в России, но зарубежный опыт не всегда положителен. Его можно использовать и как пример того, как не стоит делать рекламу. Приведем ряд примеров:

= Британская реклама push-up бюстгалтеров Wonderbra, сделанная агентством iris, основана на созвучии слов «bus» и «bust». На заднем борту написано «Big bus», а на боковом – «Gutted, just missed that 34D bus», но создана иллюзия, что написано слово «bust», просто буква t полностью не поместилась, виден только маленький кусочек верхней черточка. Взрослые люди и подростки легко могут догадаться о смысле сказанного. Другой пример – транспортная социальная реклама против СПИДа «Думай верхней частью, пока не начал думать нижней. Используй презерватив» (заказчик – The Foundation for AIDS Research (amfAR), исполнитель – Kenneth Cole Productions). По нашему мнению, подобную рекламу не стоит распространять в местах, где часто бывают дети и подростки. Есть спектр товаров, как презервативы, пиво, сигареты, прокладки, которые не должны рекламироваться в общедоступных местах. Такую рекламу уместно размещать там, где доступ к ней имеют только взрослые и детей можно оградить от неё, например, в ночное время по телевидению.

= Пример некачественной английской рекламы – рекламная кампания моющего средства, которая наглядно показывает, сколько одежды можно постирать, используя всего одну баночку. На автобусе размещено много одежды, которая загораживает обзор пассажирам и даже частично водителям. В пункте 5 статьи 20 закона «О рекламе» от 13 марта 2006 г. содержится замечание о том, что «реклама, размещенная на транспортных средствах, не должна создавать угрозу безопасности движения, в том числе ограничивать обзор управляющим транспортными средствами лицам и другим участникам движения...»[2].

= На автобусах в Лондоне появились сообщения: «Славные люди принимают наркотики». Кампания издательства The Guardian обращена в первую очередь к политическим деятелям. Они, по мнению авторов, должны пересмотреть свою позицию в отношении запрета на свободную продажу легких наркотиков. В другом лондонском автобусе размещена надпись: «Возможно, Бога нет. Хватит волноваться, наслаждайтесь жизнью». Эта кампания была задумана как ответ на засилье христианской социальной рекламы. Обе эти кампании реализованы с целью эпатировать горожан, но, на наш взгляд, необходимо уважать их право выбора. Здесь

привлечение внимания важнее разрешения проблемы, что ошибочно и может привести к обесцениванию самой социальной рекламы.

= Компания Adidas в Англии, продвигая новую модель кроссовок «Feet you wear», изобразила на троллейбусе во весь борт четыре стопы, которые плавно переходили в подошвы кроссовок и затем в торговый знак новой модели. Изображение «залезало» на окна. В один из парков поступила жалоба от пенсионерки, которая не желала сидеть в троллейбусе, глядя на чью-то пятку. Мы нашли ещё несколько примеров изображения обуви на транспорте, которая «залезала» на окна. Следовало бы рекомендовать обувным фирмам не изображать обувь на окнах.

= Реклама онлайн-сервиса по поиску работы Monster.com в Китае изображает двух мойщиков окон. Текст на автобусе гласит: «Не та работа? Monster.com. Быстрый поиск. Правильная работа». С нашей точки зрения, подобная реклама создает негативное впечатление о представленной специальности, позиционируя её как нечто непрестижное и позорное. Это является дискриминацией и неуважением к работникам данной сферы.

= В Китае в рекламе жевательной резинки изображен человек, опоздавший на автобус и застрявший в дверях – его спина нарисована на внешней части автобусной двери, а внутри на двери – голова этого человека. Как нам представляется, такая реклама призывает к насилию, поскольку человек, зажатый в дверях, вызывает скорее, не сочувствие, а смех. В другой рекламе изображены четыре собаки, которые, помчавшись за кормом, расплющили своего хозяина по задней стенке автобуса. Это опять-таки, на наш взгляд, унижение человеческого достоинства.

= В Америке в рекламе средства для похудения Weight Watchers на заднем борту транспортного средства изображен автобус, который накренился из-за излишнего веса одной пассажирки. По нашему мнению, это некорректная реклама, являющаяся дискриминационной в отношении лиц с излишками веса. Любая дискриминация в рекламе должна отслеживаться и не допускаться на рынок.

= В рекламе шоколадок Snickers в США на заднем борту изображены три молодых человека, один из которых как бы висит за бортом, а другой его втягивает в салон, похожее изображение и на боковой панели автобуса. В рекламе одной газеты – человек на заднем борту пытается залезть в автобус. Слоган рядом с ним: «Есть способ попроще получить каждый день свежую информацию – просто оформить подписку». Это демонстрация опасного для жизни поведения, подталкивающего к угрожающим жизни действиям.

= На рекламе ASICS, спонсора нью-йоркского марафона ING New York City Marathon, на стеклах изображены люди, которые выглядывают из окна и тянутся вниз со стаканчиками воды, видимо, демонстрируя заботу и поддержку участников марафона. Идея неплохая, но в реальности реклама получилась не очень удачной, поскольку изображенные герои протягивают стакан на уровне человеческого бедра, и когда автобус стоит на остановке, принимая пассажиров, с некоторого расстояния реклама и люди, идущие в автобус, выглядят двусмысленно, что подтверждает сложность в разработке транспортной рекламы с учетом специфики работы самого транспортного средства.

= В Швейцарии агентство «Advico Y&R» продвигает спонсорскую рекламу против пыток. На задней стенке автобуса изображены связанные руки, как если бы человеку их выкрутили и связали. Из внутренней отделки автобуса используются не только окна, но и кресла, что происходит достаточно редко. На наш взгляд, задействовать кресла для продвижения какой-либо идеи или услуги – интересная идея, однако именно эта реклама кажется нам неудачной. Её цель – вызвать ненависть к насилию, сочувствие к его жертвам и неприятие насильников. Все эти чувства – негативные – страх, опасность, неприязнь, ощущение, что тебе связали руки – не способствует хорошему настроению, заставляют задуматься о темной стороне жизни. Но транспорт предназначен для передвижения из пункта А в пункт Б, а не для дискуссии о социальных проблемах. В автобусе проезжают дети, которые не поймут смысла рекламы, но могут испугаться или, наоборот, получить подсознательный посыл к агрессии. Как нам кажется, транспорт не место для рекламы, основанной на технологии вызова агрессии или страха.

= На заднем стекле автобуса страховая компания Centraal Beheer в Нидерландах наклеила крупный стикер, создающий ощущение, что автобус движется задом наперед. Данная реклама несколько противоречива: интересное оформление, с одной стороны, а с другой – подобные изображения могут вводить водителей в заблуждение, дезориентировать и отвлекать их, что может спровоцировать опасную ситуацию на дороге.

= Яркая рекламная кампания на транспорте прошла в Дубаи – реклама дезодоранта АХЕ. Автобус выкрашен в черный цвет. Нижняя часть под окнами содержит белый текст на черном фоне и изображение контура дезодоранта, тоже черного. В верхней части – много танцующих людей, они изображены в разных позах, их очень много. Реклама с точки зрения социологического подтекста – нервирующая, черно-желтая расцветка и беспорядочно изображенные люди. Не стоит перекрашивать автобус в такие цвета, поскольку они дезориентируют людей сходством со знаком «Осторожно, опасность!».

По результатам проведенного нами анализа отметим, что транспортная реклама за рубежом оказывает значительное влияние на горожан, влияет на функционирование не только потребительских рынков, но и на социальную сферу, в том числе на сферу социального обслуживания.

Мы считаем, что необходимо не только более подробно изучать зарубежный опыт транспортной рекламы, но и внедрять некоторые его образцы в России, особенно те, которые касаются транспортной рекламы социального характера.

Однако изменения в транспортной рекламе носили не только положительный характер. В период 2006-2008 гг. появилась звуковая транспортная реклама, которая транслировалась в промежутках между объявлениями остановок. Подобные сообщения мешали пассажирам и поэтому были упразднены законодательно. Некоторые виды рекламы на бортах загораживают обзор из окон транспортных средств, хотя пока никак не ограничены законом. Разработка законодательных актов по защите прав пассажиров от некачественной транспортной рекламы ведется ещё недостаточно интенсивно.

Нами выявлены и иные образцы нарушений:

- В июле 2008 г. на троллейбусе № 9 была размещена реклама магазина игрушек «Радуга»: на желтом фоне львёнок, который напоминает о мультфильме о нём и большой черепахе, хотя он и не копия того героя. Похожий, но не такой удачный пример был в Туле. В тот же период на тульском трамвае № 9 проходила реклама другого торгового центра «Тройка-Посад» – изображения героев мультфильмов «Винни Пух» (Пятачок, Тигра и Медведь) и «Чунга-Чанга» на желтом фоне. Эта реклама излишне яркая, отвлекающая, она скорее проявляет свои обратные, антирекламные свойства.

- Ещё один пример негативной транспортной рекламы – создание имиджа магазина «Ярмарка обуви». На желтом фоне изображено много видов обуви. От неё рябит в глазах, если водитель будет долго ехать за таким пестрым автобус, это будет его нервировать, что может, в конечном счете, угрожать безопасности дорожного движения.

Обобщая данные проведенных нами наблюдений за транспортной рекламой, мы выделили три её возможные негативные свойства:

- некорректность и более крайняя её форма – ненадлежащая реклама, которая определяется как реклама, не соответствующая требованиям законодательства Российской Федерации, т.е. нарушающая законные права человека[2];

- раздражение. Раздражающая городская реклама негативна, потому что оказывается «неуместной», т.е. находится не в том месте и воспри-

нимается не в то время, выступая, таким образом, в качестве психологического загрязнения;

– агрессивность, т.е. побуждение человека к совершению насильственных действий. Особую сложность для анализа представляет реклама, которая основана на технологии «вызова агрессии», поскольку сложно определить грань, когда напряженность перестает просто пугать и заставляет неадекватно воспринимать действительность. Применение технологии агрессии в рекламе вообще должно быть строго ограничено.

Анализ ошибок в транспортной рекламе показывает, что преодоление проблем возможно только законодательными мерами.

Литература

1. Саркисян О. Реклама на транспорте: тенденции и новинки сезона // Теория и практика. – № 6(18). – 2006. – URL: <http://www.transitreklama.ru/pubs/article/show/29.htm> (дата обращения 20.11.2010 г.)
2. Федеральный закон Российской Федерации от 13.03.2006 N 38-ФЗ (ред. от 18.07.2011, с изм. от 21.11.2011) «О рекламе» (с изм. и доп., вступающими в силу с 15.08.2011) – URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=116655> (дата обращения 02.03.2012 г.)

ИНФОРМАЦИОННОЕ ДАВЛЕНИЕ В ИНФОРМАЦИОННЫХ ВОЙНАХ MEDIA PRESSURE IN INFORMATION WAR

А.А. Иудин

*Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского*

A.A. Iudin

Nizhny Novgorod State University

Дается характеристика понятия информационная война, приводятся примеры анализа акций, направленных против России, ее внутренней и внешней политики и конкретных и мероприятий, укрепляющих экономику страны.

The article contains a description of the concept of information warfare, examples of analysis of actions against Russia, its internal and external policies and specific facilities, strengthening the economy.

Ключевые слова: информационный агрессор, информационные акции, экономика информационных войн, бренд России

Keywords: information aggressor, information campaigns, the economy of information warfare, the brand in Russia

Специфика современного этапа развития общества заключается в том, что современные СМИ и глобальные сети становятся пространством геополитической борьбы, однако общественность не воспринимает это как арену ведения войн, продолжая считать её обычным источником информации. Действительно, в информационных войнах не проливается кровь, здесь нет боевых столкновений. Информационный агрессор может восприниматься как носитель правдивой и непредвзятой информации. Специалисты по анализу информационных войн отмечают, что важнейшей задачей информационной войны является создание условий саморазрушения противника, основанных на совокупности административных, экономических, политических, социальных, идеологических мероприятий, и такая работа активно осуществляется одновременно по всем направлениям.

Информационная война имеет и выраженное экономическое проявление: так, например, стоимость корпорации «Роснефть» (по итогам 2010 г.) меньше размера сумм, лежащих на счетах этой компании. Это признают и государственные чиновники: компания «Роснефть» серьезно недооценена, – отмечал глава совета директоров НК И. Сечин. ... «Раза на три «Роснефть» точно недооценена. Надо с этим еще разбираться, поработать», – сказал он журналистам[1]. Очевидно, что эта работа должна включать в себя и деятельность по формированию нового, адекватного и привлекательного бренда страны. Работа эта актуальна: рынок слияний и поглощений показывает, что недооцененных активов сегодня в России накопилось на сумму около \$2,2 трлн. в год. О необходимости комплекса работ по повышению капитализации страны, в частности, говорит в своей монографии и известный экономист С.Б. Чернышев[2]. Проблема экономической зависимости России от последствий информационной войны усиливается в связи с распространением в нашей стране новых практик, связанных с развитием рыночных отношений, в которых становится возможным в массовых масштабах производить особый предпринимательский ресурс – бренд, нагруженный социальными ожиданиями. Этот процесс преобразует систему СМИ, которые становятся реальной производительной силой, направляемой на захват и удержание общественного сознания в самых различных сферах, в том числе и в сфере экономических отношений. Однако влияние бренда страны не ограничивается экономикой. Россия проигрывает информа-

ционную войну, которая сегодня ведется на ее суверенной территории.

Особенно активная деятельность в плане информационной войны развернулась после известного грузино-осетинского конфликта 2008 г. Интересно, что именно в этот период особенно обострился интерес американского обывателя к российским реалиям. Это явление ярко проявилось при анализе англоязычных и немецкоязычных Интернет-форумов в той части, где они касаются оценок России. Объём текстового массива составил приблизительно 60 тыс. страниц машинописного текста – более 15 тыс. заявленных тем обсуждения. Глубина анализа форумов составила 5 лет – с 2005 по 2010[3]. Интересно, что в период с 2005 по 2010 г. интерес к России скачкообразно (в 5 раз) вырос именно в 2008 г. – с началом кавказского кризиса. На американских форумах статистически значимо присутствуют три основных сюжетных блока – агрессивность России, духовное подавление населения и энергетические ресурсы и экономика страны. В теме, посвященной вопросам агрессивной политики России, рассматриваются сюжеты, связанные с проблемами Северного Кавказа, с российской политикой геноцида, с российской армией. На англоязычных форумах Россия обычно позиционируется как агрессивная страна, подчиняющая себе сопредельные территории, используя силу, террор и коварство. По мнению посетителей форумов, России присуща грубая агрессивность, которая проявляется как во внешней, так и во внутренней политике государства. Интересно, что внутривнутриполитическая агрессивность России обсуждается более интенсивно, чем внешнеполитическая. Обычно, как отмечают участники форумов, Россия устраивает военные провокации в местах компактного проживания нерусских национальностей – на собственных этнических границах – с целью подчинения этих нерусских народов.

В 2010 г. интерес к этим событиям начал падать, а в ноябре 2012 г. снова вырос – в связи с процессами, связанными с Пусси Райот. Этой новой теме не дают затихнуть, и идет она в рамках старого сюжетного блока в связи с несвободой россиян, духовным подавлением населения России. Американские обыватели традиционно отмечали, что, несмотря на официально заявленную свободу, независимость этих территорий весьма ограничена. Эти территории должны быть независимы, самостоятельны, но Россия препятствует этому, фактически управляет их экономикой и манипулирует их политикой. Западная общественность удивляется, насколько некорректно требовать независимости республик, входящих в состав Грузии, при этом оставлять зависимыми Татарстан и Чечню, постоянно просящих суверенитета. Тема правового и ду-

ховного подавление населения страны традиционно является одной из самых насыщенных. Эти крайние формы политического подавления происходили в стране в период 1930 – 1953 гг., но в настоящий момент Россия не намерена признавать преступность сталинского режима и нести ответственность за их совершение – она, как всегда, отрицает любые компрометирующие её факты. Даже в США, полагают западные обыватели, случаются недоработки в области законотворчества, но американская законодательная система открыта, работает прозрачно. Власть России не уважает право, использует его в своих целях, свободно манипулирует им. И вот новые формы давления кровавого режима: девушек, попытавшихся свободно выразить свое мнение, посадили в тюрьму.

Успех этой новой акции информационной войны – образца активно-го информационного давления проявляет себя во многом. В частности, эта тема является весьма популярной во всех странах объединенной Европы. Важность этой акции заключается в том, что второй замер информационного пространства был произведён посредством загрузки и последующего анализа текстов немецкоязычного Интернет-форума о России, который показал высокий уровень лояльности немецких обывателей к России. Образ русских и России на немецких форумах является совсем иным, нежели на американских. Их содержание характеризуется, с одной стороны, довольно позитивным отношением к России, с другой стороны, ярко выраженными антиамериканскими настроениями, и уже не Россия предстает как жандарм Европы, а США предстает в качестве мирового жандарма. Однако сегодня появляются критические замечания в адрес России именно в связи с этой акцией.

В конце 2012 г. мы осуществили серию глубинных интервью с немецкой студенческой молодежью на тему, связанную с образом России. Предварительный анализ указывает на два существенных обстоятельства: 1) немецкая молодежь мало знает о России и слабо интересуется сведениями о ней и 2) все респонденты озабочены проблемой ограничения свобод в России в связи с делом Пусси Райот.

Экономический аспект результатов информационных сражений связан в наших исследованиях с атомной энергетикой и проблемой радиофобии в РФ. В июне 2011 года методом контент-анализа текстовых документов было проведено социологическое исследование проблемы радиофобии. Выявлены основные характеристики её существования в современном российском и зарубежном западном обществе. Работа осуществлена на солидной эмпирической базе, включающей в себя ана-

лиз прессы г. Навашино и г. Муром (414 статей), центральной российской прессы (1400 статей), англоязычной прессы (232 статьи) и англоязычных интернет-форумов (53500 сообщений). В этих информационных источниках просматривается четкая закономерность нарастания радиофобии по мере приближения источника публикаций к ареалу планируемого строительства Нижегородской АЭС. На американских форумах доминируют оптимисты, сторонники развития атомной энергетики. Настаивают на опережающем развитии АЭС в США. В американской прессе присутствует озабоченность по поводу опасностей, связанных с эксплуатацией АЭС, но доминируют мысли о необходимости повышения надежности станций. В российском интернете и федеральной российской прессе активно обсуждаются перипетии наиболее известных катастроф (Чернобыль и Фукусима-2). Муромская пресса насыщена эмоциональным протестом против атомной энергетики. Интересно, что во всех источниках встречаются одни и те же сюжеты, хотя и с разным наполнением. Эти сюжеты связаны с воздействием АЭС на здоровье людей и экологию; технологиями в атомной электроэнергетике; альтернативами АЭС – ВИЭ и ТЭС; экономическими аспектами проблемы; общественными движениями и общественными деятелями. Настроения радиофобии достаточно сильны во всем информационном поле России и играют значительную роль в формировании отношения к атомной энергетике. В общественном сознании силен страх перед радиацией в большинстве ее проявлений и не в последнюю очередь перед АЭС. Люди опасаются жить как вблизи атомных станций, так и на некотором удалении, что обусловлено еще памятным опытом Чернобыля и аварией Фукусима-1. Однако существует и оптимистичная позиция на этот счет, пусть и не столь популярная. Она сводится к пониманию того, что далеко не во всех случаях и проявлениях для человека опасны предметы и явления, связанные с радиацией. По сути, противниками этого процесса выступают в первую очередь «зеленые», опираясь в большей мере на мотивы радиофобии, нежели на конструктивные аргументы. В СМИ доминирует представление об АЭС как о реальной серьезной угрозе для жителей Монаково и других близлежащих территорий. Риск аварии, в соответствии с транслируемыми в СМИ представлениями о проектируемой станции, весьма велик. Независимо от этого само расположение функционирующей АЭС вблизи населенных пунктов рассматривается в качестве вредного для здоровья населения и опасного для всего региона. Воспоминания о произошедших катастрофах не ограничиваются скорбью и поддержкой пострадавших. В рамках дискуссии о строительстве

Нижегородской АЭС между нею и чернобыльской станцией часто ставится знак тождества, предрекается такое же будущее. Звучат утверждения, нагнетающие мысли о том, что атомные станции подобны пороховым бочкам, обреченным рано или поздно взорваться. Кроме того к протестной общественной работе по возможности привлекаются ликвидаторы последствий катастрофы на ЧАЭС. Печальный опыт прошлых лет активно используется противниками строительства атомной электростанции в Монаково.

Отношение жителей г. Муром и Владимирской области к строительству АЭС в Монаково однозначно негативное. Важным сюжетом в дискуссии сторонников и противников строительства является отношение к нему населения данных территорий. Критика противников проекта проявляется в организации большого количества акций протеста, привлечения внимания к проблеме известных и уважаемых общественных деятелей. Постоянные ссылки на социологические исследования практически не подкрепляются характеристиками этих исследований. По многим признакам, систематического анализа общественного мнения в регионе не было, что дает возможность манипуляции неадекватными и недобросовестными ссылками на общественное мнение. Противостояние сторонников и противников строительства АЭМ обрело характер информационной войны, в которой явное преимущество остается за критиками данного строительства и всей атомной энергетики. Мероприятия сторонников атомной энергетики представляются в качестве пропагандистских, некорректных в отношении общественности. Среди агентов влияния, активно участвовавших в акциях протеста против строительства АЭС в Монаково, особенно выделяются А.В. Яблоков, А.В. Ожаровский и В.С. Милов – очень авторитетные специалисты в разных отраслях деятельности, хотя все они позиционируют себя как специалисты в области экологии и атомной энергетики. Их объединяет одно: активное противостояние атомной энергетике, участие во всех акциях на эту тему и активное сотрудничество с иностранными организациями. Их деятельность достаточно эффективна: атомщики проигрывают сегодня информационную войну. Поддержка антиатомных движений в России весьма велика. Её активно и продуктивно организуют весьма влиятельные люди и организации.

Литература

1. Сечин И.: «Роснефть» недооценена раза в три. // «Ведомости», 9.12.2010.
2. Чернышев, С.Б. Россия суверенная: как заработать вместе со страной / С.Б. Чернышев. – М.: Европа, 2007. – 301 с.
3. Подробно эта проблема освещена в: Иудин А.А., Рюмин А.М., Шпилёв Д.А. Информационная война в Интернет: западные обыватели о России. – Нижний Новгород: НИСОЦ, 2011. – 156 с.

ГУМАНИТАРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ – АКТУАЛЬНАЯ СИСТЕМА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НАСИЛИЮ HUMANITARIAN TECHNOLOGIES – TOPICAL SYSTEM OF COUNTERACTION TO VIOLENCE

М.А. Казаков

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

M.A. Kazakov

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Раскрыто содержание и смыслы понятия «гуманитарные технологии», определены основные его аспекты, логически соотнесенные с параметрами насилия в ракурсе, требуемом управленческой элите.

The article discloses the content and meaning of the concepts of «humanitarian technologies», defines the main aspects of it, logically correlated with the parameters of violence in perspective, the required managerial elite.

Ключевые слова: гуманитарная технология, гуманитарная система, человеческий потенциал, противодействие насилию, элита, управление процессами развития

Keywords: humanitarian technology, the humanitarian system, human potential, and opposition to violence, the elite, the management of development processes

Гуманитарная система – это любая система с участием людей, где Человек – первейшая из гуманитарных систем. Деятельность моделей состоит в создании, накоплении и систематизации культуры. Цель этой деятельности – выживание и развитие (каждой и общей) системы в целом. При этом гуманитарные системы, как и входящие в них социальные множества, вступают в сложные, в том числе иерархические, отношения друг с другом. Где *гуманитарные технологии* выполняют функции систематизации, со-организации и упорядочения в пространстве и

во времени разнообразия компонентов целенаправленной коллективной деятельности людей на основе современного гуманитарного знания. Тем самым особенность авторского подхода к заявленной теме заключается в том, что он «связывает», по возможности, положения гуманитарного, социокультурного и политического знания.

Текущий этап развития гуманитарных систем, отмеченный вехами компьютерной революции и (само)утверждением глобальных информационных сетей, характеризуется формированием совершенно новых подходов к знанию и механизмам управления им. Содержание знания, по сути, перестает быть продуктом творения, а все чаще становится результатом *конструирования* и *переоформления*. (В кризисную эпоху – и перенормативирования, как ныне в странах ЕС). Проявление и обретение Нового Знания теряет свою *гносеологическую* ценность, поскольку последняя реализует себя через процессы *компиляции*, *форматизации* и *переорганизации* ранее созданных концепций, проявленных смыслов и их текстовых оформлений [1]. Знание мира уступает место информации о мире. Складывается самодостаточная информационная среда, не конкурирующая, а вытесняющая реальность, притупляющая чувства неприятия насилия.

Возрастающее влияние на жизнь общества как гуманитарной системы информационной среды прослеживается через экспансию в современный мир принципов информационного тоталитаризма. Они крепко связаны с превращением информационной индустрии в основное средство формирования массового сознания, а виртуальной реальности в пространство манипуляции им. Социум привык относиться к информации как к инструменту, обслуживающему его жизнь, и не способен до сих пор признать *агрессивный* по отношению к человеку характер внешней информационной среды.

Она наращивает рецидивы «неопределенности» в обществе, что уже само по себе требует при взаимодействии с этой средой освоения новых форм и мер безопасности [2], применения определенных технологий решения задач по самосохранению, саморегуляции и далее – формированию через *трансформацию* (само- и со-организацию) существующих новых человеческих сообществ. В этом наглядно предстает «высший уровень» сложности гуманитарных технологий, способных воздействовать как на отдельного человека, его общности и их интеракции. Дифференцированное понимания этого уровня (с учетом его политизации) есть ключ и основание для новых научных концепций гуманитарных технологий, в том числе и как актуальной системы *противодействия насилию*.

Новые гуманитарные технологии, считающиеся необходимым инструментом трансформации ведущих сфер современного общества, не являются ее причиной, но обеспечивают доступ к качеству человеческих ресурсов, проявлению их способности *управлять процессами развития*, одновременно представляя собой средства развития *человеческого потенциала*. Принципиально важное место в нем, увы, занимает и *насилие*. С древнейших времен до настоящего времени оно рассматривается социальными и политическими субъектами как одно из основных средств достижения своих целей.

Широкая распространенность различных форм насилия, опасные последствия их применения делают чрезвычайно необходимым теоретическое осмысление ряда проблем, относящихся к практике насилия. Поэтому и появление новых работ, и проведение конференций, посвященных анализу сущности, роли, причин и следствий насилия в общественной и международной жизни, более чем своевременно.

Как историк и политолог автор связывает насилие с сущностью политической власти. Как социальный философ и исследователь политических и гуманитарных технологий считаю, что *насилие является одним из средств – технологией принудительной реализации властной воли, побудительные группы причин которой в совокупности и есть ее источники*. Развивая *концепцию управления как гуманитарной технологии* [3], задача статьи – раскрыть современное содержание и смыслы понятия «гуманитарные технологии», определиться с его основными аспектами, логически соотнесенными с параметрами насилия в ракурсе, требуемом управленческой элите.

Одна из базовых функций и даже миссий элиты – снижение неопределенности в обществе, его стабилизация и интеграция. Такое устроение управленческой функции элиты в условиях, когда «сталкиваются лбами» две реальности – виртуальная и действительная, – это выработка и трансляция в общество определенной системы знаний и системы ценностей, поддержка и легитимация сложившегося символического универсума и соответствующего ему институционального порядка.

В этом смысле элита закрепляет системами правил и общественных институтов накопленный «символический» потенциал – идеи, ценности, нормы, технологии, определяя, в конечном счете, способы организации общественной иерархии, власти, управления и социально-политического устройства в целом. ...Конечно, если она на это способна и готова оперировать социальными, управленческими технологиями как гуманитарными, ориентированными на решение общих и конкретных проблем различных социальных страт и отдельного человека.

Главный смысл в слове «гуманитарный» – *человеко-ориентированный*. В таком типе деятельности важно осознавать взаимосвязь и различие в средствах развития потенциала человека и его деятельностных технологиях. Средство есть совокупность используемого личностью инструментария в определенной (только ей свойственной) последовательности. В категории «технология» речь прежде всего идет о *совершенных* средствах деятельности и о *мастерском*, искусном владении ими. Поэтому, используя такое словосочетание как «гуманитарная технология», необходимо понимать и обсуждать всю *гуманитарную практику*: постоянное совершенствование как субъектов, так и средств их деятельности, развития (онтогенез и профессиогенез); гуманитарное производство (становящееся все более высокотехнологичным) и разные по форме результаты (в контексте самых разнородных факторов, реально воздействующих на них).

Закономерно, что сегодня человеческое измерение как особая валентность содержания и способов воплощения целевой активности субъектов – предмет пристального внимания ученых, политиков, военных, социальных работников. Особенно если он смещается в область практики формирования, разработки и применения конкретных *технологий контроля и управления конфликтами*. Здесь и проявляется закономерность: чем полнее выражены и представлены в реальной жизнедеятельности общества источники насилия, тем вероятнее возникновение разных по форме насильственных конфликтов. Именно работами с технологиями их предупреждения на основе создания «системного языка» – понятийного аппарата и дисциплины, сконструированных для анализа данной системы, можно превратить гуманитарные технологии, по мнению ряда ученых, в науку о развитии конкретного общества.

Однако, узловой вопрос собственно гуманитарных технологий, неизменен. Он в том, *как, при каких условиях, за счет и во имя чего* возможны консолидация и наращивание мощности, а главное – качества человеческого потенциала, в другой терминологии – «человеческого» и «интеллектуального» капитала. Фактически, речь идет о постановке беспрецедентной задачи лидерам экономики, политики, культуры, образования и даже ВПК – сделать соответствующие сферы универсальной площадкой становления и развития базовых, родовых способностей человека. Тех, что позволяют ему быть не только материалом (наемной силой, электоратом, «пушечным мясом») и ресурсом социального производства, но, прежде всего, подлинным *субъектом* реального исторического действия и культуры, своей *собственной жизни, личностью* во

взаимодействии с Другими, *индивидуальностью* перед лицом Мирового Разума. Это и есть предельный смысл, а, по существу, предельное содержание и источник *критериев* гуманитарной практики, оценки результативности ее технологий.

Автор не просто противопоставляет насилию конструктивные средства решения социальных проблем и конфликтов, сколько доказывает приоритетность системного и деятельностного подходов в изучении обоих феноменов, необходимость раскрытия механизма действия различных причин их обуславливающих. В связи с характеристикой насилия как особого способа реализации воли участников социального и политического процессов полагаю, что в виде соответствующей технологии ей свойственны автократичность, конфронтационность, манипулятивность, непредсказуемость, разрушительность по отношению к содержанию и критериям созидательной гуманитарной практики.

Насилие относительно эффективно при решении разрушительных задач тактического характера, чем при достижении долгосрочных целей. Гуманитарные технологии, в свою очередь, «работают на них» лишь тогда, когда смысл общественного устройства прежде всего состоит в обеспечении экономического благополучия людей, на основе которого происходит их социальное и культурное возвышение [4]. Но, ни эффекты оптимизации, свойственные наряду с отличительностью целей, функций и структуры гуманитарным технологиям, не способны сделать их продуктивно востребованными людьми в функционально (бесперспективно) воспроизводящемся обществе. Что, однако, не мешает находящемуся в этой стадии социуму как прибегать к насилию, так и «выстраивать» гуманитарный тип технологий.

Ведь гуманитарные технологии – не механизмы и даже не инструменты в буквальном смысле этих слов. Это процесс – *исследуя, найти правильное решение, применив его, разрядить ситуацию, подняв ее на новый уровень, восходящий к достижению конкретных целей* той или иной политики, реально действующих субъектов, и результат как итог взаимодействия всех используемых при этом средств и приемов. *Образно говоря, гуманитарные технологии в любой из сфер общества – уникальный культурный лифт, поднимающий качество системных процессов и изменений.*

Это лишнее доказательство того, что новой России нужны принципиально новые знания, науки о самой себе, ближнем и дальнем зарубежье как социокультурных и гуманитарных системах, и «научная дисциплина-«трансформатор», «универсализующая», насколько это возмож-

но, эти науки» (А. Фурсов). Необходимо «перезагрузить» в режим реального человеко-ориентированного действия *всю* социальную науку и использовать её гуманитарное ядро не только в качестве диалога, сближения позиций, но и своевременного противодействия в борьбе как с чужими, так и своими «доморощенными» технологиями, чуждыми инновационному развитию нашей страны.

В этом ключе гуманитарные технологии как система противодействия насилию актуальны и имеют широкое практическое значение. Они раскрывают критерии оценки результативности этого средства/технологии: меру соответствия достигнутых результатов поставленным целям и их социальную цену. Масштаб последней в контексте политической истории России позволяет сделать вывод о том, что насилие является политическим средством, не имеющим морального оправдания.

Автор вместе с тем далек от односторонности в оценке и насилия, и гуманитарных технологий. В первом случае, справедливости ради следует отметить, что в определенных конкретно-исторических ситуациях насилие может приносить «ожидаемые» результаты. В свою очередь, новые гуманитарные технологии имеют «аккредитацию» (в том числе – нравственную) во всех сферах российского общества.

Но, именно научно-педагогическая мысль применительно к отечественной модернизации с настойчивостью предлагает выход на уровень *метаорганизации* в режиме конструирования адекватных эталонов жизненных укладов и норм социального действия, а также оформления перечня позиций, потребных для упорядочивания ресурсов, направленных на воспроизводство общности с выверено-заданными параметрами и свойствами. В связи с этим, одной из целевых задач гуманитарных технологий сегодня является формирование и экспертиза самих эталонов человеческих отношений и жизнедеятельности, которые стоит и необходимо воспроизводить [5]. Тем самым еще раз уточняется «предмет» и «объект» гуманитарных технологий.

В таком ракурсе «гуманитарная технология – это путь целенаправленного развития одних общностей и преобразование других, что по своему глобальному значению выходит далеко за рамки образования как такового, проникая в базовые социокультурные процессы, определяющие жизнь и развитие большого общества в целом» [6]. Менеджеры, управленческая элита, свободная от крайностей представлений о роли насилия и, несомненно, имеющая опыт работы с теми или иными методиками и техниками действий, приемами и процедурами, плодотворней,

по мнению автора, сумеют использовать гуманитарные технологии в предметных сферах управления.

Таким образом, гуманитарные технологии представляют собой самостоятельную гуманитарную систему, направление изменения которой определяется ее наличным состоянием и всей совокупностью обстоятельств внешнего окружения. Гуманитарные технологии осуществляются во имя людей и за счет их разумной деятельности с учетом складывающихся факторов, вызывающих изменения ситуации, драйверов и трендов.

Литература

1. Содержание профессионального образования в условиях информационной среды. 2-е изд., доп. и перераб., М.: ГОУ «Колледж предпринимательства», 2008. С. 39.
2. См.: Казаков М.А., Лемкина Е.С. ОСНОВЫ ТЕОРИИ БЕЗОПАСНОСТИ: гуманитарный аспект: Учебно-методическое пособие. Н. Новгород: ФМО ННГУ, «Мастер-принт», 2012. 45 с.
3. См.: Казаков М.А. Инновации и лидерство на региональном уровне управления: технологический подход // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского: Серия Социальные науки. № 1 (13). Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2009. С. 13-17.
4. Шепель В.М. Человековедческая компетентность менеджера. Управленческая антропология. – М.: Народное образование, 1999. С. 299.
5. Казаков М.А. Ценностно-деятельностный подход в исследовании современных политических элит и лидеров: понятия субъектности и гуманитарных технологий // Нижегородский журнал международных исследований *осень-зима 2009*. Н. Новгород: «Зум Медиа», 2009. С. 18.
6. Слободчиков В.И. Антропологическая перспектива отечественного образования. Екатеринбург: Издательский отдел Екатеринбургской епархии, 2010. С. 54.

**РЕЛИГИОЗНАЯ КУЛЬТУРА КАК ФАКТОР ПРЕОДОЛЕНИЯ
НАСИЛИЯ В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ**
**RELIGIOUS CULTURE AS FACTOR VIOLENCE OVERCOMINGS
IN POST-INDUSTRIAL SOCIETY**

Г.А. Каржина
*Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского*
G.A. Karzhina
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Рассматриваются философские аспекты и религиозные преодоления насилия.

In this article are considered some filosofsfsky and religious aspects of violence overcomings.

Ключевые слова: религиозная культура, преодоление насилия, гуманистические ценности

Keywords: Religious culture, violence overcomings, Human values

Современное общество, которое в привычных терминах мы характеризуем как постиндустриальное, отличается невероятной запутанностью, трансформацией культурных и социальных кодов. Проблема насилия, окруженная негативным ореолом критики либеральных и гуманитарных доктрин, применительно к постиндустриальному обществу приобретает парадоксальную сущность и содержание. Метафизические, эсхатологические, антропологические сюжеты заслоняются социально-психологическими интерпретациями в свете преобладающих теорий.

Зачем же обсуждать ещё раз эту тему? И можно ли дать совокупную системную оценку этого явления, чтобы минимизировать негативные социальные и личностные его стороны? Ответы на эти вопросы дает сама жизнь многочисленными сюжетами об отобранных у матерей в Финляндии и во Франции детях, убийствах, насилии и убийстве лидера Муаммара Каддафи, насилии в Сирии и многими другими. Мир полон насилия на фоне провозглашаемых самых интенсивных действий по защите прав человека и гражданских свобод. И вольно и невольно пробивается потребность искать нечто иное, глубинное, иррациональное, дающее надежду на спасение от зла «мира сего». Как противоположная духу насилия и вражды воспринимается религиозная культура, осно-

ванная на предстоянии Абсолюта, умиряющая личностную гордыню и самонадеянность. Диалектика Бога-Абсолюта и обращенной к нему индивидуальной души многообразно проявляется в христианской традиции, которая даже в Европе сопротивляется однополым бракам, клонированию, изменению человеческой природы.

По данным недавнего исследования американской организации The Pew Research Center, на христиан приходится 32% населения нашей планеты. При общем количестве в 2,2 миллиарда верующих они являются крупнейшей религиозной группой в мире[1]. В то же время каждый шестой человек в мире говорит, что не исповедует никакой религии. Религиозные ценности зримо и незримо проявляют себя и в европейской, и в российской культуре. О последнем свидетельствует уникальный массовый успех книги архимандрита Тихона Шевкунова «Несвятые святые» [2]. Изложенная без догматизма и начетничества христианская мораль привлекает к себе общечеловеческую суть и добротой. В мире, переполненном рисками и близостью смерти, христианские традиции дают опору теряющемуся в суете человеку. Именно христианство определило гуманистические идеалы культуры в терминах «свобода, равенство, братство». Христианство не только лично оформило Абсолют, но и привнесло в него человеческое начало, преодолев противопоставление земного и небесного, материального и идеального, божественного и человеческого. Распятие Христа – высшая символическая точка проявления насилия, так же как Воскресение – преодоление смерти и насилия.

В XX веке тема индивидуального насилия всё в большей степени вытесняла исследование сверхличностной, метасоциальной сути насилия. Последнее преимущественно сводилось к агрессивности, обусловленной воспитанием, средой, внутренними комплексами и страхами.

Выявление и осознание онтологических, экзистенциальных и антропологических аспектов насилия, включение их в культуру, в культурные коды и смыслы представляется необходимым вектором преодоления роста насилия и агрессии. Это и есть цель для религии и философии.

В истории философии проблема насилия осознавалась как проблема борьбы, вражды, ненависти, которая, например, еще в древности Гераклитом трактовалась как «отец всего». Платон разделил идеальный мир и мир земной таким образом, что несовершенство земного мира было предопределено онтологически, и не могло существовать пути Спасения. Иначе развивались религии, давшие народам основополагающие заповеди: «не причини зла живому» (буддизм), «не убий» (монотеисти-

ческие религии). Для верующего человека убийство, вражда, война стали проявлением зла, порожденного отпадением от Бога.

Зло и агрессивность в человеческой природе объясняли философы Нового времени. Английский философ XVII века Гоббс считал «войну всех против всех» естественным состоянием человека, основанным на потребности защиты жизни, собственности, свободы. Источником необходимого насилия во имя прекращения индивидуального насилия и агрессии в такой интерпретации становился властный суверен – Левиафан, чудовище, осуществляющее управление путём подавления и насилия. Противоположной можно считать точку зрения Руссо, для которого человек от природы добр и лишён зла. Природа зла рассматривается как социальная, порождённая частной собственностью и несправедливостью. И. Кант провозглашает зло следствием подчинённости человека «царству необходимости» и подверженности «слабостям и испорченности». Категорический императив направлен на устранение индивидуального зла личной разумной волей человека.

В марксистской философии концепция насилия социально и экономически детерминирована отношениями прибавочной стоимости и скрытой в ней эксплуатации одного класса другим. Коммунизм как идеальное общество и итог истории должен был бы устранить насилие в соответствии с принципом «От каждого по способностям, каждому по потребностям».

В философии Ницше воля к власти как максима жизни онтологизируется, онтологизируя тем самым насилие. Последнее становится космической силой, олицетворяющей жизнь – «Даже деревья в лесу борются из-за власти!».

Крайней социальной формой насилия является война, предотвращение которой в разные исторические периоды стало предметом деятельности политиков, религиозных деятелей, военных, философов, правоведов. Прошедшие на планете войны не могут быть объяснены только рациональными причинами. Иррациональное зло и насилие, определяемое через стремление к мировому господству, перестраивает человеческие эмоции и действия. Л.Н. Толстой в романе «Война и мир» описал таинственную силу войны, которая развела и озлобила еще недавно миролюбиво и добродушно настроенных людей. Он занял особое место среди пацифистов со своей теорией «непротивления злу насилием».

В России тема войны и мира непосредственно связана с осознанием значения Великой Отечественной войны, приобретая характер краеугольного камня внешней политики и национальной идеи. Через призму

прошедших лет, знакомясь с фактической стороной только одного эпизода войны – историей восемнадцатилетней Зои Космодемьянской, ещё с большей болью и недоумением вопрошаешь, как молодые мужчины – солдаты великой страны, страны Баха, Гёте, Канта, Гегеля могли пытаться и унижать пленённую русскую красавицу – юную девушку?! Эти солдаты были неоязычниками. Военные конфликты современности несут в себе не менее страшные сюжеты насилия, позволяющие говорить о политическом ритуальном насилии.

Преодоление насилия не может быть технологией, оно воспитывается на ценностях религиозной культуры в её развитых многообразных проявлениях.

Было бы несправедливо обойти вниманием природные феномены с точки зрения обнаружения простейших форм насилия. Тем более, что всё большую популярность приобретает концепция бихевиористского насилия Конрада Лоренса, где насилие трактуется как происходящее из функционального единства поведенческих реакций животных и человека. Животный мир зиждется на цепочках трофических связей, которые равновесны и вписаны в окружающую среду, если не вмешивается человек. Искать здесь истоки человеческого насилия нелепо. Сама по себе живая и неживая природа всё-таки не являет нам образцов метафизического, иррационального зла и насилия, которое встречается в мире людей. Именно в мире людей мы обнаруживаем нечто противоестественное – оружие массового уничтожения, которое может рассматриваться как фактор сдерживания и предотвращения войны. Мы обнаруживаем немотивированные потребности в золотых унитазах на фоне голода миллионов. Такая противоестественная с точки зрения законов природы структура общества уже содержит в себе неизбежность насилия.

Русская философско-религиозная традиция в понимании человека, представленная в работах В.В. Зеньковского, А.Ф. Лосева, С.Л. Франка и других отечественных философов, открывает перед человеком духовную вертикаль бытия, позволяет включить изучение проблемы насилия и его преодоления в контекст становления человека, как форму жизни души и духа, как путь творческой самоактуализации и раскрытия талантов, путь духовного преображения. На Земле, в земном пространстве человеку доступно только конечное и временное. Обращенная к Богу и человеку религиозная культура открывает возможности преодоления конечного и временного, к чему всегда стремилось человечество. Это пытается сделать и наука, проникая в законы космического пространства (вспомним Н.И. Лобачевского и его «воображаемую геометрию» и

гипотезу Г.А. Гамова о начале Вселенной и реликтовом излучении). Культура, являя высшие формы опыта преодоления времени и пространства, становится главным оружием против насилия.

Литература

1. Жан-Себастьян Филиппар. Почему моральное наследие христианства так живуче? Режим доступа: <http://www.inosmi.ru/world/20121227/203829400.html#ixzz2IplCmx8L> (Дата обращения 22.12.2012 г.)
2. Архимандрит Тихон (Шевкунов). Несвятые святые и другие рассказы. Издательство: ОЛМА Медиа Групп, Сретенский монастырь. 640 с.

МИФЫ О НАСИЛИИ И НАСИЛИЕ МИФОВ MYTHS ABOUT VIOLENCE AND VIOLENCE MYTHS

В. П. Козырьков

Нижегородский государственный университет

им. Н.И. Лобачевского

V. P. Kozyrkov

N.I. Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Обсуждаются изменения, происходящие в социокультурной природе насилия.

In article are discusses changes in socio-cultural nature of the violence.

Ключевые слова: насилие, культура, норма, личность

Keywords: violence, culture, norm, personality

Будем исходить из того, что сила есть способность субъектов изменять социальные явления путем активного на них воздействия. Если воздействие *соответствует природе социального явления*, то сила является созидательной. Когда воздействие субъекта не соответствует природе социального явления, то изменение будет деструктивным, а вызвавшая его сила будет *насилием*. Конструктивная направленность действия общественных сил зависит оттого, насколько полно и точно мы знаем изменяемое явление и насколько мы понимаем, что такое насилие, и какой меры должна быть социальная сила, чтобы действие не приводило к насилию. Выскажу некоторые соображения о социокультурной природе насилия в виде критических замечаний о ряде стерео-

типов о насилии, ставшими мифами в сознании субъектов различных общественных сил.

Миф 1: «Насилие имеет физическую природу». Фундаментальный миф, скрывающий сущность насилия. На самом деле, насилие является результатом применения *общественной* силы, а не проявления сил природы, как бы они ни были разрушительными по отношению к личности, к ее социальным взаимосвязям и ценностям. Объясняется это тем, что использование силы *более сильным* человеком по отношению к слабому (женщине, ребенку, старику, больному) есть насилие тогда, когда цель его – *подчинения* их себе. То есть для создания социального отношения, а не физического. Такое подчинение может быть насилием только в современном обществе, при современной культуре: в обществе, в котором физическая сила является основной *формой общественной силы*, использование преимуществ своей физической силы не является насилием. Известно, что определенные силы природы в культуре приобрели *символическую* форму выражения общественной силы. Например, молния, гром, извержение вулкана в сознании людей трансформировались в проявления сил богов, силы ядерной энергии — в символ современного политического могущества. Но извержение вулкана как таковое не является насилием, как и ядерные процессы, постоянно протекающие на космических объектах. Разумеется, о насилии в природе можно говорить в метафорическом или сказочном смысле. Существенно еще вот что: насилие есть отношение между людьми, в котором одна из сторон, жертва, лишается права на собственное мнение, подавляется ее воля и способность принимать решение. Следовательно, насилие есть *отчужденное* общественное отношение, в котором одна из сторон приобретает, по сути дела, *физический (неодушевленный)* характер. Этим самым происходит редукция насилия к его физической форме, что и приводит к мифу о физической природе насилия. Но по своим истокам насилие имеет общественную, социокультурную природу, так как при стремлении к равенству сторон, между которыми завязывается диалог, насилие становится невозможным. Поэтому, если в последние десятилетия остро стоит вопрос о насилии по отношению к животным, но лишь в том смысле, что животные признаются *элементами общественных отношений* и на них переносятся формы отношений между людьми. В самом животном мире нет насилия: там есть сила и бессилие. Таким образом, когда говорят о физическом насилии между людьми, то имеют в виду, что определенные социальные отношения *приводят* к телесным повреждениям, травмам, материальному ущербу. Но в этом случае физиче-

ские изменения есть *результат* социального конфликта, а не причина его. Если определенные социальные отношения и формы культуры *допускают* такие физические изменения тела и жизни человека, то насилия не существует, и оно не фиксируется в общественном сознании. Так было в течение столетий во времена рабовладения, крепостничества, вассальных отношений. Применение силы со стороны хозяина не оценивалось рабом как насилие до тех пор, пока раб не осознал себя личностью и не стал протестовать: он понял свое положение как не нормальное и захотел выйти из него. Наконец, осознание действий определенных общественных сил как действий насильственных есть показатель прогресса в развитии гуманистического характера общественных отношений. К насилию в обществе складывается нетерпимое отношение и все делается для того, чтобы преобразовать их на конструктивной культурной основе. Таким образом, гуманизация общественных отношений происходит путем осознания определенных элементов этих отношений как насильственных.

Миф 2: «Существуют различные виды насилия». Казалось бы, миф безобидный и распространенный, подчиненный логическому стремлению к классификации. Однако выделение видов насилия часто происходит в соответствии со *средствами* насилия, а не по выявляемой *сути* насилия, что ведет к *отрицанию социокультурного единства* любых форм и видов насилия. Представляется, что насилие всегда есть разрушение культуры, институтов общества и, в конечном счете, целостной структуры личности. Аргументы таковы: сознанием своего достоинства и способностью страдания обладает только человек; только конкретный человек обладает критерием оценки того, является то или иное внешнее действие по отношению к нему насилием или нет (например, применение грубой физической силы в решении семейных проблем долгое время не считалось насилием, поскольку это соответствовало нравам общества, а слабые члены семьи не жаловались); не может быть структурного (системного) насилия, так как насилие всегда персонифицировано (субъективировано) и не может быть абстрактным насилием вообще, насилием со стороны общественной системы и ее институтов: то, что считается в этом случае насилием, на самом деле есть общественная сила в исторической деструктивной форме.

Миф 3: «Насилие есть применение силы». Распространенный миф. Суть проста: любое применение силы в отношениях между людьми считается насилием. Но понятие силы и насилия не тождественны. Насилие есть неадекватная сила, ведущая к деструкции структуры лич-

ности; есть *превышение* допустимой в рамках существующей культуры или договоренности меры применения общественной силы, приводящее к страданию и к разрушению структуры личности. Насилие имеет особую и противоречивую структуру, в отличие от силы, включая в себя три элемента: насильник, акт насилия, жертва; насилие надо рассматривать в единстве этих элементов. Добровольное согласие на применение определенной чрезвычайной силы понимающих ее необходимость не является насилием. То, что считается нормальным в определенной культуре, в другой, более гуманной, воспринимается как насилие, а в культуре более суровой как изнеженность. Силовое принуждение, жесткость в действиях, суровость наказания в действиях институтов правопорядка юридически оправданы и не являются насилием, если они не переходят границы дозволенного *не только законом, но и нормами морали*: иначе они превращаются в произвол, жестокость и массовое устрашение.

Миф 4: «Насилие неустраимо». Миф сложный и опасный, так как концентрирует в себе ряд других мифов и парализует волю в борьбе против насилия. Общее соображение: этот миф питается онтологизацией насилия, между тем как оно как деструктивная общественная сила есть проявление активно действующих *социальных субъектов*, а не какая агрессия, рассеянная в обществе. В насилии всегда два субъекта: насильник и жертва. С позиции насильника насилие существует до тех пор, пока жертва позволяет его совершать. С позиции жертвы насилие существует до той поры, пока жертва бессильна и не может противостоять насильнику. Насильник оправдывает свое насилие бессилием жертвы; жертва оправдывает причиненное ей насилие своим бессилием. Возникает логика взаимооправдания. Главное: насильник утверждает, что *насилие провоцируется бессилием*: чтобы не было насилия, необходимо, якобы, всем быть сильными, обучаясь различным средствам защиты. Но в жизни всегда будут не только сильные, но и слабые: дети, больные, женщины, незащищенные. Следовательно, делается вывод, насилие будет всегда. Но если мы считаем, что бессилие является провокативной *причиной насилия*, то возникает вопрос: почему сильный должен оказывать помощь слабым, если мы слабость считаем причиной насилия? Если не считаем, то надо согласиться с тем, что бессилие вызывает не только чувство торжествующего превосходства и дает право на насилие, но и стремление сделать так, чтобы слабый не пострадал от действий более сильного и утвердить новые критерии оценки качеств личности помимо критерия силы. Так возникает *духовная основа* непрерывного вытеснения насилия из общественной жизни в действии обще-

ственных организации и сил. Этой основе противостоит другая духовная основа, воспроизводящая насилие: отношение *покровительства* и *эстетизма*. Суть эстетизма проста: сильный сам любит свою силу и заставляет *любоваться* этой силой слабого. Если моральные принципы социальной помощи вытесняются эстетическими, то помощь превращается в насилие в виде покровительства. В культуре выработаны различные средства по преодолению бессилия: милосердие, жалость, забота. В этом случае позиция силы не отменяется, а приобретает гуманную форму.

**ВЗАИМОСВЯЗЬ НАСИЛИЯ В ОБЩЕСТВЕ
И РЕЛИГИИ НА ПРИМЕРЕ ИСЛАМА**
**INTERRELATION OF VIOLENCE IN SOCIETY
AND RELIGION ON ISLAM EXAMPLE**

Ю.А. Кузнецова

*Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского*

Y.A. Kuznetsova

Nizhniy Novgorod State University after N.I. Lobachevskiy

Рассматривается влияние религии на общество, взаимосвязь насилия и религии на примере мусульманства.

In the article analyzed influence of religion on society, interrelation of violence and religion on the Moslem example.

Ключевые слова: религия, насилие, ислам

Keywords: religion, violence, Islam

Весь исторический путь, который прошло человечество до настоящего времени, представлен двумя формами бытия социума – войной и миром. Эпоха насилия приходит на смену эпохе ненасилия и наоборот. Но чаще всего общество пребывает в этих двух ипостасях своего бытия одновременно. Поэтому проблема насилия относится к числу извечных проблем человечества. Однако, более печальным является другой вывод – насилие есть социальный порок, который неизлечим. Изменчивы лишь его симптомы (объем и качественные свойства насилия), определяемые социальными процессами конкретно-исторического этапа развития общества. При этом одним из важнейших сдерживающих факторов насилия является религия. Религия является одним из самых древ-

них и мощных средств управленческого воздействия на личность, социальные общности и общество. В истории цивилизаций, разнообразных культур и социумов религия играла важную роль мировоззренческого и морально-этического регулятора поведения людей. Религиозный институт продолжает оставаться одним из определяющих звеньев социальной структуры, оказывает ощутимое воздействие на социальные процессы и поведение отдельных людей. Процессы демократизации нашего общества, изменение отношения государства к религии и религиозным объединениям привели к возникновению принципиально новой религиозной ситуации. Религия в современном российском обществе занимает все более важное место и приобретает значение для развития многих общественных процессов: духовных, культурных, правовых, экономических, политических.

На протяжении XX века в социальных и политических науках преобладала идея ослабления роли религии в жизни общества. Основные версии этой идеи – теория модернизации и теория секуляризации. Они базируются на постулате: эпоха религиозных войн позади, поэтому влияние ислама на внутреннюю и внешнюю политику мусульманских государств падает. Однако, в период от 1-й мировой войны до 1970-х гг. ислам играл значительную роль в антиколониальных движениях и региональных конфликтах, а на конференции 1969 г. в Рабате главами государств и правительств 22 мусульманских стран была создана Организация Исламская конференция. В 1979 г. произошла исламская революция в Иране. После этого правительства мусульманских стран стали интенсивнее обращаться к исламу как основанию политики. Это вызвало замешательство в научных и политических кругах США и СССР. В настоящее время арабский мир наводнён кровопролитными конфликтами, в которых религиозный вопрос порой занимает не самое последнее место. В связи с этим возникают следующие вопросы: какова роль ислама в политике? Является ли ислам угрозой светским государствам? Каково отношение ислама к насилию?

Религия активно используется экстремистскими, националистическими силами, выступает идеологическим обоснованием терроризма, вооружённых конфликтов. Религиозная составляющая в той или иной мере присутствовала в половине крупных вооружённых конфликтов, произошедших во второй половине XX века. В начале XXI века религиозная идеология активно используется вооружёнными террористами по всему миру (Афганистан, Алжир, Великобритания, Египет, Ирак, Испания, Северный Кавказ, США и др.).

Религиозно мотивированное насилие — в форме терроризма или другой вооружённой борьбы является, на наш взгляд, одной из самых насущных проблем современности. Укоренившаяся в сознании определённых групп людей установка на использование насилия в качестве способа разрешения конфликтных ситуаций вызывает негодование и желание разобраться в данной нетривиальной проблеме. Ситуации, когда ортодоксальное исламское общество кровопролитно реагирует на провокации в религиозной области, в настоящее время в особенности часты, что и вызывает крайнюю актуальность данного вопроса. Весьма показательной является реакция арабского мира на фильм «Невинность мусульман». Этот фильм, с его простейшей композицией, призван объяснить среднему европейскому обывателю, что мусульмане совершают множество злодеяний, оправданных их священной книгой — Кораном. Фильм доступен в Интернете. Современное общество позволяет производить и распространять подобные инсинуации. Ещё один пример антиисламской публицистики — книга итальянской журналистки О.Фалаччи «Ярость и гордость» (безусловно, сюда относится и фильм «Фитна» (Нидерланды, 2008) голландского правого политика Геерта Вилдерса, книга россиянки Е.Чудиновой «Мечеть Парижской Богоматери», которая является не только антиисламской, но и прокатолической, что вырывает данную публикацию из российского контекста). В частности, реакция на фильм «Невинность мусульман» потрясла не меньше, чем сам фильм. Последовало убийство американского посла в Ливии, начались массовые антиамериканские демонстрации. "Если кто-нибудь убьёт этого богохульника, подвергнувшего оскорблениям святого пророка, то получит от меня награду в 100 тыс. долларов," — прокомментировал своё решение пакистанский министр Гулам Ахмед Билур.» По словам Хаджи Гулама Ахмеда Билура, он осознает, что подстрекательство к убийству противоправно, однако готов пойти на это преступление, поскольку лента оскорбила религиозные чувства верующих.

Министр также обратился к боевикам движения "Талибан" и террористической сети "Аль-Каида" с просьбой покарать создателя скандального фильма и подчеркнул, что в случае успеха операции по уничтожению автора ленты готов выплатить обещанное вознаграждение даже экстремистам.

Пороховая бочка недовольства арабского мира готова взорваться, что неминуемо приведёт к огромному количеству невинных жертв.

Поскольку исламизм представляет собой идейный вызов мировому сообществу в целом и России, в частности, следует признать: альтерна-

тива теологии политического ислама может быть сформулирована только в сфере теологии. Если бы религиозные фанатики были корыстными наёмниками, их можно было бы перекупить. Если бы они были психически больными или «зомбированными», вылечить или «дезомбировать». Но убеждённых людей можно только переубедить. Для этого нужно, в первую очередь, изучить их теологическую базу, их мировоззрение. И предложить в качестве альтернативы другое мировоззрение. Возможно, в этом состоит самая важная задача современной общественной мысли.

**СТРУКТУРНОЕ НАСИЛИЕ
КАК УГРОЗА СОЦИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
STRUCTURAL VIOLENCE
AS A THREAT TO SOCIAL SECURITY**

П.И. Куконков, М.С. Лубяной
Приволжский филиал ИС РАН
P.I. Kukonkov, M.S. Lubjanov
Privolzhsky branch IS RAS

Рассматривается связь структурного насилия с процессом ослабления социальной безопасности в России, обосновывается необходимость введения понятия "структурно-психологическое насилие", наиболее адекватно описывающего сущность некоторых процессов, протекающих в России в течение двух последних десятилетий.

This article discusses the relationship of structural violence to ease social security in Russia, the necessity of the introduction of structural and psychological violence, "most adequately describes the essence of certain processes in Russia during the past two decades.

Ключевые слова: социальная безопасность, насилие, структурное насилие, структурно-психологическое насилие

Keywords: social security, violence, structural violence, structural and psychological violence

Проблема социальной безопасности как существенного компонента национальной безопасности представляется, прежде всего, как проблема обеспечения "общественного здоровья человека", состояния полного физического, психического и социального благополучия[1], стабильной

защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства. Социологический анализ системы социальной безопасности предполагает выявление и описание факторов, способных ослабить или разрушить эту систему. Одной из главных угроз социальной безопасности современной России является насилие, несводимое исключительно к прямому физическому насилию.

Мы разделяем подход, трактующий насилие как "...применение индивидом или социальной группой различных форм принуждения в отношении других индивидов, социальных групп с целью приобретения или сохранения экономического и политического господства, завоевания тех или иных прав или привилегий"[2].

Глубинным основанием насилия являются "ущемленные базовые потребности"[3]. Стремление к их удовлетворению неустранимо, его можно либо временно подавить при помощи насилия либо уничтожить вместе с носителями. И тот, и другой путь неизбежно ведет к ослаблению и разрушению социальной безопасности.

Эскалация насилия в России[4] объясняется, на наш взгляд, крайней поляризованностью высших и низших слоев российского общества, несовместимостью основных параметров их образа и качества жизни. Политика государства в социальной сфере (труд, образование, здравоохранение, культура) не только сохраняет, но и усиливает неравенство между этими слоями. Углубление социальной дифференциации является наиболее мощным фактором социального недовольства, агрессии, насилия в России, где в массовом сознании всегда жила и живет идея социальной справедливости.

Если в качестве индикаторов насилия рассматривать такие явления, как преступность, террор, этнические и социальные конфликты, можно сделать вывод о том, что насилие стало правилом во взаимоотношениях значительной части российского общества. Насильственные практики все более успешно приживаются в различных сферах российского общества, все слабее отторгаются существующей социокультурной средой.

Обостряющееся противоречие между растущими ожиданиями массовых групп населения России и прогнозируемым в условиях кризиса сжатием спектра их реальных возможностей чревато ростом недовольства, способного легко трансформироваться в насильственные практики, вовлечение в процесс насильственного взаимодействия все новых социальных групп.

Любая форма властных отношений предполагает асимметричность, неравенство, различие интересов объектов власти и властвующих структур, следствием которых является взаимное отчуждение, усугубляемое процессом бюрократизации системы управления. В связи с этим все более актуальной становится проблема выявления и анализа непосредственно ненаблюдаемых форм проявления власти, отражающих скрытое действие интересов различных групп "властвующей элиты"(Ч.Р.Миллс)[4].

Насилие является результатом отставания процесса развития жизнеспособных политических институтов от процессов социальной и экономической трансформации. Различая традиционные, переходные и современные общества, С.Хантингтон обращает внимание на то, что первые и последние менее склонны к политическому насилию, в отличие от обществ в процессе трансформации[5]. Процессы, протекающие в переходном обществе России, полностью подтверждают этот вывод. Рост насилия, органически встроенного в систему социальных отношений, все более отчетливо демонстрирует неготовность российского общества и государства к эффективному вмешательству в эти процессы, прогнозированию, предупреждению и локализации насильственных форм взаимодействия.

Необходимо подчеркнуть, что не существует достаточно эффективных способов устранения насилия, связанного с неравенством больших социальных групп. Однако, многие проявления насилия могут быть исключены или локализованы при своевременной диагностике и использовании адекватных мер предупреждения. Диагностика насилия включает его типологизацию и классификацию, одним из базовых критериев которой выступает разграничение насилия на два вида: прямое насилие и структурное насилие. Если прямое насилие предполагает непосредственное воздействие субъекта на объект, то структурное насилие – это создание определенных условий (структур), ущемляющих потребности и интересы людей.

Именно структурное насилие, на наш взгляд, определяет характер и особенности насилия в современной России. Понятие «структурное насилие», введенное Й.Галтунгом, означает любое ограничение человеческого саморазвития и отождествляется с отсутствием равенства и социальной справедливости. Опасность структурного насилия заключается в том, что оно воздействует косвенно, через социальные структуры, и, как правило, не осознается индивидами и социальными группами, подвергающимися его воздействию. Й.Галтунг подчеркивает, что под

структурное насилие попадают только те явления, которых можно было бы объективно избежать в определенной социальной структуре в определенное время[6, Р. 174-182.].

Выделяемые Й.Галтунгом типы насилия, отражающие различные стороны этого феномена[6, Р.168-174.], на наш взгляд, в социальной практике в чистом виде не встречаются и соотносятся между собой на основании принципа дополнительности. В связи с этим представляется достаточно перспективным эвристический потенциал такой категории, как "структурно-психологическое насилие", основным содержанием которого является "информационный прессинг" и "промывание мозгов". Представляется, что в течение двух последних десятилетий именно этот тип насилия играет значительную роль в ослаблении социальной безопасности России.

Структурно-психологическое насилие может оказывать и оказывает мощное негативное воздействие на психику и сознание индивидов и групп. Манипулирование сознанием массовидных социальных групп в сочетании с дозированием информации, маргинализация в совокупности с разобщением, отделением друг от друга препятствуют адекватному осмыслению ими реального положения дел и обусловленной этим мобилизации, необходимой для обеспечения социальной безопасности.

Структурно-психологическое насилие, при определенных условиях, может стать инструментом, направленным против власти, ослабление "несущих конструкций" которой может привести не только к эскалации прямого насилия, но и к ослаблению государственной безопасности.

Основными инструментами структурно-психологического насилия в современной России являются СМИ, ориентированные на интересы групп, доминирующих в сфере политики и экономики. Структуры власти, попадая под контроль этих групп, монопольно распространяют право принятия решений из области политики в другие социальные сферы, что усугубляет неравномерность распределения ресурсов, порождает социальные проблемы, провоцирующие структурное насилие, ведущие к его эскалации и ослабляющие социальную безопасность.

В этих условиях принципиально важна внятная, консолидированная позиция общества и государства по отношению к структурному насилию, к содержанию и характеру интерпретации этого явления со стороны СМИ, поскольку в системе напряженного взаимодействия между людьми "вброс" ложной информации при определенных обстоятельствах может актуализировать ситуацию, чреватую прямым и, нередко, физическим насилием.

Литература

1. Социологическая энциклопедия. В 2 т. Т. 1.-М.:Мысль, 2003. С. 85.
2. Российская социологическая энциклопедия. НОРМА-ИНФРА. М.,1998. С. 310.
3. Burton J., Sandole D. General Theory: The Basis of Conflict Resolution. In: Negotiations Journal. 1986. P.333-344.
4. Агафонова М. Ю. Проблема насилия в социальном познании: автореферат диссертации на соискание степени доктора философских наук: Ростов-на-Дону, 2003. РГБ ОД.
5. Миллс Ч.Р. Властвующая элита. 1959.
6. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция. 2004.С.29.
7. Galtung J. Violence, peace and peace research. In.: Journal of Peace Research. Vol. 6. 1969, №3. P. 174-182.

**ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ПРОФИЛАКТИКИ
СЕМЕЙНОГО НАСИЛИЯ В УСЛОВИЯХ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ**
**THE THEORETICAL MODEL OF PREVENTION
OF FAMILY VIOLENCE IN THE CONDITIONS
OF EDUCATIONAL INSTITUTION**

Н.А. Куликова, С.Ю. Быкова

Муромский институт (филиал)

Владимирского государственного университета имени

А.Г. и Н.Г. Столетовых

N.A. Kulikova, S.U. Bukova

Murom Institute (branch)

Vladimir state University of a name

A.G. and N.G. Stoletovich

Рассмотрены теоретические аспекты феномена внутрисемейного жестокого обращения, проанализированы различные виды насилия над детьми в семье и представлена теоретическая модель, направленная на предотвращение семейного насилия, внедрение которой рекомендовано в условиях образовательного учреждения.

In the article the theoretical aspects of the phenomenon of family ill-treatment, analysis of different types of violence against children in the family and provides a theoretical model, aimed at the prevention of domestic vio-

lence, the implementation of which is recommended in the conditions of educational institution.

Ключевые слова: домашнее насилие, жестокое обращение, семейное воспитание, методы диагностики, коррекционно-терапевтические методики, социальный психолог, социальный педагог, образовательное учреждение

Keywords: domestic violence, ill-treatment, family education, methods of diagnosis, correctional and therapeutic methods, a social psychologist, social teacher, educational institution

В ситуации динамики роста жестокого обращения с детьми актуализируется необходимость поиска технологий работы с семьёй по профилактике и предотвращению насилия, в частности, в условиях образовательного учреждения.

Изучением проблемы насилия занимались многие исследователи.

Н.И. Никитина и М.Ф. Глухова исследовали влияние наказания на поведение человека. И.А. Алексеева и И.Г. Новосельский занимались изучением жестокого обращения с детьми. Н.К. Асанова изучала способы предупреждения насилия над детьми.

Дети, пережившие насилие, характеризуются различными видами деприваций, в частности, они не доверяют взрослым, имеют слабый контакт со своим телом и с подлинными чувствами, у них нарушены границы личностного пространства.

Группы факторов как условия формирования жестокого поведения родителей следующие: социально-экономические, психологические:

Традиционно различают четыре общих категории жестокого обращения с детьми: физическое насилие, сексуальное насилие, пренебрежение потребностями ребенка, эмоциональное насилие. В свою очередь, каждая из этих категорий включает в себя ряд поведенческих проявлений, которые необходимо диагностировать специалисту, в частности, специалисту образовательного учреждения. В реальной практике обычно встречаются одновременно несколько видов насилия.

Любой вид жестокого обращения с детьми ведет к самым разнообразным последствиям, но их всех объединяет одно – ущерб для здоровья ребенка или опасность для его жизни, нарушение прав ребенка.

Для эффективной работы специалистов по предупреждению жестокого обращения с детьми в семье необходима диагностика форм неадекватного семейного воспитания, к которым относятся: гиперпротек-

ция, гипопротекция со стороны одного из родителей, неустойчивый стиль воспитания, эмоциональное отвержение, гипоопека и жестокое обращение. Непременным условием стабильности семьи и нормального развития ребёнка является сотрудничество родителей с педагогическим коллективом образовательного учреждения.

Главная задача педагогического коллектива ДОО или иного образовательного учреждения (далее ОУ) – найти такое взаимодействие с родителями ребёнка, которое поможет развивать и формировать будущую личность в социально одобряемом направлении, с минимальными психологическими затратами, а также организовывать эффективную деятельность по профилактике жестокого обращения с детьми в семьях.

Мы считаем, что для снижения остроты данной проблемы существует необходима разработка теоретической модели организации профилактики насилия над детьми в семейном воспитании.

В результате профессиональной деятельности социальным психологам в организации профилактики жестокого обращения с детьми в семьях необходимо отработать систему общения и деятельности с семьей различного типа, которая основана на уважении к личности ребенка, понимании его внутреннего мира, доверии и желании оказать действенную поддержку и помощь, а также на принципах гуманизма, толерантности, взаимопонимания, конфиденциальности и др.

Успех реализации данных принципов во многом зависит от правильного выбора форм и методов работы: изучение семьи, осуществление контроля за эмоциональным и психологическим состоянием членов семьи, отслеживание судьбы детей, воспитывающихся в ней, психологическая помощь, включающая меры профилактического, диагностического и коррекционно-терапевтического характера. Самым распространенным и естественным является метод наблюдения. Преимущественной является индивидуальная работа с семьей.

Наиболее информативными являются следующие методики: психодиагностический опросник А.Е. Личко, цветовой тест М. Люшера, шкала уровня субъективного контроля Д. Роттера, рисуночные тесты «Дом-дерево-человек». Используются методики диагностики темперамента, характера, самооценки, самосознания, методы диагностической беседы.

Работая с семьей, социальный психолог может использовать как индивидуальные, так и групповые формы работы. К индивидуальным формам работы относятся: консультирование, психотерапевтические техники и методы (арт-терапия, игро-терапия, сказко-терапия, психоанализ, техники релаксации), коррекция психических познавательных

процессов (внимания, память). Одной из форм работы с семьей являются консультационные беседы (эмоциональное заражение, внушение, убеждение, художественные аналогии, минитренинги и пр.). Наряду с индивидуальными консультативными беседами могут применяться групповые методы работы с семьями – тренинги общения, уверенности в себе, эмоционального реагирования, асертивности, восстановления детско-родительских отношений.

Эффективными формами являются: анкетирование родителей; школа успешных родителей, цель которой, психологическая коррекция конфликтных взаимоотношений родителей с детьми, неадекватных родительских установок и стереотипов воспитания ребенка; тренинг для родителей и детей; совместные игры детей и родителей; индивидуальные и групповые консультации.

Наиболее удобными и эффективными в организации профилактики жестокого обращения с детьми в семьях являются методы повседневного общения, деловых, доверительных взаимоотношений, доведения любого вида помощи семье, ребенку до положительного результата.

Основная задача – активизировать психологическую, воспитательную деятельность семьи, придать ей целенаправленный, общественно значимый характер, предотвратить возможность проявления жестокого обращения с детьми в семейном воспитании.

Для реализации данной модели необходимо использовать профессиональный потенциал социального психолога, социального педагога, классного руководителя, специалиста органов опеки и попечительства, что обеспечивает оперативность и комплексный подход.

В результате использования данной модели на практике ожидаются позитивные тенденции повышения мер профилактики жестокого обращения с детьми в семьях.

Данная теоретическая модель может быть использована в образовательном учреждении. Условиями, при которых она может быть позитивно реализована, являются использование разнообразия элементов модели; компетентность и квалифицированность специалистов, задействованных в её осуществлении; эффективность их работы; руководство многообразием принципов, указанных в данной модели. Всё перечисленное является условиями успешной реализации и функционирования модели.

Результатом систематической профилактической работы является формирование безопасной среды, при которой максимально снижено влияние факторов, провоцирующих насилие, и сведены до минимума проявления агрессии любого рода.

**СПЕЦИФИКА ВОСПРИЯТИЯ НАСИЛИЯ
СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖЬЮ**
**SPECIFICITY OF PERCEPTION OF VIOLENCE
STUDENT'S YOUTH**

Л.М. Куракина

*Филиал Самарского государственного
технического университета в г. Сызрани*

L.M. Kurakina

Branch of the Samara state technical university In a of Syzran

Анализируются особенности отношения к насилию в среде современной студенческой молодежи. Индикатором восприятия насилия выступает отношение к способам борьбы с коррупцией, выявленное в ходе социологического исследования (Сызрань, 2011 г.).

In article are analyzed features of the attitude to violence over the environment of modern student's youth. As the indicator of perception of violence the attitude to ways of struggle against the corruption, revealed during sociological research (Syzran, 2011) acts.

Ключевые слова: коррупция, меры по борьбе с коррупцией, насилие, наказание, контроль

Keywords: corruption, measures on struggle against corruption, violence, punishment, control

Современный период развития как российского общества, так и мира в целом характеризуется ростом насилия различного рода – как прямого физического подавления, так и разнообразных форм информационного, психологического манипулирования сознанием, которое расценивается специалистами в этой области как завуалированное насилие над личностью.

Данная тенденция проявляется и в субъективном срезе сознания молодых россиян, в частности студенческой молодежи, как возможность использования более жестких насильственных методов в сферах, связанных с контролем над общественным порядком. В частности, об этом свидетельствует исследование, проведенное нами среди студентов филиала СамГТУ в г. Сызрани (n=350, 2011 г.). В ходе этого исследования, направленного на выявление степени вовлеченности студенческой молодежи в коррупционные практики, ставилась также задача определить отношение

данной группы молодежи к эффективности мер, применяемых в нашей стране для борьбы с коррупцией. Для этого были использованы как количественные, так и качественные социологические методы.

В ходе проведенного общегородского опроса была выявлена более агрессивная позиция студенческой молодежи по отношению к коррупционерам. Среди мер по усилению борьбы с коррупцией на первое место они, как и горожане в целом, поставили «ужесточение наказания», понимая под этим такие меры, как «заключение под стражу», «пожизненное лишение свободы», «смертную казнь». Были предложения и в более грубой форме, например: «сажать на кол», «расстреливать публично», «отрубить руки» и т.п. Но если подобная позиция была характерна для 36 % горожан, то среди студенческой молодежи ее разделили 57,7 % опрошенных, т.е. в 1,6 раза больше.

Качественные социологические методы позволили выявить эмоциональный фон восприятия коррупции и ужесточения борьбы с данным явлением. Звучали, например, следующие высказывания студентов: «Единственная возможность пресечь коррупцию – это жесткий авторитарный режим. Только страх может остановить человека. Для нашей страны больше подходит восточная модель борьбы с коррупцией, основанная на страхе и жесткости»; «Бороться с коррупцией нужно как в Китае – расстрел. Одного, двоих расстреляют, другие уже не будут брать. Речь, конечно, идет о крупных коррупционерах, чиновниках, людях, которые должны защищать нас, а не обирать. Надо расстреливать и того, кто дает. Пусть оба отвечают».

Конечно, данная позиция разделяется не всеми студентами, но все же их большинство, и доля, поддерживающих эту позицию, превышает половину опрошенных.

Можно ли расценивать такое соотношение как проявление тенденции роста жестокости молодежи, ориентации на признание силы как важнейшего фактора общественной регуляции? Ответ на этот вопрос, действительно, напрашивается утвердительный. Тем более, что многие специалисты (В.Д. Губин) достаточно аргументированно пишут о том, что рост насилия является сейчас доминирующей тенденцией для всего мира и значительно опережает рост альтруистических настроений. При этом отмечается и рост психологической готовности к насилию, характеризующий не только власть, но и простых граждан. Но здесь важно определить, какое насилие имеется в виду.

Насилие как вид агрессии принято подразделять на два основных вида. Первый – это оборонительная агрессия, которая заложена филоге-

нетически в человеке и характерна для всех животных. Она возникает, когда существует внешняя угроза. Другой вид – проявление деструктивной жестокости, насилие с целью разрушения, подавления, уничтожения из-за корыстных или иных эгоистических соображений. Такая жестокость проявляется лишь в человеческом сообществе и отсутствует у животных.

Оценивая призывы молодых студентов прибегать в борьбе с коррупционерами к более жестким (насильственным) методам с позиции разделения насилия на различные виды, можно предположить, что мы имеем дело с проявлением насилия-защиты. Это – нормальная реакция на ситуацию, когда коррупция не только не ослабевает, а, наоборот, все более усиливается, приводит к росту нравственной деградации, тем самым становится одной из основных угроз национальной безопасности страны. Повышенная молодежная агрессивность есть реакция на нерешенность и нерешаемость многих социальных проблем в российском обществе. Повышение агрессивного фона есть выражение несогласия с общеполитической и правовой ситуацией, существующей в стране, характеризующейся несоответствием декларируемого и реализуемого.

Специфика молодежного сознания характеризуется повышенным уровнем максимализма, эмоциональности, приверженностью к крайним, часто радикальным оценкам, неспособностью к долгому ожиданию. Ценностный мир молодых людей, в том числе и представителей студенческой молодежи, очень хрупок, подвижен, легко поддается влиянию извне. В этих условиях повышение уровня агрессивности молодежи, рост ориентации на использование более жестких, насильственных методов, даже если имеется в виду усиление позиции властных структур и роли государства в борьбе с коррупцией, может быть использовано деструктивными силами для вовлечения студенческой молодежи в различные несистемные движения, направленные уже против самой власти.

**НАСИЛИЕ В ПЕРВИЧНЫХ И ВТОРИЧНЫХ
СОЦИАЛЬНЫХ СВЯЗЯХ**
**VIOLENCE IN THE PRIMARY AND SECONDARY
SOCIAL RELATIONS**

Е.Е. Кутявина
Нижегородский государственный университет
Е.Е. Kutyavina
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Обсуждается специфика насилия в различных типах социальных связей и типах социальных групп, причины устойчивости насильственных отношений.

In article are discussed specificity of violence in different types of social relations and the types of social groups, the reasons for the stability of violent relationships

Ключевые слова: насилие, первичные социальные связи, вторичные социальные связи

Keywords: violence, primary social relation, secondary social relation

В жизни человек может встречаться с различными видами насилия: на производстве, на улице, в семье (психологическое унижение, побои и т.д.), в военных конфликтах, в террористических актах, в школе. При всем разнообразии существующих определений насилия и многообразии видов насилия можно выделить общий элемент. Насилие – это характеристика взаимодействия между людьми, разновидность социального взаимодействия. Во всех методологических направлениях взаимодействие описывается как сталкивающееся с проблемами, вызванными различиями в стандартах взаимодействия (как бы эти стандарты ни понимались – как социальные нормы и ценности, фоновые ожидания, нормы социального обмена и пр.). Взаимодействие может быть устойчивым, регулярным, возобновляющимся в том случае, если действия субъектов и их ожидания относительно поведения друг друга являются взаимодополняющими и опираются на одни и те же стандарты взаимодействия. Насильственное взаимодействие неравновесно, но часто оказывается устойчивым, служит основой для *насильственных социальных связей*. Почему люди не разрывают такие связи?

С точки зрения теории обмена, регулярное взаимодействие основано на эквивалентном обмене (взаимодействующие субъекты обмениваются примерно равными по субъективной ценности ресурсами, обмен выгоден обоим участникам). Но возможен и устойчивый неэквивалентный обмен, если один из участников обмена располагает особо ценными, дефицитными ресурсами, а другие участники предоставляют себя ему в «генерализованный кредит» в обмен на эти ресурсы.

С точки зрения символического интеракционизма, для устойчивости взаимодействия принципиально сходное или взаимодополняющее истолкование ситуации участника взаимодействия. То есть, если субъекты не воспринимают взаимодействие как насильственное или считают, что насилие в данном случае допустимо, то взаимодействие может быть устойчивым.

С точки зрения функционализма, регулярное использование насилия во взаимодействии возможно, если статус субъекта насилия характеризуется большим объемом власти.

Можно предположить, что характеристики насилия в разных типах социального взаимодействия, в разных типах социальных групп будут различными.

Одним из самых фундаментальных является противопоставление первичных и вторичных социальных групп и, соответственно, первичных и вторичных социальных связей.

Термин "группа первичная" был введен в начале XX в. американским социологом Ч. Кули[1]. Первичные группы – реальные малые группы, в которых существует непосредственный психологический контакт, межличностные отношения между ее членами. Первичные группы, с точки зрения Чарльза Кули, первичны в двух смыслах: 1) они дают индивиду самый ранний и самый полный опыт социального единства, это группы, в которых происходит первичная социализация; 2) эти группы не меняются так быстро и кардинально, как макроструктуры. Кули считал, что первичные группы практически идентичны во все времена и во всех культурах. Конечно, они не являются независимыми от свойств социальной структуры конкретного общества, но менее подвержены изменениям и имеют некоторые универсальные свойства: наличие непосредственных родственных, дружеских или соседских связей, прямая демократия, единогласность принимаемых решений. Кроме того, первичные группы имеют фундаментальное значение, поскольку являются мощными инструментами социального контроля. Социальный контроль в них неформальный, межличностный, гибкий, от него

практически невозможно уклониться; в первичных группах у индивидов гораздо больше оснований для конформизма – и санкции со стороны группы, и потребность в групповой принадлежности, и угроза исключения из группы.

Свойствам первичных групп Ч. Кули критически противопоставляет условия, которые сложились в современных европейских городах. Первичные группы в большом городе распадаются, а их распад, с точки зрения Ч. Кули, означает распад социальных связей вообще, распад социальности, так как именно в первичных группах формируется личность человека. Как писал позже Льюис Вирт, в городских условиях происходит сегментация человеческих отношений.[2] Результатом является одиночество горожан, отсутствие поддержки в трудные периоды жизни, нехватка эмоциональных контактов. Едва ли не единственной первичной группой, сохраняющейся в условиях большого города, является семья, соответственно, возрастает значимость этой группы.

Противопоставить первичным группам можно вторичные группы. Вторичная группа – это группа, объединяющая индивидов, участвующих в безличных отношениях, объединенных некоей общей практической целью. Во вторичных группах превалирует инструментальный тип связей; здесь индивиды рассматриваются как средства достижения цели, а не как самоцель взаимного общения. Такие группы включают в себя большое количество участников, чем первичные, более формализованы, анонимны.

В современном обществе заметно преобладают вторичные группы. П. Штомпка отмечает интересную закономерность – возрастающее количество разнообразных по целям, но во многом схожих групп: групп личностного развития, групп реабилитации, групп формирования восприимчивости, групп коллективного психоанализа и т.п. Все эти группы предназначены именно для того, чтобы ощутить эмоциональную близость, установить личные связи друг с другом, проявить откровенность, то есть для получения того, чего современным людям так не хватает[3]. То есть, эти группы соединяют в себе свойства первичных и вторичных групп и отражают недостаток первичных связей.

Чарльз Х. Кули также в аналогичном смысле противопоставлял *первичные и вторичные социальные связи*[4].

Первичные связи характерны для таких общностей, как семья, группа друзей, соседская община. Для них свойственны интимность, неформальность, личное знакомство, спонтанность, широкий круг и тематическое разнообразие действий, эмоциональность. Первичные связи само-

ценны, то есть люди устанавливают первичные связи ради них самих; первичные связи удовлетворяют потребности человека в групповой принадлежности, позитивной идентичности, эмоциональных привязанностях. Более ценными для человека являются такие первичные связи, которые обеспечивают бóльшие эмоциональные подкрепления, психологический комфорт, позитивную идентичность.

Вторичные связи характерны для профессиональных групп, политических организаций, хозяйственных объединений и т.п., для которых свойственны официальность, формальность, анонимность, инструментальный характер, высокая мера специализации, строгое нормативное регулирование, эмоциональная сдержанность. Вторичные связи устанавливают для достижения каких-либо целей (получение прибыли, обучение, приобретение каких-либо ресурсов и пр.). Более ценными для человека являются такие вторичные связи, которые обеспечивают доступ к более ценным ресурсам или связаны с меньшими издержками.

Насилие дестабилизирует взаимодействие, делает его неустойчивым. При этом субъект насилия заинтересован в сохранении социальных связей, а объект – в их прекращении.

Можно предположить, что способствовать сохранению первичных связей, несмотря на присутствие в них насилия, будет:

- дефицит первичных связей;
- дефицит эмоциональных подкреплений у объекта насилия;
- принадлежность участников взаимодействия к одной предписанной группе (например, родственной);
- высокий престиж первичной группы.

Способствовать сохранению вторичных связей, несмотря на присутствие в них насилия может:

- высокая ценность ресурсов, доступ к которым обеспечивает данная связь;
- отсутствие альтернативных источников необходимых ресурсов.

Сохранение насильственных социальных связей в обоих случаях может быть обусловлено значительными издержками, необходимыми для разрыва связи (например, разрыв соседских связей возможен при переезде), различиями в статусах участников взаимодействия и легитимностью, нормативностью насилия.

Литература

1. Кули Ч. Первичные группы// Американская социологическая мысль Тексты – М.: Издание Международного Университета Бизнеса и Управления, 1996. С.328-333.

2. Вирт Л. Урбанизм как образ жизни // Вирт Л. Избранные работы по социологии. Сборник переводов – М.: ИНИОН, 2005. С. 93-119.
3. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества: Пер. с польского С.В. Червонной. – М.: Логос, 2005. С.233.
4. Кули Ч. Первичные группы// Американская социологическая мысль Тексты – М.: Издание Международного Университета Бизнеса и Управления, 1996. С.328-333.

**НАСИЛИЕ В КОНТЕКСТЕ ДОСТИЖЕНИЯ ПОСТАВЛЕННОЙ
ЦЕЛИ (НА ПРИМЕРЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СПОРТА)
THERE IS VIOLENCE IN CONTEXT OF ACHIEVEMENT OF
GOAL (THE MODEL OF PROFESSIONAL SPORT)**

Н.В. Ларшина

*Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского*

N.V. Larshina

Nizhny Novgorod State University named Lobachevsky

Излагаются варианты проявления насилия профессиональных спортсменов по отношению к самим себе.

The main idea these theses are exposition of variants display violence professional sportsmen by yourself.

Ключевые слова: спорт, калокагатия, Кубертен, прагматизм, рекорд, допинг

Keywords: sport, kalokagathia, Coubertin, pragmatism, record, stimulant

О проявлении насилия в спорте как среди отечественных, так и зарубежных спортсменов мы много слышаны. Например, в 1956 г. на Играх XVI Олимпиады в Мельбурне состязание ватерпольных команд СССР и Венгрии журналисты окрестили кровавым сражением. Демонстрационно ярким проявлением насилия был поступок боксера Майка Тайсона, откусившего часть уха своему сопернику Э. Холлифилду в 1997 году. Если кто-то скажет: «А вот раньше всё было иначе», – то он будет не прав. Проявление насилия среди спортсменов отмечалось и во времена Древней Греции: состязания единоборцев иногда сопровождалась нанесением рваных ран, порой случалась гибель бойцов (в этом случае победа присуждалась погибшему). Но говорить о проявлении насилия относительно всего спорта Древней Греции было бы не кор-

ректно, поскольку указанные элементы насилия нельзя отнести к многовековой истории спорта Древней Эллады, а лишь к сфере профессионального спорта, оформившегося к IV веку до н.э. Профессиональный спорт (спорт за деньги) не является уникальным и специфическим явлением, свойственным исключительно нынешнему веку. На протяжении IV века до н.э. в Древней Греции происходил экономический подъём, породивший систему наёмничества, которая способствовала появлению в мире Эллады профессиональных спортсменов. В период до IV века до н.э. в Древней Греции процветала агональная культура, которая охватывала и сферу физического развития. Идеальным воплощением атлетической агонистики являлась гармонично развитая личность, содержательно отобразённая термином – «*калокагатия*» (греческое слово от *kalos* – прекрасный и *agatos* – добрый). В 1896 г., спустя 15 веков со времени проведения последних Олимпийских игр в 393 г. н.э., были вновь возрождены Олимпийские игры. Это событие непосредственно связано с именем Пьера де Фреды барона де Кубертена (1863–1937).

Идея возрождения Олимпийских игр была прямым следствием реализации реформы системы образования, существующей в то время. Барон Кубертен был воспитан в аристократических традициях, поэтому не случайно в Олимпийской Хартии был заложен рыцарский дух: состязаться честно, бескорыстно, стремиться к победе не над соперником, а над самим собой. Характерно название одной из статей Кубертена: «Победи самого себя». В своих трудах Кубертен часто использовал слово «*эвритмия*» ("*eurhythmy*") для обозначения своей идеи гармонии физических и духовных способностей человека. Для конкретизации слова «*эвритмия*» он придумал девиз: «*Mens fervida in corpore lacertoso*» («*Возвышенный дух в развитом теле*»). И такой идеальной личностью, по мнению Кубертена, мог бы являться олимпиец.

Первоначально Олимпийская Хартия, утверждённая в 1894 г., держала тезис о статусе «любителя» в спорте: «*Любителем является тот, кто участвует и всегда участвовал в спорте как в побочном занятии без извлечения материальных выгод любого рода*». Участие в первых Олимпийских играх было вызвано велением души, внутренним желанием, личным порывом человека проявить себя. Но профессионализация спорта в XX в. стала настолько очевидной, что в 1974 г. на сессии МОК из Хартии было изъято слово «любитель», а с 1994 года МОК разрешил полный допуск профессионалов к Олимпийским играм. Постепенно спорт, рождённый из мира игры, стал поглощаться миром труда. Как любой труд, труд спортсмена имеет критерии оценки, каковыми

являются не степень гармонично развитой личности атлета, а результат. Таким образом, логика развития современного профессионального спорта сводится к «производству» специалистов, где оказываются не востребуемыми древнегреческая *калокагатия*, кубертеновская *эвритмия*, и только «господин» рекорд является критерием успеха. Требования современной жизни заключаются не только в том, чтобы достичь и удержать планку успеха, но и постоянно стремиться к достижению новых высот. Идея прогресса подчиняется линейному развитию: «любое улучшение может быть улучшено далее»[1]. Бесконечное стремление быть на голову выше своих конкурентов вытесняет «традиционную способность к самоограничению»[2]. Снижение нравственных ориентиров и прессинг системы профессионального спорта, требующей непрерывно рекордных результатов, провоцирует спортсменов идти «на сговор» со своим организмом: за счёт здоровья добиваться победы, используя допинг. Но объективности ради, нужно сказать, что многие из спортсменов, принимавших допинг, сами того не ведали. Немецкий историк Giselher Spitzer, занимающийся изучением государственной системы принудительного использования допинга в спорте ГДР, по официальным документам установил, что с 1974 года или даже ранее в ГДР существовала программа по применению насильственного допинга. Жертвами программы принудительного использования допинга стали более 15 тысяч спортсменов, и многие об этом даже не знали[3]. Показательна в этом смысле история Хайди Кригер – толкательницы ядра из легкоатлетической сборной ГДР. Спустя годы у экс-чемпионки начались проблемы: она стала выглядеть как мужчина и ощущала себя представителем сильного пола из-за серьёзнейших гормональных сбоев. В 1997 году Кригер легла на операцию по смене пола. Теперь «её» зовут Андреас. Вину за такой поворот в своей жизни Кригер возложила на двух спортивных чиновников: на бывшего министра спорта ГДР Manfred Ewald и бывшего главного спортивного врача ГДР Manfred Hopfner. Немецкий суд поддержал обвинения Х. Кригер, признав М. Ewald и М. Hopfner виновными в нанесении вреда 142 атлетам[4]. Есть примеры из отечественной истории спорта, ставшие достоянием широкой публики. В 2001 году российские гимнастки Алина Кабаева и Ирина Чащина были дисквалифицированы на год «по подозрению в употреблении допинга» и лишены медалей, завоеванных ими на чемпионате мира. В их пробах был обнаружен фуросемид – обычное мочегонное, продающееся без рецепта в любой аптеке. Сам по себе он никак не влияет на спортивный результат, но ускоряет вывод посторонних или

избыточных веществ из организма. Этого достаточно, чтобы употребление фуросемида каралось наравне с применением настоящего допинга. Честно говоря, у автора закралось сомнение, что спортсменки, входящие в сборную России и в мировую элиту художественной гимнастики, могут сами по себе бесконтрольно принимать какие-либо медицинские препараты, купив их по своему усмотрению в обычной аптеке[5]... Многие спортсмены априори готовы к преодолению физической боли: если случается травма, они продолжают, подобно солдатам, «оставаться в строю» до финального свистка. Например, нижегородская спортсменка Алла Сергеева в финале розыгрыша Международного Кубка по Сётокан 25 августа 2012 г. заняла первое место в личных соревнованиях по кумитэ. Но какой ценой? На первой минуте Алла получила серьёзную травму – перелом носа, и оставшиеся 2 минуты основного и 2 минуты добавленного времени ей пришлось вести бой с тяжёлой травмой[6]. Смеею предположить, что весь спортивный мир содрогнулся от официального сообщения хорватской полиции: «...в комнате отеля города Пореч обнаружен труп мужчины. Полиция обследовала место происшествия и не обнаружила признаков преступления. Мужчина покончил с собой"[7]. Им оказался С.А. Овчинников (1969–2012) – главный тренер женской сборной России по волейболу. По поводу произошедшей трагедии главный тренер мужской команды России по волейболу Владимир Алекно сказал: «Эту Олимпиаду (в Лондоне в 2012 г. – прим. автора) он пропустил через себя. Я видел, как он переживал, не находил себе места после этого проигрыша (от сборной Бразилии в четвертьфинальной игре Олимпиады)». Учитывая тенденции развития профессионального спорта, автор солидарен с мнением ветеранов спорта по волейболу: «Вне всяких сомнений, проигрыш сборной в четвертьфинале получился почти трагедией. Неудача женской сборной на фоне фантастической победы мужской действительно выглядела если не провалом, то чем-то очень близким к тому. Он не смог пережить неудачу сборной»[8]. Предшественник С. Овчинникова на посту главного тренера сборной России В. Кузюткин в связи со случившимся заявил: «После Олимпиады на него свалилась лавина критики – во многом незаслуженной. Он очень тяжело её переживал. Как в своё время и я, из-за этого я ушёл из сборной... Хотел бы попросить наших журналистов и «специалистов»: пожалейте тренеров!»[9]

В представленном варианте проявления насилия спортсменов по отношению к самим себе, возможно, скрыты психологические мотивы, но в большей степени представлены формы насилия, по нашему мнению,

имеют социально детерминированную основу. Спортсмены являются заложниками функционирования системы профессионального спорта, построенного на выборе без выбора: есть только одно место – первое, поэтому все средства, препятствующие достижению цели – быть первым, и для некоторых спортсменов являются приемлемыми. Говоря словами великого И. Гёте:

...Люди гибнут за металл!

Сатана там правит бал.[10]

Спорт как составная часть культуры представляет собой специфический путь движения к идеалу, один из возможных путей, поэтому нужно определиться, что же сегодня является целью спорта, перспективой его развития? Спорт сегодня отдан на откуп рынку, являясь средством зарабатывания денег, или же сохраняет верность традициям, содержит в себе ценности общества?

Литература

1. Гаттманн, А. От ритуала к рекорду / А. Гаттманн // Логос. – 2009. – № 6. – С. 185.
2. Хоберман, Д. 50 лет применения допинга и фармакологизация повседневной жизни / Д. Хоберман // Логос. – 2009. – № 6. – С. 135.
3. Доступ через <<http://rusbiathlon.ru/news/biathlon/id11423>>. Дата обращения: 16 сентября 2010.
4. Половые скандалы спорта. [Обращение к документу: 24.08.2009]. Доступ через <<http://grandex.ru/medicine/text/12150.html>>.
5. Жуков, Б. Горечь сладких побед / Б. Жуков // Вокруг Света. – 2006. – № 2. [Обращение к документу: 25.10.2012]. Доступ через <<http://www.vokrugsveta.ru/vs/article/2265/>>.
6. Доступ через <<http://nnfrb-k.do.am/>>. Дата обращения: 11 сентября 2012.
7. Доступ через <<http://www.1tv.ru/news/sport/214381>>. Дата обращения: 29.08.2012.
8. Доступ через <http://veteran-volleyboll.ru/?page_id=18585>. Дата обращения: 15.09.2012.
9. Кузюткин, В. Призываю всех впредь умерить критику в адрес тренеров / В. Кузюткин. [Обращение к документу: 29.08.2009]. Доступ через <<http://www.championat.com/volleyball/news-1293218-kuzjutkin-prizyvaju-vsekh-vpred-umerit-kritiku-v-adres-trenerov.html>>.
10. Куплеты Мефистофеля. Песня из оперы Ш. Гуно «Фауст» (Акт 2, сцена 3) по одноимённому произведению И. Гёте.

ЛЕГИТИМАЦИЯ НАСИЛИЯ В ГЕНДЕРНОМ ДИСКУРСЕ
THE LEGITIMIZATION OF VIOLENCE
IN THE GENDER DISCOURSE

Л.В. Малес

*Киевский национальный университет
имени Тараса Шевченко*

L.V. Males

Taras Shevchenko National University of Kyiv

Обсуждаются способы легитимации сексуального и физического насилия в масс-медийном гендерном дискурсе, формирующемся в современном украинском обществе. Наряду с разработкой темы, её всё большим освещением средствами массовой информации наблюдаем различные способы легитимации насильственных действий: путем апелляции к традиции, разграничения правильных и неправильных жертв, переноса фокуса оценки с поведения насильника на жертву насилия. Все это может быть интерпретировано как сопротивление патриархатной традиции.

In article are discussed ways of legitimizing sexual and physical violence in the mass media of gender discourse, emerging in the Ukrainian society. Along with the development of the topic, its growing media coverage, see different ways of legitimizing violence: by appeal to tradition, the distinction of right and wrong victims, shifts the focus from assess the behavior of the perpetrator on the victim of violence. All this can be interpreted as resistance patriarchal tradition.

Ключевые слова: гендерный дискурс, сексуальное и физическое насилие, легитимация, противопоставление «мы-они», образ жертвы, патриархатная традиция

Keywords: gender discourse, sexual and physical violence, legitimation, versus "us-them", the image of the victim, patriarchal tradition

Только за первые девять месяцев этого года в Пакистане убили 675 женщин «ради чести» семьи, сообщает Радио Свобода (Щур М. У Пакистані зростає кількість вбивств заради честі <http://www.radiosvoboda.org/content/article/24429697.html>). Это больше, чем в предыдущие годы. Власти надеются, что новые законы смогут предупредить такие преступления.

Но правозащитники подчеркивают, что одними законами дело в обществе с укоренившимися традициями решить не удастся.

По данным пакистанских правозащитников, количество так называемых «убийств ради чести» растет ежегодно. Еще до окончания этого года количество женщин, убитых собственными родственниками, превышало рекорд за соответствующий период прошлого года, когда за весь год было убито 791 женщина.

Представитель Комиссии по правам человека в Пакистане Заман Хан констатирует, что традиция распространяется. «Новая тенденция, к сожалению, в том, что традиции, которые существовали в отдаленных консервативных феодальных и племенных регионах, распространилась в города. Несмотря на то, что люди имеют информацию о роли женщины в общественной жизни, насилие и преступления против женщин продолжают», – говорит правозащитник.

В этом месяце в Пакистане вступили в силу новые, более жесткие законы против людей, совершают насилие над женщинами. Запрещено принуждать женщин к браку или оставлять их без наследства.

Есть закон, а есть традиция – такое различие сопровождает массмедийное освещение этой ситуации. Правозащитники приветствуют новые законы, но предупреждают, что их применение будет проблематичным в стране, где проживает 180000000 человек и где даже собрать информацию о таких преступлениях является проблематичной задачей.

«Проблема заключается в местной культуре. Люди должны изменить укоренившиеся предубеждения в отношении женщин. Они не признают, что они имеют какие-либо права дома или в обществе. Это передается и полиции, и судам. Даже дома мы предпочитаем мальчиков перед девочками. Ну, и религиозный экстремизм играет свою роль», – отмечает Заман Хан.

По данным правозащитников, из 675 женщин, убитых в этом году, 71 были моложе 18 лет. В прошлом году половину убитых женщин обвиняли в незаконных сексуальных отношениях. А почти 130 убили только потому, что они вышли замуж без согласия семьи.

Название этих убийств ритуальными, а саму практику – традицией, тем более, отнесение их к культуре – это сознательная манипуляция. Ибо данные практики стали ярким проявлением патриархата, а патриархат – никакая не культура, а социально-политическая система, в которой определенная социальная группа или сообщество власть и культуру «пользует» для легитимации своих практик неравенства, ресурсных, статусных и правовых дискриминаций. Учитывая это, стоит еще и еще

раз процитировать Марка Крепона: «Ценности, символы культуры не воюют, воюют социальные группы, как носители определенных ресурсов и интересов»!

Другой яркий пример легитимации насилия в гендерном дискурсе – это громкое дело об изнасиловании и попытке сожжения Оксаны Макар.

Дело Оксаны Макар очень двусмысленно, ведь есть все основания полагать, что насильники могут оказаться не насильниками и получить условные сроки. Такое мнение высказал президент Лиги защиты прав человека Игорь Годецкий.

По мнению правозащитника, раздувание ситуации с довольно обычной украинской девушкой скорее является попыткой отвлечь внимание населения от кричащих фактов игнорирования этих преступлений милицией. Ведь в Украине регистрируется 600-700 в год случаев изнасилования. Фактически их в десять раз больше.

Попробуем проанализировать этот вероятный приговор, а вернее дискурсивную форму в освещении сексуального насилия в современной Украине.

История Оксаны Макар выявила, что для того, чтобы насилие стали воспринимать серьезно, медики лечить, а милиция расследовать, надо чтобы мера жестокости и увечья поразила человеческое воображение.

После этого страшного случая в прессе и на митингах стали раздаваться призывы к мести тем, кто это сделал: кастрировать, изнасиловать, напоминаящие вендетту или просто «разборки» между самцами в животном мире.

Ни одного тезиса о насилии, о патриархатной причине его и маскулинные соревнования в этом.

Почему? Потому извините за частую метафорику, ворон ворону глаз не выклюет. Потому рыцарь и нападающий с большой дороги – это одна и та же персона, только в разных режимах подчинения, способов получения власти и утверждения своей маскулинности. Одни адреналин и самоутверждение получают от завоевания чужой женщины, а другие – от нападения просто «чужих».

В любом случае общее для всех этих – и древних, и современных ситуациях – перенос критерия оценки нравственности с самого поведения человека (родителей, если речь о детях) на женщину (ребенка, других).

Поэтому нарушением прав человека каждый раз расценивается не поступок, а статус тех, в отношении кого оно совершено. Этот статус измеряется по условной шкале от «невинная жертва и бесчеловечное

преступление» до «сука, сама виновата». Для этого изначально культурой вводится само деление женщин на правильных и неправильных.

Согласно патриархатной логике, женщина оценивается не как человек, а как «своя» или «чужая», а потому «сейчас» или «недоступна», «охраняемая» или «для нападения», «для бодрствования» чести или «для тренировки сексуальности», для восхваления или для осуждения.

Сама постановка вопроса о том, естественно ли для нормальной девушки пить водку в ресторане, апеллирует к моральным требованиям к девушкам, которые должны быть непорочны, иначе они ненормальные или ложные, и это наталкивает на определение Оксаны Макара как «непутевой». Следовательно ... если женщина признана «плохой», то автоматически поведение насильников и убийц становится хорошим, потому что «наказывает плохую» ...

И дальше уже совсем лицемерно о сексуальных играх, рефлекторной остановке дыхания, других манипулированиях. Вероятно, и Отелло хотел обнять перед сном Дездемону, а она «такая-сякая» взяла и рефлекторно перестала дышать. И уже ребят просто стоит пожурить: опрометчивые, перестарались, ошиблись, с кем не бывает ... Следовательно, эти трое становятся жертвами!

Стоит женщине нарушить что-то из строгих предписаний патриархатной нравственности, как она легко теряет «праведность» и попадает в черный список и в маргинализованные группы: и вчерашняя «наша» сегодня уже избита камнями под улюлюканье. Нравственность контролируется через женщину: яркий тому пример, когда за бездетность наказывалась женщина, за проступки детей также она, за болезни детей тоже, а то, что отец курит и пьет зачатую ребенка и росту не вредит, так считают наши законодатели.

Вот почему семейное насилие так долго и до сих пор предпочитают не видеть, позиционируя его не как насилие, а как дела внутрисемейные.

Вот почему недавно анонсирована книга об изнасиловании немом солдатами II-ой мировой войны прошла незаметно, и никто на митинги не шел, потому что они были не жертвами, а врагами, или как у нас это еще недавно называлось, женами врагов народа.

Вот так благодаря этому разделу и становится возможным легитимизация части насилия, а по нелегитимной его части – легитимизирована месть (насилие). Что и требовалось доказать для нужд воспроизводства патриархатной маскулинности.

**НАСИЛИЕ КАК ХАРАКТЕРИСТИКА
ФАШИСТСКИХ ДВИЖЕНИЙ В ИСТОРИЧЕСКОЙ
СОЦИОЛОГИИ МАЙКЛА МАННА
VIOLENCE AS A CHARACTERISTIC
OF FASCIST MOVEMENTS IN MICHAEL MANN'S
HISTORICAL SOCIOLOGY**

М.В. Масловский

Нижегородский государственный университет

M.V. Maslovskiy

Nizhni Novgorod State University

Характеризуется анализ фашистских движений в странах Европы в работах одного из ведущих представителей неовеберовского направления в исторической социологии М. Манна. Выделяется роль нелегитимного вооруженного насилия в ходе формирования фашистских политических режимов в 20-30-е гг. XX в.

In the article the analysis of fascist movements in the works of Michael Mann as one of the leading representatives of neo-Weberian historical sociology is characterized. The role of non-legitimate armed violence in the process of formation of fascist regimes in the 1920s and 30s is singled out.

Ключевые слова: историческая социология, М. Манн, фашизм, насилие, социальные движения

Keywords: historical sociology, Michael Mann, fascism, violence, social movements

В неовеберовской исторической социологии можно выделить целый ряд различных теоретических позиций. В рамках данного подхода не существует какой-либо одной наиболее влиятельной концепции. Справедливой является следующая характеристика неовеберовского направления: «Историко-эмпирическая социология, примыкающая к традиции, идущей от Макса Вебера, ... не представляет собой какой-либо парадигмы или четкой школы. Скорее она представлена очень свободно оформленным альянсом» [1, с. 301]. В число последователей веберовской традиции в исторической социологии входят такие ученые, как Р. Бендикс, Э. Геллнер, Р. Коллинз, М. Манн, Б. Тернер, Ш. Эйзенштадт. Работы некоторых из этих исследователей рассматривались в отечественной социологии [2].

Представители данного направления обращались к изучению многообразных исторических процессов и явлений. Вместе с тем анализу фашистских движений и политических режимов, как правило, не уделялось достаточного внимания. Как утверждал в связи с этим немецкий социолог М. Лепсиус, «существуют исчерпывающие описания национал-социализма в его историческом развитии, но нет его социологического объяснения», а с точки зрения веберинской теории «изучение национал-социализма все еще находится на доаналитическом уровне» [3, с. 56]. Однако следует отметить, что данный пробел был отчасти заполнен после выхода работы С. Бройера, в которой на основе положений веберовской социологии политических партий был создан идеальный тип фашизма [4].

Британский социолог М. Манн рассматривает феномен фашизма с точки зрения своей концепции форм социальной власти, продолжающей веберовскую традицию в исторической социологии. В статье «Противоречия непрерывной революции» Манн проводит сопоставление нацистской диктатуры в Германии и сталинского режима в СССР. С его точки зрения, уникальность нацистского и сталинского режимов заключалась в том, что они последовательно осуществляли трансформацию общества, отказываясь от каких-либо компромиссов с любыми социальными группами, интересам которых противоречила проводимая ими политика. Другие авторитарные диктатуры, существовавшие в тот период в Европе, в том числе режимы Муссолини и Франко, в конечном итоге пришли к какой-то форме институционального компромисса с основными социальными силами. В отличие от этого, нацистский и сталинский режимы встали на путь систематического насильственного подавления любых реальных или воображаемых оппонентов [5, р. 144-145].

Всесторонний анализ фашистских движений и партий представлен в книге Манна «Фашисты» [6]. В данной работе британский социолог обращается к периоду между двумя мировыми войнами в Европе. Он исследует формирование и приход к власти фашистских партий на примере ряда европейских стран, прежде всего Германии, Италии, Испании. С точки зрения Манна, в социальных науках не было разработано теории, объясняющей возвышение фашистских режимов. Два наиболее распространенных подхода выделяли либо роль идеологии, либо классовый характер фашистских движений и партий. Но, как полагает этот социолог, для всестороннего анализа данного явления необходимо учитывать все четыре выделенных им формы власти: экономическую, идеологическую, политическую и военную. Соответственно, формиро-

вание фашистских режимов стало ответом на экономический, идеологический, политический и военный кризисы в Европе после окончания первой мировой войны [6, p. 5].

Анализ Манна отличает, в частности, внимание к военному измерению социальной власти. Как указывает этот социолог, военная власть, как правило, не рассматривалась в социальных науках достаточно подробно. Кроме того, существовала тенденция ограничиваться вооруженным насилием, осуществляемым государством. Тем не менее возникновение фашистских диктатур не может быть объяснено, если рассматривать лишь государственные формы насилия. Манн обращается к исследованию роли полувоенных формирований, зародившихся в ряде европейских стран в 20-е гг. и объединявших прежде всего ветеранов мировой войны. Как подчеркивает этот социолог, разного рода ассоциации и лиги ветеранов повсеместно являлись «ядром первой волны фашистских движений» [6, p. 69]. Такого рода объединения выступали основным агентом нелегитимного вооруженного насилия в период, предшествовавший установлению фашистских диктатур.

Манн допускал возможность формирования в постсоветской России радикального социального движения, которое «сочетало бы в себе элементы коммунизма и национализма» [6, p. 371] и во многом напоминало бы фашистские движения 20-30-х гг. Однако он не задается вопросом о том, почему подобное движение не возникло в 1990-е гг., когда для этого существовали более благоприятные экономические и политические предпосылки. Характерно, что в тот период аналогии между постсоветской Россией и Веймарской Германией получили весьма широкое распространение в политологической литературе. В новейших исследованиях данной темы выделяются прежде всего институциональные факторы, в частности, различия в характере партийных систем [7]. Однако обращение к предложенной Манном концепции источников социальной власти, по-видимому, позволяет указать на ряд других причин, воспрепятствовавших реализации в России «Веймарского сценария».

Безусловно, решающее значение имели здесь социокультурные факторы, прежде всего историческая память о периоде Великой Отечественной войны. Социальное движение, обладавшее явно выраженными фашистскими чертами, никоим образом не могло бы рассчитывать на влияние в российском обществе. Но следует учитывать и еще один фактор – значительно меньшее распространение, по сравнению с Веймарской Германией, полувоенных формирований, нацеленных на нелегитимное вооруженное насилие в политической сфере. Сыграло свою роль

и то, что в ходе становления нового русского капитализма получил распространение феномен «силового предпринимательства» [8]. В целом нелегитимное насилие оказалось направлено прежде всего в экономическую сферу, где происходил захват и передел собственности силовыми предпринимателями, тогда как сфера политики оказалась в меньшей степени подвержена силовому воздействию.

С точки зрения концепции Манна, в российском обществе в 1990-е гг. существовали экономические и политические предпосылки возникновения фашистского движения, что выразилось в экономическом упадке и слабости государственных структур. Вместе с тем в распоряжении потенциальных фашистов явно отсутствовали соответствующие формы идеологической и военной власти. Как свидетельствует этот пример, в конечном итоге лишь учет совокупности экономических, политических, идеологических и военных факторов может позволить объяснить тот или иной характер социальных процессов в современных обществах.

Литература

1. Тернквист Р. Историко-эмпирическая социология // Монсон П. Современная западная социология: теории, традиции, перспективы. СПб.: Изд-во «Нотабене», 1992. С. 269–303.
2. Масловский М.В. Неовебериянская историческая социология // СОЦИС. 2008. № 3. С. 119-126.
3. Лепсиус М. Своеобразие и потенциал веберовской парадигмы // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Том VII. № 2. С. 51–60.
4. Breuer S. Towards an ideal type of fascism // Max Weber Studies. 2008. № 1. P. 11–47.
5. Mann M. The contradictions of continuous revolution // Stalinism and Nazism: Dictatorships in comparison / Ed. by I. Kershaw and M. Lewin. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P.135–157.
6. Mann M. Fascists. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
7. Kailitz S., Umland A. Why the fascists won't take over the Kremlin (for now). A comparison of democracy's breakdown and fascism's rise in Weimar Germany and post-Soviet Russia. Working Paper WP14/2010/02 [Text]. Moscow: Publishing House of the University – Higher School of Economics, 2010.
8. Волков В.В. Силовое предпринимательство. СПб.: Летний сад, 2002.

КИБЕРБУЛЛИНГ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ CYBERBULLYING ON SOCIAL NETWORKS

М.В. Прохорова

Нижегородский государственный технический университет

им. Р.Е. Алексева

M.V. Prokhorova

Nizhny Novgorod State Technical University n.a. R.E. Alekseev

Обсуждаются вопросы подросткового насилия в социальных сетях. Сообщества в социальных сетях становятся полем не только активного общения подростков, но и проявления буллингового поведения. Опасность кибербуллинга заключается в том, что этот процесс имеет динамическую направленность, не ограничивается пространственными рамками.

In article are discusses the problem of teen violence on the social networks. The teenagers not only communicate in social networks, but they are exhibit aggressive behavior. This is cyberbullying. It is dangerous, that cyberbullying is a dynamic process, not confined of space.

Ключевые слова: социальная сеть, насилие, буллинг, кибербуллинг, агрессия, подросток, травля, унижение, ненависть

Keywords: networks, violence, bullying, cyberbullying, aggression, teen, hounding, humble pie, hatred

Интернет в современном обществе является основным инструментом не только удовлетворения познавательных потребностей, но и полем активного коммуникативного взаимодействия. Набирающие все большую популярность социальные сети «Одноклассники», «ВКонтакте», «Facebook» становятся важной частью жизни некоторых обладателей таких тематических страниц, а иногда главным местом проведения досуга, которое прельщает пользователей, с одной стороны, демократией и свободой личности в Интернете, а с другой – безнаказанностью поступков.

Основной аудиторией социальных сетей являются молодежь и подростки. Согласно результатам исследования, проводимого в 2011 году в 11 регионах РФ в рамках проекта «Дети России онлайн», профили в социальных сетях заведены у трети подростков [1, С. 60].

Подростков социальные сети привлекают возможностью идентификации с другими подростками, друзьями и приятелями благодаря единой форме подачи информации о себе: социальные сети задают стандартизированные поля-описатели своего социального и эмоционального положения. Вместе с тем они позволяют также отличаться от других оригинальностью контента (текстового, музыкального и видеонаполнения, фотографий, аватарок, игровых приложений, сообществ по интересам). Важным привлекающим моментом включения в социальные сообщества является также доступность информации о других, а об их виртуальной активности.

Социальные сети позволяют объединяться подросткам в группы по интересам, решать проблемы личностного взаимодействия в виртуальном пространстве. Одновременно можно отметить, что решение подобных проблем происходит не всегда цензурным путем, зачастую с использованием приемов буллинга. Буллингом обозначается обширный перечень действий (от угроз до насмешек), которые способны напугать, унижить и иным образом негативно воздействовать на человека. В отличие от традиционного буллинга, который требует противостояния лицом к лицу, жертвы кибербуллинга часто даже не видят своих обидчиков и порой не понимают, кто поступает с ними таким образом. Кибербуллинг представляет собой метод морального унижения человека, подавления его достоинства путем публикации различных текстов, размещения фото и видеоматериалов оскорбительного характера в интернете или посредством мобильной связи.

В социальных сетях кибербуллинг проявляется в травле, оскорблениях, унижении, объединении подростков по принципу «дружить против кого-то»; осуществляется сознательно, систематически и направлен против слабых.

Чаще всего сообщества выражают ненависть, направленную на конкретного человека. Так, например, если ввести в строку поиска социальной сети «ВКонтакте» запрос «ненавижу Наташу», то появляется около пятидесяти сообществ. Такие группы могут состоять как из двух человек, так и объединять в себе более многочисленные коллективы. Открытое сообщество «Здесь все, кто ненавидит Наташу Ш.» объединяет 18 человек. На аватарке стоит фотография Наташи. Ее руководителем является Анастасия Ш. Она приглашает своих виртуальных друзей (их более 500 человек) в эту группу, обосновывая ее создание тем, что Наташа Ш. «просто достает всех». Возраст обеих девочек не указан на их страницах. Анализируя профили лучших друзей Анастасии Ш., мож-

но сделать вывод, что возраст подростков – 12-13 лет. На стене сообщества идет диалог участников группы и тех людей, кто просто зашел поинтересоваться происходящим, с использованием нецензурной лексики.

Травле чаще всего подвергаются чувствительные и замкнутые подростки, которые не уверены в себе и не умеют строить отношения с ровесниками. Но могут встречаться ситуации, когда одноклассники борются за лидерство в классе. Тогда объектом буллинга становятся успешные или неуспешные в учебе подростки.

По мнению Е.В. Гребенкина, на агрессивное (буллинговое) поведение подростков влияет комплекс факторов:

1. Персональные факторы – комплекс личностных показателей, характеризующихся низким уровнем воспитания, неадекватной заниженной самооценкой, высокой импульсивностью, злоупотреблением алкоголем, наркотиками, компьютерными играми, готовностью к риску, ограниченным чувством самосохранения.

2. Поведенческие факторы определяются подростковым поведением, создающим помехи для окружающих, вандализмом, бесцельным времяпровождением, прогулами и слабой успеваемостью в школе, ранними сексуальными контактами, ранней судимостью.

3. Социальные факторы обуславливаются культом насилия в обществе, влиянием СМИ, отклоняющимся поведением родителей, низким социально-экономическим статусом семьи, зависимостью от социальной помощи, сменой воспитателей (отчима, мачехи), семейным и сексуальным насилием, друзьями с отклоняющимся поведением [2, С. 153].

В ситуации кибербуллинга всегда есть зачинщики, жертвы и преследователи (основная масса подростков, которая под руководством зачинщиков осуществляет травлю). Иногда в социальном сообществе присутствуют и нейтральные наблюдатели, которые просто просматривают информацию, размещенную на странице, часто осуждающие поведение агрессивных пользователей интернета, но ничего не предпринимающих из-за боязни стать следующей жертвой.

Среди читателей сообщества социальной сети могут находиться и защитники жертвы. Появление защитника может в корне изменить ситуацию – преследователи оставляют изгой в покое, конфликт исчерпывается. Но довольно часто защитник изгой и сам становится объектом буллинга.

Процесс буллинга в социальных сетях можно охарактеризовать бесконтрольностью со стороны взрослого окружения, динамичностью развития агрессии, неограниченностью пространственными рамками (если

школьный буллинг прекращается дома, то кибербуллинг присутствует в том числе и в домашних условиях). Вместе с тем, ближайшему окружению сложно распознать проблемы, связанные с психологическим насилием и агрессией в интернете. Жертвы кибербуллинга обычно скрывают свои проблемы от взрослых из-за страха потери доступа к виртуальному пространству.

Литература

1. Гребенкин, Е.В. Профилактика агрессии и насилия в школе / Е.В. Гребенкин. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2006. – 236 с.
2. Солдатова Г. Стратегии совладания школьников с кибербуллингом / Г. Солдатова, Е. Зотова // Человек в информационном обществе: сборник научных статей по материалам Международной научно-практической конференции 31 мая-1 июня 2012 года / под общ.ред. А.Е. Войскунского, Л.М. Дубового. – Пенза: ПГПУ им.В.Г. Белинского, 2012, – С.59-64.

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ В РЕЛИГИОЗНОЙ ОБЩИНЕ SOCIAL CONTROL IN RELIGIOUS COMMUNITY

Е.И. Пугина

*Национальный исследовательский Университет –
Высшая школа экономики*

E.I. Pugina

National Research University - Higher School of Economics

Предлагается анализ проблемы функционирования социального контроля в религиозной общине «Церкви Объединения» в Украине. Сам по себе социальный контроль в сообществе реализует два основных типа функций, которые часто совпадают, но не равны друг другу. Явные функции достаточно прозрачны для всех участников: проверка соблюдения «традиций» и предписаний лидера, следования установленному распорядку повседневной жизни. Латентные функции направлены на выявление «девиантного» поведения и инакомыслия. Они представляют особый интерес для исследователя, так как направлены на саморегулирование и самовоспроизводство идеологической системы.

This article explores the functioning of social control in the religious community “Unification Church” in Ukraine. The mechanism of social control in the community is implemented by two main types of functions, which are often the same, but not equal. The explicit functions are quite transparent for all participants. The leaders attentively watch how the members follows

the rules and regulations which are called “traditions”. The latent functions are aimed to identifying the “deviant” behavior and dissent. They are particularly interesting for researcher because they are focused on self-regulation and self-reproduction of the ideological system.

Ключевые слова: социальный контроль, нормы, явные и латентные функции, религиозная община, новые религиозные движения

Keywords: social control, norms, explicit and latent functions, religious community, new religious movements

Соблюдение или нарушение правил социальной жизни вызывает соответствующую реакцию среды, которая принимает форму либо поощрения, либо наказания. Таким образом, в обществе или группе функционирует механизм саморегуляции системы. Он обеспечивает упорядоченное взаимодействие составляющих ее элементов посредством нормативного регулирования. Социальный контроль в обществе задается наличием институциональной организации. Социальный институт контролирует происходящее, устанавливая образцы и выявляя отклоняющееся девиантное поведение[1].

Данный материал предлагает анализ социального контроля в общине Нового Религиозного Движения «Церковь Объединения» в Украине с выдержками из полужурналистских интервью бывших участников. Под новыми религиозными движениями в данной работе мы будем понимать любые религиозные группы, возникшие после Второй мировой войны и не признанные традиционными в конкретном обществе[2].

Понятие община в данном исследовании имеет как минимум двойное значение. Прежде всего, это все участники на территории страны, которые живут в центрах Церкви Объединения в разных городах, а также те, кто просто посещают эти центры и считают себя последователями ЦО. Второе значение – это участники движения, которые в данный конкретный момент проживают на одной площадке (доме, квартире, так называемом центре), участвуют в семинаре, заняты общей активностью, в движении их называют «команда».

Одной из отличительных особенностей этой организации является ее система выездных тренингов, которые непрерывно проводятся как для новичков, так и для активных участников. Во время тренингов все уезжают в центры, где они практически изолированы от внешнего мира, от своих семей, друзей, работы и живут там продолжительное время от 21 дня.

В качестве метода исследования автором были выбраны полуформализованные интервью бывших участников. Безусловно, у этнографического метода есть ряд преимуществ, например, возможность составить собственное независимое видение картины происходящего. В интервью участники могли привносить и вероятно привносили свои взгляды и могли несознательно несколько изменять свою роль в происходящем. Однако анализируются, прежде всего, факты и события. Автор вынужден пойти на возможную погрешность, так как принципиально важен именно опыт участников, которые пробыли в НРД значительное время от 6 месяцев или же посетили один из долгосрочных семинаров. К сожалению, располагать достаточными ресурсами для длительного периода наблюдения (от 2 месяцев) затруднительно. А короткие «посещения» как гостя или только что присоединившего участника без углубленного детального «погружения» не дают достаточного доступа к информации о жизни постоянных участников.

Говоря о социальном контроле в данной религиозной общине более корректно применять термин средовой контроль, предложенный Р. Лифтоном[3]. В своей работе «Реформирование мышления и психология тоталитаризма» он выделил восемь критериев, характеризующих «реформирование мышления» или контроль сознания. Первый критерий – «средовой контроль», который по существу является контролем внутри определенного окружения. Средовой контроль обычно поддерживается и выражается несколькими способами: групповая обработка, изоляция от других людей, психологическое давление, географическое расстояние или невозможность добраться до средств транспорта и иногда физическое давление[3]. Всех интервьюируемых активно приглашали на выездные семинары, зачастую первоначально они не хотели посещать их, но в результате после долгих уговоров соглашались.

«Он так хорошо рассказывал.. и вот он как-то заехал ко мне на Тречину (живу не близко от центра), чтобы пригласить меня на семинар. Они меня и раньше приглашали, но я отказывалась, что-то меня туда не тянуло... и уже так уговаривают, так подходят, интересно рассказывают, и что меня заинтересовало».

«Предложила девочка .. поехать на 21-дневный семинар, который должен был состояться меньше чем через неделю. Я при этом работал, не очень хотел бросать ее, потому что только нашел... Перед самым отъездом на этот семинар мне позвонила эта девочка и сказала, давай паспорт сразу, берем билет, и я спонтанно решил привезти паспорт».

«Туда еще пригласили, в Харьков, там была команда. Туда мы тоже собрались, поехали».

На семинарах участники живут в изолированных центрах, их обеспечивают едой, средствами на проезд от города до центра, когда они занимались какой-то активной деятельностью в городе. Весь их день четко структурирован и детально расписан с утра до позднего вечера. Перечень действий закреплен в специальном негласном своде правил, которые называются «традиции» ЦО. Среди опрошенных мною участников не было тех, кто бы возмутился существующим порядком или отказался от соблюдения традиций¹:

«Мы вставали в 5 утра... бегали, зарядку делали, на природе, все по плану, по времени, читали потом Божественный Принцип, завтракали, потом выходили на ММБК²... приходили часов в семь... потом ужинали, читали Принцип». «Подъем был в шесть утра, в шесть тридцать делали поклон, читали обет семьи, по-моему, перед фотографией, которую я не понимал. Затем мы кушали, пели песни, и в течение дня нам читали лекции с перерывом на обед, на ужин, а вечером были наставления, обсуждения, так называемый шеринг,³ потом закрытие дня и все ложились спать». «Вот мне 5 часов для сна очень мало, хотя бы там не знаю, 7, 8, вот, и в принципе, подзреваю, и другим тоже. Просыпались такие сонные, не выпавшиеся».

Из описаний одного дня участников команды мы видим, что несмотря на то, что распорядок был для них в какой-то степени неприемлемым, они не высказывали возражений, ни пытались оспорить или изменить существующую ситуацию. Участники просто принимали ее как данность.

Полностью контролировать окружающий мир человека не возможно, но это может заходить достаточно далеко: «У меня был запас денег, а у кого-то не было... и уехать он как бы не мог». «Сказали не пользоваться мобильными». Затронутый ранее ритуал «шерингов» – механизм ре-

¹ Традиций существует широкий перечень, информация выдается постепенно, лидеры внимательно наблюдают, когда последователь по-настоящему готов принять ее.

² В данном случае имеется в виду, что участники продавали открытки, календари и занимались сбором средств на благотворительные цели для Церкви Объединения.

³ От английского слова “share” поделиться с кем-либо чем-либо. Ритуал, когда все участники рассказывают о своих мыслях, чувствах, важных событиях дня или о том, что они поняли из прочтенного текста доктрины.

флексии среды, который позволяет лидерам анализировать как групповую динамику, так и то, что происходит с отдельной личностью. Подразумевает, что последователи должны откровенно рассказывать о своих мыслях и чувствах. Не все к этому готовы, и не все осознанно в этом участвовали, в ряде интервью были те, кто лично выступали против «шерингов». Однако особый интерес представляет то, что они демонстрировали солидарность со средой и о чем-то рассказывали.

Средовый контроль убеждает участников в том, что реальностью обладает исключительно группа, в данном случае община во главе с лидерами. Разумеется, подобный способ обработки информации создает конфликты в отношении автономии индивида: если ее ищут или осознают в подобном окружении, автономия становится угрозой для контроля окружающей среды. Автономия не поощряется, нарушение правил общины вызывало соответствующую реакцию среды в лице лидеров, которая облекалась специфической формой наказания. Наказание не позиционировалось таким образом, но фактически подразумевалось.

«Нельзя звонить, и я сразу же взял и позвонил у него (лидера) на глазах.. он попытался ко мне по грубому подойти: «Для тебя .. необходимо skip breakfast (пропуск завтрака) организовать». С этого начался для меня целый ряд наказаний... Каждому давали деньги на проезд туда и обратно, мы должны были съездить в город, продать эти открытки.. и вернуться обратно, мне не давали денег. Я должен был идти пешком».

Наложение жесткого средового контроля тесно связано с процессом изменения личности или требованием подобного изменения.

Социологический словарь определяет насилие как применение индивидом или социальной группой различных форм принуждения в отношении других индивидов, социальных групп с целью приобретения или сохранения экономического, политического господства, завоевания тех или иных прав или привилегий. Насилие применяется в качестве метода социального контроля. Некоторые особенности средового контроля в общине последователей ЦО можно рассматривать в качестве своеобразной формы насилия над личностью. Мы затронули лишь небольшой ряд факторов средового контроля в новом религиозном движении, не касаясь содержания доктрины.

Литература

1. Парсонс, Т. О социальных системах. Глава 7. Девиантное (отклоняющееся) поведение / Т. Парсонс. — М.: Академический проект, — 2002. — 832 с
2. Баркер А. Новые религиозные движения. СПб., 1997.

3. Лифтон, Р. Технология «промывки мозгов»: Психология тоталитаризма. — СПб.: прайм-Еврознак, 2005.
4. Мертон, Р. Социальная структура и аномия / Р. Мертон // Социология преступления (Современные буржуазные теории). — М.: «Прогресс», 1966. — С. 299—313.
5. Galanti, G.-A. Reflections on “Brainwashing. In: Recovery from cults: help for victims of psychological and spiritual abuse. // Ed. by Michel B. Langone, W. W. Norton, — N. Y., 1995. pp.85-104.
6. Robbins, Th. Anthony, D. The Sociology of Contemporary religious movements // Annual review of Sociology, Vol. 5. 1979. pp. 75-89. (JSTOR)

**ВРАГ КАК НАСИЛЬНИК:
«ЧЕСТЬ И БЕСЧЕСТЬЕ РОДНОЙ ЗЕМЛИ»
В ВОЕННОЙ ПРОПАГАНДЕ
THE ENEMY AS A RAPIST: “HONOUR AND DISHONOR
OF THE NATIVE LAND” IN THE WAR PROPAGANDA**

О.В. Рябов

*Нижегородский государственный университет
(Павловский филиал)*

O.V. Riabov

Nizhny Novgorod State University (Pavlovo Branch)

Исследованы репрезентации сексуального насилия в военной пропаганде. Автор показывает, что образ Врага-насильника, который угрожает чести нации, изображаемой в облике женщины, занимает важное место в мобилизационном дискурсе.

The article is devoted to analysis of representations of sexual violence in the war propaganda. The author points out that the image of the enemy as a rapist, who violates honor of nation which is represented in a female guise, occupies an important place in mobilization discourse.

Ключевые слова: военная пропаганда, военная мобилизация, гендерная идентичность, российский национализм, «Россия-Матушка», изнасилования на войне

Keywords: war propaganda, war mobilization, gender identity, Russian nationalism, “Mother Russia”, war rape

Являясь той сферой человеческой жизни, в которой насилие расценивается как высшая доблесть, война имеет особое значение для пони-

мания его социокультурных корней. Дискурс войны призван создавать то пространство значений и образов, в котором убийство и самопожертвование выглядят естественными. Проанализируем одну из важных дискурсивных практик военной мобилизации, связанной с образом Врага-насильника, который угрожает чести женщин и самой нации, репрезентируемой в женском, чаще всего материнском облике. Вначале речь идет о методологических вопросах эксплуатации гендерной идентичности в военной мобилизации. Затем рассматривается роль репрезентаций женской чести в мобилизационном дискурсе. Наконец, в заключении вопросы иллюстрируются материалами российской истории, где образ чести России-Матушки является важным фактором внешне- и внутривосточных отношений.

Война – это «мужская работа»; считается, что особи мужского пола более агрессивны и чаще прибегают к насильственному решению конфликтных вопросов, в том числе в политической сфере.[1] Очевидно, однако, что объяснять эту особенность только биологическими факторами едва ли продуктивно; необходимо также учитывать, что привлекательность войны связана с тем значением, которое имеет гендерный компонент в структуре идентичности индивида. Как отмечает Дж. Голдстейн, «гендерная идентичность становится тем орудием, при помощи которого общество «уговаривает» мужчин воевать»[2]. В практиках нормализации военной пропаганды быть «настоящим мужчиной» означает быть воином; все же прочие стороны маскулинности расцениваются как нечто второстепенное и маргинальное к военности. Военный дискурс эксплуатирует как позитивную, так и негативную идентичность индивида. С одной стороны, это репрезентации «воинского братства», воспевающие принадлежность к гегемонной маскулинности. С другой стороны, активно используются образы «маменькиных сынков» и «изнеженных франтов», от которых аудитория пропагандистского дискурса старается максимально отличаться.

Итак, культ героизма, силы и беспощадности как атрибутов мужественности представляет собой одну из важнейших дискурсивных практик, делающих войну привлекательной. Другая же акцентирует внимание на репрезентациях воина как защитника женщин и детей. Такой образ не просто легитимирует участие мужчины в войне, но нередко вменяет ему в обязанность уничтожение человеческих существ.[3] Поэтому образы страданий Своих женщин в качестве апелляции к гендерной идентичности Своих мужчин широко используются в военном дискурсе.[4] Особый модус подобных репрезентаций связан с созданием

картин бесчестья или сексуального насилия, которым Свои женщины подвергаются со стороны Врага-мужчины. Враг как сексуальный агрессор – постоянно действующий персонаж как в нарративах о судьбах отдельных женщин, так и в репрезентациях обесчещенной родины[5].

Как известно, в реальной истории войн для подобных пропагандистских сюжетов оснований немало. Очевидно, однако, что массовый характер изнасилований на войне невозможно объяснить лишь фактором биологическим. Следует принимать во внимание то обстоятельство, что поскольку война – это соревнование в маскулинности, постольку одной из составляющих пропагандистского дискурса является стремление демаскулинировать Врага. История войн знает различные способы подобной демаскулинизации мужчин противоположной стороны; как раз одним из них выступает сексуальное насилие над их женщинами – практика, широко распространенная в период военных конфликтов. Изнасилованная женщина является знаком того, что ее мужчина оказался несостоятельным в роли защитника, столь значимой для гендерной идентичности[6]. Этим объясняется включение данной темы в риторику войны.

В свою очередь, мобилизационный дискурс, как отмечают исследователи различных военных конфликтов, репрезентирует Врага как насильника, бросающего тем самым вызов мужественности Своих.

Женские тела выступают в военном дискурсе в качестве символических пограничников, обозначая пространство национального сообщества; как маркеры собственности нации, они требуют защиты и покровительства со стороны патриотических сынов[7]. Данная функция женщин обуславливает те требования, которые национализм предъявляет им во имя чистоты, этнической и культурной гомогенности нации.

Образ Врага как насильника играет заметную роль в военном и национальном дискурсах российской истории. Честь и бесчестье родной земли – эта оппозиция занимает важное место и в канонах национальной маскулинности, и в легитимации власти в России[8]. Прежде всего, следует принимать во внимание ту роль, которую играет в политической мифологии России метафора иерогамии – священного брака Правителя и Земли, «Царя-Батюшки» и «России-Матушки», которая получает отражение уже в древнерусской политической культуре[9]. При этом поругание Русской земли расценивалось одновременно и как бесчестье для князя[10]. Вместе с тем защита чести родной земли становится не только элементом образа идеального правителя, но и важной составляющей идеальной мужественности[11]. Свидетельства подобных

представлений можно обнаружить в дискурсе самых различных военных конфликтов, в которых принимала участие Россия, а также в современной политической риторике[12].

Литература

1. Goldstein J.S. War and Gender: How Gender Shapes the War System and Vice Versa. Cambridge, 2001. P. 303.
2. Goldstein J.S. Op. cit. P. 252.
3. Tickner J.A. Gendering World Politics: Issues and Approaches in the Post-Cold War Era. New York, 2001. P. 57; Yuval-Davis N. Gender & Nation. London, 1997. P. 15.
4. Yuval-Davis N. Gender & Nation. P. 94.
5. Eriksen T.H. Ethnicity and Nationalism: Anthropological Perspectives. London; EastHaven, 1993. P. 108.
6. Goldstein J.S. Op. cit. P. 362.
7. Iveković R., Mostov J. Introduction // R. Iveković, J. Mostov (Eds.) From Gender to Nation. Ravenna, 2002. P. 10.
8. Рябов О. «Россия-Матушка»: Национализм, гендер и война в России XX века. Stuttgart, 2007.
9. Hubbs J. Mother Russia: The Feminine Myth in Russian Culture. Bloomington, 1988. P. 188–189.
10. Черная Л.А. «Честь»: Представления о чести и бесчестии в русской литературе XI– XVII веков // Древнерусская литература: Изображение общества / Под ред. А.С. Демина. Л., 1991.
11. Сандомирская И. Книга о Родине: Опыт анализа дискурсивных практик. Wien, 2001, <http://www.rus-lang.com/education/discipline/PR/sl/>
12. Рябова Т.Б. Пол власти: гендерные стереотипы в современной российской политике. Иваново, 2008.

**СОЦИАЛЬНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ КАК ФОРМА
СИМВОЛИЧЕСКОГО НАСИЛИЯ**
**SOCIAL STEREOTYPES AS A FORM
OF THE SYMBOLIC VIOLENCE**

Т.Б. Рябова

Ивановский государственный университет

T.B. Ryabova

State University of Ivanovo

Рассмотрена роль социальных стереотипов как формы символического насилия. Представлены систематизация имеющихся в науке трактовок понятия стереотип, а также категории репрезентации и дискурса.

The role of social stereotypes as a form of symbolic violence is considered. Systematization of existing interpretations of definitions “stereotype”, “representation” and “discourse” are also presented.

Ключевые слова: символическое насилие, стереотип, стереотипизация, репрезентация, код, дискурс

Keywords: symbolic violence, stereotype, stereotyping, representation, code, discourse

Власть осуществляется не только через физическое принуждение, но и через ценности и нормы. Навязывание значений и смыслов с целью признания их легитимности П.Бурдьё назвал символическим насилием [1].

Одной из форм подобного символического насилия являются социальные стереотипы. Принимая участие в производстве значений и ценностей, они вовлекаются в создание определенной картины мира и в легитимацию власти и таким образом выступают ресурсом власти.

Роль социальных стереотипов как формы символического насилия становится понятной, если рассматривать стереотипизацию в качестве дискурсивной практики производства значений, а стереотипы как элемент дискурса и репрезентаций [2]. Под репрезентацией понимают представление кого-либо или чего-либо с определенной точки зрения.

Будучи пластичными и гибкими, репрезентации включают в себя общепринятые устойчивые коды, использование которых облегчает восприятие; к числу таких кодов относятся стереотипы. Дискурс же является системой репрезентаций [3].

Можно согласиться с точкой зрения С. Холла, что каждая дискурсивная практика имеет социальное измерение, и наоборот, все социальные практики дискурсивны [4]. Такой взгляд, ставящий под сомнение ряд базовых положений когнитивного подхода к изучению стереотипов, допускает, что при описании Других люди выбирают ту интерпретацию стереотипа (или тот стереотип), который им удобен (например, для оправдания собственных предрассудков) [2, р. 142]. Объект стереотипизации представляется с определенной точки зрения.

Различные группы постоянно борются за удобную для себя интерпретацию тех или иных социальных явлений (например, содержание понятий мужественности и женственности, русскости и российскости, провинциальности и столичности).

Репрезентация – это всегда интерпретация, содержащая оценку. Субъект репрезентаций обладает привилегией представлять Другого, объект стереотипизации, с определенной точки зрения. Таким образом, центральным для анализа репрезентаций становится вопрос об их субъекте – кто, в каких категориях, с какой целью предлагает свой путь видения ситуации, кто и как ее оценивает, или, иными словами, кто является субъектом символического насилия.

Воспользуемся выразительным образом М. Пикеринга: Другой нем; он лишен права иметь собственный голос и быть самим собой; он может говорить только так, как это ему позволено [3, р. 76]. Он не допускается к статусу эксперта даже в собственной жизни, не говоря уже о жизни господствующей группы [5]. Такой взгляд на «немого» Другого в значительной степени объясняет, почему объекты стереотипизации соглашаются со стереотипами, закрепляющими их подчиненное положение.

Подобная объективация отчетливо проявляется и в случае гендерных, и в случае этнических стереотипов: Другие (женщины в андроцентрической культуре [6], представители среднеазиатских или кавказских народов в русском городе) превращаются в объект взгляда; воспринимая себя с точки зрения общепринятых социально сконструированных социальных норм и эталонов, они находятся поэтому в постоянной символической зависимости и выступают объектом постоянного символического насилия.

Литература

1. Bourdieu P. Practical reason: On the theory of action. Stanford, 1998. – P. 103.
2. Hinton P.R.. Stereotypes, Cognition, and Culture. Hove, East Sussex; Philadelphia, PA: Psychology Press. – P. 148.

3. Pickering M. Stereotyping: The Politics of Representation. Houndmills, Basingstoke, Hampshire; New York: Palgrave, 2001. – P. 280.
4. Hall S. The West and the Rest: Discourse and Power // Formations of Modernity / S. Hall, B. Gieben (Eds.). Cambridge, 1992. – P. 291.
5. Kitzinger C., Wilkinson S. Theorizing Representing the Other // Representing the Other: A Feminist and Psychology Reader / S. Wilkinson, S. Kitzinger (Eds.) – London; Thousand Oaks, Calif.: Sage Publications, 1996. – P. 9.
6. О гендерных стереотипах как форме установления властных отношений см.: Рябова Т.Б. Пол власти: Гендерные стереотипы в современной российской политике. Иваново: Ивановский государственный университет, 2008; о гендерном дискурсе Холодной войны как форме символическом насилия см.: Рябов О.В. «Красный кошмар»: Репрезентации советской семьи в американском антикоммунизме периода «холодной войны» (1946-1963) // Семья: между насилием и толерантностью / Под ред. М.А. Литовской, О.В. Шабуровой. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. – С. 287-310.

**РАСПРОСТРАНЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ НАСИЛИЯ
В ПОЛИЦИИ Г. КАЗАНИ ПО ДАННЫМ ЭКСПЕРТНОГО
ОПРОСА МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ
THE PREVALENCE OF KAZAN POLICE VIOLENCE
ACCORDING TO THE EXPERT SURVEY
OF MEDICAL WORKERS**

А.Л. Салагаев

*Казанский национальный исследовательский
технологический университет*

A.L. Salagaev

Kazan National Research Technological University

Отношение к полиции жителей России, напряженность оценок данного института в разных группах россиян складывается за последние годы на пересечении нескольких факторов, одним из которых является насилие и пытки в полиции, которые анализируются автором на основе экспертного опроса работников скорой помощи города Казани.

The attitude of Russians people to the police, the tension of the estimates of the Institute in different Russians groups formed in recent years at the intersection of several factors, one of which is the violence and torture in police custody, which are analyzed by the author on the basis of expert survey ambulance workers of Kazan.

Ключевые слова: насилие сотрудников правоохранительных органов в отношении задержанных, побои, жертва насилия, круговая порука

Keywords: the violence of law enforcement personnel in respect of detainees, and beatings, a victim of violence, solidarity

На протяжении многих лет ученые пытались обнаружить универсальные, независящие исключительно от общественной дифференциации, основания власти. Одним из таких оснований является насилие. Оно не только конвертируется в различные властные ресурсы, но и является символом властных отношений.

Насилие включает намеренное и осуществленное против воли человека применение физической силы, а также реальную угрозу его применения с использованием вербальных и невербальных средств.

Индивидуальный и коллективный акты насилия не могут совершаться вне определенного ценностно-нормативного поля. Так, в ходе взаимодействия между актором насилия и потенциальной жертвой насильник ведет себя сообразно нормам группы, а жертва вынуждена учитывать эти нормы.

Анализ публикаций периодической печати и средств СМИ показал, что в России и Республике Татарстан насилие и пытки в полиции носят массовый и систематический характер.

По оценкам некоторых авторитетных источников, в том числе Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и одного из ведущих российских судей, пыткам и другим видам незаконного обращения в России могут подвергаться до 50% подозреваемых в уголовных преступлениях. Одна из судей в беседе с представителями «Хьюман Райтс Вотч» отмечала, что в ходе расследования пытки могут применяться к 80% подозреваемых, которые отказываются давать признательные показания. Многие бывшие сотрудники полиции считают невозможным раскрытие преступления без использования пыток.

Для изучения распространенности насилия со стороны работников полиции был проведен экспертный опрос работников скорой помощи города Казани. Служба скорой медицинской помощи г. Казани имеет: центральную типовую станцию с административно-хозяйственной частью и восемь подстанций, расположенных с расчетом 20-минутной транспортной доступности скорой медицинской помощи в различных районах города. На станции трудятся 1515 постоянных сотрудников и 43 совместителя. Всего было опрошено 80 медицинских работников скорой помощи подстанций № 5 и № 7. В среднем стаж их работы по

данной специальности медицинских работников скорой помощи составляет 10-20 лет, Подавляющее большинство опрошенных медицинских работников (85%) среднего возраста (от 30 до 54 лет). Мужчин и женщин среди них практически поровну. С высшим образованием – 55%; средним специальным образованием – 45%. Опрос был проведен дипломником кафедры социальной и политической конфликтологии А. Мухетдиновым в апреле-мае 2012 года.

По мнению 71,25 % врачей и среднего медперсонала, оказывающих первую медицинскую помощь пострадавшим в результате несчастных случаев или нападений, проблема насилия сотрудников правоохранительных органов в отношении задержанных является весьма серьезной. 21% врачей и медицинских работников скорой помощи полагают, что проблема насилия в полиции распространена довольно часто, и 7,5% считают, что насилие в полиции распространено редко и носит единичный характер.

Нередко помощь пострадавшим от побоев, нанесенных сотрудниками органов правопорядка, происходит без вызова скорой помощи. Пострадавшие вынуждены чаще самостоятельно обращаться за помощью в травмпункты. Кроме того, врачам скорой помощи в экстренной ситуации трудно установить виновников побоев.

На вопрос, где чаще всего совершается насилие, почти две трети (65%) опрошенных работников скорой помощи назвали полицию, 15% опрошенных – УИИ, 5% – в ФСБ, 2,5% – в прокуратуре, не дали ответа 12,5% опрошенных.

Данные опроса показывают что бьют главным образом тех, кто находится в пьяном виде, «не в себе» и как бы провоцирует к жестокому, «нечеловеческому» отношению к подросткам и молодым людям. То же самое можно сказать и о мигрантах, становящихся типичными объектами агрессивного отношения полиции.

Очень редко жертвами побоев становятся женщины (1,25%), старики (1,5%), люди с достатком (1,25%) и обычные законопослушные граждане (2,5%).

Жертвами насилия со стороны сотрудников полиции чаще всего оказываются мужчины, относящиеся к «социально слабым» или уязвимым категориям населения, находящиеся в состоянии частичной или полной невменяемости (или квалифицируемые в таком качестве врачами или полицией). Они не в состоянии должным образом защитить себя в социальном и гражданском отношении.

Кто нанес побои или телесные повреждения, врачи узнают главным образом со слов самих пострадавших (75%). Несколько чаще об этом говорят те, кто приходят или доставлены в травмпункт (79%).

Около половины опрошенных (45%) указали, что они выезжали в здания правоохранительных органов к пострадавшим с признаками насилия, причиненного сотрудниками. Отрицательно ответили – 21,25%, уклонились от ответа – 33,75%.

Помимо объяснений самих пострадавших, на применение насилия указывает и типичный характер телесных повреждений (об этом заявляет почти каждый третий работник травмпункта и каждый пятый врач со скорой помощи) или, как это объясняют врачи и медсестры, об этом ясно из «характера поведения пострадавшего» (12%).

По полученным данным, становится очевидным, что насилие и жестокость имеют неинструментальный, а не «вынужденно-защитный» характер и применяются «по максимуму». Они входят в состав ритуалов «укрощения» задержанного, демонстрации «кто есть кто», деиндивидуализации жертвы, лишения ее права на дееспособность, парализующих ее возможное сопротивление и право на защиту и человеческое, терпимое обращение.

Более половины медицинских работников (51,25%) отметили, что насилие применяется при задержании; 21,25% – беспричинно, для «куража» и демонстрации власти; при «выбивании информации» – 22%, сокамерниками по указанию правоохранительных органов – 1,25%, другое – 3,75%. Каждый пятый из опрошенных врачей указал применение в качестве пыток средств опосредованного физического воздействия.

Несмотря на то, что большая часть врачей считает недопустимым или неестественным такой порядок вещей, когда людей подвергают насилию или избиениям, абсолютное большинство опрошенных среди врачей и среднего медперсонала склоняется к тому, что насилие и жестокость, проявляемые к задержанным или подследственным, вызывается самими пострадавшими, неадекватностью их поведения с точки зрения полиции или конвоя, работников следственных органов (иначе говоря, врачи в большей мере вынужденно или нет, принимают сторону полиции). Можно говорить о проблеме конвенциональных определений параметров жестокости и насилия. Едва ли можно назвать приемлемым поведение пьяных, но кураж полиции – вещь столь же дикая и недопустимая в нормальном обществе, как и асоциальность бомжей и пьяниц.

Лишь каждый пятый из опрошенных медиков полагал, что насилие было ничем не оправданной жестокостью и оно никак не спровоцировано самим пострадавшим.

Ситуация закрытости правоохранительных органов для внешнего контроля, наблюдения, обсуждения (а значит и для возможности врача встать на другую позицию, кроме полицейского при исполнении) усугубляется сложившимся порядком оповещения о случаях насилия в правоохранительных органах. В подавляющем большинстве случаев персонал скорой помощи обязан сообщать о травмах, полученных со стороны полиции... самой же полиции.

По полученным данным, мы можем сказать, что опрошенные, как можно предположить, избегают сообщать о подобных нарушениях в полицию, а правоохранительные органы, понятно, на этом не настаивают.

На вопрос, сообщаете ли вы представителям правоохранительных органов о подобных случаях, мы получили следующие ответы:

- всегда сообщают 10% медицинских работников скорой помощи;
- иногда сообщают – 2,5 % опрошенных медицинских работников;
- никогда не сообщают – 3,75% медицинских работников;
- основная масса опрошенных медицинских работников (83,75%) уклонилась от ответа.

На вопрос: Кто именно берет с вас объяснения по переданным сообщениям, мы получили следующие ответы: полиция – 10%; прокуратура – 2,5%; адвокаты – 1,25%; другое – 1,25%; нет ответа – 85%.

Можно говорить о том, что сотрудники полиции и других правоохранительных органов в основном заинтересованы в том, чтобы замять случившееся, вообще не фиксировать его как факт и не придавать огласке. В отдельных случаях, когда случившееся выходит или грозит выйти за рамки обычного, органы правопорядка и другие власти оказывают на врачей давление, требуя не фиксировать факты причиненного полицией насилия и никуда о них не сообщать. Однако еще настоятельней – в каждом втором случае об этом же просят сами пострадавшие. Они явно боятся последствий такого «разглашения», не верят в его пользу ни для себя, ни для других им подобных. Иными словами, не только медики, но и сами пострадавшие вынужденно принимают сторону полиции, причинившей им травмы.

Мы получили следующие ответы на вопрос, были ли случаи, когда правоохранительные органы, органы власти, ваше руководство просили вас или ваших коллег не фиксировать повреждения, предположительно причиненные сотрудниками правоохранительных органов: да – 15%; нет – 65%; нет ответа – 20%.

Бывают ли случаи, когда пострадавшие просят не фиксировать в официальных документах, что их избили сотрудники правоохранительных органов: да – 16,25%; нет – 66,25%; нет ответа – 17,5%.

Как сами сотрудники правоохранительных органов объясняли причины получения травм пострадавшим:

- пострадавший оказывал сопротивление сотрудникам милиции – 40%;
- повреждения имелись у пострадавшего до его прихода в милицию – 40%;
- повреждения получены по неосторожности пострадавшего – 20%;
- пострадавший напал на сотрудников милиции – 5%;
- пострадавший получил травмы в драке с сокамерниками – 10%;
- нет ответа – 5 %.

При этом опрошенные медики крайне мало знают про общественные организации, ведущие борьбу с произволом и насилием со стороны правоохранительных органов (в сумме о таких знают лишь 11,25% опрошенных). Но до трех пятых респондентов из бригад скорой помощи, по их словам, согласились бы, зная координаты подобных общественных организаций, сообщать им о случаях насилия над гражданами со стороны правоохранительных органов.

Таким образом, применение насилия в полиции г. Казани является довольно распространенным, одной из причин этого является круговая порука (насилие-терпение-молчание), которая объединяет не только репрессивные органы, но и их жертвы. В целом в обществе слабо выражены формы позитивной солидарности и, напротив, действуют различные негативные формы сплочения, принятия точки зрения насильника, коллективного заложничества.

НАЦИОНАЛИСТЫ И АНТИФА В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ: НАСИЛИЕ НА УЛИЦАХ

NATIONALISTS AND ANTIFA IN RUSSIAN PROVINCE: VIOLENCE ON THE STREETS

С.А. Сергеев

*Казанский национальный исследовательский
технологический университет*

S.A. Sergeev

Kazan National Research Technological University

Обсуждаются и анализируются на основе серии глубинных интервью аргументы «за» и «против» уличного насилия, приводимые такими акторами российской молодежной сцены, как националисты и антифа.

In article arguments «pro et contra» the street violence, given by such actors of the Russian youth scene, as nationalists and antifa are discussed and analyzed. Article is written on the basis of a series of informal interviews.

Ключевые слова: насилие, радикалы, националисты, скинхэды, антифа.
Keywords: violence, radicals, nationalists, skinheads, antifa

Уличные столкновения правых и левых радикалов, националистов и антифа стали одной из характерных примет молодежной сцены Западной Европы и США 1990-х гг. и России 2000-х гг. К концу 2000-х гг. конфликт между националистами и антифа достиг такого накала, что известный российский адвокат и антифашист Ст. Маркелов заявил о тлеющей гражданской войне в России. 19 января 2009 г. он и журналистка «Новой газеты» А. Бабурова были убиты. В том же году были убиты известные активисты движения «антифа» Илья Джапаридзе и Иван Хуторской (Костолом). В 2010 г. был убит судья Мосгорсуда Э. Чувашов, вынесший приговор скинхэдам из банды Рыно-Скачевского. Кульминацией действий русских националистов стали волнения в декабре 2010 г. на Манежной площади в Москве, в которых приняло участие около 10 тысяч человек.

В 2010 – 2011 гг. при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации кафедры социальной и политической конфликтологии Казанского национального исследовательского технологического университета осуществляла проект «Политический экстремизм и радикализм в современной Российской Федерации: социальные причины, виды и формы проявления» (госконтракт № 02.740.11.5208), в рамках которого была проведена серия глубинных (неформализованных) интервью с представителями казанских националистов (29 интервью) и «антифа» (27 интервью).

Респонденты, идентифицирующие себя как правые радикалы или русские националисты, среди основных социальных проблем современной России называли, как правило, наплыв мигрантов из стран «ближнего зарубежья». На них возлагается ответственность за рост преступности в современной России, насилия по отношению к женщинам, коррупции, торговли наркотиками и оружием и пр. Борьба с нелегальной миграцией русскими этнонационалистами рассматривается прежде всего как применение жестких мер по отношению к нарушителям миграционного законодательства (от высылки – до расстрела).

Мнения респондентов – участников или симпатизантов русского этнонационалистического движения относительно допустимости применения насилия по отношению к мигрантам разделились. Умеренные участники полагают, что участие в подобных акциях дискредитирует идеи русского национализма и не приносит русским этнонационалистам ничего, кроме дополнительных проблем и ярлыков «русского фашизма». Более радикальные утверждают, что эти акции – стихийная реакция на бездействие властей и наплыв мигрантов. Те из респондентов, которые не отрицали возможности применения мер физического воздействия по отношению к приезжим, делятся на две группы. Одни рассматривают насилие в отношении мигрантов как допустимый ответ только в том случае, если приезжие занимаются хулиганством или прибегают к насилию. В то же время среди респондентов выделилась небольшая группа наиболее радикально настроенных молодых людей, считающих, что уже сам факт нахождения мигрантов на «русской земле» – достаточный повод для насилия.

Большинство русских этнонационалистов, опрошенных нами, отметили малую распространенность спланированных и организованных акций прямого действия в г.Казани как следствие малочисленности русских этнонационалистов и активного противодействия им со стороны правоохранительных органов. Большинство подобных акций имеют спонтанный характер и принимают форму группового избиения, а также нанесения материального ущерба собственности мигрантов. Немаловажно отметить, что в качестве морального оправдания подобных действий респонденты отмечали наличие у мигрантов связей с правоохранительными органами, что якобы делает достижение справедливости законным путем для «простого человека» проблематичным. Некоторые из респондентов ставили под сомнение сам факт проведения спланированных акций прямого действия и полагали, что это всего лишь один из мифов субкультуры местных русских этнонационалистов.

Уже в самом начале глубинных интервью с представителями движения «антифа» последние утверждали, что основным стимулом для возникновения данного движения в начале 2000-х гг. как в Москве, так и в провинции была агрессия со стороны наци-скингов. Таким образом, самоидентификация «антифа» в немалой мере определена наличием культурного и идеологического врага, определяемого как «фашисты» и «националисты».

Одним из наиболее дискуссионных вопросов среди «антифа» является вопрос применения силы. Оправдание применения насилия по от-

ношению к наци-скинхэдам основывается на аргументе «*иначе до них не дойдет*» (из интервью с Д., муж., 25 лет) или оправдывается необходимостью самообороны. Не отрицая применения физических методов воздействия к своим противникам, респонденты-«антифа» подчеркивают, во-первых, немногочисленность таких случаев, а во-вторых, что «антифа» стремятся причинить своим противникам минимальный физический ущерб, называя применение физической силы своего рода «воспитанием». В частности, разгон «Русских пробежек» в Казани в начале 2011 г. «антифа» объясняли тем, что «кричалки» участников «пробежек» несли элементы этнической розни. «...*выбежать на улицу и кричать: «Русский – значит трезвый!» – обижать другие национальности*» (из интервью с М., муж., 23 г.). При этом неопиты движения, не исключая и девушек, более склонны оправдывать применение силы, а ветераны движения, напротив, относятся к применению насилия более осторожно. В то же время некоторые «антифа» допускают применение силы при проведении экологических акций, акций в защиту животных. Но при этом насаждение силой определенного стиля жизни, в частности, веганизма (жесткого вегетарианства) всеми респондентами отвергалось.

Антифашизм, согласно утверждениям наших респондентов из среды «антифа», – не идеология, а часть или аспект более широкого мировоззрения. Важнейшей частью данной системы ценностей является признание равенства людей вне зависимости от их цвета кожи, этнической принадлежности, гендера и сексуальной ориентации, недопустимость дискриминации, принуждения, действенного сочувствия к слабым, больным и др. Программа-максимум – создание общества без насилия и жестокости, программа-минимум – прекращение уличного насилия со стороны правых радикалов. Картина мира, разделяемая радикально настроенной частью наших респондентов-«антифа», носит отчетливо манихейский характер и, по всей вероятности, может быть реконструирована следующим образом: мир захвачен фашистами и их сторонниками, явными и скрытыми, и борьбу с ними ведет лишь небольшая группа антифашистов - бойцов Сопrotивления. Отношение к государству и государственным институтам среди антифа варьируется от скептицизма до ярко выраженного негативизма.

Молодежь «антифа» (13 - 18 лет), однако, идеологизирована гораздо в меньшей степени: им просто нравится взаимное общение и драки с «нациками».

Общий вывод относительно перспектив противостояния левых и правых и радикалов на улицах российских городов, сделанный нами первоначально, носил скорее пессимистический характер: это противостояние сохранится в обозримом будущем. В зависимости от проводимой государством политики конфликтное противостояние между правыми и левыми радикалами в молодежной среде, полагали мы, будет расширяться или, напротив, инкапсулироваться, но не исчезнет совсем.

Однако в конце 2011 – начале 2012 гг. ситуация резко изменилась. И левые, и правые радикалы обнаружили, что у них один противник в лице правящей политической элиты, и вместе с другими, не-радикальными оппозиционными активистами на основе негативного консенсуса составили единый протестный фронт. Насильственные столкновения между ними прекратились. В то же время ситуация меняется слишком быстро, чтобы делать какие-то прогнозы: так, дело «Pussy Riot», по нашим наблюдениям, вновь усилило настороженность между левыми и правыми радикалами, но и те и другие пока остаются в рамках единой оппозиционной коалиции, и есть надежда на то, что уличные столкновения между ними уже не возобновятся.

**СПОРТИВНЫЕ И ИГРОВЫЕ ФОРМЫ НАСИЛИЯ:
ЕДИНОБОРСТВА В СОВРЕМЕННОЙ ГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРЕ**
**SPORT AND GAME FORMS OF VIOLENCE:
MARTIAL ARTS IN CONTEMPORARY URBAN CULTURE**

А.Е. Солдаткин
*Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского*
A.E. Soldatkin
N.I. Lobachevsky State University of Nizhniy Novgorod

Обсуждаются некоторые подходы к социологическому исследованию боевых искусств и противоречивый характер боевых искусств (единоборств) как социального явления.

The article discusses some approaches to sociological studies of martial arts, and contradictory character of martial arts as social phenomenon.

Ключевые слова: единоборства, спорт, насилие, ценности, нормы, социализация, социальный контроль

Keywords: martial arts, sports, violence, values, norms, socialization, social control

Единоборства как объект социологического изучения

Культурное разнообразие современных крупных городов России включает в себя институты и практики, связанные с культурно регламентированными, социализированными проявлениями насилия в спортивном или игровом контексте. Прежде всего речь идет о так называемых единоборствах. В России интерес к социологическому изучению практик единоборств как отдельного вида деятельности возник на фоне широкого распространения в конце 20 в. восточных систем единоборств в качестве досуговых и спортивных практик.

Социологическое исследование единоборств имеет свою специфику, выходящую за рамки социологии спорта. С одной стороны, сфера единоборств уже сферы спорта в целом, но с другой – практики единоборств включают в себя не только спортивно-соревновательные элементы. Поскольку социологический анализ единоборств как специфического вида человеческой деятельности только начинает развиваться, значительное место в этом анализе занимает уточнение целей, предмета и объекта исследований.

Д. Труфанов в своей монографии утверждает, что «специфика [социологического подхода к исследованию единоборств – А.С.] ... заключается в анализе института единоборств как особой формы организации участка общественных отношений. Задачи такого анализа – выявление и анализ факторов, определяющих характер социальных связей в рамках института единоборств, а также специфику взаимодействий последнего с другими субъектами общественных отношений. Объектом специального анализа выступает роль единоборств в формировании духовного мира молодежи, их оценка как фактора, влияющего на социальное поведение данной возрастной категории». [1, С. 47]

Далее, Д. Труфанов предлагает определить единоборства как «специфический вид социальной практики, включающей индивидов, вступающих в отношения по поводу практики единоборств, практику различных видов рукопашного боя, а также институализированную систему отношений между участниками данного вида взаимодействий (школы, федерации, соревнования, фестивали и др.)» [1, С. 48]

Отдельный важный вопрос представляет классификация единоборств по тем или иным основаниям и сам выбор оснований для классификации, релевантных для целей социологического анализа.

Труфанов предлагает следующую классификацию единоборств по их назначению

- Прикладные (ограниченно-боевые системы и системы тотального боя);
- Спортивные (контактно-спортивные и бесконтактные)
- Традиционные (полностью традиционные и спортивно-традиционные) [1]

С нашей точки зрения, имеет смысл классифицировать вышеупомянутые практики по двум дополнительным основаниям:

- с точки зрения применения оружия или предметов, заменяющих (имитирующих) его – на вооруженные и безоружные,
- с точки зрения количества вовлекаемых в противоборство – на индивидуальные и коллективные.

Применение оружия (или его имитаций) дополнительно усложняет практику спортивных и прикладных единоборств, а с точки зрения традиций – отсылает практикующих к определенным, достаточно четко очерченным культурно-историческим стереотипам, позволяет полнее погрузиться в исторический контекст. Так, например, отсылки к клинковому оружию (шпага, сабля, меч и т.п.) погружают практикующего в контекст культуры высших и средних сословий прежних эпох, а практика с подручными предметами (например, палкой) предполагает отсылки к опыту иных социальных групп (крестьян, монахов).

Сам термин «единоборства», казалось бы, предполагает индивидуальность, отдельность участников, однако в ряду современных практик ограниченного или игрового насилия можно найти и те, что предполагают противостояние групп – такие, как некоторые разделы исторического фехтования, а также современные спортивно-прикладные тактические игры, такие, как пейнтбол и страйкбол.

С социологической точки зрения особый интерес представляют спортивные и традиционные единоборства. Они привлекают значительное количество занимающихся, а также оказывают косвенное социально-культурное воздействие на людей, не вовлеченных напрямую в практики единоборств, чего нельзя сказать о социально закрытых прикладных единоборствах, которые практикуются в полиции и вооруженных силах.

Одной из основных тем в социологическом изучении единоборств является их роль в социализации, формировании личности, поведения и ценностных установок adeptов (см, например: [1], [2]). При этом в работах отечественных исследователей относительно малое внимание уде-

ляется анализу внутреннего устройства единоборств как института, характеристикам социальных связей, формирующихся внутри данного института и связывающих его с социальным окружением. Одной из ярких попыток исследования единоборств как социального института являются работы Л. Вакана, который на примере боксерских организаций Чикаго показывает противоречивость социальных связей клубов единоборств и социального окружения и раскрывает особенности социальной структуры самих клубов [3].

Противоречивость единоборств как социального явления

Боевые искусства как социальное явление парадоксальны и в значительной мере непонятны для широкой публики. Внимание привлекает их внешняя сторона, связанная с инокультурной экзотикой или физическими возможностями практикующих. В то же время исследование противоречий единоборств, их пограничного характера как социального явления открывает возможности для более глубокого социологического понимания.

Боевые искусства находятся на границе между природой и культурой. Их практика телесна и предельно эмпирична, в ней «тело одновременно служит основой, инструментом и целью» [3, С. 107]. Однако эта практика невозможна без ценностей и культурных образцов, а также без внутренней психологической перестройки практикующего. Как правило, такая практика индивидуальна, однако социализация и подготовка единоборца – всегда плод коллективных действий, синхронных или диахронных. Таким образом, единоборства как социальное явление тесно включены в общество, однако отношение к ним, как отмечает Вакан, отличается шизофреничностью – они притягивают и отталкивают одновременно.

С точки зрения социологии насилия, спортивные и традиционные единоборства представляют интерес как *пограничные между различными формами взаимодействия, связанными и несвязанными проявлениями насилия.* В единоборствах насилие присутствует как инструмент достижения целей личностного развития или игровой элемент, имеющий самоценность. В то же время в обществе за пределами залов единоборств физическое насилие табуировано или преследуется законом. Представители закона, в свою очередь, обладают едва ли не монопольным правом на легитимное насилие.

Клубы единоборств – уникальные социальные зоны, где, по выражению Л. Вакана, «*вновь становятся возможными социальные отношения, запрещенные за [их] пределами*» [3, С. 113], причем понимать это

можно по меньшей мере двумя способами. С одной стороны, в спортивных залах разрешено насилие, формально запрещенное и преследуемое вне их, но с другой, как показывает Л. Вакан на примере боксерских клубов в чикагских гетто, – спортзал является областью защищенной социальной жизни, позволяющей на время избавиться от давления улицы и гетто, вступить с товарищами по тренировкам в искренние, непосредственные отношения, основанные на доверии. Важным является, что насилие в среде единоборств регулируется не только писаными правилами, но и неформальными конвенциями, нормами и обычаями. Эти нормы предполагают взаимное доверие, когда партнеры по тренировкам отдают свою безопасность в руки друг друга.

Еще один парадокс единоборств – их *противостояние и, одновременно, зависимость от окружающей социальной среды*. Границы среды единоборств в известной мере закрыты для непосвященных, «спортивный зал представляет собой квазитотальный институт, который стремится определить все существование бойца, его поведение во времени и пространстве, владение телом и даже его душевное состояние» [3, С. 121]. В то же время сообщества единоборств могут пополнять свои ряды только извне, привлекая новых учеников, и делают это, демонстрируя и предлагая модели поведения, нереализуемые вне стен спортивного зала.

Литература

1. Труфанов Д.О. Ценностная социологическая концепция современных единоборств: монография. – Красноярск: РИО КрасГУ, 2006. - 129 с.
2. Ватолина Е.Ю. Боевые искусства Востока как средство инкультурации личности подрастающего поколения (На опыте трансляции традиций кэндо в России) : Дис. ... канд. культурологических наук : 24.00.01 : Москва, 2003
3. Вакан Л. Социальная логика бокса в черном Чикаго: к социологии кулачного боя // Логос №3 (54) 2006, с.104-140

НАСИЛИЕ И НЕНАСИЛИЕ УМА VIOLENCE AND NON-VIOLENCE MIND

А.Н. Фатенков

*Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского*

A.N. Fatenkov

Nizhny Novgorod state university of N.I. Lobachevsky

Рассматриваются жизненные приобретения и потери, связанные с состояниями-процессами насилия и ненасилия человека над своим умом и ума над человеком.

Vital acquisitions and the losses connected with conditions-processes of violence and a non-violence of the human over the mind and mind over the human are being considered.

Ключевые слова: человек, ум, мысль, усилие, насилие, ненасилие, бессилие

Keywords: human, mind, idea, effort, violence, non-violence, impotence

Знание – сила: созидательная и разрушительная по отношению к себе и иному. Откуда и отчего оно возникает – в форме удостоверенной и проверенной мысли – в человеческом сознании? Уж точно, не от бессилия, во всяком случае интеллектуального, не от слабоумия. Жизненный опыт показывает, что явление мысли, впоследствии подтверждаемой в качестве истинной, обычно требует от нас усилий. Мы напрягаем свою психику, свой мозг, всё своё тело. Расширение границ сознания посредством манерного – психоделического – расслабления организма есть результирующий частный случай приложения сил, здесь – биохимических или акустических. Важно установить рубеж, наверняка существующий, между усилиями нашими и нашего ума и насилием, творимым нами над собой, над собственным разумом. Разница обнаруживается в объёме доказательств, представляющихся необходимыми. Избыток силы, превращающий усилие в насилие, требует компенсации в виде дополнительных аргументов в пользу истинности удостоверяемой мысли. Правда данного тезиса косвенно подкрепляется известным фактом интуитивного прозрения: изредка нас осеняет идея, содержательно ёмкая и лексически стройная, истинность которой несомненна, а прямые затраты на её обретение минимальны. Вымученные доказательства отяго-

щённого ума никогда не станут исчерпывающими. Напротив, они наглядно демонстрируют ограниченность логической, интеллигибельной сферы, подталкивая нас к выходу за её рамки, к возвращению в мир физический, телесно-вещественный, материальный. Речь тут не столько об общественной практике и коллективном труде (они в каком-то смысле bestолково длительны и оставляют на нашу долю банально-мудрёное взвешивание вероятностей), сколько о выразительных индивидуальных актах, лаконично запечатлённых в мимике, жесте, телодвижении. Скажем, проговаривается утверждаемый тезис, в параллель или сразу за ним следует удар кулаком по столу, дополняемый, по вкусу, нетривиальным каламбуром, крепким забористым словом или нечленораздельным звуком. Эти жизненно оправданные усилия нашего единого психосоматического существа выступают одновременно насилем над каждой из его сторон, стремящихся к отъединению и обособлению, прежде всего – над областью чистых умозрений.

Вычерченная картина позволяет приоткрыть глубинные корни всякого насилия. Они заключены в раздробленности, расколотости мироздания и в желании субъекта, индивидуального или коллективного, восстановить или добиться целостности, реальной или хотя бы кажущейся, действовать от её имени. Безнравственность, гадливость отдельных персон и партий цинично усугубляет ситуацию, но не зачинает её. Понятна притягательность насилия – экзистенциального, культурного, социального, проводимого ради отсутствующей ныне, но перспективной полноты: осуществляемого под флагом реставрации или перековки Человека, под лозунгом возвращения к Золотому веку или прорыва к Светлому будущему. Мерзкое, вульгарное принуждение проистекает из мнящейся вседозволенности с позиции заведомо ложной, якобы имеющейся полноты, когда частное превосходство (в физической силе, интеллектуальных способностях, социальном статусе...) неоправданно абсолютизируется. Очевидна неискоренимость насильственных форм и поступков, возвышенных и низменных, из приватной и публичной жизни людей. Оттого, что я вправе переламывать себя, не следует, конечно, что я вправе ломать других. Как не следует, впрочем, и то, что эта моя акция исключительно автономна и не затрагивает, не коробит окружающих. Такова мягкая версия морального вердикта касательно живучести насилия. Жёсткая версия: существо, готовое на самоубийство, а человек именно таков, готово на уничтожение некоторых или всех других живых существ. (Поэтому с террористами-смертниками стражам порядка никогда не совладать.) Можно сколь угодно апеллировать к правовым, этическим и религиозным нормам, уповать на гуманистический идеал и

идею ненасилия. Надёжнее, однако, держать ухо востро и быть готовым в любой момент дать отпор агрессору: с запасом, с контрольным выстрелом, так, чтобы впредь неповадно было, никому. Притом что наличие достойного врага – удача, столь же редкая, как и обретение верного друга.

Спустимся с верхотуры моральных суждений о насилии к их экзистенциально-онтологическим основаниям, к ранам и ссадинам в сущности человека, к определённому раздраю и напряжению между и внутри её сопрягающихся сторон: природно-биологической и социально-культурной, физической и психической. Не рудиментарные животные инстинкты и не их искусственное подавление ответственны напрямую за творимое и претерпеваемое людьми насилие. Особенно нелепы обвинения в адрес наших звериных истоков. В природе нет ни насилия, ни ненасилия, там есть тотальность и полнота стихии, безразличная скорее всего к отдельным особям, видам и родам. Она, разумеется, осложняет нам жизнь, размывая регламентируемые культурой границы допустимого и недопустимого, но сама-то жизнь ею, природной стихией нам и дарована. Претензии к культуре и обществу, к традиции и истории более основательны и конкретны. Религиозная традиция, давно распознав, что убийство узаконивается возможностью самоубийства, пытается обесценить, табуировать последнее. Но в итоге лишь провоцирует человека, подталкивает его к акту самоуничтожения: если люди не способны сравниться с Богом в силе созидания, то способны посостязаться с Ним хотя бы в силе разрушения. Светская традиция априори не в состоянии дискредитировать самоубийство, а стало быть и всякую агрессию: если над людьми нет иного властителя, кроме всевластия смерти, то регулировать и управлять ею в наших интересах. Культура насилует природу в своём стремлении достичь аналогичной, максимальной степени полноты. И никогда её не достигнет. Во всяком случае, культурный демарш по ту сторону добра и зла всегда будет манерным, не стильным, уступающим естественной бесценности природы. Культура ответственна за творящееся зло, но она не существует вне помыслов и действий людей. Непосредственный, главный виновник и ответчик за воспроизводимые в мире издевательства и притеснения – человек. Не обязательно, увы, «отморозок». Зачастую – рядовой обыватель. Не желающий или не могущий экзистенциально снимать природно-культурную и биосоциальную дуальность и вытекающие из неё противоречия либо вовсе не замечающий ни их, ни собственной ущербности.

Человеку – даже ответственному, экзистенциально ориентированному, вроде бы не склонному к насилию – выстоять нелегко. Его усилия,

интеллектуальные в том числе, тяготеют то к недостатке, то к чрезмерности. Он понимает: лучше недосказать, чем наговорить лишнего. И одновременно констатирует, что в структурах его ума изящные интуиции сосуществуют с громоздкими дискурсивными подпорками, ценность которых не бесспорна, но удалить которые он не решается. Авось, забудутся сами собой... Ратуя за экзистенциальное единство, он категорически отвергает рефлексию, трактуемую как взгляд на себя со стороны, усматривая в этой конфигурации каркас интеллигибельного высокомерия (атрибутивное встало на место субстанциального), плацдарм для третирувания психосоматической натуры, своей и другого. Взгляд изнутри вернее внешнего наблюдения. Мысль, не относительно истинная, есть мысль, органично присущая субъекту, не отстранённая, личностно фундированная. На такую экзистенциальную правку *ratio*, претендующее на культурную автономию, отвечает, мстит незамедлительно. Оно заставляет нас быть логичными: не перечить ему, не противоречить себе. На выручку человеку приходит диалектическая философия. Оказывается, можно быть противоречивым, перечить себе и манкировать общезначимым, – и вместе с тем быть логичным. Можно и нужно быть диалектиком. Допустима и корректна иррациональная рациональность (рациональность философского иррационализма). Предосудительна рациональная иррациональность (рациональность религиозного иррационализма, интеллектуализированная интерпретация Бога). Диалектика насильственна по отношению к формальной, бинарной логике. И это жизненно оправданное насилие. Хлёсткий аргумент уважаемого А.А. Зиновьева против диалектики: «Не верно, что нельзя войти в одну реку дважды, как не верно то, что нельзя дважды переспать с собственной женой», – парируется тем доводом, что в обоих случаях второму разу лучше быть как первому, чтоб ощущения не притуплялись.

Философу незачем скрывать свои идеи и незачем их рекламировать, натужно насаждать. Они интересны немногим. Кого-то они подбодрят, кого-то огорошат, кого-то озлобят. Что ж, не привыкать... Ответственно выговаривая и выписывая мысль, не стоит обращать внимания на упреки в агрессии. Человек, претерпевший физическое насилие, вызывает сочувствие. Природное или техническое превосходство противника порой действительно нечем компенсировать, и смекалка поможет не всегда. Человек, жалующийся на интеллектуальное насилие (не подкреплённое физическим и техническим прессингом), вызывает иронию, нередко язвительную. Ты уже не зверь и пока не робот – защищай себя сам от идеологической дрессуры и промывания мозгов!

**ПРЕОДОЛЕНИЕ СТИГМАТИЗАЦИИ МОЛОДЫХ
ИНВАЛИДОВ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА
КАК ФОРМЫ СОЦИАЛЬНОГО НАСИЛИЯ
OVERCOMING OF A STIGMATIZATSIIYA
OF YOUNG DISABLED PEOPLE OF ST. PETERSBURG
AS FORMS OF SOCIAL VIOLENCE**

А.В. Фёдоров

Санкт-Петербургский государственный университет

A.V. Fedorov

St. Petersburg state university

Обсуждаются проблемы исключения из социума молодых горожан с ограниченными физическими возможностями, предлагаются пути решения проблем.

The paper discusses the challenges exclusion from society of young citizens with disabilities, suggests ways to solve problems.

Ключевые слова: молодые инвалиды, стигма, социальное насилие, социализация, равные возможности, толерантность

Keywords: young disabled people, stigma, social violence, socialization, equal opportunities, toleration

Известно, что молодёжь –социально-возрастная группа, находящаяся в процессе социального и профессионального становления – социализации. При этом органы государственной власти России как страны в целом, так и государственные и общественные институты каждого конкретного региона призваны обеспечить создание оптимальных социально-экономических, правовых, культурно-нравственных и духовных условий и предпосылок для успешного становления личности молодого человека, реализации его интеллектуального, образовательного, производственного, научного или творческого потенциала. Основным результатом данного объективного процесса, отражающим уровень социальной зрелости подрастающего поколения, является достижение им экономической самостоятельности (получения необходимых средств для жизни) посредством общего школьного и профессионального обучения и возможности участия в дальнейшем в трудовой деятельности. Такова, на наш взгляд, общая основная задача эффективной интеграции молодёжи в процесс воспроизводства общества.

Говоря о юных горожанах с ограниченными возможностями жизнедеятельности, молодых инвалидах, для обеспечения их права быть равными среди равных при вступлении в самостоятельную жизнь необходимо добиваться безусловной реализации той же общей цели, экономической независимости. Разумеется, её достижение возможно только при учёте специфических особенностей, интересов, потребностей и возможностей данной социальной группы.

Пожалуй, наиболее острой проблемой, с которой вынуждены сегодня встречаться при вступлении в жизнь большинство молодых петербургских инвалидов, является негативное отношение к ним со стороны городского социума. По данным наших многолетних исследований, каждый третий молодой горожанин в возрасте до 30 лет со стойким расстройством здоровья и, как следствие этого, обладающий ограниченными возможностями жизнедеятельности, считает, что в культурной столице России к ним относятся хуже, чем к остальным людям. Такого же мнения, независимо от пола и возраста, придерживаются и 25% наших респондентов-школьников (затруднились ответить на данный вопрос – 42,6%; считают, что к инвалидам относятся так же, как к остальным людям – 22,3% и лучше, чем к остальным людям – всего 10,1%!).

Обществоведом проблема отторжения, неприятия особенных, отличающихся от привычных общепринятых норм граждан известна под названием «стигма». Стигма – это искусственное исключение из социума определенных групп лиц (например, темнокожих или узкоглазых, крайне бедных или аномально богатых, великанов или карликов, слепых или глухих, передвигающихся при помощи костылей или на инвалидной коляске и т. п.) на основании их непохожести на большинство представителей общества. Дословно термин «стигма» означает «метка», «клеймо», которое ставили в древней Греции на тело рабов или преступников. Проблема стигмы – давнее распространенное в мире явление. Так общество защищает себя от непохожих, нетипичных для него сограждан. Стигма – устойчивое труднопреодолимое убеждение. Его уровень и формы подвержены изменению в зависимости от степени цивилизованности общества, культуры и менталитета большинства городского населения.

Проявление стигмы в отношении инвалидов является отражением одной из форм социального насилия, под которым принято понимать применение тем или иным классом (социальной группой) различных форм принуждения в отношении других классов (социальных

групп) с целью сохранения или приобретения экономического и политического господства, различных прав, свобод и привилегий. Молодёжь со стойким расстройством здоровья и сохранным интеллектом фактически принуждают получать медицинскую помощь, общее школьное и профессиональное образование, рабочие места и проводить досуг в условиях крайне ограниченного выбора. Городская среда, объекты социальной инфраструктуры тоже плохо адаптированы к возможностям инвалидов.

Очевидно, современное российское общество, как и население Санкт-Петербурга, пока не готовы принять в свои ряды инвалидов как равных, что во многом определяется его полиментальностью, многовариантностью существующих в городском социуме умонастроений.

На наш взгляд, ведущая роль в преодолении стигмы в отношении молодых горожан с ограниченными возможностями жизнедеятельности принадлежит законодательной и исполнительной власти и СМИ Северной столицы России.

Для этого необходимо: 1) Показать петербуржцам, что инвалиды являются неотъемлемой и значительной частью городского населения. Они такие же люди, как и другие горожане, хотя и имеют индивидуальные физические, психические или чисто внешние особенности. 2) На конкретных примерах разъяснять их вклад в материальную, научную и духовно-культурную жизнь города. 3) Сформировать в среде петербуржцев устойчивое убеждение в том, что помощь инвалидам – благодарное и благородное дело. 4) Активно и действенно выступать за предоставление инвалидам равных возможностей для жизни наряду со здоровыми членами общества. 5) Содействовать решению их насущных жизненных проблем. 6) Способствовать ликвидации правовой безграмотности инвалидов-горожан и принятию местных и федеральных законов, направленных на реальное улучшение жизненной ситуации в среде инвалидов, их полноценную интеграцию в городской социум. 7) Развивать инклюзивные (совместные) формы школьного и профессионального обучения инвалидов.

Работа по нейтрализации стигмы многотрудна и длительна. Однако, без изменения враждебных установок общества к особым людям, к подросткам и молодежи со стойким расстройством здоровья, формирования толерантного заинтересованного отношения горожан к проблемам и потребностям инвалидов, нельзя говорить об эффективности мер по их социализации и созданию безбарьерной среды.

Литература

1. Фёдоров А. В., Мищенко А. С. Менталитет петербуржцев и преодоление стигмы в отношении молодых инвалидов – важные факторы социальной защищённости горожан с ограниченными возможностями жизнедеятельности // «Личность, общество и образование в современной социокультурной ситуации»: Межвуз. сб. научных трудов. – СПб.: ЛОИРО, 2008. – с. 205 – 208.
2. Фёдоров А. В., Мищенко А. С. Инклюзивное школьное образование детей-инвалидов Санкт-Петербурга: реальность и перспективы // Современные исследования социальных проблем, №1(09). Периодическое научное издание. Красноярск. Научно-инновационный центр, 2012. – с. 84 – 94.

**ИСТОКИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДЕСТРУКТИВНОСТИ
В КОНЦЕПЦИИ ПРОСВЕЩЕНИЯ
М. ХОРКХАЙМЕРА И Т. АДОРНО
THE ROOTS OF HUMAN DESTRUCTIVENESS
IN M. HORKHAIMER AND T. ADORNO'S CONCEPTION
OF ENLIGHTENMENT**

А.М. Фейгельман

*Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского*

A. M. Feigelman

Lobachevsky State University Of Nizhni Novgorod

Рассматриваются взгляды М. Хоркхаймера и Т. Адорно на онтогносеологические корни насилия в современном обществе. Анализируется насильственное отношение между человеком и природой как глубинная причина человеческой деструктивности. Также раскрывается связь между проблемой инструментальной рациональности и репрессивными тенденциями в различных общественных системах.

In article the views of M. Horkheimer and T. Adorno on the ontognoseological roots of violence in the modern society are being considered. Violent relationships between human and nature as root cause of human destructiveness are being analyzed. Also the connection between problem of instrumentalized reason and repressive tendencies in various social systems is being revealed.

Ключевые слова: рациональность, инструментальный разум, субъект-объект, Просвещение, природа

Keywords: rationality, instrumentalized reason, subject-object, Enlightenment, nature

Знаменитая, ставшая философским бестселлером работа М. Хоркхаймера и Т. Адорно «Диалектика Просвещения» (1947) посвящена осмыслению путей развития западной цивилизации. Во многом решающим для содержания и эмоционального фона этого произведения стал опыт II мировой войны и тоталитарных режимов (прежде всего, фашистского). Отсюда – глубоко пессимистическое звучание книги, что позволяет некоторым исследователям говорить о «Диалектике Просвещения» как об антиутопии[1]. В этой книге авторы попытались дать ответ на вопрос, почему развитие западной цивилизации, проходившее под знаком разума и науки, привело в конце концов к иррациональным ужасам фашизма.

Важно отметить, что «Просвещение» у Адорно и Хоркхаймера – «это не только историческая эпоха, но и процесс становления человека как разумного существа, на практике реализующего ценности разума — развивающего науку, общественные демократические институты, нормы социализации и свободы[2]». Однако идеалы разума привели западную цивилизацию не в общество свободы и благоденствия, а к безумию мировых войн и тоталитаризма, то есть к самодеструкции. Вскрыть причины и механизмы этого процесса и призвана «Диалектика Просвещения», ставшая настоящим манифестом критической теории общества.

Социальная критика у франкфуртцев тесно переплетена с критикой современной им науки и философии, патологии которых неотделимы от патологий общества. Подобная особенность философии франкфуртцев особенно заметна в «Диалектике Просвещения», где гносеологические размышления авторов (посвящённые в основном проблеме рациональности и субъект-объектной проблематике) растворяются в социальной теории.

«Выходя за рамки гегелевских воззрений, рассматривавших проблему социального разрушения в рамках единства и борьбы противоположностей, в частности индивида и рода, а также преодолевая марксистскую парадигму общественного производства и классовой борьбы, Т. Адорно и М. Хоркхаймер видят причины феномена деструкции в особенностях взаимодействия человека и природы[3]», – подчёркивают С.Е. Вершинин и Г.А. Борисова, выделяя ещё одну важнейшую особенность философствования франкфуртцев. Именно взаимоотношения человека и природы, по мнению Хоркхаймера и Адорно, определяют историю человечества и ход прогресса, «осознание деструктивности [4, с.

11]» которого и является стержнем, основной мыслью «Диалектики Просвещения».

Итак, в определённый момент своей истории человек осознаёт себя отделённым от природы. Подобная эмансипация приводит к тому, что человек начинает со страхом смотреть на окружающий мир, ставший чужим и неизвестным. В попытке преодолеть этот страх человек обращается к помощи разума, который должен «осветить» неизвестное и приспособить природу к людским нуждам, поэтому «Просвещение есть ставший радикальным мифологический страх [4, с. 30]». При этом «программой Просвещения было расколдовывание мира [4, с. 16]».

В чём же выражается это расколдовывание?

Становясь в положение вооружённого разумом субъекта, человек начинает аналитически разлагать целостный мир природы, чтобы потом собрать её разрозненные элементы в систему, пригодную для манипуляции и подчинения. Пугающий своей непознанностью и хаотичностью мир природы превращается в соразмерный человеку объект господства, однако ценой этого становится обеднение, сухая схематизация нашего восприятия: «Множественность форм сводится к их местоположению и порядку, история – к факту, вещи – к материи [4, с. 20]». Подобную рациональность, направленную на господство над объектом и получение практической пользы, Хоркхаймер и Адорно называют инструментальной.

Инструментальный разум враждебен единичному, которое в рамках системы должно быть похищено нивелирующему влиянию всеобщего. Любое различие также подвергается репрессии и сводится в конечном счёте к тождеству. Холодная логика инструментальной рациональности избавляется от всего, что мешает использовать объект в прагматических целях. В конечном счёте «расколдовывание мира есть искоренение анимизма [4, с. 18]», то есть – омертвление природы, которая становится обезличенным и лишённым внутренней сущности материалом, пригодным лишь для манипулирования.

Господство инструментальной рациональности в отношениях с природой, согласно Адорно и Хоркхаймеру, неизбежно переносится и в социальную сферу: «Пробуждение субъекта куплено ценой признания власти в качестве принципа всех отношений [4, с. 22]».

«Просвещённое» общество пронизано насилием, которое направлено против единичного, против любого проявления человеческой индивидуальности и инаковости. И это насилие нередко носит латентный, тайный характер, что делает человека особенно уязвимым перед ним.

По мнению Хоркхаймера и Адорно, одним из важнейших инструментов борьбы с индивидуальностью в современном обществе является массовая культура или «культуриндустрия», которая является могущественным проводником инструментальных отношений в обществе.

Как и всё Просвещение в целом, культуриндустрия является системой, единство которой обеспечивается единообразием всех её элементов. Это единообразие, в свою очередь, достигается при помощи бесконечного, лишаящего смысла повторения, которое призвано бороться со всякой новизной, индивидуальностью, случайностью и спонтанностью. Мир (система), созданный при помощи повторения, должен быть планомерно отрегулирован и предсказуем. Человек как самостоятельный субъект социальных отношений в такой системе фактически уничтожается: «Культуриндустрия злокозненно реализует человека в качестве родового существа. Каждый есть только то, посредством чего способен он заменить любого другого: взаимозаменяемое, экземпляр. Сам он, как индивидуум, есть нечто абсолютно заменяемое, чистое ничто, и именно это начинает чувствовать он, когда с течением времени утрачивает подобие [4, с. 182]». Человек, находящийся под гипнотическим влиянием культуриндустрии, лишается способности к критическому мышлению и проявлению индивидуальности, перестаёт быть реальным субъектом общественных отношений.

Важно отметить, что, согласно Хоркхаймеру и Адорно, культуриндустрия в современном обществе теснейшим образом связана с техническим прогрессом и техникой вообще, которые также служат подавлению субъективности: «Потребность, способная противостоять центральному контролю, уже подавляется контролем индивидуального сознания. Шаг вперед от телефона к радио привел к отчетливому распределению ролей. Первый все еще позволял его пользователям либерально играть роль субъекта. Второе демократично превращает всех одинаковым образом в слушателей с тем, чтобы совершенно авторитарно отдать их во власть между собой полностью идентичных программ различных станций [4, с. 15]».

Более того, созданная для покорения окружающей человека природы, техника перестаёт быть простым продолжением человеческой руки и начинает навязывать своему хозяину всё новые искусственные потребности, делая таким образом его своим рабом: «Определяемая экономикой направленность общества в целом, с давних пор пронизывающая собой духовную и телесную конституцию человека, атрофирует в единичном те органы, которые способствовали автономной организации

его существования [4. С. 25]». Таким образом, человек в эпоху технического прогресса не только теряет свою субъектность, но и свою психофизиологическую целостность, сохраняя только те свойства и качества, которые позволяют ему быть придатком машины.

Итак, вооружённое техникой и культуриндустрией Просвещение лишает человека субъектности, критического мышления и даже психофизиологической целостности. Любой элемент, не прошедший проверку инструментальной рациональностью, подвергается репрессии как непригодный для встраивания в систему. Всё это приводит к тотальной дегуманизации общественной жизни.

Вышесказанное, по мнению франкфуртцев, свидетельствует о том, что построенное на рациональных началах общество, призванное всесторонне развивать человеческую индивидуальность, на деле приходит к противоположному результату – репрессивному подавлению личности. Рациональное стремление к самосохранению и саморазвитию, которое когда-то вывело человека из лоно природы, оборачивается иррациональным стремлением к саморазрушению, то есть безумием: «В тот момент, когда человек в качестве сознания самого себя отсекает себя от природы, ничтожными становятся и все те цели, ради которых он сохраняет себя живым: социальный прогресс, рост всех материальных и духовных сил, даже само сознание... Господство человека над самим собой, учреждающее его самость, виртуально есть во всех случаях уничтожение того субъекта, во имя которого оно осуществляется, потому что обузданная, подавленная и разрушенная самосохранением субстанция является не чем иным, как той жизненностью, быть функциями которой единственно и предназначены все действия самосохранения - собственно как раз тем, что должно быть сохранено [4, с.75]». По мнению Хоркхаймера и Адорно, цена, заплаченная за высвобождение из природы, слишком велика, а средства этого высвобождения подменили собой цели, обернулись против самого человека, что свидетельствует о конечном безумии Просвещения.

Наиболее ярким выражением порождённого разумом безумия, по мнению авторов «Диалектики Просвещения», является фашизм, который становится закономерным этапом мнимого социального прогресса: «Подобно тому, как свергнутый бог возвращается в облики более жестокого идола, прежде буржуазное охранительное государство возвращается в насилии фашистского коллектива [4, с. 146]».

В фашистском обществе субъект лишается даже той видимости выбора, которая присутствует в либеральных демократиях. При этом для

подавления личности фашизм использует не только пропагандистскую мощь техники и культуриндустрии, но и активно обращается к архаике – празднествам, парадом, факельным шествиям. Последнее, в свою очередь, демонстрирует важнейшее свойство Просвещения – его оборачиваемость в миф.

Растворённый в тоталитарном (просвещенческом) мифе, человек, с одной стороны, насильственно лишается индивидуальности, с другой стороны – сам становится источником и воспроизводителем этого мифа, становясь таким образом «субъект-объектом репрессии [4, с. 25]».

Таким образом, в концепции Хоркхаймера и Адорно истоки человеческой деструктивности связываются с инструментальным отношением человека к природе. Инструментальная рациональность позволяет человеку господствовать над природой, однако подобное господство оплачивается дорогой ценой: принципы инструментальности проникают во все сферы общественной жизни. Все, что противостоит прагматической установке инструментального разума, подвергается репрессии. И прежде всего это касается человека как свободного субъекта социальных отношений. Лишенный собственной индивидуальности, человек становится слепым инструментом в руках политических и экономических элит. В том числе инструментом (субъектом) репрессии и насилия по отношению к другим членам «просвещенного» общества.

Литература

1. Баллаев А. Это очень грустная книга // Логос. – 1999. - № 1 (11). – С. 224.
2. Петренко Е.Л. Юрген Хабермас размышляет о модерне//Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. Пер. с нем. — М.: Издательство «Весь Мир», 2003. — С. 402.
3. Вершинин С.Е., Борисова Г.А. Концепция социальной деструкции Франкфуртской школы (историко-философский анализ). – С.50.
4. Хоркхаймер М., Адорно Т.В. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. - М.- СПб.: Медиум, Ювента,1997. – С. 11.

**ИНФОРМАЦИОННОЕ НАСИЛИЕ
КАК ФОРМАТ ЖИЗНИ**
INFORMATIONS VIOLENS AS A FORM OF LIFE

Б.Л. Цветкова
*Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского*
B.L. Tsvetkova
Nizhniy Novgorod State University of N.I. Lobachevsky

Обсуждаются понятия и последствия для общества информационного шума и информационного насилия.

The article discusses the concept and social implications of the information noise and violence.

Ключевые слова: информационный шум, информационное насилие, реклама, информационный канал

Keywords: information noise, information violence, information channel

«Когда мозг человека с детства насилуют рекламой, неудивительно, что к двадцати годам он превращается в табуретку» [1]

Понятие информационного шума подразумевает избыток поступающей человеку информации, большая часть которой нерелевантна. Релевантность – это соответствие запроса результату, то есть информация становится не полезным сигналом, а именно «шумом», отфильтровать который оказывается чрезвычайно затруднительно [2].

Практически каждый из нас ежедневно подвергается массивной бомбардировке всякой разной информацией, льющейся из всего многообразия сайтов, СМИ и множества рекламных носителей.

Человеческий мозг вынужден обрабатывать мегабайты информации, не особо разбираясь в ее нужности и полезности. «В жизни есть несколько вещей, которые сводят с ума. Одна из них – это информационный шум. Он повсюду, дома, на улице, на работе. Иногда это просто бесит, этот шум стал неотъемлемой частью жизни, он начал вьедаться в нас» [3]. Если это так не нравится нам, почему же просто не отказаться от избыточной информации? Впрочем, многие именно так и

пытаются поступать – стал распространенным полный отказ от ТВ, избирательность в выборе источников информации и попытки классифицировать те из них, что могут быть источником шума. Вот один из таких примеров. «Человек перестает выходить ICQ, выпутывается из социальных сетей, отключает телевизор, радио, перестает покупать газеты. Однако в большинстве случаев люди не замечают изменений в своем поведении до тех пор, пока их личная эффективность не падает до столь критического уровня, что сложно этого не заметить. И тогда человек пытается найти причины. Если конечно для этого найдется достаточное количество времени, которое без остатка съедает... информационный шум» [4]. Источники такого шума:

- форумы, блоги, социальные сети и их новости;
- фильмы и музыка, играющие в фоне;
- RSS-ридеры с немалым количеством каналов;
- почта, и особенно спам;
- ICQ;
- реклама в СМИ и интернете, реклама на улице, реклама в почтовом ящике и даже на упаковках продуктов;
- телефонные разговоры;
- бумажный спам в виде рекламных листовок и каталогов;
- блуждание от интересного к интересному.

Этот перечень свидетельствует о том, что отказаться от этих источников шума трудно, постольку поскольку они создают видимость деятельности, видимость общения, видимость релакса. Эти характеристики не случайны – очень тонка грань, за которой информационный шум переходит в *информационное насилие*. Это практически тот же шум, но отвергнуться, отказаться от него гораздо труднее, он действует системно, не оставляя человеку лазеек.

Один из самых настойчивых видов информационного насилия продуцирует реклама. На примерах воздействия рекламы очевиднее всего последствия информационного насилия – аморального системного манипулирования сознанием людей в корыстных целях.

9 из 10 женщин в США недовольны своим телом. Ежегодно делается 14 миллионов пластических операций. В среднем *каждая* женщина старше 18 лет делает операцию в среднем раз в 7 лет, или *7-8 пластических операций за жизнь* [1].

Эффективным способом подавления стало постоянное забивание сознания яркими цветами, громкими резкими звуками, мелькающим, по-

стоянно меняющимся изображением, насилием, сексом, грубостью. С 1985 по 2001 год в США видеопрокат фильмов жёсткой порнографии вырос с 79 до 759 миллионов кассет в год. Учтён только легальный прокат. Это составляет около трёх раз в год на каждого жителя, включая стариков, младенцев и священников, не включая Интернет, кино, спутниковое и кабельное ТВ.

Язык секса стал повседневным. Про понравившиеся вещи, товары, события говорят «It's hot, it's sexy» («Это горячее, это сексуальное»). Стандартной фразой стало выражение «who you are in bed with» («с кем ты в постели»), заменившее кто твой друг, кто твой партнёр, с кем ты близок. Даже старый географический журнал «Нэйшнл Джеографик» (National Geographic) стал делать номера, целиком посвящённые фотографиям обнажённых людей в разных странах мира [1].

Специальные стратегии информационного насилия предусматривают объединение всех каналов доступа к сознанию, их интеграцию в единую взаимодействующую систему.

При выходе нового фильма одновременно выходит компакт-диск с музыкой к фильму; компьютерная игра, построенная на персонажах и сюжете фильма; веб-сайт, посвящённый фильму; книга по тому же сюжету. В магазинах появляется одежда, косметика и аксессуары с брэндами из этого фильма, в ресторанах фаст-фуд и в супермаркетах – еда в обёртках с картинками из фильма. О фильме рассказывают одновременно в газетах, журналах, теле- и радионовостях; интервью с создателями и фрагменты из фильма. Рекламные щиты появляются на улицах, в шопинг-центрах и в местах скопления людей, например, на стадионах.

«В будущем, куда бы вы ни посмотрели, что бы вы ни услышали, все изображения и все звуки будут чьим-то брэндом» [5].

Поскольку большинство людей не владеют элементарными способами самообороны, применение насилия над сознанием, помноженное на системность, даёт огромный эффект. Комментарии на сетевом блоге, посвящённом информационному шуму: *«Это, правда, нельзя давать себе впитывать все, что попало, и захламлять свой мозг, обременять свои чувства и душу тем, что не может изменить твою жизнь к лучшему. Да и ничью другую, тоже. Информация без нужды – все равно, что скопление мусора. Лучшее лекарство от этой беды – уединение».*

«Мой тебе совет: не смотри ТВ, выбери радио без рекламы, больше бегай, гуляй, меньше интернета, побольше живого общения и все будет путем» [3].

В целом правильные рекомендации, хотя их легче дать, чем выполнить. Сегодня предлагается уже система мер для самозащиты от информационного насилия. Основные ее компоненты [5]:

1. Выявление каналов, которые заведомо искажают информацию или агрессивно атакуют сознание, и ограничение их использования. Они представляют интерес только для изучения методов насилия. В повседневной жизни, например, это означает сведение к минимуму программ, компьютерных игр, фильмов, где есть сцены насилия и агрессии.

2. Выявление т.н. «мусорных» каналов. Канал может не содержать открытых призывов к насилию в виде сцен насилия и т.д., но тем не менее забивает сознание мусором, бессмысленной информацией. К этой категории относится, в первую очередь, всевозможная информация о культах – знаменитостях, спорте, моде и так далее. Эти каналы представляют интерес только для анализа самих культов.

3. Производить сравнение отражений объекта, получаемых из разных каналов. К информации, получаемой из любого канала, следует относиться как к одному из многих возможных отражений объекта.

4. Чем больше каналов и источников используется, тем выше шанс определить достоверность. Можно и нужно использовать не только каналы настоящего, но и каналы прошлого – представлять ситуацию с точки зрения авторов прошлого, в перспективе истории.

5. Следует и постоянно искать выход из привычной среды общения. Любая среда всегда страдает односторонними оценками. Кроме того, мнение среды может заведомо формироваться инструментами маркетинга или иными.

Литература

1. Неведимов Д. Религия денег или лекарство от рыночной экономики. – Цит. по: Библиотека Альдебаран. Доступ через: <<http://lib.aldebaran.ru>> – Дата обращения 30.11.12.
2. Ильин Ю. Маятник внимания. – Компьютера Online. Доступ через: <<http://www.computerra.ru/features/243301/>>
3. Интернет-ресурс «Qawer – версия жизни». – Доступ через <<http://qawer.ru/moj-put/informacionnyj-shum-nadoelo.html>> – Дата обращения 30.11.12.
4. Богданович К. Информационный шум. Доступ через <<http://bogdanovich.exogens.ru/blog/post/informacionnyj-shum/>> – Дата обращения 30.11.12
5. Игумнов Е.В. Практика по манипуляции сознанием в менеджменте, пиаре и маркетинге на основе информатики, психологии и учения о работе сознания. Цит. по: Библиотека Исследователь. Доступ через: <<http://ligis.ru/librari/1544.htm>> – Дата обращения 01.12.12

НАСИЛИЕ И ПРИНЦИП НАВЯЗЧИВОГО ПОВТОРЕНИЯ VIOLENCE AND PRINCIPLE OF THE COMPULSION TO REPEAT

М. В. Чиров

Нижегородский государственный университет

им. Н.И. Лобачевского

M.V. Chirov

Nizhny Novgorod State University of N.I. Lobachevsky

Рассматривается проблема насилия с точки зрения психоанализа на примере принципа повторения. Сделана попытка выйти на изначальную неудачу субъекта в попытке присвоения самого себя.

In article are discussed the problem of violence from the point of view of psychoanalysis as an example of the principle of repeat. An attempt was made to find the initial failure of the subject in an attempt to assign him.

Ключевые слова: травматическое, память, воспоминание-заместитель, субъект, экзапроприация, принцип повторения, реальное

Keywords: trauma, memory, memory-substituent, subject, exappropriation, the principle of repeat, the real

Понятие насилия всегда предполагает наличие определенного травматического опыта, который играет ту или иную роль для субъекта, во всяком случае оставляет на субъекте отпечаток. Когда мы говорим о насилии в рамках психоаналитического дискурса, мы должны делать акцент в первую очередь на проблеме памяти и ее структуры, ибо именно здесь конструируется мнесический след, оставленный травматическим опытом, который впоследствии и определяет основные тенденции психической жизни человека. И в этом смысле страдание и беспокойство субъекту доставляет вовсе не сам травматический опыт, а именно воспоминания о нем. Эту идею З. Фрейд обозначил уже в своей ранней, так сказать, переходной к психоанализу книге – «Исследования истерии» (1895). В дальнейшем он приходит к формуле: «истерики страдают по большей части от воспоминаний» [1, с. 33]. И поскольку само понятие «субъекта» выстраивается на основании его способности воспроизвести историю о себе, то здесь важно еще понимать, что от воспоминаний страдают все, и, как сказал Личлейн О’Брайен, «Кто сам без невроза, пусть первый кинет в меня Фрейда» [2, с. 84], ибо дело обстоит так,

что всякое воспоминание уже искаженно: «воспоминание – не точное воспро-изведение некоего события, как принято считать, а его преломление, если не сказать его конструирование» [3, с. 168].

Воспоминание именно конструируется, ибо, осаждаясь в памяти, травматический опыт всякий раз смещается и замещается другими воспоминаниями, воспоминаниями-заместителями. Эти воспоминания-заместители создают вымышленную историю субъекта, то есть достоверность архива остается всегда уже под вопросом. И получается, что травма сама по себе уже не лежит на поверхности, и субъект ее действительно не помнит, но при этом она остается активна, ибо вытесняясь в сферу бессознательного, травма создает печать неудачи, которая вновь и вновь будет возвращаться. Для иллюстрации этого механизма далеко за примером идти не нужно, в «Психопатологии обыденной жизни» З. Фрейд поднимает вопрос о забывание определенных слов и о сопутствующих «неверных припоминаниях». Здесь примером служит история забывания имени Синьерелли и замещение его именами Болтраффио и Боттичелли. Если рассмотреть этот пример более подробно, мы увидим, что *имена-заместители* имеют ассоциативную связь с вытесненным словом, но при этом заключают его в себе: «Субъекту, силающему вспомнить ускользнувшее из его памяти имя, приходят в голову иные имена, имена-заместители, и если эти имена и опознаются как неверные, то они все же упорно возвращаются вновь с величайшей навязчивостью» [4, с. 202].

Итак, как мы видим, одним из важнейших конституирующих память моментов является принцип повторения. Причем, повторение выполняет сразу как защитную функцию, так и репрессивную. С одной стороны, принцип навязчивого повторения конституирует воспоминания-заместители: «вытесненное травматическое представление замещается представлением навязчивым» [3, с. 178], то есть, травма символизируется, и «убитая» символами травма не должна вернуться. Но с другой стороны, парадокс принципа повторения связан с тем, что *он сам вызывает* травматическую ситуацию, чтобы совладать с травмой, ибо «повторение предписано не столько самой травмой, сколько неудачей овладения ей. Неудача эта вновь и вновь ведет к навязчивому повторению» [3, с. 178]. В этом смысле неизбежность и необходимость повторения связана с невозможностью повторения изначальной неудачи. Первым на эту изначальную неудачу и связанную с ней невозможность повторения указал еще С. Кьеркегор. Если мы вспомним небольшую его работу «Повторение», где речь заходит о поездке его персонажа в Берлин в попытке добиться повторения

уже бывшего, и всякий раз наталкивающегося на неудачу, мы находим итог его эксперимента в следующих словах: «Единственное, что повторилось, это невозможность повторения» [5, с. 63]. Повторение невозможно, ибо оно уже всегда искаженное повторение.

Исходя из того, что мы ставим вопрос о повторении в ином срезе, нежели его ставит, скажем, классическая метафизика, нам следует в этом отношении сразу же расставить акценты. Не стоит путать воспоминания в психоаналитическом смысле с «припоминанием» Платона, ровно как и повторение с возвращением того же самого, ибо повторение есть всегда невозможное повторение. Именно этот аспект принципа повторения подчеркивают как С. Кьеркегор, З. Фрейд, так и, вслед за ними, Ж. Лакан: «У Фрейда, как и Кьеркегора, и речи нет о том повторении, что имеет основой своей природу, и речи нет о возвращении все того же <...> Повторение – требует нового» [6, с. 70].

Итак, мы отметили, что повторение по отношению к травматическому играет двойную функцию: оно сглаживает и вытесняет травматическое воспоминание, но при этом оно само создает травматическую ситуацию. И более того, повторение не является следствием вытеснения, напротив, вытеснение является следствием повторения, ибо здесь всегда уже присутствует изначальная неудача, неудача присвоения, переприисвоения мнестрического следа, «изначально» травматического опыта, эта неудача *экзапроприации* субъекта, как назвал ее В. Мазин. В этом смысле принцип повторения играет именно репрессивную роль и сам является насильем по отношению к субъекту. Но в том-то и проблема, что, в конечном счете, невозможно найти нечто, что дает этому повторению «начало». Эту *изначальную* форму травматизма Ж. Лакан обозначил как инстанцию *Реального*. Реальное, по Лакану (выражаясь метафорически), есть то, что не дает Декарту мыслить и существовать одновременно: «Реальное является здесь тем, что всегда возвращается на то же самое место – место, где субъект, поскольку он мыслит, то есть в качестве *res cogitans*, никогда его не встречает» [6, с. 58]. Это значит, что субъект изначально отчужден от себя и всякий раз пытается себя присвоить. Но именно здесь и именно в силу того, что у человека есть бессознательное, он наталкивается на неудачу, неудачу присвоить в себе иное: «субъект» – не собственность субъекта. Именно этот процесс В. Мазин и называет *экзапроприацией*, то есть пере-при-своением: «Экзапроприация – условие становления субъекта, его осмысления, ведь если бы желание, направленное на присвоение того, что ему внеположено, того,

что в нем иного, было бы каким-то чудесным образом реализовано, то никакого (желающего) субъекта больше бы не было» [3, с. 9].

Теперь мы можем подойти к пониманию того, что Ж. Лакан назвал инстанцией Реального, – Реальное как раз и является тем местом, тем моментом, где субъект встречает и присваивает то внеположенное, которое он, поскольку он субъект, присвоить не может. То есть Реальное, а точнее невозможность встречи с ним, есть конституирующий момент самого субъекта: «функция Реального как встречи – встречи, которая может не состояться, которая более того, и есть по самой сути своей встреча несостоявшаяся, предстала в психоанализе в форме, которая сама по себе заслуживает внимания – в форме травматизма» [6, с. 63].

Таким образом, принцип навязчивого повторения является неизбежным продуктом субъективации, и, поскольку субъект – это постоянное пере-при-своение, постоянная неудача в реализации своего желания, то нет сомнений, что *травматическое и связанное с ним насилие конституирует самого субъекта.*

Литература

1. Фрейд З. Девушка, которая не могла дышать // Знаменитые случаи из практики психоанализа. М.: REFL-book, 1995.
2. O'Brien L. Dehumanization of the beast. Dublin: UCD Press, 2007.
3. Мазин В. Субъект Фрейда и Деррида. СПб.: Алетейя, 2010.
4. Фрейд З. Психопатология обыденной жизни // З. Фрейд. Психология бессознательного. М.: Просвещение, 1990.
5. Кьеркегор С. Повторение // С. Кьеркегор. Несчастнейший. / Серия «Религиозные мыслители». – 4-е изд. – М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2011.
6. Лакан Ж. Четыре основные понятия психоанализа (семинары: Книга XI (1964)). М.: Издательство «Гнозис», Издательство «Логос». 2004.

**ИЗУЧЕНИЕ МЕДИА НАСИЛИЯ И ЕГО ВЛИЯНИЯ
НА «РЕАЛЬНОЕ» НАСИЛИЕ
STUDING OF MEDIA VIOLENCE AND ITS IMPACT
ON «REAL» VIOLENCE**

Н.В. Шалютина

*Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского*

*N.V. Shalyutina
Nizhny Novgorod State University*

Обсуждаются проблемы изучения медиа насилия и его влияния на насилие, осуществляемое в реальной жизни.

In article are discussed the problems of media violence researches and its impact on violence realized in real life.

Ключевые слова: медиа насилие, медиа воздействие, лабораторный эксперимент, полевой эксперимент, естественный эксперимент, лонгитюдное исследование, корреляционное исследование

Keywords: media violence, media impact, laboratory experiment, field experiment, natural experiment, longitudinal study, correlated study

Со второй половины 20-го века увеличивается число преступлений, совершенных с применением насилия. Существует множество социальных факторов, влияющих на уровень насилия на макро и на микро-уровне. К ним можно отнести рост индивидуализма и материализма, секуляризацию, экономические кризисы, употребление алкоголя, уменьшение числа полных семей и др.

Вызывает интерес тот факт, что рост преступности совпал с распространением телевидения и ростом интереса массовой информации к сюжетам о насилии. Можно ли назвать эту корреляцию случайностью? Ведь в истории человечества были и более кровавые периоды, но в том, что касается изображения насилия, наше время побило все рекорды.

Цель изучения связи между просмотром телепередач и агрессией — обнаружить устойчивые и распространенные проявления влияния телевидения, его воздействие на поведение зрителей и на их мышление. Воздействие медиа насилия на насилие в реальной жизни может проявляться в нескольких формах. Во-первых, нелинейное воспроизведение агрессии (наблюдение агрессии повышает вероятность общей кримина-

лизации); во-вторых, линейное воспроизведение агрессии демонстрация поведения, представляющее собой прямую имитацию наблюдавшегося на телеэкране; в-третьих, косвенные влияния (например, снижение сопротивления со стороны жертв насилия).

При изучении воздействия медианасилия применяются различные методы исследования, основные из них: лабораторный и полевой эксперименты, корреляционное исследование, лонгитюдное исследование и естественный эксперимент.

Лабораторные эксперименты дают неопровержимые доказательства влияния телевизионного насилия на социальное поведение. Исследования, предпринятые А. Бандурой и его коллегами в 60-х годах, демонстрируют связь между наблюдением насилия и агрессивным поведением [1]. Представители концепции социального научения показали, что если в условиях лабораторного эксперимента ребенка подвергать воздействию видеoinформации, связанной с насилием, он сразу же после этого начнет вести себя агрессивно. Проведенные Бандурой эксперименты показали, что дети склонны имитировать то поведение, которое получило на их глазах положительное подкрепление. Точно так же дети перенимают когнитивные и социальные навыки, среди которых могут оказаться агрессивные паттерны поведения, у своих родителей и товарищей.

Теория социального научения не предполагает обязательной детерминации насилия агрессивными телевизионными сценами. Вместе с тем, определенные обстоятельства в совокупности с усвоенными агрессивными навыками могут повлечь за собой агрессию. Данная теория может быть отражена в следующей схеме:

Для того чтобы преодолеть проблему искусственности обстановки, характерную для лабораторного эксперимента, проводятся полевые эксперименты. Как правило, это исследования среди детей в различных учебных заведениях. Они предполагают изучение двух групп детей, одна из которых смотрит сцены насилия, другая – сцены нейтрального содержания. Анализируется природная агрессивность детей до просмотра фильмов, а затем сравнивается с поведением участников после эксперимента. Подобные эксперименты демонстрируют связь между враждебным поведением и воздействием медиа насилия [2]. Открытым остается вопрос, насколько устойчиво это воздействие, влияет ли оно на установки испытуемых.

Лонгитюдные исследования направлены на то, чтобы определить отношение между потреблением медиа насилия и асоциальными установками и поведением. Исследователи тестируют некоторых телезрителей через различные интервалы времени (предполагается, что при регулярном потреблении медиа насилия, со временем возникает кумулятивный эффект, способствующий повышению агрессивности поведения). Подобное исследование проводилось в 1980-х Леонардом Эроном и Роуэллом Хьюсманном [3]. Изучив выборку 8-летних детей (875 человек) и статистически удалив некоторые из тех параметров, которые могли выступать в качестве «третьего фактора», авторы выявили корреляцию между увлечением телевизором и агрессивностью. Более того, при повторном изучении этой же выборки через 11 лет авторы обнаружили, что просмотр сцен насилия в 8-летнем возрасте ограничено прогнозирует агрессивность в возрасте 19 лет, но что агрессивность в 8-летнем возрасте не прогнозирует интереса к телевизионному насилию в 19-летнем возрасте. Агрессивность является следствием просмотра телепередач со сценами насилия, а не наоборот. В 2000-х Эрон и Хьюсманн вновь обратились к своей первой выборке 8-летних детей и подняли статистику преступлений, оказалось, что к 30 годам преступниками, обвиненными в тяжких преступлениях, чаще становились те мужчины, которые в детстве увлекались телевизионными передачами со сценами насилия. Подобное исследование проводилось также группой американских учёных во главе с профессором Колумбийского университета Джеффри Джонсоном с 1975 по 2000 год. Было обследовано более 700 семей, проживающих в Нью-Йорке. Через 25 лет молодых людей попросили заполнить анкету, в которой предлагалось ответить на вопросы об их склонности к агрессии. Данные анкет были сопоставлены с криминальной статистикой. Группа Джонсона пришла к выводу, что 45% из тех молодых людей, кто в возрасте 14 лет смотрел телевизор больше

трёх часов в сутки, склонны к насилию, а 20% – опасны для общества и готовы совершить преступление [4]. Недостатком подобных исследований является возможное влияние других факторов на поведение испытуемых, преодолеть этот недостаток стремятся корреляционные исследования.

Корреляционные исследования предполагают изучение корреляции между враждебностью зрителей и объемом телевизионного насилия. Используя контент-анализ объема медиа насилия в просмотренных участником эксперимента программах, определяется средний объем телевизионного насилия, приходящегося на каждого зрителя. Зрителей также опрашивают об их установках и поведении для того, чтобы оценить меру и их агрессивности. Так, Уильям Белсон в 1978г. проводил опросы 1565 школьников [4]. По сравнению с теми, кто видел мало сцен насилия по телевизору, те, которые смотрели много подобных передач, совершили на 50% больше агрессивных поступков (заключение сделано на основании собственных признаний респондентов, таких, например, как «Я разбил телефонный аппарат в будке»). Белсон изучил также и 22 параметра, каждый из которых мог претендовать на роль «третьего фактора», в том числе и такой, как состав семьи. Даже после того, как возможность влияния «третьего фактора» была исключена, различие между «телеманами» и теми, кто редко смотрел телевизор, не исчезло. Это и позволило Белсону сделать вывод о том, что «телеманы» более агрессивны именно из-за своего увлечения.

При проведении естественных экспериментов изучается воздействие медиа насилия на тех зрителей, которые впервые сталкиваются с телевидением. С помощью лонгитюдных методов сравниваются документально зафиксированные факты поведения (таких, как статистика правонарушений) до и после появления телевидения в определенном регионе. Заслуживает внимания следующий факт: там, куда приходит телевидение, уровень преступности возрастает. Даже число убийств возрастает там и тогда, где и когда появляется телевидение. В США и в Канаде между 1957 и 1974 г., в период распространения телевизионного насилия, число убийств удвоилось. В тех регионах, где телевидение появилось позднее, позже подскочило и число убийств. В ЮАР, где телевидение стало доступным населению только после 1975 г., аналогичное удвоение числа убийств произошло после 1975 г[5]. Сравнительное исследование Польши и США, проведенное в 1980 г. показало, что Польша в тот момент имела наименьший процент преступности. Тогда она находилась на предпоследнем месте по числу использования телевизоров, на последнем месте по числу показа сюжетов агрессивного содер-

жания и по проценту показа фильмов или сюжетов, связанных с насилием. США, которые в 1980 году являлись рекордсменом по преступности, имели наивысший процент содержания сцен насилия в телевизионных программах. Таким образом, прослеживается четкая зависимость – уровень преступности в той или иной стране возрастал через 10-15 лет после появления в ней телевидения.

С другой стороны, подобные выводы подтверждались не всеми исследованиями. Хеннинген с коллегами сравнили уровень преступности в американских городах с наличием или отсутствием телевидения в период с 1949 и 1952 гг. Они обнаружили, что введение телевидения не привело к повышению уровня насильственных преступлений [4].

Таким образом, большинство исследователей, изучая проблему воздействия медиа насилия различными методами, прослеживают причинно-следственную связь между просмотром сцен насилия и последующим агрессивным поведением или установками.

Нельзя не отметить, что существует, однако, и противоположное мнение, представленное противниками ограничения медиа насилия. С их точки зрения, насилие является частью нашей жизни и нашей культуры, а телевизионные программы лишь отражают существующее насилие в реальном мире. Было бы неразумно и ущербно как для зрителей, так и для общества в целом попытаться стереть насилие с экранов. Кроме того, существуют другие, более важные факторы, влияющие на насилие. Немаловажный является и тот факт, что доказать прямую связь между просмотром насилия на телеэкране и актами насилия в жизни сложно.

Из всего сказанного выше видно, что тема влияния насилия, демонстрируемого средствами массовой информации, является неоднозначной, поэтому нет ничего удивительного в том, что она с самого начала своего существования порождает массу дискуссий.

Вывод, к которому приходят исследователи, заключается не в том, что телевидение — основной источник социального насилия, а в том, что оно является одной из причин. Но даже если это всего лишь одна составляющая того многокомпонентного феномена, который может быть назван причиной насилия в обществе, но потенциально контролируема. Например, с помощью введения маркеров возрастных ограничений при просмотре телевизионных программ (что было сделано на российском телевидении с 1 сентября 2012г). При этом, конечно, контроль и ответственность за то, что смотрят дети, лежит не на телевизионной индустрии, а на родителях.

Литература

1. Бандура, А., Уолтерс, Р. Подростковая агрессия. Изучение влияния воспитания и семейных отношений / А. Бандура, Р. Уолтерс – М.: Апрель-Пресс, Эксмо Пресс, 2000. – 512 с.
2. Ениколопов С.Н. Средства массовой коммуникации и насилие / С.Н. Ениколопов [Электронный ресурс] – режим доступа <http://www.evartist.narod.ru>, свободный. – Заглавие с экрана.
3. Eron, L.D., Huesmann, L.R., Lefkowitz, M.M., Walder, L.D. Does television violence cause aggression? L.D. Eron, L.R. Huesmann, M.M. Lefkowitz, L.D. Walder [Электронный ресурс] – режим доступа <http://www.ericdigests.org/1994/television.htm>, свободный. – Заглавие с экрана.
4. Брайант Д., Томпсон С. Основы воздействия СМИ./ Д. Брайант, С. Томпсон – М.: Издательский дом «Вильямс», 2004. – 432с.
5. Клочкова А.В. Роль СМИ в детерминации девиантности// Ломоносовские чтения 2004 г. Сборник статей преподавателей «Россия и социальные изменения в современном мире». Том №2, 2004. – 304с.

**НАСИЛИЕ, СПОРТ, ВОЗБУЖДЕНИЕ И ЦИВИЛИЗАЦИЯ:
НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ К КОНЦЕПЦИИ
НОРБЕРТА ЭЛИАСА
VIOLENCE, SPORTS, EXCITEMENT, AND CIVILIZATION:
SOME REMARKS ON THE CONCEPTION OF NORBERT ELIAS**

И. Шубрт

Карлов университет в Праге, гуманитарный факультет

J. Subrt

Charles University in Prague, Faculty of Humanities

Обсуждаются исторические изменения в связи с насилием в области развлечения и спорта. Рассматриваются понятия Норберта Элиаса.

In article are discussed historical changes in relation to violence in the area of entertainment and sport. The author follows the approach of Norbert Elias.

Ключевые слова: цивилизация, насилие, возбуждение, спорт, историческое развитие, изменение

Keywords: civilization, violence, excitement, sports, historical development, change

Главный труд Норберта Элиаса (1897-1990) называется «*О процессе цивилизации*» и содержит подзаголовок «*Социогенетические и психогенетические*»

нетические исследования» [1]. Понятие психогенеза обозначает длительную эволюцию личностных структур человека и способов его поведения, понятие социогенеза обозначает эволюцию социальных структур неравенства, власти и строя, который лежит в основе современного государства. Элиас в своей работе показывает, что оба эволюционных процесса являются взаимозависимыми. Для раннего средневековья с низким уровнем централизации королевской власти характерны низкий уровень пацификации, высокая степень физической опасности и вытекающая из этого постоянная неуверенность индивидов. Многие из представителей высшего слоя вели в то время жизнь предводителей вооруженных банд, которые разоряли, разрушали, убивали, калечили и истязали других людей. С точки зрения общества того времени такое поведение нельзя рассматривать ни как необычное, ни как нездоровое; оно не выходило за рамки принятых в ту эпоху стандартов. Обществу, которое находится на низком уровне развития и интеграции и в котором угрозы, внезапные нападения, ограбления и убийства в порядке вещей, соответствуют, по Элиасу, сильнейшая аффективность и агрессивность поведения. Там, где в меньшей степени стабилизируется власть, там и в меньшей степени регулируется индивидуальная агрессивность. В более позднем пацифицированном обществе индивид настолько защищен, что он сам может отказаться от насилия. Социальное регулирование осуществляется здесь в форме государственной монополии на совершение насилия. На уровне индивида это создает предпосылку для психического регулирования, для контроля аффектов и блокирования агрессивных импульсов. Государство, властный аппарат, законы и полицейская власть являются институтами, которые управляют процессом социального сосуществования и принуждают индивида к повышенному контролю над своим поведением. Хотя аффекты, боевые и агрессивные наклонности имеют свое законное место и в современном, цивилизованном обществе, это место является однако точно очерченным, таким, в котором они проявляются в смягченной и рационализированной форме, а именно, прежде всего, посредством спортивных состязаний, определенных типов игр, захватывающих, зрелищных, «адреналиновых» видов спорта и развлечений.

Одной из областей, которой профессионально интересовался Элиас, была и социология спорта. Доказательством этого является книга «Поиски возбуждения: Спорт и досуг в процессе цивилизации» (1986), которую он издал совместно со своим учеником Эриком Дуннингом [2]. Исторические и антропологические источники показывают, что игровое

соперничество и различные виды физических состязаний вездесущи; мы встречаемся с ними во всех человеческих обществах. Документальные свидетельства о них существуют уже со времен древнего мира; к самым древним и самым известным относятся сообщения о греческих олимпийских играх. В средневековой Англии и других европейских странах играли в игру, похожую на современный футбол. Придворные Людовика XVI развлекались *jeu de paume* (игрой в мяч с ракеткой). На первый взгляд кажется, что спорт не представляет собой ничего нового. Но идет ли во всех этих случаях речь о совершенно одном и том же? Элиас считает, что привычной ссылкой на олимпийские игры в Древней Греции стирается вся многослойность исследуемой проблемы.

В эссе под названием «Генезис спорта как социологическая проблема» [3] Норберт Элиас вновь обращается к теме игр и состязаний, которые проводились в Древней Греции. Свое внимание он, прежде всего, уделяет кулачному бою («боксу») и бою под названием *панкратион*. В этих боевых искусствах обнаруживается гораздо больше жестокости, чем допускается сегодня. В них использовались приемы, запрещенные в современном бою (удары головой, ногами, опасные приемы). Не существовало никаких ограничений по времени и весу. Ломались конечности, борцы душили друг друга и выдавливали друг другу глаза. Не то, чтобы эти бои были без контроля со стороны; на них присутствовал судья, и соперники призывались к воздержанию от особо жестоких приемов, однако в пылу борьбы такое случалось. Травмы и убийства не были чем-то необычным. Тот участник состязания, который убил или покалечил своего соперника, не наказывался (иногда случалось, что тело мертвого мужчины провозглашалось победителем, если он погиб особенно героически; но потеря ветви победителя – это было всё, что постигало того, кто убил). Вместе с тем не создается впечатления, что тогдашние зрители или «спортсмены» испытывали отвращение к таким вещам.

Принятые в античности законы допускали намного более высокую степень физического насилия, чем позволяют современные законы (более того, они намного точнее; в отличие от передачи из уст в уста, они фиксируются в письменных источниках, доступных для пересмотра и возможных изменений). Греческий кулачный бой наряду с другими боевыми техниками служил не только для соревнований, но и для подготовки к войне. Например, существует письменное свидетельство о боксерском поединке, который закончился тем, что один из его участников всадил свои вытянутые и защищенные кожаными перчатками пальцы

сопернику под ребра, разорвал ему брюшную полость и продолжил крошить его внутренности. Элиас по этому поводу саркастически отмечает, что основатель олимпийских игр нового времени барон де Кубертен в конце 19 века этот вид боя возродить не стал.

Современному человеку может показаться, что тут есть некоторое расхождение между ценностями и достижениями, которые греческое общество имело в области философии, естественных наук и искусства, и жестокостью, проявляющейся в ряду других областей. Согласно Элиасу, для греков такого противоречия не существовало. Способности, которые проявлялись в игровом соперничестве, следовало проявлять и в реальной жизни. Греческие граждане боролись за свое место в войске, причем так, что доходило и до резни, до продажи людей в рабство, геноцида. Такие явления, безусловно, не были менее необычными, чем случаи убийства или искалечения в рамках игрового соперничества.

В средние века и раннее новое время рыцарские турниры и народные игры также содержали намного больше жестокости, чем в настоящее время [4]. К народным развлечениям, например, принадлежали игры, напоминающие современный футбол. Они проводились по случаю некоторых праздников. И хотя в этих играх и не было полной вседозволенности, они в меньшей степени были связаны правилами и следовали, прежде всего, местным обычаям и традициям (и поэтому сильно отличались от места к месту). В соответствии с местными обычаями игра могла содержать элементы, которые напоминают не только сегодняшний футбол, но и регби, хоккей или поло (если некоторые участники были верхом). Игра с неопределенным количеством участников часто проводилась на площадке, гораздо большей, чем современные спортивные площадки и стадионы, и не должна была, что было обязательным условием, происходить только в непосредственной близости с мячом (что давало возможность некоторым игрокам сводить личные счета). Игра допускала высокую степень насилия, часто доходило до травм, иногда даже до пролития крови. Существует ряд свидетельств о том, что тогдашние власти многократно пытались запретить футбол, поскольку, с их точки зрения, он имел бесконтрольный и деструктивный характер. То, что эта грубая игра приняла наконец подобие спорта, согласно Элиасу, является результатом длительных социальных процессов, многовековую историю которых автор проследил в своей работе.

Одной из характерных черт современного спорта является то, что он следует обязательным правилам, смысл которых, между прочим, в сокращении угрозы физических травм до минимума. И хотя некоторым

видам спорта, как, например, боксу, свойственно насилие, оно здесь удерживается под контролем правил. Несмотря на эту тенденцию к минимизации угрозы травм, спорт является возбуждающей деятельностью, которой занимается огромное количество людей, либо активно, либо в роли зрителей. Перед Элиасом в этом плане встает, возможно, немного неожиданный вопрос: каковым является общество, в котором люди так сильно предаются возбуждению от соперничества, при котором не течет кровь и соперники друг друга не ранят всерьез? Ответ на этот вопрос связан с общей тенденцией цивилизационного процесса [2, S. 27]. Наблюдение за гладиаторами, дерущимися на смерть, христианами, отданными на растерзание голодным львам, публичными пытками и казнями не доставило бы современному зрителю удовольствия, даже наоборот, вызвало бы в нем глубочайшее отвращение. Сегодня занятия в свободное время должны давать приятное возбуждение и наряду с этим должны гармонично соответствовать сензитивности цивилизованного человека к насилию и жестокости. Правила современного спорта, которые в значительной степени элиминируют применение физического насилия, должны быть, однако, в то же время таковыми, чтобы сохранять напряженность состязания, причем как в отношении его участников, так и в отношении зрителей. Современные поклонники футбола наслаждаются возбуждением от сражения, бушующего на игровом поле, с сознанием того, что при этом ни с игроками, ни с ними самими в действительности ничего опасного не может случиться.

Современный человек должен быть в состоянии сохранять относительно ровный и стабильный контроль над своими чувствами, эмоциями и настроениями. Социальное выживание и успех зависят от надежности его индивидуального самоконтроля. В современных обществах существует относительно небольшая свобода для проявления сильных эмоций, а не то что для выражения злобы, ненависти или навязчивой идеи на кого-нибудь напасть. У человека, который поддается таким настроениям и не может держать их под контролем, большой шанс оказаться в психиатрической лечебнице или тюрьме. Возможности проявлять возбуждение во многих сферах общественной жизни существенно ограничены. Элиас и Дуннинг характеризуют современные общества как общества «невозбуждаемые». Такое стабильное владение инстинктами и эмоциями вызывает у человека потребность в расслаблении. Когда общие правила человеческого поведения укрепляются, становятся более рациональными и интернализируются в более или менее автоматически функционирующий самоконтроль, возникает противонаправленное дав-

ление для установления равновесия, освобождения от социальных и личных запретов. Поэтому сфера досуга в современных обществах создает анклав, в которых предоставляется возможность для контролируемого и приятного освобождения от запретов на эмоции. Возникают новые виды музыки, танца, развлечений, и в не последнем ряду здесь также стоит именно спорт, который, кроме снятия напряженности, достигаемого и в других сферах жизни, служит также для создания возможностей для приятного возбуждения.

Характерной чертой социологического мышления Элиаса является процессуальность. Автор делает акцент на необходимости построить такую теорию социальных процессов, которая будет способна диагностировать и объяснять тенденции в эволюции социальных и личностных структур. Составляющими этих процессов являются и сдвиги, которые происходят в области аффективности, насильственного поведения, самообладания и снятия напряжения. Социальные процессы протекают непреднамеренно и не являются планируемыми, свою динамику они приобретают за счет данных ситуативных констелляций. Обычно они носят характер подъема либо спада, и хотя не являются планируемыми, некоторые из них на протяжении веков имеют одну и ту же постоянную направленность. Вместе с тем, согласно Элиасу, здесь нельзя говорить о какой-то исторической необходимости, только о возможностях и вероятностях разной степени. Характерным для нынешней эволюции (от каменного века до наших дней) Элиас считает постоянное столкновение цивилизационных процессов с процессами децивилизационными. Несмотря на то, что децивилизационные процессы уже неоднократно себя проявляли, преобладающей является тенденция, которую несет собой цивилизационный процесс. Однако нет никакого основания предполагать, что так тому и быть в будущем. Впрочем, уже Зигмунд Фрейд, теория психоанализа которого оказала сильное влияние на Элиаса, предостерегал, что культура, построенная на подавлении инстинктов и отречении от них, является хрупкой, уязвимой; она должна считаться с тем, что в людях сохраняются деструктивные и антисоциальные тенденции [5], которые могут при определенных обстоятельствах привести к взрыву и поставить под угрозу цивилизацию. Насколько легко может случиться нечто подобное, позже в своих экспериментах показал Филипп Зимбардо. Взглянув на историю 20 века, можно найти массу доказательств того, что возвращение к варварству исключать нельзя. Тенденции, которые можно отметить на пороге 21 века, не успокаивают, а, наоборот, заставляют насторожиться. Поэтому социальные науки могли бы стать чувствительным «сейсмографом», который сумеет вовремя

обратить внимание на опасные «толчки» и предупредить о них.

Литература

1. Elias N. 1976. Über den Prozeß der Zivilisation: Soziogenetische und psychogenetische Untersuchungen, 1, 2. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
2. Elias N. – Duning, E. 1986. Quest for Excitement: Sport and Leisure in the Civilizing Process. Oxford: Basil Blackwell.
3. Elias, Norbert. (1971). «The Genesis of Sport as a Sociological Problem». In: Eric Dunning (Ed.), The Sociology of Sport: A Selection of Readings. London: Frank Cass: 88-115.
4. Elias N. Duning, E. 1983. Sport im Zivilisationsprozeß: Studien zur Figurationssoziologie. Münster: Lit-Verlag: 14 и следующие.
5. Freud S. 1998. Nespokojenost v kultuře. Praha: Hynek.

СОЦИАЛЬНАЯ СЕТЬ «ВКОНТАКТЕ»: РИСКИ ВИРТУАЛЬНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ ПОДРОСТКОВ SOCIAL NETWORK «VKONTAKTE»: RISKS OF VIRTUAL SOCIALIZATION OF ADOLESCENTS

А.В. Щекотуров

*Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского*

*A.V. Shchekoturov
Nizhni Novgorod State University*

Анализируется роль социальной сети «ВКонтакте» в социализации подростков, определена специфика ее использования в подростковом возрасте, выявлены потенциальные сложности и опасности, с которыми могут столкнуться юноши и девушки при обращении к социальным сетям.

The role of social network «VKontakte» in a socialization of adolescents is analyzed in this article. Specific and potential risks of usage of «VKontakte» among adolescents are identified.

Ключевые слова: социальная сеть, «ВКонтакте», подросток, социализация, риски

Keywords: social network, «VKontakte», adolescent, socialization, risks

Социальные сети все прочнее входят в жизнетворчество современного человека, занимая значительную нишу его профессиональной и личной жизни. В настоящее время молодеет и набирает свою популяр-

ность социальная сеть «Вконтакте». Пользовательская страничка (профиль) позволяет составлять информацию о себе и находиться на связи с другими людьми, искать и слушать любимую музыку, смотреть фильмы, обмениваться видеозаписями, фотографиями, изображениями и афоризмами. Все опции сайта имеют свои настройки приватности. Однако общее представление о сайте зачастую экстраполируют на универсальный характер его использования, не принимая во внимание гендерно-возрастные, социально-психологические и мотивационные особенности обращения к нему. Самые неоднозначные оценки вызывает сетевая жизнь подростков. Только в Нижнем Новгороде свыше 140 тысяч подростков в возрасте 14-18 лет зарегистрированы в социальной сети «Вконтакте», и большинство из них пользуются сайтом ежедневно (по данным сайта <http://vk.com> от 12.06. 2012 года). Однозначное «Вконтакте» – зло» вынуждает некоторых родителей запрещать своим детям пользоваться сайтом, а педагогов не редко обвинять подростков в неуспеваемости. При этом не каждый взрослый воспитатель пытается разобраться в ценностно-смысловом значении пребывания подростка в социальной сети. Для того чтобы действительно понять аксиологический компонент социальной сети, необходимо попытаться посмотреть на виртуальный мир глазами подростков, выделить их как самостоятельную социальную группу, которая имеет свою специфику виртуальной коммуникации и саморепрезентации. Какова специфика использования сайта в подростковом возрасте? С какими сложностями и опасностями сталкиваются современные школьники при обращении к социальным сетям? В данной работе представлена попытка осветить эти и другие вопросы.

С этой целью было проведено исследование, в котором приняли участие 96 учащихся (56 девушек и 40 юношей) из 8-11 классов пяти школ г. Нижнего Новгорода. Площадкой для проведения опросов стал сайт «Вконтакте». Используемые методы: групповая онлайн дискуссия, глубинные онлайн интервью и включенное наблюдение, вторичный анализ всероссийского исследования «Дети России онлайн» (выборка исследования составила 1025 детей в возрасте от 9 до 16 лет и 1025 их родителей из 11 разных регионов России, 2010-2011 г.г.), а так же анализ зарубежных и российских научных публикаций.

Анализ работ позволил обнаружить различия в использовании социальных сетей между подростками и индивидами старшего возраста. Выявленные отличия можно сгруппировать по следующим факторам:

1) *Мотивация*. Подростки стремятся выразить себя, используя электронный аккаунт, заявив о себе друзьям и всему миру, показать свои

предпочтения и интересы. Им становится важно обсудить вопросы, связанные со взрослением, пробуждающейся сексуальностью, создать свой круг доверия, получить пространство, в которое родители не имели бы доступа. В более взрослом возрасте целью обращения к социальным сетям становится необходимость поддерживать уже имеющиеся связи, поиск новых знакомств, как правило, необходимых для продвижения по социальной лестнице. «Студенты активно используют «деловые» возможности Сети, начиная от обычного поиска, в том числе для поиска работы, до обновления программного обеспечения и различных финансовых сервисов» [1, с. 8-10]. Анализируя данные всероссийского исследования, П. Лебедев обнаружил, что 60% студентов предпочитают общаться через электронную почту, 53% – в социальной сети, в то время как 44% подростков для этой цели используют социальные сети и лишь 35% электронную почту.

2) *Стиль использования виртуальных профилей.* Вследствие своей мотивации подростки, в отличие от более старшей молодежи, стремятся выразить свою идентичность с помощью демонстрации медиа предпочтений, которые «в эпоху цифровых технологий и Интернета становятся также важной частью в представлении человека тем, кем он является» [2, Р. 237]. В подростковой среде гораздо чаще встречается феномен «нет-дружбы» [3, Р. 2408]. Их страницы ярче, содержат больше информации и к тому же открыты большему количеству пользователей [4, Р. 1398].

3) *Активность посещения социальных сетей.* У подростков она увеличивается, а к юности снижается [5, Р. 426; 6].

4) *Навыки безопасного поведения в социальной сети.* Подростки в недостаточной степени владеют знаниями о безопасном поведении как в Интернете, так и в социальной сети. Данные всероссийского исследования «Дети России онлайн» показывают, что среди детей 11-12 лет меньше половины умеют менять настройки приватности. С возрастом эти навыки становятся выше. В отличие от более взрослых пользователей, подростки не ограничивают свое общение и знакомства виртуальной средой. Более половины респондентов имели опыт «живых» встреч со своими виртуальными друзьями. Существует мнение, что в большинстве случаев виртуальный друг совсем не такой, каким его представляешь, общаясь с ним посредством Сети. Почти половина респондентов исследования «Дети России онлайн» не согласились бы с этим тезисом. 46% опрошенных отмечают, что их виртуальные друзья в жизни такие же, как и в Сети, 15% считают, что виртуальный друг в жизни оказался гораздо лучше, чем его виртуальная идентичность.

Вместе с тем, пятая доля респондентов подчеркивают, что сетевая идентичность и реальное поведение их виртуальных друзей не соответствуют друг другу.

Несмотря на все возможные преимущества в использовании Интернета, подростки сталкиваются с Интернет-угрозами, которые вкупе с недостаточными знаниями о безопасном использовании социальных сетей создают зону риска для их социализации.

Анализ результатов всероссийского исследования «Дети России онлайн» и многих зарубежных работ позволил выявить следующие риски виртуальной социализации подростков:

1. 16% 15-16 летних российских школьников подвергаются кибербуллингу (травле, психологическому насилию в Сети) [7, С. 80], основной площадкой которого становятся социальные сети [8, Р. 131].

2. Прикрываясь никами и аватарками, общаясь одновременно с большим количеством людей, подросток рискует своевременно не справиться с поиском своего собственного «Я» [7, С. 100].

3. В силу высокой интенсивности общения подростки сталкиваются с различными угрозами, особенно с вымогательством, агрессией и сексуальным домогательством. Они также чаще подвергаются риску случайных знакомств и чаще делятся своей личной информацией [9].

4. Далеко не все юные пользователи умеют менять настройки приватности и могут обезопасить пребывание в Сети.

5. У третьей части опрошенных российских школьников профили открыты всему миру [6].

6. На фоне этого снижается возраст вступления в ряды Интернет-пользователей. В Европе сейчас он составляет 8-9 лет, в России – 10 лет [6].

7. Свыше 90% российских школьников старше 13 лет пользуются Интернетом бесконтрольно, что дает им возможность «жить в Сети» гораздо более продолжительное время и более свободно, чем их европейским сверстникам, которые в 60% случаях выходят в Интернет в школе [6].

8. В России 60% подростков пользуются Интернетом с мобильного телефона, в Европе – 40% [6].

Возможные преимущества и риски использования сайтов социальных сетей, как мы видим, характерны, прежде всего, для подросткового возраста с его уникальными потребностями и социальными свойствами.

Рассмотрев результаты даже нескольких представленных исследований, можно смело согласиться с Тиффани А. Пемпек в том, что в настоящее время ученым, занимающимся вопросами идентичности в под-

ростковом и юношеском возрастах, необходимо обращать внимание и на виртуальное пространство как поле/ресурс развития идентичности и социальных навыков [2, Р. 237].

Таким образом, с одной стороны, общение подростков с новыми людьми способствует расширению знаний об особенностях человеческого поведения, воспитывает чувство уважения к другой точке зрения, а также оттачивает мастерство общения как со своим, так с противоположным полом, что далеко не всегда удачно можно делать в мире реальном. С другой стороны, именно подростки чаще других сталкиваются с такими Интернет-угрозами, как кибербуллинг, агрессия, сексуальные домогательства и др., которые создают зону риска для их социализации. Выход видится в необходимости осознания и овладения грамотными методами выстраивания диалога между юношами, девушками и их социализаторами, который возможен лишь в случае принятия подростка в качестве самостоятельного субъекта социальных отношений; в желании узнать, какой смысл вкладывает сам подросток в каждое посещение сайта.

Литература

1. Лебедев П. Школьники среди пользователей интернета: сравнительный социологический анализ // Дети в информационном обществе. 2009. №1. 7-10с.
2. Pempek T.A., Yermolayeva Ye. A., Calvert S.A. College students' social networking experiences on Facebook // Journal of Applied Developmental Psychology. 2009. V. 30. 227–238p.
3. Chou Ch., Peng H. Net-friends: Adolescents' attitudes and experiences vs. teachers' concerns // Computers in Human Behavior. 2007. Vol.23. 2394–2413p.
4. Boyle K., Johnson T. MySpace is your space? Examining self-presentation of MySpace users // Computers in Human Behavior. 2010. Vol.26. 1392–1399p.
5. Subrahmanyam K. et al. Online and offline social networks: Use of social networking sites by emerging adults // Journal of Applied Developmental Psychology. 2008. Vol. 29. 420–433p.
6. Дети России онлайн 2010-2011. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://detionline.com/research/kids-online/results> (дата обращения 30. 10. 2012)
7. Солдатова Г.В., Зотова Е.Ю., Чекалина А.И., Гостимская О.С. Пойманные одной сетью. М., 2011. 176с.
8. Hinduja S., Patchin J. Personal information of adolescents on the Internet: A quantitative content analysis of MySpace // Journal of Adolescence. 2008. Vol. 31. 125–146p.
9. Nosko A., Wood E., Molema S. All about me: Disclosure in online social networking profiles: The case of FACEBOOK // Computers in Human Behavior. 2010. Vol. 26. 406–418p.

НАСИЛИЕ И НАКАЗАНИЯ В СЕМЬЕ

ОСОБЕННОСТИ АГРЕССИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ И НАКАЗАНИЙ ДЕТЕЙ ДО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА В СЕМЬЯХ РАЗЛИЧНОГО ЭТНИЧЕСКОГО СОСТАВА ВЕЛИ- КОБРИТАНИИ

AGGRESSIVE BEHAVIOUR AND PUNISHMENT OF PRESCHOOL CHILDREN AMONG DIFFERENT ETHNIC FAMILIES IN THE UK

К. Симпсон

Исследовательский центр Св. Джеймса, UK

В. Шаталина

Роехэмптонский университет, Лондон

K. Simpson

St James's Research, UK

V. Shatalina

Roehampton University, UK

Проявления агрессивности ребенка дошкольного возраста все больше и больше беспокоят современных родителей, воспитателей, педагогов, взрослое сообщество. Каковы социальные корни, запускающие агрессивное поведение маленького ребенка, не страдающего заболеваниями нервной системы, будет рассмотрено в докладе на примере смешанных и однородных семей проживающих в Англии. Осуществлен анализ систем наказания маленьких детей, особенностей эмоциональной дистанции между взрослым и ребенком, языковой среды, особенностей отношений со сверстниками и практики поощрения поведения и личности растущего человека.

Manifestations of child aggressive behaviour in early age are of great concern for contemporary parents, teachers and adult community. What are the social reasons for aggressive behaviour in healthy children. In our report we will analyze cultural differences in tolerance towards aggressive behaviour (direct and indirect), common systems of controlling aggressive behaviour, including punishment, the emotional distance between a parent and a child, the language environment in ethnically homogeneous and mixed UK families, the characteristics of peer relationships and school practices to enhance behaviour and personality.

Ключевые слова: агрессивное поведение, толерантность, культурные стереотипы, ценности, взрослое сообщество, наказание

Keywords: aggressive behaviour, tolerance, cultural stereotypes, values, adult community, punishment

НАСИЛИЕ В СЕМЬЕ: ВОСПРИЯТИЕ РОДИТЕЛЯМИ И ДЕТЬМИ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ)

DOMESTIC VIOLENCE: PERCEPTION BY PARENTS AND CHILDREN (ON EXAMPLE OF RM)

Е.А. Абрамова, Д.В. Давыдов

*Государственное казенное учреждение Республики Мордовия
«Научный центр социально-экономического мониторинга»*

E. Abramova, D. Davydov

*State Institution «Scientific Center of Social and Economic
Monitoring of Republic Mordovia»*

Обсуждаются проблемы насилия и жестокого обращения с детьми. Рассматривается отношение школьников и их родителей к насилию в семейных отношениях (опрос проводился в г. Саранск).

The problems of violence and ill-treatment of children. We consider the ratio of students and their parents to violence within the family (the survey was conducted in Saransk).

Ключевые слова: насилие, физическое насилие, психологическое насилие, жестокость, жестокое обращение, применение физической силы

Keywords: violence, physical violence, psychological violence, abusive, abuse treatment, act of force

Давая оценку взаимоотношений в семье между родителями и детьми, обе группы респондентов (учащиеся и родители) чаще выбирали альтернативу «спокойные, ровные». Следует отметить, что дети чаще родителей оценивали свои отношения в семье как спокойные (87,3 и 73,6% опрошенных соответственно). В то же время родители чаще указывали на то, что их взаимоотношения с ребенком напряженные (14,5 %), тогда как частота упоминания детьми данной альтернативы находится на более низком уровне — 5,9%.

На вопрос, «Подвергались ли Вы жестокому обращению в семье за последний год?», учащиеся ответили следующим образом: вариант «нет» отметили 97,0 % респондентов, «да» — 2,1 %, «затрудняюсь ответить» — 0,9 %. В целом лишь 5 из 236 опрошенных школьников в возрасте старше 14 лет подвергались жестокому обращению в семье.

Из ответов родителей на вопрос о том, как часто они применяли наказание, видно, что 32,5 % респондентов отметили альтернативу «несколько раз в год», 14,0 % — «раз в год», 12,7 % — «несколько раз в месяц», 10,2 % — «раз в месяц». Очень часто («несколько раз в неделю») наказывают детей лишь 3,8 % респондентов.

При анализе ответов родителей на вопрос, «Как Вы относитесь к физическому наказанию детей в семье?», выяснилось, что лишь около трети респондентов (34,4 %) настроены решительно против физического наказания и отметили, что «это недопустимо». В то же время более половины (53,7 %) опрошенных считают, что в исключительных случаях «это применимо», а 7,9 % респондентов уверены, что «без этого не обойтись». Таким образом, можно предположить, что у значительной доли родителей не хватает временных, «культурных», а возможно, интеллектуальных и иных ресурсов нефизического воздействия для того, чтобы продуктивно взаимодействовать с детьми.

Примечательно, что женщины чаще, чем мужчины, считают физическое наказание детей недопустимым — 36,5 и 26,5 % соответственно, в то время как альтернативу «это применимо только в исключительных случаях» выбирали чаще мужчины (63,3 %), чем женщины (51,1 %). Лишь небольшая доля респондентов мужского и женского пола считают, что без наказания не обойтись — 6,1 и 8,4 % соответственно. Родители со средним и начальным профессиональным образованием чаще указывали на то, что без физического наказания в семье не обойтись (16,7 и 17,0 % соответственно), чем более образованные респонденты (5,2 %).

По результатам опроса, 3 школьника, которые подвергались жестокому обращению в семье за последний год, признались в том, что жестоко с ними обращались родители. Один подросток испытал на себе жестокость со стороны братьев, сестер. В числе применяемых родителями видов жестокого обращения школьники называли как меры физического (пощечины, пинки, подзатыльники, наказание ремнем), так и психологического (угрозы, шантаж, оскорбления, запрет на прогулку, встречу с друзьями, постоянную критику внешнего вида и поведения, ругань, употребление бранных слов) воздействия. Ни один из учеников не назвал в качестве применяемых к ним видов насилия нанесение те-

лесных повреждений или отказ от общения. Подросток, пожаловавшийся на жестокое обращение со стороны братьев/сестер, уточнил, что это было оскорбление.

В подавляющем большинстве семей в той или иной мере применяются различные виды физического или психологического насилия в воспитательных целях по отношению к детям. На отсутствие практики наказания ребенка в их семье указали лишь 30,5 % принявших участие в исследовании родителей.

Чаще всего о том, что в их семье наказание в воспитательных целях по отношению к детям не применяется, говорили многодетные (36,4 % от общего количества опрошенных, имеющих троих или более детей), а также наиболее обеспеченные (50,0 % от имеющих такое количество денег, чтобы вообще ни в чем себе не отказывать) респонденты. Напротив, значительно реже такую ситуацию в их семье описывали принявшие участие в исследовании молодые родители (16,7 % — в возрасте до 35 лет), разведенные (16,3 %) респонденты, имеющие только начальное профессиональное образование (16,4 %).

В целом доля семей, в которых дети подвергаются наказанию в воспитательных целях, составляет 67,3 %. Наказание по отношению к ребенку применяют в основном родители (76,5 %). Причем 53,5 % опрошенных указали на то, что чаще всего наказывают детей лично, 23,0 % респондентов отметили, что это делает их супруг/супруга. Доля иных лиц, применяющих насильственные меры по отношению к ребенку, незначительная: 1,8 % опрошенных отметили, что ребенка чаще наказывают их старшие дети; 2,2 % — другие родственники (бабушка, дедушка). Как видно из распределения ответов на вопрос, респонденты склонны оценивать свою роль в применении наказания как более значительную, чем супруга(и) или каких-либо иных родственников.

К видам наказания, наиболее часто применяемым родителями, относятся «запрет на прогулку, встречу с друзьями», а также легкое физическое воздействие — «пощечина, пинок, подзатыльник, наказание ремнем». Причем первую меру наказания использовали лично 61,6 % опрошенных (здесь и далее речь идет не обо всех принявших участие в исследовании родителях учащихся, а только о респондентах, в семьях которых дети подвергаются наказанию), 47,0 % указали на то, что такое наказание применял их супруг/супруга; вторую — 34,8 и 30,3 % респондентов соответственно. На среднем уровне распространенности применяемых родителями видов наказания находятся ругань, употребление бранных слов (24,6 % опрошенных ругались на детей лично, 19,7 % —

супруг/супруга); отказ в общении (20,3 и 16,7 % соответственно), а также постоянная критика внешнего вида (15,9 и 16,7 %). Заметно реже родители используют такие наказания, как угрозы, шантаж и оскорбление. Лишь одна из опрошенных призналась, что ее супруг нанес ребенку телесные повреждения.

Говоря о видах наказания, применяемых по отношению к детям их братьями и сестрами, респонденты чаще всего упоминали оскорбление (61,5 %), пощечины и подзатыльники (38,5 %), ругань (30,8 %). В то же время опрошенными ни разу не были выбраны альтернативы «угрозы, шантаж», «критика внешнего вида и поведения». Иные родственники чаще критиковали внешний вид и поведение ребенка.

Главной причиной наказания детей, по мнению опрошенных, чаще выступает его непослушание: такой ответ дал 101 респондент, что составляет 65,6 % от числа тех, в чьих семьях применяются различные виды наказания ребенка в воспитательных целях. Также частым поводом для наказания детей являются неуспеваемость в школе (на нее указали 40,3 % родителей учащихся) и грубость, невосдержанность ребенка по отношению к членам семьи (35,1 %). Так, по словам 13,6 % родителей, причиной наказания ребенка является его позднее возвращение домой (или уход из дома), а также их личная усталость и раздражительность (т.е. в последнем случае ребенок бывает наказан без какой-либо явной вины). 8,4 % респондентов частой причиной, обусловившей наказание ребенка, назвали употребление им спиртных напитков, курение; 7,1 % — непочтительное отношение к окружающим людям. Самой редкой причиной для наказания стали противоправные действия (воровство, хулиганство, драка) — 1,9 %. Объясняется это не тем, что за данные действия ребенок не заслуживает наказания, а малой распространенностью указанных противоправных поступков.

**ФОРМИРОВАНИЕ СОЗНАТЕЛЬНОГО РОДИТЕЛЬСТВА
КАК ФАКТОР ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ НАСИЛИЯ НАД ДЕТЬМИ
FORMING A CONSCIOUSNESS OF PARENTING AS A FACTOR
OF CHILD ABUSE PREVENTION**

Т.Б. Багирова

Уральский Федеральный университет

T.B. Bagirova

Ural Federal University

Подчеркивается, что проблема насилия над детьми (жестокое отношения к детям) имеет глубокие исторические корни. Сегодня отказ от насильственных методов воспитания возможен через формирование нового типа родительства – ответственного.

In article it is emphasized, that the problem of violence over children (the cruel attitude to children) has deep historical roots. Today refusal of violent methods of education is possible through formation of new type roditel'stvo – realized.

Ключевые слова: насилие, жестокое обращение с детьми, стили воспитания, ответственное родительство, стили отношения к детству

Keyword: violence, cruel treatment over children, styles of education, conscious roditel'stvo, styles of the attitude to the childhood

В современном обществе, как никогда, применение насилия, в какой бы сфере оно ни проявлялось, является острой проблемой. Особенно это касается детско-родительских отношений. Эта проблема поднимается в научных исследованиях, в публицистике, в практической деятельности общественных и властных организаций. Это проблемой озабочены правовые органы, научное сообщество, общественность, государственные структуры, представители системы образования и воспитания, родители.

И дело не в том, что насилие над детьми (жестокое обращение с детьми) актуализировалось только сегодня, а в том, что меняется точка зрения на то, каким должен быть стиль отношения к ребенку со стороны родителей и какой тип взаимоотношений должен складываться у родителей с детьми.

Отношение к детям является исторической формой со своими особенностями на различных исторических этапах. Ллойд Демоз, исследуя

особенности взаимоотношений родителей и детей, методы воспитания в исторической ретроспективе, выделил шесть стилей отношения к детству:

- стиль детоубийства (инфантицидный) (античность до IV века н. э.). Детей убивали из боязни трудностей воспитания или невозможности прокормить, продавали, дети подвергались сексуальному и физическому насилию;

- оставляющий (бросающий) стиль - (IV-XIII века н. э.) характеризуется фактическим отказом от ребенка. Детей отправляли к кормилице, в монастырь или в заведение для маленьких детей, в дом другого знатного рода в качестве слуги или заложника, отдавали навсегда в чужую семью, окружали строгой эмоциональной холодностью дома;

- амбивалентный стиль (XIV-XVII века), для которого характерны строгая регламентация поведения ребенка, муштра, холодное обращение, игнорирующее собственные его потребности и желания. Если ребенок сопротивлялся, его беспощадно били, «выколачивали» своеволие как злое начало;

- навязывающий стиль (XVIII век), строящийся на обретении власти над умом ребенка, чтобы посредством этой власти контролировать его внутреннее состояние, гнев, потребности, волю. Ребенка не заставляли, а уговаривали повиноваться часто с помощью слов;

- социализирующий стиль (XIX век - середина XX) заключается уже не столько в овладении волей ребенка, сколько в тренировке ее, направлении на правильный путь;

- помогающий стиль (с середины XX века) основан на допущении, что ребенок лучше, чем родитель, знает свои потребности на каждой стадии развития. Ребенка не пытаются формировать, ему дают развиваться в своем темпе при постоянной поддержке. Отсюда – отказ от насильственных методов воспитания детей[1].

Историческая логика отношения общества к детям, рассмотренная Л. Демозом и другими авторами, свидетельствует о распространенности насилия на всех этапах истории. Одновременно с этим наблюдается переход от форм крайне жестокого насилия (убийство, избивание) к более «мягким», если можно так выразиться, формам.

Сегодня термин насилие (жестокое обращение с детьми) охватывает самые разные формы поведения родителя, реализующего в отношении ребенка физическое, психическое, сексуальное и эмоциональное насилие, пренебрежение основными нуждами и интересами ребенка, недостаточное удовлетворение его потребностей, грубое обращение, отсут-

ствии эмоционального контакта с ним. Применение или отсутствие насильственных методов является индикатором правильного/неправильного отношения к детям.

Имеющее глубокие социокультурные корни жестокое обращение с детьми основано на неспособности родителей выработать благоприятную для развития ребенка воспитательную позицию, на воспроизведении традиционных методов воспитания, а не на разносторонних знаниях об этапах жизненного пути человека, представлениях о детстве как важнейшем и самостоятельном периоде жизни, о физиологии, психике, истинных потребностях детей.

Помогающий стиль только зарождается, еще не все родители его придерживаются. «Такой стиль воспитания требует огромных затрат времени, энергии, а также бесед с ребенком, особенно в первые шесть лет, потому что помочь ребенку решать свои ежедневные задачи невозможно, не отвечая на его вопросы, не играя с ним. Быть слугой, а не повелителем ребенка, разбираться в причинах его эмоциональных конфликтов, создавать условия для развития интересов, уметь спокойно относиться к периодам регресса в развитии – вот что подразумевает этот стиль, и пока еще немногие родители со всей последовательностью испробовали его на своих детях», – отмечает Л. Демоз[1].

В сегодняшних российских условиях необходимо формирование целостной системы обучения родительству. Актуальна социальная потребность в замене спонтанного поведения в сфере родительства на осознанное, ожидаемое и прогнозируемое. Минимальное количество знаний и умений, присущее сегодня родителям, должно уступить место знаниям систематичным и разносторонним, формированию специальных родительских компетенций, определяющих эффективные приемы родительского поведения. Традиционный способ передачи родительских компетенций от поколения к поколению становится неэффективным.

Воспитание ребенка – одна из самых трудных и важных обязанностей взрослых. Но большинство людей мало подготовлены к тому, чтобы стать родителями. Неспособность родителей выработать благоприятную для развития ребенка воспитательную позицию приводит к серьезным нарушениям во взаимоотношениях с детьми, применению насилия к детям.

Литература

1. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.gumer.info/bibliotek/Buks/Psihol/Lloid/01.php>

НАСИЛИЕ В СЕМЬЕ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ CHILD ABUSE: THE HISTORICAL ASPECT

О. В. Бессчетнова

Балашовский институт (филиал) ФГБОУ ВПО «Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского»

O. V. Besschetnova

Balashov Institute (filial) of Saratov state university named by N. G. Chernishevsky

Рассматривается исторический аспект детско-родительских взаимоотношений на основе теории Л. Демоза.

The article contains the historical aspect of child-parental interactions, based on the L. Demos's theory.

Ключевые слова: насилие, семья, дети, история, наказания

Keywords: abuse, family, children, parents, history, punishment

В начале-середине XX века было предпринято немало попыток описать детство в исторической ретроспективе. Наиболее разработанной в этой области является психоисторическая теория детства Ллойда Демоза, который показал, что прогресс, позволивший преодолеть магию и суеверия, является следствием не накопленных знаний, а роста психологической зрелости в результате эволюции детства. Согласно своей концепции, Л. Демоз выделяет шесть типов воспитания: инфантицидный, оставляющий, амбивалентный, навязывающий, социализирующий и помогающий.

С античных времен детей приносили в жертву богам. Многочисленные примеры ритуальных убийств младенцев можно найти уже в древних рукописях, например, Библии. На Гавайях, в Китае и Японии детей с физическими или умственными отклонениями убивали для сохранения сильной расы, способной к выживанию, тем самым, осуществляя регулирование рождаемости и прироста населения. В Германии существовал обычай, при котором новорожденного опускали в ледяную воду. Ребенка оставляли в живых, если он громко кричал. До 4 века н.э. ни закон, ни общественное мнение не осуждали детоубийства в Греции и Риме. Первые законы о запрете на убийство ребенка появились при сокраще-

нии численности населения. В Риме умерщвление детей стало рассматриваться как убийство только в 374 г. н.э. [1].

На Руси первые постановления о детоубийстве встречаются уже в Уставах Князя Ярослава и Князя Владимира Святославовича. Позднее законодательство уже более дифференцированно подходит к определению наказуемости детоубийства, и это отчетливо проявляется в Соборном уложении 1649 года. В этом законодательном акте убийство родителями своих детей рассматривалось как менее опасное деяние по сравнению с убийством матерью внебрачного ребенка. И напротив, наказание ужесточалось, если имело место убийство матерью незаконнорожденного ребенка. Таким образом, в первом случае родители обладали широкими правами в отношении своих детей, которые, по словам П.Д. Колосовского, носили характер «властительства». Во втором случае предпочтение отдавалось охране нравственности в обществе и более суровое наказание определялось тем, что «детоубийца посягал на две заповеди: «не убий» и «не прелюбопоствори» [1, с.44].

Двойственность родительской власти оформляется в эпоху Московского государства — в этот период родители имели право отдавать детей в рабство или в монастырь, распоряжаться брачной судьбой детей, наказывать их и др. Право родителей на свободу детей как проявление рабства исчезает в XVII в., однако родители получают право отдавать их в услужение (Соборное уложение, гл. XX, ст.45) [2, с. 30]. По словам М.Ф. Владимирского-Буданова, что это происходило столько же из прав родителей, сколько и из их обязанностей обучать детей и давать им кормление [3, с.452].

В эпоху Петра I детоубийство каралось смертью. Так, в Артикуле воинском указывалось: «ежели кто отца своего, мать, дитя во младенчестве, офицера наглым образом умертвит, онаго колесовать, а тело его на колесо положить, а за прочих мечем наказать (Арт. 163). Кроме того, не допускался переход в монашество, если у лица оставались малолетние или необеспеченные дети [2, с. 358]. В это же время законодатель делает первую попытку защитить право женщины и ребенка на содержание — арт. 176 Артикула воинского 1714г. закреплял обязанность отца ребенка содержать мать и младенца «по состоянию его» [4, с. 89]; такая обязанность налагалась только на виновного в прелюбодеянии, и срок предоставления содержания законом не предусматривался.

В Своде законов уголовных 1832 года предусматривалась ответственность за убийство сына или дочери (чадоубийство), а также детоубийство (убийство малолетнего). В Уложении о наказаниях уголовных

и исправительных 1845 года законодатель говорит об убийстве новорожденного ребенка как о преступлении со смягчающими обстоятельствами. Наказание понижалось, если убийство незаконнорожденного ребенка совершалось матерью от стыда или страха при самом рождении младенца. За совершение этого преступления в соответствии с санкцией статьи полагалось тюремное заключение сроком на 2 года либо ссылка на поселение. Признавая это убийство менее опасным, законодатель обосновывал это тем, что «положение виновной женщины есть необыкновенное, и она часто, терзаемая стыдом, страхом, угрызениями совести и физическими мучениями, лишается рассудка и решается на убийство ребенка, хорошо не осознавая того, что делает» [1, с. 44]. В тот период законодатель более снисходительно относился к матерям-убийцам своих незаконнорожденных детей, что объяснялось стремлением государства упорядочить половую жизнь в обществе, ввести ее в определенные моральные и нравственные рамки. Женщины, родившие внебрачных детей, подвергались общественному осуждению и позору.

В Средневековье дети рассматривались родителями как злобные, греховные существа. Психологический портрет ребенка того времени – это забитый, брошенный, несовершенный, “недоделанный” маленький человек, полный страхов и тревог. В настоящее время элементы оставляющего стиля, несомненно, тоже присутствуют. Несчастные случаи с детьми: ожоги, падения, отравления, запущенные заболевания – все это отголоски оставляющего стиля.

В XIV веке появляется амбивалентный стиль воспитания в связи распространением культа Девы Марии и младенца Иисуса, в искусстве стал популярен образ заботливой матери. Характерными особенностями данного стиля является такие воспитательные практики как тугое пеленание и систематическое избивание. Процедура пеленания могла занимать до полутора часов и исключала какие-либо движения, потому что общая психическая активность была снижена, в связи с чем дети значительно отставали в физическом развитии от современных детей. К примеру, в 4 в. до н.э. ребенок начинал ходить в 24-28 месяцев, а в 16 в. н.э. - в 15-20 месяцев.

В XVIII веке в связи с развитием педиатрии детская смертность стала снижаться, что обусловило изменение демографической ситуации в Европе. Появляется новый стиль воспитания, названный Л. Демозом навязывающим или контролирующим. Родители стали больше внимания уделять потребностям ребенка, его рано приучали к гигиене, он реже подвергался побоям и пеленанию, физическое и психическое здоро-

вье ребенка значительно улучшились по сравнению с предыдущими периодами. Родители чаще стали использовать психологическое наказание, нежели физическое.

В XIX-XX веках психическое развитие человека достигает нового уровня. Потребности самого ребенка все сильнее выступают на первый план. Родители все чаще вынуждены обуздывать свои эмоции и агрессивные потребности. Этот стиль воспитания Л. Демоз называет социализирующим [5]. Появляется специальная литература по детскому воспитанию, больше внимания уделяется физическому и психическому здоровью ребенка, появляются всевозможные центры развития и социальной защиты детства. Таким образом, стержнем социализирующего стиля воспитания становится воспитание воли ребенка, самоконтроля и самоанализа.

Помогающий стиль воспитания – это совершенно новый скачок в развитии человека. Он основан на допущении, что ребенок лучше, чем родитель знает свои потребности на каждой стадии развития. В воспитании ребенка одинаково принимают участие оба родителя, которые не стремятся дисциплинировать, подавить его волю. Детей чаще прощают, меньше ругают и совсем не бьют.

В настоящее время представлены все стили воспитания и преобладание того или иного стиля зависит от уровня культурного и психологического развития общества.

Литература

1. Лысак Н. В. Ответственность за убийство матерью новорожденного ребенка (историко-правовой анализ) // Семейное право. – 2004. – № 2. – С. 42-45.
2. Российское законодательство X – XX веков. В 9 томах. Законодательство Древней Руси. – М.: Юрид. лит., 1974. Т. 1.
3. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Ростов-на-Дону, 1995.
4. Змиев Б. Детоубийство // Право на жизнь. – 1927. – № 6-7. – С. 89-90.
5. Демоз Л. Психоистория /Ростов-на Дону: «Феникс», 2000. – 512 с.

**ОТНОШЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДА ИВАНОВА
К СУПРУЖЕСКОМУ НАСИЛИЮ**
**ATTITUDES OF POPULACE OF IVANOVO TOWARDS
MARITAL VIOLENCE**

О.С. Бутакова, Е.В. Глушкова
Ивановский государственный университет
O.S. Butakova, E.V. Glushkova
Ivanovo State University

Обсуждается специфика проблемы супружеского насилия в настоящее время и отношение населения к данному социальному явлению.

The article deals with specifics of problem of matrimonial violence at present and attitudes of population towards this social phenomenon.

Ключевые слова: семья, насилие, насилие в семье, супружеское насилие

Keywords: family, violence, domestic violence, conjugal (marital) violence

Анализ проблемы супружеского насилия показывает ее остроту и многогранность. Исследователями сформированы различные подходы к изучению данной проблематики, все чаще отмечается необходимость использования полипарадигмальных и междисциплинарных подходов для постижения сущности супружеского насилия. Несмотря на большой масштаб исследований, в них четко прослеживается «гендерный перекос» в сторону жертв-женщин. В последнее время в отечественной науке появились интересные работы, акцентирующие внимание на рассмотрении супружеского насилия в отношении мужчин, предлагающие уход от одностороннего изучения насильственного поведения супругов. Следует отметить, что актуальность научной разработки проблемы супружеского насилия сохраняется как на теоретическом, так и на эмпирическом уровне, при этом важно придерживаться гендернонейтрального подхода, позволяющего равно рассматривать процессы насилия мужей над женами и насилия жен над мужьями.

В связи с вышесказанным актуальным представляется проведение исследования отношения населения г. Иванова к проблеме супружеского насилия в современных условиях, потребность в котором обусловлена практически отсутствием в регионе исследований подобного рода.

Исследование показало, что насилие в представлениях большинства респондентов, – это причинение вреда другому человеку.

Изучение мнения населения об основном объекте супружеского насилия выявило, что 60% опрошенных отмечают жен в качестве «главных» жертв насилия в супружеских отношениях, 32% – в равной степени и жен, и мужей (доля респондентов, отметивших этот вариант ответа, с возрастом увеличивается). Выделение мужей в качестве основного объекта супружеского насилия происходит в 6% случаев, чаще со стороны мужчин.

В оценке представлений населения города Иванова о феномене супружеского насилия важную роль играет выявление основного субъекта супружеского насилия. 61% опрошенных считают мужчин более predisposed к применению насилия в супружеских отношениях; женщин отмечает всего 5% опрошенных. Доля респондентов, считающих, что проявление насилия не зависит от пола агрессора, составляет 33%, в нее поровну вошли представители обоих полов.

Среди наиболее распространенных в настоящее время видов супружеского насилия респонденты выделяют физическое (49%, чаще мужчины), и психологическое (45%, чаще женщины); экономическое и сексуальное насилие отметили только 4% и 2% соответственно.

Изучая супружеское насилие, невозможно не затронуть аспекта, касающегося представлений населения о проявлениях конкретного вида насильственного акта в зависимости от пола супругов. Половина респондентов, большую часть которой составили мужчины, отметили постоянную критику партнера как насильственное поведение, свойственное жёнам. В отношении мужей у населения доминирует представление об их большей причастности к различным видам сексуального насилия в браке, а также физическим воздействиям, включая тяжелые побои и избиения, принуждение и изоляцию партнера. Основная часть опрошенных к насильственным действиям, в равной степени совершаемых мужьями и женами, относят нанесение легких ударов и телесных повреждений, убийства, совершенные на почве семейных конфликтов, установление власти и контроля над партнером, оскорбления и унижения, единоличное принятие финансовых решений.

Исследователями отмечается, что причины появления насильственного поведения между супругами многочисленны, они определяются сочетанием факторов, поэтому принято рассматривать причины и факторы насилия вместе. 65% респондентов, независимо от пола, выделяют

наличие вспыльчивого, агрессивного характера у супруга/супруги как основную причину возникновения насилия в супружеских отношениях. Влияние алкоголя/наркотиков оказалось на втором месте (49%), высокий уровень конфликтности взаимоотношений, столкновения интересов – на третьем (36%). Практически в равной степени респондентами отмечены: стремление одного из супругов подчинить своей власти другого, желание установить контроль над ним (26%); жертва насилия неправильно себя ведет, провоцируя насилие над собой (24%); плохое социально-экономическое положение семьи (24%); опыт переживания и наблюдения насилия в детстве (24%); сохранение патриархальных традиций в обществе, семье (23%). В качестве ведущего фактора супружеского насилия мужчины чаще отмечают провоцирующее поведение партнера, женщины – влияние ПАВ, стремление второго супруга к власти, негативный детский опыт и патриархальные традиции.

Более 70% респондентов, независимо от пола и семейного положения, осуждают супружеское насилие, однако мужчины чаще, чем женщины, проявляют терпимость к данному явлению и его допустимость в случаях супружеской измены и намеренной провокации со стороны партнера. Женщины допускают применение насилия в случае защитной реакции на агрессивные действия супруга.

Изучение осведомленности населения о распространенности и частоте насилия в супружеских отношениях в Иванове показало, что почти 80% опрошенных в большей или меньшей степени известны факты проявления супружеского насилия в семьях города, при этом 54% считают это явление частым. Лучше осведомлены о таких случаях респонденты женского пола, имеющие какой-либо опыт проживания в браке.

При оценке явления супружеского насилия в нашем городе важно выяснить, какая доля респондентов становилась его жертвами. В целом по выборке 80% респондентов ощущают себя в безопасности в своей семье. При этом только 46% уверенно отметили, что никогда не подвергались насилию, однозначно признали себя жертвами насилия в семье 9% опрошенных, остальные в той или иной степени затруднились идентифицировать ситуацию в силу разных причин. Женщины чаще отмечают проявления насилия по отношению к себе.

В настоящее время актуальна проблема активизации жертв насилия к обращению за помощью в различные службы, так как многие из них отказываются, считая супружеское насилие личной проблемой. По мнению опрошенных, только 22% жертв обращаются за поддержкой, а остальные отказываются от нее в силу разных причин (чувство стыда,

стремление сохранить семью, низкий уровень информированности о помощи жертвам насилия, страх мести со стороны насильника и др.).

Согласно данным исследования, население города достаточно информировано о помощи жертвам супружеского насилия, в качестве ведущих субъектов поддержки респонденты отметили полицию (81%) и родственников (55%), суд и друзей (по 37%), около трети опрошенных указали специализированные службы: телефон доверия, кризисный центр для жертв насилия. Степень осведомленности о возможностях получения помощи прямо зависит от уровня образования опрошенных.

В ситуации, когда сам респондент становится жертвой супружеского насилия, основная часть участников опроса готова получить помощь из вышеуказанных источников, предпочли бы никуда не обращаться 20% опрошенных. У представителей мужского пола потребность получать помощь со стороны в случае насилия в семье менее выражена по сравнению с женщинами, они чаще предпочитают никуда не обращаться в данной ситуации, вместе с тем у мужчин выше готовность получать анонимную помощь по «телефону доверия».

В заключение следует сказать, что феномен супружеского насилия в российском обществе является не до конца изученным, представления о супружеском насилии, особенно в массовом сознании, во многом базируются на традиционных взглядах о неравноценных ролях мужчины и женщины в семье и в обществе, формируясь под влиянием традиционных гендерных стереотипов. В отечественном научном сообществе отмечается явная тенденция перехода от рассмотрения супружеского насилия как гендерной проблемы к изучению ее как общей проблемы, равно касающейся женщин и мужчин. Гораздо медленнее идет данный процесс изменений в сознании большинства населения. Отношение населения г. Иванова к супружескому насилию в настоящее время достаточно неоднозначное; выявлено около 30% случаев гендернонейтральных представлений респондентов о данной проблеме.

**СОВРЕМЕННОЕ НАСИЛИЕ В КОНТЕКСТЕ КРИЗИСА
МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ И ЦЕННОСТЕЙ
MODERN VIOLENCE IN THE CONTEXT OF CRISIS
OF INTERGENERATIONAL RELATIONS AND VALUES**

Д.Ю. Вагин

*Нижегородский государственный педагогический
Университет им. Н.И. Лобачевского*

D.Y. Vagin

Nizhny Novgorod State Pedagogical University

Рассматривается проблема насилия в молодежной среде. Особое внимание уделяется борьбе с этим явлением через воспитание и преемственность молодым поколением базовых ценностей российского общества.

The problem of youth violence is considered. Special attention is paid to struggle with it through education of the younger generation and continuity of the basic values of Russian society by it.

Ключевые слова: молодежь, ценности, насилие, аберрация, девиация, культурная травма, воспитание

Keywords: youth, values, violence, aberration, deviation, cultural trauma, education

Проблема насилия и агрессии в обществе, семье, межличностных и межгрупповых отношениях становится обыденной в нашей повседневной жизни. Эта проблема актуальна и во всех сферах жизни общества, и экономической и политической, духовной, социальной, а также в межгосударственных отношениях. Формы насилия также многообразны; это и экономическое, политическое, физическое, идеологическое и прочее насилие. Несмотря на то, что мы декларируем и высокий уровень интеллектуального развития человека, социальный дарвинизм (подавление слабого, за счет чего обеспечивается выживание более сильного) продолжает присутствовать в нашей жизни, а в интеллектуальной сфере имеет большую армию сторонников.

Под насилием понимается форма принуждения со стороны одной группы людей (отдельного человека) по отношению к другой группе (отдельному человеку) с целью приобретения или сохранения опреде-

лённых выгод и привилегий, завоевания политического, экономического и любого другого господства. [1, с. 288]

Насилие более всего распространено в молодёжной среде. Молодёжь, люди от 17 до 30 лет, начиная активную жизнь, стремятся занять достойные позиции в обществе, преуспеть; они готовы рисковать на пути к достижению успеха. Российская молодёжь в настоящее время, как и всё наше общество, переживает нелёгкие времена, своеобразный период «культурной травмы». Для российского общества культурной травмой стали гибель СССР, коммунистической системы и последующие годы, когда проводились кардинальные либерально-рыночные реформы. Тогда рухнула определённая модель жизни, традиционная культура; ценности были низвергнуты, подорвана национальная идентичность, граждане стали не жить, а выживать. Предыдущий опыт, который накопили старшие поколения, стал казаться ненужным, лишним, обременяющим, неактуальным. В ситуации, при которой старшее поколение должно было передать молодым материальные и духовные ценности, создалось ощущение, что передавать нечего. Семьи, родители не могли помочь детям войти в мир конкуренции и новых критериев успеха, оказать поддержку, помочь достигнуть социального статуса, адекватного рыночной действительности. Произошёл переход от одной системы, от одного типа культуры со своими правилами и законами к другой – большинству не известной культуре (как по Сорокину, от идиациональной – к чувственной). В этих условиях произошёл разрыв отношений между поколениями, усложнился процесс передачи ценностей, восприятия и принятия их молодёжью. Молодёжь стала всеми возможными способами адаптироваться к имеющимся условиям. Одна часть молодёжи пошла по пути девиации (преступность, наркомания, алкоголизм, проституция), а другая часть – более образованная (лидеры) – по пути аберрантного поведения. Аберрация – это более сложное явление, это не социальное дно, а перестройка в сознании; это девальвация норм и правил поведения, к которому приводит концепция «гибких норм и правил», принцип ситуационного поведения (смысл которого в том, что действуй, как тебе выгодно, никто не осудит, в достижении цели все средства хороши); это поведение вопреки морали, заведомо и демонстративно идущее вразрез с общепринятыми представлениями о добропорядочности. Это ситуация опасна тем, что эту концепцию разделяют лидеры в молодёжной среде, те люди, которые нацелены на успех, на достижение высоких целей. В сложившихся условиях, когда рухнули привычные координаты, в сознание молодежи стали проникать чуждые

ценности, внедряясь в ткань нашей культуры. Отметим ещё один крайне важный момент. Особенное положение молодёжи заключается в том, что она в силу своего возраста и отсутствия опыта не может вырабатывать социальные ценности и нормы, это могут делать только зрелые люди, а молодёжь перенимает ценности у старшего поколения; таким образом, социализация молодого поколения возможна только через установление отношений со старшим поколением. Встаёт принципиально важный вопрос о передаче (трансмиссии) социального опыта и ценностей от старшего поколения младшему, и самое главное – что передавать, как воспитывать, в соответствии с какими нормами и правилами для обеспечения социокультурной идентичности народа. Противостоять насилию в культуре и духовной сфере возможно, только опираясь на традиционные (базовые) российские ценности (а для этого должна выстраиваться система преемственности поколений), школу, семью.

В нашей стране при подготовке стандартов общего образования второго поколения была разработана «Концепция духовно – нравственного развития и воспитания личности гражданина России». [2]

В этой концепции раскрывается современный воспитательный идеал.

«Современный национальный воспитательный идеал – это высоко-нравственный, творческий, компетентный гражданин России, принимающий судьбу Отечества как свою личную, осознающий ответственность за настоящее и будущее своей страны, укорененный в духовных и культурных традициях многонационального народа Российской Федерации». [2, с. 11]

Очень важно, что при разработке концепции и формулировании воспитательного идеала учитывался опыт поколений, поколенческая преемственность: «преемственность современного национального воспитательного идеала по отношению к национальным воспитательным идеалам прошлых эпох». [2, с. 11]

Четко сформулированы и базовые ценности, которые необходимо воспитывать у подрастающего поколения, среди них такие как:

патриотизм – любовь к России, к своему народу, к своей малой Родине, служение Отечеству;

социальная солидарность – свобода личная и национальная, доверие к людям, институтам государства и гражданского общества, справедливость, милосердие, честь, достоинство;

гражданственность – служение Отечеству, правовое государство, гражданское общество, закон и правопорядок, поликультурный мир, свобода совести и вероисповедания;

семья – любовь и верность, здоровье, достаток, уважение к родителям, забота о старших и младших, забота о продолжении рода;

труд и творчество – уважение к труду, творчество и созидание, целеустремленность и настойчивость;

наука – ценность знания, стремление к истине, научная картина мира;

традиционные российские религии – представления о вере, духовности, религиозной жизни человека, ценности религиозного мировоззрения, толерантности, формируемые на основе межконфессионального диалога;

искусство и литература – красота, гармония, духовный мир человека, нравственный выбор, смысл жизни, эстетическое развитие, этическое развитие;

природа – эволюция, родная земля, заповедная природа, планета Земля, экологическое сознание;

человечество – мир во всем мире, многообразие культур и народов, прогресс человечества, международное сотрудничество». [2, с. 18–19]

Ценности наполняют жизнь человека смыслом, выступают побудителем к действию, нравственным фильтром. В основе этой ценностной системы должны стоять две главных ценности – любовь и добро; это те ценности, которые наполняют смыслом остальные ценности и действия человека.

Таким образом, побороть или хотя бы снизить уровень насилия в социокультурной сфере мы можем только через духовно – нравственное воспитание, с опорой на базовые ценности нашего народа и преемственность поколений.

Литература

1. Социология молодёжи. Энциклопедический словарь / Отв. Ред. Ю. А. Зубок и В. И. Чупров. — М.: Academia, 2008. — 608с.
2. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России в сфере общего образования / А.Я. Данилюк, А.М. Кондаков, В. А. Тишков. Рос. акад. образования. — М.: Просвещении, 2009. — 24 с.

**РЕСУРСЫ И ОГРАНИЧЕНИЯ ПРОФИЛАКТИКИ НАСИЛИЯ
СОЦИАЛЬНЫМИ СЛУЖБАМИ В РАМКАХ СОПРОВОЖДЕНИЯ
СЕМЬИ В ТРУДНОЙ ЖИЗНЕННОЙ СИТУАЦИИ**
RESOURCES AND LIMITS PROPHYLACTIC TREATMENT
OF FAMILY VIOLENCE IN DIFFICULT REALITY SITUATION
BY MEANS OF SOCIAL WELFARE

Н.В. Вараева

*Социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних
«Надежда», г. Нижний Новгород*

N.V. Varaeva

*The Center of Social Rehabilitation for Children
«Nadezhda», Nizhniy Novgorod*

Обсуждается проблема профилактики насилия и жестокого обращения в семье. Выделены причины жестокого обращения в отношении детей и пути оптимизации семейной ситуации.

In article discussed the problem of prophylactic treatment of family violence. Picked up the reasons of cruel treatment with children and the way to improve the family situation.

Ключевые слова: насилие в семье, профилактика, социальное окружение, волонтеры

Keywords: family violence, prophylactic, social environment, volunteer

Тема насилия и жестокого обращения за последние годы стала и актуальной, и популярной в российском обществе. И действительно, с теми или иными видами и формами проявления насилия мы почти постоянно сталкиваемся в жизни [1].

В семьях социального риска практически всегда имеет место, по крайней мере, одно из проявлений жестокого обращения – пренебрежение нуждами ребенка, так как недостаток материального обеспечения, социальная незрелость и разного рода зависимости у родителей, перенаселенность квартиры и др. неизбежно приводит к тому, что потребности ребенка не будут удовлетворены. В большинстве случаев грань между пренебрежением нуждами, психологическим или эмоциональным насилием почти размыта. Физическое насилие также распространено в этих семьях. Причем даже в социально благополучных семьях родители не

всегда осознают, что ситуация, созданная ими для детей, ущемляет их интересы, вредит здоровью и тормозит их развитие [2].

Проблема насилия и жестокого обращения рассматривается и изучается разными науками (психология, социология, философия, криминология) и разными ведомствами, разными социальными институтами. Наибольший ресурс сегодня для проведения профилактической работы в отношении насилия в семье у учреждений социального обслуживания населения, так или иначе курирующих семьи на протяжении целого ряда лет. Но следует отметить, что есть и целый ряд ограничений, с которыми сталкиваются сотрудники учреждений социальной защиты при организации профилактической работы с семьей.

В Нижегородской области 58 социальных учреждений помощи детям и семьям, из них: 14 центров социальной помощи (ЦСПСД), 32 социально-реабилитационных центра (СРЦН), 7 приютов для детей и подростков (СПДП), 4 реабилитационных центра для детей и подростков с ограниченными возможностями и областной санаторно-реабилитационный центр для несовершеннолетних. Социально-реабилитационные центры и приюты, имеющие стационары, а это 39 учреждений, что составляет 67,2% всех учреждений Нижегородской области, в основном работают с последствиями жестокого обращения с детьми. Проблема несвоевременной диагностики и позднего выявления проблемы помимо последствий психической травмы, которую переживает жертва при насилии [3], приводит к тому, что упущены чувствительные периоды развития ребенка, и то, что он не получил в своем развитии в раннем детстве, невозможно скомпенсировать в школьном возрасте. Несвоевременная диагностика – одно из первых препятствий в организации работы с семьей.

Кроме того, сегодня в России нет никаких юридических оснований для привлечения семьи к работе со специалистами. Вся работа построена на принципе добровольного обращения. Мерами наказания для родителей за неправомерное поведение в отношении ребенка являются штрафы и лишение родительских прав в случаях, когда проживание в кровной семье опасно для жизни и здоровья ребенка. Родители крайне редко обращаются за помощью к специалистам, так как не видят и не осознают своих проблем. Как правило, сами они в детском возрасте воспитывались в таких же «неблагополучных» семьях или в интернатах и не имеют в своем представлении конструктивной социально-психологической модели построения семьи. Единственную трудность, которую осознают и указывают при обращении родители, – это тяжелое

материальное положение. И сам факт помещения ребенка в стационар они считают решением проблемы. На самом же деле за время пребывания ребенка в учреждении происходит эмоциональное отчуждение его от родителей, что еще больше способствует проявлению жестокого обращения и агрессии в семье, когда ребенок возвращается туда после стационара. И круг замыкается.

Если рассматривать причины жестокого и агрессивного поведения родителей по отношению к собственным детям, можно выделить следующие:

- распространенность установок родителей на применение физического и психологического наказания в процессе воспитания, незнание других способов и приемов воздействия на ребенка;
- связь практики применения насилия в процессе воспитания с собственным опытом детства;
- психологическая неуравновешенность и агрессивность (в силу собственного неблагополучия, алкоголизма и пр.);
- отсутствие поддерживающей социальной сети в трудной жизненной ситуации (на ребенка перекладываются задачи, несвойственные и невыполнимые для его возраста).

В учреждениях социальной помощи семье и детям для ребенка (родителей и ребенка) назначается реабилитационная программа, а семья ставится на социальный патронаж, в рамках которого специалисты выходят по месту проживания семьи, отслеживают ситуацию, дают рекомендации. Кроме того семьи, находящиеся под патронажем, регулярно привлекаются к мероприятиям учреждения (клубная деятельность, проведение праздников и др.). Таким образом, даже если профилактика насилия в семье не выделена в отдельную задачу в деятельности учреждения, она все равно осуществляется в рамках текущей работы.

В практику работы с семьей в ГКУ СРЦН «Надежда» Советского района г. Нижнего Новгорода включены два направления, способствующие профилактике жестокого обращения в семье и оптимизации сложившейся трудной ситуации:

- ✓ работа с сетью социальных контактов семьи и ребенка (метод ССК);
- ✓ формирование положительного социального опыта через организацию работы волонтеров.

Метод ССК позволяет активизировать и интегрировать ресурсы самой семьи и ее социального окружения, способствует распределению ответственности между специалистами и родителями, позволяет уви-

деть и «страховать» риски и тем самым предотвратить излишнее помещение ребенка в стационар. Например, на время запоя матери детей может забирать бабушка или тетя.

Работа с волонтерами дополняет и расширяет возможности социальной сети. Волонтер прикрепляется к ребенку и принимает участие в сопровождении семьи. В центре «Надежда» волонтеры проходят специальную подготовку, после чего включаются и в терапевтическую работу с семьей, и досуговые мероприятия, куда приводят и своих собственных детей. Таким образом, семьи социального риска получают опыт общения с благополучными успешными семьями. На примере семей волонтеров родители видят конструктивные модели построения отношений с ребенком, волонтеры не позиционируются как образец для подражания, поэтому их пример не вызывает сопротивления у родителей.

Обобщая сказанное, можно сделать вывод, что профилактика насилия и жестокого обращения в семье обязательно должна включать в себя психологическую и социальную работу, а именно терапию родителей и ребенка, формирование новых социальных навыков и работу с сетью социальных контактов семьи в трудной жизненной ситуации.

Дополнительной проработки и исследования требуют вопросы ранней диагностики семейного неблагополучия и мотивации родителей к изменению.

Литература

1. Шипунова Т.В. Агрессия и насилие как элементы социокультурной реальности // Социологические исследования. – 2002. – №5. – С. 67-75.
2. Прихожан А.М., Толстых Н.Н. Как жить с трудными родителями. – М.: Академический проект, 2001. – 48 с.
3. Решетников М.М. Психическая травма. – СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 2006. – 322 с.

**СТИЛЬ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ РОДИТЕЛЕЙ
КАК «СКРЫТОЕ» ЭМОЦИОНАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ
НАСИЛИЕ ПО ОТНОШЕНИЮ К РЕБЕНКУ**
TYPE OF EDUCATIONAL INFLUENCE OF PARENTS AS THE
«HIDDEN» EMOTIONAL AND PSYCHOLOGICAL VIOLENCE
IN RELATION TO THE CHILD

Е.Н. Васильева

Нижегородский государственный университет

им. Н.И. Лобачевского

E.N.Vasilyeva

Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky

Рассматривается вопрос о влиянии определенных стилей воспитания, используемых родителями по отношению к ребенку, на его эмоционально-личностное развитие. По результатам проведенного исследования с использованием авторской методики была выявлена статистически значимая связь между таким стилем воспитания, как «воспитание авторитетом», содержащим элементы эмоционального и психологического насилия, и уровнем личностной тревожности младших школьников.

In article the question of influence of certain types of the education used by parents in relation to the child on its emotional personal development is considered. By results of the carried-out research, with use of an author's technique, statistically significant communication between such types of education as «education by authority», containing elements of emotional and psychological violence, and level of personal uneasiness of younger school students was revealed.

Ключевые слова: детско-родительское взаимодействие, стиль воспитания, принятие ребенка, «воспитание через авторитет», «свободное воспитание», личностная тревожность младшего школьника, эмоциональное и психологическое насилие

Keywords: child-parental interaction, type of education, acceptance of the child, «education through authority», «free education», personal uneasiness of the younger school student, emotional and psychological violence.

Проблема насилия в современной в России является, несомненно, одной из самых болезненных и актуальных. На современном этапе раз-

вития наше общество отличается нестабильностью социально-экономической и политической жизни, что значительно увеличивает спектр факторов, обостряющих проблемы семьи.

Семья как институт социализации играет первостепенную роль в развитии ребенка. Дети, растущие в атмосфере любви, уважения, понимания со стороны родителей, имеют меньше проблем со здоровьем, с взаимоотношениями в кругу сверстников, трудностей в овладении различными видами деятельности, они реже подвержены развитию психологических комплексов. Традиционно роль родителей рассматривается с точки зрения оказания воспитательного воздействия на ребенка с помощью выбранных форм и методов. Однако не всегда эти средства оказываются адекватными, позитивно влияющими на гармоничное формирование и развитие личности маленького человека. Насилие над детьми со стороны родителей, к сожалению, в последнее время стало неотъемлемой чертой современной семьи. Насилие как деструктивное средство воспитания может использоваться в семьях разного материального достатка, принадлежащих к различным слоям общества.

Авторы, занимающиеся данной проблематикой, выделяют следующие формы насилия: физическое, сексуальное, эксплуатацию, пренебрежение нуждами ребенка, а также эмоционально-психологическое. На наш взгляд, правомерно утверждение И.Г. Малкиной-Пых (2005) о том, что необходимо разделять эмоциональную и психологическую формы насилия.

Эмоциональное насилие над ребенком – это любое действие, которое вызывает у ребенка состояние эмоционального напряжения, что подвергает опасности нормальное развитие его эмоциональной жизни. Эмоциональное насилие может выражаться в предъявлении родителями к ребенку завышенных требований, с которыми тот не в состоянии справиться; в чрезмерно суровых наказаниях; критичности по отношению к ребенку, высказанной в форме обвинений; поддержание постоянного напряжения; угрозах, брани, издевках; запугивании наказанием.

Психологическое насилие – это совершенное по отношению к ребенку деяние, которое тормозит развитие его потенциальных способностей. К психологическому насилию относят, например, частые конфликты в семье и непредсказуемое поведение родителей по отношению к ребенку.

К последствиям эмоционального или психологического насилия относят: задержку физического, психического и эмоционально-волевого развития; эмоциональную незрелость; страхи, фобии; нарушение познавательной деятельности; несформированную привязанность (отсутствие

доверительных, теплых отношений с родителями); психосоматические заболевания и др.

В нашем исследовании изучались детско-родительские отношения в семьях младших школьников, в частности, влияние семейных ролей и приемов воспитания родителей на формирование эмоционально-личностной сферы ребенка. В работе приняли участие 150 учащихся 2-3 классов общеобразовательных школ Нижнего Новгорода и их родители.

На одном из этапов исследования мы выявляли взаимосвязь между приемами воспитания и уровнем личностной тревожности учеников младших классов. Нами были использованы широко известная методика А.М. Прихожан «Шкала личностной тревожности» и специально разработанная нами методика «Приемы воспитания» (А.В. Орлов, Е.Н. Васильева). Методика является системой шкал и направлена на выявление преобладающего стиля воспитания и поведения родителя с ребенком, влияющего на становление его личности. При этом возраст ребенка не имеет особого значения. Методика представляет собой стандартный бланк с перечислением 18 приемов воспитания, каждый из которых соответствует одной из трех шкал:

Шкала «Э»: ориентация в воспитании на положительные эмоции и любовь. Ей соответствуют следующие приемы: любовь (ласка), понимание (согласие), поддержка (безусловное принятие), знакомство с прекрасным (с искусством), защита (забота), создание благодушной атмосферы в семье, общение с любящими людьми, общение с животными, природой.

Шкала «А»: ориентация в воспитании на авторитет и давление на ребенка. Ей соответствуют следующие приемы: физическое наказание (принуждение), замечание (внушение), метод «кнута и пряника», религия, воспитательные беседы, авторитет родителей и родственников, распределение обязанностей в семье, требовательность.

Шкала «С»: ориентация в воспитании на предоставление свободы и создание соответствующей атмосферы и духа соревнования. Ей соответствуют следующие приемы: предоставление самостоятельности, ненавязчивость, состязательность (соревнование), различные испытания, частое общение со сверстниками и другими людьми, свобода мнений в семье, творчество (создание чего-то нового), толерантность.

Вывод о доминирующем стиле воспитания делается в ситуации, если баллы по одной шкале в полтора раза превышают баллы по двум другим.

Полученные данные показали следующее: чем выше положительное принятие ребенка матерью и отцом, тем ниже самооценочная и межличностная тревожность ребенка, то есть ребенок уверен в своих силах, обладает адекватной самооценкой, не боится устанавливать контакты с окружающими его людьми, вступать со сверстниками в дружеские отношения. Кроме того, его школьная тревожность также уменьшается. Если же родители используют такой стиль, как «воспитание через собственный авторитет», включающий завышенные требования, игнорирование индивидуальных особенностей ребенка, угрозы и наказания, т.е. эмоциональное или психологическое насилие, самооценочная, межличностная и школьная тревожность возрастает и проявляется у ребенка в неуверенности, низкой самооценке, изолированности, замкнутости, уходе в себя, нежелании учиться, школьных страхах. При использовании родителями стиля «свободное воспитание» обнаружилась прямая зависимость только с самооценочной тревожностью младшего школьника, которая, в данном случае, уменьшается.

Результаты данного этапа исследования еще раз убедительно доказали, что деструктивный стиль воспитания, содержащий явное или скрытое эмоциональное/психологическое насилие, пагубно отражается на эмоциональной сфере ребенка, искажая его полноценное личностное развитие. Поэтому в образовательном пространстве школы необходимо уделить особое внимание работе с родителями как в плане просвещения о содержании, способах, методах и приемах воспитания, так и в плане целенаправленного коррекционно-развивающего воздействия на тех родителей, чей стиль воспитания уже привел к определенным деформациям нормального психического и личностного развития их ребенка.

**ВЗАИМОТНОШЕНИЯ В СЕМЬЕ КАК ФАКТОР
СУИЦИДАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ
СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ
RELATIONSHIP IN A FAMILY
AS A FACTOR OF SUICIDAL BEHAVIOUR
OF STUDENT'S YOUTH**

Е.В. Волченкова

Вятский государственный гуманитарный университет

E.V. Volchenkova

Vyatka State Humanities University

Анализируется влияние семейного фактора на суицидальное поведение молодежи. Представлены результаты социологического исследования взаимосвязи взаимоотношений в семье и суицидальных намерений и проявлений студентов.

The article analyzes the influence of a family factor on suicidal behaviour of the youth. Results of the sociological research into interrelations of relationship in a family and suicidal intentions as well as manifestations of students are presented.

Ключевые слова: студенческая молодежь, суицидальное поведение, взаимоотношения в семье

Keywords: student's youth, suicidal behaviour, relationship in a family

Суицидальное поведение в настоящее время является глобальной общественной проблемой. По данным Всемирной организации здравоохранения, в мире ежегодно около 400–500 тысяч человек кончают жизнь самоубийством, а число попыток – в десятки раз больше. Количество самоубийств в европейских странах примерно в три раза превышает число убийств [1].

Молодежь – наиболее уязвимая в суицидогенном отношении группа. На возраст от 18 до 29 лет сегодня приходится первый из двух самых высоких пиков суицидальной активности в России («пик молодости»); второй – «пик инволюции» охватывает когорты старше 45 лет [2, 3].

В современной литературе, посвященной молодежным суицидам, отмечается, что самоубийства чаще всего происходят в нуклеарных, неполных семьях, а также в семьях, не имеющих детей [4].

Во многих работах подчеркивается суицидогенное влияние разводов и прочих семейных дисфункций, которые приводят к изменению образцов социальной интеракции, разрушают регулятивные и интегративные механизмы, вызывают хроническую семейную аномию. Из литературных источников известно также, что от 90% до 100% суицидальных попыток, совершаемых в детском и подростковом возрасте, так или иначе связаны с семьей, семейным окружением и внутрисемейными конфликтами [5].

По данным социологического исследования, проведенного А.Ю. Мягковым, И.В. Журавлевым, С.Л. Журавлевым, М.В. Григорьевым и др. в сентябре–октябре 2002 г., среди молодежи Ивановской области (в рамках международного научно-исследовательского проекта «Будущее молодежи России») обнаружены более интенсивные установки на совершение суицида в семьях с неблагоприятным психологическим климатом. Выявлено, что в случаях, когда внутрисемейные и, прежде всего, родительско-детские отношения характеризуются самими респондентами как теплые, доверительные или нормальные, субъективная приемлемость суицидального поведения намного ниже средних значений. Реже здесь возникают и мысли о самоубийстве. В семьях, где доминируют дисфункциональные отношения, царит эмоциональная холодность или систематически возникают конфликты, эти показатели резко повышаются. Если характер внутрисемейных интеракций в меньшей степени сказывается на морально-психологическом состоянии «взрослых» молодых (старше 18 лет), то для подростков и людей раннего юношеского возраста данный фактор имеет первостепенное значение. Суицидальное поведение – это ответ на глубинные переживания человека, и чем он моложе, чем выше степень его семейной интеграции, тем в большей мере своим суицидом он «полемизирует» с семьей.

В апреле–июне 2012 года автор участвовала в проведении социологического исследования «Суицидальные проявления в студенческой среде», проходившего на базе одного из колледжей Ямало-Ненецкого автономного округа. Необходимость в организации исследования была вызвана четырьмя случаями суицида, произошедшими в образовательном учреждении в период с мая 2010 г. по январь 2012 г., а также двумя попытками студентов покончить жизнь самоубийством.

Исходя из размеров генеральной совокупности – 1207 человек (общее количество студентов колледжа), с учетом ошибки выборки 4% при уровне ее репрезентативности 95%, объем выборочной совокупности составил 286 студентов. В исследовании участвовали представители

обоего пола; разных возрастных групп (16–17 лет, 18–19 лет и 20–26 лет); национальностей (русские; народы Севера; другие – украинцы, татары, чувашы, молдоване, ногайцы, кумыки, аварцы, буряты); всех специальностей колледжа, условно объединенных в несколько групп (медицинские, педагогические, технические, социально-экономические, искусствоведческие, другие); проживающие и не проживающие в общежитии; имеющие разное материальное положение.

В качестве основного метода исследования использовалось раздаточное стандартизированное анкетирование. В анкете отдельный блок вопросов был посвящен характеру взаимоотношений в семье. Ответы на эти вопросы сравнивались с суждениями, напрямую и косвенно указывающими на суицидальные установки опрошенных: позиция относительно поведения человека, потерявшего смысл жизни; отношение к людям, покончившим с собой; наличие в окружении студента близких с суицидальными намерениями и др.

По данным опроса, со всеми ближайшими родственниками (матерью, отцом, братом, сестрой) у респондентов преобладают доверительные отношения, в особенности с матерью. У большей части девушек по сравнению с юношами отношения с матерью доверительные. Наиболее благоприятный характер отношений с ней обнаружен у студентов педагогических специальностей, наименее благоприятный – у получающих образование в области искусства. Доверительно общаются с матерью по большей части студентки, которые живут не в общежитии. Однако среди них есть те, у кого отношения с матерью конфликтные, в отличие от студентов, проживающих в общежитии.

Характер отношений с отцом у большинства опрошенных доверительный и не зависит от пола, возраста, места проживания и др.

Доверительные отношения с братом в большей степени преобладают у опрошенных, принадлежащих к народам Севера (8 из 10 человек), однако у них же больше тех, кто конфликтует с братом, по сравнению с русскими респондентами и студентами других национальностей. Примерно у третьей части русских студентов, десятой части студентов северных национальностей и шестой части представителей других национальностей нейтральные отношения с братом. Доверительно общается с сестрой большее количество студентов, не являющихся русскими и не принадлежащими к народам Севера (9 из 10 опрошенных). Ниже процент русских респондентов, имеющих такие отношения с сестрой (6 из 10 опрошенных), и среди них больше по сравнению с двумя другими группами национальностей тех, кто с сестрой конфликтует.

Материальное положение семьи напрямую влияет на характер взаимоотношений в ней. Установлено, что степень доверительности общения снижается с ухудшением материального положения респондентов и соответственно повышается уровень конфликтности в отношениях.

Примерно половина опрошенных в трудной жизненной ситуации обратится за помощью к семье, третья часть – к друзьям, 4,9% студентов – к педагогам и другим взрослым. У 4,4% респондентов нет людей, на которых они смогут положиться в трудной ситуации.

В окружении опрошенных есть люди с суицидальными намерениями в большей степени у студентов, имеющих нейтральные и конфликтные отношения с матерью и не поддерживающих общения с ней. Такая же закономерность выявлена относительно взаимоотношений респондентов с братом. У студентов, имеющих конфликтные отношения с братом, а также в случаях отсутствия общения с ним, чаще встречается суждение о том, что они понимают людей, добровольно ушедших из жизни.

Литература

1. Змановская Е. В. Девиантология: (Психология отклоняющегося поведения. – М.: Академия, 2007.
2. Тихоненко В. А. Жизненный смысл выбора смерти // Человек. – 1992. – N 6. – С. 19–29.
3. Трегубов Л. З., Вагин Ю. С. Эстетика самоубийства. – Пермь: КАПИК, 1993. – С. 22.
4. Fernquist R. M., Cutright P. Societal integration and age-standardized suicide rates in 21 developed countries, 1955–1989 // Social Science Research. – 1998. – Vol. 27. – No. 2. – P. 109–127.
5. Жезлова Л. Я. Сравнительно-возрастные аспекты суицидального поведения детей и подростков // Актуальные проблемы суицидологии. Труды Моск. НИИ психиатрии. Т. 92 / Отв. ред. В.В. Ковалев. – М., 1981. – С. 124–133.

**ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ И ФИЗИЧЕСКОМ
НАСИЛИИ У ДЕТЕЙ И РОДИТЕЛЕЙ
(НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ)
THE PERCEPTION ABOUT PHYSICAL AND PSYCHOLOGICAL
VIOLENCE OF CHILDREN AND PARENTS AVIDENCE FROM
REPUBLIC MORDOVIA**

Д.Р. Вяльшина, М.В. Пантюшина
Государственное казенное учреждение Республики Мордовия
«Научный центр социально-экономического мониторинга»
D.R. Wyalshina, M.W.Pantushina
State Institution «Scientific Center of Social and Economic
Monitoring of Republic Mordovia»

Обсуждаются проблемы насилия и жестокого обращения с детьми. Рассматриваются представления школьников и их родителей о насилии, а также степень распространенности актов жестокого обращения среди учащихся г. Саранска.

In the article are discussed the problems of violence and abuse treatment to the children. The perceptions of pupils and them parents about physical violence and extent prevalency of abuseve treatment among Saransk pupils.

Ключевые слова: насилие, физическое насилие, психологическое насилие, жестокость, жестокое обращение, применение физической силы

Keywords: violence, physical violence, psychological violence, abusive, abuse treatment, act of force

Проблема насилия и жестокого обращения с ребенком сложна для определения по следующим причинам: во-первых, размытость и неопределенность его значения даже в международных документах (например, определение насилия над детьми, предложенное Всемирной организацией здравоохранения в 1999 г., слишком многословно и обширно, в нем отмечено все, что мешает ребенку полностью реализовать свой жизненный и личностный потенциал); во-вторых, в российских нормативно-правовых документах насилие относится к числу понятий, не требующих специального пояснения; в-третьих, сказываются особенности российского менталитета с точки зрения терпимости к насилию по отношению к детям.

В представлениях учащихся жестокое обращение связано прежде всего с его физическим аспектом (избиение, побои, нанесение телесных повреждений) (84 % респондентов). Психологический аспект жестокого обращения не всегда распознается детьми в качестве такового: многие из них расценивают оскорбления и насмешки как способ коммуникации в подростковой среде и не интерпретируют данные действия как насилие.

В ходе опроса родителей выяснилось, что большинство из них (61,3 %) понимают прежде всего под насилием по отношению к детям «психологическое насилие (оскорбления, угрозы, насмешки, навязывание своего мнения)», 26,6 % респондентов — «физическое насилие (избиение, телесные повреждения, побои)». 12,2 % опрошенных выбрали вариант «другое» (в большинстве ответов по данной альтернативе выявлено, что родители объединяют понятия «психологическое» и «физическое» насилие).

Среди тех родителей, кто выбрал первую альтернативу, женщин больше, чем мужчин (62,1 и 58,3 % соответственно). Вариант «психологическое насилие» чаще всех отмечали родители, имеющие одного ребенка (67,9 %). Причем существенного влияния на выбор респондентов данной альтернативы не оказало их состояние в браке или уровень дохода в семьях.

Среди выбравших альтернативу «физическое насилие» мужчин оказалось несколько больше, чем женщин (29,2 и 25,9 % соответственно).

От количества детей в семье зависит выбор родителями варианта «физическое насилие»: в семье с одним ребенком — 17,9 % респондентов, с двумя — 32,7 %, с тремя и более — 55,6 % опрошенных. В то же время выбор респондентами альтернативы «физическое насилие» не зависит от финансового положения семей.

При ответе на вопрос, «Приходилось ли Вам быть свидетелями жестокого обращения по отношению к детям?» большинство респондентов-подростков ответили отрицательно (74,2 %). Несколько иная ситуация наблюдается среди родителей: из них 43,0 % выбрали вариант «да», 44,3 % — «нет», 12,7 % респондентов затруднились с ответом. Причем из числа опрошенных, ставших свидетелями жестокого обращения, большинство были женщины.

Свидетелями жестокого обращения по отношению к детям стали 22,5 % учащихся. Причем при ответе на вопрос, «Какие чувства Вы при этом испытывали?» они отмечали желание встать на защиту (68,6 %), ненависть (47,1 %) и страх (13,7 %). Кроме того, существует значитель-

ная разница в ответах на данный вопрос среди мальчиков и девочек. Подросток, ставший свидетелем насилия, может переживать это событие, испытывая сильные негативные эмоции (гнев, ненависть и т. п.). Это в большой степени присуще мужчинам. Возможно, именно поэтому у мальчиков среди ответов на данный вопрос на лидирующей позиции оказался вариант «ненависть» (38,9 %) и лишь потом «желание встать на защиту» (33,3 %), тогда как у девочек — наоборот (29,8 и 50,9 % соответственно). На третьей позиции у мальчиков находится ответ «равнодушие» (16,7 %), на четвертом — «страх» (5,8 %); у девочек — «страх» (10,5 %) и «незащищенность» (7,0 %) соответственно. Причем никто из респондентов женского пола не отметил альтернативу «равнодушие».

Важным является выяснить, насколько сами учащиеся способны совершать жестокость. Для этого необходимо определить распространенность жестокости среди старшеклассников и выявить причины, которые побуждают подростков к применению насилия. Так, подавляющее большинство респондентов (82,1 %) отметили, что не подвергали других лиц жестокому обращению (табл. 1). Большая часть семей, дети которых признались в осуществлении действий жестокого характера, являются полными, со средним или ниже среднего уровнем дохода.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: « Случалось ли Вам жестоко обращаться с другими людьми за последний год?», %

Вариант ответа	Количество учащихся, выбравших данный вариант ответа
1. Да	14,9
2. Нет	82,1
3. Затрудняюсь ответить	3

Напомним, что в основном учащиеся, которые наблюдали случаи жестокого обращения по отношению к другим детям, испытывали чувство ненависти и желание встать на защиту другого. Это подтверждает двойственность взглядов на жестокое обращение: с одной стороны, беспокойство за безопасность своей жизни или жизни другого человека, с другой — желание применить к лицу, осуществляющему жестокость, аналогичные методы воздействия или наказания. Среди старшеклассников, которые признались в осуществлении действий жестокого характе-

ра в отношении других, указывались несколько противоречивые причины подобного поведения. Ученики объясняли это желанием отомстить, встать на защиту кого-либо или желанием защитить себя. Вполне оправданными причинами жестокости школьники считают ответную реакцию на насилие (т. е. защита себя или кого-либо). Действия жестокого характера из-за мести, с одной стороны, могут быть следствием того, что респонденты (или их друзья, близкие лица) ранее были подвергнуты жестокости, в результате чего школьник применил подобные меры для «наказания» обидчика. С другой стороны, такое поведение может носить бессознательный характер или объясняться характеристиками личности ребенка, например, его предрасположенностью к обидам, ссорам, неприязни. Всего один школьник объяснил собственные жестокие действия желанием развлечься, еще один старшеклассник не смог назвать явных причин своего жестокого поведения в отношении иных лиц. Можно сказать, что дети крайне редко осуществляют действия жестокого характера без видимых со стороны самого ребенка причин, к которым относятся беспокойство за безопасность чьей-либо жизни (в том числе своей) или желание совершить подобное действие для наказания за нанесенную обиду.

**МОДЕЛИ РОДИТЕЛЬСКО-ДЕТСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ СЕМЬЕ
TYPES OF PARENT-CHILD INTERACTION
IN MODERN RUSSIAN FAMILY**

Н.Ю. Егорова

*Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского*

N.U. Egorova

Nizhegorodsky State University

Анализируются направления трансформационных процессов в сфере семьи и брака. Основное внимание обращается на вариативность в сфере родительско-детского взаимодействия.

In this article the trends of transformation in the sphere of marriage and family are analyzed. Focuses on the variability in parent-child interaction.

Ключевые слова: семья, родительство, стили семейного воспитания
Keywords: family, parenthood, styles of parent-child interaction

В последнее время при анализе семейно-брачной сферы много внимания уделяется структурным преобразованиям семьи, среди которых самыми значительными являются: уменьшение средней величины семьи вследствие процесса нуклеаризации и снижения рождаемости; увеличение числа неполных (монородительских) семей, появление новых моделей /стилей семейной жизни (незарегистрированные союзы, повторные браки, отдельные браки и др.).

Не менее значимым направлением трансформаций в рамках института семьи, наиболее существенным для нас, является процесс размывания системы поведенческих норм в сфере семьи и брака, представлений о содержании семейных ролей. Об этом говорят социологические исследования [1], которые позволяют сделать выводы о перестройке структуры внутрисемейных отношений, в том числе и в сфере родительства.

Стереотипы в сфере родительства относятся к числу наиболее устойчивых. Но, несмотря на инертность и консервативность данного института, трансформация социокультурных ценностей на протяжении последнего десятилетия в России происходила настолько интенсивно, что затронула и его. Результаты исследования Т.А.Гурко свидетельствуют, что такие стереотипы, как "долг каждой женщины быть матерью, а мужчины – отцом", "дети должны непременно жить с матерью после развода" среди молодого поколения женщин и мужчин встречаются гораздо реже в сравнении с "советским" [2].

Изменениям подверглись и родительские роли. В традиционных обществах власть и авторитет отца были основаны, прежде всего, на его роли кормильца и собственника средств производства. Отец определял воспитание детей (особенно сыновей), но повседневную заботу и уход за детьми осуществляла мать.

Однако современные требования к отцовской роли значительно трансформировались. Нормативная модель современного отцовства предполагает гибкое сочетание роли кормильца (добытчика) и чуткого, компетентного наставника и друга ребенка. От отца ожидают эмоциональность, теплоту в отношениях с ребенком, большую вовлеченность в его жизнь. Изменения в социальных нормах и представлениях об отцовстве приводят к многообразию форм в рамках данного института. При этом, если раньше, особенно в традиционном обществе, представления об отцовстве были четко определены, что позволяло легко их оценивать как нормальные или нет, то сегодня разнообразие форм отцовства затрудняет и их оценку [3].

Следствием вышеуказанных трансформационных процессов является внутриинституциональная вариативность семьи, в том числе и в сфере родительства, родительско-детских отношений.

Идея вариативности и отсутствия единых норм, регулирующих родительско-детскую сферу, является центральной в работах Т.А.Гурко. По результатам ее исследований, разнообразие родительских практик проявляется в целом ряде аспектов. Подвергаются пересмотру цели воспитания, установки матерей относительно роли мужчины и женщины в обществе, разнятся субъекты воспитания в российских семьях [4].

Варьируется и стиль общения с ребенком. С точки зрения С.И.Голода, формирование семьи в рамках индустриального общества серьезно видоизменяет сферу родительско-детского взаимодействия. Складывается так называемый детоцентристский тип, предусматривающий повышение материальной и духовной заботы о детях и вариативность способов воспитания. Автор говорит как минимум о трех моделях семьи, дифференцированных на основании использования различных способов воздействия на ребенка: авторитарной, амбивалентной и квазиавтономной [5].

Дальнейшие исследования сферы родительско-детского взаимодействия подтверждают идею вариативности выстраиваемых отношений. Т.А.Гурко [2, С.140], а затем и О.Ю.Петрова [6], основываясь на классификации стилей семейного воспитания Д. Олсона, выделяют пять типов родительско-детского общения, используемого в российских семьях при взаимодействии с подростками: авторитарный, демократический, попустительский, отвергающий и невовлеченный. Результаты проведенных исследований (в 1995 и 2011 гг.) позволяют говорить, с одной стороны, об уменьшении числа матерей, использующих авторитарный стиль общения, и увеличении числа родителей, предпочитающих оптимальный демократический стиль. С другой стороны, все еще более половины и отцов, и матерей используют так называемые «неправильные» стили взаимодействия.

Структурные изменения института семьи и как следствие вариативность семейно-брачных отношений (рост числа монородительских семей, увеличение доли повторных браков, распространение незарегистрированных союзов и рождение в них детей) также сказываются на родительско-детской сфере и делают ее изучение весьма актуальным. Тем более, что исследований, ориентированных на данную проблематику, в отечественной социологии недостаточно. Реальное поведение, отношение родителей к детям, стили воспитания в различных типах семей

требуют специального анализа. Рост числа сводных братьев и сестер, а также детей, воспитываемых небιологическими родителями, принятие в качестве возможного варианта отсутствие регистрации супружеских отношений делают необходимым выявление специфики и проблем взаимодействия родителей и детей в различных типах полных семей, их влияния на супружескую и детскую семейные подсистемы, на стабильность семейно-брачных отношений в целом. О некоторых отличиях можно сказать уже сейчас. Так, например, в исследованиях О.Ю.Петровой именно отчимы чаще демонстрируют попустительский или невовлеченный стиль воспитания и реже демократический. Похожие результаты были получены в рамках национального исследования причин семейного неблагополучия в Республике Беларусь [7]. Авторы обращают внимание на следующие моменты:

- наиболее сложная воспитательная обстановка складывается именно в повторной семье. У половины подростков отсутствуют доверительные отношения с отчимом и у каждого четвертого – с матерью. У этих детей наблюдается повышенная тревожность, страхи, неуверенность;

- принудительные и попустительские методы воспитания наиболее часто, почти в каждой четвертой семье, встречаются в семьях, где отец подростку не родной. В этой же категории семей в 2 раза большее количество подростков (по сравнению с семьями, где родители родные) подвергаются физическим наказаниям. Причем чаще субъектом наказания становится мать.

Литература

1. См., например, Горлач, М.Г. Гендерный аспект семейно-ролевого диссонанса / М.Г. Горлач // СОЦИС. – 2002. – №1. – С. 135-136; Брак и родительство в России / Т.А.Гурко. – М.: Институт социологии РАН, 2008. – 325 с.; Потехина, Е.Н. Специфика гендерных отношений в период социальных изменений в России: Автореф. дис...канд. соц. наук: 22.00.04 / Е.Н. Потехина. – Н.Новгород, 2003. – 24 с. и т.д.
2. Брак и родительство в России / Т.А.Гурко. – М.: Институт социологии РАН, 2008. – С.121-122.
3. Курамшев, А.В. «Мягкое отцовство» / А.В.Курамшев // Малая социальная группа: социокультурный и социопсихологический аспекты: в 2-х т. Под ред. З.Х.Саралиевой. Т. 2. – Н.Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2004. – С.125-129.
4. Гурко, Т.А. Родительство в изменяющихся социокультурных условиях / Т.А. Гурко // СОЦИС. – 1997. – №1. – С. 72-79.
5. Голод, С.И.

6. Петрова, О.Ю. Влияние родительских практик на благополучие детей / Материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса «Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие», г.Уфа, 23-25 октября, 2012. Доступ через: <http://www.isras.ru/files/File/congress2012/part21.pdf>.
7. Отчет национального исследования причин семейного неблагополучия в Республике Беларусь / С.Н.Бурова и др. – Минск «В.И.З.А, ГРУПП», 2009. – С.202-209.

ГЕНДЕРНЫЕ РОЛИ И НАСИЛИЕ В СЕМЬЕ **GENDER ROLES AND FAMILY VIOLENCE**

А.Г. Ефимцева

*Коммунальное учреждение «Харьковская
специализированная школа I ступени № 33
Харьковского городского совета Харьковской области»*

A.G. Yefimtseva

*Municipal institution “Kharkov special school
of the first degree №33”*

Внутрисемейное насилие – одна из наиболее распространенных форм дискриминации женщин. При этом, положение женщины в обществе считается индикатором уровня культуры и социальности общества. И в современном мире, когда правовые нормы декларируют равные права и свободы, женщина находится в ситуации правовой, экономической и эмоциональной зависимости.

Domestic violence is one of the most wide-spread forms of women’s discrimination. But social position of women indicates the cultural level of society. In the contemporary world when the legal norms declare equal rights and freedoms women remain in the situation of legal, economic and emotional dependence.

Ключевые слова: внутрисемейное насилие, дискриминация женщин, гендерная роль

Keywords: domestic violence, discrimination of women, gender role

Ситуация, когда женщина находится в ситуации психологической, правовой и экономической зависимости усугубляется тем, что окружающие считают семейное насилие личным делом отдельно взятой супружеской пары, являясь маркером «согласия» общества. Это способствует распространению скрытых форм насилия, редко становящихся

достоянием общественности. Кроме того, для жертв насилия характерна юридическая безграмотность. Женщина, не знающая своих прав, воспринимает ситуацию как норму и не ищет путей выхода из положения.

Главной целью домашнего насилия является достижение абсолютной власти над партнером. Домашнее насилие в большей мере порождается существующими гендерными ролями и стереотипами и сложившимися в обществе ограничениями прав и свобод женщин. Существуя и изменяясь вместе с социальным строем, господствующим в обществе, формы домашнего насилия являются отражением экономического и политического строя общества и транслируются через воспроизводство ролевых семейных моделей. Мальчикам и девочкам навязываются определенные модели поведения и социальные роли. Так, мальчика готовят к роли хозяина и добытчика, а девочку – к роли будущей жены и матери, главной жизненной ценностью которой должна стать семья.

Когда представления о семейных моделях супругов совпадают, жертва насилия воспринимает ситуацию как норму, не стремясь к ее изменению.

Нормой для будущей женщины должно стать «замужнее состояние». Одинокая женщина в обществе вызывает, если не осуждение, то чувство жалости. Общество, не считающее возможным вмешиваться в отношения супружеской пары, активно влияет на жизнь незамужней женщины, не соблюдая необходимого ей психологического и личного пространства. Безусловно, подобная интервенция общества в личную жизнь женщины также является одной из скрытых, не декларируемых форм насилия, противостояние которому требует больших усилий. И, зачастую легче пойти на поводу у общественного мнения, претерпевая другой вид насилия – домашнее.

Одна из причин, приводящих к домашнему насилию – материальная зависимость. Традиционно труд мужчины оценивается гораздо выше, нежели женский. Кроме того, значительную часть «рабочего времени» женщины занимают «домашние хлопоты», не оценивающиеся материально. В таком случае страх потери положения «замужней женщины» и привычного материального положения приводит к возможности появления фактов внутрисемейного насилия.

Типична ситуация отрицания женщинами дискриминации со стороны мужчин и общества в целом. Общество транслирует информацию об исторической норме, сложившейся в отношениях полов. Признание насилия, заложенного в устои общественного строя, грозит ломкой мировоззрения, необходимостью пересмотра внутрилличностной позиции,

сменной модели поведения. Подобная перестройка может представляться крайне травматичной, и на подсознательном уровне женщина защищает себя от, возможно, еще более болезненного опыта.

Очевидно, что только просветительская работа, проводимая на различных уровнях системы образований (от детского сада до высшего учебного заведения) и различными общественными организациями, может снизить уровень насилия, расширяя угол зрения субъектов семейных отношений, популяризируя идеи толерантности и равноправия.

**МЕТОДИКА ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ
ДЕТЕРМИНАНТ СЕМЕЙНОГО НАСИЛИЯ**
**METHOD OF STUDYING SOCIALLY-PSYCHOLOGICAL
DETERMINANTS OF FAMILY VIOLENCE**

В.И. Зубков

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

V.I. Zubkov

Moscow State University Named in Honor of M.V. Lomonosov

Детерминанты семейного насилия следует рассматривать на социальном и социально-психологическом уровнях. Для изучения социально-психологических детерминант семейного насилия автором предложен путеводитель интервью и кратко обсуждена часть результатов, полученных с его помощью.

Determinants of family violence should be considered at social and socially-psychological two levels. For studying of socially-psychological determinants of family violence the author offers the interview-guide and briefly discusses the part of the results received with its help.

Ключевые слова: семейное насилие, социальные и социально-психологические детерминанты семейного насилия

Keywords: family violence, social and socially-psychological determinants of family violence

Семейное насилие – это разновидность агрессивного поведения членов семьи или близких людей по отношению друг к другу с целью подчинения и удовлетворения насильником своих интересов за счет жертвы. Детерминанты семейного насилия следует рассматривать, как минимум, на двух уровнях – социальном и социально-психологическом.

Социальные факторы, обуславливающие существование семейного насилия как массового социального явления, раскрываются в социокультурных теориях (феминистический и гендерный подходы), а также теориях структурных средовых факторов и теории сдерживания.

Социально-психологический анализ семейного насилия предполагает взгляд на него изнутри семейной ячейки, но, разумеется, с учетом социального влияния. Для осуществления такого анализа нами разработан путеводитель интервью. Путеводитель является результатом выделения и объединения в тематические блоки основных факторов, содержащихся в теориях, объясняющих семейное насилие и в целом девиантное поведение на микроуровне. В частности нами были использованы:

- ситуационные теории, в том числе теории структурных характеристик семьи, объясняющие семейное насилие наличием внутренних и внешних факторов, порождающих «семейный стресс»;
- теории межличностного взаимодействия (интеракции), в которых насилие представляется как феномен, обуславливающийся «диадическими стрессорами», интерактивным напряжением отношений, неэквивалентностью социального обмена, а также неадекватной символической коммуникацией между членами семьи;
- теории, которые условно можно назвать социализационными, поскольку они рассматривают различные механизмы усвоения индивидами тех или иных моделей поведения – рефлексологические, психоаналитические и необихевиористские теории, положения «позитивной психологии» М. Селигмана, теория дифференцированной ассоциации (связи) Э. Сазерленда;
- теории индивидуальных различий, утверждающие, что насилие демонстрируется психопатологичными личностями или личностями с набором черт насильника (по отношению к личностям с набором черт жертвы), чья агрессивность является врожденной или приобретенной вследствие родовых травм и «травм детства»;
- модели «цикл насилия» Л. Уолкера и «процесс насилия» П. Ладенбергера, показывающие динамику протекания семейного конфликта с насилием.

Путеводитель предполагает интервьюирование как обоих главных фигурантов семейного конфликта – мужа и жены, так и одного из них. Возможен опрос и других взрослых участников конфликта по блокам С и D, детей и подростков – по блокам В и D. В процессе интервьюирования возможна различная детализация тем, содержащихся в блоках В-D. Возможна стандартизация блока С в части удовлетворенности семейной

жизнью, например, с использованием шкал Р.Лайкерта, а при наличии репрезентативного количества данных – стандартизация и других блоков. Короче говоря, путеводитель представляет собой первичный перечень тем, которые могут быть модифицированы и использованы в соответствии с целью и ситуацией исследования и методологическими пристрастиями конкретного исследователя.

Путеводитель интервью

Блок А. Общие сведения

	1. Муж	2. Жена
1. Возраст		
2. Брак по счету, его продолжительность		
3. Дети		
4. Место рождения и проживания		
5. Национально-конфессиональная принадлежность		
6. Образование, специальность, должность		
7. Состав родительских семей		
8. Состояние здоровья супругов и членов их семей		
9. Вредные привычки супругов и членов их семей		
10. Судимости супругов и членов их семей		

Блок В. Условия социализации супругов

	1. Мужа	2. Жены
1. Семейные статусы (роли) в родительских семьях		
2. Эмоциональная атмосфера в родительских семьях		
3. Отношение родителей к детям		
4. Занятость родителей на работе		
5. Основные воспитатели детей		
6. Стилль воспитания		
7. Методы поощрения		
8. Методы наказания		
9. Взаимоотношения со сверстниками		
10. Травмы детства		

Блок С. Содержание семейной жизни супругов и удовлетворенность ею

	1. Муж	2. Жена
1. Мотивация заключения брака		
2. Жилищные условия, сожители		
3. Структура доходов		
4. Занятость вне дома		
5. Семейный и социальный статус		
6. Распределение домашних обязанностей		
7. Взаимопонимание		
8. Сексуальная жизнь		
9. Личностные качества		
10. Эмоциональность взаимоотношений		
11. Взаимоотношения с детьми		
12. Взаимоотношения с другими ближайшими родственниками		
13. Совместный досуг		
14. Главные семейные события		

Блок D. Протекание семейного конфликта

	1. Муж	2. Жена
1. Участники, претензии и их обоснованность		
2. Попытки разрешения конфликта		
3. Конкретный повод к насилию		
4. Формы насилия, их интенсивность, продолжительность, частота		
5. Физиологические и психологические последствия насилия		
6. Поведение и взаимоотношения после актов насилия		
7. Обращения за внешней помощью		
8. Меры по предотвращению насилия в будущем		
9. Мотивация сохранения брака		

Для апробации путеводителя автором проведен ряд разведывательных интервью. К сожалению, объем тезисов не позволяет проинтерпретировать все полученные данные, поэтому остановимся лишь на одном, на наш взгляд, самом важном выводе, который прямо или косвенно подтверждается практически всеми российскими и зарубежными исследованиями.

В большинстве случаев агрессивность и жестокость взрослых людей является следствием их неадекватного воспитания и общей негативной атмосферы в их родительских семьях. Неадекватное воспитание заключается в ранней эмоциональной холодности родителей, особенно матери к нежеланному ребенку, отсутствии эмоционального контакта с ребенком (эмоциональная депривация), детской безнадзорности, гиперопеке, делающей ребенка несамостоятельным и несамодостаточным (эмоциональный симбиоз), гиперконтроле и тирании. Особенно пагубно влияют на детей девиантность родителей, семейные конфликты, опыт прямого насилия, наблюдаемого или перенесенного в детстве, в результате чего формируются асоциальные конфликтно-агрессивные или мазохистские паттерны поведения.

Таким образом, семейное насилие – это во многом усвоенная в процессе социализации модель поведения. Поэтому если жертва насилия пытается «исправиться» и вести себя в соответствии с «требованиями» насильника (а они, как показывают материалы интервью, могут быть довольно неконкретными и даже вообще безосновательными), это не приводит к прекращению насилия. Точно так же в большинстве случаев тщетны надежды жертвы на то, что систематический насильник «перебесится», одумается, исправится, особенно если его поддержать, помочь ему. Правда, иногда насилие прекращается, когда насильник прекращает пить.

В заключение следует подчеркнуть связь насилия в обществе и в семье. Насилие в обществе ожесточает и семейные отношения, а насилие в семье через процессы социализации, в конечном счете, формирует жестокое общество. То есть насилие приумножает насилие.

**ПРОГРАММЫ ПРОФИЛАКТИКИ ЖЕСТОКОГО
ОБРАЩЕНИЯ С ДЕТЬМИ И НАСИЛИЯ В СЕМЬЕ
В ГБУЗ НО «КОНСУЛЬТАТИВНО-ДИАГНОСТИЧЕСКИЙ
ЦЕНТР ПО ОХРАНЕ ПСИХИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ
ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ»
PREVENTION PROGRAMS CHILD ABUSE AND DOMESTIC
VIOLENCE IN GBUZ NO "CONSULTATION AND DIAGNOSTIC
CENTER FOR MENTAL HEALTH OF CHILDREN AND
ADOLESCENTS"**

А.С. Кондюрина, В.С. Пробыллова
*ГБУЗ НО «Консультативно-диагностический центр по охране
психического здоровья детей и подростков»*
A.S. Kondyurina, V.S. Probylova
*GBUZ NO "Consultation and Diagnostic Center for
Mental Health of Children and Adolescents"*

Обсуждаются вопросы оказания социально-психологической, психотерапевтической помощи семье в учреждении здравоохранения в рамках осуществления работы по первичной и вторичной профилактике насилия в семье и жестокого обращения с детьми.

The paper discusses the issues of providing psycho-social, psychological assistance to the family in a health facility in the implementation of the primary and secondary prevention of domestic violence and child abuse.

Ключевые слова: профилактическая работа, семья, дети, родители, ненасильственные методы воспитания, программы психокоррекции и реабилитации

Keywords: prevention work, family, children, parents, non-violent parenting programs of psycho-correction and rehabilitation

Ребёнок приходит в наш мир беспомощным и беззащитным. Его жизнь, здоровье и будущее целиком зависят от родителей, от семьи. Ребёнок верит в их любовь и доброе отношение и очень надеется на защиту семьи.

Вместе с тем в последние годы ярко проявились признаки социального кризиса молодой семьи, затрагивающего в первую очередь детей:

- несогласованность, противоречивость родительских позиций, воспитательных приемов, неумение и нежелание овладевать элементарными педагогическими знаниями;

- заброшенность детей в силу асоциального образа жизни родителей либо в силу предпочтения собственных проблем, связанных с карьерой, конфликтами, здоровьем и т.д.;

- дети сталкиваются в семье с насилием, приводящим их к физической, нравственной, социальной или духовной гибели.

К сожалению, жестокое обращение с детьми и подростками сегодня становится обычным явлением, с которым все свыклись. Ежегодно в нашей стране фиксируется свыше 600 тысяч фактов насилия над детьми, и этот показатель с годами только растёт. Жестокое обращение с детьми и подростками наносит непоправимый вред их здоровью, а также влечет за собой тяжелые социальные последствия. Формируются социально дезадаптированные люди, не способные создавать семью, быть хорошими родителями. Одним из опасных социальных последствий насилия по отношению к детям и подросткам является дальнейшее воспроизводство самой жестокости, поскольку жертвы тоже могут стать насильниками по отношению к своим собственным детям.

Эти и другие причины свидетельствуют о насущной необходимости целенаправленной и, прежде всего, профилактической работы с семьей. Большая работа с семьей, с родителями и детьми проводится в ГБУЗ НО «Консультативно-диагностический центр по охране психического здоровья детей и подростков», который осуществляет свою деятельность уже 13 лет. Задачи Центра:

5. Оказание квалифицированной специализированной медицинской и социально-психологической помощи детям и подросткам с пограничными психическими расстройствами и их семьям;

6. Развитие и повышение эффективности медицинской помощи на основе ее профилактической направленности;

7. Внедрение эффективных методов диагностики, лечения и прогрессивных методик психотерапии, психологической коррекции и социально-психологической реабилитации;

8. Оказание экстренной психологической помощи детям, подросткам и их семьям.

Междисциплинарная команда специалистов (психиатры, психотерапевты, неврологи, психологи, педиатр) помогает семье создать оптимальные условия для развития ребёнка. Специалисты, которые сопровождают семью, стараются понять, в чём состоят трудности и потребности семьи, и только потом вместе с родителями ищут пути решения проблемы. Но самое главное – это поддержка родительских чувств, укрепление привязанности родителей к детям, расширение возможности их

позитивного взаимодействия. Основой эффективной программы помощи семье является уважение и доверительные отношения между ребёнком, родителями и специалистом, работающим с семьёй. Для того, чтобы мама могла заботиться о ребёнке, кто-то должен заботиться о ней и поддерживать её.

В Центре реализуются различные сертифицированные Программы помощи семье и детям. Вот некоторые из них.

Программа «Зрелое родительство» (Mellow Parenting)

Цели и задачи программы – помочь родителям справиться с их собственными эмоциональными трудностями, связанными с их детским опытом, а также повышение родительской компетенции, формирование навыков эффективного взаимодействия со своим ребенком, оказание помощи родителям в процессе воспитания и развития ребенка.

В занятиях участвуют родители с детьми от 2 до 4 лет. Критериями участия в группе являются трудности у родителей в воспитании детей или проблемы в отношениях с детьми; насилие в семье; проблемы поведения ребёнка. Это могут быть проблемы самих родителей – состояние психического здоровья, трудности в семейных отношениях. Все дети, участвующие в Программе, регулярно наблюдаются у специалистов Центра. У 60 % детей диагностируется задержка психо-речевого развития. Около 45% имеют нарушения аутистического спектра. Чуть менее 20% – это дети с синдромом дефицита внимания и гиперактивностью. Основные проблемы, связанные с трудным поведением детей, участвующих в программе: частые капризы и истерики; конфликтность и драки со сверстниками или неумение общаться, трудности вступления в контакт; отказ от выполнения родительских требований; агрессия на запреты; чрезмерная активность; действия «наперекор» родителям; отсутствие чувства самосохранения в опасных ситуациях и др.

В работе группы используются как поведенческие, так и психодинамические методы, многие идеи строятся исходя из основных положений теории привязанности. Используются информационные раздаточные материалы, структурированные групповые дискуссии и подробная обратная связь по поводу взаимодействия с ребёнком, основанная на разборе видеозаписей. Помимо прямого воздействия группы, родители получают позитивный опыт и поддержку других родителей, осознавая, что трудности есть не только у них.

Продолжительность занятий составляет 14 недель, длительность каждого занятия 4 часа. В течение этого времени родители участвуют в личностном тренинге, семинаре по зрелому родительству, вместе с ре-

бенком занимаются творческой и игровой деятельностью, обедают; дети под наблюдением специалистов занимаются в игровой и сенсорной комнатах. С октября 2010 года приняли участие в Программе «Зрелое родительство» 37 семей. Из них 20% семей, это неполные семьи, 35% – многодетные, 28% семей – с достатком ниже среднего и с тяжелым экономическим положением. Сейчас работает пятая группа семей.

Эффективность групповой работы проходит постоянную оценку и родителей, приходящих в группу, просят помочь в данном исследовании. Эффективностью работы являются и динамические изменения в состояниях самих родителей, снижение трудностей у родителей в воспитании детей и проблем в отношениях с детьми, проблемах поведения ребёнка. Они отмечают: «Более спокойнее стала относиться к ребенку, улучшилось взаимоотношение с ним», «Меньше ругаюсь на ребенка и больше пытаюсь его понять», «Улучшилось взаимопонимание с окружающими, а особенно со своими детьми», «Научилась правильно оценивать ситуацию и адекватно реагировать».

Психокоррекционная программа для членов семей —инициаторов насилия или жестокого обращения в отношении детей включает проведение тренинга эффективных родительско-детских взаимоотношений. Цель психологической коррекции: исключение насильственных методов воспитания и других форм насилия над детьми в семье; изменение неадекватности родительских позиций; гармонизация стиля воспитания; расширение осознанности мотивов воспитания в семье; оптимизация форм родительского воздействия в процессе воспитания детей; развитие навыков эффективного общения с детьми.

Участником группы является человек —инициатор насилия и жестокого обращения с ребенком в семье, принадлежащий к категории людей, способствующих или совершающих физическое и/или психологическое насилие. Это могут быть родители, приемные родители, опекуны и другие лица, непосредственно несущие ответственность за ребенка. Мы не берем в группу родителей, чьи дети подвергались сексуальному насилию. Мы не включаем в группы родителей с психотическими нарушениями личности. Группа обычно состоит из пяти–семи родителей. Общее количество времени, необходимого для достижения ощутимого результата, около 50 часов работы. Родители встречаются 4-4,5 часа каждую неделю в течение одиннадцати-двенадцати недель. Такой режим позволяет применять на практике полученные знания и корректировать их в процессе обсуждения на последующих занятиях.

Главной задачей ведущих – психолога и психотерапевта – является создание у участников группы чувства безопасности и психологического комфорта, так как лишь в этом случае они могут свободно обсуждать свои семейные и личные проблемы, оказывая поддержку ребенку и способствуя его выздоровлению. В ходе долгосрочной программы групповой психотерапии, когда все сложные и конфликтные вопросы обсуждаются в спокойной и доброжелательной обстановке, взрослые осознают все последствия насилия и могут интегрировать свои чрезвычайно сложные и противоречивые чувства.

Родители отмечают важность работы в этой группе: «...я научилась видеть причины нежелательного поведения детей и взрослых. Получила возможность использовать хороший опыт воспитания у других людей», «Стала спокойнее смотреть на различные проблемы в семье и в общении с ребенком», «Наиболее полезными, на мой взгляд, были групповые дискуссии, ролевые игры и информация психологов. Возможность увидеть проблемы и себя глазами других людей».

Для детей и подростков от 6 до 14 лет и их родителей организованы занятия по *Программе ИНТЭКС* (Интенсивно-экспрессивная психотерапия и психокоррекция). Цель данной программы: коррекция нервно-психических расстройств, функциональная перестройка семейных взаимоотношений на основе эмоционального сближения членов семьи и, таким образом, профилактика насилия и жестокости в семьях.

В группу входят дети, страдающие расстройствами поведения, гиперактивностью, социальными и фобическими тревожными расстройствами, сопутствующими астеническими расстройствами, с одним или обоими родителями или замещающими их лицами (родственниками, опекунами). Помимо групповой психотерапии дети могут получать лечение у невролога, проходить курс нейропсихологической коррекции и/или курс индивидуальной психотерапии. Родители по рекомендации психотерапевта и с их согласия могут получать индивидуальное психологическое сопровождение. В группе занимается 5-7 семей. Занятия проводятся один раз в неделю по 2 часа, курс состоит из 8-10 занятий в зависимости от преобладающих проблем и численности группы. Ежегодно получают помощь по этой программе 38-40 детей и родителей.

Эти и другие Программы Центра позволяют проводить профилактическую работу с родителями по предупреждению насилия над детьми, формированию у них ненасильственных методов воспитания. Огромную помощь в реализации данного направления работы оказало взаимодействие с Фондом поддержки детей, находящихся в трудной жизненной

ситуации, в рамках реализации региональной программы «Бесстрашное детство». Это позволило значительно расширить спектр применяемых технологий.

Мы надеемся, что эти и другие формы работы Центра помогут родителям более осознанно и ответственно подходить к вопросам воспитания детей, обеспечить им счастливое детство.

НАСИЛИЕ РОДИТЕЛЕЙ В ОТНОШЕНИИ ДЕТЕЙ **THE PARENTS' VIOLENCE AGAINST CHILDREN**

Е.Н. Куфтина

Нижегородский государственный университет

им. Н.И. Лобачевского

E.N. Kuftina

Nizhny Novgorod State University of N. Lobachevsky

Статья посвящена изучению видов и методов работы с проявлениями насилия по отношению к детям. Представлены систематизация имеющихся в науке трактовок понятия насилия, а также категории внутрисемейное насилие над детьми.

The article is devoted to forms and methods of work with manifestations of the violence against children. Systematization of existing interpretations of definitions “violence” and “intra-family violence against children” are also presented.

Ключевые слова: физическое насилие, психическое насилие, внутрисемейное насилие

Keywords: physical violence, psychical violence, intra-family violence

Насилие в самом общем смысле – это воздействие на человека против его воли. Физическое насилие представляет собой причинение физического вреда человеку путем воздействия на его организм. По своим последствиям физическое насилие может носить очень тяжелый характер, но при этом не стоит забывать и о другом виде насилия – психическом. Под таковым следует понимать оказание давления на психику человека посредством информации, носящей запугивающий характер и выраженной в определенной форме, направленной на срыв позитивного психического состояния человека, в результате которого воздействующий получает какую-либо выгоду от субъекта воздействия. Находясь

под негативным влиянием воздействующего, потерпевший испытывает различные эмоции, такие как страх, подавленность и другие, вследствие чего у него может наблюдаться притупление сознания, он ограничивается в свободе распоряжения своими действиями, его заставляют поступать против воли.

И физическое и психическое насилие может быть разных видов. Психическое воздействие, например, может осуществляться вербально, с помощью невербальных компонентов либо письменно (текстуально). Говоря о физическом, можно выделить насилие, совершенное с помощью обмана, тайно или с использованием доверительного отношения лица, на которое это воздействие направлено.

В современном обществе семья является важнейшим институтом. В юридическом смысле – это группа людей, права и обязанности которых возникают в связи с кровным родством, вступлением в брак, усыновлением или удочерением. Как пишет профессор Л.М. Пчелинцева: «Семья является результатом многовекового исторического развития», но тем не менее за столь продолжительный период не сформировалось единого определения понятия «семья», это выразилось и в том, что в Семейном Кодексе РФ такое не закреплено. Однако стоит отметить, что согласно ч. 1 ст. 1 Семейного кодекса Российской Федерации, семья, материнство, отцовство и детство в Российской Федерации находятся под защитой государства. На законодательном уровне закреплены основные принципы, на основе которых должно складываться внутрисемейное общение, а именно на взаимной любви, уважении, взаимопомощи и ответственности друг перед другом. Тем же Семейным кодексом (ч. 2 ст. 56) устанавливается, что ребенок имеет право на защиту от злоупотреблений со стороны родителей (или лиц, их заменяющих). При нарушении его прав и законных интересов, в том числе при невыполнении или при ненадлежащем выполнении родителями (либо одним из них) обязанностей по воспитанию, образованию ребенка либо при злоупотреблении родительскими правами, ребенок вправе самостоятельно обращаться за защитой в орган опеки и попечительства, а по достижении возраста четырнадцати лет в суд. Должностные лица или иные граждане обязаны сообщить о совершении по отношению к детям насилия в орган опеки и попечительства, а он, в свою очередь, должен принять необходимые меры для устранения сложившейся ситуации.

Внутрисемейное насилие может носить как физический, так и психический характер воздействия. Многими родителями оно воспринимается как необходимый, неотъемлемый элемент воспитания, кто-то отно-

сится к этому как к способу завоевания уважения, кто-то прибегает к насилию как к способу разрешения извечных споров и недопониманий между родителями и детьми.

Ребенок, воспитанный в жестокости, с использованием насилия (любой его формы), сам вырастает жестоким, да и риск пополнить ряды асоциальных людей у него возрастает.

Большинство случаев применения насилия в отношении детей остаются неизвестными как для органов опеки, так и для правоохранительных органов. А происходит это в силу того, что у людей стерлась та грань, которая отделяла бы насилие над ребенком от адекватного воспитательного воздействия. Многие из нас сталкивались с ситуациями, в которых становились невольными свидетелями осуществления какого-либо воздействия на ребенка. Стоит ли скрывать, что большинство (если не все) проходят мимо, воспринимая это как обыденность, а кто-то просто, чтобы уйти от этой неловкой ситуации. Почему так происходит? Прежде всего, причину стоит искать в том, что насилие прочно обосновалось в нашей жизни, заполонило собой все общественные (социальные) сферы, и телевидение и радиовещание, и бурно развивающуюся в последнее время и ставшую доступной каждому школьнику сеть Интернет. Все это служит толчковыми элементами для последующей непосредственной реализации физического и психического насилия. Здесь же необходимо отметить, что законодатель не признает психическое насилие непреодолимым (в качестве исключения можно назвать паралич воли), что же касается физического насилия, то ситуация может рассматриваться двояко – уголовная ответственность либо исключается, либо лицо подлежит уголовной ответственности.

Статья 156 Уголовного кодекса Российской Федерации предусматривает ответственность родителей за ненадлежащее исполнение своих обязанностей по воспитанию детей (психическому, нравственному, духовному), сопряженное с жестоким обращением к ним. Под последним понимаются и побои, и издевательства, и оскорбления. Насилие может выражаться и в длительном оставлении ребенка без пищи, воды и др. Все свои действия/бездействие субъект воздействия осуществляет умышленно, то есть с полным осознанием того, что не выполняет своих родительских обязанностей должным образом. Страшно представить, к чему может привести подобное отношение к ребенку, особенно если родители относятся к нему с жестокостью продолжительное время. Хотя законодатель посчитал, что самые страшные последствия, которые могут быть, не являются основанием для привлечения виновных лиц к серьезной уголовной ответственности – деяние, подпадающее под дей-

ствие статьи 156 УК РФ, предусматривает максимальное наказание до трех лет лишения свободы, то есть преступление относится к категории небольшой тяжести. Проблему использования родителями насилия в отношении детей стоит рассматривать не только как деяние, за которое может наступить уголовная ответственность, но и как деяние, влекущее за собой вредные последствия в виде эгоистично-потребительских установок у детей, в виде их ожесточенности, нравственного неблагополучия, что в конечном итоге превращает их в преступников. Поэтому считаю, что в зависимости от тяжести наступивших последствий, наказание в виде лишения свободы следует пропорционально увеличить.

Для того, чтобы оказать существенное влияние на укрепление семейных ценностей и повышение влияния семьи на формирование правосознания детей, считаю необходимым, во-первых, требовать более внимательного отношения компетентных органов не только к неблагополучным семьям, но периодически проводить мероприятия воспитательного характера и с другими семьями, во-вторых, несмотря на то, что все-таки вопросами правового и нравственного воспитания детей занимаются родители, государство должно создать специальный орган, штат работников которого будет компетентен в вопросах оказания посильной помощи нерадивым родителям. В настоящее время такие деяния приобретают большой общественный резонанс, что заставляет надеяться на то, что и органы опеки и правоохранительные органы будут осуществлять свою деятельность более ответственно, а судебная практика пополнится приговорами, вынесенными в отношении нерадивых родителей.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ НАСИЛИЕ НАД ДЕТЬМИ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА PSYCHOLOGICAL ABUSE OF PRESCHOOL CHILDREN

Н.В. Никифорова
*Нижегородский государственный университет
им. Н. И. Лобачевского*
N.V. Nikiforova
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Обсуждаются вопросы психологического насилия над несовершеннолетними, в том числе над детьми дошкольного возраста в семье и дошкольных образовательных учреждениях. Приводится официальная статистика насильственных преступлений в отношении детей.

In article are discussed issues of psychological abuse of minors, including those of school-age children in the family and pre-school educational institutions. Provides official statistics of violent crimes against children.

Ключевые слова: насилие над детьми, психологическое насилие, дошкольные образовательные учреждения, семья

Keywords: child abuse, psychological abuse, preschool education, family

Проблема насилия в семье в современной России привлекает все большее внимание как социальной науки, так и общества. Согласно данным криминалистики, здравоохранения, социологии, прессы, в значительной части российских семей сложился образ жизни, для которого насильственные межличностные отношения становятся нормой, передаются от одного поколения к другому. Главными жертвами семейного насилия являются дети, женщины, инвалиды.

Усиление насилия в современной российской семье вызвано общим ухудшением материального положения населения, сохранением стереотипов традиционной организации семейной жизни у значительной части населения.

По мнению большинства ученых, дошкольный период развития ребенка наиболее часто провоцирует насилие со стороны родителей. Именно в этом периоде дети своим поведением способствуют появлению физического, психологического насилия, эмоционального отвержения.

Как показывает опыт, дети переживающие насилие, отличаются задержанностью реакции, пассивностью к болезненным процедурам, послушанием и безразличным принятием всего происходящего. У таких детей наблюдается повышенная чувствительность к критике, агрессивность, лживость, склонностью к воровству [1].

Проблемы взрослых перекладываются на детей, которые из-за отсутствия социального опыта взаимодействия с окружающими неспособны справиться с возникающими проблемами и разобраться в создавшейся ситуации.

Согласно данным официальной статистики МВД, за последние годы в целом зафиксировано снижение числа преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних (с 2009 (106 399) по 2011 (89896) снижение на 16%), из них доля преступлений, сопряженных с насильственными действиями в отношении несовершеннолетних, составляет 50% (49332 в 2011 г.). Все это притом, что выявленными оказываются лишь 10-15% от общего числа преступлений против детства [2].

Только около 8% из общего числа пострадавших от насильственных преступлений детей становятся жертвами непосредственно родитель-

ского насилия и около 2% жертвами со стороны иных членов семьи.

Имеющийся спад преступности в отношении несовершеннолетних обеспечивался за счёт сокращения преступлений против собственности, число которых с 2009 по 2011 гг. снизилось почти вдвое, а также против жизни и здоровья, темпы снижения которых, по сравнению с предыдущим годом, составили: в 2010 г. – 8,8%, в 2011 г. – 6%.

Вместе с тем противоположная и весьма опасная ситуация сложилась в сфере преступности против половой неприкосновенности и половой свободы личности, а также против нравственности. За последние годы увеличилось не только число указанных преступлений, но и их удельный вес в структуре всей преступности в отношении несовершеннолетних.

В большинстве статей исследуются вопросы физического насилия над несовершеннолетними, хотя нельзя отрицать, акцент на изучении психологического насилия позволит предупредить и физическое насилие, так как последствием психологического насилия нередко является насилие физическое.

Психологическое насилие над ребенком – постоянное или периодическое словесное оскорбление ребенка, угрозы со стороны родителей, опекунов, учителей, воспитателей, унижение человеческого достоинства, обвинение в том, в чем он не виноват, демонстрация нелюбви, неприязни к ребенку [3].

Признаки:

1. постоянно печальный вид, длительно подавленное настроение;
2. различные соматические заболевания;
3. беспокойство, тревожность, нарушения сна;
4. агрессивность;
5. склонность к уединению, неумение общаться;
6. задержка физического, умственного развития;
7. плохая успеваемость;
8. нервный тик, энурез.

В группы риска детей, подвергающихся психологическому насилию, входят:

- дети от нежеланной беременности;
- дети-инвалиды, дети с наследственными заболеваниями;
- дети из семей с авторитарным, контролирующим стилем воспитания и взаимоотношений;
- дети, хотя бы один родитель которых употребляют алкоголь, наркотики, страдают депрессией;
- дети, в семье которых много социально-экономических и психологических проблем.

В дошкольных учреждениях ребенок также подвержен насилию, которое в большинстве факторов выражается в следующем:

1. воспитатель часто наказывает, критикует за ошибки, поведение, особенно в присутствии других детей;
2. воспитатель игнорирует, не замечает ребенка;
3. дети не принимают его в игры («не хотят со мной дружить»);
4. дети дразнят его, обзывают, подчеркивая его недостатки и физические изъяны.

Далеко не все взрослые (родители, педагоги) понимают, что психологическое насилие так же вредно для ребенка, как и физическое. Это происходит потому, что многие взрослые свои негативные высказывания в адрес ребенка совсем не склонны расценивать как эмоциональное насилие над ребенком.

Специалисты выделяют пять видов психологического насилия:

- 1) игнорирование – отказ ребенку в эмоциональной поддержке, любви, безопасности;
- 2) отвержение – чрезмерные требования, постоянная критика, негативные сравнения, публичное унижение, подчеркивание недостатков;
- 3) угрозы, запугивание;
- 4) изолирование – установление ограничения контактов со значимыми для него людьми – бабушкой, отцом;
- 5) развращение – поощрение саморазрушающего поведения, употребление алкоголя, наркотиков, асоциального поведения [4].

В стране сегодня практически не существует системы оказания помощи детям, пострадавшим от различных форм семейного насилия. Она переживает только начальный период своего становления.

Хотелось бы также добавить, что в России социальные педагоги работают в основном в школах и лишь недавно стали появляться в штатном расписании дошкольных учреждений, что затрудняет своевременное предупреждение психологического насилия над детьми дошкольного возраста.

Литература

1. Программа «Профилактика насилия и жестокого обращения с детьми». Служба психологического сопровождения г. Челябинска, 2003 г.
2. Ф. 455 кн. 709 ГИАЦ МВД России
3. Малая социальная группа: социокультурный и социопсихологический аспекты: В 2-х т. Том 2 / Под общей редакцией проф. З.Х. Саралиевой. – Н. Новгород: Издательство НИСОЦ, 2004. – 342 с.
4. Безопасность ребенка в детском саду и в семье. – Электронный ресурс <http://www.moi-detsad.ru/metod11-29.htm>

НАСИЛИЕ В СЕМЬЕ: БЬЮТ, ЗНАЧИТ ЛЮБЯТ?!
FAMILY VIOLENCE: IS BEATING A SIGN OF LOVE?!

З.Н. Орлова
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского
Z.N. Orlova
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Исследуется вопрос о трансляции культуры. Рассматриваются проблемы добровольного усвоения или насильственного принудительного насаждения различных систем ценностей человеку, в первую очередь, в семье. Затрагивается философская тема соотношения цели и средств в процессе социализации.

The article is devoted to the issue of culture translation. There are analyzed the problems of different systems of values voluntarily acquired or violently forced to an individual and, first of all, to a family. It also touches the philosophical topic of correlation of aims and means in the process of socialization.

Ключевые слова: аккультурация, воспитание, гуманизм, культура, насилие, ценности, энкультурация

Keywords: acculturation, upbringing, humanism, culture, violence, values, enculturation

Когда меня любили,
Били, ругали...
И, правда, любили – не лгали.
Хорошего мне хотели,
А я носил синяки на теле,
А я исправляться клялся,
И, правда – исправлялся.
Я был благодарен: меня не изгадили.
Но раз позавидовал лошади,
Которую гладили.

А.И. Люкин

Несомненно, проблема насилия может быть рассмотрена с разных точек зрения. Возможно и необходимо изучение вопроса насилия: физического, психического, интеллектуального; правового, экономического, политического; служебного, производственного, семейного; очевидного и скрытого; непосредственного и информационного.... Из всего

много и разнообразия сторон данного явления автор выбирает лишь узкий сегмент, а именно: правомерно или неправомечно, действительно или бесполезно применение родителями средств жесткости, а порой и жестокости, для достижения благой, в общем-то, цели – воспитать достойного человека.

Прежде чем человек становится активной творческой силой, субъектом культурно-исторического процесса, он является своеобразным «объектом» социального воздействия, в первую очередь, воздействия в процессе идентификации в самом близком его окружении – в семье. Что именно из накопленного предками, а для данной работы главное – каким образом – будет транслироваться наследие подрастающему человеку в рамках семейного воспитания – важнейшие проблемы общественного бытия, значимые для любого времени и в любом пространстве. Не является ли подобное воздействие скрытой формой насилия? Даже если так, то может ли быть оно оправдано? Человеческому детенышу нужно показать, внушить, доказать, что он своеобразный живой организм, что он – человек и все свои потребности (хотя бы и витальные) удовлетворяет по-человечески.

Становление личности начинается еще до рождения человека. Каждая социальная общность, каждая этническая культура в рамках энкультурации «рисует портрет» человека, необходимого данному обществу в этот период. Энкультурация – своеобразный заказ на определенный тип личности; процесс создания модели будущего человека, процесс формирования стереотипов деятельности, соотносенный с некоторыми эталонами, идеалами, определяющими нужные для этого времени ценностными системами. Вновь входящее в наше сообщество поколение идентифицируется в заданном культурой или антикультурой пространстве. При этом никакая, даже самая передовая, необходимая современному обществу модель, ничего не изменит ни в социальной системе, вообще, ни в культурной среде, в частности, если процесс энкультурации не дополнится, в обязательном порядке, процессом аккумуляции. Заданные обществом образцы должны быть усвоены каждым отдельным человеком, должны стать содержанием его внутреннего мира, его духовности. Банально? Да. Затруднение заключается лишь в том, как, используя какие методы, претворить в жизнь наши добрые намерения.

Создание модели культурной личности в качестве цели для социальной системы и её (модели) воплощение в действительность возможно лишь при наличии соответствующей культурной среды в целом. Окружающее ребенка социальное пространство, в первую очередь – семья,

должно быть позитивным в культурном отношении. Разумеется, известно, что человека формирует и среда, и сопротивление ей. Впрочем, не все придерживаются такой точки зрения. «Дайте мне дюжину здоровых восприимчивых детей, позвольте воспитывать по моему методу, и я гарантирую, что сделаю любого из них кем захочу – врачом, юристом, художником, коммерсантом, даже попрошайкой или вором, независимо от его талантов, склонностей, стремлений, возможностей, призвания и наследственности...», – утверждает Дж. Уотсон [1]. При этом существует и другое мнение: «Личность – высшая реализация врожденного своеобразия отдельного живого существа. Личность – результат наивысшей жизненной стойкости, абсолютного приятия индивидуального сущего и максимально успешного приспособления к общезначимому при величайшей свободе выбора...» [2].

Таким образом, возникает вопрос: что именно доминирует и детерминирует в связке «личность – общество»? Свободная личность задает образцы и определяет культуру общества или первичная ячейка общества – семья в принудительном порядке «строит человека по образу и подобию своему»? Насколько допустимо и продуктивно насилие, принуждение (если допустимо вообще) в процессе формирования человека? Стоит прислушаться к словам философа-моралиста М. Монтеня: «Когда судят об отдельном поступке, то, прежде чем оценить его, надо оценить разные обстоятельства и принять во внимание всю сущность человека, который совершил его» [3]. Из этого, на наш взгляд, следует, что непременно нужно обратиться к проблеме сущности человека и гуманизма. Мы – люди, существа телесные, эмоциональные и интеллектуальные. Следовательно, быть гуманным, значит сохранять и развивать эти три ипостаси человека. А могут ли быть средства насильственными?

Бьют! Ударить можно не только кулаком, ремнем, кухонным полотенцем... Ударить можно и словом, и интонацией, и взглядом... Самое острое ощущение боли от «удара» испытывает в семье ребенок. И понятно почему. Если самый близкий, самый родной, самый любимый человек (отец или мать) обидели, напугали, жестокими методами вынудили повиноваться (или делать вид, что повинешься), то чего же ожидать (каких бед и обид) от остального – чужого и чуждого мира? Это тяжелейшая психологическая травма, залечить которую удаётся с большим трудом или не удаётся вообще.

Допустимо ли «положительное насилие», способствующее сохранению и развитию телесной, эмоциональной и интеллектуальной составляющих человека, тем более, маленького человека?

Мне отец не покупал игрушек, он на ветер денег не бросал.
Он, бывало, надерет мне уши и сердито скажет: делай сам.
Это «сам» я и запомнил свято, как житейской мудрости закон...
Сам уехал от отца я в город, жил трудом, не верил чудесам.
И когда нужда брала за ворот, с ней я расправлялся тоже сам.
Даже в горевых словесных муках, где строка рождается не вдруг,
Служит мне отцовская наука – хлеб и соль других земных наук.
(А.И. Люкин) [4]

С одной стороны, очевидно и однозначно: нельзя использовать насилие в качестве метода воспитательного воздействия на ребенка. С другой стороны, однозначно и очевидно, что избежать насильственного воздействия на человека, ещё не ставшего личностью, вряд ли возможно. Следовательно, проблема в сбалансированности методов принуждения и убеждения. Нельзя постоянно заставлять молодого человека поступать «по образу и подобию своему», но не стоит и разрешать ему разрушать традиционную, принятую в этом обществе культуру.

«Нередко одни люди используют других для достижения своих целей, не обращая никакого внимания на их эмоциональные или интеллектуальные установки и не спрашивая их согласия, а интересуясь только результатом. Так ведут себя люди, обладающие превосходством в физической силе, социальном положении, ловкости, технических или финансовых возможностях. И пока отношения между родителем и ребенком...остаются на этом уровне, они не образуют подлинно социальную группу. Приказы и их исполнение влияют, конечно, на то, как протекает деятельность и каковы её результаты, но сами по себе они не обеспечивают совместности целей, не создают общности интересов».
(Дж. Дьюи) [5]

Литература

1. Уотсон Дж. Теория личности в западно-европейской и американской психологии / Хрестоматия по психологии личности. – Самара: Издательский Дом «Бахрах», 1996. – С.9.
2. Юнг К. Конфликты детской души. – М.: Канон, 1995. – С.185.
3. Монтень М. Опыты. – В 3-х кн., Кн.2. – М.: Голос, 1992. – С. 103.
4. Люкин А.И. Мои знакомые. Избранные стихи. – М.: Современник, 1977. – С. 28.
5. Дьюи Дж. Демократия и образование. – М.: Педагогика-Пресс, 2000. – С. 10.

СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА С СЕМЬЯМИ ГРУППЫ РИСКА SOCIAL WORK WITH FAMILIES IN THE RISK GROUP

И.И. Осипова

Благотворительный детский фонд «Виктория»

I.I. Osipova

Children's Charity Fund «Victoria»

Обсуждаются актуальные проблемы российского общества: социального сиротства, насилия в семье как одной из основных причин сиротства, падения общечеловеческих ценностей и, в частности, ценность семьи, ребенка, и влияние этих факторов на захлестнувшую российскую общество проблему насилия во всех его проявлениях и формах.

The article discusses the current problems of Russian society: social orphanhood, domestic violence as a major cause of child abandonment, decline of human values, namely the value of the family and the child as well as the impact of these factors on the problem of violence in all its manifestations and forms which swept the Russian society.

Ключевые слова: социальные сироты, семейные ценности, неблагополучие, выявление семей на ранних стадиях неблагополучия, семьи группы риска, лишение родительских прав, насилие в семье, муниципальная модель, профилактика сиротства

Keywords: social orphans, family values, distress, identification of families in the early stages of distress, family of high-risk groups in society, termination of parental rights, domestic violence, the municipal model, preventing abandonment

Трансформация института семьи сопровождается высоким уровнем социального неблагополучия в семьях, что сопряжено с пьянством и алкоголизмом, наркозависимостью, деградацией семейных и социальных ценностей, социальным сиротством. В случаях несвоевременного выявления и не оказания эффективной профилактической помощи семьям с детьми на ранних этапах основными мерами по защите прав ребенка становятся лишение и ограничение родительских прав (57,4 тысяч родителей в 2011 году).

Число детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в 2011 году составило 654,4 тысяч человек (2,6% детского населения), из них 82% стали социальными сиротами вследствие лишения родителей

родительских прав, от каждого десятого ребенка родители отказались при рождении¹.

Несмотря на наблюдающийся в последние годы рост рождаемости, число детей в возрасте до 17 лет сократилось за 10 лет с 31,6 миллиона в 2002 году до 25 миллионов в 2011 году.

Неблагоприятные условия семейного воспитания, насилие в семье являются и основной причиной самовольных уходов несовершеннолетних из дома. Эти дети пополняют ряды безнадзорных и беспризорных, занимающихся бродяжничеством и попрошайничеством на улицах города.

Численность ежегодно выявляемых детей, находящихся в социально опасном положении, практически не меняется. По России эта цифра составляет 100-120 тысяч детей, по Москве в пределах 10 тысяч ежегодно, из них жителей города – около 3 тыс. чел.

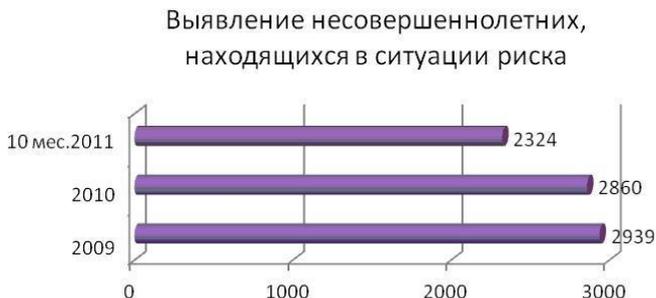

Диаграмма № 1. Численность детей, доставленных в приюты г. Москвы, чел.

Не снижается количество выявленных нарушений прав детей. В 2011 году более 93 тысяч детей стали жертвами преступлений. Остро стоят проблемы подросткового алкоголизма, наркомании и токсикомании: почти четверть преступлений совершается несовершеннолетними в состоянии опьянения.

¹ Указ Президента РФ №761 от 01 июня 2012 г.

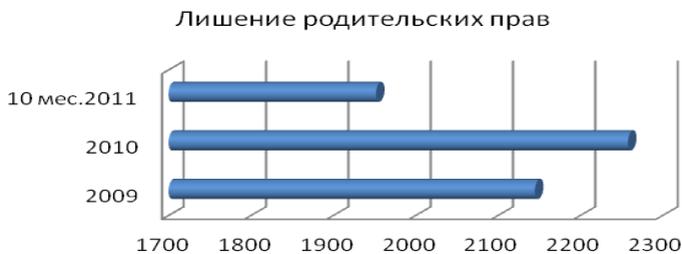

Диаграмма № 2. Показатели лишения родительских прав по Москве, чел.

Практически не уменьшаются показатели лишений родительских прав, несмотря на то, что в последние годы большая часть детей, после пребывания в центрах социальной реабилитации в период от 6 месяцев до 2-3 лет, возвращаются в кровные семьи. Можно констатировать, что уровень семейного неблагополучия никоим образом не уменьшился.

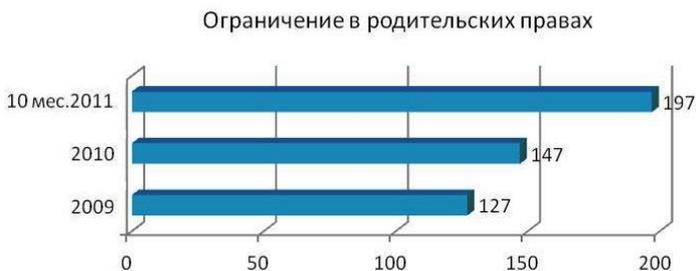

Диаграмма № 3. Ограничение в родительских правах по Москве, чел.

57% случаев попадания детей в приюты обусловлены отсутствием взаимопонимания с родителями, тяжелыми социально-экономическими условиями проживания семьи, болезнью родителей, насилием в семье, невыполнением родительских функций.

Выявлением детей, находящихся в трудной жизненной ситуации и социально опасном положении, занимаются, в основном, государственные органы.

Численность детей-сирот и детей,
оставшихся бьез попечения родителей,
воспитывающихся в условиях стационаров

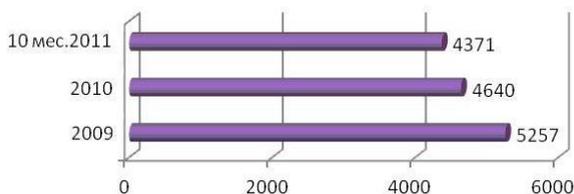

Диаграмма № 4. Численность детей в стационарах в Москве, чел.

Повсеместно в стране идет сокращение количества детских домов, набрала небывалый размах кампания по передаче детей-сирот на воспитание в неподготовленные замещающие семьи, без становления профессиональных структур по подготовке замещающих семей и, самое главное, их психолого-педагогического сопровождения.

Диаграмма № 5. Распределение детей-сирот по видам жизнеустройства, чел.

Для предотвращения социального сиротства и искусственного сиротства как одной из его разновидностей необходимо развитие превентивного и социального патроната. В системе раннего выявления семей группы риска и оказания им адресной помощи одним из основных направлений является предоставление семьям социального жилья, возможности трудоустройства и обязательного, гарантированного для всего населения страны социального обеспечения.

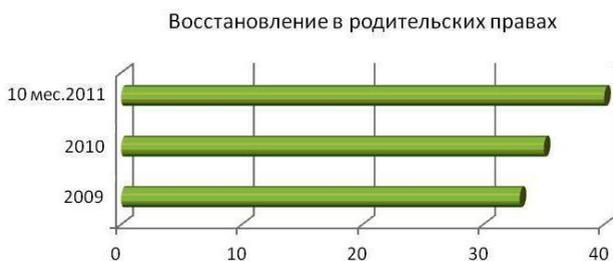

Диаграмма № 6. Восстановление в родительских правах по Москве, чел.

Давно назрела необходимость создания института семейных судов, которые бы специализировались на семейных конфликтах, где должны работать психологи, психотерапевты, педагоги, социальные работники, которые бы в судебном процессе представляли и защищали интересы детей.

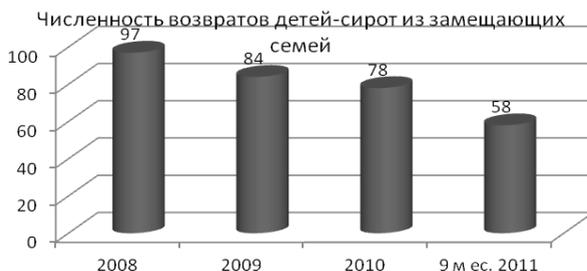

Диаграмма № 7. Численность детей, возвращенных из замещающих семей, по Москве, чел.

Самой полноценной во всех отношениях для развития ребенка средой является семья, родная семья. И вся государственная политика должна быть направлена на помощь семье сохранить в полном объеме все её функции, а воспитательную, защитную, как основные для ребенка.

Благотворительный детский фонд «Виктория» реализует муниципальную модель профилактики социального сиротства, насилия в семье, технологии раннего выявления семей группы риска на ранних стадиях семейного неблагополучия и оказания ей комплекса психолого-педагогической и социальной помощи для предотвращения развития

негативных семейных сценариев. Отработка модели и технологий осуществляется с мая 2011 г. на территории двух пилотных муниципальных образований города Москвы, промежуточные результаты получают отражение в готовящихся к публикации учебно-методических пособиях для специалистов системы защиты детства.

**ШЛЕПОК, ПОДЗАТЫЛЬНИК И ДРУГИЕ
МЕТОДЫ ВОСПИТАНИЯ**
SLAP, CUFF AND OTHER METHODS OF UPBRINGING

М.В. Придатченко
*Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского*
M.V. Pridatchenko
Nizhny Novgorod State University of N. Lobachevsky

Обсуждаются условия и предпосылки применения насилия в воспитании детей.

In article are discussed the conditions and prerequisites of violence in the upbringing of children.

Ключевые слова: модернизация, мир детства, социальная идентичность, физическое насилие

Keywords: modernization, the world of childhood, social identity, physical abuse, violence

За окном XXI век. Основной темой для дискуссии в последние годы стала модернизация. Источники, в первую очередь, заявляют о модернизации в научно-технической сфере, сферах производства, экономики и политики. Очевидным является тот факт, что развитие в вышеупомянутых областях невозможно без модернизации во всех сферах общественной жизни, в том числе в сфере воспитания детей.

Современные родители оставляют немало денег в магазинах развивающих игрушек, штурмуют развивающие центры для детей, устраивают демонстрации около престижных школ. Как правило, этим «модернизация» сферы воспитания детей и ограничивается. Мама и папа продолжают шлепать своих детей, давать им подзатыльники и больно дергать за руки. Я хочу рассмотреть, прежде всего, эти действия родителей

по отношению к своим детям, то есть наиболее распространенные в поведении старших родственников и педагогических работников.

Анализ данного явления необходимо начать с изучения статуса ребенка в отечественном социокультурном пространстве. В процессе развития культуры в нашем обществе сформировалась субкультура детства. Российская субкультура детства является очень богатой и многообразной по своему духовному содержанию, но задачи, которые на нее возлагает общая «взрослая» культура, состоят в создании свободного времени для взрослых. Современная детская культура становится своеобразной инверсией массовой культуры. Ее основной функцией становится развлечение, а не подготовка к взрослой жизни, не личностное развитие ребенка, не сохранение его уникальности. Фактически, мы имеем дело не с самостоятельным миром детства, а с миром недорослых, поэтому он не вызывает к себе должного почтения и интереса. Непочтительное отношение к миру детской культуры проявляется, например, в сомнениях в профессионализме авторов литературных произведений для детей или в имитации детской речи при общении с ребенком.

В нашем обществе, длительное время руководствовавшемся патриархальными принципами организации жизни, ребенок находится в самом основании социальной структуры. Это абсолютно бесправное существо, которое воспринимается скорее как объект воздействия, чем субъект взаимодействия. Основная часть взрослых людей не имеет возможности, не видит необходимости или просто не желает общаться с детьми, обсуждать с ними какие-либо проблемы, давать им возможность принимать собственные решения, конструировать собственную картину мира. Наиболее распространенной точкой зрения является мнение о том, что маленький человек не способен понять сложность взрослого мира и его самостоятельные мысли и действия будут заведомо ошибочны и смешны. Ребенка необходимо оберегать от мира взрослых. От него ждут беспрекословного повиновения и четкого исполнения указаний, и шлепок или подзатыльник в данном контексте воспринимается не как насилие, а как стимул к демонстрации желаемого поведения и счастью.

В современном обществе появление ребенка в семье продолжает оставаться важным культурным знаком. В данном случае реализуется принудительная природа социокультурной реальности. Только люди, родившие и воспитывающие ребенка, считаются взрослыми и состоявшимися. Поэтому рождение ребенка очень часто оказывается связанным не с осознанным желанием обоих родителей, а с неосознанной необхо-

димостью, зависящей от возраста потенциальных родителей, потребностью в укреплении семьи, заботы о собственной старости. Люди, воспитывающие ребенка, рожденного с такой мотивацией, часто оказываются психологически неподготовленными к роли родителей. Ребенок для них выступает источником напряжения и стресса, и негативные эмоции выплескиваются через спонтанные шлепки, подзатыльники, дергания.

Важно отметить, что в современной культуре ребенок становится маркером социокультурной идентичности, показателем социальной состоятельности родителя. Финансовые и временные затраты на модные развивающие методики, посещение модных детских учреждений, покупка модной одежды и игрушек, не приносящие ожидаемых результатов и благодарности со стороны детей, вызывают у родителей смутение, подозрения в «некачественности» собственного ребенка, стыд за него. Неумение объяснить ребенку своей позиции, желание заставить его немедленно изменить свое поведение вновь вызывают шлепки и подзатыльники.

В российской культуре рождение, забота о здоровье и воспитание ребенка считаются обыденными и самоочевидными действиями родителей. Предполагается, что к моменту рождения детей родители обладают всеми необходимыми знаниями об их потребностях, особенностях психического и физического развития. На самом деле, родители оказываются абсолютно неподготовленными, поэтому непонимание или неверная интерпретация детского поведения вызывает их агрессивные действия.

Мир детства в нашем обществе не является самостоятельным и автономным, он жестко подчинен миру взрослых. В культуре и в обществе ребенок воспринимается как объект, принципиально отсутствует ценность прав ребенка на самоопределение, хотя любовь к ребенку не подразумевает уважения к нему. Основная часть взрослых людей не воспринимает шлепок или подзатыльник как акт насилия, более того психологическая литература общества потребления и самолюбования уверяет родителей, что они имеют право на негативные эмоции по отношению к своим детям, но не сообщает о возможных легитимных формах их реализации. В современном обществе ребенок, оставаясь собственностью родителей, становится еще и показателем их социальной идентичности. Несоответствие ребенка заданным стандартам определенного социокультурного пространства вызывает насилие, поскольку в рамках борьбы с «чужим» оно воспринимается абсолютно легитимным.

Основная проблема в данном вопросе заключается в том, что дети, испытавшие на себе насилие, не имеют развитых навыков ненасильственного взаимодействия и потом начинают применять его сами и по отношению к тем, кто их обижал в детстве, и по отношению к тем, кто слабее их. Кто-то должен остановиться первым.

**ПРОБЛЕМА НАСИЛИЯ НАД МУЖЧИНАМИ
В СЕМЬЕ КАК ФЕНОМЕН СОВРЕМЕННОСТИ**
**PROBLEM OF VIOLENCE OVER MEN IN A FAMILY
AS A PRESENT PHENOMENON**

В.Н. Пушина, И.А. Сабусов
Ивановский государственный университет
V.N. Pushina, I.A. Sabusov
Ivanovo State University

На основе анализа литературных источников показан отход от феминистской теории; обосновывается актуальность проблемы женского супружеского насилия. Данные собственного исследования выявляют отношение населения к проблеме насилия над мужчинами в семье, формы женского супружеского насилия и последствия его для мужчин.

On the basis of the analysis of references the deviation from the feministic theory is shown, the urgency of a problem of female matrimonial violence locates. Facts of personal research reveal the relation of the population to a problem of violence over men in a family, forms of female matrimonial violence and its consequence for men.

Ключевые слова: феминистская теория, актуальность проблемы супружеского насилия, формы женского семейного насилия, последствия насилия для мужчин

Keywords: feministic theory, urgency of a problem of female matrimonial violence, forms of female matrimonial violence, consequences for men

Актуальность проблемы обусловлена тем, что в настоящее время большинство исследований насилия в семье как в России, так и за рубежом проводятся с позиции феминистской теории, основными постулатами которой являются следующие: 1) патриархат или гендерное неравенство в пользу мужчин в распределении власти в политической, экономической и социальной сферах общества также переносятся и в сферу

семейных отношений, где мужчины, используя насилие над женщинами, устанавливают существующее неравенство в отношениях; 2) насилие в семье совершается в основном мужчинами против женщин; 3) если женщины совершают насилие в семье против мужчин, то почти исключительно в целях самообороны; 4) мужчины почти никогда не становятся жертвами внутрисемейного насилия. Однако обзор результатов современных исследований показывает нарастающую критику феминистской теории [1], которая способствовала появлению новой позиции в науке, состоящей в том, что мужчина в семье также может стать жертвой женского супружеского насилия.

Объяснением женского супружеского насилия служат следующие факты. В современных постпатриархальных обществах, включая Россию, женщины добились почти равных с мужчинами прав и свобод. Говоря о России, следует отметить, что изменения, произошедшие в социально-экономических отношениях, вызвали трансформацию ценностных установок населения, ведущей из которых стала ориентация на материальное благополучие, мужчина же, перестав быть основным «кормильцем семьи», часто не может обеспечить его осуществления. Кроме того, сегодня не существует жесткого закрепления семейно-бытовых ролей за каждым из супругов. И, наконец, резкое расслоение населения способствовало социальной напряженности и напряженности в межличностных отношениях, усилению чувства беспомощности и безнадежности, прежде всего, у мужчин и возросшей агрессивности женщин в силу необходимости соперничества в конкурентной борьбе за рабочее место, карьеру, бизнес.

В последнее время появляются разрозненные российские исследования, направленные на изучение женского супружеского насилия, наиболее значимыми среди которых можно назвать исследования А.В. Лысовой (2006 г., 2008 г.) и Е.А. Брайцевой (2009 г., Нижний Новгород). Однако таких исследований крайне мало.

В связи с этим на кафедре социальной работы и прикладной социологии ИвГУ в 2012 г. проведено исследование, целью которого было выявление в сознании населения существования проблемы насилия над мужчинами в семье как таковой, изучение форм женского семейного насилия и последствий его для мужчин.

В анкетном опросе приняли участие 500 человек (50% из них составили женщины, 50% – мужчины) различных возрастных категорий (от 20 лет до 60 лет и старше), различного уровня образования и семейного стажа.

Данные исследования свидетельствуют о том, что около половины респондентов выборки (44,4%) признают существование проблемы жестокого обращения с мужчинами в семье со стороны женщин. При этом показательным является тот факт, что 54,8% женщин и в 1,6 раза меньшее количество мужчин отмечают актуальность этой проблемы, что можно расценить как нежелание мужчин признавать возможность насилия над ними со стороны женщин, уход от проблемы. Определенным образом подтверждает это предположение оценка актуальности проблемы в зависимости от возраста респондентов. Так, для женщин с увеличением возраста и семейного стажа значимость проблемы возрастает (с 62,5% у женщин в возрасте 21-30 лет до 75% у женщин старше 60 лет). Видимо, это связано с тем, что женщины младших возрастных групп более откровенны в признании фактов насилия над мужчинами, а старшие женщины чаще воспринимают поведение жен своих сыновей и внуков как агрессию. Среди мужчин признание наличия насильственных действий в отношении них со стороны женщин характерно для возрастных групп 31-40 лет (77,7%) и 41-50 лет (33,3%), то есть тех, где чаще отмечаются семейные кризисы.

Следует отметить, что применяемые к мужчинам формы насилия в оценке мужчин и женщин не слишком разнятся: отмечают физическое насилие 12% мужчин и 8% женщин, сексуальное насилие – 4% мужчин и 0% женщин, психологическое насилие – 52% мужчин и 60% женщин, экономическое насилие – 32% мужчин и 32% женщин.

При этом мужчины указывают, что в качестве психологического насилия они расценивают вмешательства в личную жизнь, ревность (19,2%), препятствия в общении с родственниками, друзьями (18,8%), непристойные шутки, замечания (12%), брань, ругательства, оскорбления (11,2%), угрозы, запугивания (6,4%), вмешательства в трудовую деятельность (3,6%); в качестве экономического насилия – отказ в денежных средствах и отказ в свободе распоряжения собственными средствами (13,6% и 4,4%); в качестве физического насилия – избивания, побои (7,6%), принуждение к принятию алкогольных, наркотических средств (3,2%); в качестве сексуального насилия – принуждение к сексу, когда мужчина к этому не готов.

Пережившие супружеское насилие мужчины испытывают психологическую травму, стресс (45,2%), неуверенность в себе (41,2%), отмечают ухудшение здоровья (15,2%), склонность к употреблению алкогольных напитков (12,4%), а также желание уйти из дома и подать на развод (7,6% и 16,8%). Более всего, по мнению опрошенных мужчин, в

результате семейного насилия страдают самосознание и самооценка мужчин (28,8%), взаимоотношения с окружающими, в частности, с представительницами противоположного пола (25,6%) и профессиональная деятельность (23,6%).

Таким образом, исследование показало, что для значительной части населения проблема женского супружеского насилия является актуальной. Проявления его в различных формах имеют негативные последствия как для самоуважения, здоровья мужчин, так и для семьи в целом, поскольку сниженный авторитет отца транслируется как норма в социализации будущих мужей и жен, что, безусловно, ведет к еще большему разрушению семейных ценностей.

Литература

1. Лысова А.В. О границах радикальной феминистской теории в объяснении насилия в семье // Социологические исследования. – 2012. – № 4. – С. 110-117.

НАСИЛИЕ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ МАТЕРЕЙ VIOLENCE CONCERNING UNDER-AGE MOTHERS

Е.С. Сироткина

Нижегородский институт развития образования

E.S. Sirotkina

Nizhny Novgorod institute of a development of education

Исследован вопрос насилия в отношении несовершеннолетних матерей. Анализируются различные формы насилия над ними в родительской, супружеской семье и в государственных учреждениях

The violence question concerning under-age mothers is researched. Different forms of violence over them in a parent, matrimonial family and in public institutions are analyzed

Ключевые слова: несовершеннолетние матери, насилие, семья, социальная работа

Keywords: under-age mothers, violence, family, social work

Насилие (физическое, психологическое, сексуальное, экономическое) в отношении женщин – серьезная социальная проблема современности. Общественные организации, ученые, правозащитники, активисты

феминистского движения, оперируя официальной и неофициальной статистикой случаев домашнего насилия, привлекают внимание общества к этой ситуации. Несмотря на выдвигание «утверждений-требований», данная ситуация депроблематизирована и деконструирована в России.

Проблема насилия в отношении несовершеннолетних матерей не фигурирует в публичном и научном дискурсе, однако нуждается в изучении и анализе в разных ракурсах: - сексуальное насилие; - насилие в родительской семье (как правило, психологическое); - принуждение их к прерыванию беременности в учреждениях здравоохранения, образования, социальной защиты; в среде сверстников; в обществе; - насилие над юными женщинами в супружеской семье; - пренебрежение нуждами юных матерей (экономическое насилие).

Рассмотрим подробнее каждый из этих пунктов.

Аналитическим материалом для изучения послужили данные авторского социологического исследования:

- десять глубинных интервью с несовершеннолетними беременными и матерями, средняя продолжительность одного интервью – 40 минут. Опрос был проведен в 2009-2010 гг. в городах Бор, Нижний Новгород, Санкт-Петербург;

- 15 экспертных интервью со специалистами образовательных и государственных социальных учреждений в городах Бор, Нижний Новгород, Санкт-Петербург в 2009-2012 гг.

В результате нашего исследования случаи сексуального насилия в отношении несовершеннолетних матерей выявлены не были. Но в обществе эта проблема актуальна сексуального насилия над юными женщинами. По данным исследования Л.А. Кайгородовой и авторов, в 6% случаев сексуальный дебют в подростковом возрасте носит принудительный характер [1]. Из всех проинтервьюированных Т.А. Гурко 10% несовершеннолетних матерей были изнасилованы [2, с. 85].

Ст. 134 УК РФ предусматривает уголовную ответственность граждан, которые вступают в половые отношения с девушками до 16 лет. Уголовные дела возбуждаются только по заявлению потерпевшей. Если половая партнерша (не достигшая 16 летнего возраста) забеременела и был оформлен брак, это не является смягчающим обстоятельством при привлечении к уголовной ответственности мужчин.

Как показало наше исследование, о фактах сожительства несовершеннолетних девушек со взрослыми мужчинами знают специалисты сферы образования, здравоохранения, но, как правило, не сообщают о

них в учреждения внутренних дел, комиссию по делам несовершеннолетних и другие компетентные органы.

Согласно п. 3 статьи 56 Семейного Кодекса РФ, должностные лица организаций и иные граждане, которым станет известно о нарушении его прав и законных интересов, обязаны сообщить об этом в органы опеки и попечительства по месту фактического нахождения ребенка. При получении таких сведений орган опеки и попечительства обязан принять необходимые меры по защите прав и законных интересов ребенка [3].

В родительских семьях, как правило, принуждают юную женщину прервать беременность или отказаться от ребенка. В случаях, когда несовершеннолетние матери хотели оставить ребенка, они не говорили о своей беременности: *«Я от родителей долгое время скрывала, что беременна. Не знаю, они бы сказали, что рано, заставили сделать аборт. Потом увидели, что у меня подрастает живот, потащили меня к врачу. Ну, а в семь месяцев ничего уже не сделаешь»* (несовершеннолетняя мать, 16 лет). Другой случай: *«Все начали на меня давить, чтобы ребёнка оставила в роддоме. Я всю беременность ходила загнанная. Почти все друзья знакомые и даже родственники перестали обращать на меня внимание. Очень трудно так»* (несовершеннолетняя мать, 17 лет).

Были выявлены случаи психологического давления на подростка в государственными учреждениями: *«Я вам скажу, что у нас сделали! Девушку уговорили, подготовили так, чтобы это было ее решение, оно исходило от нее. Ей рассказали обо всех последствиях. Она сознательно сделала, без переживания»*.

Специалисты отдела по делам несовершеннолетних (ОДН) указывают на ситуации невыполнения своих родительских обязанностей и жестокого обращения с детьми: *«Были случаи, когда мамочки хотели избавиться от своих детей и причиняли им и телесные повреждения. Супруг ушел из семьи после ссоры. Мама была разозлена, агрессивно относилась к своему ребенку, считала, что он – вина всех ее неприятностей. Она ударила ее головой об угол стола. Причинила ей тяжкие телесные повреждения (закрытая черепно-мозговая травма, гематома). Ребенку была оказана серьезная медицинская помощь, сделана операция. Возбуждали дело по 118 ст. УК РФ и привлекали ее к уголовной ответственности. Сейчас она лишена родительских прав, ребенка воспитывает бабушка. Ребенок остался инвалидом»*.

Был выявлен случай, когда юная женщина подверглась физическому насилию со стороны супруга: *«Поначалу он признал, что это его ребе-*

нок. Мы хотели сыграть шикарную свадьбу. Но в один миг все изменилось. Он стал выпивать, избил меня на 5-ом месяце беременности. По счастью, ребенок не пострадал. Сказал, что я нагуляла ребенка, и он не при делах. После этого мне пришлось уехать в другой город. Все кричали, чтобы я написала на него заявление. Я оставила его на свободе, самым лучшим наказанием будет для него осознание того, что он не увидит своего ребенка никогда и никаких прав у него не будет. (несовершеннолетняя мать, 17 лет)

Важно отметить, что в настоящее время у несовершеннолетних матерей как клиентов социальной работы ограничен доступ к социальным ресурсам. Если юную женщину не поддерживают родители, ближайшие родственники, она оказывается в трудной жизненной ситуации.

Адаптация несовершеннолетних матерей к взрослой жизни, материнству затруднена по многим причинам: они, как правило, не успевают получить среднее образование, у них нет возможности устроиться на работу. Юные матери экономически зависимы от своих родителей, ближайшего окружения и нуждаются в помощи квалифицированных специалистов социальной сферы, а не только семьи, родственников и близких.

Социальная работа с этими клиентами находится на стадии своего становления. Летом 2012 года вышел Указ президента №761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы» от 01.06.2012. В данном документе социальная работа с несовершеннолетними матерями – одно из основных направлений государственной политики в интересах детей [5]. Вместе с тем, нет разработанных на региональном уровне планов оказания помощи, не предложены рекомендации по работе с этими клиентами.

Данный вопрос нуждается в дальнейшем изучении и анализе. Актуальность исследования этой проблемы обусловлена разработкой необходимых рекомендаций для специалистов по социальной работе, которые, в свою очередь, могут внести существенный вклад в профилактику насилия и оказание помощи юным матерям, пострадавшим от посягательства со стороны взрослых.

Литература

1. Кайгородова, Л.А. Оптимизация репродуктивного поведения подростков – резерв снижения материнской смертности юных женщин / Л.А. Кайгородова, Л.А. Несвячева, М.Б. Хамошина // «Русский Медицинский Журнал». Обращение к документу: 30.06.2010. Доступ через www.rmj.ru/articles_5529.htm

2. Гурко, Т.А. Опыты сексуальных отношений, материнства и супружества несовершеннолетних женщин //СОЦИС. – 2002. – №11. – С. С. 83-91
3. Семейный кодекс РФ (СК РФ) от 29.12.1995 N 223-ФЗ (в ред. От 30.11.2011 г.) Доступ через [http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=LAW;n=126546](http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=126546)
4. Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ) N 63-ФЗ от 13.06.1996 (в ред. от 29.11.2012 г.). Доступ через <http://www.consultant.ru/popular/ukrf/>
5. Указ №761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы» от 01.06.2012. Доступ через base.garant.ru/70183566/

**ВЛИЯНИЕ НАСИЛИЯ В КРОВНОЙ СЕМЬЕ
НА ПРОЦЕСС АДАПТАЦИИ ПРИЕМНОГО РЕБЕНКА
К УСЛОВИЯМ ЗАМЕЩАЮЩЕЙ СЕМЬИ
THE EFFECT OF VIOLENCE IN THE BIOLOGICAL FAMILY
ON THE PROCESS OF ADAPTATION OF AN ADOPTED CHILD
TO FOSTER FAMILY'S CONDITIONS**

Г.Н. Соломатина

Ставропольский государственный педагогический институт

G.N. Solomatina

Stavropol State Pedagogical Institute

Обсуждаются проблемы адаптации приемного ребенка к условиям замещающей семьи. Рассмотрены наиболее часто встречающиеся специфические особенности поведения приемных детей, обусловленные пережитым насилием в кровных семьях.

In article are discussed the problems of adopted child adaptation to foster substitute family's conditions. The general specific features of the behavior of foster children as a result of the violence experiences in his(her) biological family are in the article as well.

Ключевые слова: социальное сиротство, приемный ребенок, замещающая семья

Keywords: social orphanage, foster child, foster family

В последние годы, говоря о проблеме сиротства, чаще всего имеют в виду социальное сиротство. К категории детей - социальных сирот относят детей, брошенных своими кровными родителями или отобранных у родителей вследствие невыполнения ими своих обязанностей по воспитанию и содержанию ребенка.

Очень трудно описать все причины социального сиротства, поскольку это многоаспектная проблема. Среди основных причин можно назвать: отказ от своего ребенка в младенческом возрасте; принудительное изъятие ребенка из семьи; недееспособность родителей, в том числе из-за психических заболеваний; социальная дезорганизация семей, материальные и жилищные трудности родителей, безработица родителей, нездоровые отношения между ними, слабость нравственных устоев [1, 9].

Дети – социальные сироты, как правило, испытали на себе жестокое отношение близких, пренебрежение своими потребностями и интересами. Такие дети были лишены эмоционально-положительного общения в семье, дающего в благоприятных условиях начальный адаптационный потенциал [9]. Другими словами, они изначально лишены важнейшего этапа ранней социализации, когда именно в семье приобретает первоначальный социальный опыт [4]. Депривированные условия развития ребенка-социального сироты осложняют процесс дальнейшей социализации, который зачастую носит деструктивный характер. В связи с этим возникает необходимость восполнения утраченного социального опыта в семейном микросоциуме соответствующими общественными институтами.

В настоящее время государство создает условия для организации замещающих семей для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Приоритетным направлением государственной поддержки детей-сирот является устройство их в замещающие семьи, т.е. в семьи, в которых воспитательные задачи решаются не кровными родителями. Социальный институт замещающей семьи призван восполнить утраченный семейный микросоциум [4, 5, 6, 7].

Изучение проблем адаптации ребенка-сироты к условиям замещающей семьи приобретает особую актуальность в связи с частыми возвратами детей в государственные учреждения интернатного типа.

В наших исследованиях мы выявили особенности адаптации детей-сирот к условиям замещающей семьи [8]. На основе анализа протоколов бесед с приемными родителями мы выделили четыре стадии адаптации:

- шоковое (стрессовое) состояние ребенка, возникающее в результате кардинального изменения условий жизни ребенка;
- стадия **социально-бытовой ориентации**, в процессе которой происходит ознакомление с бытовой обстановкой и расширение социальных связей ребенка. Характерными особенностями этой стадии является активное изучение реакции окружающих взрослых и детей на различ-

ные ситуации общения, попытки применения различных моделей поведения при взаимодействии с приемными родителями, эмоциональная возбудимость и истеричность ребенка-сироты, появление эмоциональной зависимости от матери, безразличие и небрежность пользования предметами быта;

- стадия формирования ролевых установок, усвоение ролей и социальных статусов, в процессе которой происходит осознание собственной позиции ребенка в новой семье, определение для себя стиля поведения с «новой» мамой, ролевой позиции мать-ребенок. Эта стадия характеризуется выделением приемной матери из социального окружения, соучастием в совместной деятельности с приемными родителями, переносом стереотипов поведения окружающих детей в собственную деятельность, дифференциацией социальных норм в системе общественных отношений;

- стадия самоутверждения, когда ребенок стремится к достижению определенного общественного статуса. Спецификой этой стадии является отстаивание собственных интересов и своей значимости любыми путями, чаще с помощью агрессии, появление собственных стереотипов поведения, уверенность в стабильности семейных отношений и доверие к приемным родителям.

Постепенный переход из одной стадии в другую обеспечивает позитивные изменения в социальном развитии каждого ребенка, принятого на воспитание в семью, и способствуют успешной адаптации к условиям замещающей семьи.

Однако практико-ориентированные исследования показывают, что, несмотря на кажущиеся благополучные условия воспитания приемных детей в замещающей семье, они по-прежнему испытывают значительные сложности в адаптации в современном обществе и зачастую становятся детьми группы риска. Проблемы школьной неуспеваемости, сложности взаимоотношений как со сверстниками, так и с педагогами приводят к появлению и закреплению деструктивных форм поведения. Эти проблемы обусловлены негативным социальным опытом ребенка-сироты в период жизни в неблагополучных кровных семьях и в интернатных учреждениях. Одним из наиболее значимых факторов, влияющих на адаптационные процессы, является пережитое насилие в кровных семьях.

Как правило, приемные родители сталкиваются уже с отдаленными последствиями насилия над детьми в кровных семьях, которые проявляются в нарушениях физического и психического развития ребенка,

различных соматических заболеваний, личностных и эмоциональных нарушениях, социальных последствиях [2].

Перечислим наиболее часто встречающиеся поведенческие реакции приемных детей, являющиеся следствием пережитого насилия в кровных семьях:

- постоянное ожидание телесных наказаний (реакции ребенка – частое моргание, желание сжаться);
- вспышки агрессивности (желание сделать больно другим; мстительность, враждебность);
- частые истерики даже на положительные события жизни;
- чрезмерная потребность внимания, которое достигается негативными поступками;
- неуверенность в будущем (даже в повседневных ситуациях ребенок испытывает беспокойство, тревожность, жизнь для него непредсказуема);
- чувство стыда (проявляется в желании скрыть свое прошлое);
- неустойчивость самооценки, проявляющаяся от чувства «я избранный» до «я плохой», «я хуже всех»;
- аутоагрессия (выстригание волос, нанесение себе телесных повреждений и др.).

Таким образом, при адаптации ребенка-сироты к новым социальным условиям в замещающей семье приемные родители и дети испытывают закономерные трудности и проблемы, обусловленные рядом факторов: личностными особенностями детей-сирот и приемных родителей; предыдущим социальным опытом ребенка (как позитивного, так и негативного); конкретными новыми социальными условиями воспитания ребенка; длительностью пребывания ребенка в детском доме и др. Одним из основных факторов, осложняющих процесс адаптации, является пережитое насилие в кровных семьях. Знания об особенностях социальной адаптации ребенка-сироты к новым социальным условиям помогут приемным родителям не только лучше организовать взаимодействие с ним, но и создать благоприятный социально-психологический климат в семье.

Литература

1. Гурко Т.А. Социальное сиротство в России: новые подходы к решению проблемы / Актуальные проблемы семей в России: Сборник научных статей / Под ред. Т.А. Гурко. – М.: Институт социологии РАН, 2006.
2. Журавлева Т.М., Сафонова Т.Я., Цымбал Е.Н. Помощь детям – жертвам насилия. – М.: Генезис, 2006.

3. Котова И.Б., Шиянов Е.Н. Социализация и воспитание. – Ростов-на-Дону, 1997.
4. Минкова Э.А. Особенности личности ребенка, воспитывающегося вне семьи // О развитии детей, оставшихся без родительского попечения. – М: ТООО «Симс», 1995.
5. Ослон В.Н. Жизнеустройство детей-сирот: профессиональная замещающая семья. – М.: Генезис, 2006.
6. Прихожан А.М., Толстых Н.Н. Психология сиротства. – СПб: Питер, 2005.
7. Семья Г.В. Политика деинституционализации учреждений интернатного типа // Детский дом, 2005. - № 4 (17).
8. Соломатина Г.Н. Адаптация детей-сирот к условиям приемной семьи // Вопросы психологии, 2008. № 6.
9. Шипицына Л.М. Психология детей-сирот: Учебное пособие. – СПб: Изд-во С.-Петерб. Ун-та, 2005.

**НАСИЛИЕ И НАКАЗАНИЕ В СЕМЬЕ:
ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА
VIOLENCE AND PUNISHMENT IN THE FAMILY:
SOCIOLOGICAL ANALYSIS EXPERIENCE**

С.Л. Таланов

Ярославский государственный педагогический университет

S.L. Talanov

Yaroslavl State Teachers` Training University

Анализируется проблема семейного насилия над ребенком в условиях трансформации российского общества. Эмпирически рассматриваются основные факторы и виды насилия в семье. Предлагаются мероприятия, направленные на уменьшения насилия в семье.

In the article we see the analysis of such problem as the family violence distributed mainly on children in the process of transformation of Russian Society. Empirically we considered the main factors and aspects of violence in the family. We offer different events that lead to minimizing the violence in the family.

Ключевые слова и словосочетания: насилие в семье, первичная социализация, каналы микросреды, агенты первичной социализации

Keywords: and word combinations: violence in the family, primary socialization, channels of microenvironment, agents of primary socialization

В настоящее время все большее число исследователей отмечают рост насилия в российских семьях. Несмотря на существование общих факторов, влияющих на рост насилия в семье, их число в различных регионах далеко не одинаково. В каждой республике, области, автономном округе, муниципальном образовании, действуют дополнительные факторы, которые сдерживают или наоборот способствуют росту насилия над ребенком. Это обусловлено социально-экономическими условиями, которые формируют среду обитания. Значительное влияние на этот процесс оказывают также особенности национально-исторического развития народа, населяющего данную территорию.

По данным УМВД по Ярославской области, на учете в подразделениях по делам несовершеннолетних состоит 1333 родителя (на 1 апреля 2012 г.). Но это данные статистики. В силу высокой латентности данного явления, можно предположить, что ситуация на много серьезней.

Мы предприняли попытку проанализировать причины и виды насилия в современных семьях. С этой целью нами было проведено социологическое исследование в 2011-2012 гг. на территории Ярославской области.

В качестве объекта исследования выступили:

– Позиционные эксперты (сотрудники правоохранительных органов, государственные и муниципальные служащие, исследователи) $n=114$.

Ученики 11 классов 22-ух средних общеобразовательных школ г. Ярославля. Возраст респондентов – 17 лет.

Опрос (анкетирование) проходил в здании Ярославского государственного педагогического университета имени К. Д. Ушинского в аудитории 314 главного корпуса два раза в неделю по вторникам и средам с 16.20 до 19.20 (указан период, а не длительность опроса). Финансирование социологического исследования осуществлялось из собственных средств. Согласно Этическому кодексу Российского общества социологов: Раздел II. П. 8 *«При обнародовании результатов конкретного исследования социолог должен указать генеральную совокупность и объем выборки, дату и метод проведения исследования, точную формулировку вопросов, а также все источники финансирования данной работы»*.

Выборка квотная. Выборочная совокупность $n=84$. Переменные квотирования: школа, пол, структура семьи, национальность. Любой из респондентов мог отказаться от участия в опросе на любой стадий социологического исследования.

Проведен ряд глубинных интервью с несовершеннолетними (n=5). А также осуществлен внутренний и внешний анализ документов.

Кроме того, проведен вторичный анализ исследований общественно-го мнения (Фонд «Общественное мнение», «Левада-Центр») и данных научных центров (Институт социологии РАН, Академия Управления МВД и др.).

Количественный анализ данных выполнен с помощью специального пакета программ SPSS 11.0 (Statistical Package for Social Sciences). Графическое и текстовое представление данных осуществлено с помощью программных пакетов Microsoft Excel 2010 и Microsoft Word 2010.

Достоверность полученных результатов. Внешняя валидность данных, полученных с помощью применяемых автором методик, оценивалась путем сопоставления с результатами, выявленными с помощью других методик, предназначенных для решения схожих исследовательских задач и прошедших предварительную проверку на валидность.

Все исследователи – социологи, психологи, педагоги и др. не зависимо от их методов исследования, сходятся в одном, а именно, что для формирования личности имеет первостепенное значение семья. Учитывая данное обстоятельство мы в первую очередь попытались выяснить у респондентов, какие стили воспитания применялись и применяются в их семьях (таблица 1).

Но на рост насилия в семье влияет не только неправильное воспитание. С целью выяснения причин и факторов ведущих к росту насилия в семье мы специально провели опрос позиционных экспертов (табл. 2).

Таблица 1

Стили воспитания в современных семья с точки зрения несовершеннолетних Ярославской области (% от числа ответивших)

№ п./п.	Стили (правила) воспитания	n=84
1.	Мои родители периодически применяли физическое наказание за мелкие проступки или непослушание. Особенно за низкие оценки в школе.	28
2.	Лишь мои родители могли определять, что правильно, что не правильно. Со стороны родителей наблюдалась чрезмерная опека, мелочный контроль, действовала система непрерывных запретов и невозможность для ребенка принять когда-либо собственные решения.	27

Окончание табл. 1

№ п./п.	Стили (правила) воспитания	n=84
3.	Моя самостоятельность расценивалась моими родителями как упрямство, должна была быть сломлена и как можно скорее.	24
4.	Мои родители при воспитании придерживались принципа, что дети – это взрослые, и должны иметь свое мнение и определенную самостоятельность.	15
5.	Другое	6

Таблица 2

Мнение позиционных экспертов о причинах насилия в современных семьях* (% от числа ответивших)

№ п./п.	Причины насилия в семье	n=114
1.	Семейное воспитание	67
2.	Агрессивность членов семьи	54
3.	Общество	43
4.	Законодательство	37
5.	Жертва (ребенок)	26
6.	Злоупотребление спиртным	64
7.	Низкий культурный уровень	34
8.	Материальные и жилищные проблемы	35

*Количество процентов по вертикале больше 100, так как респонденты могли указать несколько причин.

Как видно из таблицы, основными причинами насилия в семье являются семейное воспитание и злоупотребление спиртным.

На наш взгляд, для уменьшения всех видов насилия в семье необходимо проводить каждые три-четыре года мониторинги изучения данного социального явления. Система противодействия девиантному поведению требует концептуального подхода, основанного на научном изучении проблемы. Без научного обоснования концепции не могут быть четко сформулированы основные цели стратегии противостояния асоциальному поведению, правильно определены пути и средства их достижения, а без этого оказываются мало эффективными практические действия по уменьшению уровня правонарушений. Концепция должна включать, кроме нормативно-правовых, общесоциальные меры воздействия.

**НАСИЛИЕ В СЕМЬЕ КАК ФАКТОР РОСТА
СОЦИАЛЬНОГО СИРОТСТВА**
**THE FAMILY VIOLENCE AS FACTOR OF MAGNIFICATION
SOCIAL ORPHANHOOD**

В.В. Трухачев

*Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина*

V.V. Truhachev
*Ural Federal University named after the first
President of Russia B. N. Yeltsin*

Рассматривается кризис института семьи как источник насилия над детьми и, как следствие, социального сиротства. Показаны основные направления профилактики насилия над детьми и предотвращения социального сиротства.

In article are discussed the crisis of the Institute of family as the cause of the violence over the children and social orphanhood. Shows the main directions of prevention violence against children and social orphanhood.

Ключевые слова: семья, насилие в семье, насилие над детьми, детская беспризорность, социальное сиротство

Keywords: family, family violence, violence against children, children's homelessness, social orphanhood

Семья сочетает свойства социальной организации, социальной структуры, социального института и малой группы, входит в предмет изучения социологии воспитания и социализации, социологии образования, политики, права, культуры, труда, позволяет лучше понять процессы социального контроля и социальной дезорганизации, социальной мобильности, миграции и демографических изменений.

В последние десятилетия зарождается супружеский тип моногамной семьи. В такого рода семье стратегическое отношение определяется не родством (как в патриархальной) и не родительством (как в детоцентристской), а свойством современной семьи. Норма семейной жизни меняется: родители в такой семье отказываются полностью подчинять собственные интересы интересам детей. Акцент на супружестве означает возможность более полной реализации личностного взаимодействия мужа и жены, регулируемого моральными принципами и имманентны-

ми ценностями. Современная семья характеризуется автономией супругов. Интересы каждого из супругов шире семейных, и круг значимого общения для каждого из них выходит за рамки супружества. При этом следует отметить взаимосвязь механизмов устойчивости (адаптация, интимность) и развития (автономия). В целом можно говорить об эволюции моногамной семьи от патриархального типа к супружескому.

Проведенные в обществе реформы оказали на семью неоднозначное воздействие, привели к глубоким изменениям ее жизнедеятельности. Произошла резкая дифференциация семей по уровню доходов. Углубляется дезорганизация жизни семей, возрастает нестабильность браков, разрушаются сложившиеся нравственно-этические нормы и традиции.

Причины возрастающего насилия в семье по отношению к детям косятся в условиях жизни многих семей, порожденных современным состоянием экономики, образования, культуры. Катастрофически снижается уровень жизни семей с детьми. Доля несовершеннолетних детей, живущих в бедных семьях, в разных регионах колеблется от 28 до 52 %. Неуклонно растет число семей с детьми, имеющих доходы ниже прожиточного минимума. Бедность в условиях коммерциализации культурной, образовательной, спортивно-оздоровительной сферы закрывает детям доступ к развивающим занятиям, разумному досугу и отдыху.

Перегруженность многих родителей работой и домашним трудом из-за отсутствия материальных средств на пользование услугами социальной сферы быта сокращает возможность общения с детьми, совместных занятий с ними. Дети становятся фактором раздражения, причиной бедности семьи, что создает условия для возникновения насилия по отношению к детям, увеличивает риск социального сиротства. Усиливающаяся алкоголизация и наркотизация ряда семей практически отчуждает родителей от детей, создает условия и желание совершать насилие в отношении детей, что приводит к уходу их из семьи, толкает в уличные компании с асоциальной направленностью.

Дополнительным фактором риска стала и позиция школы, которая дистанцируется от подростков с трудными судьбами. Свертывание внеклассной работы в образовательных учреждениях, исчезновение детских общественных организаций обедняет досуговую деятельность детей, их воспитание и развитие.

В ряде случаев насилие в отношении детей, их безнадзорность – следствие педагогической беспомощности родителей, их искаженного представления о границах самостоятельности детей, отсутствия контроля за их времяпрепровождением, озабоченности взрослых лишь про-

блемой удовлетворения естественных и материальных потребностей, нарушения взаимопонимания и доверия между детьми и родителями. Ситуации разводов также можно рассматривать как вид психологического насилия: они не только травмируют психику ребенка, но нередко обуславливают разлад его с родителем, рост взаимного недовольства взрослых и детей, стремление последних к автономизации, возникновению желания до минимума свести контакты с родными.

Отрицательную роль сыграла ликвидация в России в период перехода к рыночной экономике сложившейся системы профилактики безнадзорности и правонарушений детей, ослабление разнообразной работы с детьми по месту жительства (ликвидация клубов, кружков, комнат школьника и т.д.). Вместо этой системы не создана новая, что фактически «обезоружило» общество перед детской безнадзорностью.

Все вышесказанное говорит о серьезных проблемах, с которыми сталкивается семья. Однако такие нормативно-правовые документы, как Конвенция ООН «О правах ребенка» (ст. 18, ч. 1), четко предписывают «обеспечить признание принципа общей и одинаковой ответственности родителей в воспитании и развитии ребенка. Родители или, в соответствующих случаях, законные опекуны, несут основную ответственность за воспитание и развитие ребенка. Наилучшие интересы ребенка являются предметом их основной заботы».

Здесь же определена роль государства. В статье 18, ч. 2, ч. 3 указано следующее: «Государство оказывает родителям и законным опекунам надлежащую помощь в выполнении ими своих обязанностей по воспитанию и обеспечивают развитие сети детских учреждений».

Другой нормативный документ – Семейный кодекс РФ – в ст. 63, ч. 1 определяет: «Родители имеют право и обязаны воспитывать своих детей. Они обязаны заботиться о здоровье, физическом, психическом и нравственном развитии своих детей».

Усиление роли семьи, создание условий для ее развития, а также создание целостной системы профилактики и реабилитации социально дезадаптированных детей и подростков является сегодня проблемой государственной значимости. Основной целью государственной семейной политики в Свердловской области на период до 2015 г. провозглашены укрепление и развитие семейного образа жизни, создание необходимых условий для выполнения семьей ее функций, достижения благополучия семьи.

История говорит о следующем: до революции в нашей губернии было 20 тысяч добротных семей, которые брали на воспитание детей из

церковных приютов, богаделен и просто с улицы. За воспитание этих детей государство платило пять рублей в месяц на ребенка, когда корова стоила 3 рубля. (В настоящее время корова стоит 10–15 тысяч рублей). Данный пример означает, что государство ставило семью в центр общественной системы, укрепляло ее статус и роль как структурного базисного образования.

Динамика складывающейся ситуации по насилию в семье и детской безнадзорности говорит о том, что необходимо изменить отношение к вышеназванной проблеме коренным образом как на всех уровнях законодательной и исполнительной власти, так и в самом обществе, если мы хотим, чтобы у нашего поколения было будущее. Для этого необходимо, используя имеющуюся систему социальных служб, активизировать работу по следующим направлениям:

- Создание Координационного совета при Комитете по защите прав ребенка.
- Улучшение материальных условий жизнедеятельности семей, профилактика бедности.
- Обеспечение условий для совмещения трудовой, профессиональной деятельности с выполнением семейных обязанностей и личными интересами человека.
- Оказание всесторонней помощи семье в воспитании детей, поддержка одаренных детей.
- Обеспечение охраны здоровья матери и ребенка.
- Защита прав несовершеннолетних, профилактика социального сиротства, безнадзорности и правонарушений.
- Усиленное внимание к неполным, имеющим детей-инвалидов, малообеспеченным семьям с целью создания благоприятных условий для их жизнедеятельности.
- Всесторонняя подготовка молодежи к браку и семейной жизни и планированию семьи.
- Профилактика семейного неблагополучия.

**ОЦЕНКА ПРОГРАММ ВМЕЩАТЕЛЬСТВА
ДЛЯ ПРЕВЕНЦИИ ПАРТНЕРСКОГО НАСИЛИЯ
EVOLUTION FOR INTIMATE PARTNER VIOLENCE
PREVENTION PROGRAMMES**

Н.В. Ходырева

Санкт-Петербургский Государственный университет

N.V. Khodyreva

St.Petersburg State University

Обсуждаются основные проблемы, связанные с проведением и анализом программ для обидчиков, применяющих насилие в партнерских отношениях. Продолжительность, вид и завершение программ, их добровольность или обязательность по судебному решению, злоупотребление веществами, частота рецидивов, источники информации оказывают различное влияние на оценку эффективности вмешательства. Постоянный и строгий мониторинг со стороны системы условного наказания имеет решающее значение для результата программ.

In article are discussed the main issues concerning realization and analysis of batterers programs in intimate partner violence. Duration, types and finalizing of programs, voluntary or mandatory participation, drug abuse, rate of the recidivism, and the sources of information date influence on efficacy of intervention. Strong and regular monitoring from probation service had significant factor for the results of batterers programs.

Ключевые слова: партнерское насилие, программы для обидчиков, участие по суду, мониторинг, условное наказание

Keywords: intimate partner violence, programs for batterers, mandatory participation, monitoring, probation

Новые законодательные инициативы российских общественных организаций в области защиты от насилия в семье предполагают массовое внедрение профилактических программ для людей, совершивших насилие в отношении своих близких. Пока такие программы апробировались на небольших группах участников в нескольких городах России (Барнаул, Вологда, Санкт-Петербург) с начала 90-х гг. Опыт проведения и оценки подобных программ, реализуемых уже 30 лет в США и Европе, поможет учесть методологические проблемы проведения и оценки эффективности программ для обидчиков (ПО), совершающих насилие в отношении интимного партнера.

Насилие в отношении интимного партнера (НИП) определяется как инциденты нападений (физических и вербальных), сексуального насилия, преследования и угроз, совершаемых партнером или бывшим партнером.

Большинство исследований НИП определяют его как насилие мужчин над их женщинами-партнерами, хотя есть небольшое количество исследований, которые упоминают мужчин, ставших жертвами насилия со стороны женщин. Результат исследований зависит от контекста, терминологии и способов формулирования вопросов. Если целью исследования является насилие или преступление, то результат показывает, что женщины чаще становятся жертвами НИП со стороны мужчин. Исследования, которые используют терминологию конфликта, сообщают, что гендерные различия малы. Чаще всего – это исследования насилия в подростковой и студенческой среде. Поэтому закономерен вопрос о дифференцировании двух типов насилия. Насилие, которое направлено на женщин, чаще всего является систематическим, имеет серьезные последствия для здоровья, другие негативные воздействия для пострадавших. Неравный дисбаланс власти между мужчинами и женщинами в партнерских отношениях является сейчас одним из ведущих объяснений партнерского насилия и его высокой латентности. Кроме того, среди мужчин не найдено ни одной клинической группы, которая бы развивала ПТСР после насилия со стороны партнерш.

Насилие между молодыми людьми обоих полов является проявлением других условий и не может быть использовано в качестве аргумента в пользу равного применения насилия со стороны мужчин и женщин в близких отношениях, так как молодые люди не находятся между собой в зависимых отношениях (экономических, жилищных, родительских обязательств).

Большинство исследователей в США и Европе разделяют мнение о том, что для систематического снижения рецидивов НИП необходимы программы по изменению поведения самих обидчиков (2003). Многие судьи в США и Европе понимают, что штрафы и арест имеют ограниченный и непрямой эффект на насильника, который ведет себя непредсказуемо и иррационально. Вместо этого судьи и прокуроры стали направлять мужчин на НИП до судебного процесса или в качестве дополнительного направления при тюремном заключении. Так, в 2007 году в США существовало уже 2 265 программ для насильников.

Основные дискуссии в отношении ПО касаются того, должны ли программы учитывать различия между типологией насильников и зави-

сит ли от этого эффективность программ. По данным Голдольф и Вайт (2000), 60 % обидчиков, регулярно применяющих насилие, составляют пятую часть всех участников ПО и при этом не имеют никаких патологий и психических дисфункций. Консультирование для них является весьма эффективным. Некоторые практики считают, что должны быть специальные программы для насильников, имеющих серьезные проблемы с алкогольной зависимостью. Некоторые программы использовали контракт с обязательством насильника сменить свое поведение в будущем. Например, если у насильника большое совпадение агрессивного поведения и употребления алкоголя, то они должны подписать обязательство не контактировать с жертвой до тех пор, пока не перестанут употреблять алкоголь и не завершат ПО до конца. Многие подчеркивают, что ПО должна начинаться непосредственно после инцидента насилия, когда обидчик чувствует себя наиболее раскрывающимся и чувствительным к требованию изменить свое поведение.

К 2008 году 45 штатов разработали свои стандарты программ, которые отличались друг от друга продолжительностью, модальностью и акцентами. Анализ программ показывает, что большинство ПО построены на феминистском понимании НИП, то есть в программах акцент сделан на динамике власти и контроля между мужчинами и женщинами. Хотя индивидуальные психологические и психопатологические факторы могут влиять на поведение, тем не менее во многих штатах запрещено использовать программы, основанные на моделях лечения психических расстройств, психодинамическом подходе, понимании агрессии как болезни, созависимости, семейной системы или аддиктивной модели. Общий аргумент по ограничению использования подобных программ заключается в том, что вышеназванные подходы способствуют минимизации ответственности обидчика и тем самым представляют потенциальную опасность для пострадавших. Если по ошибке жертва включена в программу, то это может еще более виктимизировать ее, особенно если она хочет прекратить отношения с насильником.

Оценка влияния программ для обидчиков

Первый мета анализ семи исследований программ ПО в 1998 году показал их невысокую эффективность. Так, уровень рецидивов у прошедших программу был 32 % в отличие от 34 % рецидивов у контрольной группы.

Скромный эффект программ был обнаружен и при анализе данных судов и полиции, 14 % против 22 % в контрольной группе (Levesque, 1998). Несмотря на множество проведенных в дальнейшем оценок ис-

следований большинство из них являются малоубедительными из-за методологических проблем, таких как маленькая выборка, отсутствие случайного распределения или контрольной группы, короткого и неконкретного описания самой программы, недостаточного промежутка времени, прошедшего после окончания программы, неполного источника данных (например, только данные арестов, только свидетельства жертвы или только данные самоотчета насильника), но все-таки большинство исследователей в дальнейшем констатировали статистически снижение рецидивов после ПО (Babcock, Green & Robie, 2004). Метаанализ Клейн (2009) показал, что программы действительно имеют эффект превенции повторных актов насилия, но при этом необходимо типизировать насильников при помощи простой формы описания жалоб пострадавших и оценок самих насильников.

Предлагается, что выход из программы до ее окончания должен стать основанием для финального судебного приговора. Если обидчик не сможет контролировать свое поведение в период более короткого прохождения программы, то судья должен назначить более радикальный приговор в виде заключения под стражу. Поэтому программы, назначенные по суду, имеют высокий уровень завершения в отличие от ПО, посещаемых добровольно. Известно, что обидчики часто отрицают преступную природу своего поведения. Без приговора насильник может пойти на программу в период «медового месяца» или «раскаяния» и выйти из программы, когда у него изменится настроение, безо всяких судебных или административных санкций.

Есть предположения, что насильники, которые пришли на программу добровольно, с большей вероятностью снова станут применять насилие, чем те, которые направлены судом. Оценка 840 участников ПО в течение 15 месяцев показала, что 44 % добровольных участников повторили насилие в отличие от 29 % участников, проходящих ПО по суду (Gondolf, 1997).

Петерсон и Танберг (2009) подтвердили, что посещаемость программ увеличивается после назначения ее судом. Там где при условном заключении существовала система регулярного и бескомпромиссного мониторинга, посещение и окончание программы было на уровне 62 % в отличие от 32 % завершений программ, где не было такой жесткой супервизии (2004, 2009). Если обидчик посетил только половину занятий из 26-тинедельного курса или посещал их нерегулярно, он не может соответствовать требованиям программы, даже если он достиг изменений в своих установках. С другой стороны, обидчик может посетить все

занятия, но в конце у него не будут диагностированы изменения в установках, например, признание ответственности за свои действия. Поэтому важно пересмотреть критерии успешности завершения и прохождения программы. Для этого нужно измерять не только краткосрочное влияние ПО, но необходимо разработать индикаторы долгосрочного прекращения рецидивов насилия.

Исследования, использующие подсчет частоты рецидивов после завершения ПО в качестве показателя эффективности, продемонстрировали, что существуют значительные различия между теми, кто закончил ПО, в сравнении с тем, кто вышел из нее.

Обзор 28-ти исследований ПО (1993) показал, что в зависимости от выбора критерия (полное прекращение насилия или снижение рецидивов и серьезности атак) рецидивы были подсчитаны от 4% к 16% и до 47 %.

Также учтем, что данные о рецидивах можно получать от жертв, полиции и самих насильников. Таким образом, большие различия по рецидивам могут отражать не только успех или неудачу конкретной программы, но и различия в отборе критериев реабилитации и источников данных о рецидивах.

Несмотря на то, что ПО реализуются с начала 80-х гг. 20 века, пока нет общепринятых оценок этой стратегии вмешательства. Тип программы не влияет на вероятность предпочтения успеха программы. Более того, программы, которые сфокусированы на культурных особенностях групп, также имеют небольшую эффективность, чем те, которые не учитывают культурную специфику насильников. Остается предположение, что только длительность программы является тем критерием, который гарантирует снижение рецидивов хотя бы из-за страха оказаться в тюрьме, если ПО не пройти полностью (Gondolf, 2002, 2005).

Резюмируя обзор ПО, можно сказать, что прохождение программы во время заключения обидчиков в тюрьму являются наиболее эффективными. С другой стороны, находясь в заключении с преступниками, те, кто применяет насилие к партнерам, могут научиться у сокамерников, как быть «ненасильственным террористом» и осуществлять насилие эффективно и легально. Например, они могут продолжать преследовать своих партнерш, находясь в тюрьме, наняв друзей или других людей для преследований или даже убийств.

В заключении предлагается принимать во внимание экономические ограничения, искажающие проведение ПО и весь юридический контекст, в котором они реализуются. Тип и длительность программы не так важны, как жесткий мониторинг за обидчиком со стороны судей и

работников программ условного заключения. Самой важной проблемой остается обеспечение безопасности жертв. Дискуссионным остается вопрос о балансе расходов на сервисные службы защиты жертв в отличие от программ для жертв. Должна ли система правосудия тратить деньги на программы для обидчиков или они должны быть израсходованы на мониторинг поведения насильников? Не менее важными являются эти вопросы и для России при реализации будущего закона против насилия в семье.

Литература

1. Responding to Domestic Violence. The Integration of Criminal Justice and Human Services (2012) Eds. by Eve S. Buzawa, Carl G. Buzawa, Evan Stark. *SAGE*, 496 p.

ДИСКУССИОННЫЕ АСПЕКТЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО НАСИЛИЯ В СЕМЬЕ (НЕПРОХОДЯЩАЯ ИСТОРИЯ КОРОЛЯ ЛИРА) POLEMICAL ASPECTS OF MENTAL VIOLENCE IN FAMILY (ENDLESS STORY OF KING LEAR)

В.А. Шатохина
*Государственное бюджетное учреждение
«Областной комплексный центр
социального обслуживания населения»
V.A. Shatokhina
State-Funded Institution
Regional Complex Social Service Centre*

Обсуждаются антропологические корни насилия в семье. С учетом глобального постарения населения акцент сделан на парадоксальных отношениях взрослых детей (акме-возраст) и их престарелых родителей (геронто-возраст). Матрица насилия иллюстрируется примером трагедии короля Лира и его дочерей в интерпретации В. Шекспира. Подчеркнута закономерность «синдрома предков» и трансляции разрушительных моделей поведения из поколения в поколение. Показан деструктивный характер непонимания предками и потомками друг друга с точки зрения феноменологии и системной герменевтики.

The article provides the consideration of the anthropological origins of mental violence in family. Taking into account global ageing of population the accent is placed on paradoxical relations between grown-up children (Acme Age) and their elderly parents (Geronto Age). The violence matrix is illustrated by the example of the tragedy of King Lear and his daughters by William Shakespeare. The consistency of Ancestor Syndrome and transmission of destructive behavior models from one generation to another are underlined. The destructive nature of miscommunication between ancestors and off-springs from the point of view of phenomenology and system hermeneutics is shown.

Ключевые слова: насилие, агрессия, негативизм, трагедия, непонимание, горе, старость, геронтопсихология, синдром предков

Keywords: violence, aggression, negativism, tragedy, miscommunication, grief, senium, gerontological psychology, Ancestor Syndrome

Мир наполняется старыми людьми, старость все громче заявляет о своих проблемах. По прогнозам демографов, население планеты Земля катастрофически стареет. Самая быстрорастущая часть населения – люди старше 100 лет. Неуклонно увеличивается число семей, состоящих из 4 поколений: зрелые люди, их престарелые родители, взрослые дети и внуки [1]. Система семьи становится еще более открытой и широкой. Проблемы понимания или непонимание отцов и детей, особенности диалога людей разных возрастов, приобретает особую актуальность. Непонимание связано с неуважением, непочтением, в крайних случаях с откровенным физическим или психологическим насилием. В этом измерении трагедии В. Шекспира выглядят непроходяще актуально. В этой трагедии трагедий автор показал цену непочтения, унижения и отвержения родными людьми друг друга. По мнению А. Блока, все другие трагедии Шекспира кажутся детскими рядом с этой. Высшая правда, открывшаяся автору и донесенная до нас, состоит в том, что трагедия отвержения, унижения непониманием завершается разрушением отношений и смертью героев. Черствость, эгоизм оказываются предвестниками и источником физического насилия, разрушения и глубокого человеческого горя. Действительно, есть особая категория людей, сердца и души которых умирают раньше естественной смерти. Горе детям, если такими людьми являются их родители. Передаваемые из поколения в поколение подобные особенности эмоционального реагирования и модели поведения обрекают родных людей на ложные ценности, бесслав-

ное существование, страдание и, в конечном счете, безвременное умирание. Этот феномен трансляции жизненного сценария носит в психологии название «синдром предков» и подводит человека вплотную к сюжету ответственности за свое поведение перед потомками и творческому отношению к собственному бытию. Хочется рассмотреть это – феномен в контексте истории короля Лира, героя, который слишком поздно осознал внутреннюю форму своих отношений с дочерьми и понял трагический смысл сложившейся ситуации.

Трагедия представляет целостную систему как по композиционной завершенности всего произведения, так и отдельных сцен, как в отношении системы образов, так и каждого образа в отдельности. Автор гениально показывает, что в основе насилия над стариками лежит расчет и бездушие, преподнесенная как модель поведения самими же стариками. Действительно, с точки зрения психологии семейных отношений, Лир – плохой отец, так как не сумел выстроить живых добрых отношений с дочерьми, его не интересует их внутренний мир, планы, тревоги и переживания. Ему важно видеть доказательства повиновения и знать, что ему угождают беспрекословно. Видимо, он не испытывает чувства отеческой любви к дочерям, требуя от них лишь внешнего проявления любви и благодарности в виде хвалебных речей, пустых по сути. Абсурдно, но доказательством преданности и дочерней любви для него являются именно дежурные, лживые, лицемерные слова. Впоследствии условия для совместного проживания, которые выдвигают дочери, вызывают у него возмущение фактом самого существования этих условий. Условия (100 человек свиты и др.) оказываются невыносимой для гордыни старого короля. Огромная потребность в безусловной дочерней любви оказывается неудовлетворенной. Ожидания оказываются фрустрированными, надежды неосуществленными. Первый вывод, который напрашивается, состоит в том, что онтологическим основанием феномена насилия является лицемерие и отсутствие искренней привязанности, открытости, наблюдаемые молодым поколением в поведении значимых людей. В перспективе модели поведения имеют тенденцию закрепляться и воспроизводиться по механизму интериоризации (Л.С. Выготский). Второй очевидный вывод заключается в том, что понимание и доброта приходят вслед за страданием, жертвами и духовными подвигами, но иногда слишком поздно, когда уже нет времени на исправление совершенных жизненных ошибок.

В данной статье хотелось бы раскрыть философские основания и предпосылки трагедийного творчества Шекспира. Таковыми являются,

на наш взгляд, онтология ментальности, феноменология, в частности, феноменология насилия и системная герменевтика как понимание внутренней формы взаимосвязей, взаимовлияний, событий и отношений. В данном случае, внутренней формой системных связей и системообразующих отношений являются лицемерие, корысть, душевная черствость.

Феномен насилия с точки зрения концепции ментальности.

Герменевтический анализ трагедии «Король Лир» показывает, что автор – гениальный исследователь и диагност негативной ментальности.

Под *ментальностью* в широком смысле мы понимаем феномен познавательного опыта, культурно наследуемый человеком принцип самоорганизации мышления и смысловую наполненность акта творческого познания мира [2]. Из трех китов, на которых опирается феномен познания, – природные задатки/способности, социальные условия развития и собственная творческая активность человека мы делаем акцент на последнем – собственной активности человека. Это то, за что взрослый человек несет ответственность, независимо от возможной отягощенной наследственности и форм социального воздействия. Основными характеристиками ментальности являются нерасчлененность мысли, чувства и действия, феноменологическая установка на Другого (множественный социокультурный контекст), генеративизм как механизм порождения смысла и творческого импульса к действию по реализации этого смысла. Хочется отметить, что как любая целостность, завершенность, законченность ментальность имеет эстетический аспект, удерживающий самое человеческое в человеке, то, что хочется назвать духовным эстетизмом.

Тогда под *негативной ментальностью* мы понимаем негативные мысли, чувства и деструктивную активность по отношению к Другому. Согласно З.Фрейду, в самой природе человека заложены конструктивные жизнеутверждающие энергии (эрос) и деструктивные или смертоносные (тонатос). Негативная ментальность – целостность, поддерживаемая ненавистью к Другому и, в конечном итоге, бессмысленность бытия. Это целостность такого познавательного опыта, который далек от эстетического восприятия мира и самого себя. Под этим углом зрения все герои трагедии обладают целостностью, но эта целостность деструктивна, оказывает разрушительное действие и на обладателя такой ментальности, и на его жертву, объект, на который эта ментальность направлена.

Системно-герменевтический анализ трагедии «Король Лир»

С точки зрения системного подхода, герои, включенные в эту систему семьи, обречены на страдания, так как системообразующими свойствами элементов системы является черствость, жадность, зависть, а системообразующими отношениями – ненависть, отвержение, обесценивание человека как личности [3]. Все перечисленные качественные состояния являются деструктивными «по умолчанию». Чувства, которые вызывает данное положение дел, – безнадежность, неверие в возможность достойного настоящего и будущего. Смысловой наполненностью такого отношения к миру является установка на разрушение, сначала разрушение отношений, а затем – физическую смерть героев.

Рассматривая феномен насилия с точки зрения системного подхода и герменевтики, уместно вспомнить идею Хайдеггера о том, что существуют два способа общения и понимания. Первый допускает, что один участник диалога имеет намерение подчинить себе другого, навязать свою точку зрения вопреки идее доброжелательности и невзирая на потребности, мотивы и цели другого. Это вид общения Хайдеггер называет общение «с позиции поставы» и считает его неконструктивным. Конструктивное общение предполагает установку на познание откровенного в собеседнике, обнаружение «просвета в бытии», куда другой может войти с вопросом. Только при таких условиях возможно гуманное отношение к Другому, взаимопонимание и постижение глубинных смыслов человеческих отношений. Поднимая вопрос о неоспоримой важности доброты и понимания, Шекспир в трагедии «Король Лир» не предлагает и не навязывает ответов. Трагизм ситуации в том, что жизнь человека конечна, и когда ошибки стариков осознаны, уже нет времени их исправлять, а у детей нет других моделей поведения, кроме тех неконструктивных, которые они уже усвоили от предков. Они обречены транслировать их потомкам, если не возьмут на себя ответственность изменить негативный семейный сценарий, основанный на унижении и насилии. И здесь также уместно вспомнить две психологические теории агрессивного поведения, пессимистическую и оптимистическую. Первая принадлежит психоанализу и его родоначальнику З. Фрейду и заключается в утверждении естественности человеческой агрессивности как бессознательного базового инстинкта. В рамках данной концепции такие черты личности, как негативизм, ненависть, насилие – неизбежны. Э. Берн предлагает свою концепцию насилия как «игры» в «жествопреследователя», основанную на садомазохистских наклонностях индивидов [4].

Вторая теория существует в рамках бихевиоризма и утверждает приобретенный характер агрессивности. Оптимизм заключается в том, что, будучи результатом социального научения, и агрессивное, и асертивное поведения поддаются регуляции методом осознанного подкрепления. Нам ближе последняя – концепция социального научения как более поздняя, зрелая, оптимистичная и гуманная. Но гений В.Шекспира направляет нас не по пути научной психологии, но по «пути сердца», убедительно показывая, что только таким образом можно постичь сущность жизненной драмы и трагедии, познать истину скрытого экзистенциального смысла. Герменевтическое понимание внутренней формы событий и отношений – тот метод, который использует автор, чтобы показать, что физическое разрушение неизбежно следует за разрушением духовным.

Если рассмотреть континуум значений системообразующих отношений в семье, то на противоположном полюсе от психологического и физического насилия закономерно будет предположить дипломатичность и эстетику/вкус отношений. На пленарном заседании IV Российского философского конгресса (27-30 июня 2012 г., Н.Новгород) ясно прозвучала мысль о том, что все рациональные усилия человечества до сих пор не привели к разумному выбору поступательной эволюции человечества. Оптимистический путь развития сегодня ассоциируется с развитием гуманитарных наук и осознанным соотношением разных областей знаний в динамическую целостность [5]. Подытожив все услышанное, квинтэссенцию размышлений можно свести к следующему. Диалог несовместимых мировоззрений возможен при определенных условиях. Эти условия: доброжелательность, открытость новому опыту, готовность слушать и слышать, понимать, меняться. Диалог несовместимых мировоззрений исключает обсуждение первопринципов, но возможен на уровне общечеловеческих экзистенциальных вопросов и общих смыслов (например, когда речь идет о выживании). Результатом может и должна стать коррекция мировоззрения и расширение сознания. Если общих смыслов найти не удастся, диалог должен быть выстроен на уровне вежливости общежития. Кроме того, поступательный диалог предполагает, что учитывается фактор времени, который выражается в установке на благополучное будущее потомков. Эта идея одинаково актуальна во все времена в контексте диалога мировоззрений людей разных поколений.

Выводы, которые хочется обозначить и которыми хочется закончить статью, состоят в следующем. Насилие – зло. Насилие как системообра-

зующее отношение бесперспективно, жертва насилия и преследователь взаимно разрушают друг друга. И жертва, и преследователь несут ответственность за свойства своей личности перед собой, перед другими/современниками, перед потомками/будущим, перед законом и перед вселенной/Богом. Феноменологическая установка на прояснение смысла бытия предполагает коррекцию мировоззрения в сторону гуманных интенций, доброжелательного отношения к ближнему, поиска «просвета в бытии» (Хайдеггер). Матрица насилия основана на системообразующих отношениях ненависти, непонимания, и системообразующих свойствах эгоизма, душевной черствости. Синдром предков закономерно поддерживает сюжет разрушения и транслирует его будущим поколениям [6]. Положительный момент заключается в неотъемлемой свободе выбора моделей собственного поведения по отношению к старикам.

В заключении хочется отметить, что россияне исторически имеют глубокие православные корни. Детско-родительские отношения составляют суть феноменологии семьи, независимо от возраста детей и родителей. Православие предлагает свои принципы детско-родительских отношений и известные добродетели – любовь, доброту, принятие, терпение, смирение, почитание, жертвенность как необходимое и достаточное условие семейного благополучия. Но, к сожалению, действительная реальность демонстрирует множественные факты насилия в семье, в том числе и по отношению к старикам. Одна из заповедей непосредственно указывает на должный характер детско-родительских отношений: почитай отца и мать, и дни твои будут продлены на Земле. Православные рекомендации, являясь общечеловеческими гуманными ценностями, оказывались трудновыполнимыми испокон веков, что подтверждается и в нашем обществе. Сюжет короля Лира до сих пор не теряет своей актуальности. Мы все являемся детьми своих родителей. Фигура Лира является символом родительских ошибок воспитания, позднего понимания истинных отцовских обязанностей и человеческих ценностей. Вопрос любви и доброты на исходе жизненного пути пожилого человека поставлен в трагедии очень остро. Насилие и его онтологическое основание – ненависть своим результатом имеют разрушение и смерть. Противоположным полюсом переживаний является эстетика отношений, политичность, вежливость, вкус. Человек, неся ответственность за свое отношение к своему прошлому и будущему, имеет возможность определить свое место на шкале отношений к собственным родителям и детям. Иногда в этом может помочь пересмотр и переосмысление гениальных произведений мировой литературы.

Литература

1. Манухина Н.М. Родители и взрослые дети: Парадоксы отношений. – М.: Независимая фирма «Класс», 2011.
2. Шатохина. Автореферат диссертации «Онтологический статус ментальности человека». – Иваново, 2010 г.
3. Дмитриевская И.В. Логика. Учебное пособие для вузов. – М., гл. 3,4,5, 2006.
4. Берн Э. Игры, в которые играют люди: Психология человеческих отношений; Люди, которые играют в игры: Психология человеческой судьбы / Пер. с англ. – Минск.: ООО «Поппури», 2003.
5. Материалы VI Российского философского конгресса (Нижний Новгород, 27-30 июня 2012 г.). В 3 томах. – Н. Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского, 2012. ISBN 978-5-91326-187-8
6. Шутценбергер А.А. Синдром предков. Трансгенерационные связи, семейные тайны, синдром годовщины, передача травм и практическое использование геносоциограммы (пер. с фр. И.К. Масалков) – М: изд-во Института Психотерапии, 2001.

НАСИЛИЕ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

«СКАЖИТЕ КРИКУ «НЕТ» (К ВОПРОСУ ЖЕСТОКОСТИ НА УРОКАХ) VIOLENCE IN BUREAOCRATIC ORGANIZATIONS

Азерли Джаваир Агасы
*Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского*
G.A. Azerli
Nizhny Novgorod State University of N. Lobachevsky

Учителя всегда кричат, потому что по-другому они не умеют? В животном мире крик – показатель превосходства одного животного над другим. В человеческом обществе такое самоутверждение через крик тоже не редкость. Однако кричать – значит разрушать психику, свою и ребенка. Тогда почему же учитель кричит? Разве он не знает последствий своего крика?

Обычный человеческий разговор по уровню звука составляет 45 дБ. Человеческий крик – 65-85 дБ в зависимости от тембра голоса. Шум более 60 дБ вызывает снижение слуховой чувствительности, тревогу, бессонницу, нервное истощение. Скажите крику НЕТ!

Текст основан на включенном наблюдении за обучающимися и учителями среднего и старшего звена средней общеобразовательной школы города Нижнего Новгорода.

Teachers are always shouting, because in another way they do not know how. In the animal world the cry – the indicator of the superiority of one animal over another. In the human society is a self-affirmation through cry, too, is not uncommon. However scream – then destroy the psyche. Then why is the teacher shouts? Doesn't he know the consequences of their cry?

A normal human conversation on the sound level is 45 dB. Human cry – 65-85 dB depending on the tone of voice. The noise of more than 60 dB causes a reduction in hearing sensitivity, anxiety, insomnia, nervous exhaustion. Tell screaming NO!

The text is based on participant observation of the pupils and teachers of secondary school in the city of Nizhny Novgorod.

**ПРОТИВОРЕЧИЯ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ
МЕДИКО-СОЦИАЛЬНЫХ ПРАВ И СВОБОД
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПАЦИЕНТОВ И ИХ РОДИТЕЛЕЙ
CONTRADICTIONS IN THE IMPLEMENTATION
OF MEDICO-SOCIAL RIGHTS AND FREEDOMS
OF MINORS PATIENTS AND THEIR PARENTS**

И.В. Горская
*Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского*
I.V. Gorskaya
Nizhniy Novgorod state University it. N.I. Lobachevsky

Обсуждаются медико-социальные права несовершеннолетних пациентов в современной России. Рассматриваются противоречия при реализации данных прав среди подростков и их родителей.

Discusses medical and social rights of minors patients in modern Russia. Examines the contradictions in the implementation of these rights among the teenagers and their parents.

Ключевые слова: медико-социальные права, несовершеннолетние пациенты, российское законодательство, реализация, противоречие, родители

Keywords: medical and social rights, the juvenile patients, the Russian legislation, the implementation of the contradiction parents

Проблема реализации медико-социальных прав и свобод подростков достаточно актуальна для современной России. Данные вопросы рассматривают врачи, юристы, педагоги, психологи, социологи и социальные работники с разных позиций. В российском законодательстве ребенок с момента рождения воспринимается законом как самостоятельный субъект права, наделенный правами и свободами человека и гражданина. Однако в силу физической и психической незрелости ребенок не способен самостоятельно использовать весь объем своих прав [1]. Более того, некоторые аспекты прав и свобод взрослого человека при их реализации развивающейся личностью способны принести вред как данной личности, так и окружающим ее гражданам. Согласно Федеральному Закону «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» от 24.07.1998 №124-ФЗ, Семейному кодексу Российской Федерации

(раздел VI), Гражданскому кодексу Российской Федерации и Федеральному Закону «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» от 21 декабря 1996 г. № 159-ФЗ, функция посредника и помощника между несовершеннолетним и государством возложена на законных представителей несовершеннолетнего: родителей, усыновителей, опекунов и попечителей. Представитель подростка как обладает правами, так и обременен обязанностями в отношении своего опекаемого ребенка или общества в целом. Воспитывать ребенка взрослому уготовано самим естественным положением вещей, и забота о нравственном, духовном и физическом здоровье является существенной частью этого процесса. Степень участия самого ребенка в реализации декларируемых прав увеличивается по мере взросления и до достижения совершеннолетия.

Вопрос о возрасте ребенка имеет большое значение при организации юридического обеспечения медицинской помощи несовершеннолетним, т.к. в зависимости от этого фактора решается вопрос о возможности и способности пациента-ребенка получать информацию о состоянии своего здоровья и участвовать в принятии решения о целесообразности осуществления медицинского вмешательства [2]. В соответствии с положениями Конвенции прав ребенка и Оттавской декларации прав ребенка Всемирной медицинской ассоциации 1999 года, несовершеннолетний является самостоятельным субъектом правоотношений – «ребенок, который достаточно зрел», может независимо от родителей принимать решение по вопросам оказания медицинской помощи. В настоящее время на международном уровне единого возрастного порога «достаточной зрелости» ребенка не существует: в Великобритании (кроме Шотландии), Испании, ряде штатов США ребенок может самостоятельно принимать решение о необходимости медицинского вмешательства с 18 лет, в Австрии – с 14 лет [3]. В Российской Федерации Федеральный Закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 №323-ФЗ определяет 15-и летний возраст (16 лет – для больных наркоманией) в качестве рубежа, достигнув которого ребенок может самостоятельно принимать решение о необходимости проведения того или иного медицинского вмешательства и об объеме информации, который может быть сообщен родителям. Важно отметить, что и в российском федеральном законодательстве, регулирующем оказание медицинской помощи, не сформулировано единой позиции по вопросу о возрастной границе, дающей детям право на автономию. Так, Федеральный Закон «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан

при ее оказании» от 02.07.1992 №3185-1 (ред. 21.11.2011 №326-ФЗ) устанавливает 15-и летний возраст, Федеральный Закон «О предупреждении распространения туберкулеза в РФ» от 18.06.2001 №77-ФЗ (ред. 22.08.2004 № 122-ФЗ) – 14-и летний, Федеральный Закон «О трансплантации органов и (или) тканей человека» от 22.12.1992 №4180-1 (ред. 29.11.2007) – 18-и летний. Своеобразным является подход к обсуждаемой проблеме, сформулированный в Федеральном Законе «О предупреждении распространения в РФ заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции)» от 30.03.1998 №38-ФЗ: ребенок, достигший возраста 14 лет, имеет право самостоятельно пройти медицинское освидетельствование, но в случае положительного результата исследования закон предписывает необходимость информирования родителей несовершеннолетнего (т.е. ребенка до 18 лет) [1].

Таким образом, мы вынуждены констатировать, что на законодательном уровне отсутствует преемственность в определении оптимальной возрастной планки, расширяющей дееспособность ребенка, что вызывает юридические сложности при получении им медицинских услуг [3].

Согласно ФЗ об основах охраны здоровья граждан, 15-и летний возраст (16 лет – для больных наркоманией) определен в качестве рубежа, достигнув которого ребенок может самостоятельно принимать решение о необходимости проведения того или иного медицинского вмешательства и об объеме информации, который может быть сообщен родителям. Статья 54 Семейного кодекса РФ ребенком признает лицо, не достигшее возраста восемнадцати лет (совершеннолетия), Статья 63 Семейного кодекса РФ говорит, что родители несут ответственность за воспитание и развитие своих детей. Они обязаны заботиться о здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии своих детей. Родители имеют преимущественное право на воспитание своих детей перед всеми другими лицами. Таким образом, нормы современного федерального законодательства о признании прав несовершеннолетних, достигших определенного возраста, самостоятельно решать вопрос о целесообразности медицинского вмешательства и определении круга лиц, имеющих допуск к информации о состоянии здоровья, имеют тенденцию к предоставлению большей автономии несовершеннолетним и к «омоложению» возрастных категорий – изменению границ возрастных категорий в сторону уменьшения. Эти тенденции в законодательстве являются отражением явления акселерации подростков – увеличению темпов психоэмоционального и физического развития. Однако необхо-

димось в опеке, воспитании родителями своих детей или опекунами своих подопечных при этом не уменьшается, а в части некоторых аспектов и значительно возрастает. Диссонанс в отношении увеличения законодательной нагрузки на подростков при отсутствии увеличения таковой на родителей, безусловно, препятствуют реализации положений Семейного кодекса РФ, вменяющих в качестве обязанности представителя ребенка заботу об охране здоровья несовершеннолетнего. С возраста 15 лет (16 в случаях с наркозависимостью) до 18 лет (возрастом наступления совершеннолетия) ребенок наделяется правами совершеннолетнего в отношении способности решения вопроса о целесообразности медицинского вмешательства, а родитель (опекун, попечитель) не лишается своих прав и не освобождается от обязанностей в соответствии со статьями 54, 63 Семейного кодекса РФ. Таким образом, возникает необходимость в исследовании проблемы реализации права детей-подростков на автономию при оказании медицинской помощи в аспекте сочетания с обязанностью родителей обеспечить охрану здоровья своих детей.

Литература

1. Филиппов Ю.Н., Абаева О.П., Агафонова Е.А. Юридический и общественный статус ребенка при получении медицинских услуг / Актуальные проблемы педиатрии: сб. материалов межрегиональной научно-практической конференции. – Уфа, 2009. – С. 264-266.
2. Абаева О.П. Медико-социальные проблемы, связанные с реализацией права пациента подросткового возраста на автономию при медицинской помощи // Социология медицины. – 2011. – №1. – С.18-20.
3. Баранов А.А. Научные основы разработки законопроекта «Об охране здоровья детей в Российской Федерации» / А.А. Баранов, Ю.Е. Лапин // Научные труды III Всероссийского съезда (Национального конгресса) по медицинскому праву / под ред. член-корр. РАМН, проф. Ю.Д. Сергеева. – М.: НАМП, 2007. – С. 22-26.
4. Кэмпбелл А. Медицинская этика: пер. с англ.: учеб. пос. под ред. Ю.М. Лопухина, Б.Г. Юдина / А. Кэмпбелл, Г. Джиллетт, Г. Джонс. – М.: Гэотар-МЕД, 2004. – 400 с.

**УЧЕНИЧЕСТВО В ДУХОВНЫХ ТРАДИЦИЯХ: ДОБРОВОЛЬНОЕ
СМИРЕНИЕ ИЛИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ НАСИЛИЕ?
DISCIPLES IN SPIRITUAL TRADITIONS:
VOLUNTARY RESIGNATION OR EMOTIONAL VIOLENCE?**

С.В. Дробовцева
*Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского*
S.V. Drobvtseva
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Отношения между духовным учителем и его учениками важны для обеих сторон. Делается попытка проанализировать, каким образом эти отношения могут превратиться в источник психологического насилия.

The relations between spiritual teacher and his disciples are very important for both sides. In the article the author tries to analyze in what way these relations might become a source of emotional violence.

Ключевые слова: духовная традиция, духовные практики, ученики, духовный учитель, духовный путь, процессы становления

Keywords: spiritual tradition, spiritual practices, disciples, spiritual teacher, spiritual way, processes of growing-up

К концу XX в. в отечественной литературе вновь заметно возрастает интерес к изучению традиции «духовной». Её рассматривают, либо разделяя сферы жизни на «материальную» и «духовную» (А.К. Уледов) [1], либо в соответствии с теми потребностями, которые традиция удовлетворяет (В.Д. Плахов) [2]. Это приводит к тому, что уделяется более глубокое внимание деталям, механизму функционирования, способам влияния на человека, заложенным в этом типе традиций. Позднее формулируется концепт, согласно которому только та традиция, которая связана с «духовной практикой», может называться «духовной» (С.С. Хоружий) [3]. Исследователь, отделяя «духовную» традицию от «культурной» и «религиозной», определяет её как трансляцию антропологического опыта бытийного восхождения – «уникального опыта рода» [4]. При этом делается акцент на том, что человек должен получить свой личный, индивидуально-своеобразный опыт в рамках той или иной «духовной практики», а значит, должны быть организованы определенные условия, сформирована некая «объемлющая среда». Таковую среду со-

здают духовные сообщества, которые существуют в истории и вырабатывают на протяжении не одного поколения инструкцию «онтологического духовного претворения» или «органон духовной практики» [5]. Человек должен пройти определенный духовный путь (путь бытийного восхождения) согласно строгой «инструкции» под руководством духовного учителя. В связи с этим духовные сообщества уделяли и уделяют большое внимание преемственности и наставничеству при трансляции своих учений.

В полной мере институт наставничества представлен в традиционной восточной культуре. По мнению исследователей, учитель и ученик вместе образовывали как бы некую «сверхличную цельность»: каждая из сторон, чтобы стать собой, нуждалась в другой: учитель становился настоящим учителем, когда у него появлялся ученик, и никакие «корпоративные интересы» были не в состоянии исказить глубоких, доверительных отношений между ними внутри настоящей духовной традиции [6].

Нередко ученик проживал в доме учителя и помогал ему по хозяйству, но это не являлось «рабством» или «услужением» господину. Напротив, ученику представлялся шанс наблюдать своего учителя в повседневной жизни и не просто перенимать привычки и жесты, а «перенастраиваться» в соответствии с теми принципами и доктринами, которые проповедовались в их учении. Например, одной из целей в чань-буддизме (дзен-буддизме) являлось достижение состояния «пробуждения» человека. Это состояние реализуется через «прозрение», «просветление сознания», что осуществляется «пробужденным» учителем при помощи определенных приемов воздействия на психику ученика. В процессе этого воздействия учитель как бы транслирует «осознанную пробужденность» своего «трезвеного» сознания ученику, подобно тому, как Будда передал свое пробуждение Махакашьяпе [7].

В строгом смысле, происходит даже не передача какой-то суммы знаний или опыта внутри традиции, а осуществляется «духовное воспроизводство» личности учителя. Процесс духовного уподобления ученика своему учителю связывается с тотальным «перерождением» ученика, после чего тот называется «дваждырожденным», причем последнее, духовное рождение считается «наилучшим». Не удивительно, что стать учеником просветленного учителя являлось большой честью на Востоке. В древней Индии ребенка отдавали в «ученичество» уже в 7-8 летнем возрасте, где он мог оставаться 12, 24, 36 и более лет, выполняя все требуемые обряды и указания наставника. По окончании учебы уче-

ник, совершив все необходимые ритуалы, возвращался в свой дом, но и тогда его связь с учителем не прерывалась: ученик должен был оказывать ему почет, а после смерти учителя совершать предписанные традицией заупокойные ритуалы. По сути дела, наставника и его воспитанника связывали незримые, но весьма прочные, практически «вечные» узы [8]. Поэтому на Востоке никого не удивляло, что уважение к учителю было безграничным, а подчинение – беспрекословным.

Социокультурные реалии конца XX века внесли значительные коррективы в выверенный веками механизм передачи духовных традиций. Процессы интенсивного «ризомирования» (Ж. Делёз, Ф. Гваттари [9]) в обществе привели к тому, что восточные (и иные) традиции стали активно распространяться за пределами тех регионов, в которых изначально возникали и существовали. Некоторая их часть попала и на территорию бывшего Советского Союза, в результате чего обнаружили себя следующие проблемы:

1. Подавляющее количество людей на постсоветском пространстве не имело достаточного опыта общения с носителями духовных традиций и смутно представляло методы и задачи работы духовных традиций, поэтому «духовным учителем» мог провозгласить себя практически любой «самозванец», обладающий достаточной харизмой, чтобы увлечь за собой группу последователей.

2. Та часть людей, которая «интересовалась» различными духовными учениями, понимала, что духовные традиции создают весьма специфические условия для своих учеников, и поэтому, приходя в различные группы, «лояльно» относилась к некоторым требованиям (например, беспрекословное подчинение учителю (лидеру), не имея никаких критериев проверки «концептуальной валидности» группы или критериев опознавания «истиной просветленности» наставника.

3. Практика показала, что поскольку разница между западной и восточной культурами достаточно велика, человек, не имевший прежде опыта общения с носителями иной культуры, не мог быстро сориентироваться в незнакомой среде и определить, где заканчивалась жесткая дисциплина, а где начиналось жестокое насилие над его личностью. Позднее стало известно, что под воздействием обученных в той или иной методике инструкторов процессы трансформации (причем, как «позитивной», так и «негативной») в ряде случаев могли запускаться независимо от воли участника группы.

4. Более того, не все традиции при постулировании духовного развития человека на практике занимались именно этим. Часть так называе-

мых «духовных учителей», не получив высокого признания на родине, пыталась реализовать себя в других местах, в большей степени удовлетворяя свои социальные амбиции, нежели занималась трансляцией наследия своих духовных предшественников.

5. Но самую большую опасность стал представлять тот факт, что практически любой член общества мог не только пострадать от собственного незнания и заблуждений, сколько стать жертвой четко спланированных манипуляций со стороны «заинтересованных» лиц, таких как деструктивные группы, псевдорелигиозные секты типа Аум Сенре-кё, экстремистские и террористические организации и т.д. [10].

Таким образом, все вышеназванные тенденции явились предпосылками для возникновения волны психологического насилия, которая, к сожалению, в современном обществе не преодолена, а только нарастает.

Литература

1. Уледов А.К. Духовная жизнь общества: Проблемы методологии исследования. – М.: «Мысль», 1980.
2. Плахов В.Д. Традиции и общество: опыт философско-социологического исследования. – М.: «Мысль», 1982.
3. Хоружий С.С. О старом и новом. – СПб.: Алетейя, 2000.
4. Хоружий С.С. Духовная практика и духовная традиция. Концепт // <http://www.polit.ru/lectures/2004/09/28/horuzhiy.html>.
5. Хоружий С.С. Опыты из русской духовной традиции. – М.: Парад, 2005.
6. Альбедиль М.Ф. Зеркало традиций: Человек в духовных традициях Востока. – СПб.: «Азбука-классика», 2003. – С. 58.
7. Философия китайского буддизма / Пер. с кит. Е.А. Торчинова. – СПб.: «Азбука-классика», 2001. – С. 36.
8. Альбедиль М.Ф. Зеркало традиций: Человек в духовных традициях Востока. – СПб.: «Азбука-классика», 2003. – С. 62.
9. Делёз Ж., Гваттари Ф. Ризома. – Изд. «Минюи», 1976. – [Электронный вариант] – Сайт библиотеки Ихтика, г.Уфа, Россия. – Режим доступа: <http://ihtik.lib.ru/risoma>.
10. Артамонов А.М. Нетрадиционные религиозные организации и экстремизм // Социально опасные религиозные объединения, организационно-правовые и морально-психологические меры нейтрализации их деятельности: Материалы научно-практической конференции. – Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2005. – С.56-63.

**СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ РАБОТА
С РОДИТЕЛЯМИ «ПРОБЛЕМНЫХ» ДЕТЕЙ.
ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ ШКОЛЬНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ
SOCIO-CULTURAL WORK WITH THE PARENTS
OF "DIFFICULT" CHILDREN BASED ON THE EXPERIENCE
OF THE SCHOOL SOCIAL SERVICE**

Е.А. Лымарь
ГБОУ СОШ №587 города Москвы

Е.А. Lymar
GBOU school № 587 in Moscow

Динамичные мировые процессы, разнообразные трансформации последних 10-15 лет, модернизация, которая затрагивает жизнь современных социальных институтов, заметно повышают значимость таких явлений, как конструктивное и эффективное взаимодействие субъектов социального партнерства. Развитие современной школы, протекающее на фоне преобразований общества, изменений ценностных приоритетов в экономике и морали, способов оценки и восприятия информации, требует глубокого исследования с точки зрения определения её способности и готовности к многомерному взаимодействию с современным государством и обществом. В этом процессе особая роль принадлежит социальному партнерству между школой и родительской общественностью.

Идея работы школы с родителями учащихся не отличается чем-то новым, обладает большим арсеналом тем, методик и технологий, подкреплена многолетним опытом, открытиями и реальными достижениями. Цели и задачи традиционно определялись актуальными проблемами, возникающими и всплывающими в процессе взаимодействия школы с родителями учащихся, совместно решающими задачу обучения и воспитания детей. Не отличается новизной и тема партнерства школы и родителей в работе с «проблемными» детьми. Однако следует иметь в виду, что многомерные изменения, которые происходят в современном мире, в государстве и обществе не могут не затрагивать сути такого партнерства, не влиять на его содержание и поиски современных методов организации взаимодействия. Заметно меняется и само представление о понятии «проблемные дети».

Dynamic world processes, various transformations of the last 10-15 years, modernization, which affects the lives of modern social institutions, significantly increase the importance of such phenomena as constructive and

efficient interaction among participants of social partnership. The development of the modern school, taking place along with social changes, changes in values, in the economy and morality, in the ways of how to assess and perceive information, requires in-depth study to find out whether it is ready for multi-dimensional interaction with the modern state and society. A very special role in this process belongs to the social partnership between the school and the parent community.

Ключевые слова: «проблемные» дети, родители, социальное партнерство, социально-культурологическая работа

Keywords: children with problems, parents, social partnership, socio-cultural work

Субъекты социального партнерства в школе

Взаимодействие родителей и школы является одним из наиболее наглядных примеров социального партнерства, в котором четко проявляется согласованность цели и задач субъектов, так как их деятельность направлена на один объект – ученика. Это партнерство представляет собой особый вид взаимодействия на основе диалога, компромиссов и консенсуса по поиску, выявлению и удовлетворению общих и взаимозависимых интересов на основе совместно предполагаемого результата (развития детей, обучения, воспитания, профессиональной ориентации, духовное развитие личности и социальная адаптация). Его характеризуют принцип относительной добровольности, рационализм, нормативная определенность, относительное равноправие участников.

При сформированном (прежде всего, школой) мировоззрении партнерства, приоритете диалогизма и осознании совместной ответственности в процессе взаимодействия школы и родителей могут быть обеспечены дополнительные условия для стабильности в развитии отношений, для снижения конфликтности и любых проявлений агрессии.

Общность поставленных целей и задач заставляет смотреть на многие вещи «похожими глазами», когда возможно возникновение эффекта «фотоувеличения», описанного французским социологом Р. Кацелем (восприятие целого через его части). Проблемы с достижением «единомыслия» во взаимодействии школы и родителей связаны с присутствием третьего субъекта – государства. Именно с государством школа и родители находятся в разных, иногда совершенно противоположных, отношениях. Школа – это институт, связанный с государством, которое является главным производителем идей образования, определителем

стандартов и заказа на образовательные услуги. Родители – это старшие члены семьи ребенка (со всеми социальными и эмоциональными составляющими), а уже потом они заказчики образовательных услуг как у конкретной школы, так и у государства в целом.

Следует заметить, что восприятие школы родителями довольно специфично, так как оно может основываться на часто необоснованных ожиданиях, иногда ассоциируемых с собственными потребностями или желанием за счет детей получить от школы моральные компенсации за собственные нереализованные достижения. Это может быть связано с тем, что прежняя школа выполняла две основные функции – социального лифта (способ за счет получения образования изменить свой социальный статус в обществе, возможность избежать малоквалифицированного физического труда) и трансляции культуры (где были излишки идеологии). Изменения в сфере образования последних двух десятилетий мало знакомы и понятны большинству родителей, тем более, если эти изменения, инициированные государством, не объясняют обществу реальных перспектив ни для их детей, ни для них самих. Такое положение нередко становится причиной возникновения конфликтных ситуаций между школой и родителями, что отрицательно влияет на саму идею социального партнерства.

Что сегодня понимается под определением «проблемный» ребенок?

Традиция школы в определении «трудного» или «проблемного» ребенка формировалась в контексте решения главных задач (обучения и воспитания), которые усложнились в связи с тем, что не каждый ребенок мог относительно синхронно большинству проявлять способности к обучению или воспринимать требования к поведению в пространстве школы. Причинами этого могли быть и возрастные особенности ребенка, и его индивидуальные интеллектуальные способности, и социокультурные ориентации окружения (семьи, региона), и ограничения, связанные с состоянием здоровья.

Если проблемы здоровья ребенка стали со временем основой для разработки механизмов и условий инклюзивного образования, развивается возможность организации обучения на дому, создаются специальные школы, активно используются дистанционные формы обучения, то для детей, чья «проблемность» не связана со здоровьем, методы работы остаются во многом неизменными. Эта группа «проблемных» детей чаще рассматривается в контексте проявлений девиантного поведения, склонности к агрессии или криминалу, сложностей в социализации и коммуникации. С таким детьми чаще работают школьные психологи,

социальные педагоги и логопеды, а с некоторыми – правоохранительные органы.

Можно было бы констатировать полную меру организованности деятельности с «проблемными» детьми, разработанность механизмов решения сложных педагогических задач, профилактических и юридических процедур, если бы не происходили упоминавшиеся ранее динамичные процессы перемен. Для школы их результатом стало появление новых категории «проблемных» детей, чья «проблемность» не связана со здоровьем или склонностями к асоциальному поведению. Среди них – это дети мигрантов, испытывающие языковые и культурологические трудности, и дети из социально неблагополучных семей, испытывающих материальные трудности и низкий уровень возможностей удовлетворения духовных потребностей. Изменения в национальном, культурном и социальном составе учащихся современной школы заставляют по-новому подойти к вопросу о социальном партнерстве или внести в действующие механизмы серьезные корректировки.

Развитие условий для социального партнерства в школе

Для развития в современной школе условий, которые могли бы обеспечить диалогизм и партнерство, необходимо, прежде всего, определить существующие барьеры на это пути.

Основные проблемы формирования партнерских отношений школа-родитель (со стороны родителей):

1. Нежелание родителей учитывать перегруженность детей (включая информационную и эмоциональную), родительский перфекционизм.
2. Нежелание родителей признавать факт существования проблем у своих детей.
3. Нежелание родителей понимать природу проблем ребенка (интеллектуальную, психологическую, культурную, социальную, коммуникативную и др.)
4. Равнодушное или безответственное отношение родителей к своим детям.
5. Нежелание родителей признавать право ребенка на индивидуальность.
6. Низкий уровень культуры родителей и отсутствие компетентности.
7. Нежелание родителей видеть в школе партнера в воспитании детей.

Наиболее перспективным в решении поставленных задач и преодолении возникающих трудностей представляется программно-проектный метод организации деятельности по развитию партнерства школа – родители, где основной упор делается на повышение социально-культурологической компетентности родителей. Школой разработана и успешно реализуется более пяти лет комплексная программа развития «Здоровье-Знание-Слово», где наибольшее внимание уделяется направлению «Школьная образовательная среда как условие формирования социальных компетенций обучающихся». «Образовательная среда» охватывает всех участников образовательной деятельности – учеников, педагогов, родителей. Такой подход дает возможности для развития конкретных направлений социального партнерства, в частности, в обучении, развитии, воспитании.

Распространенной формой взаимодействия школы и родителей является участие родителей в мероприятиях школы. Это предполагает как участие в подготовительном этапе, так и непосредственное участие в мероприятии. Родители оказывают содействие в организации и проведении экскурсий и школьных праздников. Одним из наиболее ярких мероприятий, обеспечивающих взаимодействие школы и родителей, а также развивающих коммуникацию между поколениями, можно считать проведение ежегодного Дня семьи, в котором принимают участие до 80% всех родителей. В школе проводятся дни национальных культур и традиций. Родители являются и участниками ежегодной международной научно-практической конференции, на которой рассматриваются актуальные вопросы образования, социальной среды и девиантного поведения, играют важную роль в профориентационной деятельности школы.

Формирования и развитие партнерских отношений между школой и родителями учащихся представляется важным направлением исследований в контексте изменений, которые происходят в последнее время в самой системе образования и связаны с внедрением новых ФГОС, новой формы оплаты труда педагогических работников, с новыми целями и задачами. Они необходимы и в контексте изменения социального и культурного состава учащихся, появления новых представлений о «проблемности» детей, развития новых социально-политических и экономических процессов.

Литература

1. Lyman E., Rozwój umiejętności kreatywnych u nastolatków jako środek przezwyciężenia fobii narodo-kulturowych. W: Między kulturami. Edukacja w

wielokulturowej rzeczywistości. Pod red. Ewa Dambrowa, Urszula Markowska-Manista. Wyd. PIB, Warszawa, 2009, s.130-134

2. Лымарь Е.А., Культурологический аспект работы по социокультурной адаптации учащихся-мигрантов//Девиация и влияние миграционных процессов на образовательную среду. Изд. ГОУ СОШ 587 - «Галлея-Принт», Москва, 2011.

3. Лымарь Е.А., Диалог культур в диалоге поколений: уроки арт-терапии//Старшее поколение в современной семье. Ред. Проф. З.Х. Саралиева. Wyd. НИЦОС, Н.Новгород, 2009.

4. Лымарь Е.А., Мировая художественная культура как средство социопсихологической адаптации молодёжи. W: Здоровье как ресурс. Ред. проф. З.Х.Саралиева. НИЦОС, Н.Новгород, 2010.

5. Программа развития ГОУ СОШ 587 2009-2012. Москва, ГОУ СОШ 587, 2009.

**РИТОРИКА В КОНТЕКСТЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ
АГРЕССИИ И НЕПОНИМАНИЯ В ПРОЦЕССЕ
ПОЛУЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ И ЗНАНИЙ В ШКОЛЕ
RHETORIC IN THE CONTEXT OF PREVENTING
AGGRESSION AND MISUNDERSTANDING WHILE
OBTAINING INFORMATION
AND KNOWLEDGE IN SCHOOL**

Н.А. Лымарь
ГБОУ СОШ 587 г. Москвы;
МАТИ – Российский Государственный Технологический
Университет им. К.Э. Циолковского

N.A. Lymar
Moscow school № 587
МАТИ – Russian State Technological University

Процессы, которые можно наблюдать в современном мире, отличаются невиданным ранее динамизмом и разнонаправленностью. Ещё больше их характеризует непредсказуемость результатов. В данном контексте особое значение приобретают качество и содержание информации, которые транслируются институтом образования, знания, которые приобретает современный учащийся. Так как механизмы получения информации существенно изменились, современная школа стоит перед необходимостью решать задачи, связанные с гармонизацией традиционных способов обучения и инноваций, обусловленных развитием технологий и изменениями в различных проявлениях коммуникации. При

всех переменам неизменным остается потенциал слова как главного источника формирования информации и выражения мысли. В данном контексте заметно повышается роль риторизации современного образования как одного из наиболее действенных способов сохранения и построения эффективной коммуникации, основанной на передаче знаний и информационном обмене членов общества. Риторизация образования призвана не только поддерживать и развивать социальный диалог, но и обеспечивать условия, предупреждающие взаимное непонимание и неприязнь, проявления агрессии и враждебности на различной почве (социальной, культурной, национальной и др.).

Processes that can be observed in the modern world, are different as they are so dynamic and multidirectional as have never been before. Moreover, these processes have unpredictable results. In this context, the content of information which is distributed by the educational institutions, the knowledge, that a modern student obtains, are especially important. Since the ways of getting information have drastically changed, the modern school needs to solve the problems related to combining the traditional ways of learning and innovation, caused by the technology development and changes in the various forms of communication. Despite all the changes the potential of the word, as the main source of information and expression of thought, remains unchanged. In this context, much greater role takes the rhetoric part of modern education as one of the most forceful ways to keep and make efficient communication, which is based on the transfer of knowledge and exchange of information in society. Making education more rhetoric means not only maintaining and developing the social dialogue, but also providing the conditions that prevent mutual misunderstanding and dislike, aggression and hostility based on different reasons (social, cultural, national, etc.).

Ключевые слова: риторика, риторизация образования, общественный диалог, знаниевая информация, предупреждение агрессии

Keywords: rhetoric, education, public dialogue, knowledge-information, prevention of aggression

Общественный диалог в современной школе

Динамичные изменения, которые переживает сегодня российская школа, являются отражением процессов, определяющих характер перемен во всех сферах жизни общества в контексте общемирового развития. Пережитые недавно совместно с другими странами кризисные годы и неопределенность перспектив на ближайшее время заставляют нацио-

нальные системы образования переосмыслить накопленный опыт, существенно переоценить перспективы и выработать конкретные востребованные направления развития в рамках определяющейся реальности. В контексте решения этих задач существенно возрастает значимость такого феномена, как коммуникация, способная не только информировать или транслировать любую необходимую информацию, включая образовательную, но, прежде всего, формировать информационное пространство, отражающее адекватную картину настоящего, формулируя реалистичные и понятные обществу цели и задачи.

Изменение социальной (социально-политической и социокультурной) роли современной коммуникации протекает на фоне обостряющихся нерешенных проблем, связанных с межкультурной коммуникацией и межкультурным взаимодействием. Решение этих проблем является постоянным действием государств и обществ с момента определения самих этих понятий. Оно проходит в рамках повседневной работы государственных и социальных институтов, опирающихся в их решении на традиции или инновации, что связано со степенью актуальности самой проблемы или умением находить способы её решения (т.е. с опытом, компетентностью, мотивацией).

Как кризисные моменты в истории, так и периоды роста и модернизации связаны с проявлениями активности масс, что нередко выражается в форме агрессии, как созидательной, так и разрушающей. Институт образования за многовековой период выработал неисчислимое количество педагогических приемов и технологий, направленных на преодоление агрессии в образовательном пространстве. Однако характер задач, которые все чаще встают перед современным молодым человеком, заставляют рассмотреть арсенал имеющихся способов работы с агрессией, обращая внимание на реальные изменения. Эти изменения связаны, с одной стороны, с новыми технологическими прорывами и возможностями, а с другой – с интеллектуально-культурными (цивилизационными) доминантами современности.

Упомянутые изменения касаются сегодня всего комплекса информации и знаний, которые институт образования традиционно предоставляет обществу. Несогласованность содержания и оформления знаниевой информации современной школой и способов её получения (включая внешние другие источники) и восприятия является одной из наиболее распространенных причин проявления агрессивной реакции учащихся. Эта агрессия может быть направлена и по адресу самой информации, и на источник этой информации-знания (учитель, родитель), и опосредо-

ванно на других участников образовательной деятельности (сверстников, учеников). Возникающая агрессия может иметь как ярко выраженный психологический оттенок, так и (что наблюдается всё чаще) социальный (имущественный, классовый и т.п.). Всё чаще она носит культурный оттенок (например, национальный, этнический, религиозный и т.д.). Упомянутые направления агрессии связаны с проектированием на ученическую среду традиционного поиска выхода из сложной проблемы путем поиска виновника её возникновения. Такой традиционализм ни в коей мере не соответствует достижениям современной цивилизации в области предупреждения и преодоления агрессии, он же является тормозом на пути преодоления агрессии в рамках осуществления образовательной деятельности современной школы.

*Риторика как учебная дисциплина
и педагогическая технология преодоления агрессии*

Традиционной проблемой, сопровождающей труд педагога, остается проблема непонимания учениками текста учебной дисциплины в изложении учителя, что часто связано со слабостью продумывания стратегии подбора, формулирования и подачи учебной информации. Различия в опыте восприятия и работы с информацией учителя и современного ученика требуют поиска новых педагогических технологий. Следует также заметить, что при активном декларировании компетентностного подхода к результатам образовательной деятельности школы сегодня значительная часть педагогов опирается на прежнюю парадигму ЗУН, по-прежнему придерживаясь дисциплинарного подхода и пренебрегая интегрированием учебных дисциплин. Такая приверженность традиции все чаще становится источником возникновения непонимания, выраженного, прежде всего, как непонимание интеллектуальное и ценностное, а в итоге приводит к отторжению информации-знания как такового, без особой потребности в дальнейшем осмыслении и оценке. Таким образом рушатся основы существования эффективной коммуникации, включая межпоколенный диалог, и сокращаются условия формирования социальной солидарности, значение которой трудно переоценить в контексте динамизма разноплановых трансформаций современности.

Гуманизм и прагматизм современного образования все больше связывается с необходимостью решения задач, нацеленных на то, чтобы в значительной мере помочь молодым людям (детям, учащимся) разобратся в познании и объяснении явлений действительности, сформировать собственный образ в реальном мире. Процесс обучения в школе

должен помочь им освоить достижения современной техники и технологий, определиться в ценностях и принципах взаимодействия с другими людьми, адекватно оценивать и исполнять собственные социальные роли, найти себя в профессиональной деятельности, определить нравственные и культурные приоритеты.

Все перечисленные задачи нереализуемы никаким иным способом, кроме традиционного, опирающегося на силу слова. Риторика как учебная дисциплина долгие годы (после десятилетий забвения и запретов) рассматривалась в рамках образовательной дисциплины, которая была связана либо с развитием речи в курсе родного языка, либо как гуманитарная наука, содержащая в себе комплекс гуманитарных знаний из образовательных областей – филология, история, философия, логика, культура, эстетика. Такое интуитивно многомерное толкование риторики в постсоветской школе дало основание включить её в перечень дисциплин для элективных курсов и дополнительного образования. С другой стороны, многомерность современных задач и неопределенность в их формулировках создали условия, в которых потенциал риторики может и должен быть использован в процессе толкования и осмысления актуальных проблем современного мира, включить риторику в процесс трансляции информации и социальной коммуникации эпохи динамичных трансформаций и модернизаций.

На локальном уровне, например, уровне школы риторика, получив достаточную степень развития за последние два десятилетия, становится важным инструментом в организации знаниевой информации, востребованной её современным потребителем, непременным условием формирования неагрессивной среды образовательного пространства, основанной на логике, плюрализме мнений и оценок, вариантов решения задач и предполагаемых результатов. Риторическая организация деятельности современной школы – это организация междисциплинарной интеграции, формирования целостного мировоззрения, опирающегося на логику структурного взаимодействия, это способ предупреждения и преодоления непонимания и фобий за счет совместного анализа реальных ситуаций, их оценки и поиска взаимоприемлемых решений.

Если подвести краткий итог сказанного, представляется необходимым упомянуть те явления, которые сегодня стали предметом активного государственного и общественного обсуждения. Речь идет о месте и роли процесса привлечения в Россию трудовых мигрантов, о репатриации этнических русских из государств бывшего СССР, об обострении неприязни на национальной, религиозной и культурной основе, о реаль-

ных социально-экономических проблемах граждан России. Пожалуй, единственным объединяющим звеном для столь проблемных и разнородных групп является образование. Всем им нужны школы, где их дети смогут получить равные шансы для развития, равные условия для адаптации в социальном и культурном пространстве, для профессионального и творческого самоопределения. Всем детям нужны знания, информация, характеризующаяся высокой степенью актуальности, мобильностью, соответствиям технологиям настоящего. Все им нужно слово правды и поддержки.

Литература

1. Риторическая площадка. Теория и практика риторизации школьного образования / Под ред. Лымарь Н.А. – Выпуск 2012. – М.: Галлея-Принт, 2012.
2. Lymar N. Społeczno-retoryczny aspekt zmian w Komunikacji w przestrzeni edukacyjnej w kontekście reform edukacyjnych // Komunikowanie się w społeczeństwie wiedzy XXI wieku. Pod red. N. Majchrzak, A. Zduniak. –Poznan, Wyd. WSB, 2011, T.25, s. 29-35.
3. Лымарь Н.А. Исследование девиаций современной социальной среды в образовательном пространстве // Информационная социализация и риски в детско-подростковой среде. – М.: Изд. ФИРО, 2011. – с.100-113.
4. Лымарь Н.А. Риторическая и эстетическая компетентность учителя при работе с учащимися мигрантами // Девиация и влияние миграционных процессов на образовательную среду. – М.: Галлея-Принт, 2011. – Т.1. – с. 130-135.

АДАПТАЦИЯ ПЕРВОКЛАССНИКОВ К ШКОЛЬНОЙ ЖИЗНИ ADAPTING TO THE FIRST GRADE SCHOOL

Д.В. Лютова
*Нижегородский государственный университет
им. Н. И. Лобачевского*
D.V. Ljutova
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Рассматривается процесс адаптации первоклассников к школе. Основным фактором, влияющим на адаптивные механизмы ребенка, выступает внутрисемейное и школьное насилие.

The article deals with the process of adaptation to the first grade school. The main factor influencing the adaptive mechanisms of the child, and the school acts intrafamilial violence.

Ключевые слова: адаптация, социализация, насилие
Keywords: adaptation, socialization, violence

Адаптация – естественное состояние человека, проявляющееся в приспособлении к новым условиям жизни, новой деятельности, новым социальным контактам, новым социальным ролям. В рамках социологического подхода адаптация рассматривается как процесс и результат активного приспособления индивида к условиям новой среды.

Каждый человек в процессе своей жизнедеятельности вынужден приспосабливаться к тем или иным жизненным условиям. Наиболее болезненно процесс адаптации дается детям, поскольку адаптивные механизмы у них еще не достаточно сформированы.

Важным и ответственным шагом в жизни ребенка является вступление в сознательную жизнь – начало обучения в школе. Это связано, прежде всего, с тем, что на ребенка налагается определенного рода ответственность, необходимость принимать новые обязанности и усваивать нормы поведения в коллективе сверстников. Сам факт вступления в школьную среду откладывает на психике ребенка неизгладимый отпечаток, поэтому особенно важно, чтобы ребенок успешно адаптировался к новым школьным условиям.

Школьная жизнь ребенка протекает в сложно организованной разнообразной по формам и направленности среде. По своей природе эта среда социальна, так как представляет собой систему различных отношений ребенка со сверстниками и школьниками другого возраста, педагогами, родителями, другими взрослыми, участвующими в школьном процессе.

Некоторая часть первоклассников испытывает трудности прежде всего в налаживании взаимоотношений с учителем и одноклассниками, что нередко сопровождается низким уровнем овладения школьной программой.

Для устранения трудностей, возникающих у ребенка в процессе вхождения в новую, незнакомую школьную среду, важным фактором служит поддержка родителей и педагогическая помощь учителей. Для анализа данной проблематики в 2011-2012 годах было проведено исследование среди родителей и опекунов первоклассников, классных руко-

водителей и учителей группы продленного дня, а также с помощью методики «разноцветные странички» проанализировано эмоциональное отношение первоклассников к обучению в школе.

В ходе исследования первоклассники были разделены на три группы в зависимости от состава семьи: дети из полных, неполных и опекунских семей. Анализ результатов выявил тенденцию: от степени успешности процесса адаптации зависит формирование ребенка как личности. В этой связи бездействие или неосведомленность родителей о личностных проблемах ребенка затрудняет процесс адаптации и порождает ряд проблем. Как правило, ребенок, не способный быстро адаптироваться в школьной среде, становится более замкнутым, менее общительным, чаще других имеет проблемы с усвоением школьной программы. Деадаптированные дети подвержены стрессам и депрессии, вследствие чего в большей степени подвержены влиянию окружающих. С этой точки зрения, адаптация является определенным барьером для воздействия на школьника: чем адаптация успешнее, тем влияние внешних факторов на него слабее, так как ребенок более независим и находится в комфортном положении.

В ходе исследования было выявлено, что дети из полных семей адаптируются успешнее, нежели дети из неполных и опекунских семей. Данный факт может быть объяснен тем, что дети в таких семьях остро переживают семейные трудности, следовательно, подвержены двойной психологической нагрузке. Данные группы детей можно отнести к потенциально насильственным, так как из-за собственных переживаний ребенок может стать агрессивным, обидчивым, замкнутым, что не способствует формированию положительных отношений со сверстниками и одноклассниками. Не зная как справиться со своими переживаниями, ребенок начинает выплескивать обиду на других ребят или наоборот – замыкается в себе.

Ни для кого не секрет, что в неполных семьях родитель несет на себе огромную ответственность – он и родитель, и воспитатель, и кормилец. Как правило, такие родители из-за собственной занятости просто не замечают проблем ребенка. В опекунских же семьях существует тенденция давать ребенку шанс самому разобраться в себе, что зачастую приводит к усугублению ситуации.

С другой стороны, трудность в адаптации детей к школе может зависеть от внутрисемейной ситуации. В современном обществе ярко проявляется тенденция к следующему: родители считают, что могут полностью распорядиться своим ребенком, применяя для воспитания любые меры.

Они забывают об уважении к своим детям. Часто в таких семьях присутствует насилие. Насилие в семье становится трагедией для многих людей и разрушает фундамент безопасности общества. Ребенок, ставший объектом насилия, замкнут, унижен. Как правило, такие дети труднее всего адаптируются и социализируются в любых новых условиях.

Именно на таких семьях должно быть сконцентрировано внимание социальных педагогов и школьных учителей. Необходимо отметить, что классные руководители первоклассников, хотя и осведомлены о семейном статусе детей, практически не помогают детям адаптироваться к школе. Они закрывают глаза на многие нюансы относительно учебного процесса и отношений в детском коллективе. Учителя группы продленного дня вообще не имеют сведений о составе семей детей, для них все ребята равны.

Работники школы и социальных учреждений обязаны перекрыть для первоклассника опасность насилия внутри семьи. Они должны защитить таких детей в ситуации, когда семья не способна это сделать.

**КАТЕГОРИЯ «СИМВОЛИЧЕСКОЕ НАСИЛИЕ»
В СОЦИОЛОГИИ ОБРАЗОВАНИЯ**
CATEGORY OF SYMBOLIC VIOLENCE IN THE SOCIOLOGY
OF EDUCATION

М.Л. Максимова
*Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского*
M.L. Maksimova
N.I.Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Рассматривается категория «символическое насилие» как функция власти, способность навязывать значения и признавать их легитимными. В системе образования символическое насилие реализуется через педагогическое воздействие и осуществляется двумя способами – через образовательное знание и образовательные программы.

The article considers the category of «symbolic violence» as a function of the power, the ability to impose values and recognize their legitimacy. In the education system of symbolic violence is implemented through the pedagogical implications and is carried out in two ways - through the educational knowledge and educational programs.

Ключевые слова: символическое насилие, педагогическое воздействие, образовательное знание

Keywords: symbolic violence, pedagogical implications, educational knowledge

Ценность образования в современном мире несомненна. В информационном обществе не только знания, но и, главным образом, способность работать с информацией становятся значимым ресурсом личности, позволяющим ей претендовать на высокостатусные социальные позиции. Иными словами, присвоенное индивидом и формально закрепленное за ним (в виде официального документа об образовании) знание становится ведущим фактором социальной дифференциации. Ребенок, по каким-либо причинам, как объективным, так и субъективным, «выпавший» из системы школьного образования, фактически исключается из конкурентной борьбы не только в данном поле, но и во всех других. Таким образом, система образования, определяя стартовые позиции агентов во всех социальных полях, все больше монополизирует функцию распределения индивидов по статусам, то есть становится основным институтом, закрепляющим систему социального неравенства в обществе.

Социальная дифференциация в системе образования оформляется главным образом через категории, связанные с индивидуальностно-личностными характеристиками обучаемых, такими как способности, усидчивость, прилежание и т.п. Несмотря на то, что развитие данных характеристик напрямую зависит от социальных условий, в которых находится обучаемый, все субъекты (родители, учителя и сами учащиеся) воспринимают эту ситуацию как существующую объективно, не требующую объяснений, «само собой разумеющую». Основным механизмом, закрепляющим и поддерживающим такое положение вещей, является символическое насилие.

Символическое насилие – одно из центральных понятий социологии П. Бурдьё. Оно становится значимой функцией власти, обеспечивающей ее легитимность через навязывание господствующей системы значений и иерархии ценностей. Легитимность власти в данном случае реализуется через «незнание», т.е. искаженное, мистифицированное знание, бессознательное принятие господствующих ценностей и установок. Таким образом, власть функционирует при соучастии подавляемых ею людей, поскольку они признают существующее насилие как «естественный» порядок, иными словами закрепляют легитимность власти.

Поскольку категория власти у П. Бурдьё реализуется через идею социальных полей, каждое из которых имеет свою специфическую систему власти, понятие символического насилия «работает» в каждом из анализируемых полей.

В поле образования символическое насилие реализуется через педагогическое воздействие на разных уровнях системы образования и в семье. В педагогических учреждениях преподаются готовые классификации, которые в процессе присвоения их учащимися становятся их ментальными категориями – способами восприятия и интерпретации окружающей действительности. Существует определенное соответствие между усвоенными нами ментальными категориями и господствующим социальным порядком [1]. Иными словами, система образования, навязывая эти категории, участвует в закреплении и воспроизводстве существующих властных отношений не только в поле образования, но и в других полях.

В образовательных учреждениях символическое насилие осуществляется двумя способами: непосредственно через образовательное знание и косвенно – через формирование образовательных программ.

Образовательное знание – особый вид знания, которое не является ни научным, ни обыденным. Это определенным образом трансформированное и редуцированное научное знание, адаптированное для его восприятия и интериоризации учащимся. В связи с этим образовательное знание должно содержать черты обыденного, доступного для понимания и усвоения его обучаемым [2]. Именно образовательное знание несет в себе те самые господствующие «классификации и мистификации». Стоит отметить, что никакое педагогическое воздействие (оказываемое педагогом или транслируемое через учебник) не свободно от символического насилия, поскольку важной составляющей образовательного знания является мировоззренческий компонент, который оказывает социализирующее воздействие. Следовательно, педагогическое воздействие имеет своей скрытой целью воспроизводство социокультурной дифференциации, удобной как господствующим, так и подчиненным классам. Причем декларируемый в настоящее время отказ от директивных методик в пользу «мягких», личностно-ориентированных способов педагогического воздействия только усиливает эффективность символического насилия. Применение «недирективных» методик, например, таких как создание атмосферы диалога, доверия, дружеского участия способствует более сильному воздействию символического насилия, поскольку педагогическое воздействие здесь скрывается под

маской помощи в максимальной творческой личностной реализации учащегося.

Формирование образовательных программ является другим, неявным способом реализации символического насилия. Выбор учебных курсов/предметов, соотношение гуманитарного, математического и естественно-научного блоков учебной программы, определение учебных курсов/предметов в качестве основных или факультативных, наконец, распределение учебных часов, отводимых на каждый предмет, также имеет мировоззренческий компонент. Он также формирует восприятие существующей системы образования, в частности, и системы властных отношений в целом в таких категориях и образах, как это необходимо господствующим классам.

Таким образом, символическое насилие, участвуя в воспроизводстве господствующей системы социальных отношений в рамках института образования, способствует культурному и символическому закреплению существующей власти в качестве «естественной», «нормальной», «само собой разумеющейся».

Литература

1. Бурдые П. Университетская докса и творчество: против схоластических делений / Пер. с фр. Н.А. Шматко / П. Бурдые – М.: Socio-Logos, 1997. – С. 8-31.
2. Зборовский Г.Е., Шуклина Е.А. Социология образования / Г.Е. Зборовский, Е.А. Шуклина – М.: Гардарики, 2005. – С. 102.
3. Бурдые П., Пассрон Ж.-К. Воспроизводство: элементы теории системы образования / Пер. с фр. Н.А. Шматко / П. Бурдые, Ж.-К. Пассрон – М.: Просвещение, 2007.

МЕДИАЦИЯ В СИТУАЦИИ ШКОЛЬНОГО НАСИЛИЯ MEDIATION IN THE SITUATION OF VIOLENCE IN SCHOOL

А.В. Мигунова
*Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского*
A.V. Migunova
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Безопасные условия обучения и воспитания достигаются посредством осуществления в школе целого комплекса мер. Среди них и поддержание конструктивного взаимодействия участников образовательных отношений. Будут рассмотрены действия по профилактике школь-

ного насилия, предусматривающие, в частности, проведение медиации между конфликтующими сторонами.

Safety in school is the result of complex activity. The maintaining of constructive communication between participants of educational relations is one of it. In this article is discussed prevention of violence in school, including mediation.

Ключевые слова: школа, конфликт, медиация

Keywords: school, conflict, mediation

Школа представляет собой пространство, где разворачивается социальное взаимодействие различных участников, которое может приобретать, в том числе, и конфликтный характер.

Участниками образовательных отношений в общеобразовательном учреждении выступают обучающиеся, педагогические работники общеобразовательного учреждения, родители законные представители обучающихся. Их взаимодействие задано основными целями учреждения. При этом они должны следовать предписанным им статусам и ролям, а также принципам, нормам и правилам (инструкциям), которые установлены различными нормативными актами, регламентирующими деятельность общеобразовательного учреждения. Пренебрежение или нарушение принятых основ (положений) одними вызывает ответную реакцию других.

Школьные конфликты могут быть межличностными, личностно-групповыми, межгрупповыми. Так, например, разногласие или столкновение возможно между учеником и учеником, учителем и учеником, учеником и частью класса, учениками разных классов, родителем и учителем.

Их своевременное обнаружение и эффективное разрешение возможно с помощью различных процедур. В данном случае речь пойдет о медиации как способе урегулирования споров. Ее применение можно рассматривать как одну из мер в системе профилактики насилия в школе.

Прежде всего, определим, кто может выступать в роли медиатора. В современной российской школе предусмотрены должности психолога и социального педагога. Дополнительное обучение данных работников, а также заинтересованных в этой процедуре учителей, позволит подготовить необходимые кадры. Кроме того, как в России, так и за рубежом существует опыт подготовки медиаторов среди учащихся. Возможно приглашение специалиста, имеющего профессиональную подготовку в области медиации, и со стороны.

В ряде зарубежных стран существуют школьные социальные работники. Применение ими процедуры медиации является не только возможным, но и реальным. Так, в США, согласно Стандартам Национальной Ассоциации социальных работников, разработанным для служб школьной социальной работы, предусмотрено обучение и использование школьными социальными работниками медиации и других стратегий разрешения конфликта с тем, чтобы помогать учащимся в урегулировании их непродуктивных столкновений в школе и сообществе, а также содействовать развитию продуктивных взаимоотношений (NASW Standards for School Social Work Services, 2002, Standard 15) [1].

Далее выясним суть медиации. Для этого обратимся к ФЗ РФ от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)». Согласно статье 2, «процедура медиации – способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения» [2].

В уже упомянутых выше Стандартах Национальной Ассоциации социальных работников, разработанных для служб школьной социальной работы (США, 2002), медиация определяется как совместный процесс решения проблемы, в котором нейтральная третья сторона руководит обсуждением, имея намерение помочь сторонам в конфликте определить разногласия, получить соответствующую (относящуюся к делу) информацию и выработать приемлемые варианты решения [1].

При участии в процедуре медиации необходимо следовать ряду принципов.

Так, только добровольное согласие сторон дает основание для проведения медиации. Полагаем, что высокая информированность потенциальных участников об особенностях данной процедуры позволяет им сделать выбор.

Соблюдение принципа конфиденциальности также является необходимым.

Медиатор должен быть беспристрастным и независимым. Возможно, приглашенному специалисту следовать этому принципу легче.

Классифицируя ситуации взаимодействия, М. Аргайл относит ситуации, возникающие в обучении, к ассиметричным [3]. Таким образом, при разрешении конфликта между учеником и учителем медиатору важно особенно быть внимательным к соблюдению принципа сотрудничества и равноправия сторон.

Медиация не является единственной процедурой, используемой с целью обеспечения безопасного школьного пространства. Важно внедрять в школах и другие мероприятия, например, занятия со школьниками по развитию социальных навыков, работу с гневом и агрессией с тем, чтобы предупредить взаимодействие насильственного характера.

Литература

1. Openshaw, Linda. Social work in schools: principles and practice / by Linda Openshaw. – The Guilford Press. – New York – 2008. – ISBN-13: 978-1-59385-578-9. – Pp. 24-28.
2. Федеральный Закон Российской Федерации от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)».
3. Андреева, Г.М. Социальная психология. Учебник для высших учебных заведений / Г.М. Андреева. – М.: Аспект Пресс, 1996. – ISBN 5-7567-0060-9. – С. 105.

ПРОБЛЕМА ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО И ФИЗИЧЕСКОГО НАСИЛИЯ В ШКОЛЕ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ) THE PROBLEM OF PSYCHOLOGICAL AND PHYSICAL VIOLENCE AT SCHOOL (ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF MORDOVIA)

А.Р. Мухаметзянова

Государственное казенное учреждение Республики Мордовия «Научный центр социально-экономического мониторинга»

A.R. Mukhametsyanova

State Institution «Scientific Center of Social and Economic Monitoring of Republic Mordovia»

Рассмотрены проблемы психологического и физического насилия в школе по данным опроса школьников г. Саранска и их родителей. Результаты опроса показали, что проблема жестокого обращения в школе связана, в первую очередь, с психологическим насилием, в основном в малой группе — школьном классе. Чаще проблему насилия в школе отмечали родители, чем подростки.

The article touches upon the problems of psychological and physical violence at school according to poll of schoolchildren and their parents in Saransk.

Ключевые слова: насилие в школе, психологическое насилие, физическое насилие, насилие в отношении подростков

Keywords: violence at school, psychological violence, physical violence, violence concerning teenagers

Рассматривая школу как институт социализации личности, необходимо заметить, что качество процесса социализации зависит от общего статуса школы в существующей системе общественных отношений, от моральной зрелости социума. Однако нельзя не принять во внимание тот факт, что в современной школе наблюдается подмена педагогики институциональными нормами: требованиями к обязательным результатам обучения, к соблюдению определенных стандартов урока и т. д. Таким образом, педагогическое насилие потенциально заложено в самих технологиях традиционного обучения и, если педагог не в состоянии его нейтрализовать, могут возникать конфликтные ситуации.

По данным опроса школьников г. Саранска, подавляющее большинство учащихся ответили, что не подвергались жестокому обращению в школе за последний год (96,6 %). Лишь незначительное число опрошенных отметили, что подверглись жестокому обращению, столько же респондентов затруднились ответить. Можно предположить, что те формы взаимодействия в школьном коллективе, которые имеют место быть как в отношениях между сверстниками, так и с учителями, респонденты-подростки не отнесли к формам жестокого обращения. Проблема частично не осознается учениками школ, поэтому нельзя, даже учитывая положительные результаты, однозначно говорить о том, что в саранских школах отсутствует насилие в отношении подростков. Следует также обратить внимание на то, что тема насилия в отношении детей и подростков продолжает носить табуированный характер, многие из детей не готовы искренне признать факт насилия, совершенного в отношении них.

В целом элементы тоталитарного стиля отношения к детям в школе характерны для всего постсоветского пространства. Если нормами права определенный вид взаимодействия считается насилием, то в рамках социокультурного контекста он расценивается как вид повседневного взаимодействия.

По данным опроса, родители учеников чаще отмечали, что их ребенок подвергался насилию в школе за последний год — 14,3 %. В то же время 58,3 % родителей не помнят таких случаев. Лишь 20,6 % респондентов уверены, что их ребенок не подвергался жестокому обращению в школе за последний год. Затруднились дать ответ на данный вопрос

6,7 % опрошенных, то есть, можно констатировать, что родители, уверенные в том, что их дети не подвергались насилию в школе, оценивают образовательное учреждение как место, где их ребенок может чувствовать себя в безопасности.

Респондентам, отметившим наличие фактов жестокого обращения, был задан вопрос о частоте подобных ситуаций за последний год. Из ответов подростков сложно сделать однозначный вывод, поскольку таким образом ответили всего 4 человека, выбрав варианты «каждый или почти каждый день», «несколько раз в неделю», «раз в год».

Родители подростков, отметившие, что их ребенок подвергся жестокому обращению в школе за последний год, чаще выбирали варианты «несколько раз в месяц» (21, 9 %), «несколько раз в год» (21,9 %), «раз в месяц» (15,6 %), «несколько раз в неделю» (12,5 %), «каждый или почти каждый день» (6,3 %), «раз в год» (6,3 %). Затруднились с ответом 15,6 % опрошенных. Таким образом, степень частоты случаев жестокого обращения находится в среднем диапазоне: от нескольких раз в месяц до нескольких раз в год.

Если распределить ответы респондентов в три группы по частоте применения насилия (недельный, месячный, годовой циклы), то самые высокие значения наблюдаются в группе ответов с месячным циклом: «несколько раз в месяц» (21, 9 %) и «раз в месяц» (15,6 %), т. е. данная группа включает более трети всех ответов — 37,5 %. Это свидетельствует о том, что насилие имеет характер умеренной интенсивности.

Источниками насилия, по мнению подростков и их родителей, чаще выступают сверстники и старшеклассники. Такое распределение ответов является вполне ожидаемым, т. к. основное взаимодействие происходит в малой группе (в классе) и количество потенциальных конфликтов здесь возрастает (табл. 1).

Таблица 1

*Распределение ответов родителей на вопрос,
«Кто чаще всего обращался жестоко с Вашим ребенком в школе?»*

№ п/п	Вариант ответа	Количество выборов	Процент
1.	Сверстники	26	56,5
2.	Старшеклассники	11	23,9
3.	Учителя	8	17,4
4.	Учащиеся других школ	1	2,2

Подростки в большой степени отмечали в отношении себя психологическое насилие со стороны сверстников: насмешки, оскорбления, критику внешнего вида, ругань, употребление бранных слов, отказ от общения. Взрослые респонденты также указывали на большую частоту психологических действий со стороны сверстников своих детей: насмешки, оскорбления, угрозу, шантаж, вымогательство, критику внешнего вида, ругань, употребление бранных слов, отказ от общения.

Физическое насилие проявлялось реже и в форме избивания, пощечины, пинка, подзатыльника, порчи личных вещей.

По мнению респондентов-родителей, в отношении их детей жестокое обращение со стороны старшеклассников проявляется в равной степени как в физической, так и психологической форме.

От учителей, по мнению незначительной группы родителей, подростки чаще страдают психологически. Прежде всего это связано с оскорблениями, постоянной критикой внешнего вида и насмешками.

Таким образом, результаты опроса показали, что проблема жестокого обращения в школе связана, в первую очередь, с психологическим насилием, в основном в малой группе — школьном классе. Чаще проблему насилия в школе отмечали родители, чем подростки. Однако несмотря на позитивные результаты, проблема жестокого обращения в школе остается актуальной.

**К ПРОБЛЕМЕ НАСИЛИЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СПЕЦИАЛИСТОВ
ПО СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ
ON THE PROBLEM OF VIOLENCE IN SOCIAL WORKERS
PROFESSIONAL ACTIVITIES**

Н.А. Птицына

Ивановский государственный университет

N.A. Ptitsyna

Ivanovo State University

Обсуждаются некоторые аспекты проблемы насилия. Приводятся примеры проявления различных видов насилия, встречающихся в практике современной российской социальной работы в контексте «специалист по социальной работе – клиент», «специалист – специалист», а также «специалист – руководитель». Акцентируется внимание на выборе стратегий поведения, предпочитаемых специалистами по социальной работе в ситуациях проявления насилия.

The article is devoted to the discussion of certain aspects of violence problem. The following aspects of the problem are brought into the focus: violence occurring in 'social worker – client' context, violence in 'social worker – social worker' context and 'social worker – manager' context. Numerous examples of these types of violence are provided. Special attention is given to the choice of behavioral strategies preferred by social workers facing violence.

Ключевые слова: насилие, профессиональная деятельность, специалист по социальной работе, клиент, стратегия поведения

Keywords: violence, professional activity, social worker, client, behavioral strategy

Для современного российского общества характерно на редкость терпимое отношение к проявлению различных видов насилия. Не исключением является и насилие, совершаемое в условиях профессиональной социальной работы. Причем, факты проявления насилия встречаются как в контексте «специалист по социальной работе – клиент», так и в отношениях между коллегами, сотрудниками и руководителями. Проблема насилия в семье активно изучается теоретиками и практиками, тогда как информация о масштабах распространения этой проблемы в практике профессиональной деятельности специалистов по социальной работе носит фрагментарный характер. В связи с этим назрела необходимость изучения этой темы, что, в свою очередь, будет способствовать развитию социальной работы как профессионального вида деятельности.

Первоначально необходимо разграничить объекты анализа. В контексте «специалист по социальной работе – клиент», во-первых, клиенты могут являться объектами насилия со стороны окружающих (членов своих семей, соседей и др.); во-вторых, сами клиенты социальных служб могут совершать насилие (например, над членами своей семьи) и, соответственно, выступать субъектами насилия. Для социального работника имеет значение, кто является жертвой насилия (пожилой человек, ребенок, женщина, мужчина); значимы характеристики объекта (возраст, здоровье, степень родства и др.). А что делать в том случае, если мнение членов семьи о проявлении насилия не совпадает? Кто тогда является клиентом: пожилой человек или его близкие, совершающие в отношении его насилие? Или же, как поступать сотруднику социальной службы, если представления о приемлемом поведении у клиента не совпадают с представлениями специалиста? [1]

К категории объектов можно отнести и самих специалистов, на которых распространяется насилие, оказываемое в условиях профессиональной деятельности. Гипотетически возможно вести речь и о социальных работниках, которые выступают жертвами домашнего насилия.

Вне зоны внимания современного профессионального сообщества (особенно относительно несовершеннолетних, осужденных или граждан, страдающих хроническими психическими заболеваниями) остается и вопрос о том, как должно строиться профессиональное общение в ситуации, если общество принуждает клиента к регулярному общению со специалистами. В данном случае речь идет о «недобровольных или частично добровольных» клиентах[2]. Например, в США 99% мужчин приходят в обучающие группы по распоряжению суда, лишь 1% – сами... первоначально на семейно-психологическую беседу к социальному работнику.[1]. Как должен реагировать специалист на проявление домашнего насилия? У сотрудников социальных служб порой возникают подозрения в том, что клиентов избивают (об этом может свидетельствовать наличие у них ссадин и синяков). Обнаружив признаки насилия, специалист оказывается перед выбором: решить какие-то проблемы за/ вместо клиента или вовлечь самого клиента в разрешение проблемы? Стоит ли сообщать об этом в муниципальные органы, ведь на следующий день специалист может встретиться с разгневанными родственниками своих клиентов? Беседы с практикующими социальными работниками позволяют заключить, что наибольшие опасения у них вызывают посещения семей в домашних условиях (где сотрудники социальных служб могут встретиться с членами семьи, употребляющими психоактивные вещества или совершившими правонарушения). В этих семьях не исключена возможность проявления по отношению к специалистам насилия (оскорбления, угрозы, порой специалиста могут не пустить в дом или, наоборот, выпроводить из него). Кто и как обеспечит реальную (а не теоретическую) защиту специалиста, посещающего неблагополучную семью и др. ?

Изучение зарубежного опыта, например, социальной работы в графстве Стаффордшир (Великобритания), свидетельствует о том, что обязательным условием посещения неблагополучных семей является работа специалистов в паре, причем информация о маршруте социальных работников известна не только в центре социальной помощи, но и в полиции. Сотрудники оснащены мобильными средствами связи (соответственно, в любой момент они могут рассчитывать на поддержку правоохранительных органов). Принципиальное значение имеет то обстоятельство, что клиентам известен этот механизм.

Можно рассматривать данную проблему и в ином ракурсе – проявление насилия (например, оскорбления, угрозы) по отношению к сотруднику на рабочем месте (агрессивный клиент, клиент из группы риска). Встречаются факты проявления насилия и внутри трудового коллектива.

С целью изучения этой проблемы было проведено пилотажное социологическое исследование (Иваново, 2012), объектом которого выступили специалисты по социальной работе в возрасте до 30 лет, выборочная совокупность составила 30 человек (95% – лица женского пола, 5% – мужского, что соответствует специфике занятости в отрасли). Основной метод – полустандартизированное интервью. Вопросы были сгруппированы по трем темам. Рассмотрим полученные результаты.

1. Практически все опрошенные, трудящиеся в различных органах и учреждениях системы социальной защиты населения, встречались с фактами насилия (95%). Причем, акторами насилия выступали клиенты (75%) и их ближайшее окружение; в трудовом коллективе – коллеги (45%) и руководители – (9 %).

2. Среди видов насилия превалирует эмоционально-психологическое. Клиенты чаще всего используют вербальную агрессию (оскорбления и замечания, подчас – угрозы). Приведем в качестве примеров ряд ответов респондентов: «Люди голодают, а эти (имеются ввиду сотрудники) отъелись, им только до себя» (Ж., 30 лет), «Порчу на тебя напущу, узнаешь потом, что с тобой будет» (Ж., 25 лет) или «Вот, включу диктофон, что делать-то будешь, куда потом побежишь?» (Ж., 27 лет). Специалисты приводят и такие примеры: «Швыряли на рабочий стол свои документы» (Ж., 28 лет), «Разбрасывали свои документы, тыкали ими в сотрудника» (Ж., 24 года). Встретился и такой ответ: «Была попытка ограбления со стороны родственника клиентки. Пьющий сын бабушки просил в долг денег, я отказала. Шла домой после работы. У нас на улице темно. Он пытался вырвать сумку из рук. Я закричала. Грабитель испугался и убежал. Бабуля просила не заявлять в полицию на непутевого. Было жалко ее, я не стала подавать заявление» (Ж., 29 лет).

В отношениях с коллегами также преобладает эмоционально-психологическое насилие (манипуляция, придирки, необоснованная, оскорбляющая критика и др.). Приведем ряд примеров. «По должностным обязанностям должна была визировать документы в одном из отделов. Прихожу, прошу сотрудника завизировать планы, и слышу в ответ: «Мне некогда. Ходишь, только отвлекаешь. Понабрали бездельников». И так не один раз. Не говорила коллегам об этой ситуации долго, пыталась справиться сама. Но однажды выслушала целую оскорбительную речь. Было

очень обидно. Пришла и расплакалась. Задание не выполнено, идти еще раз к этому сотруднику не было сил. Что делать? В это время в кабинет зашла начальник моего отдела, пришлось все рассказать. Она приняла меры, написала служебную записку. Потом на меня очень долго злобно смотрели, но ничего не говорили. Но документы с тех пор визировали своевременно» (Ж., 30 лет). Или: «Понабрали образованных, а делать ничего не могут. Только и смотрят, как бы от работы откосить» (Ж., 24 года).

Как оказалось, значительно разнообразнее складываются отношения с руководством. Более половины опрошенных отметили, что вербальное и невербальное общение подчас сопровождается повышением тона, интонационной агрессией, грубой лексикой, игнорированием вопросов и др. Часть опрошенных встречались с такими разновидностями эмоционально-психологического насилия, как придирки, оскорбления, необоснованная, оскорбляющая критика. Причем, если руководителем был мужчина, то сотрудницы встречались не только с необъективной оценкой их интеллектуальных возможностей, но и с последствиями неадекватного поведения, вызванного употреблением спиртных напитков. Если руководитель – женщина, то преобладали манипуляция и придирки. К числу подвидов насилия опрошенные также отнесли превышение служебных полномочий, нарушающих их права; предъявление неодинаковых требований (в зависимости от степени приближения к руководству). Отметили, что не приветствуется самостоятельность, автономность, проявление которых руководители рассматривают как нарушение субординации. Очень сложно, по мнению респондентов, оставаться независимыми и отстаивать свою профессиональную позицию, поскольку у руководства есть рычаги управления (например, материальное стимулирование). Иллюстрацией могут служить следующие ответы респондентов. «Когда пришла на работу, меня шокировало такое обращение. С утра придет начальник, и начинается. Все не так: руководители – дураки, подчиненные – идиоты. Никто ничего делать не может, по ее словам. А сама ничего не объясняет. Задание даст, и разбирайся, как можешь, а не сделаешь – опять виновата, «видно, мозгов не хватает». Сама в шесть, как только закончился рабочий день, домой уходит, а ты сиди, пока все не сделаешь. А если неправильно сделаешь, то утром еще и получишь» (Ж., 25 лет). Или: «У нас такая школа была. С утра чего только не слушаешься. Замирали все, когда она в кабинет входила. Обзывала и оскорбляла. Например: «Чего сидите, как недоенные коровы?» Или: «Тебе сколько раз повторять, сказали – беги, а не в носу ковырай». А при раздаче поручений бывало и мат проскальзывал» (Ж., 30 лет). Или стимулирование к деятельности путем манипуляции: «Ты же

понимаешь, что работаем с дураками, только на тебя одна надежда, надо сделать» (Ж., 27 лет).

3. Мнение опрошенных о причинах проявления насилия различается в зависимости от объекта. Периодически сталкиваясь с фактами проявления насилия, большую толерантность респонденты проявляют по отношению к клиентам, рассматривая его одной из «издержек» профессии. Основными причинами проявления насилия опрошенные считают трудное социально-экономическое положение клиентов, девиантное поведение (алкоголизм, наркомания и др.); низкий уровень культуры. Менее терпимы респонденты к своим коллегам и руководителям, основными причинами насилия названы низкий уровень общей и профессиональной культуры, некомпетентность, делегирование или уход от ответственности, отсутствие опыта управленческой деятельности, а применительно к руководителям – транслирование личного негативного опыта и вседозволенность, обусловленные «смирением» сотрудников.

4. В ситуации проявления насилия (агрессии) специалисты по социальной работе в зависимости от объекта выбирают различные стратегии. Во взаимодействии с клиентами опрошенные предпочитают сотрудничество (компромисс) или уход от конфликта. Например, встретились такие ответы: «Разъясняю ситуацию, предлагаю обратиться к руководству» (Ж., 24 года); «Пытаюсь разъяснить ситуацию» (Ж., 23 года); или: «Если клиент неадекватен, иногда бессмысленно объяснять. Нужно перенаправить, дать контакты другого специалиста» (Ж., 28 лет),

В контексте «специалист–специалист» превалируют такие стратегии, как уход от конфликта, сотрудничество и конфронтация. Интересен тот факт, что молодые сотрудники менее терпимы к проявлению насилия со стороны коллег. Наряду с такими ответами, как «Наилучшим же выходом из конфликтных ситуаций я вижу и стараюсь использовать сотрудничество или компромисс, ведь, если возникает конфликт между мной и сотрудником, мной и начальством, его нужно решать, для того, чтобы работать дальше. Необходимо просто набраться смелости и поговорить. Разобраться в ситуации, решить возникшие недопонимания и прийти к соглашению между сторонами с помощью взаимных уступок, когда интересы обеих сторон будут полностью удовлетворены» (Ж., 24 года), «Спокойствие и компетентность. Сотрудничество» (Ж., 24 года), встретились и другие: «Пыталась поставить на место, защитить себя» (Ж., 30 лет), «Вступила в перепалку. Сдержалась, но прямо хотелось выразиться» (Ж., 25 лет).

В ситуациях проявления насилия со стороны руководства специалисты отдают предпочтение сотрудничеству или компромиссу, приспособлению, определенной части – конфронтации. Например, встретились такие ответы: «Отстаивала свою позицию, пришлось уволиться» (Ж., 30 лет); «Пригрозила, что обращусь в трудовую инспекцию и уволилась» (Ж., 28 лет). Вместе с тем встретился и такой ответ: «Защищаю свои позиции, но не даю никаких поводов придрататься к качеству моей работы» (М., 25 лет).

Очевидно, что рассмотрение темы насилия в профессиональной социальной работе носит постановочный характер и требует дальнейшего глубокого исследования.

Литература

1. Саралиева З.Х. Семья – клиент социальной работы: Учебное пособие. – Нижний Новгород, 2003.
2. Гулина М.А. Словарь-справочник по социальной работе, 2010 URL: <http://voluntary.ru/dictionary/903/word/nedobrovolnyi-klient> (Дата обращения: 17.10.2012)

ГЕНДЕРНАЯ СПЕЦИФИКА НАСИЛИЯ В ШКОЛЕ: ОПЫТ НЕМЕЦКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ THE SPECIFIC GENDER CHARACTER OF VIOLENCE AT SCHOOL: THE GERMAN STUDIES EXPERIENCE

И.Л. Сизова

*Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского*

I.L. Sizova

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Воспроизводится и анализируется опыт немецких социологических исследований середины 1990-х – начала 2000-х гг. о причинах и гендерной специфике насилия в школе. Выводы немецких ученых сравниваются с результатами пилотного опроса нижегородских выпускников школ 2012 г., поступивших в 2012 году в вузы города.

The paper contains an analysis of German sociological research of a period from the middle of the 1990s till the beginning of the 2000s concerning the causes and a specific gender character of violence at school. The conclusions of the German scholars are compared with the results of a pilot ques-

tioning of the Nizhny Novgorod 2012 school graduates – now university students.

Keywords: violence, aggression, school, gender, sociological questioning, interview, teenagers

Ключевые слова: насилие, агрессия, школа, гендер, социологические опросы, интервью, подростки

Примеров проведения специальных гендерных исследований в области насилия в Германии практически не существует. Данная тема, как правило, интегрируется в комплексные исследования феномена. Анализ многочисленных немецких работ по проблеме осуществления насилия позволяет отметить следующее. Как теоретически (на основании концепций), так и эмпирически (посредством наблюдения за фактами и в результате опросов) устанавливается однозначная большая склонность к насилию любой формы у лиц мужского пола (начиная с 2-х, 3-х-летнего возраста). В естественной обстановке эта разница еще выше, чем в экспериментальной ситуации. В пубертатном периоде насилие приобретает ясную гендерную специфику: мальчики более склонны к физическому насилию, а девочки – к вербальному. С возрастом гендерная специфика в осуществлении насилия постепенно исчезает, а в пенсионном возрасте ее едва ли вообще можно выявить. В восприятии женщин насилие является эмоциональным средством, тогда как в мужской среде оно выступает инструментальной формой поведения [1; S. 193, 194, 207].

В результате исследования насилия в школе немецкие ученые пришли к следующим выводам. У мальчиков и юношей насилие выступает средством конструирования идентичности. Прибегая к насилию, они решают субъективно для себя проблему развития культурно предписанных гендерных ролей. Для определенной части мальчиков и юношей насилие является составной частью транзитентного периода (т.е. особого периода развития, во время которого актуальная ситуация (экзистенция) мало чем отличается от потенциальной (субсистенции)). Насилие для них – часть ритуала по конструированию мужественности, имеющей отношение к образцам устаревшей культуры рабочего класса. Отчасти насилие рассматривается как помощь в компенсации проблем в поведении, трактуемом как «мужественное». Особенно такая черта поведения выражена у таких групп подростков мужского пола, которые растут в семьях с низким достатком и не могут претендовать на лучшее будущее в современных социально-экономических условиях. Наиболее

склонны к насилию подростки, у которых ощущается нехватка ресурсов (плохая успеваемость в школе или исключение, нет профессионального образования, плохое материальное положение, обеспечение за счет социальных пособий). Недостаток социальных ресурсов создает условия для восприятия своего тела в качестве центрального капитала для конструирования идентичности. В итоге, отмечаются взаимосвязи и взаимозависимости между маргинализацией и созданием мужественности с помощью насилия.

Следующий аспект гендерной специфики насилия в немецких школах вытекает из области социального неравенства. Физическое насилие может являться следствием конфликта между представителями социально доминирующих и низкостатусных классов. Маргинализованные подростки стремятся посредством демонстративного физического насилия насадить доминирование образцов агрессивной и архаической мужественности.

Существенные результаты в выявлении гендерной специфики наблюдаются при оценке различных форм насилия в школе. В немецком исследовании «Насилие в школе», осуществленном в три волны между 1994 г. и 2004 г. в баварских школах [2], установлено, что вербальное насилие исключает гендерную специфику. Как девочки, так и мальчики чаще всего проявляют склонность именно к этой форме насилия. К физическому насилию больше склонны ученики, тогда как ученицы после вербального насилия чаще всего участвуют в порче вещей и в актах вандализма. Хотя, в целом, девочки намного реже мальчиков активны в насилии, при оценке вербального насилия эта разница не велика.

При анализе динамики насилия немецкие ученые единогласны в том, что общая тенденция заключается в сокращении всех без исключения форм насилия, хотя спад сильнее заметен среди учеников, чем среди учениц. Кроме того, насилие быстрее сокращалось в начале 2000-х гг., чем, например, в 1990-е гг. [2; S.98] В исследованиях, включающих помимо массовых анкетных опросов учеников еще опросы/интервью всех участвующих в школьной жизни лиц (родителей, учителей, руководства школы, технических работников), подтверждается, что самые серьезные различия в проявлении насилия между мальчиками и девочками существуют в области физического насилия и агрессии. Психологическое насилие более характерно для учениц, но и его намного меньше, чем у учеников [3; S. 30-31].

Девочки (ученицы) чаще представлены в исследованиях немецких авторов как жертвы насилия или как неучаствующая сторона. В мень-

шей степени изучается агрессивное меньшинство учениц. Однако в теории социализации подчеркивается, что современные общественные структуры (экономические, политические, правовые, этические, моральные и социальные) предоставляют больше возможностей и ресурсов для самореализации мальчиков/мужчин, чем женщин или девочек. Такая реальность воспринимается и закрепляется в пубертатном периоде развития, когда идентичность подростка в большей степени конструируется через осознание гендерных ролей и ожиданий. Как следует из результатов эмпирических опросов в Германии, хотя ученицы не занимают ведущих позиций по формам насильственного поведения, их участие в психическом насилии, вандализме и повреждении имущества нельзя назвать низким. Таким образом, можно сделать вывод, что хотя во многих случаях так называемого «жесткого насилия», связанного, например, с избиением, значительную роль играют мальчики, насилие в школе в целом никак нельзя назвать «мужским феноменом».

Гендерная специфика насилия в школе склонна варьироваться и в зависимости от методов исследования, а также увеличивается в ответах учениц вследствие доминирующей морали, традиционно отрицающей подобное агрессивное поведение со стороны девочек/женщин. Девочки участвуют в насильственных атаках чаще не прямо, а являются подстрекательницами, зрительницами или соучастницами. Эмоционально реагируя на происходящее, девочкам чаще, чем мальчикам, свойственно проявление чувств, сопровождающих насильственные акты или провоцирующие их. Так, гнев, негодование, злость – характерные «девичьи» эмоции.

Оценивая частоту проявления насилия в школе в целом, немецкие исследователи мало интересовались гендерно специфической интеракцией в школьной среде. Часто проявление насилия в любых формах является следствием специфической гендерно-ролевой «игры» учеников и учениц либо учеников с учителями и работниками противоположного пола. Поиск и определение значимых типов гендерной интеракции, приводящих к осуществлению насилия, а также их воспроизводимость или модификации являются важными задачами современной социологии.

Довольно редкий случай в научной практике эмпирических исследований – выявление портрета жертвы насилия. В контексте гендерного анализа приведенного выше немецкого исследования [2;S.111-112] интересно отметить, что чаще всего и жертвами насилия становятся мальчики, а не девочки. Этот вывод имеет отношение, прежде всего, к физи-

ческому насилию, но также применим и ко всем иным формам насилия, за исключением сексуального насилия.

Результаты пилотного опроса (проведен усилиями группы исследователей кафедры общей социологии и социальной работы ННГУ им. Н.И. Лобачевского) студентов-первокурсников ряда нижегородских вузов, только что окончивших школу, позволяют с большой долей осторожности заявить о некотором возможном сходстве проявлений насилия в школе в России и в Германии. В частности, при оценке гендерной специфики выявлен низкий, но одинаковый процент участия бывших учеников и учениц в последнем школьном (выпускном) году в психическом насилии, а также более высокий, по сравнению с другими формами насилия, процент участия учеников в вербальном насилии. Частота проявления психического насилия и вандализма среди опрошенных выпускников школ соединяется с менее выраженной гендерной спецификой.

Таблица 1

Индекс насилия в соответствии с полом ученика

Форма насилия	2011/2012 уч.год		Разница в участии мальчиков и девочек
	Мальчики	Девочки	
Вербальное насилие	4,12	4,42	0,30
Физическое насилие	4,69	4,84	0,15
Психическое насилие	4,84	4,84	0
Насилие против вещей	4,78	4,85	0,07

0 – макс., 5 – мин.

Литература

1. Holtappels H. G., Heitmeyer W., Melzer W., Tillmann K.-J. Forschung über Gewalt an Schulen: Erscheinungsformen und Ursachen, Konzepte und Prävention. 4. Auflage. Juventa Verlag Weinheim und München, 2006.
2. Fuchs, M., Lamnek, S., u a. Gewalt an Schulen. 1994 – 1999 – 2004. 2. Auflage. VS Verlag für Sozialwissenschaften. Wiesbaden, 2009. S. 30-31, 163-164.
3. Meier U. Aggressionen und Gewalt in der Schule. Lit Verlag Münster, 2004.

**ПСИХИЧЕСКОЕ ЗДОРОВЬЕ УЧЕНИКОВ
КАК ФАКТОР ШКОЛЬНОГО НАСИЛИЯ
MENTAL HEALTH OF SCHOOLCHILDREN
AS A FACTOR OF SCHOOL VIOLENCE**

С.А. Судьин

*Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского*

S.A. Sudin

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Анализируется психическое здоровье учащихся как фактор возрастания случаев школьного насилия. Делается вывод о необходимости социальной работы в школе как вторичном социальном агентстве.

Mental health of schoolchildren as a factor of school violence increasing is analyzed. A conclusion is drawn that school social work is needed. A school is considered as a secondary social agency for social worker.

Ключевые слова: психическое здоровье, школьный возраст, школьное насилие, социальная работа в школе

Keywords: mental health, school-going age, school violence, school social work

Негативная динамика психического здоровья россиян является неоспоримой и постоянной тенденцией на протяжении более чем двух десятилетий. Анализ структуры регистрируемых нарушений позволяет выделить специфические черты отечественной картины. Если показатели тяжелых эндогенных нарушений, например, шизофрении, являются своего рода биологическим инвариантом, чьи значения актуальны практически для всего мира, то рост числа функциональных расстройств, таких, как неврозы, фобии или психосоматические заболевания, является чувствительным индикатором снижения уровня социально-экономического благополучия, нестабильности, тревожности и неуверенности.

Учитывая глубокую связь медико-биологического, личностно-психологического и социально-экономического аспектов здоровья, можно вести речь о достаточно равномерном снижении уровня психического здоровья во всех социальных группах, общностях и когортах. Школьные коллективы не являются исключением, и подобное генерализи-

зованное снижение психического здоровья имеет здесь специфические факторы формирования, черты и формы проявления, самой яркой из которых оказывается насилие.

Говоря о психическом здоровье как факторе насилия в учебной среде, необходимо отметить, что школа сама по себе является сильным стрессом; попадая в новую социальную среду с ее требованиями, оцениваемым характером деятельности, конкуренцией, учащийся оказывается в ситуации дезадаптации, способной активировать латентные пусковые механизмы психической патологии. На протяжении всех этапов школьной социализации индивид оказывается включенным в череду кризисных периодов, обусловленных как психофизиологическими изменениями пубертатного периода, так и присвоением новых социальных статусов и ролей, и каждый переживаемый кризис может стать причиной серьезных изменений. Это может усугубляться и переживанием внешних обстоятельств, таких, как семейные проблемы, бедность или, наоборот, относительное благополучие, трудности в общении с друзьями, противоположным полом на фоне явно недостаточного социального опыта. Таким образом, школьный возраст является наиболее опасным с точки зрения появления манифестирующих признаков психических нарушений.

Ведя речь о психическом здоровье как факторе школьного насилия, мы не имеем в виду грубые и легко распознаваемые расстройства (шизофрения, олигофрения и т.д.), поскольку их носители всегда были предметом профессионального внимания врачей-психиатров и персонала специальных образовательных учреждений. Мы ведем речь о функциональных расстройствах, поведенческих особенностях, получивших широкое распространение в последние годы и, в ряде случаев, не попадающих под жесткие медицинские критерии. Их основные проявления – гиперкинез, аутизм, тревожность, агрессия. Опасность состоит в невозможности спрогнозировать формы проявления и социальные последствия их обострений. О наличии данной проблемы свидетельствуют случаи агрессивного поведения психически нездоровых, как оказалось, учащихся обычных школ, жертвой чего становятся не только ученики, но и учителя [1]. Остается только гадать, является ли это следствием врачебной халатности при оценке уровня психического здоровья ученика или преступной активности родителей, не пожелавших отдать ребенка в специальную школу. Мотивы последних, однако, понятны. Вследствие господствующих в обществе установок относительно психических болезней мало кому захочется рискнуть оказаться в социальной

изоляции. В результате образуется порочный круг: заведомо неспособный к обучению в обычной школе ученик все меньше соответствует возрастающим требованиям программы, что провоцирует в нем новые вспышки агрессии и насильственных действий, репертуар которых расширяется по мере физиологического взросления и интеллектуальной деградации.

Было бы ошибочным видеть в психически нездоровых детях, оказавшихся в обычной школьной среде, нерелективных агрессоров и насильников. Нередки случаи, когда такие дети сами оказываются жертвами индивидуальных и групповых насильственных действий, а также суицидального поведения [2]. Этому может способствовать характер поведенческих особенностей – замкнутые и необщительные дети, имеющие трудности в учебе и адаптации, воспринимаются сверстниками как удобная мишень для шуток, нападок, физического, психологического и сексуального насилия [3].

К сожалению, провести количественную оценку высказанных предположений невозможно в силу общей закрытости темы, затрагивающей интересы нескольких профессиональных сообществ. Тем не менее, в ходе экспертного опроса и фокус-группы, проведенных при участии автора осенью 2012 года, респонденты из числа руководителей средних образовательных учреждений отметили выраженное снижение уровня психического здоровья школьников, произошедшее в последние десятилетия. Сам рост показателей школьного насилия, его ожесточение и омоложение были названы респондентами как явные последствия этого процесса. Ухудшение психического здоровья идет параллельно с репликацией педагогической запущенности самих родителей в детском поколении, что затрудняет использование семейного потенциала при решении проблемы. Данные экспертного опроса показали, что, по мнению руководителей школ, именно деформации внутрисемейных отношений являются основным фактором ухудшения психического здоровья учащихся.

Ситуация усугубляется и отсутствием каких-либо механизмов регулирования данного вопроса. Очевидно, что обязательное психиатрическое освидетельствование будущих первоклассников, практикуемое уже не первое десятилетие, носит скорее формальный характер, ориентировано на установление соответствия ребенка установленным статичным критериям и не способно оценить динамику состояния, обусловленную, прежде всего, включенностью в новые социальные отношения. Социальные педагоги, чей функционал размыт до предела, вряд ли

склонны дополнять его новыми задачами, алгоритм решения которых отсутствует. Кроме того, будучи подчиненными руководству школы и связанными по рукам и ногам негласными нормами корпоративной этики, они могут быть заинтересованы в дальнейшем закручивании «спирали молчания».

Реальным выходом из ситуации могла бы стать деятельность социального работника, для которого школа была бы вторичным социальным агентством; лишь действуя по собственному, а не навязанному сверху плану, вовлекая в работу педагогический коллектив, руководство учреждения, родителей, врачей-психиатров, психологов, социальных педагогов и полицию, можно решить самые острые проблемы подобно-го инклюзивного поневоле образования.

Литература

1. Психологи: «Избиение учительницы мог затеять психически нездоровый ученик» Ресурс: <http://www.irk.aif.ru/society/news/20424>. Обращение к документу 20.02.2013.
2. Следствие: школьник-самоубийца был психически нездоров. Ресурс: <http://www.moi-goda.ru/moskva-v-kurse-sobitij/sledstvie-shkolnik-samoubiytsa-bil-psichicheski-nezdorov>. Обращение к документу: 20.02.2013.
3. Южноуральский старшеклассник надругался над девятилетним односельчанином и снял преступление на камеру телефона. Ресурс: <http://mega-u.ru/node/24036>. Обращение к документу 20.02.2013.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ ЗА ГРАНИЦЕЙ: КОММУНИКАТИВНОЕ НАПРЯЖЕНИЕ В ГРАНИЦАХ НАСИЛИЯ FOREIGN STUDENTS' INTERACTION ABROAD: COMMUNICATIONAL STRAIN WITHIN THE CONCEPT OF VIOLENCE

А.Н. Сухова

*Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского*

A.N. Sukhova

Nizhni Novgorod State University

Обсуждаются особенности взаимодействия иностранных студентов, обучающихся в Университете Дуйсбург-Эссен (Германия). Описываются стереотипы и предрассудки «новичков» по отношению к принимаю-

шей среде и обществу, исходя из их географической и культурной принадлежности.

This article discusses the specifics of international students' interaction while their studies in Duisburg-Essen University (Germany). Stereotypes and prejudices of new-comers towards the host community and culture are provided in terms of their geographical and cultural identity.

Ключевые слова: коммуникативное напряжение, коммуникативная компетентность, кросскультурная адаптация

Key words: communicational strain, communicational competence, cross-cultural adaptation

Вопрос социального взаимодействия иностранных студентов в границах принимающей среды – одна из важнейших составляющих адаптационного процесса «новичков». Процесс вхождения в социальную среду посредством взаимодействия с принимающим обществом, а также с представителями других стран не всегда может быть успешным. Расовые и национальные предрассудки, стереотипные представления о «своих» и «чужих» сопровождают видение действительности юных визитеров. Как правило, это не ответная реакция принимающего общества, а, скорее, заложенные в сознании приезжих студентов (представителей преимущественно азиатских стран) штампы. В рамках социологического исследования, проведенного Университете Дуйсбург-Эссен (Германия)¹, автором были выявлены характеристики, описывающие взгляд и отношение представителей разных стран по отношению к себе. В частности, студентам предлагалось ответить на вопрос: *«Описывают ли они себя на позиции «чужака» в границах новой среды»*. Визитеры комментируют восприятие собственной идентичности с позиции местного сообщества следующим образом: их субъективный взгляд на себя и свое место в новом социальном окружении свидетельствует в целом о положительной оценке личного опыта, приобретаемого в новой культуре и новом сообществе. Большинство ребят утверждали, что чувствуют открытость и доброжелательное к себе отношение со стороны немецкого сообщества. Эти аспекты респонденты описывают как в общих категориях, так в деталях:

¹ Данные приведены по результатам авторского исследования «Специфика социокультурной и академической адаптации иностранных студентов в Университете Дуйсбург-Эссен, Германия» (окт. 2011-март 2012гг.)

Fiona, Ирландия: «...Готовы идти на контакт и на английском языке, понимая что мы – иностранцы»; *Shein, Ирландия: «...Они дружелюбны, гостеприимны»;* *Julia, Испания: «Они дружелюбны, открыты, готовы помочь»;* *Omar Suhil, Пакистан: «Они не смотрят на тебя как будто бы ты аутсайдер, они уважают тебя, потому что мы учимся».*

Однако следует отметить, что неоднозначность в отношении к себе со стороны местного сообщества увидели, в основном, представители не-европейских стран, что может объясняться особенностями менталитета, установками на культурные образцы, традициями:

Fahim Aziz, Пакистан: «...Их отношение очень странно, порой, как если бы...например, позавчера, когда у нас был национальный праздник, я надел национальный костюм, и люди смотрели на меня как на чужака»; *W.Cheng, Китай: «Некоторые, я это чувствую, смотрят на нас, как на иностранцев- чужаков, я чувствую это, но большинство – уважают нас, а мы – их...».*

Неприятнь, неоднозначное отношение со стороны окружающих, нежелание заводить беседу и закрытость по отношению к себе отметили большинство иностранных студентов из стран Азии. В частности, для китайских визитеров характерно чувство отстраненности и от принимающего сообщества, и от других европейских студентов в Германии. Отсутствие механизмов интеграции иностранцев в немецкую среду и общество со стороны принимающего университета – ключевой недостаток, по мнению ребят из Китая. Адаптанты вынуждены жить и учиться преимущественно в условиях взаимодействия с представителями своей страны. Это, на их взгляд, значимое ограничение на пути успешной адаптации и интеграции в немецкую среду.

В целом, международные визитеры констатируют проявление неприязни, пренебрежительное отношение к себе со стороны студентов-представителей европейского сообщества в рамках *коммуникационного процесса*. Поскольку для большинства приезжих «новичков» поиск «союзников/ партнеров» по взаимодействию – это первостепенная задача, именно отзывчивость с противоположной стороны – важнейший критерий успешной адаптации для приезжих. Привлекательные качества ребята из азиатских стран находят отклик исключительно в среде «своих», при этом, отстранение и коммуникационное напряжение с представителями европейского континента усугубляется.

Особенно отметим, что, по мнению иностранцев, барьером во взаимодействии с немецким сообществом становится не только незнание языка, но и дисконформ, который связан со стереотипами в отношении

немецкого общества (в том числе, теми, которые основаны на собственном опыте общения с представителями немецкой культуры):

Djoi Chung, Китай: «На самом деле, коммуникация с немцами ограничена для меня.. Мы, конечно, можем общаться с немцами, но только на занятиях, на английском, но большую часть свободного времени мы проводим вместе с китайцами»;

Katarjina, Польша: «Немцы не очень разговорчивы с иностранными студентами. Они держатся вместе. И они не очень горят желанием интегрироваться в среду, взаимодействовать с иностранными студентами».

В качестве итога отметим, что стремление иностранцев из разных стран интегрироваться в социокультурную среду Германии зависит от их желания овладеть навыками коммуникативной компетенции и от мотивированности к взаимодействию с принимающей стороной. Напряженность исчезает с исчезновением предрассудков и стереотипного восприятия иностранцами представителей принимающей страны.

**JUVENILE DELINQUENCY – A CHALLENGE
FOR POLISH SCHOOLS IN XXI CENTURY
МОЛОДЕЖНАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ –
ИССЛЕДОВАНИЕ ПОЛЬСКИХ ШКОЛ В XXI ВЕКЕ**

Roman JAJCZYK

National Defense University of Warsaw

Роман ЯЙЧИК

Варшавский университет национальной безопасности

Рассматривается проблема школьного насилия в контексте роли школы в процессе социализации. Анализу подвергаются данные о динамике численности учащихся и возрастающих показателях насилия в зависимости от типа школы и характера совершаемых проступков. Приведены данные о результатах реализации программы «Скажи «нет» школьному насилию».

Ключевые слова: школьное насилие, факторы школьного насилия, преодоление школьного насилия

It's an eternal dilemma: freedom or security. We must look for a compromise [1].

Polish education system

The education system in Poland is centrally managed by the Ministry of National Education and the Ministry of Science and Higher Education. Full-time compulsory education (received in schools) concerns children and young people aged 6-16 years, whereas part-time compulsory education (received in schools or non-school settings) concerns young people aged 16-18 years. Compulsory education includes the final year of pre-primary education, 6-year primary education and 3-year lower secondary education. Nursery schools, primary schools and lower secondary schools are administered by commune authorities. Upper secondary schools, which are not compulsory, are attended by the vast majority of the population in the age group 16-19/20 years and are administered by district authorities. Autonomous higher education institutions offer mainly first-, second- and third-cycle programs (long-cycle Master's degree programs are available only in a few fields of study). Adult education is provided by continuing education centres, practical training centres and further and in-service training centres[2]. As of 5th May 2006 there are two separate ministries in Poland: Ministry of National Education and Ministry of Science and Higher Education. The Ministry of National Education is responsible for nearly the whole system of education, with the exception of higher education which is under the supervision of the Minister of Science and Higher Education[3].

School. A students' second home.

There are a lot of conditions which have to be fulfilled before a child starts to learn efficiently - concentration, calmness, rest, sharp mind. Because it is in every school's best interest to make their pupils obtain the best learning results – a school is the second place (after home), where children spend most of their time. Polish pupils between the ages of 7 and 14 spend ca. 6100 hours at school lessons. It is below the OECD average which is 6900 hours and most of that intended instruction time is compulsory [4]. Therefore, school teachers should take advantage of every hour of the school time if they want to achieve the best results with their students. And students have to be concentrated, feel motivated and safe.

However, public schools are places that agglomerate children from different communities, local areas and social groups, which creates a group of mixed characters – sometimes it bonds, but sometimes it leads to conflicts.

The issue of safety at school is a key and central issue. As a result of nu-

merous reforms aimed at improving the education system, schools have been burdened by guidelines in the field of school safety and prevention in this area. Educational institutions implement them on the basis of previously performed diagnostic safety of students, teachers, as well as parents. The results serve to formulate answers to questions about the nature and scale of threats in the school environment and how to solve them. Determining the level of safety defined as freedom from school threats is carried out based on the subjective feelings of a student. The main factor in measuring them are feelings of no threat[5].

How to prevent acts of aggression? How to make schools a student's "second home"? There is not one golden method, every school needs individual reviews, but some problems are similar in the whole country.

Less children, more crime.

The total number of pupils has decreased in the last few years from ca. 5,9 million (in 2005) to ca. 4,8 million (in 2011). This is the main problem of Polish schools - some of them, especially small, rural schools had to be closed down because of small number of children. Between the years 2005 and 2011 the number of primary schools in Poland decreased from 14572 to 13922, which gave a number of 650 schools closed[6].

Tab. 1

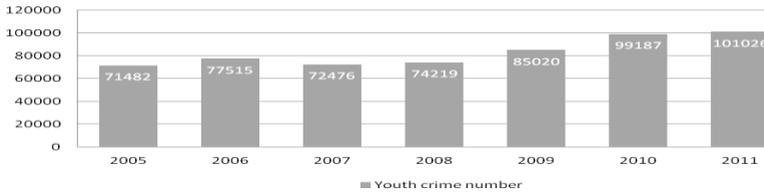
Education – Pupils by educational level in thous

	2005/06	2009/10	2010/11	2011/12
Primary school	2602,0	2234,9	2191,7	2187,2
Lower secondary	1596,8	1322,1	1261,4	1210,0
Upper secondary	1719,7	1519,5	1465,9	1410,1
TOTAL	5918,5	5076,5	4919,0	4807,3

Source: Główny Urząd Statystyczny. Polska w liczbach. Warszawa, 2012.

Worrisome is the fact that although the number of school children went down, the number of crimes went up and reached a number of 100 thousand in year 2011. It is over 25 percent more than in year 2005. Of course, not all of them were committed on the school territory, but most of them were certainly discussed there.

Tab. 2

Youth crime number 2005-2011

Source: Police statistics. www.policja.pl

We can also divide the most often committed prohibited acts performed by teenagers.

Tab. 3

Youth prohibited acts

Year	Murder	Health impairment	Fight, scrimmage	Rape	Theft, robbery, extortion	Burglary
2011	6	5.496	3.580	126	12.438	9.329
2010	7	5.591	3.158	311	11.547	9.813
2009	14	4.636	3.039	137	9.121	8.546
2008	9	3.384	3.242	92	8.161	8.229
2007	11	3.534	2.958	126	7.511	9.185
2006	19	3.429	2.694	148	8.154	9.419
2005	11	3.016	2.147	116	8.081	11.052

Source: Police statistics. www.policja.pl

The most frequently committed crimes on the school territory are still: theft, robbery and extortions. Quite frequent are extortions of small amounts of money, however they happen over a long period of time (daily). There is also a problem with dialogue between students because they increasingly solve their problems by fight or scrimmage.

Crimes committed on the school territory

Year	Type of school	Murder	Health impairment	Fight, scrimmage	Rape	Theft, Robbery, Extortion	Drugs
2009	Primary/Lower secondary	0	2.208	1.021	26	7.207	433
	Upper secondary	0	139	60	7	1.183	291
2008	Primary/Lower secondary	0	1.393	1.141	9	7.580	432
	Upper secondary	0	126	56	2	1.280	137
2007	Primary/Lower secondary	0	1.511	957	19	6.956	443
	Upper secondary	1	141	82	5	1.746	358
2006	Primary/Lower secondary	0	1.457	951	20	7.751	691
	Upper secondary school	1	129	76	0	2.473	425
2005	Primary/Lower secondary	1	1.313	789	19	9.140	588
	Upper secondary	0	111	85	1	3.167	573

Source: own calculations based on police statistics. www.policja.pl

Far less crimes are committed in upper secondary schools because those schools are better-protected – security guards, cameras and card readers are often to be found in such places. This way youngsters rarely dare to start a fight in the school corridor or toilet (which, in particular, is a place that teachers and guards check infrequently). So the question then arises – are all these precautions necessary to keep peace and order in schools?

“Zero tolerance for violence in school” and “Safe and friendly school” programs in response to the growing crime.

The program “Zero tolerance for violence in school” started in November 2006 and was preceded by inspections of the so-called “Giertych trio’s” –

teams that included a police officer, a representative of the school and a representative of the Board of Education. Their task was to control Polish schools and especially to draw attention to the problems faced by schools (alcoholism, drug addiction, aggression, violence, theft etc.) Operational triplets had to rely on conducting interviews with students and teachers, among others on the phenomenon of violence and gathering information about such events. Action was delayed until the end of August 2007 and the results of its conduct were to be the basis for the introduction of the "Zero tolerance for violence in school".

The program was introduced in 2007 and implied an immediate response to any law breaks by both students and teachers. According to the Minister Giertych, when students felt impunity, they would go for more drastic actions. Teachers and headmasters who did not notify the police or prosecution of an offense committed on school premises, were held accountable for the so-called white-collar crime.

The school statutes appeared to records of the penalties for violent or vulgar behavior, prohibited the use of cell phones in the school building and imposed an obligation of coming to class in a neat suit (school uniform). The program provided for the possibility to order the student to the school of social work as a punishment for bad behavior or violation of school rules. Social work did not have to be in school. Juvenile hooligans could be directed to work in a nursing home or animal shelter. The most important part of the "Zero Tolerance" project was isolation of rowdy or socially maladjusted youth in centers of parental support. In those centers, young people were learning in class of 10 persons, only male or female. They lived in dormitories, but with the consent of teachers, parents would be able to receive their children home for the night. Parents also had to pay for a child's stay at the resort.

The zero-tolerance policies were promoted as preventing insubordination, drug abuse and violence in schools. Critics said that "Zero tolerance" in schools had occasionally resulted in punishments which have been criticized as egregiously unfair towards students and teachers, especially in schools with poorly written policies. Consequently, these policies were sometimes derided as zero intelligence policies.

The "Zero tolerance" was not present in schools for a long time, because in August (during summer holidays) Roman Giertych on his position was replaced with Ryszard Legutko, and in November 2007 Katarzyna Hall became the new Minister of Education. She believed that the most effective tool in the fight against aggression in school is a change in relations between students, parents and teachers. So instead of the program "Zero tolerance for

violence in schools" there appeared a new program: "Safe and friendly school". The aim of the new program was to build a positive social atmosphere in school and to strengthen educational-caring functions of the school. The duration of the program was planned for years 2008-2013.

In 2008 the government reserved 51 million zlotys for this purpose. 20 million zlotys was spent on the purchase of surveillance cameras for educational institutions and 9.5 million zlotys was given to youth education and social therapy centers[7].

Ministry of Education allocated 3 million zlotys among others to improve parenting skills. Teachers and parents learn how to deal with aggressive students, how to resolve conflicts and how to cooperate with each other. Every year, school consulting points for parents are established in order to increase the availability of psychologists and help solve problems with children. For the well-functioning of these points in the afternoon hours was spent 3 million zloty last year and more than 7 million zloty this year ¹. In comparison with the "Zero tolerance" it is an innovation to reserve 7 million zlotys for extra-curricular activities for students. The financial support can be granted to both: schools and other educational institutions. In this ministerial program the main impact is put on the psychological aspects of violence and ways of resolving it through meetings with psychologists and sociologists.

Since November 28th, 2011 the department of education has been administered by Krystyna Szumilas who is already the 9th Minister of Education over the past decade [8].

Summary and conclusions.

The presented problem of increasing crime among school students turns out to be difficult to solve. The statistics show a slight decrease in crime between 2006 and 2007 during the implementation of the program "Zero Tolerance" and an increase in crime in the following years during the implementation of the program "Safe and friendly school".

The first one happened to be too drastic in actions; mandatory school uniforms, almost military drill and strict rules were unacceptable for the society. The latter program, which seems to be the exact opposite, indicates that conversations and lack of strictness did not solve the problem, on the contrary - the children who show the problem of aggression feel more impunity.

So where should we tip the scales in order to find the most effective way to influence the youth of today? It seems that the solution lies somewhere in

¹ ibidem

the middle. In order to properly diagnose the problem it is not enough to just base on the polls, but it is necessary to go guided by the common sense in order to avoid creating artificial and unworkable regulations. It is also essential to maintain observation of children and their environment to accordingly chose the most effective means of communication. Because it is the children who are the recipients of any security programs.

Bibliography

1. Koziej.S., Koordynacja i integracja służb jest konieczna, Rzeczpospolita nr 211 (9331), Warszawa 2012.
2. European Encyclopedia on National National Education Systems, www.eurydice.org.pl
3. National system overviews on education systems In Europe and ongoing reforms. wyd. Eurydice, 2010.
4. OECD.Table D1.1. See Annex 3 for notes. Data for 2010. www.oecd.org/adu/eag2012
5. J Mazur J., Szkoła i jej otoczenie jako siedlisko i obszar oddziaływań profilaktycznych, [w:] Edukacja dla bezpieczeństwa – w rodzinie, szkole i pracy, A. Zduniak, M. Kryłowicz (red.), Warszawa – Poznań 2004
6. Kloc K., Konflikty w procesie racjonalizacji szkół, Warszawa, 2012.
7. Załącznik do uchwały nr 172/2008 Rady Ministrów z dnia 19 sierpnia 2008 r.
8. www.men.gov.pl
9. Rządowy program poprawy stanu bezpieczeństwa w szkołach i placówkach „Zero tolerancji dla przemocy w szkole”, Warszawa 2007
10. www.policja.pl

НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ЗАЩИТЫ ДЕТЕЙ ОТ НАСИЛИЯ В РЕСПУБЛИКЕ МОРДОВИЯ REGULATORY PRINCIPLES OF CHILDREN S PROTECTION AGAINST VIOLENCE IN THE REPUBLIC OF MORDOVIA

М.В. Якушкин
*Государственное казенное учреждение Республики Мордовия
«Научный центр социально-экономического мониторинга»*
M.W. Jakushkin
*State Institution «Scientific Center of Social and Economic
Monitoring of Republic Mordovia»*

Рассмотрены основные нормативно — правовые механизмы защиты детей от насилия в Республике Мордовия.

The article touches upon the problems of main legal arrangements of children's protection against violence, functioning in the Republic of Mordovia.

Ключевые слова: насилие, дети, закон, право, защита от насилия
Keywords: violence, children, law, right, protection against violence

Острой проблемой во всем мире стало жестокое обращение с детьми со стороны родителей и иных взрослых, сверстников, а часто и педагогов. В России ситуация усугубляется тем, что процесс воспитания осуществляется в условиях постоянного реформирования: изменяется функционирование образовательных учреждений, средств массовой информации, молодежных и детских общественных объединений, вся социокультурная жизнь подрастающего поколения. С одной стороны, под влиянием общей гуманизации общества к жестокости стали причислять действия родителей, ранее принимаемые за разумную строгость. С другой стороны, последовавшие за распадом Советского Союза социальное расслоение общества и снижение жизненного уровня большей части населения в той или иной мере отразились на жизни всех слоев. Значительная часть старшего поколения не смогла адаптироваться к новым условиям, сформировать защитные механизмы, а молодежь была дезориентирована разрушением сложившихся нравственно-этических норм и традиций. Наступившая правовая, моральная, экономическая незащищенность населения усилила конфликтность отношений между людьми и особенно между супругами, родителями и детьми, вызвав дестабилизацию жизни семей, что в большой степени сказалось на подрастающем поколении.

Дети — наиболее слабая, уязвимая и зависимая от других людей часть общества. Насилие по отношению к ребенку чревато тяжелыми последствиями для его здоровья, оказывает отрицательное влияние на формирование личности, порождает беспризорность и правонарушения среди несовершеннолетних, может являться причиной суицида.

Государственная политика в интересах детей всегда была приоритетной областью в деятельности органов государственной власти в стране и базировалась на таких ведущих принципах, как законодательное обеспечение прав ребенка; государственная поддержка семьи в целях обеспечения полноценного воспитания детей, защиты их прав, их подготовки к полноценной жизни в обществе; ответственность должностных лиц, граждан за нарушение прав и законных интересов ребенка, причинение ему вреда и т. п.

В 1990-е гг. в Российской Федерации начала формироваться государственная социальная политика в отношении детей. Мощным стимулом для активизации этого процесса стала ратификация в 1990 г. Конвенции ООН о правах ребенка как главного международного документа по защите интересов детства. В нашей стране основные положения Конвенции получили подтверждение в Национальном плане действий в интересах детей, утвержденном в 1995 г. Меры по защите прав ребенка значительно расширились в связи с принятием новых документов — Гражданского кодекса РФ (1994 г.), Семейного кодекса РФ (1995 г.), Уголовного кодекса РФ (1996 г.).

Главным актом признания государством своих обязательств перед детьми стало принятие Федерального закона «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» (1998 г.), устанавливающего основные гарантии прав и законных интересов ребенка, предусмотренных Конституцией Российской Федерации. Данный документ определяет ребенка как лицо до достижения им возраста 18 лет (совершеннолетия).

Законом впервые введено понятие «дети, находящиеся в трудной жизненной ситуации». К ним относятся жертвы насилия; дети, жизнедеятельность которых объективно нарушена в результате сложившихся обстоятельств и которые не могут преодолеть данные обстоятельства самостоятельно или с помощью семьи.

В Республике Мордовия нормативно-правовую основу защиты прав детей составляют международные, федеральные и республиканские нормативно-правовые акты. В целях обеспечения эффективной защиты прав и интересов ребенка в России Указом Президента Российской Федерации от 1 сентября 2009 г. № 986 «Об Уполномоченном при Президенте Российской Федерации по правам ребенка» введен институт Уполномоченного по правам ребенка. В Республике Мордовия аналогичная должность была утверждена Указом Главы Республики Мордовия от 26 марта 2010 г. № 53-УГ «Об Уполномоченном по правам ребенка в Республике Мордовия». Приоритетным направлением в деятельности Уполномоченного по правам ребенка в Республике Мордовия является защита прав и законных интересов детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, и детей, находящихся в трудной жизненной ситуации. Большую часть в работе Уполномоченного занимает экспертно-аналитическая деятельность, которая включает в себя сбор, изучение и анализ информации о состоянии дел по обеспечению гарантий прав ребенка, проведение проверок по сообщениям о фактах нарушения прав

несовершеннолетних, участие в государственных программах, направленных на обеспечение законных интересов детей.

В вопросах помощи детям, пострадавшим от жестокого обращения в школе и семье, особое значение приобретает организация межведомственного взаимодействия субъектов системы профилактики насилия в отношении детей. Координация усилий между органами и учреждениями системы профилактики безнадзорности и правонарушений, общественными организациями делает более эффективными выявление случаев жестокого обращения, осуществление защиты детей, организацию реабилитационной работы с пострадавшими от насилия.

Кроме указанных, в Республике Мордовия в сфере защиты прав детей функционируют:

— органы опеки и попечительства (администрации муниципальных районов и ГО Саранск);

— органы прокуратуры;

— комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав;

— общественный инспектор по охране прав детства образовательного учреждения;

— отделение по делам несовершеннолетних межмуниципальных отделов полиции;

— детский телефон доверия с единым общероссийским номером 8-800-2000-122 и другие телефоны доверия, действующие в Республике Мордовия;

— Управление Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков РФ по Республике Мордовия;

— другие правозащитные органы и общественные организации.

Следует отметить, что в группу риска среди детей, склонных к применению насилия по отношению к сверстникам, составляют подростки, совершившие правонарушения. Асоциальное поведение, отсутствие самоопределения, размытость ценностных установок и норм, сложность адаптации после отбытия наказания в местах лишения свободы приводят к формированию у подростка агрессивного поведения и применения насилия в качестве обыденной практики социального взаимодействия. Важность этой проблемы осознается и в Республике Мордовия. В целях нейтрализации данных негативных факторов принята Республиканская целевая программа по профилактике правонарушений и преступлений, в том числе повторных, среди несовершеннолетних в Республике Мордовия «Вернуть детство» на 2011—2013 г. (утв. постановлением Правительства Республики Мордовия от 21 февраля 2011 г. № 49).

Целью программы является повышение эффективности системы профилактики правонарушений и преступлений среди несовершеннолетних, в том числе повторных, через создание межведомственной системы социального сопровождения несовершеннолетних, состоящих на учете в органах внутренних дел, комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав, осужденных к мерам наказания, не связанным с лишением свободы, а также их семей.

Отличительной чертой насилия в отношении детей является стремление к эскалации и воспроизводству при отсутствии реакции и соответствующего противодействия. Защита детей и подростков от жестокости, предупреждение преступлений против них является социально значимой задачей, решение которой должно носить межведомственный и междисциплинарный характер. В деятельность по пресечению насилия должны вовлекаться работники правоохранительной системы, органов опеки и попечительства, представители социальной и педагогической сфер, сотрудники медицинской и психологической служб.

НАСИЛИЕ В СФЕРЕ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

НАСИЛИЕ КАК СОЦИАЛЬНОЕ ПОСЛЕДСТВИЕ БЕЗРАБОТИЦЫ VIOLENCE AS A SOCIAL CONSEQUENCE OF UNEMPLOYMENT

К.М. Ануфриева

*Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского*

К.М. Anufrieva

Nizhny Novgorod State University of N. Lobachevsky

Обсуждаются негативные последствия безработицы, одним из которых является жестокое обращение с детьми. Граждане, долгое время ищущие работу, не справляются со своим психологическим состоянием, которое в дальнейшем приводит к асоциальной жизни. Жестокое обращение с детьми и пренебрежение их интересам могут иметь различные виды и формы, но их следствием всегда является серьезный ущерб для здоровья, развития и социализации ребенка.

In article are discussed the negative effects of unemployment, one of which is child abuse. Citizens for a long time looking for work, cannot cope with his psychological state, which further leads to antisocial life. Child abuse and neglect of their interests can be of different types and forms, but the result is always serious damage to the health, development and socialization of the child.

Ключевые слова: негативные последствия безработицы, насилие в семье, жестокое обращение с детьми, девиантное поведение, асоциальная жизнь, социализация ребенка, личностные и поведенческие особенности

Keywords: the negative effects of unemployment, domestic violence, child abuse, deviant behavior, asocial life, socialization of the child, personality and behavioral characteristics

Безработица – это социально-экономическое явление, при котором часть экономически активного населения не может применить свою рабочую силу.[1] Согласно Закону РФ «О занятости населения в Российской Федерации»[2], безработными официально признаются трудо-

способные граждане в трудоспособном возрасте, которые по независящим от них причинам не имеют работы и заработной платы (трудового дохода), зарегистрированы в государственной службе занятости в качестве лиц, ищущих работу, способны и готовы приступить к работе и которым служба занятости населения не смогла предоставить подходящую работу.[3]

Приобретенный статус безработного кардинально меняет не только прежние ориентиры и уровень материального положения, но и образ жизни в более широком проявлении. Переход в категорию безработных воспринимается людьми достаточно драматично, поскольку трудовая деятельность является той гранью, мерой социального престижа и самоуважения личности, за которой следует состояние напряженности, отчуждения от своей социальной среды, необходимости сложной адаптации к изменившимся условиям жизни.[4] Таким образом, существуют негативные последствия безработицы, которые зачастую приносят вред не только самому гражданину, но и его близким:

- безработица вредит процессу индивидуального накопления материальных и социальных ресурсов, снижается уровень жизни;
- эти ущербы скапливаются в определенных, как правило, наиболее социально уязвимых группах;
- увеличивает степень социального неравенства в стране;
- при продолжительной безработице теряется квалификация и трудовые навыки;
- порождает девиантное поведение (преступления, снижение психического здоровья, радикализм).[4]

Наиболее негативными последствиями безработицы являются социальные факторы, одним из которых является жестокое обращение с детьми. Чаще всего граждане, долгое время ищущие работу, не справляются со своим психологическим состоянием, которое в дальнейшем приводит к асоциальной жизни. Ситуация осложняется тем, что сами граждане, как правило, терпимо относятся к практикам физических наказаний в семье, расценивая это как «конфликт» или «в целях воспитания». Подобное поведение безработных родителей по отношению к своим детям рассматривается как нарушение прав человека. Под статью Уголовного кодекса [5] подпадают действия с очевидным и ощутимым ущербом для здоровья – убийства, телесные повреждения, истязания. Жестокое обращение с детьми и пренебрежение их интересам могут иметь различные виды и формы, но их следствием всегда является: се-

рьезный ущерб для здоровья, развития и социализации ребенка, нередко – угроза его жизни или даже смерть.

Виды насилия:

- Физическое насилие – нанесение ребенку родителями или лицами их заменяющими, воспитателями или другими какими-либо лицами физических травм, различных телесных повреждений, которые причиняют ущерб здоровью ребенка, нарушают его развитие и лишают жизни.

- Сексуальное насилие – использование ребенка взрослым или другим ребенком для удовлетворения сексуальных потребностей или получения выгоды.

- Психическое (эмоциональное) насилие – постоянное или периодическое словесное оскорбление ребенка, угрозы со стороны родителей, опекунов, учителей, воспитателей, унижение его человеческого достоинства, обвинение его в том, в чем он не виноват, демонстрация нелюбви, неприязни к ребенку.

- Пренебрежение интересами и нуждами ребенка – отсутствие должностного обеспечения основных нужд и потребностей ребенка в пище, одежде, жилье, воспитании, образовании, медицинской помощи со стороны родителей или лиц их заменяющих в силу объективных причин (бедность, психические болезни, неопытность) и без таковых.[6]

Любой вид насилия в семье ведет к серьезным последствиям: для ребенка – ущерб здоровью (потеря или ухудшение функции какого-либо органа, развитие заболевания, нарушение физического или психологического развития), для родителя потеря работы и ежемесячной заработной платы осложняется риском попадания в места лишения свободы, становятся опасными для общества. И дети, страдающие от жестокого обращения, и сами взрослые, совершающие это насилие, приносят вред самому обществу в целом. Подобное поведение формирует личностные и поведенческие особенности – это и потеря человеческих жизней в результате убийств детей, подростков или самоубийств родителей, потеря производительных членов общества вследствие нарушения их психического и физического здоровья, низкого профессионального уровня, криминальное поведение. Это потеря родителей, способных воспитать здоровых и в физическом и нравственном отношении детей. Наконец, это воспроизводство жестокости в обществе, поскольку бывшие жертвы сами часто становятся насильниками. В очень редких случаях дети из семей с проблемой насилия вырастают, удачно интегрировавшись в социум, становятся успешными и образуют семью со здоровой психоло-

гической атмосферой. Так бывает, только когда у ребенка существует возможность перенимать модели поведения где-то на стороне.

Безработица негативно влияет не только на человека, который потерял работу и не может ее найти, но и на других членов семьи, особенно на детей, которые нуждаются в помощи и поддержке родителей.

Литература

1. Сизова И.Л. Презентация лекций [Обращение к документу: 15 марта 2011]. Доступ через <http://sizovai.ucoz.ru/blog>
2. Закон Российской Федерации «О занятости населения в Российской Федерации». – М.: Проспект, 2010.
3. Старовойтова Л.И. Занятость населения и ее регулирование: Учеб. Пособие для суд. высш. учеб. заведений / Л.И. Старовойтова, Т.Ф. Золотарева. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – С. 34.
4. Пискунова Н.И. Активизация позиции безработного в сфере занятости: анализ исследований [Электронный ресурс] / Н.И. Пискунова – Режим доступа: www.labourmarket.ru/conf3/reports/piskunova.doc
5. Уголовный кодекс Российской Федерации. – М.: Проспект, 2011.
6. Панкратова Д.А. Ребенок и домашнее насилие / Д.А. Панкратова // Малая социальная группа: социокультурные и социопсихологический аспекты: В 2-х т. Том 2 / Под общей редакцией проф. З.Х. Саралиевой. – Н.Новгород: Изд-во НИСОЦ, – 2004. – С. 157-160.
7. Сизова И.Л. Социальная работа с ищущими работу / И.Л. Сизова // Социальное взаимодействие в системе социальной работы / Под общей редакцией З.Х. Саралиевой. – Н. Новгород: Изд-во Нижегородского университета, 2011. – С. 100-101.
8. Жидкова Е.М. Безработный, «не подходящий по возрасту» / Е.М. Жидкова // Рубеж (альманах социологических исследований) – 2001. – № 16-18 – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://socnet.narod.ru/Rubez/16-17/Zhidkova.htm>.

**ПРОБЛЕМА МАНИПУЛЯЦИИ В РАБОТЕ С КЛИЕНТАМИ
НА РОССИЙСКОМ РЫНКЕ КОНСАЛТИНГА
ON CLIENT MANIPULATION IN MANAGEMENT
CONSULTING**

А. С. Архангельская
*Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского*
A.S. Arkhangelskaya
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Обсуждаются приемы манипулирования в работе российских консалтинговых компаний с потенциальными клиентами. Автор выражает сомнения в эффективности подобных технологий при построении долгосрочных и доверительных отношений консультантов с клиентами.

The article discusses manipulative technologies in the work of Russian consulting companies with their target audiences. The author raises doubts in effectiveness of such methods while building up long-term confident relationship.

Ключевые слова: манипуляция, российский рынок консалтинга, этика бизнеса, рынок B2B

Keywords: manipulation, Russian market of consulting, business ethics, B2B marke

Главными продуктами производства в новом постиндустриальном обществе являются информация и знания. В этом контексте деятельность консалтинговых фирм является востребованной, поскольку компании-консультанты и отдельные практики могут помочь бизнесу, государственным предприятиям, некоммерческим организациям получить новые сведения об инновационных продуктах и услугах, а также освоить как базовые навыки, так и детальные пошаговые инструкции по работе с ними. Консультанты могут помочь в кризисных ситуациях, провести аудит, осуществить анализ внешней и внутренней среды организации, помочь разработать стратегию и тактику развития и продвижения предприятия.

Реализация успешных проектов возможна лишь при активной совместной работе клиента и консультанта. Каким бы ни был подготовленным клиент, сколь бы ни высоки были его знания, роль консультанта

в проекте остается ведущей. В ходе общения консультант занимает позицию эксперта, которому доверяется решение задачи.

Доверие – это капитал консалтинговой компании. Проблеме установления доверия между клиентом и консультантом посвящена книга «Советник, которому доверяют» (*The Trusted Advisor*). Авторы – Дэвид Майстер Чарльз Грин, Роберт Галфорд (David Maister, Charles Green, and Robert Galford) и предлагают иерархию консультантов, отражающую глубину взаимоотношений с клиентом. С их точки зрения, нужно стремиться к тому, чтобы клиент воспринимал консультанта не просто как специалиста в своей узкой сфере или смежных отраслях, но мог также обращаться к нему по другим вопросам, даже если они находятся вне сферы основной профессиональных компетенций консультанта. Высший уровень развития взаимоотношений между клиентом и консультантом, как полагают авторы, когда вас воспринимают в качестве доверенного советника, поскольку при таких отношениях «клиент готов обсуждать с Вами как профессиональные, так и личные проблемы и прислушиваться к Вашим советам», а для возникновения взаимоотношений такого уровня необходимо «понимание межличностных, индивидуальных взаимоотношений»[1].

На рынке консалтинга во всех сферах от крупных транснациональных аудиторских компаний до отдельных консультантов по имиджу персоны существует жесткая конкуренция, поэтому, помимо добросовестных методов работы бизнес-консультанты зачастую прибегают к манипулятивным технологиям для продвижения своих услуг. Манипуляции подрывают доверие к консалтинговой фирме и оказывают негативное влияние на восприятие отрасли в целом. Мы касаемся вопросов манипулирования на уровне организация – организация, хотя фактор межличностных отношений в этой сфере играет очень большую роль, и манипуляции применяются и на более низком уровне, однако эти отношения останутся за рамками этого обзора.

Манипуляции можно разделить по этапам:

- в процессе продвижения консалтинговых услуг;
- в ходе переговоров;
- на этапе проектной работы.

Одной из самых популярных в последние несколько десятилетий в России и за рубежом стала технология создания ажиотажа вокруг необходимости обращения к определенному консультанту и приобретению набора услуг. Равнясь на гения продвижения Стива Джобса, обладавшего умением создать у массовых аудиторий ощущение «must have» по

отношению к продуктам Apple, современные консультанты с помощью специальных мероприятий, вирусных технологий (распространению информации по экспоненте в своем, как правило, премиальном сегменте, «из уст в уста») стремятся навязать услугу своей целевой аудитории, подчеркивая ее эксклюзивность, «обязательность» для людей и компаний определенной социальной группы.

Одним из наиболее успешных примеров продвижения своих услуг являются шоу-презентации нижегородской компании SCORE, активно работающей на региональной рынке в начале 2000-х гг. Их мероприятия – «Камасутра для бизнеса», «Шоу лысых» должны были шокировать и одновременно интриговать представителей нижегородского бизнеса. Последнее мероприятие было организовано в 2005 г. совместно с профессором Стокгольмской бизнес-школы, одним из авторов модных бизнес-бестселлеров «Бизнес в стиле фанк. Капитал пляшет под дудку таланта» (2001) и «Караоке капитализма. Менеджмент для человечества» (2004) Кьеллом Нордстремом (Kjell Nordstrom) и позиционировалось как шоу бизнес-идей. Мастер-класс К. Нордстрема в Нижнем Новгороде, организованный группой «SCORE», собрал полный зал предпринимателей в ТЮЗе[2].

Д. Китей и К. Райт ставят под сомнение эффективность подобных «игровых» и шокирующих приемов в работе консультантов с целевой аудиторией. По мнению исследователей, такие технологии могут разрушить репутацию консалтинговых компаний и ее отдельных представителей в долгосрочной перспективе, хотя они способны в кратчайшие сроки создать узнаваемость, паблисити[3].

На рынке B2B решение о покупке товара или услуги основывается на рациональных критериях, поэтому распространена манипуляция фактами, компании зачастую прибегают к замалчиванию одной информации и выпячиванию другой и даже к фальсификации данных. Это относится к данным о сотрудниках консалтинговой компании и о клиентах компании. Бывает, что компании пишут в рекламных материалах «среди наших клиентов компании «А» или «Б» или даже с формулировкой «такие компании, как». Речь может идти вовсе не о проведенных проектах в указанных компаниях, иногда достаточно того, что кто-нибудь из сотрудников принял участие в семинаре или тренинге. Другой вариант манипуляции – в заслуги компании записываются проекты, которые сотрудник или даже руководитель выполняли на предыдущем месте работы. Опыт и заслуги переносят с компании на компанию, манипулируя восприятием клиентов. К этому прибегают новички на рын-

ке, не нарабо́тавшие собственного послужного списка. Кроме этической стороны вопроса, такой перенос опыта чреват тем, что уровень оказания услуг окажется низким.

Предметом манипуляции становится и размер фирмы, консультанты пытаются показать, что их компания больше и значительнее, чем есть на самом деле. В рекламном проспекте указывают: «Наши офисы находятся в Москве, Нижнем Новгороде и Казани». В реальности компания снимает небольшую комнатку в офисном центре в Казане, а под офисом в Москве понимается помещение партнерской компании. Основное же помещение располагается в Нижнем Новгороде. При такой подаче информации у клиента создается впечатление, что он имеет дело с крупной московской фирмой.

Консалтинговые компании манипулируют, обещая клиентам, что в проектах будет участвовать известный или опытный консультант, а в результате, проектную работу передают стажерам. А известный консультант в данном случае выполняет роль «приманки».

Интересен пример, когда объектом манипулирования становятся гарантии выполнения проекта. О такой акции объявлял приволжский филиал группы компаний «ИНТАЛЕВ». В рекламе фирма предлагала полный возврат денег в случае неудовлетворенности результатом проекта[4]. По условиям договора возврат денег возможен лишь в случае, если клиента не подписал акт сдачи-приемки выполненных работ. Это стандартные права клиента, если он может обосновать неудовлетворенность качеством услуг. Консалтинговый проект «Инталев» включает в себя несколько этапов, каждый из которых должен закрываться актом сдачи-приемки перед переходом к следующему. Таким образом, проектный результат клиент получит лишь после выполнения всего объема работ. По условиям акции консалтинговая компания рискует не более, чем одним из этапов проекта.

Такой вид рекламной манипуляции характерен для сегмента FMCG, например, заявления об отсутствии холестерина в растительном масле, которого, как известно, не может быть в продукции любого производителя.

На этапе переговоров консалтинговые компании могут манипулировать стоимостью проекта, например, включая в коммерческое предложение только базовый набор услуг или только стоимость лицензий на программное обеспечение. После того, как клиент соглашается и подписывает договор, всплывает необходимость в дополнительных работах.

Манипулируют компании и сроками проекта, обещая выполнить работы за несколько месяцев, а в итоге проект затягивается на годы. Конечно, возможна в подобных ситуациях не всегда вина консалтинговой компании, увеличение сроков и стоимости проекта может возникнуть из-за переосмысления задач бизнеса, новое понимание может придти после одного из этапов. Но бывают случаи, когда эти параметры занижаются намеренно, чтобы продать проект.

Компании, предлагающие наряду с консалтинговыми услугами, собственные программные продукты, вводят в заблуждение клиентов, предлагая «сырые» версии программного обеспечения. При установке клиент может столкнуться с тем, что система не обладает заявленным функционалом, программы выдают ошибки, их гораздо сложнее интегрировать, чем заявлялось ранее, возможности софта не соответствуют размеру компании. Все это также может вести как к увеличению стоимости и трудозатрат проекта, так и полному срыву проекта. Поскольку к такому виду манипулирования прибегают очень многие фирмы, у бизнес-сообщества уже сформировалось недоверие к внедренцам и производителям, клиенты не хотят быть подопытными кроликами, на которых будет тестироваться программное обеспечение.

Российские исследователи[5], изучавшие зарубежный опыт менеджмент-консалтинга, подчеркивают, что для эффективного развития отрасли необходимо, с одной стороны, создать нормативно-правовую базу, регулиующую отношения между консалтинговой компанией и клиентом.

С другой стороны, было бы полезно перенять опыт работы профессиональных ассоциаций, одной из задач которых является формулирование морально-этических норм и правил отрасли, а также контроль за их исполнением через сертификацию консультантов и исключение из рядов ассоциаций за неэтичное поведение. Эти меры могли бы снизить манипулирование клиентами среди консалтинговыми компаниями и повысить доверие к честным игрокам.

Литература

1. Майстер Д., Грин Ч., Галфорд Р. Советник, которому доверяют / Майстер Д., Грин Ч., Галфорд Р., М.: Альпина бизнес букс, 2004. – С. 28.
2. См. Бортмонова Е. В формате неформат/ «Биржа», №36, 19 сентября 2005. – электронная версия еженедельника «Биржа» - Режим доступа: http://www2.birzhaplus.ru/view.php?ids=2894&id=438&izdanie=birzha_2005&gazeta=birzha&inc= (дата обращения 20.09.2012)

3. Kitay, J, Wright, C. Take the Money and Run? Organizational Boundaries and Consultants' Roles The Service Industries Journal, Vol.24, No.3, May 2004, pp.2 ISSN 0264-2069 print/1743-9507 - Режим доступа: <http://www.cas.umt.edu/dcs/faculty/bach/Documents/Kitay.pdf> (дата обращения 20.09.2012)
4. «ИНТАЛЕВ» гарантирует успешность проекта. Или возвращает деньги. Блог Приволжского представительства ГК «ИНТАЛЕВ», 20 мая 2010. - Режим доступа: http://club.cnews.ru/blogs/entry/intalev_garantiruet__f68c0 (дата обращения 20.09.2012)
5. См., напр.: Маринко Г. И. Управленческий консалтинг, учеб. пособие / Г. И.Маринко. – М. : ИНФРА-М, 2005, с. 11

**ЭЛЕМЕНТЫ СОЦИАЛЬНОГО НАСИЛИЯ В ОТНОШЕНИИ
РАБОЧИХ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ РОССИИ**
**ELEMENTS OF SOCIAL VIOLENCE AMONG
THE WORKING INDUSTRIAL ENTERPRISES OF RUSSIA**

А.П. Бафанов
*Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского*
A.P.Bafanov
N.I. Lobachevsky State University of Nizhniy Novgorod

На современных промышленных предприятиях протекают деструктивные процессы, неправомерные действия со стороны руководства предприятий, приводящие к проявлениям насилия.

At the modern industrial enterprises destructive processes, wrongful actions proceed from the management of the enterprises, violence bringing to manifestations.

Ключевые слова: социальное насилие, деструкция, социальная политика, рабочие

Keywords: social violence, destruktsiya, social policy, workers

Насилие является распространенным явлением, которое все чаще встречается в современном обществе. Под насилием следует понимать не только физическое давление, но и социальные факторы принуждения, которые негативно сказываются на социальной активности индивида и его ролевом поведении.

Например, И.А. Баева определяет насилие как «такое физическое, психическое, духовное воздействие на человека (социально организованное), которое понижает его нравственный (духовный), психический (моральный, коммуникативный) и жизненный статус (в том числе правовой, социальный), причиняя ему физические, душевные и духовные страдания, а также угроза такого воздействия» [3]. Из этого определения следует, что насилие, независимо от того, чем оно спровоцировано, негативно отражается на общем состоянии субъекта.

На промышленных предприятиях России распадается социальная сфера, причиной чего является процесс их приватизации. В таких условиях происходит ухудшение всех социальных процессов, и современное российское предприятие уже не является гарантом социальной защиты, что подвергает рабочего социальному насилию. Рабочий теряет свои прежние социальные позиции, это выражено в сокращении численности высококвалифицированных рабочих; снижении производственных мощностей; ликвидации социальных объектов на промышленных предприятиях; сокращении численности ПТУ по подготовки рабочих; снижении приоритетности выбора рабочей профессии среди молодежи.

При популяризации сферы услуг и соответствующих профессий статус рабочего занижен в социальной иерархии, вследствие чего рабочие принуждаются к определенному социальному поведению в обществе.

Давление такого рода характеризуется как социальное насилие, т.е. применение или угроза применения силы (в прямой или косвенной форме) с целью принуждения людей к определенному поведению, господство одной воли над другой, чаще всего связанное с угрозой человеческой жизни [1].

В социальной среде организации угрозы носят социально-психологический характер и проявляются в виде психологического насилия, создающего внутреннюю и межличностную напряженность.

В таких условиях актуализируется задача поиска инструментария для решения социальных проблем среди рабочих. По мнению автора, наиболее эффективным инструментом преодоления социального насилия в отношении рабочих является внутренняя социальная политика предприятий в прикладном виде, то есть интенсификация функциональных обязанностей внутренних профсоюзных организации и отдела по работе с молодыми сотрудниками.

Социальный менеджмент как конструирование и проектирование новой реальности затруднен в современных условиях в связи с недостаточной подготовкой управленцев социальной сферы. Часто социальная

политика сводится лишь к экономике, а менеджмент социальной службы – к экономическому менеджменту. В лучшем случае, к финансовому менеджменту. Эта общепринятая на практике и в отечественной научной литературе семантика оказывается на самом деле далеко не полным содержанием понятия «социальная политика». Реально социальная политика – это наука не только о макро- и микроэкономических процессах, но и об отношениях человека с социальным окружением, о стратегиях ресурсного восполнения ограниченных возможностей.

Принципиальными для социального менеджмента оказываются содержание и направленность социальной политики в условиях рыночных отношений, технологии социальной экспертизы управленческих решений, решения конкретных социальных проблем с учетом складывающейся в стране социально-экономической ситуации.

Адаптированная к новым условиям стратегия выстраивания социальной политики способна решить возникшие социальные проблемы рабочих. На промышленных предприятиях России необходимо осуществлять внешний контроль внутренних профсоюзных организации, которые обязаны обеспечивать социальную защиту своих работников.

На практике это оказывается не так, профсоюзы отстаивают интересы работодателей, а не своих работников. В таких условиях профсоюзные организации теряют свой суверенитет и доверие со стороны рабочих. Такая зависимость внутренних профсоюзных организаций от работодателя вызвана переходом экономики к рыночным условиям. В связи с этим, опираясь на новые условия социальной среды, необходимо восстановить первоначальные функции профсоюзов, способных решать социальные проблемы в одной из самой многочисленной социальной группе, которой до сих пор является группа рабочих.

Для поддержания статусных позиций рабочих и преодоления социальных насильственных действий над ними необходима комплексная программа с привлечением инструментария разных наук, которая способна реанимировать правовую базу рабочих и поднять статус рабочего в обществе за счет социальных пропагандистских мероприятий.

Литература

1. Визуальный словарь [Обращение к документу: 25 сентября 2012г.]. Доступ через <http://fil.vslovar.org.ru/1035.html>.
2. Назаретян А.П. Антропология насилия и культура самоорганизации. Очерки по эволюционно-исторической психологии. М.: УРСС, 2007.
3. Баева И.А. Обеспечение психологической безопасности в образовательном учреждении: практическое руководство. СПб.: Речь, 2006. 288 с.

НАСИЛИЕ В БЮРОКРАТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЯХ VIOLENCE IN BUREACRATIC ORGANIZATIONS

А.М. Бекарев

*Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского*

A.M. Bekarev

Nizhny Novgorod State University of N. Lobachevsky

Насилие в бюрократических организациях является одной из наиболее распространенных форм организационного насилия. За счет подавления и контроля бюрократические организации достигают своих целей, которые едва ли достижимы без элемента насилия.

Violence in bureaucratic organizations is the wide-spread form of organization violence. Organizations obtain goals on the base of suppression and control using violence elements.

Ключевые слова: агрессия, контроль, насилие, организационное насилие, цели

Keywords: aggression, control, violence, organization violence, goals

Если агрессия – атрибутивное свойство человека, а насилие есть форма проявления агрессии, то насилие неизбежно. Однако можно предположить, что существуют конструктивные формы насилия, и тогда стоит вести речь о том, чтобы научиться переводить деструктивные формы в конструктивные, как когда-то древние греки сумели военные действия перевести в режим Олимпийских игр. Именно этого искусства «перевода» деструктивного в конструктивное подчас и не хватает, поэтому прямые проявления деструктивного насилия остаются доминирующими, будь то война, разбой или психологическое давление.

С другой стороны, полярность конструктивных и деструктивных форм не абсолютна и не всегда очевидна. Возможно, здесь следует применять более дробную шкалу, на которой можно откладывать точки «скорее деструктивна, чем конструктивна» или «скорее конструктивна, чем деструктивна». Важно подчеркнуть, что насилие для кого-то оборачивается не только злом, но и «благом», пусть даже и иллюзорным.

Наряду с непосредственным индивидуальным и групповым насилием следует выделить в отдельную группу опосредованные формы подавления и принуждения людей. Как правило, эти формы связаны с от-

чуждением продуктов человеческой деятельности, которые обрели относительную самостоятельность и предстают как нечто устрашающее либо наоборот, притягивающее (таковы, например, монотонный труд или деньги).

Власть относится к результатам отчуждения, она не всегда опосредованная форма, но всегда связана с применением силы. Причем, сила представлена не только армией, полицией или судом. Она представлена и сопровождается символами, часто сакрализованными. П. Сорокин называл их «символическими проводниками»[1, с. 328-332]. Власть меняет людей, делая их «раздвоенными». Облеченный в судейскую мантию человек суров, беспощаден и неподкупен. В домашней обстановке он – другое лицо – искреннее и добродушное. Все «должностные лица» в масках, и, думается, что у каждого лица таких масок несколько.

М. Вебер предложил простейшую классификацию власти: власть харизмы, традиционная власть и бюрократия. Власть харизмы обычно объединяет непосредственные и опосредованные формы принуждения. Между тем, особенно когда речь идет о пассионарных личностях, жертвами собственного насилия оказываются властители. В условиях традиционной власти традиции и ритуалы делают скованными действия любого «абсолютного» монарха. День фараона был расписан по минутам, и он не мог себе позволить отклониться от ритуала. Из трех типов власти рациональная бюрократия является наиболее эффективной, ибо степень тотального контроля здесь достигает наивысшей точки. Бюрократия не есть власть лица, она есть власть инструкции и системы.

Все крупнейшие организации мира, политические или экономические – это бюрократии. Э. Гидденс ссылается на рассказ японского журналиста об организации труда на заводах «Тойоты»: «Рабочих подгоняют на производстве день и ночь. Их жизнь настолько тесно связана с конвейерной лентой предприятия, что они не могут взять выходной день даже в случае необходимости. Бескомпромиссное усиление рационализации заставило уйти всех рабочих, имеющих право на облегченный труд. На конвейерных линиях приходилось работать не только мастерам, руководителям самого низшего уровня, но и бригадирам. Даже старшие бригадиры, обычно осуществляющие высшее руководство, могли иногда надевать рабочие рукавицы и помогать. После этого им приходилось брать домой служебные бумаги, составлять ежедневные сводки и подсчитывать наряды. Конвейеры в цехах работают целый день, причем их обслуживает минимально необходимое число людей... Рабочие вынуждены трудиться по воскресеньям и в праздники. Работа с

крайним напряжением сил, работа по выходным – вот та смазка, без которой конвейер не смог бы работать. Когда я приезжаю в этот город и разговариваю с рабочими, я чувствую себя попавшим как бы в чужую страну. Но это кошмар, в котором я жил, и мой гнев не пройдет никогда» [2, с. 276]. Между тем в описанной организации существует так называемое «партиципативное управление», где от «синих воротничков» требуется обязательная инициатива и каждый работник имеет право отключить конвейер, если заметит случай брака. В качестве инструкции на японских заводах обычно служит карточка «канбан» (карточка заказа), где подробно описывается производственное задание.

В бюрократических организациях выполнение целей и задач определяется тем, насколько тщательно написаны инструкции и насколько четко определены меры наказания (поощрения) по их выполнению. Приведем в качестве примера один пункт из корпоративного кодекса компании «Проктер энд Гембл»: «Если вы считаете, что какой-либо сотрудник компании (включая работающих неполный рабочий день и временных сотрудников), консультант или работающий по контракту нарушает закон или принципы деятельности «Проктер энд Гембл», вы обязаны довести это до сведения вашего руководства. Если по какой-либо причине вы не желаете обсуждать этот вопрос с вашим руководством, то вам необходимо обратиться в а) отдел безопасности компании, б) к любому руководящему сотруднику отдела по работе с персоналом или с) к любому юрисконсульту «Проктер энд Гембл» [3, с. 54].

Бюрократия – это орудие организационного насилия, и ее живучесть объясняется тем, что организация достигает поставленных целей за счет тотального контроля.

Литература

1. Сорокин П.А. Система социологии. В 2 т. Т. 2. Социальная аналитика. Учение о строении сложных социальных агрегатов / П. А. Сорокин. – М: Наука, 1993. – 668 с.
2. Гидденс Э. Социология. М.: Дело, 1999.
3. Чумиков А.Н. Связи с общественностью. – М.: Дело, 2000.

**КОРПОРАТИВНОЕ ДОБРОВОЛЬЧЕСТВО КАК ФОРМА
СОЦИАЛИЗАЦИИ БИЗНЕСА
CORPORATE VOLUNTEERING AS FORM OF
SOCIALIZATION OF BUSINESS**

Э.М. Бокова
*Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского*
E.M. Bokova
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Рассказывается о формах реализации корпоративного добровольчества в коммерческих компаниях Кировской области.

In article it is told about forms of realization of corporate volunteering in business firms of the Kirov region.

Ключевые слова: корпоративное добровольчество, корпоративная социальная ответственность, волонтерство, направления добровольческой деятельности

Keywords: corporate volunteering, corporate social responsibility, volunteering, directions of voluntary activity

До определенного времени российское общество воспринимало любую производственную, торговую или финансовую компанию как структуру, полезную тем, что она производит товары или оказывает услуги населению. Образ самого предпринимателя в восприятии россиян до сих пор не всегда является положительным. Эпизодические благотворительные акции, спонсорство общественно-значимых мероприятий медленно, но меняет отношение граждан к бизнесу. Во многом способствует этому корпоративное добровольчество как одно из направлений корпоративной социальной ответственности. Так, например, в США (данные за 2007 г.) около 50% взрослого населения отдает не менее 4 часов в неделю местным сообществам. По мнению 63%, добровольчество положительно повлияло на их карьеру [1]. Обратимся к определениям.

Добровольческая деятельность – это форма социального служения, осуществляемая по свободному волеизъявлению граждан, направленная на бескорыстное оказание социально значимых услуг на местном, национальном или международном уровнях, способствующая личностному росту и развитию выполняющих эту деятельность граждан – добро-

вольцев [2, С. 8]. Корпоративная социальная ответственность в рамках теории «социального капитала» рассматривается как один из основных источников формирования добровольческой активности.

По мнению отечественных специалистов, корпоративная социальная ответственность – это «система добровольных взаимоотношений между работником, работодателем и обществом, направленная на совершенствование социально-трудовых отношений, поддержание социальной стабильности в трудовом коллективе и окружающем сообществе, развитие социальной и природоохранной деятельности на национальном и международном уровнях» [3, С.11]. Корпоративное добровольчество – это уникальное явление, которое в организации работает на разные заинтересованные стороны.

Наряду с положительными примерами программ корпоративного добровольчества в России сохраняется крайне низкая вовлечённость сотрудников организаций в добровольческую деятельность. Данная ситуация обусловлена, прежде всего, неразвитостью культуры корпоративного добровольчества в нашей стране. Так, в ходе проведённого экспертного интервью среди руководителей HR-отделов, PR-служб и менеджеров компаний Кировской области, было выявлено следующее. Менее половины опрошенных (42,3%) отметили, что сотрудники их компаний участвуют в добровольных социальных программах. Их инициатором в большинстве случаев выступает руководитель фирмы, управления по работе с персоналом или PR-отделы. Сами сотрудники проявляют инициативу нечасто.

В том и другом случае причина социальной активности связана с личным желанием помочь решить проблему и сделать доброе дело. Только один эксперт исследования отметил, что *«корпоративное добровольчество способствует сплочению коллектива»*, в то время как зарубежные компании активно используют программы корпоративного добровольчества для формирования корпоративной культуры, а также как средство сплочения сотрудников и повышения их лояльности и не ищут искусственных тем для тимбилдинга.

В Кировской области так же, как и в России, сегодня существуют разные проявления корпоративного добровольчества. Это помощь детским домам, сбор средств на лечение, а также поддержка пожилых людей – бывших сотрудников предприятия. Вариантов много. Большой популярностью пользуется также корпоративное донорство. Как отмечают эксперты, во многом это связано с хорошей организацией этой системы. Ещё одним распространённым мероприятием являются массо-

вые субботники, которые, по мнению участников исследования, оказывают положительное влияние на коллектив. Среди названных проектов также были – вахта памяти, сбор помощи средств пострадавшим от лесных пожаров и в результате военных действий в Северной Осетии.

Сотрудники организации в качестве дополнительных возможностей, которые предоставляет корпоративное добровольчество, называют следующее – «приобретение новых знаний и навыков», «благоприятно сказывается на физическом и эмоциональном здоровье».

В большинстве случаев социальные проекты участников исследования были реализованы с помощью сотрудников, лишь в двух случаях были привлечены сторонние компании. Подведём итоги. Собственно, для чего нужна добровольческая активность организации? Анализ результатов проведения корпоративных добровольческих программ показывает следующие выгоды: повышение лояльности персонала, вовлечение его в принятие решений, создание положительного имиджа. Более того, знакомство с потенциальными потребителями, местными властями, потенциальными работниками.

Таким образом, направления и объекты добровольческой деятельности, определенные на уровне предприятия, свидетельствуют о качественном уровне корпоративной социальной ответственности, об осознании членами организации насущных социальных проблем местного сообщества, отражают реальную силу корпоративной миссии. Однако в любом случае, организация добровольческой деятельности требует от инициаторов предельной честности и открытости, уважительного отношения к тем, к кому обращена помощь, и ответственного отношения к тем, кто жертвует свои силы и время, принимая участие в том или ином проекте.

Литература

1. Журнал «Бизнес и общество» [Интернет] <<http://b-soc.ru/magazine/survey/>>.
2. Кричевский, Н.А., Гончаров, С.Ф. Корпоративная социальная ответственность [Текст] / Н.А. Кричевский, С.Ф. Гончаров. – М.: 2008. – 216 с.
3. Решетников, О.В. Корпоративное добровольчество: Научно-методическое пособие [Текст] / О.В. Решетников. – М.: ООО «Издательство «Проспект», 2010. – 152 с.

WORKPLACE MOBBING

МОББИГ НА РАБОЧЕМ МЕСТЕ

I.T. Dziubek

*Poland, Kalisz, State Vocational University of President
Stanislaw Wojciechowski*

И.Т. Дзюбек

*Польша, Калиш, Государственная высшая профессиональная школа
имени Президента Станислава Войцеховского*

Обсуждаются теоретические и практические вопросы насилия на рабочем месте, показана его многофакторная природа и особые черты. Обосновывается потребность в специальных технологиях распознавания и контроля патологических форм жизни трудового коллектива.

The article discusses the issue of harassing an employee in the workplace. A reference was made to both: the theoretical and practical aspects of the phenomenon. Indicated was its multidimensional nature and special characteristics. Raised was the need for special recognition and control of this workplace pathology.

Ключевые слова: трудовая среда, буллинг, ограничение патологии
Keywords: work environment, bullying, limiting pathology

The structure of the modern labor market requires from employees to be primarily versatile and flexible while the organization strives to remain competitive or even to survive. This means that employees perform tasks under very high pressure which often generates tensions and conflicts in the workplace [1].

Unresolved issues in the workplace can be transformed into psychological terror, bullying, moral harassment at work which is generally described as bullying.

The term «bullying» was first used in 1963 by the famous Austrian ethologist and Nobel Prize winner Konrad Lorenz in his work «*Das sogenannte Böse. Zur Naturgeschichte der Aggression*» in order to describe the situation of a small group of animals attacking a larger animal [2]. In the work psychology the term «bullying» appeared in 1984. At that time the German psychiatrist Heinz Leymann defined it as a process of harassing an employee, lasting not less than 6 months, performed regularly – at least once a week, that undermines the dignity, personality, or psychological or physical integri-

ty of a person, threatening his or her employment and resulting in deterioration of the work atmosphere as well as work efficiency [3]. Today, the International Labour Organization represents the view that bullying is an «offensive behavior through vindictive, cruel, malicious or humiliating attempts to undermine an individual or groups of employees subjecting them to psychological harassment» [4]. In the literature of the subject, it is assumed that workplace bullying is a systematic (statistically at least once a week) and occurring over a long period of time (statistically at least half a year) hostile and unethical behavior of one or more persons (rarely more than four) towards an individual (rarely more than one person) who eventually becomes helpless and unable to perform his or her tasks and who loses faith in the chance of obtaining help. Bullying may result in eliminating the victim from the professional life, as well as the victim's mental disorders (depression, neurosis, anxiety, heart and circulatory system diseases, sleep disorders, stomach and intestinal diseases) defined as PTSD (Post-Traumatic Stress Disorder) and GAD (General Anxiety Disorder) which can even lead to suicide. The purpose of bullying is to isolate the victim from the environment, to indignify, ridicule and humiliate them through such mobbing activities as: limiting their chance for communication (the victim misses the opportunity to come into contact with the management, the victim is silenced, interrupted, stopped, ignored, verbally attacked); blocking their social contacts within a group (the victim is isolated from other employees who do not talk to him or her, go out of the room, leave the tables in the lunchroom); destroying their reputation (the victim is ridiculed, criticized and gossiped about); limiting their professional chances (the victim is not assigned any tasks or is assigned tasks below their qualifications); attacking their health (the victim is threatened and even physically attacked) [5].

Bullying is a pathology which is influenced by many factors. Opposing the mental terror in the workplace or preventing it, recognizing its early symptoms and eliminating them in the earliest stages requires multifaceted activities supported by a strong legal system. The economic situation of a company and its managing structure have a direct impact on the development of bullying which is most likely to develop where there are rigid, hierarchical, authoritarian power structures and only individuals are in charge. Within an organization bullying creates a hostile environment in the workplace, causes deterioration of interpersonal relations, low self-esteem and lowers work motivation. It influences the efficiency, competitiveness and development of the organization. Enterprises and institutions which do not eliminate bullying in time must reckon with sickness absence. Typical are

frequent, a few days off, high staff turnover, reduction in efficiency, errors, omissions or even accidents involving bullied persons [6].

Anyone can become a victim of bullying, but the literature of the subject [7] states that the bullying actions and behavior are particularly a threat to both: a person with a very low self-esteem who is less assertive, unable to communicate well, submissive, passive, helpless and dependent, who somehow «provokes» the perpetrator and gives him or her great satisfaction in dominating, as well as a well-educated person who is ambitious, creative, responsible and involved in work and who is «a threat» to the bullier. Furthermore, at risk are people who are in some way distinctive from others, as well as people who are lonely in the workplace, who do not belong to any formal nor informal groups.

Bullying can take place at several levels. One of them is taking bullying actions by a superior (vertical bullying). Another is the unequal treatment by colleagues from work (horizontal bullying). However, there are also instances of lobbying actions by an employee towards a supervisor (ascending bullying) [8]. It is also typical that bullying escalates during an economic recession, when it is more likely for an employee to be abused, overloaded with responsibilities or forced to work after hours without getting paid for the extra time [9].

The effects of bullying are noticeable and concern not only individuals (victims of bullying), but also the psychological, social, (for companies) organizational or legal dimensions [10]. On the scale of an individual, the workplace violence affects in a destructive way primarily the health of a harassed person (cardiovascular diseases, irregular heartbeat, migraine headaches, digestive problems, anxiety and depression, suicidal thoughts, substance abuse), but it also lowers or destroys the work motivation, influences the work efficiency of the victim and often contributes to financial loss as well as the need for changing work. Individual results generate psychological consequences and are often consistent with them [11].

On the scale of an organization, bullying creates a hostile environment in the workplace, causes deterioration of interpersonal relations and general decrease in work motivation. It also has a direct impact on the efficiency, competitiveness and development of the organization. In the context of the above, the company may lose its prestige and earned reputation in the market [12].

In the social aspect, the company must reckon with large costs of treatment, rehabilitation and transition services related to the pension or early retirement of a victim of bullying [13].

There are many factors that contribute to the start and development of bullying in the work teams. One of the main factors are organizational factors. These include, in particular, poor management (excessive discipline, emphasis on increased productivity, poor personnel policies, lack of or poor internal communication, strongly hierarchical structure, unqualified managers), stressful workplace (working under pressure of time and efficiency, tasks misadjusted to the skills and capabilities of workers), monotony (lack of challenges, boredom, routine), very flat organizational structure (lack of promotion opportunities, unfulfilled ambitions) or organizational changes (restructuring, mergers) [14].

In Poland, the issue of bullying is treated with great reluctance. The only study, which aimed to determine the incidence of bullying in the country, was carried out by the Public Opinion Research Centre (CBOS) in June 2002 [15]. Until recently, the legal basis for the fight of an employee against mental bullying were the standards contained in the Basic Law – the Constitution («... human dignity is the source of rights and freedoms of a man and a citizen ...») [16]. Unfortunately, as shown by practice, these regulations were too general so that a worker could assert a claim on their basis. It was not until the amendment of the Labour Code which came into force in Poland on the 1st of January 2004 [17] that employers were required to prevent harassment in the workplace [18]. At the same time the legislature decided that the employee, whose health had been disordered because of bullying, may seek from the employer an appropriate amount of financial compensation for the suffered damage [18].

Summarizing the previous deliberations it should be noted that, despite having sufficient knowledge of workplace bullying, the actions towards neutralizing it are of formal and legal nature. Despite being classified as a pathological phenomenon – instances of revealing its occurrence are incidental and often extreme. Therefore, there is a need to examine any case of this phenomenon, to inform about its scale and to limit it to the minimum.

Bibliography

1. Bechowska-Gephardt A., Stalewski T., *Mobbing. Patologia zarządzania personelem*, Difin, Warszawa 2004.
2. Bernstein A.J., Rozen S.C., *Trudni współpracownicy*, GWP, Gdańsk 2002.
3. Bieńkowska E., Mazowiecka L., *Prawa ofiar przestępstw*, Wyd. Oficyna, Warszawa 2009.
4. CBOS, *Szykany w miejscu pracy, Komunikat z badań*, BS/107/2002, Warszawa 2002.
5. Delikowska K., *Mobbing w instytucjach państwowych* (w): D. Zalewska (red.)

- Dyskryminacyjna funkcja państwa*, Oficyna Wydawnicza Arboretum, Wrocław 2005.
6. Kniecik-Baran K., Rybicki J., *Mobbing – zagrożenie współczesnego miejsca pracy*, Pomorski Instytut Demokratyczny, Gdańsk 2003.
 7. Konstytucja Rzeczypospolitej Polskiej (Dz.U. z 1997 r. Nr 78, poz. 483).
 8. Laszczak M., *Patologie w organizacji*, Wydawnictwo Profesjonalnej Szkoły Biznesu, Kraków 1999.
 9. Leymann H., *The Content and Development of Mobbing at Work*, (w): D. Zapf, H. Leymann (red.), *Mobbing and Victimization at Work*, A Special Issue of The European Journal of Work and Organizational Psychology (2) 1996.
 10. Litzka S.M., Schuh H., *Mobbing – ekstremalny stresor społeczny* (w): Stres, mobbing i wypalenie zawodowe, Gdańskie Wydawnictwo Psychologiczne, Gdańsk 2007.
 11. Lorenz K., *Tak zwane zło*, przekład A.D. Tauszyńska, PIW, Warszawa 1996.
 12. Marciniak J., *Przeciwdziałanie mobbingowi w miejscu pracy. Poradnik dla pracodawcy*, ABC, Warszawa 2008.
 13. Matuszyński W., *O źródłach i sposobach przewyższania mobbingu w organizacji*, SWSEiZ, Łódź 2004.
 14. Parlament Europejski, *Rezolucja w sprawie nękania w miejscu pracy* (20 września 2001r.).
 15. Rojtek R., *Szkolenie: Mobbing w grupie*, Centrum Metodyczne Pomocy Psychologiczno-Pedagogicznej, Warszawa 2009.
 16. Supernat J., *Mobbing*, <http://www.supernat.pl/mobbing.html>, dostęp 10.09.2012 r.
 17. Ustawa z dnia 14 listopada 2003 r. o zmianie ustawy Kodeks Pracy oraz o zmianie niektórych innych ustaw (Dz.U. z 2003 Nr 213, poz. 2081).
 18. Zajdel K., *Mobbing, jego postacie i profilaktyka* (w): M. Prokosz (red.), *Deviantcyjne aspekty współczesnego świata*, Wydawnictwo Adam Marszałek Toruń 2004.

Literature

- a. Porównaj rozważania: R. Rojtek, *Szkolenie: Mobbing w grupie*, Centrum Metodyczne Pomocy Psychologiczno-Pedagogicznej, Warszawa 2009.
- b. Szerzej: K. Lorenz, *Tak zwane zło*, przekład A. D. Tauszyńska, PIW, Warszawa 1996.
- c. Szerzej: H. Leymann, *The Content and Development of Mobbing at Work*, (w): D. Zapf, H. Leymann (red.), *Mobbing and Victimization at Work*, A Special Issue of The European Journal of Work and Organizational Psychology (2) 1996.
- d. Parlament Europejski, *Rezolucja w sprawie nękania w miejscu pracy* (20 września 2001r.).
- e. Szerzej: J. Supernat, *Mobbing*, <http://www.supernat.pl/mobbing.html>, dostęp 10.09.2012 r.
- f. Szerzej: J. Marciniak, *Przeciwdziałanie mobbingowi w miejscu pracy. Poradnik dla pracodawcy*, ABC, Warszawa 2008.
- g. Szerzej: E. Bieńkowska, L. Mazowiecka, *Prawa ofiar przestępstw*, Wyd. Oficyna,

- Warszawa 2009; W. Matuszyński, *O źródłach i sposobach przezwycięzania mobbingu w organizacji*, SWSEiZ, Łódź 2004.
- h. Szerzej: A. Bechowska-Gephardt. T. Stalewski, *Mobbing. Patologia zarządzania personelem*, Difin, Warszawa 2004.
- i. Szerzej: K. Kmieciak-Baran, J. Rybicki, *Mobbing – zagrożenie współczesnego miejsca pracy*, Pomorski Instytut Demokratyczny, Gdańsk 2003.
- j. Szerzej: K. Zajdel, *Mobbing, jego postacie i profilaktyka*, (w): M. Prokosz (red.), *Dewiacyjne aspekty współczesnego świata*, Wydawnictwo Adam Marszałek Toruń 2004.
- k. Szerzej: A.J. Bernstein, S.C. Rozen, *Trudni współpracownicy*, GWP, Gdańsk 2002.
- l. Szerzej: M. Laszczak, *Patologie w organizacji*, Wydawnictwo Profesjonalnej Szkoły Biznesu, Kraków 1999.
- m. Szerzej: S.M. Litzka, H. Schuh, *Mobbing – ekstremalny stresor społeczny*, (w): *Stres, mobbing i wypalenie zawodowe*, Gdańskie Wydawnictwo Psychologiczne, Gdańsk 2007.
- n. Szerzej: K. Delikowska, *Mobbing w instytucjach państwowych*, (w): D. Zalewska (red.), *Dyskryminacyjna funkcja państwa*, Oficyna Wydawnicza Arboretum, Wrocław 2005
- o. CBOS, *Szykany w miejscu pracy*, Komunikat z badań, BS/107/2002, Warszawa 2002.
- p. Konstytucja Rzeczypospolitej Polskiej (Dz.U. z 1997 r. Nr 78, poz. 483).
- q. Ustawa z dnia 14 listopada 2003 r. o zmianie ustawy Kodeks Pracy oraz o zmianie niektórych innych ustaw (Dz.U. z 2003 Nr 213, poz. 2081).
- r. Ustawa Kodeks Pracy, op. cit., art. 94³ § 1, 3.

**ОРГАНИЗАЦИОННОЕ НАСИЛИЕ КАК
СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА
ORGANIZATIONAL VIOLENCE AS A SOCIAL PROBLEM**

Л.Н. Захарова
*Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского*
L.N. Zakharova
Lobachevsky Nizhniy Novgorod State University

Дан анализ феномена организационного насилия, специфики, форм и последствий его проявления. На эмпирическом материале показано, что социальной средой организационного насилия являются иерархическая культура предприятий и особенности принятия управленческих решений. В качестве последствий выделены сопротивление инноваци-

ям, достижение ординарных краткосрочных организационных целей при снижении лояльности персонала, росте его пассивности и снижения инициативы. Показана негативная социальная роль организационного насилия.

The paper analyzes the phenomenon of organizational violence, specificity, forms and consequences of its manifestations. On the empirical evidence shows that the social environment of violence are hierarchical organizational culture and business features of decision-making. As the effects of isolated resistance to innovation, achievement of the ordinary term organizational goals while reducing staff loyalty, increase its passivity and reducing initiatives. The article describes a negative social role of organizational violence.

Ключевые слова: организационное насилие, методы управления, организационная культура, принятие решений, личностные самоидентификации, социальные роли

Keywords: organizational violence, methods of management, organizational culture, decision making, personal self-identifications

Известно, что медленный темп модернизационных процессов в современной России не удовлетворяет ни руководство страны, ни прогрессивно настроенные слои общества. Но известно и то, что сама стратегия модернизации основывается на инициативе, идущей в основном «сверху», от органов государственного управления, и никак не учитывает необходимость социально-психологической подготовки критической массы общества к переходу на инновационный путь развития. Такой подход на предприятиях и в организациях традиционно реализуется в авторитарной модели управления, характерной для политической и экономической жизни сначала в СССР, а затем в России.

В сфере политики за последние десятилетия произошли существенные позитивные изменения, но в экономике, несмотря на изменение форм собственности, управленческие подходы остаются во многом прежними. Организационное насилие как информационное принуждающее воздействие, характерное для административно-командной системы управления советского времени, продолжает оставаться неотъемлемой составляющей современного российского менеджмента. Безусловно, утверждать, что без определенной доли организационного насилия в управлении можно обойтись, будет весьма идеалистично, поскольку трудно представить, что необходимые распоряжения менеджеров, ведущие к достижению организационных целей, всегда и всеми

сотрудниками могут восприниматься с полным согласием и мотивационным энтузиазмом.

Положительный эффект, который и делает организационное насилие привлекательным для менеджеров, проявляется в достижении организационной цели, несмотря на несогласие персонала либо с самой целью, либо с методами ее достижения. Негативный результат может состоять в недостижении цели при сильном сопротивлении персонала, а также в снижении или даже утрате лояльности персонала предприятию, менеджменту в целом или конкретному менеджеру, применяющему организационное насилие. Положительные результаты достигаются обычно в краткосрочной перспективе. Отрицательные связаны с долговременными и (или) сложными целями.

Таким образом, организационное насилие существует в любом управлении, и проблема состоит скорее не в отказе от него, а в определении его оптимума. Поиск такого оптимума связывается с развитием косвенных методов управления (лидерство, организационная культура, стили принятия решений, модели организационного поведения менеджеров и пр.), позволяющих уменьшить присутствие и давление прямых методов: требований и распоряжений менеджеров.

Проведенный краткий теоретический анализ подтверждается эмпирическими данными исследования косвенных методов управления и их последствий на уровне организационной эффективности и значимых характеристиках персонала. Исследование проведено в образовательных учреждениях и на предприятиях Нижнего Новгорода. Так, на предприятиях и в организациях с серьезными проблемами развития сохраняются методы управления персоналом, которые имеют признаки выраженного организационного насилия (табл. 1).

Приведенные в таблицах данные получены с использованием следующих методов: экспертная оценка, метод личностных самоидентификаций М.Куна и Т.С.Макпартленда, метод диагностики актуального состояния организационной культуры К.Камерона и Р.Куинна [2], метод конкретных проблемных ситуаций Л.Н.Захаровой [1].

Это – преобладание иерархической составляющей в организационной культуре (ОК) предприятий и «закрытого» стиля принятия решений, снижающее личностную вовлеченность сотрудников и учащихся в трудовые процессы, что проявляется в критически низком уровне должностных и профессиональных самоидентификаций. Особо значимым социальным последствием организационного насилия является его трансформация в иные сферы человеческих отношений. Постоянно

Таблица 1

Косвенные показатели организационного насилия в образовательных учреждениях и на предприятиях Нижнего Новгорода в 2003 и 2011 годах

Респонденты	ОК			Закрытые решения						Социальные самоидентификации					
	Икомпонент			Другие			Я			Сем-Чл			Проф-Д		
	03	11	У	03	11	У	03	11	У	03	11	У	03	11	У
Учителя	36.0	28.5	*	76	78	-	74	60	Т	1.8	1.9	-	1.2	1.1	-
Студенты	28.5	33.5	Т	78	75	-	54	66	-	1.6	1.6	-	1.3	1.3	-
Менеджеры С.У.	35.5	35.5	-	75	70	-	54	43	*	1.5	1.3	-	1.5	1.8	Т
Персонал (исполн)	31.5	37.0	Т	74	78	-	62	63	-	1.8	1.9	-	1.2	1.1	-
Молодые рабочие	38.4	37.5	-	84	79	Т	76	77	-	1.7	1.9	-	1.2	1.0	-
W учителя-менедж	-	Т		-	-		*	Т		*	*		*	*	
Wмолраб- менеджер	-	-		Т	Т		*	*		*	*		*	*	
Wисп-менедж	-	-		-	-		-	Т		Т	*		Т	*	

В табл.1-2: Икомпонент – оценка респондентами доли присутствия иерархического компонента в организационной культуре (в %), Другие, (Др) – ожидание закрытых решений от партнеров по взаимодействию; Я – уровень собственных закрытых решений; Сем-Чл – самоидентификации как члена семьи или частного лица; Проф-Д- профессиональные и должностные самоидентификации; ЗКР – закрытый, ОТК- открытый стиль принятия решений; W - достоверность различий: по критерию Вилкоксона; У – достоверность различий: по критерию Уайта; * - $p \leq 0.05$; ** - $p \leq 0.01$, Т – тенденция, - различия статистически не значимы.

Таблица 2

Примеры особенностей организационной культуры, социальных самоидентификаций и характеристик принимаемых решений в успешных образовательных учреждениях и на высокотехнологичном предприятии

Респонденты		Год	ОК	Открытые решения		Социальные самоидентификации		
			Икомп (в %)	Др	Я	Сем-Чл	Проф-Д	У
Школа №52	Директор	2010	25.4	ЗКР	ОТК	1	2	
	Учителя		28.2	46	53	1.5	1.5	-
Индустриальный колледж	Директор	2010	15,5	ЗКР	ОТК	1	2	
	Преподаватели		21,6	52	60	1.5	1.4	-
ВТ-предприятие «Soft»	Менеджеры	2011	10.2	ОТК	ОТК	1	2	
	Исполнители		12.9	76.0	64.0	1.1	1.8	**

сталкиваясь с немотивированными, неразъясненными решениями, которые они вынуждены выполнять как в системе образования, так и на производстве, люди формируют у себя устойчивые навыки таких решений, воспроизводя их в семейной жизни, воспитании детей, которые в свою очередь, становятся внутренне готовыми к соответствующему поведению, считая его нормой.

Одновременно выделяются предприятия и организации, которые достигли высоких результатов во внедрении инновационных методов обучения, управления, производства. Характеристики применяемых на них методов управления персоналом и характеристики самого персонала существенным образом отличаются от средних по выборке (табл. 2).

Выводы:

1. Организационное насилие как составляющая управления может иметь как положительные краткосрочные, так и долговременные отрицательные для предприятия последствия.

2. Менеджмент, осуществляемый с широким применением организационного насилия, имеет целый комплекс характеристик: выраженное присутствие в организационной культуре иерархического компонента; преобладание «закрытых» управленческих решений, сочетающееся с соответствующими ожиданиями персонала; дефицит в самоидентификациях персонала социальных ролей профессионального и должностного плана. Все эти характеристики обнаруживают противостояние менеджмента и персонала исполнительского звена, проявляющееся в пассивности и безынициативности персонала, сопротивлении внедрению инноваций и пр.

3. Организационное насилие имеет негативные последствия не только для развития предприятий, но и для общественной жизни в целом, распространяясь в сферы политики, образования, семейных отношений.

4. Использование организационного насилия может быть существенно сокращено в результате формирования организационных культур, адекватных современным экономическим задачам, а также повышения управленческой компетентности в вопросах принятия решений и вовлечения персонала в процессы организационных изменений.

Литература

1. Захарова Л.Н., Колосова В.В. Стереотипы в принятии решений молодыми менеджерами-производственниками // Проблемы теории и практики управления. - 2002. - №2. - С.107-112.
2. Камерон К., Куинн Р. Диагностика и изменение организационной культуры. - С-Пб.: Питер, 2001.

НАСИЛИЕ В СФЕРЕ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ: ОСОБЕННОСТИ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ТРУДА В XXI ВЕКЕ

VIOLENCE IN A WORK SPHERE: SPECIFIC OF A FORCED LABOR IN XXI CENTURY

О.К. Зотова

*ФГБОУ ВПО «Саратовский государственный технический
университет им. Ю.А. Гагарина»*

О.К. Zotova

Saratov State Technical University named after Y.A. Gagarin

Рассматриваются современные виды насилия, такие как рабство и принудительный труд, являющиеся следствием нарушения работодателем требований трудового законодательства.

In article are discussed the modern forms of violence, such as slavery and forced labor, which is caused by a breach by the employer labor law requirements.

Ключевые слова: принудительный труд, насилие, рабство

Keywords: forced labor, violence, slavery

В исследовательской литературе насчитывается не один десяток определений понятия «насилие». В обобщенном виде, насилие – это применение силы и действие с помощью силы. «Оно связано со специфическими средствами, представляющими собой прямую или косвенную угрозу жизни, предназначенными для ее разрушения и уничтожения»[1].

Сопровождая человечество на протяжении всей его истории, являясь методом достижения цели, насилие в той или иной степени пронизывает все сферы жизни. Мы можем говорить о насилии в семье, о межэтническом насилии, о физическом, сексуальном, психологическом, информа-

ционном насилии, о взаимосвязи власти и насилия. Речь пойдет о насилии в сфере трудовых отношений, а именно о такой его форме, как принудительный труд.

Согласно "Конвенции о принудительном или обязательном труде", принятой в 1930 году в Женеве, под принудительным и обязательным трудом понимается «всякая работа или служба, требуемая от какого-либо лица под угрозой какого-либо наказания, для которой это лицо не предложило добровольно своих услуг»[2]. В соответствии со статьей ст. 4. ТК РФ, принудительный труд запрещен. К принудительному труду в том числе относится работа, которую работник вынужден выполнять под угрозой применения какого-либо наказания (насильственного воздействия). В соответствии с трудовым кодексом или иными федеральными законами работник имеет право отказаться от ее выполнения, в том числе в связи с нарушением установленных сроков выплаты заработной платы или выплатой ее не в полном размере[3].

При этом очень часто работники боятся обращаться в надзорные органы с заявлениями о нарушении своих трудовых прав: *«Нам зарплату задерживают уже полтора месяца! А писать жалобу – считай, ты уволен»*. (Интервью №1)

Согласно ст. 2 ТК РФ, одним из основных принципов регулирования трудовых отношений является обеспечение права каждого работника на своевременную и в полном размере выплату справедливой заработной платы, обеспечивающей достойное существование человека для него самого и семьи, и не ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда[3]. Одно из типичных нарушений трудовых прав граждан, осуществляемых работодателями, – несвоевременная выплата заработной платы. Согласно данным, предоставленным Государственной инспекцией труда в Саратовской области, в I полугодии 2012 года выявлено 1 802 нарушения по оплате труда. По требованию государственных инспекторов труда за данный период 117 должностных и 33 юридических лица, виновных в допущенных нарушениях законодательства об оплате труда, привлечено к дисциплинарной ответственности. Так, по требованиям госинспекторов труда произведена выплата задержанной заработной платы в размере 2, 88 млн. рублей 2 894 работникам.

Наряду с нарушением требований трудового законодательства работники подвергаются также эмоциональному и психологическому насилию. *«Я нахожусь в декретном отпуске. Меня под давлением «по-*

просили» подписать документы, обещая, что выплаты будут из центра занятости». (Интервью № 2)

И даже понимая, что их права нарушаются, работники соглашаются на те условия труда, что предоставляет им работодатель: *«В принудительной форме заставляют швей выходить в законный выходной без соответствующего приказа и оплаты. А в трудовом договоре набор формальных фраз, который так же принудительно заставили подписывать. Сам исполнительный директор фабрики грозит увольнением, наказанием, если швея пытается выяснить законность. В последние полгода наша фабрика напоминает женскую колонию». (Интервью № 3).*

Еще одним видом принуждения к труду, как правило, подкрепляемым физическим насилием, является рабство. Э. Гидденс характеризует его как «крайнюю форму неравенства, при которой одни люди являются в буквальном смысле собственностью других»[4]. В качестве системы, базирующейся на рабстве, исследователь рассматривает плантаторство, в основе которого лежат постоянный надзор и жестокие наказания. В работе «Рабство и социальная смерть. Сравнительное исследование» О. Паттерсон выделяет основные черты, присущие отношениям между рабом и рабовладельцем. Так, последний имеет неограниченные права на насилие или угрозу насилия над рабом, в то время раб, как правило, по факту рождения лишен всех прав, и как следствие, не может вызывать уважения. При этом автор отмечает, что наличие рабов в разные эпохи и в разных культурах носило определенный характер. Так, если для периода Античности и южных штатов Северной Америки XVII–XIX вв. целью обращения в рабство было обеспечение трудом, то в африканских обществах рабы расценивались как престижное приобретение, повышающее статус хозяина[5].

С падением железного занавеса в постперестроечное время в России наблюдался значительный всплеск трудовой миграции. Наряду с теми, кому удалось «поймать струю» и улучшить свое материальное положение, есть и те, кто решил зарабатывать деньги в статусе трудового мигранта. Схема при этом, как правило, была одна и та же: работнику обещают высокий доход за работу, не требующую специальных навыков или образования. Для женщин – это вакансии домашней прислуги, уборщицы, сиделки, официантки[6], для мужчин – строителя или разнорабочего. Однако у данной сферы есть темная сторона. Часто данные категории работников выезжают за границу по туристической визе и находятся на территории другого государства незаконно, при этом у них отбирают документы и заставляют работать под угрозой насильствен-

ной расправы. Так, например, работник из Саратова, находившийся с мая 2004 по апрель 2005 г. в рабстве на кирпичном заводе в Дагестане, вспоминает: «...С друзьями гуляли в районе железнодорожного вокзала. На лавочке отдыхали. К нам подсел человек кавказской внешности и предложил работу на кирпичном заводе. Мы подумали, ну а что бы не поехать? Он нам пообещал отдых, фрукты, хорошую жизнь, много заработаете. Мы согласились, приехали туда. Там нас уже встречали здоровенные ребята. Нас покормили и отправили на работу. До темноты, до 12 часов, при фонарях работали. Кто отказывался – того жестоко избивали. Узнал у местных, которые там работали, добрые люди нашлись – тебе ничего не заплатят, тебя будут до конца жизни в рабстве держать»[7].

В интервью мать дагестанского невольника подтверждает, что отпечаток пережитого сказывается на жизни после возвращения из плена: «Здорово там психика была нарушена, он бешенный стал. Еще бы! Есть не давали, в колодец сажали, били здорово, до того забивали, что помрет». (Интервью № 4)

Беря свои истоки в далеком прошлом, проблема насилия в сфере труда остается весьма актуальной и сегодня, что доказывают реалии как в стране в целом, так и на региональном уровне. На наш взгляд, наиболее действенным методом борьбы с данной проблемой может служить ужесточение трудового законодательства, в том числе увеличение штрафов как на должностных, так и на юридических лиц.

Литература

1. Гусейнов А. А. Понятие насилия. // Философия, наука, цивилизация. М., 1999.
2. "Конвенции о принудительном или обязательном труде"
URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=120759>
3. Трудовой кодекс Российской Федерации. Комментарий к последним изменениям/Под ред. Г.Ю. Касьяновой.– М.: АБАК, 2012.–304 с.
4. Гидденс Э. Социология. М.: Эдиторал УРСС, 1999
5. Paterson Orlando. Slavery and social Death: A World History. Cambridge, Harvard University Press, 1982
6. Ткач О.А. Профессионализация домашней уборки: очерчивая границы /Антропология профессий, или посторонним вход разрешен/ Под редакцией П. Романова, Е. Ярской-Смирновой (Библиотека Журнала исследований социальной политики). М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2011. – 356 с.
7. Сайт программы «Жди меня». Программа вышла в эфир в 2009 году.
URL:http://poisk.vid.ru/?p=2&do=showair&id_sub=12044

**ТЕРРОРИСТИЧЕСКАЯ И ЭКСТРЕМИСТСКАЯ УГРОЗА
В ОБЩЕСТВЕННОМ МНЕНИИ ЖИТЕЛЕЙ
ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ**
**TERRORISM AND EXTREMISM THREAT
AS SEEN BY PEOPLE IN IVANOV REGION**

Д.В. Кареев
Ивановский государственный университет
D.V. Kareev
Ivanovo State University

Обсуждается понимание таких феноменов как «терроризм» и «экстремизм» в общественном мнении жителей Ивановской области. На основе эмпирических данных обобщены представления населения г. Иваново и области о терроризме и экстремизме, его причинах и распространении. Анализируются мнения респондентов о восприятии терроризма и экстремизма разными социальными группами.

The article discusses the understanding of such phenomena as “terrorism” and “extremism” in public opinion of Ivanovo region people. On the basis of empirical data there have been colligated the Ivanovites’ perception of terrorism and extremism, their reasons and escalation. The article also presents the analysis of the respondents’ opinions of treating terrorism and extremism by various social groups.

Ключевые слова: терроризм, экстремизм, понятия «терроризм» и «экстремизм» в общественном мнении, оценка населением эффективности информационного противодействия терроризму и экстремизму

Keywords: terrorism, extremism, the notions of “terrorism” and “extremism” in public opinion, population’s evaluation of effectiveness of information counteraction to terrorism and extremism

Террористические и экстремистские угрозы всегда производили шокирующее впечатление на общество и вызывали среди населения страны противоречивые отклики и оценки. Фактором, косвенно способствующим развитию этих явлений или блокирующим их, является система отношений к ним в различных общественных группах, а также позиция средств массовой информации. Легкомысленное отношение к терроризму и экстремизму, недооценка их опасности, отсутствие пропаганды антитеррористической деятельности создают благоприятную

почву для разрастания масштабов террора и экстремизма, увеличивают количество жертв и разрушений. Чтобы глубже понять причины отношения к террору, а также психологические механизмы выбора экстремистской деятельности в качестве привлекательной, а иногда и основной формой существования в обществе, необходимо тщательно изучить социальные представления населения о данных феноменах.

В рамках измерения представлений жителей региона о террористической и экстремистской угрозе, респондентам, принявшим участие в социологическом опросе, предлагалось выразить свои субъективные оценки по поводу того, что такое «терроризм» и «экстремизм», что движет людьми, совершающими террористические акты и экстремистские акции, а также выявить уровень террористической и экстремистской угрозы в Ивановской области.

При ответе на вопрос: «Как Вы считаете, что такое терроризм?» 30,7% опрошенных отметили идеологическую природу данного явления и указали, что это фанатичное служение идеалам, ради которых человек жертвует жизнями. Среди опрошенных 30,5% отметили, что это не только запугивание людей, но и насилие над ними. Также 22,3% считают, что это действия, направленные на порождение страха не только у противников, но и у масс; 19,8%, что это устрашение политических, идеологических, экономических или религиозных противников для достижения определенных целей; 2,8% указали свой вариант и 0,2% затруднились ответить.

Психологическую природу терроризма, связанную с жертвой, отмечают 57,1% респондентов, конфессионально относящихся к исламу, что говорит о высокой доле конфликтного потенциала, заложенного в данном религиозном направлении. Однако и среди нерелигиозных людей такой процент тоже достаточно высок и составляет 41,8%.

На вопрос о причинах совершения террористических актов и экстремистских акций ответы респондентов согласуются с мнениями об идеологической природе терроризма. Так, 55,9% опрошенных считают, что террористами движет определенная идея/идеология. Агрессивную природу терроризма отмечают 37,3% опрошенных («ненависть к определенным группам/людям»). По мнению 34,8%, террористы стимулируются хорошими денежными выплатами; 32,1% отметили этническую подоплеку терроризма, претензии людей одних наций, народностей, кланов к другим; мотивационные причины указали 30,8% опрошенных («месть за близких»).

При ответе на *вопрос о природе экстремизма* ответы распределились следующим образом: 36,9% опрошенных считают, что экстремизм – это агрессивные методы борьбы, 27,8% – крайнее выражение политических взглядов; к внешнеполитической природе экстремизма склоняются 15% опрошенных. При этом вновь, как и в случае с ответами о природе терроризма, наиболее популярный ответ дали женщины – 42,2%, мужчины – 31,5%.

Чаще всего агрессивную природу экстремизма отмечают две возрастные группы – 23-29 года (41,5%) и 56 лет и старше (39,2%). Данное обстоятельство отмечено и респондентами, относящими себя к христианству – 42,5%. Но 40% респондентов принадлежащих к исламу говорят об экстремизме как о крайнем выражении политических взглядов.

Для оценки уровня террористической и экстремистской угрозы в Ивановском регионе респондентам была предложена 5-ти балльная шкала, где 5 – очень высокий уровень такого рода угроз, а 1 – угроза практически отсутствует. Из ответов следует, что уровень угроз в Ивановской области находится на среднем уровне и составляет 2,13 и 2,28 (средние данные по шкале) соответственно, что объясняется достаточно спокойной общей криминогенной картиной области. Данные опроса указывают на существование своего рода «стокгольмского синдрома»: более крупные города гораздо чаще становятся местом проведения терактов, а их жители потенциально более подвержены риску террористической угрозы, однако они относятся спокойнее к угрозе терроризма и экстремизма.

Проведенное исследование зафиксировало в общественном мнении признание проблем в отношении с представителями других национальностей. Анкетирование показало, что до 39% опрошенных фиксируют в Ивановской области наличие проблем в отношениях с представителями различных национальностей. Другая треть опрошенных также признает наличие такого рода проблем, но не считает их существенными для развития региона. Каждый девятый респондент отмечает, что эти проблемы надуманы и раздуваются специально (11,9%). И только около 17% отмечают, что проблем такого рода в Ивановской области нет.

Чаще на наличие острых проблем во взаимоотношениях с представителями других национальностей указывали жители областного центра – 46%, на наличие несущественных проблем – жители районных центров (47%), надуманными эти проблемы считают прежде всего жители сельской местности (19,1%).

Несмотря на низкий уровень реальной угрозы террористических актов в Ивановской области, большинство опрошенных либо очень боятся (34%), либо в какой-то мере опасаются (45%) стать жертвой террористического акта. Уверены, что с ними этого не случится лишь 6% опрошенных. Среди последних в два раза чаще встречаются мужчины (9%), более молодые респонденты (9,4%), нерелигиозные респонденты (12%), а также одинокие респонденты с высоким уровнем дохода (10%). Не задумывались над данным вопросом 14 % опрошенных. Среди них – жители сельской местности (15%), религиозные респонденты (14%), малообеспеченные жители (20%), а также пожилые люди (16%). Таким образом, субъективный уровень террористической угрозы в оценках населения гораздо выше, чем реальный. Она по-разному осознается представителями различных групп респондентов, но тем не менее занимает важное место в перечне социальных страхов жителей региона.

Терроризм и экстремизм не являются фактором личностной и общественной мобилизации, а скорее рассматриваются в качестве абстрактного страха. Население региона оценивает уровень террористической и экстремистской угрозы как «незначительный», однако в сознании опрошенных на территории Ивановской области фиксируются проблемы, связанные с трудностями во взаимоотношениях с представителями различных этнических и религиозных групп.

Субъективный уровень террористической угрозы в сознании жителей Ивановской области гораздо выше, чем объективный. Несмотря на низкий уровень реальной угрозы осуществления террористического акта на территории области, большинство опрошенных испытывает опасения стать его жертвой. Угроза террористического и экстремистского акта в Ивановской области по-разному воспринимается различными группами населения и различается в зависимости от места проживания, а также гендерно-возрастных особенностей.

**ИНДИКАТОРЫ ЛАТЕНТНОГО КОНФЛИКТА
КАК ФОРМЫ РЕАГИРОВАНИЯ ПЕРСОНАЛА
НА ОРГАНИЗАЦИОННОЕ НАСИЛИЕ**
**INDICATORS OF A LATENT CONFLICT AS A FORM
OF RESPONSE PERSONNEL TO ORGANIZATIONAL VIOLENCE**

И.С. Леонова
*Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского*

I.S. Leonova
N.I. Lobachevsky State University of Nizhniy Novgorod

Анализируются результаты эмпирического исследования стратегий конфликтного поведения персонала на высокотехнологичных предприятиях и предприятиях, испытывающих трудности перехода к инновационному формату развития. Показан скрытый характер организационного конфликта и выявлены его индикаторы в специфике восприятия персоналом актуального и перспективного состояния организационной культуры, в самооценке и оценке менеджерами таких стратегий конфликтного поведения, как «соперничество», «сотрудничество» и «избегание».

The article analyzes the empirical research results of conflict behavior strategies of the personnel in the high-tech enterprises and those that face difficulties while transforming into innovative way of development. The hidden organizational conflict is shown and its indicators are identified in the personnel perception of the current and perspective state of organizational culture, in self-assessment and managers assessment of the following conflict behavior strategies – “competition”, “cooperation” and “avoidance”.

Ключевые слова: инновационное развитие, конфликт, организационное насилие, организационная культура, стратегии конфликтного поведения, индикаторы конфликта

Keywords: innovative development, conflict, organizational violence, organizational culture, conflict behavior strategies, conflict indicators

В последние десятилетия в связи с процессами глобализации, ростом конкуренции, а в последнее время и со вступлением России в ВТО становится все более очевидной необходимость инновационного развития экономики. Актуальной научной задачей становится выявление

барьеров инновационных процессов, в том числе барьеров социальных и социально-психологических.

Как отмечает Л.Н.Захарова, внедрение инноваций сопровождается целым рядом существенных издержек на уровне практически всех дефицитных потребностей сотрудников [2, с.315]. Поэтому внедрение инноваций закономерно порождает латентные конфликты на разных уровнях организационной иерархии. Такая позиция еще более затрудняет работу менеджеров, поскольку они не имеют обратной связи, не могут сделать свои действия более гибкими. Скрытость, латентность, конфликта обуславливает необходимость выявить его индикаторы. Социальным контекстом инновационных процессов является организационная культура (ОК) предприятий. Не случайно вслед за экспертами [1] на высшем уровне государственного управления отмечена организационно-культурная отсталость многих российских предприятий [4]. Поэтому можно обоснованно предположить, что на инновационных предприятиях менеджмент сумел создать адекватную ОК, и поиск индикаторов конфликтов целесообразно осуществлять с учетом ОК предприятий. Решению этой задачи посвящено проведенное эмпирическое исследование.

В исследовании приняли участие в качестве *респондентов* сотрудники высокотехнологичного предприятия (ВТП) – 25 чел., инженеры – 30 чел. и специалисты заводоуправления – 30 чел. машиностроительного предприятия (МП), бывшего флагмана советской промышленности, ныне находящегося в процессе организационных изменений, врачи высокотехнологичной клиники (ВТК) – 22 чел. и врачи муниципального медицинского учреждения (ММУ) – 23 чел.

Методы исследования: метод экспертной оценки, методика самооценки поведения в условиях конфликтной ситуации К.Томаса, метод диагностики актуального и предпочтительного состояния организационной культуры К.Камерона и Р.Куинна.

Анализ результатов и выводы. Подтверждается предположение о том, что на предприятиях, развивающихся в инновационном формате, сложилась специфическая ОК, принципиально отличающаяся от ОК ординарных предприятий, не зависимо от типа бизнеса (Табл.1).

Адхократическая составляющая ОК на ВТ-предприятиях существенно выше, чем на ординарных, и в этих оценках едины и менеджмент, и сотрудники. Особенности типа бизнеса проявляются в отношении кланового и рыночного компонентов. Менеджмент медицинских компаний полагает приемлемым высокие показатели клановых характеристик,

сочетающихся в муниципальном учреждении с иерархией, а в высокотехнологичном – с адхократией. Сотрудники обычных предприятий желают значительного усиления клановых отношений вплоть до их безусловного приоритета, а персонал высокотехнологичных компаний считает существующий сбалансированный уровень клановых отношений вполне достаточным.

Эти противоречия свидетельствуют о том, что на обычных предприятиях существуют организационные конфликты ценностной природы, проявляющиеся в том, что менеджмент полагает необходимым развитие в инновационном направлении, а персонал воспринимает вектор развития, задаваемый менеджментом, как организационное насилие, ощущает дефицит позитивных трудовых и межличностных отношений и стремится их обрести.

Существенные различия обнаружены и в оценках респондентами стратегий конфликтного поведения на высокотехнологичных и обычных предприятиях (Табл.2).

Эти различия касаются практически всех стилей поведения в конфликте. Так, стиль «соперничество» существенно выше в самооценках персонала высокотехнологичных предприятий и минимален у врачей муниципальной больницы и специалистов заводоуправления. Однако менеджмент чувствует сопротивление и дает более высокие оценки присутствия этого стиля. Принципиально иная картина с оценками стилей «сотрудничество» и «компромисс». Персонал обычных предприятий приписывает себе высокие показатели. Но менеджмент не видит доминанты этих стилей. На ВТ-предприятиях «сотрудничество» и «компромисс» оцениваются менеджментом на том же уровне или даже выше, чем в самооценках персонала. Показательны оценки стратегии «избегание». Персонал обнаруживает реакцию на организационное насилие именно в этой стратегии наиболее отчетливо. В самооценках персонала обычных предприятий заметна существенная разница между высокими показателями самооценки и низкими показателями оценки менеджментом, т.е. менеджмент видит скорее «соперничество», т.е. неподчинение, чем «избегание».

Обобщая полученные данные, несмотря на некоторые специфические особенности проявления скрытого конфликта на разных предприятиях, можно выделить его следующие индикаторы:

- несоответствие ОК предприятия требованиям экономической ситуации;

Таблица 1

Оценка персоналом обычных и высокотехнологических предприятий актуального и предпочтительного состояния организационной культуры

Респонденты	Типы организационной культуры											
	Клан			Адхократия			Рынок			Иерархия		
	А	П	У	А	П	У	А	П	У	А	П	У
Топ-менеджмент	25.0	22.5		20.0	24.2		43.3	46.7		11.7	6.7	
Гл. инженер МП	8.3	35.0		12.5	23.3		54.2	18.3		25.0	23.3	
Инженеры МП	18.3	34.1	*	12.9	17.9	-	25.5	22.1	-	43.3	25.9	*
Специалисты МП	28.4	44.7	**	11.5	13.8	-	21.1	17.0	-	35.8	35.7	-
Менеджер ВТП	15.0	15.0		37.2	32.0		45.0	42.8		3.0	10.2	
Персонал ВТП	18,2	22,2	T	28,3	30,0	-	40,5	35,8	-	12,9	12,2	-
Гл.врач ММУ	19.4	20.5		8.5	19.5		20.5	15.6		51.6	44.4	
Врачи ММУ	19.5	43.1	**	6.9	19.0	*	19.4	10.5	*	51.5	26.9	**
Гл.врач ВТК	29.2	29.2		30.0	30.0		26.7	26.7		15.0	15.0	
Врачи ВТК	25.7	27.9	-	30.1	30.3	-	24.9	24.5	-	19.3	17.3	-
WMP-ВТП	-	*		*	*		*	*		**	*	
WпМП-пСпец	*	*		-	-		-	*		*	*	
WMM-ВТК	T	*		**	*		-	*		**	T	
WMP-ММУ	-	*		T	-		T	T		-	-	
WВТП-ВТК	T	-		-	-		*	T		-	-	

В табл. 1: А – актуальное, П – предпочтительное состояние ОК. В табл.1-2: У – достоверность различий по критерию Уайта; W - достоверность различий по критерию Вилкоксона; * - $p \leq 0.05$; ** - $p \leq 0.01$, T – тенденция; -- различия статистически не значимы.

Таблица 2

Самооценка и экспертная оценка стратегий поведения в конфликтной ситуации инженеров обычных и высокотехнологических предприятий

Респонденты	Оценки стратегии поведения в ситуации организационного конфликта														
	Соперничество			Сотрудничество			Компромисс			Избегание			Приспособление		
	со	экс	У	со	экс	У	со	экс	У	со	экс	У	со	экс	У
Гл. инж МП	2	6		7	5		7	6		6	4		8	2	
Инжен. МП	3.1	3.2	-	7.0	4.1	*	6.8	4.8	*	7.2	3.0	**	4.6	1.8	*
Специалисты	1.0	2.6	-	9	3.1	**	7	3.1	*	7	3.2	**	6	2.8	**
Мен.ВТП	4	4	-	6	11		7	7		9	6		4	2	
Персонал ВТ	3.5	3.5	-	5.4	8.8	*	8.3	8.1	-	7.6	5.3	*	5.7	4.3	-
Гл.вр. ММУ	6	12		6	4		6	5		6	4		7	3	
Врачи ММУ	2.0	8.0	**	6.3	4.0	*	7.5	5.4	*	7.3	4.3	-	8.0	4.7	*
Гл.врач ВТК	4	8		4	10		6	9		7	2		9	1	
Врачи ВТК	3.8	6.0	*	6.5	5.5	-	6.7	7.6	-	7.4	3.6	*	6.7	3.0	*
WMP-ВТП	-	-		*	**		*	**		-	*		Г	*	
WMMU-ВТК	*	*		-	-		Г	*		-	*		*	*	
WMP-ММУ	*	**		-	-		-	-		-	-		*	*	
WBTP-BTK	-	*		*	-		*	-		-	*		*	Г	

В табл. 2: со-показатели по самооцениванию; экс – оценка экспертом данного стиля поведения

- различия в оценке желательной перспективы развития ОК персоналом и менеджментом;
- минимальный уровень присутствия стиля «соперничество» в самооценках персоналом конфликтного поведения; высокий уровень «соперничества» персонала в оценках менеджеров;
- высокий уровень стиля «избегание» при существенно более низкой оценке присутствия этого стиля менеджментом; высокие показатели присутствия стилей «сотрудничество» и «компромисс» в самооценках, не подтверждаемые менеджментом. Специфические индикаторы скрытого конфликта выявлены у врачей муниципальной клиники и специалистов производственного предприятия в виде высокого уровня приспособления.

Литература

1. Дырин С.П. Российская модель управления персоналом в условиях промышленного предприятия. - С-Пб.: Питер, 2006.
2. Захарова Л.Н. Психологические барьеры становления инновационной экономики в России // Социальная психология труда. Теория и практика. - М.: ИП РАН, 2010. - Т.2. - С. 313-330.
3. Путин В.В. О наших экономических задачах // «Ведомости» 30.01.12.

ПРОБЛЕМЫ ЭКСПЛУАТАЦИИ РАБОЧИХ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ PROBLEMS OF EXPLOITATION OF WORKERS IN GLOBALIZATION

Е.В. Митягина

Вятский государственный гуманитарный университет

E.V. Mityagina

Vyatka State University of Humanities

Обсуждается появление новых форм эксплуатации рабочих в условиях глобализации.

The article discusses the emergence of new forms of exploitation of workers in the context of globalization of modern society.

Ключевые слова: глобализация, информатизация, эксплуатация рабочих

Keywords: workers, globalization, information, operation

Особенность феномена эксплуатация состоит в том, что она может «принимать различные формы, которые определяются производственными отношениями, сложившимися в данном обществе. В рабовладельческом и феодальном обществах эксплуатация базируется на личностной зависимости эксплуатируемого от эксплуататора; в капиталистическом обществе – на экономической зависимости юридически свободных эксплуатируемых от эксплуататоров»[1]. В современных условиях глобализации происходит фундаментальная перестройка капиталистической системы, которая характеризуется наращиванием производственных мощностей с высвобождением трудовых ресурсов, перераспределением их с материального производства на развитие информационных потоков. Казалось бы, высвобождение трудовых ресурсов и снижение роли наемного труда на производстве автоматически должно приводить к снижению уровня эксплуатации в классическом его понимании. Однако уровень эксплуатации не только не снижается, а, наоборот, «человечество все больше сталкивается с эксплуатацией и угнетением глобального масштаба»[2], появляются новые её формы.

В современном обществе понимание эксплуатации, предложенного К. Марксом, становится недостаточным.

М. Кастельс говорит о зарождении с конца 1960-х гг. новой формы капитализма – «информационного капитализма», основанного на «информационализме» как «способе развития, при котором основным источником производительности становится качественная способность оптимизировать сочетание и использование факторов производства на основе знания и информации»[3]. При такой форме капитализма и труд, и капитал продолжают существовать, но они качественно трансформируются. Основной источник производительности в новом обществе – инновации, знания и информация, поэтому непрерывное образование и самосовершенствование становятся ключевыми качествами современного работника. Новая, основанная на знании, информационная экономика требует и новой формы труда, способного к «перепрограммированию» в соответствии с бесконечно меняющимися задачами производства. П. Бурдьё в своей работе «Формы капитала» указывал, что накопленный «капитал, в зависимости от области, в которой он функционирует, и ценой более или менее серьезных трансформаций, является предпосылкой его эффективного действия в данной области»[4]. Объем и качество культурного и социального капиталов индивида оказывают решающее воздействие на экономический капитал человека и, следова-

тельно, определяют его место в социальной структуре общества. Чем выше уровень культурного капитала, основой которого являются знания, чем он более эксклюзивен, тем более выгодна твоя позиция на рынке труда. Современные капиталисты должны не только владеть собственностью, им необходимо покупать культурный капитал индивидов. «Для владения машинами индивиду требуется только экономический капитал; для их присвоения и использования в соответствии с их особым предназначением (определяемым инкорпорированным в них культурным капиталом научного или технического типа) он должен иметь доступ к инкорпорированному культурному капиталу – сам лично или через вторые руки»[4, С.63].

Условия глобализации рожают два вида работников. Наряду с «родовой рабочей силой» появляются «новые производители» – создатели знания и обработчики информации, чей труд наиболее ценен, принадлежность к которым прямо детерминируется наличием определенного образования, культуры, личностных качеств. Они образуют новый класс общества, который М. Кастельс называет «коллективным работником». Н.Е. Тихонова пишет, что «трагический смысл последствий воцарения этой новой стратификации заключается в том, что современному миру нужны, прежде всего, представители «самопрограммируемого» труда и, в сравнительно небольшом количестве, – «родовая рабочая сила», к которой относятся подавляющее большинство человечества. Миллионы людей оказываются «социально исключенными». ... В новом мире они не нужны даже как объект эксплуатации, им просто нет в нем места. Ни господствующие классы, ни общество в целом не нуждаются в классе, который подвержен эксклюзии, и не зависят от него – по крайней мере, в экономическом смысле»[5].

Позволим себе не согласиться с Н.Е. Тихоновой в отношении того, что в современном обществе нет эксплуатации. Она просто приобретает новые, более «изохренные» формы. Рациональнее в этом смысле использовать термин «угнетение (притеснение)» в том его понимании, которое предложил Э. Райт, считавший, что угнетение возможно без эксплуатации, когда господствующий класс просто не нуждается в классе, который находится в состоянии притеснения. Нам бы хотелось назвать это *сверхэксплуатацией*, выражающейся в снижении уровня оплаты труда рабочего, уровня его социальной защищенности, росте неформальной занятости, принуждения к труду и работе сверхположенного времени и многое другое. В экономике, где развиты подобные формы эксплуатации, большое значение приобретает так называемый

«мигрантский модуль», когда наем на рабочие низкооплачиваемые специальности осуществляется за счет мигрантов, часто нелегальных. Кроме того, крупному бизнесу сегодня легче перенести производство в соседний регион или даже страну, чтобы снизить издержки на заработную плату и увеличить производительность труда, чем заботиться о кадровом потенциале своих предприятий и организаций.

Возникает вопрос, что может спасти эти десятки миллионов людей, отнесенных Н.Е. Тихоновой, к классу «лишних» (социально исключенных) индивидов, уделом которых является только физический труд, которые составляют, по самым скромным подсчетам, 40% населения РФ?

Во-первых, положение, казалось бы, может спасти омоложение рабочих. Именно молодежь обладает большим количеством знаний и имеет доступ к различным источникам информации. Она готова обучаться, переквалифицироваться, то есть, пользуясь терминологией П. Бурдьё, повышать качество своего культурного капитала, превращая его в экономические активы. Однако, низкий статус рабочих профессий, низкий уровень оплаты труда (особенно на государственных предприятиях) определяет нежелание молодежи осваивать рабочие специальности. Молодежь, понимая необходимость получения знаний в современном информационном обществе, стремится в большинстве своем к получению высшего образования. Государство в этой связи в 2012 г. предприняло попытку сократить прием в высшие учебные заведения, увеличив стоимость внебюджетного обучения. Эта мера, может быть, действенная, но носит лишь временный характер.

Во-вторых, противостоять тенденции разрушения класса рабочих в современном обществе можно с помощью, по К. Марксу, «классовой борьбы», осознанием рабочими себя частью целого, классом, группой, стратой в системе современного общества, необходимого понимание единства целей и средств их достижения. Однако «надежду на противодействие распространению информационного капитализма и проблемам, которые он порождает (эксплуатация, ограничение доступа, угроза личности и идентичности), олицетворяет не рабочий класс, а разнообразные социальные движения (например, экологическое, феминистское), опирающиеся главным образом на идентичность»[6]. Данная тенденция была отмечена и З.Т. Голенковой, Е.Д. Игитхянян и И.В. Казариновой в статье, посвященной феномену социальной самоидентификации маргинальных слоев. Развитие новых общественных отношений стимулирует социальное отчуждение. В социальной структуре возникает множество промежуточных, трудно идентифицируемых

групп. Маргинальное положение ведет к тому, что представители той или иной группы наемных работников – рабочие, служащие, специалисты – на вопрос о принадлежности к определенному слою, то есть на уровне самоидентификации, часто не соотносят себя ни с одним из них[7]. Данные проведенных нами исследований подтверждают эту тенденцию, берущую свое начало в конце 80-х гг. XX века. Сегодня вчерашний «работяга» принужден самоопределяться в поисках «своих» – кто они? Согласно известной теории, работники наемного труда в рыночном обществе солидаризируются против работодателей, ибо солидарность всегда предполагает противника или, как минимум, «других». ... Исследования социальной идентификации убеждают в том, что в нестабильном обществе более различимы «другие». Труднее самоопределяться, понять, кто, собственно, «мы»[8].

Трудности с самоидентификацией рождает множество проблем, начиная со снижения активности рабочих в отстаивании своих прав. Определяют отсутствие либо бессилие и бездействие организаций, защищающих интересы данной группы. Казалось бы, основная функция, заключающаяся в отстаивании интересов рабочих, принадлежит профсоюзам. Данный коллективный представитель, опираясь на поддержку персонала, может успешно вести переговоры об условиях труда и его оплаты с работодателем. Однако факты нашей действительности говорят, что традиционные российские профсоюзы не справляются с этой ролью. Можно выделить три основные причины такого положения. Во-первых, профсоюзы не пользуются авторитетом и поддержкой наемных работников. Во-вторых, профсоюзы находятся в зависимом положении от администрации предприятия, что позволяет руководству предприятия не считаться с профсоюзными комитетами либо вообще препятствовать их деятельности. При таких условиях коллективные договоры, заключаемые на большинстве предприятий, лишь формально создают видимость диалога и компромисса. В-третьих, в рамках своей деятельности профсоюзы практически не ориентированы на важнейшие аспекты социально-трудовой деятельности: на борьбу за повышение заработной платы, улучшение условий труда, справедливое решение проблем увольнения и найма. Профкомы на предприятиях, как правило, уходят от этих вопросов и продолжают заниматься соцкультурным.

Ни наемный работник, ни его законный представитель – профсоюз оказались не готовы к новым реалиям современной экономической системы. Отсутствие опыта, традиций и идеологии не позволяет профсоюзам эффективно функционировать в новой экономической системе, по-

этому наемный персонал рассматривает профсоюзы как структурное подразделение предприятия. А уровень эксплуатации на предприятиях тем временем растет.

Итак, в информационном обществе, где основным источником производительности являются знания и информации, эксплуатация слоев и групп, не обладающих определенным набором знаний, усиливается. В числе таких групп оказались рабочие, основу деятельности которых составляет физический труд. Ситуация с рабочими осложняется отсутствием идентификации внутри данной группы и осознания общности своих интересов.

Литература

1. Журавлев, Г.Т. Эксплуатация / Г.Т. Журавлев // Социологическая энциклопедия в 2-х тт. / под ред. Г.Ю. Семигина. – М.: Мысль, 2003. – Т.2. – С.797-798.
2. Wood, Ellen Meiksins, and Foster, John Bellamy. In *Defense of History: Marxism and the Postmodern Agenda*. New York: Monthly Review Press, 1997. – P. 67.
3. Castells, M. *The End of the Millennium, The Information Age: Economy, Society and Culture*, Vol. III. Cambridge, MA; Oxford, UK: Blackwell. – 1998. – P.7 URL: <http://www.twirpx.com/file/603037> (дата обращения 21.02.2013).
4. Бурдьё, П. Формы капитала / П. Бурдьё // *Экономическая социология*. – Т 6. – №3. – Май 2005, – С. 60.
5. Тихонова, Н.Е. Ресурсный подход как новая теоретическая парадигма в стратификационных исследованиях / Н.Е. Тихонова // *СОЦИС*. – 2006. - №9. – С. 28-41.
6. Ритцер, Дж. *Современные социологические теории*. 5-е изд. / Дж. Ритцер. – Спб.: Питер, 2002. – С.156.
7. Голенкова, З.Т. Маргинальный слой: феномен социальной самоидентификации // З.Т. Голенкова, Е.Д. Игитханян, И.В. Казаринова // *Социологические исследования*. – 1996. - №8.
8. Солидаризация в рабочей среде: социальное и индивидуальное // Под ред. В.А. Ядова. – М.: Издательство Института социологии РАН, 1998. – С. 6.

НАСИЛИЕ В МЕНЕДЖМЕНТЕ: ТРАДИЦИЯ ИЛИ НЕОБХОДИМОСТЬ VIOLENCE IN MANAGEMENT: TRADITION OR NECESSITY?

М.В. Плотников
НИУ ВШЭ – Нижний Новгород
M.V. Plotnikov
NRU HSE – Nizhniy Novgorod

Обсуждаются факторы насилия в современном менеджменте. Рассматриваются истоки традиции и объективные причины насильственных действий. Выявляется несоответствие классической теории менеджмента и реальных практик.

In article are discussed the factors of violence in the modern management. There are examined the roots of the tradition and the objective causes of managerial violence. Some mismatches in classical management theory and real practices are drawn.

Ключевые слова: менеджмент, насилие, традиция
Keywords: management, violence, tradition

Согласно словарю С.И. Ожегова [1], насилие – это:

1. Применение физической силы к кому-нибудь.
2. Принудительное воздействие на кого-нибудь, нарушение личной неприкосновенности.
3. Притеснение, беззаконие (книжн.).

Современный менеджмент, если следовать этому определению, насквозь пропитан насилием. Первое, безусловно, встречается редко, хотя принудительные физические нагрузки весьма распространены. Второе – квинтэссенция менеджмента: *getting things done by other people* (М.П. Фоллетт[2]); а личная неприкосновенность – понятие весьма размытое. Третьего в управлении организациями тоже не занимать.

Следует признать, что насилие в менеджменте – явление распространенное, но вопрос заключается в том, насколько это является необходимостью, а насколько – накопленной традицией.

Традиция менеджмента богата и разнообразна. Но у нее два духовных корня – армейская муштра и возрожденческий антропоцентризм. Иначе – теория X и теория Y (МакГрегор[3]). С муштрой вроде бы все определено: организация и управление в экстремальных условиях боя

предполагают «нарушение личной неприкосновенности» каждого отдельного индивида ради общей победы, ради общего выживания. Армейская модель, будучи перенесенной в менеджмент, изменилась несущественно в образе действия (принуждение, подавление, муштра), но значительно в целях и условиях – стремление к победе сохранилось, а вот необходимость борьбы за выживание преобразовалось в борьбу за преуспевание. Оправдывающая насилие причина (глобально-альтруистическая по своей сути) исчезла, а традиция не только осталась, но и получила весьма изощренное развитие.

Истоки насилия в антропоцентризме менее очевидны. Возрождение провозгласило Человека мерой всех вещей, а гуманизм – новой религией, в результате чего мы получили идею глобального эгоизма – «я – центр мира и все вокруг для меня». Идею покорения мира, его утилизации и эксплуатации. Менеджмент модели Y предстает, таким образом, как взаимовыгодное сотрудничество эгоистов ради достижения индивидуальных целей каждого. Все вроде бы логично, если бы не одно «но» – власть. Централизация и формализация властных отношений создают определенную иерархию и неодинаковые условия для эгоистов различных уровней, что неминуемо выливается в злоупотребление полномочиями со стороны сильных и эксплуатацию и принуждение слабых. Насилие по праву сильного. И снова мы имеем дело с подменной: оправдывающая причина всеобщего равенства и индивидуальной ценности замещается навязыванием правил и элитарностью правящей верхушки.

Таким образом, два корня управленческой традиции – глобальный альтруизм и не менее глобальный эгоизм, имея весьма рациональные основания для ограничения индивидуальных свобод, сформировали в итоге регулярную оправдывающую насилие практику. Иными словами, современный менеджмент не имеет реальных рациональных оснований для насилия, а лишь исторически сложившуюся его рационализацию и легитимацию.

Однако, насколько такое преобразование случайно? В 1989 году французский зоолог Дидье Дезор провел эксперимент с крысами: случайно сформированной группе он создавал некомфортные условия добычи пропитания. Во всех случаях итогом становилось расслоение группы на правящую элиту и обслуживающих их особей. Причем в группах, сформированных только из элиты или только из эксплуатируемых, наблюдалась та же картина расслоения. Анализируя результаты эксперимента, а также некоторые дополнительные данные, Дезор и его коллеги[4] пришли к выводу, что насилие является естественной осно-

вой социальной стратификации и поддержания устойчивого социального взаимодействия, причем, чем больше группа, тем, как правило, суровее проявления насилия.

Классический менеджмент опирается на идею иерархии сотрудников организации. Следовательно, её поддержание требует регулярного систематического проявления насилия. Что бы ни писали теоретики о свойственной бюрократии обезличенности взаимоотношений и правил (М. Вебер, А. Файоль), не следует забывать о том, что власть и властные отношения не могут быть абстрактны и обезличенны. Получается, что насилие – необходимый элемент системы управления, без которого она разрушается.

Итак, насилие свойственно современной практике менеджмента. Как традиция, оно имеет свои истоки, утратившие, однако, свой изначальный смысл, ныне замещенный соответствующими рационализациями. Идеальная модель менеджмента насилия не предполагает, однако её конкретные реализации сталкиваются с объективной необходимостью поддерживать строгую иерархию группы в условиях пространственных, временных и ресурсных ограничений. Это приводит к закономерному возникновению насилия как средства социального взаимодействия.

Таким образом, насилие в менеджменте – это не только укоренившаяся традиция, но и объективная необходимость, игнорируемая, тем не менее, классической теорией.

Литература

1. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова // Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. — 4-е изд., дополненное. — М.: ООО «ИТИ Технологии», 2003. — 944 с.
2. Follett, M. P. (1927). *Dynamic administration*. (Reprint 1942). New York: Harper & Brothers Publishers.
3. McGregor, D. (1960) *The Human Side of Enterprise*. . (Reprint 2006). New York: MacGraw-Hill, Inc.
4. Remi Helder, Didier Desor, and Anne-Marie Toniolo. Potential Stock Differences in the Social Behavior of Rats in a Situation of Restricted Access to Food // *Behavior Genetics*, Vol 25, No. 5, 1995

**ПРИНУДИТЕЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР
КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ**
VIOLENT NATURE OF CORPORATE CULTURE

А.В. Рушева

Нижегородский государственный университет

им. Н.И. Лобачевского

A.V. Rucheva

Nizhny Novgorod State University named. NI Lobachevsky

Обсуждаются различные аспекты формирования и развития корпоративной культуры, её влияния на поведение человека в организации, делаются выводы об ограниченности свободы человека и его зависимости от условий организационного окружения, раскрывается суть принудительного воздействия элементов культуры на членов трудового коллектива.

The article discusses various aspects of the formation and development of the corporate culture and its influence on human behavior in organizations, conclusions about the limited freedoms and its dependence on the conditions of organizational environment, revealing the essence of the forcing of the elements of culture to the labor collective.

Ключевые слова: корпоративная культура, организация, социализация, правила, нормы, ограничения, свобода, принуждение

Keywords: corporate culture, organization, socialization, rules, regulations, restrictions, freedom, coercion

Любая организация вне зависимости от ее размеров и сферы деятельности является не только технико-экономической, но и социальной системой, и трудности на пути реализации новых подходов и новой стратегии развития в значительной степени связаны с уже сложившейся корпоративной культурой. Определяя функции культуры в организации (охранная, регулирующая, мотивационная, интегрирующая и пр.), нельзя не согласиться с утверждением многих исследователей о её ведущей роли и возрастающей значимости в управлении. В последнее время как в теории, так и в практике управления она всё чаще выступает в качестве способа повышения эффективности деятельности.

Жизнь любой организации подчиняется некоторой системе формальных и неформальных правил. Их выполнение или несоблюдение,

как правило, обусловлено волей и желанием сотрудников. Именно люди, работающие в организации, являются носителями её культуры, именно в их головах отражается сложившийся порядок вещей, системы отношений и образцы поведения[1]. Но происходит это не сразу, а лишь после того, как наступает частичная или полная идентификация человека с организационным окружением, являющимся, в свою очередь, неотъемлемым элементом корпоративной культуры. К организационному окружению можно отнести многое: рабочее место, размер организации, ее месторасположение, руководство, трудовые отношения, коллег, организационную структуру, правила поведения и внутренний распорядок, условия работы, систему оплаты и социальных гарантий и т.д., но для каждого отдельного сотрудника оно будет иметь собственное наполнение и значение.

Становясь частью организационной системы, человек интересуется различными её аспектами, например, чем он должен жертвовать для интересов организации; что, когда и в каких объемах ему следует делать, в каких условиях осуществлять свою деятельность; с кем и сколько времени взаимодействовать; что будет давать ему организация и т.п. Следовательно, с одной стороны, каждый человек, имея собственную структуру личности, вступает в новое взаимодействие не только как механизм, выполняющий конкретные действия и операции, а как разумное и сознательное существо, обладающее устремлениями, желаниями, эмоциями, настроениями, имеющее воображение, разделяющее определённые верования и следующее определённой морали[2]. Таким образом, процесс организационной социализации можно рассматривать как процесс вхождения человека – представителя той или иной культуры в другую культуру.

С другой стороны, в силу ряда обстоятельств принятие ее происходит не на основе добровольного выбора, а как обязательное условие включения в иную социокультурную среду. В случае отказа от принятия и соблюдения уже существующих норм, правил, традиций, ценностей или установок, присущих конкретной корпоративной культуре, вероятность успешной социализации и последующего благоприятного пребывания человека в организации резко снижается либо вообще исключается. Получается, что статус большинства людей, работающих в тех или иных трудовых коллективах, следует определять как *добровольно-принудительный*. Основным механизмом его приобретения является замещение одних поведенческих норм другими через изменение/разрушение старых и привитие/навязывание новых. Важную роль

при этом играют те методы и приёмы, которые используют в процессе адаптации субъекты управления. В то же время такие показатели «вхождения человека в новую культуру», как самочувствие сотрудника, успешность интеграции в коллектив и освоения им новых ролей, продуктивность работы и пр. свидетельствуют о том, насколько управляемым и направленным является данный вид деятельности. В качестве «последствий» влияния новой культуры и результатов организационной социализации можно рассматривать такие варианты поведения индивидумов, как полная или частичная идентичность, конформизм, мимикрия, негативизм и др. К этому же перечню следует отнести и маргинализацию, сопровождающуюся либо резким понижением социального статуса индивида, либо предпринимающимися попытками отдельных личностей повторного встраивания в социальную систему. Последнее ее проявление, кстати, часто воспринимается как конструктивное явление, но в случае очень интенсивной массовой мобильности и/или формирования новых противоборствующих социальных образований приобретает негативный смысл.

На основе вышеизложенного можно заключить, что человек, живущий в том или ином обществе, не может быть свободен от его интересов. Свобода одного индивида всегда ограничена свободой других. Идеал свободы, не обремененной чувством ответственности за эгоистические устремления, ведет к распаду социальности. Поэтому общество на всех этапах развития во имя своего сохранения ограничивало индивидуальную свободу посредством принуждения[3], т.е. соблюдения определённых требований, правил, традиций, присущих конкретной культуре.

Перенесём данное положение на социальные отношения, ограниченные рамками конкретного трудового коллектива. Известно, что культура каждой конкретной фирмы или организации уникальна и содержит определенный «набор» представлений о том, какими качествами должен обладать человек. Благодаря сформированности ключевых ценностей на протяжении нескольких поколений работающих в организации людей культура в ней «укореняется», многие человеческие поступки предопределены, а поведение в большей степени регламентируется социальными, а не административными нормами. Сформированные таким образом ценности, установки, образцы поведения и пр. способствуют не только единению и сплочённости людей, но и обеспечивают устойчивость данного сообщества. В то же время необходимо понимать, что достижение подобного эффекта является следствием приложения больших усилий людей, проявления их воли и желания совместно трудиться

и добиваться поставленных целей. Следовательно, принуждение и некоторые ограничения, имеющие место при формировании или освоении правил и норм корпоративной культуры, представляются как необходимые условия сохранения целостности организации, ее выживания, возможности дальнейшего функционирования и развития.

Принуждение, несомненно, – акт насильственный и может быть как правовым, так и неправовым. Правовое принуждение основано на законе и направлено на его соблюдение. Но если нормы права всегда содержатся в конкретных правовых актах и излагаются в письменной форме, то неправовые, как правило, находятся лишь в сознании людей и передаются в устной форме из поколения в поколение, пронизывая собой все сферы духовной и общественной жизни. Иначе, культура здесь представляется как свод социальных законов, оказывающих регулирующее неформальное воздействие на поведение людей. В любом случае, отрицать существование в совместной жизнедеятельности людей насильственных актов той или иной формы или проявления – бессмысленно. Как уже было отмечено выше, человеческая свобода не может быть безграничной, на протяжении всей истории развития общества она существовала лишь в границах, определённых людьми, обладающими властью (лидерами) или сознательно задаваемых самой личностью в соответствии с собственными установками и убеждениями.

Исходя из вышеизложенного, можно заключить, что корпоративная культура, впрочем, как и любой другой ее вид оказывает серьёзное влияние на жизненный путь человека, на его отношения с другими людьми, возможности карьерного роста, на самооценку и самореализацию. Осознавая это, субъекты управления должны создавать такую корпоративную культуру, которая способствовала бы скорейшему достижению индивидуумом установленных стандартов организационного поведения и необходимых показателей выполнения работы, позволяла бы реализовать взаимные ожидания сотрудника и организации, мотивировать и развивать, быть одним из основных средств повышения эффективности деятельности.

Литература

1. Магура М.И. Оргкультура как средство успешной реализации организационных изменений [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.maguru.ru/articles/?ID=17> (дата обращения: 15.09.2012)
2. Виханский О.С., Наумов А.И. Менеджмент. М.: Экономистъ, 2003. С. 65
3. Кочергин А.Н. Право и принуждение как феномены культуры //Культура. Образование. Право: материалы Международной заочной научно-практической

конференции (г. Екатеринбург, ГОУ ВПО «Российский государственный профессионально-педагогический университет», апрель 2008). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-25403.html?page=23> (дата обращения 11.10.2012)

**СТРУКТУРНОЕ НАСИЛИЕ И СОЦИАЛЬНАЯ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КРУПНОГО БИЗНЕСА
(НА ПРИМЕРЕ НЕФТЯНЫХ КОРПОРАЦИЙ)
STRUCTURAL VIOLENCE AND BIG BUSINESS SOCIAL
RESPONSIBILITY (ILLUSTRATED PETROLEUM CORPORATION)**

З.Х. Сергеева

*Казанский национальный исследовательский
технологический университет*

Z.H. Sergeeva

Kazan National Research Technological University

Обсуждаются основные положения теории структурного насилия, проявляющегося в глобальном экономическом неравенстве, бедности, нарушении прав человека, экоциде и т.п. Определяется роль и социальная ответственность крупного бизнеса, в частности, нефтяных транснациональных корпораций в смягчении и преодолении последствий структурного насилия.

In article are discussed the basic principles of the theory of structural violence that manifests itself in the global economic inequality, poverty, human rights violations, ecocide, etc. Defines the role and social responsibility of big business, in particular the oil multinationals in mitigating and overcoming the effects of structural violence.

Ключевые слова: структурное насилие, миросистемный анализ, нефтяные корпорации, социальная ответственность бизнеса

Keywords: structural violence, worldsystems analysis, oil corporations, social responsibility

Норвежским конфликтологом, сторонником неомарксизма и теории миросистемного анализа Йоханом Галтунгом была выдвинута концепция «структурного насилия». Й. Галтунг полагает, что в «мир-системе», охватывающей «центр» и «периферию», «богатый Север» и «бедный

Юг», существует «структурное насилие» или «структурный конфликт», обусловленный зависимостью стран «периферии» от стран «центра». При этом, когда элита стран «периферии» объединяется с собственным народом против элиты стран «центра», структурное насилие перерастает в открытые международные конфликты: национально-освободительные движения, международный терроризм и т.п. [1]

В отличие от «классического» или «простого насилия», означающего непосредственное нападение и нанесение физического и/или психологического ущерба-повреждения конкретными социальными субъектами столь же конкретным индивидам, структурное насилие включает отчуждение, депривацию, фрагментацию и маргинализацию социума в результате действий несправедливых, репрессивных и деспотических социальных и политических структур. Следует различать заявляемое и латентное, объектное и безобъектное, намеренное и ненамеренное, физическое и психологическое насилие. Но в любом случае структурное насилие проявляется как следствие социального, экономического и политического неравенства на микро-, мезо- и макроуровнях социальной системы в целом (в национальных и международных масштабах).

Й. Галтунг выделяет следующие причины и формы проявления структурного насилия:

1) Бедность населения «периферии» как невозможность удовлетворения базовых материальных потребностей;

2) Нарушения прав человека как результат, например, дискриминации;

3). Экологический кризис, проявляющийся, например, в форме экоцида.

Сторонники концепции структурного насилия возлагают значительную долю ответственности за перечисленные выше негативные процессы не только на правительства наиболее экономически развитых государств, но и на крупнейшие транснациональные корпорации. Согласно данным вашингтонского Института политических исследований, среди ста крупнейших экономических мировых «империй» уже больше коммерческих предприятий, чем государств [2]. В частности, в указанном рейтинге среди первых 50 позиций – 35 государств и 15 корпораций, 5 из которых нефтяные: Exxon Mobil (21 место), BP (26 место), Royal Dutch/ Shell (34 место), Chevron Техасо (48 место) и Total Final Elf (50 место) [3].

Обвинения в адрес корпораций, особенно нефтяных, подкрепляются ключевыми идеями теории «ресурсного изобилия» или «голландской

болезни». Согласно этой концепции, ресурсное богатство способствует консервации низких темпов экономического роста и накоплению бедности (Дж. Сакс, Э. Уорнер [4]). Природные ресурсы часто провоцируют конфликты внутри общества, так как различные группы и фракции борются за свою долю природной ренты, за контроль над эксплуатацией ресурсов и распределение доходов (П. Коллиер [5]). Ресурсные войны и конфликты – причина массового нарушения прав человека. ««Нефтяная война» в Камеруне, Чаде, Центральноафриканской республике, Судане ежедневно требует бóльших жертв, чем Ирак и Афганистан вместе взятые...», – отмечают авторы «Черной книги корпораций» [6]. Освоение минеральных ресурсов нередко создает экологические проблемы для выживания коренных народов, проживающих на территориях, где эти ресурсы добываются. Деятельность сырьевых корпораций нередко разрушает традиционную среду обитания этих народов [7].

В этой связи общество предъявляет определенные социальные, политические, экономические требования к корпорациям и устанавливает новые стандарты социальной ответственности для крупного бизнеса. Под давлением публичной критики нефтяные компании вынуждены вносить коррективы в свою корпоративную культуру.

Долгое время занимавший пост гендиректора BP (British Petroleum) Дж. Браун в своей биографической книге «Больше чем нефть», вспоминая освоение нефтяных месторождений на Аляске, отмечал: «постепенно BP и другие нефтяные компании начали понимать, что нельзя больше действовать исключительно с позиции силы. К концу 1960-х гг. мир изменился. Теперь требовался более глобальный взгляд на вещи. Чтобы добиться успеха, компании следовало приспособливаться и смотреть на вещи шире. В особенности приходилось принимать во внимание два обстоятельства: коренное население Аляски и окружающую среду», – и далее Дж. Браун продолжает эту мысль – «Нефтяные компании не понимали, как сильно нефть изменит жизнь коренного населения Аляски и повлияет на окружающую среду этого последнего в Северной Америке огромного заповедника девственной природы» [8].

Не менее интересно и красочно Дж. Браун характеризует, как деятельность BP в Колумбии, Нигерии, Анголе ставила на повестку дня проблемы прав человека и социальной ответственности бизнеса [8].

В настоящее время крупные корпорации ради поддержания имиджа социально ответственных компаний тратят немалые бюджеты на различные социальные программы. Например, «Shell» – один из крупнейших инвесторов социальных проектов в Западной Африке (дельта реки

Нигер). Почти 60 миллионов евро в год концерн расходует в этом обедневшем регионе на юге Нигерии на содержание школ и учреждений здравоохранения. В Европе и Японии «Shell» – в числе крупнейших инвесторов солнечных электростанций. «Мы убеждены в том, что успешными могут быть только те предприятия, которые преследуют тройную цель: способность выдержать конкуренцию, социальную ответственность и ориентированность на экологию», – сказано в рекламном буклете компании [3].

Несмотря на осуществление подобных программ, порой являющихся весьма широкомасштабными, антиглобалистские и антикапиталистические круги по-прежнему указывают, что корпорации не изменили своей природы и по-прежнему продуцируют структурное насилие.

Литература

1. Galtung J. A Theory of Development: Overcoming Structural Violence / TRANSCEND University Press (www.transcend.org/tup). – Vol. 8. – 2010. – 283 pp.
2. Institute for Policy Studies // http://www.ips-dc.org/downloads/Top_200.pdf.
3. Вернер К., Вайс Г. Черная книга корпораций. – Екатеринбург: Ультра Культура, 2007. – С. 13, 51-53.
4. Sachs, J.D., Warner A.M. Natural resource abundance and economic growth // NBER. Working Paper. 5398. – 1995. – № 2.
5. Collier, P. The Bottom Billion: Why the Poorest Countries are Failing and What Can Be Done About It. – Oxf.: Oxford Univ. Pr., 2007. – 205 p.
6. Вернер К., Вайс Г. Черная книга корпораций. – Екатеринбург.: «Ультра Культура», 2007. – 206 стр. – С. 8.
7. Сергеева З.Х. Углеводородная цивилизация между прошлым и будущим: нефть и развитие в XX-XXI вв. – Казань: Изд-во КНИТУ, 2012. – С. 154-158.
8. Браун Дж. Больше чем бизнес. – М.: ООО «Юнайтед Пресс», 2011. – С. 51-52, 126-178.

**АУТПЛЕЙСМЕНТ КАК НЕНАСИЛЬСТВЕННАЯ ТЕХНОЛОГИЯ
МАРКЕТИНГА ПЕРСОНАЛА**
**OUTPLACEMENT AS NONVIOLENT TECHNOLOGY
OF MARKETING STAFF**

Н.И. Смаковская

Дзержинский политехнический институт (филиал) НГТУ

N.I. Smakovskaya

Dzerzhinsky Polytechnic Institute (branch) of the NNSTU

Обсуждаются современные технологии HR-управления, маркетинга персонала, аутплейсмент как ненасильственный инструмент управления высвобождаемым персоналом организации, обеспечивающий сопровождение сокращаемого (увольняемого) сотрудника на весь период сокращения, ориентацию его на рынке труда, психологическую поддержку и трудоустройство сокращенного или уволенного работника.

This paper discusses the latest technologies HR-management, marketing, personnel, outplacement as nonviolent management tool frees the organization's personnel, providing support is reduced (dismiss) the employee for the duration of contraction, its orientation in the labor market, psychological support and employment reduced or dismissed employee.

Ключевые слова: HR-управление, маркетинг персонала, сокращение и увольнение персонала, аутплейсмент, кадровые консалтинговые агентства

Keywords: HR-management, marketing, personnel reductions and separations, outplacement, HR consulting agency

Современная ситуация в экономике предполагает постоянный мониторинг компании на предмет эффективности бизнес-процессов, оптимального использования имеющихся ресурсов и реализацию эффективных методов HR-управления, маркетинга персонала.

Аутплейсмент, являясь инструментом расторжения трудового договора между организацией и персоналом, предусматривает привлечение консалтинговых агентств для оказания помощи при трудоустройстве увольняемых сотрудников. Как известно, аутплейсмент как технология маркетинга персонала начала реализовываться в конце 40-х годов XXв. на западе. Особую заинтересованность к аутплейсменту продемонстрировали промышленные корпорации на рубеже 70-х – 80-х годов в связи

с нейтрализацией кризиса занятости и внутрикорпоративными структурными изменениями, а с 90-х годов аутплейсмент широко используется во всем мире.

Актуальность данной технологии объясняется, прежде всего, рядом экономических, социальных и психологических факторов. Психологи утверждают, что увольнение с работы по динамизму переживаний является один самых сильных стрессов для человека. Уволенный персонал теряет чувство идентичности, социальной значимости, уверенности в себе и в своей профессиональной компетентности. Возможны и психосоматические нарушения, обострение хронических заболеваний, сердечнососудистые заболевания. В исследованиях отмечаются попытки самоубийства и смерти в случаях увольнения.

В связи с увольнениями вероятны социально-психологические изменения в среде организации: эскалация конфликтности, паника среди сотрудников, снижение уровня выполнения профессиональных обязанностей, усиление социально-психологической напряженности. Полная реализация коммуникативной и психологической составляющей аутплейсмента позволяет создать у высвобождаемого работника перспективу успеха, проектирование новых возможностей и планов.

Реализуя технологию аутплейсмента, организация демонстрирует свой позитивный имидж в бизнес-среде, в социуме, несет ответственность за сокращаемый персонал.

Анализ зарубежного опыта показывает широкое применение аутплейсмента (почти 80% организаций практикуют данную технологию). Так, в Великобритании аутплейсмент компании-работодатели используют постоянно в своей повседневной деятельности; в Италии увольняемому сотруднику предоставляют специальный кабинет с оргтехникой, почтой, интернетом для эффективного трудоустройства. Отличительной особенностью зарубежного аутплейсмента является его полный цикл – от комплексной оценки профессиональной компетентности специалиста, его психологической поддержки, разработки инструментов самопрезентации, самомаркетинга (резюме) до гарантированного трудоустройства, причем определяются даже примерные сроки вступления кандидата в должность, будущие компенсационные выплаты и социальные гарантии.

В российских компаниях привлечение кадровых агентств для аутплейсмента не является популярным. Контент-анализ специализированных сайтов и экспертных мнений показал, что российские работодатели практикуют аутплейсмент всего в 5-10% случаев процедуры увольне-

ния, хотя более 70% отечественных руководителей заявили о стратегии сокращения персонала своих предприятий на 2012 год (результаты опроса компании PwC).

Мнения о причинах непопулярности аутплейсмента в России у руководителей и экспертов различны. Руководители уверяют в отсутствии необходимости применения данного инструмента: поскольку текучесть кадров низкая; достаточно реализовать договорные обязательства перед работником в период увольнения; данная проблема отсутствует; некоторые работодатели оставляли данный вопрос без комментариев, ссылаясь на его болезненность.

Эксперты, изучая причины столь редкого применения технологии аутплейсмента в России, приходят к таким выводам. Российские работодатели не применяют данную технологию из-за отсутствия знаний о ней; скудном опыте ее реализации в России; дополнительных инвестиций в персонал и психологической неготовностью это сделать (аутплейсмент не освобождает работодателя от обязательных выплат по трудовому законодательству и трудовому договору). Отметим, что аутплейсмент в России не предусматривает гарантированного трудоустройства работника, поиск нового места работы – это цель только сотрудника.

Таким образом, на российском рынке консалтинговых услуг аутплейсмент применяют обычно международные корпорации, причем только для высшего руководящего состава. Российский работодатель при заказе аутплейсмента озадачен не трудоустройством персонала, а возможными судебными издержками, иными проблемами при некорректном увольнении сотрудников, поскольку общий бизнес-фон отечественной экономики рассматривает сокращении сотрудников как данность, норму, выполнение которой обеспечит дальнейшее развитие предприятия.

**НАСИЛИЕ КАК ЧАСТЬ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ
РАБОТОДАТЕЛЯ И СОТРУДНИКОВ НА ПРИМЕРЕ
АМБУЛАТОРНО-ПОЛИКЛИНИЧЕСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ
НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ**
VIOLENCE AS A PART OF THE RELATIONS BETWEEN
THE EMPLOYER AND EMPLOYEES ON THE EXAMPLE
OF POLYCLINIC INSTITUTIONS
OF NIZHNY NOVGOROD REGION

И.В. Соколов

*Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского*

I.V. Sokolov

Nizhny Novgorod State University named Lobachevsky

Данная статья посвящена вопросу насилия, как одному из актуальных проявления в отношениях между работодателем и подчиненным. Автор анализирует типы проявления насилия в современных условиях, предлагая в заключении возможные варианты решения этой проблемы.

This article is devoted to the issue of violence, as one of the important manifestations in the relations between the employer and the employees. The author analyzes the types of violence in modern conditions, offering in concluding long possible variants of the decision of this problem.

Ключевые слова: насилие, агрессия в служебных отношениях, амбулаторно-поликлиническое учреждение, моббинг

Keywords: violence, aggression in service relations, outpatient facilities, mobbing

В последнее время как в отечественной, так и в зарубежной научной литературе всё больше рассматриваются различные виды и формы насилия.

Насилие – применение физической силы или других средств, дающих физическое превосходство (например, оружия), с целью причинения боли, нанесения травм, повреждений или смерти [3, 8, 9].

Слово насилие охватывает широкий спектр. Его значение может варьироваться от споров между двумя людьми до войны и геноцида, в результате которых могут умирать миллионы людей. В моральных теориях причиной насилия считается агрессия.

Феномен агрессии в служебных отношениях как одно из направлений научных исследований в отечественной психологии остается мало разработанным, а в зарубежной – напротив имеет широкое распространение [1, 2].

Агрессия в служебных отношениях, как правило, является неотъемлемым атрибутом конфликтного взаимодействия и разрешения трудовых споров. Как самостоятельное явление агрессия в служебных отношениях вызывает неоднозначные оценки и противоречивые мнения. Одни ученые считают, что проявление агрессии в служебных отношениях приносит вред организации и её сотрудникам, другие полагают, что агрессия в организации – инструмент воздействия на сотрудников для получения результата.

Изучение последствий проявления агрессии и влияние их на проявление агрессии представляет интерес и является перспективой дальнейших исследований [4]. Основная проблема изучения состоит в определении самого понятия агрессия в служебных отношениях. Впервые это понятие было определено С.Л. Робинсоном и Л. Гринбергом, и сегодня оно является самым распространенным. Под агрессией в служебных отношениях они понимали любую форму поведения, связанную с причинением вреда сотрудникам или организации в целом [5].

Используя это определение как основу, в дальнейшем было выявлено 3 формы агрессии в служебных отношениях: выражение враждебности, обструкционизм, открытая агрессия. Под выражением враждебности понимаются антагонистические действия вербального или символического характера. Обструкционизм – действия с намерением помешать, воспрепятствовать выполнению работы сотрудника или руководителя. Открытая агрессия – действия, которые можно охарактеризовать как насилие на рабочем месте [6, 7].

Представленное определение связывается только с причинением вреда и не охватывает всю широту явления агрессии в служебных отношениях. Для преодоления выше обозначенного недостатка было разработано более широкое определение, предполагающее негативные и позитивные последствия проявления агрессии на работе.

Часто все начинается с конфликта, причем любого. Такой конфликт часто возникает из-за разного рода перемен. И никакого значения не имеет, как сильно человек старается решить проблему, – конфликт неразрешим. Такому человеку кажется, что неоткуда получить помощь. Конфликт не исчезает, а постепенно обостряется до такой степени, когда уже нет пути назад. То, что можно было бы решить, проявив хоть чуточку доброй

воли и с помощью соответствующих механизмов управления на местах, теперь превращается в спор, «кто прав, а кто виноват».

Некоторые обвинения и унижения работника могут быть вызваны нездоровой психологической атмосферой, которая царит в организации и требует найти своего «виновника», а также жадной власти над другими и личной злобой, продиктованной страхами или завистью. Здесь вступает в действие психология группы и сложное переплетение социальных процессов организации.

Проявление агрессии на рабочем месте имеет место и в медицинских учреждениях здравоохранения. Согласно данным интервью, проведенного в октябре 2012 г. в нескольких амбулаторно-поликлинических учреждениях Нижегородской области автором данной статьи, ситуация с агрессией на рабочем месте имеет несколько иной, но не менее известный формат, эта проблема носит название моббинг.

Проявления моббинга на работе все чаще обсуждается в средствах массовой информации и профессиональных сообществах. Ученые, занимающиеся изучением особенностей поведения в организациях, теперь уделяют внимание и этой проблеме. Моббинг (от англ. mob – толпа) – это форма психологического насилия в виде травли сотрудника в коллективе, как правило, с целью его последующего увольнения.

Многие сотрудники амбулаторно-поликлинических учреждений Нижегородской области, проявляя агрессию в служебных отношениях, с одинаковой вероятностью ожидают положительные и отрицательные последствия для себя, для коллег по работе и для учреждения в целом. Мужчины чуть более, чем женщины, склонны ожидать положительные последствия проявления ими агрессии. Ожидание положительных последствий проявления агрессии может выступать как фактор, способствующий проявлению агрессии, а ожидание отрицательных последствий может рассматриваться как фактор, сдерживающий проявление агрессии в служебных отношениях.

За последние два года появился ряд публикаций в научных журналах и написано несколько книг, которые посвящены плохому обращению на рабочих местах, жестокости начальства, проблеме моббинга.

Благодаря большому количеству литературы и средств массовой информации, освещающих эту тему в Европе, о проблеме моббинга на рабочих местах стало широко известно, но в России этот термин получил распространение только в специализированных кругах.

Для того чтобы решить проблему моббинга законодательным путем, несколько стран приняли новые законы, упреждающие появление этого явления, защищающие и обеспечивающие безопасность сотрудников на

рабочем месте, включая эмоциональную составляющую здоровья на работе. Россия является новичком в этой сфере и находится на пути разработки и дальнейшей апробации подобных правовых норм.

Моббинг – это эмоциональное насилие, плохое обращение, которое прямо или косвенно осуществляется группой сотрудников в отношении кого-либо из работников. Люди, подвергшиеся моббингу, испытывают тяжелые страдания. Он является серьезной проблемой на рабочих местах, которая в большинстве случаев приводит к увольнению по собственному желанию работника или против него. Социальные и экономические последствия синдрома под названием «моббинг» еще предстоит подсчитать в количественном выражении, а существовать он может ровно столько, сколько ему позволено. Руководство любой организации играет важнейшую роль в предотвращении этого явления. Если настаивать на соблюдении правил хорошего тона, вежливом обращении, высоких нравственных нормах на рабочих местах и создавать атмосферу заботы о сотрудниках, то появление моббинга можно предотвратить.

Литература

1. Гулис И.В. Метаанализ понятия агрессия в служебных отношениях / И.В. Гулис // Психологический журнал. – 2008. – № 3. – С. 89.
2. Гулис И.В. Направления и перспективы изучения агрессии в служебных отношениях / И. В. Гулис // Философия и социальные науки. – 2008. – № 3. – С. 69.
3. American Heritage Dictionary. – URL: <http://bartleby.com>, January 8, 2009.
4. Barling J. The prediction, experience, and consequences of workplace violence / Violence on the Job. Identifying Risks and Developing Solutions / G.R. Van den Bos, E.Q. Bulatao. – Washington DC, USA: American Psychological Association. – 1998. – P. 29-49.
5. Robinson S.L., Employees behaving badly: Dimensions, determinants and dilemmas in the study of workplace deviance / S.L. Robinson, J. Greenberg, M.D. Rousseau, C. Cooper // Trends in Organizational Behavior. – 1999. – Vol. 5. – P. 10-13.
6. Baron R.A. Workplace violence and workplace aggression: Evidence on their relative frequency and potential causes / R.A. Baron, J.H. Neuman // Aggressive Behavior. – 1996. – Vol. 22. – P. 161-173.
7. Baron R.A. (1998). Workplace aggression – the iceberg beneath the tip of workplace violence: Evidence of its forms, frequency, and its targets / Baron R.A. & Neuman J.H. // Public Administration Quarterly. – 1998. – Vol. 21. – P. 446-464.
8. Merriam-Webster Dictionary. – URL: <http://merriam-webster.com> – January 8, 2009.
9. Oxford English Dictionary. – URL: <http://askoxford.com> – January 8, 2009.

**ФАКТОРЫ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ДИСБАЛАНСА
В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ ВРАЧА
THE FACTORS OF EMOTIONAL IMBALANCE
IN
MEDICAL PRACTICE**

Е.Н. Сухова

*Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского*

E.N. Sukhova

Nizhny Novgorod State University

Обсуждается вопрос об объективных и субъективных факторах профессиональной деятельности врача, приводящих к снижению эффективности и гармоничности профессионального развития как на коллективном, так и индивидуальном уровнях. Данные приводятся на основании результатов эмпирического исследования, посвященного проблеме профессиональной идентификации российских врачей¹.

The article discusses the question of objective and subjective factors of doctor's professional performance leading to reducing efficiency and balance of professional development at team and individual level. The data given corresponds the results of empirical research devoted to issues of Russian doctors' professional identification.

Ключевые слова: удовлетворенность работой, социальный и эмоциональный дисбаланс, компетенции врача, профессиональная идентичность

Keywords: job satisfaction, social and emotional imbalance, doctor's competencies, professional identity

Профессия врача требует владения не только основными практическими навыками врачебной деятельности, но и знания общечеловеческих и социальных норм, правил социального взаимодействия. В самом широком смысле, можно утверждать, что врач является одним из представителей поля профессионалов, которые несут огромную ответствен-

¹ Исследование проведено на базе лечебных учреждений и факультета повышения квалификации врачей Государственной Медицинской Академии г. Нижнего Новгорода зимой-весной 2012 года. В исследовании приняли участие 286 врачей; метод исследования – анкетный опрос.

ность не только за здоровье населения и каждого отдельного человека, но и за поддержание его социального благополучия в целом.

Э. Фрейдсон[1], утверждая ценность *профессионализма* в области медицины, указывает на то, что важно, с одной стороны, понять внутреннюю жизнь профессии, ее культурную и социальную среду, а с другой – сформировать верное представление о социальной функции и назначении медицины в обществе. Представление о социокультурных аспектах работы врачей имеет особое значение в установлении стандартов внутренней работы профессионалов, самоконтроля, а также для организации собственно консультирования и лечения. Вторая сторона профессионализма, относящаяся к понятию «социальной функции» медицины, то есть ее ключевой компетенции в обществе (поддержание здоровья, профилактика и лечение заболеваний), тесно связана с ее внутренней организацией; вместе они должны работать на создание общей веры в «...компетенцию консультирующей профессии, в ценность ее экспертного знания и мастерства, чтобы люди, в первую очередь, обращались к докторам, а не занимались самолечением»[2].

Нарушения, свойственные внутренней организации профессии, отражаются на эффективности деятельности врачей, а значит, на качестве и уровне предоставляемого обслуживания. В данной ситуации особо актуален вопрос о факторах эмоционального (и в целом, психологического) дисбаланса, которые оказывают разрушительное действие на индивидуальную и коллективную идентичность профессионалов в медицине.

По итогам исследования, проведенного среди практикующих врачей лечебных учреждений и курсантов, проходивших обучение на факультете повышения квалификации врачей Нижегородской Государственной Медицинской Академии города Нижнего Новгорода (зима-весна 2012 года), было выявлено, что среди аспектов профессиональной деятельности врачи особо негативно оценивают отсутствие необходимого материального вознаграждения, пропорционального затраченным усилиям (38,8%) и большой объем работы, связанной с заполнением документов и отчетностью (бюрократизация медицины) – 24,8%. Среди прочих объективных факторов, сказывающихся на неполноценности реализации врачами своей профессиональной роли, были названы: некомпетентность коллег и руководства, отражающаяся на отсутствии мотивации и стимула к работе (невозможность проявить творческую инициативу, участвовать в коллегиальном принятии решений) – 10,8%; трудовые перегрузки – 9,4%; непонимание и неуважительное отношение со сто-

роны пациентов и их родственников – 7%; неэффективная организации работы (неудобный трудовой график, отсутствие «обратной связи») – 3,5%; утрата доверия общества/уважительного отношения к медицине – 5,9% и недостаточный уровень и качество оснащения рабочего места – 4,5%.

Врачи, принимавшие участие в исследовании, отметили достаточно низкий уровень личной удовлетворенности балансом «семья-работа»: 27,9% остаются неудовлетворенными текущей ситуацией, сложившейся в профессиональной и семейной жизни; лишь 4,6% респондентов указали на отсутствие обеспокоенности по этому поводу. Среди факторов, снижающих общую работоспособность, практикующие специалисты назвали: значительную перегруженность работой (отсутствие помощника, навязанные дополнительные трудовые часы, ненормированность рабочего дня, выполнение обязанностей, не связанных напрямую с основными функциями специалиста) – 18,9%; отсутствие материального стимула к эффективному выполнению деятельности – 12,2%; трату времени и сил на заполнение бесчисленных документов, формуляров, отчетов в ущерб непосредственной лечебной деятельности – 11,2%. Среди объективных факторов, снижающих работоспособность, врачи также назвали неблагоприятный психологический климат в коллективе – 7%, общую бюрократизацию здравоохранения – 5,6%, нерациональный подход руководства к организации лечебной деятельности – 5,2% и неэффективность менеджмента трудовой деятельности врачей – 3,8%. Среди факторов субъективной направленности, которые негативно отражаются на профессиональном самочувствии врачей, были названы стрессы/болезни – 4,9%, общая усталость, отсутствие отдыха и свободного времени – 3,5%, необходимость совмещения нескольких мест работы – 1,8%, ограничения деятельности и снижение работоспособности в силу возраста – 1,7%. Важно отметить, что именно эмоционально-психологические показатели деятельности врача, по результатам опроса, являются наиболее значимыми и, одновременно, наиболее проблемными аспектами трудовой практики: комфортный психологический климат в коллективе как критерий эффективной профессиональной реализации признают «крайне важным» подавляющее число практикующих специалистов – 64,9%, как и ответственность за жизнь пациента – 54,4%, которая является одним из компонентов профессионально-психологической нагрузки; в группу «крайне важных» факторов профессиональной деятельности врачи также включили этику профессионального взаимодействия – 35,5% и поддержку руководства (в случае

ошибок/рисковых ситуаций – 35,9%, в форме морального вознаграждения – 16,6%, а также одобрение и признание индивидуальных профессиональных достижений руководством – 14,8% и коллегами – 17%. Для многих врачей эти аспекты являются ценными и крайне важными показателями профессионального благополучия и развития.

Таким образом, несоответствие затрачиваемых врачами усилий уровню получаемого вознаграждения, а также качеству и уровню организации их деятельности может привести к процессу профессиональной стагнации. Это, в свою очередь, ведет к разрушению общего представления врача о своем месте в профессии и, в более локальном масштабе, к нарушению микроклимата в коллективе. Согласно идее «социологической амбивалентности» Р. Мертона[3], происходит смещение баланса между нормативными стандартами, составляющими единую социальную (в данном случае, профессиональную) роль. Амбивалентность проявляется в том, что от человека ожидают поведение, отношения или ценности, которые соотносятся с разными нормативно-ролевыми образцами, часто несовместимыми между собой. Обращаясь к полю практической медицины, следует указать на сложность и неоднозначность позиции врача. Объективные (системные) факторы, определяющие развитие профессии, неизбежно ведут к изменениям в профессиональной врачебной среде, вызывая проблемы не только на уровне коллектива, но и на индивидуальном уровне. Затрагивается, в данном случае, вопрос не только о профессиональной идентификации врача, но и о его социальной позиции и связанных с ней материальных, моральных, статусных характеристиках. Таким образом, аспекты, связанные с субъективными («внутренними») показателями деятельности врача, и аспекты, которые отражают объективные (обусловленные «системой») параметры статуса, составляют структурное и содержательное единство.

В общей картине неудовлетворительного состояния отечественной медицины, о которой говорили респонденты, в ситуации недостаточного действия мотивирующих, организующих и этических факторов медицинской профессии можно с уверенностью говорить о наличии расхождения между заявленной ролью медицины в обществе и фактическими обязанностями врачей, которые выходят за границы собственно профилактики, лечения и мониторинга состояния здоровья пациентов. Данный вопрос о границах профессиональной компетенции врача является открытым и представляет не только научный, но и практический интерес.

Литература

1. Freidson, E. Profession of Medicine: A Study of Sociology of Applied Knowledge: with a new afterword. University of Chicago Press, 1970. 440p. P. 10-11.
2. Ibid. p.10
3. Штомпка, П. Роберт Мертон: динамический функционализм// Современная американская социология / Под ред. В. И. Добренькова. – М., 1994. – С. 78 –93.

УПРАВЛЕНИЕ ОРГАНИЗАЦИЕЙ: ВЛАСТЬ, НАСИЛИЕ, ПАРТНЕРСТВО MANAGEMENT OF THE ORGANIZATION: THE POWER, THE VIOLENCE, THE PARTNERSHIP

А.Ю.Ховрин, С.С. Новикова

*«МАТИ – Российский государственный технологический
университет имени К.Э. Циолковского»*

*A.Y. Khovrin, S.S. Novikova
MATI - Russian State Technological University
named after K.E. Tsiolkovsky*

Рассматривается аспект функционирования современной организации, связанный с возникновением в организационной среде явлений нелегитимного насилия. В качестве одного из эффективных инструментов противодействия конфликтам и различным насильственным практикам в сфере трудовых отношений авторы выделяют социальное партнерство, которое может осуществляться на различных уровнях социального взаимодействия в организации.

This article is devoted to the aspect of the functioning of a modern organization that is connected with the occurrence of events in the organizational environment of the phenomena of illegitimate violence. As one of effective instruments of counteraction to the conflicts and various violent practices in the sphere of the labor relations authors point social partnership which can be carried out at various levels of social interaction in the organization.

Ключевые слова: организация, управление организацией, власть, насилие, социальное партнерство

Keywords: organization, management of the organization, governance, violence, social partnership

Фокус отечественной научной и учебной литературы в области менеджмента, организационного поведения, социологии организации, психологии управления и других смежных дисциплин, как правило, концентрируется на проблемах управления, изучении факторов повышения эффективности работы персонала, проявлений неформального поведения, некоторых организационных патологий и дисфункций и т.д., из-за чего на периферии научного дискурса остается проблема насилия в сфере профессиональных отношений, которое все чаще и чаще становится социальной реальностью.

Современная организация, являясь социальным институтом, представляет собой устойчивую исторически сложившуюся форму взаимодействия, в основе которой лежит потребность акторов в обеспечении более эффективного достижения целей по сравнению с индивидуальной деятельностью.

Отсюда вытекает общеизвестный вывод, сделанный еще М.Вебером, о рациональной природе организаций и рациональности как о главном факторе, детерминирующем их функционирование. В свою очередь, именно рациональность, обуславливает необходимость формализации работы любой организации. Это предполагает формирование структуры управления, наиболее адекватной избранным целям деятельности, соответствующее распределение и закрепление трудовых функций между должностями, логически и экономически обоснованное (проверенное расчетами) привлечение различных ресурсов, средств труда и т.д.

Рационально-формальная природа организации обуславливает генерирование в ее социальном пространстве феномена власти, дихотомизирующего сотрудников на руководителей и подчиненных. В формализованных структурах управленческая власть носит легитимный характер и составляет основу действующего в них социального порядка. Помимо этого формальные основания административной власти базируются на нормах, закрепленных в локальных нормативных актах организации, ее уставе (положении), нормах трудового или специального законодательства (например, о государственной и муниципальной службе).

Власть представляет собой специфический вид интеракций или отношений с ярко выраженной асимметрией статусов сторон. Ее сущность заключается как в неравном доступе социальных акторов к ресурсам, так и в обладании субъектом власти несоизмеримо большим масштабом возможностей, позволяющих ему осуществлять свободный выбор из множества доступных альтернатив, а объекту – только из ограниченно-го, крайне скудного набора вариантов[1].

Однако формальная модель априорно не совершенна в силу своей одномерности, не учитывающей влияние на организационную среду особенностей личности работников, возможную разновекторность и модальность их мотивации, наличие (отсутствие) лидеров, неформальных групп, и ряда иных факторов прямо или косвенно воздействующих на деятельность организации. В виду своей сущности она игнорирует поистине гигантский массив явлений, событий, отношений, фактически возникающих между акторами в социальном поле организации

Анализ организационных кратоотношений показывает, что исходно спроектированная формальная безлично-универсальная модель взаимодействия должностей существенно отклоняется от спроектированного и частично закрепленного в трудовом договоре идеала, искажаясь под давлением неформального. Так, легитимная власть руководителя, выраженная в безусловном праве распоряжаться трудовым потенциалом работника, его рабочим временем, определять производственные задания и контролировать ход их исполнения, под влиянием личных качеств конкретного индивида, негативных акцентуаций характера, специфики ценностно-мотивационной сферы личности может провоцировать явное или латентное стремление к формированию нелегитимной тотальности власти менеджера над подчиненными.

Стремление к «приватизации», персонификации власти и ее абсолютизации со стороны субъекта управления может проявляться в следующем:

- радикализация диктаторского стиля управления руководителя, склонного к авторитарности с элементами насилия;
- формирование менеджером комплекса явных и неявных требований и стимулов, адресованным подчиненным, нацеленных на публичное, безусловное признание и восхваление ими «экстраординарных» способностей, талантов и заслуг руководителя;
- осуществление психического насилия над отдельными работниками, группами сотрудников или коллективами подразделений (в зависимости от масштаба управленческих полномочий), имеющими отдельные физические, ценностные или иные «несовершенства», которые «раздражают» руководителя;
- шантаж подчиненных в виде угрозы увольнения, наложения дисциплинарного взыскания, перевода на другую работу, снижения уровня оплаты труда и т.д. с целью их принуждения к совершению действий, выходящих за пределы служебных обязанностей или носящих противоправный характер;

- харасмент, связанный с попытками удовлетворения сексуальных потребностей субъекта власти за счет принуждения объекта;
- нелегитимное принуждение подчиненных или коллег к выполнению производственных задач, лежащих за пределами установленных для них трудовых норм или должностных обязанностей и др.

Нередко в современных условиях, как это изначально не кажется парадоксальным и морально неприемлемым для непосвященных, отдельные руководители, обладающие высокой степенью управленческой, коммуникативной и психологической компетентности и одновременно склонные к манипулированию, дезинформированию, зомбированию работников в качестве ведущего или одного из способов управления применяют конфликт. Данную практику можно рассматривать как один из примеров замаскированного насилия.

Об этом прекрасно пишет Э.Бауман, раскрывая суть насилия менеджера над подчиненными. По его мнению, оно заключается в манипулировании ситуацией действия таким образом, что ресурсы другого человека, сколь значимыми они бы ни казались при иных обстоятельствах, вдруг становятся неадекватными и неэффективными[1].

Вместо совместного решения актуальных, профессиональных задач сотрудники вынуждены расходовать часть своих ресурсов для противостояния искусственно созданному оппонентом, на отражение их нападок и других «агрессивных» действий. Но в то же время для руководителя - манипулятора возникает как минимум два полезных эффекта.

Во-первых, наступает состояние конфликтной поляризации коллектива(-ов) или отдельных работников, что сопровождается наступлением экстремальной по своему характеру соперничеству, конкуренции.

Во-вторых, обе стороны конфликта становятся максимальными уязвимыми и поэтому, больше чем когда-либо, нуждаются в поддержке руководителя, его внимании и возможности использовать, закрепленную за ним власть в борьбе с противной стороной. Итогом этого является беспрекословная готовность выполнять не только официальные указания, но и любые личные просьбы руководителя, не задумываясь об их характере и нравственной сущности (ничего при этом не требуя взамен для себя и своих коллег).

В итоге у сторон конфликта наблюдается временный всплеск производительности труда, повышение инициативности, рост патриотических чувств сотрудников по отношению к организации и, самое главное, резкий рост комфортности положения руководителя и его влияния на подчиненных. Это влияние с минимальными затратами трансформируется в

дополнительную неформальную власть, а зачастую и в насилие. Противостоять подобному насилию крайне сложно, т.к. вовлеченными в конфликт сотрудниками оно не рассматривается как таковое, рефлексировав в их восприятии как естественная компенсация за поддержку, якобы оказываемую манипулятором.

Уместно отметить, что насилие в организациях могут осуществлять не только руководители, но и починенные. Некоторые из них, например, также могут цинично использовать свой ресурс, выраженный во владении знаниями об отдельных важных аспектах деятельности организации или ее подразделений, которые необходимы для эффективного выполнения производственных задач. Это может быть уникальная, созданная кустарным способом, компьютерная программа, информационная база данных, сведения о редких причинах поломок оборудования, нестандартных способах его ремонта и т.д. Речь может идти также о владении тем или иным сотрудником умениями и навыками, отсутствующими у других работников.

Отдельное явление – рестрикционизм или, в повседневном обороте, «итальянская забастовка», выражается в наличии профессионального бездействия работника или группы работников (в случае сговора) при нахождении на рабочем месте и симуляции выполнения производственных функций. Подобный феномен также следует рассматривать в контексте власти как ее частный специфический случай. В итоге это приводит к срыву работы подразделения или организации.

Со всей очевидностью встает вопрос о том, как не допустить возникновения и как противодействовать властным патологиям, все больше и больше свойственным отечественным и зарубежным практикам производственных отношений.

Помимо обладания богатым профессиональным опытом, высоким уровнем коммуникативной компетентности, психической устойчивости сотрудников в качестве одного из главных средств противодействия насилию следует выделить социальное партнерство, элементы которого нормативно закреплены в трудовом законодательстве Российской Федерации. В контексте управления организацией, коллективами подразделений, отдельными сотрудниками его следует рассматривать как инструмент повышения эффективности деятельности персонала.

Социологическая интерпретация социального партнерства связана с его рассмотрением как особого способа социального взаимодействия, которому свойственны рациональность, добровольность и симметрия отношений сторон. Партнерская интеракция осуществляется на основе

диалога и консенсуса и обусловлена необходимостью поиска, выявления и удовлетворения общих и взаимозависимых интересов[2].

Проблемы организаций, рационально преломляясь сквозь призму социального партнерства, становятся целями конструктивного сотрудничества заинтересованных сторон. Установление партнерского взаимодействия приводит к возможности открытого для сторон обсуждения общих актуальных проблем и поиску оптимальных путей их решения.

Позитивный потенциал социального партнерства заключается в конструктивности подобных отношений, их информационной открытости, их добровольности, а, во многих случаях, и нормативной закреплённости в форме заключения коллективных договоров и соглашений. Партнерство позволяет различным категориям работников успешно противостоять произволу руководства, нелегитимному насилию, манипулированию, которое может наблюдаться при управлении организации.

Партнерский стиль руководства результативен в случаях управления высокоразвитым коллективом, представляющим собой команду. Партнерство руководителя с подчиненными в данной ситуации естественно и целесообразно, т.к. это помогает максимально продуктивно реализовать возможности каждого члена коллектива, добиться возникновения интегративных и иных позитивных эффектов.

В то же время не стоит преувеличивать масштабы распространения партнерских практик в сфере управления организацией. Их применение не должно нарушать принцип единоначалия, иерархичность структуры организации, подменять собой объективно необходимые в менеджменте властные отношения, без наличия которых невозможно выстроить деятельность организации. Но сегодня в условиях частого проявления социальных дисфункций и патологий, связанных с различными видами и формами насилия в сфере труда, наиболее успешным, результативным, скорее всего, будет являться способ управления, рационально сочетающий власть с элементами партнерства. Это позволит избежать скатывания власти к откровенному насилию и сделать управление организацией более гуманным, транспарентным и функциональным.

Литература

1. Бауман З. Мыслить социологически. Учеб.пособие – М.: Аспект Пресс, 1996 – с.121
2. Ховрин А.Ю. Социальное партнерство в сфере реализации молодежной политики, Автореферат дисс. доктора соц.наук, М., 2010 - с. 19

**НЕГАТИВНОЕ ВЛИЯНИЕ ЗАНЯТОСТИ В СЕТИ
ИНТЕРНЕТ НА СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ**
**NEGATIVE EFFECTS OF INTERNET EMPLOYMENT
IN FAMILY RELATIONS**

Т.М. Хусяинов

*Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского*

Т.М. Khusyainov

N.I.Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Анализируются теоретические концепции влияния занятости в сети интернет на семейные отношения. Подобная занятость может приводить к негативным последствиям в семейных отношениях в форме физического, психологического и сексуального насилия, жертвами которого могут стать дети, супруги или пожилые члены семьи.

The aim is to analyze the theoretical concepts about the impact of employment on the Internet on family relationships. Such employment can lead to negative consequences in family relations in the form of physical, psychological and sexual violence, whose victims can be children, spouses or elderly family members.

Ключевые слова: занятость в сети Интернет, насилие в семье, причины насилия

Keywords: employment in the Internet, family violence, causes of violence

Дистанционная занятость была предсказана ещё в 1970-х гг. Э.Толффлером. В современном постиндустриальном обществе данный вид занятости получил широкое распространение за счёт сети Интернет, которая выступает в качестве связующего звена между работником и работодателем. Данная работа ранее выполнялась в организациях на предоставленном работодателем рабочем месте, сейчас, в связи с развитием сети Интернет, все чаще выполняется в форме домашнего труда.

Она имеет огромное преимущество для работников перед типичными формами занятости: усиление автономии, гибкости, сокращение материальных и временных затрат (например, на дорогу до места работы и обратно), возможность больше времени проводить с семьёй или заботиться о близких. Для работодателей преимущества развития занятости

в сети Интернет заключаются в снижении цен на офисные помещения, в сокращении количества прогулов и в повышении производительности труда. Однако в настоящее время, кроме производственных аспектов, такая занятость способна порождать и ряд негативных эффектов в семейных отношениях [1]:

- Роловые конфликты. Одной из основных проблем можно считать сложность разграничения семейных и трудовых ролей. В типичных формах занятости эта граница легко определяется в связи с тем, что упомянутые роли осуществляются в разных местах. При выполнении надомной работы подобной четкой границы практически не существует или она со временем размывается, что может повлечь за собой семейные конфликты и, как следствие, вызвать насилие. Например, при общении с детьми сложно совместить роль родителя с ролью работника, особенно в то время, когда дети требуют повышенного внимания, а работнику требуется выполнить заказ или задание.

- Часто наблюдается отрицательное отношение семьи к занятости кого-то из близких родственников в сети Интернет, так как до сих пор многие не воспринимают всерьез данный вид занятости, поскольку традиционный образ работника предполагает занятость вне дома. Другой причиной является ненормированный рабочий день. Выполняя работу, человек часто делает это в ущерб интересам семьи, уделяя меньше времени домашним обязанностям.

- Следствием работы на дому становится удаленность от коллектива, человек лишается возможности вступать в необходимые производственные контакты. Возникает проблема сокращения контактов в целом. Данная проблема дискутируется еще с середины 1990-х гг. в контексте социальной изоляции личности, потери возможности влияния на трудовые отношения [2].

- Производственные сети служат мощным помощником в борьбе с ежедневными стрессами.

- Минимальные затраты на организацию своего рабочего места, теснота помещения часто приводят к тому, что работа и семья включаются в единое и неделимое пространство, которое негативно воздействует на обе стороны жизни самого работника и членов его семьи [3]. В данном случае количество отвлекающих факторов возрастает, что подвергает работника дополнительным стрессам. Потеря контроля над собой может стать причиной развития конфликтных отношений в семье.

Очень вероятно, что подобные обстоятельства могут проявиться в насилии, жертвами которого могут стать как члены семьи удаленного сотрудника, так и он сам.

Литература

1. Watson F. Rogers II. A Theoretical Synthesis Of Telecommuting and Incidence of Family Violence. [Электронный ресурс] Доступ через: <http://scholar.lib.vt.edu/theses/available/etd-12152000-161356/unrestricted/thesis.pdf>
2. Snizek, William E. □Virtual Offices: Some Neglected Considerations. □Communications of the ACM, 38. - 1995. – P. 15-17.
3. Анцупов А.Я., Леонов Н.И. и др. Хрестоматия по конфликтологии. - Москва: Московский психолого-социальный институт. - 2004. - 161 с.

ЭКСТРЕМИЗМ КАК ФОРМА НАСИЛИЯ

РОЛЬ НКО В ПРОФИЛАКТИКЕ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ ЭКСТРЕМИЗМА В РЕСПУБЛИКЕ МОРДОВИЯ* THE ROLE OF NPOS IN EXTREMISM PREVENTION IN THE REPUBLIC MORDOVIA

Н.Н. Азисова

*Средне-Волжский (г. Саранск) филиал
ФГБОУ ВПО «Российская правовая академия
Министерства юстиции Российской Федерации»*

*N.N. Azisova
Middle-Volga (Saransk) branch
of the Russian Law Academy
of the Ministry of Justice*

Анализируется деятельность некоммерческих организаций региона, пропагандирующих толерантные, гармоничные отношения и выступающих против экстремистских проявлений.

The article analyzes the activities of non-profit organizations in the region, promoting tolerance, harmonious relations and opposing extremism

Ключевые слова: некоммерческие организации, экстремистские организации, толерантность, профилактика и предупреждение экстремизма

Keywords: non-profit organizations, extremist organizations, tolerance, prevention of extremism

В современном обществе, среди множества глобальных проблем – проблемы терроризма и экстремизма, которые в последнее время являются тесно связанными между собой, занимают особое место. Распространение различных проявлений экстремизма провоцирует нестабиль-

* Статья подготовлена в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы. Соглашение 8004. «Социальные факторы межэтнического и межконфессионального согласия в полиэтничном регионе».

ность в обществе, способствует ослаблению государственности, порождает сепаратистские настроения и создает для религиозных и национальных экстремистов благоприятную возможность для реализации их противоправных целей и задач. Это ведет к попранию прав и свобод граждан, подрывает общественную безопасность и государственную целостность, создает реальную угрозу основам конституционного строя России.

В сфере противодействия экстремизму во всех его проявлениях и формах в настоящее время создана солидная правовая база, в которой более двадцати федеральных законов, содержащих антиэкстремистские положения.

Необходимые меры в плане противодействия экстремизму принимаются и в Республике Мордовия. В целях стабилизации оперативной обстановки в Республике Мордовия, усиления борьбы с преступностью, противодействия терроризму, экстремизму, а также профилактики правонарушений, в том числе в подростковой среде, Постановлением Правительства Республики Мордовия от 27.12.2010 г. № 512 утверждена республиканская комплексная программа по усилению борьбы с преступностью, противодействию терроризму, экстремизму и профилактике правонарушений на 2011-2015 годы. Наличие специальной программы позволяет реализовать комплекс мероприятий, направленных на предупреждение экстремистских проявлений.

Согласно действующему законодательству в Российской Федерации, некоммерческой организацией является организация, не имеющая извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности и не распределяющая полученную прибыль между участниками. НКО создаются для достижения социальных, благотворительных, культурных, образовательных, научных и управленческих целей, в целях охраны здоровья граждан, развития физической культуры и спорта, удовлетворения духовных и иных нематериальных потребностей граждан, защиты прав, законных интересов граждан и организаций, оказания юридической помощи, а также в иных целях, направленных на достижение общественных благ.

По данным правоохранительных органов, только в Приволжском федеральном округе действует свыше 3 тысяч представителей организаций, пропагандирующих экстремистские и радикальные взгляды, идеи национал-социализма и «расовой чистоты». Наиболее активными являются представители следующих неформальных объединений: «скинхеды» (численность – более 1,3 тысяч человек), «Движения против неле-

гальной иммиграции» (до 150 человек), «Русского национального единства» (до 100 человек), «Славянского Союза (до 50 человек), РОНС (до 50 человек) и др. Отрадно отметить, что на территории нашей республики подобные структуры зафиксированы не были.

Вместе с тем, наиболее серьезную общественную опасность в настоящее время представляет вовлечение населения в религиозно-террористические и экстремистские структуры. В Приволжском федеральном округе продолжает действовать сеть законспирированных ячеек международных террористических и экстремистских организаций, таких как «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами», «Нурджула» и других исламских преступных группировок. Наибольшая их активность проявляется на территории республик Татарстан, Башкортостан, а также Оренбургской, Нижегородской и Ульяновской областей.

Продолжает выявляться в большинстве регионов России литература экстремистского содержания (экстремистские материалы), распространение, а также производство или хранение которых запрещено действующим законодательством.

На территории Республики Мордовия по состоянию на 01.04.2012 г. зарегистрировано 412 религиозных организаций, представляющих 10 конфессий. Русская православная церковь представлена 341 религиозной организацией, ислам – 57, евангельские христиане баптисты – 3, христиане веры евангельской-пятидесятники – 3, Адвентисты седьмого дня – 1, Церковь Ингрии – 3, Свидетели Иеговы – 1, Сознание Кришны (вайшнавы) – 1, Иудаизм – 1, Поморская церковь – 1 религиозной организацией.

Надо сказать, что объединения граждан служат своеобразным посредником между государством и населением, организуя публичный диалог по ключевым вопросам развития страны, расширяя самоуправление, утверждая активную гражданственность и ответственность людей за собственные судьбы и судьбу России в целом.

Степень активности некоммерческих организаций различна. Большую активность в работе проявляют ветеранские организации республики, которые ориентируется на социальную защиту и поддержку пожилых людей, а также на пропаганду ценностей патриотизма.

Серьезное развитие в республике получили спортивные организации, представляющие практически все виды спорта. Общее число всех общественных объединений в этой области – 99. Успешно развиваются юношеские и молодежных общественные организации и объединения патриотической направленности. Их в республике 46.

Молодежные организации являются одной из наиболее активных социальных групп, принимающих участие в общественно-политической жизни республики. Они ставят своей целью духовно-нравственное, военно-патриотическое воспитание молодежи, повышение ее социальной активности и гражданской ответственности.

Нельзя не отметить активность студенческих отрядов Мордовии, система координации их работы, опыт трудовых лагерей, волонтерских организаций. Реалии современной жизни таковы, что, к сожалению, большинство преступлений экстремистской направленности совершается несовершеннолетними, молодыми людьми. Каждый молодой человек, потенциально склонный к экстремизму, силовому решению тех или иных вопросов, которые возникают у него в силу различных жизненных обстоятельств, должен быть в центре общественного внимания.

Активно заявляют о себе национальные общественные объединения, их в республике 19, причем рост их числа продолжается. Поддержание межэтнического согласия, культуры мордовского народа является одним из приоритетов национальной политики в республике. Национальные объединения проводят большую работу по сохранению и развитию культурного наследия народов республики.

Межрегиональное общественное движение мордовского (мокшанского и эрзянского) народа объединяет представителей национально-культурных организаций из различных регионов России и является самым активным общественным формированием сформированным по национальному признаку. Конституцией Республики Мордовия оно наделено правом законодательной инициативы.

Важным звеном в работе по поддержке народной культуры, расширению сотрудничества и укреплению культурных связей является Поволжский центр культур финно-угорских народов. Проведенные Центром мероприятия характеризуют его как структуру, внесшую существенный вклад в сохранение и развитие национальной культурной идентичности, дальнейшую интеграцию культур финно-угорских народов, в т.ч. мордовского народа, в мировой культурный процесс.

Как известно, татары составляют вторую по численности этническую группу россиян. В нашем регионе татарских национальных объединений действует 5. Среди них активно работают: Региональная Национально-культурная автономия татар Республики Мордовия «Якташлар» («Земляки»); совсем еще молодая, но успевшая заявить о себе Мордовская республиканская организация татарских женщин «Чулпан» (зарегистрирована в 2010 году) и другие.

В ходе экспертного опроса, составленного и проведенного автором, приняло участие 50 организаций, половина из которых успешно работает в регионе более 5 лет, 28 % от 1 до 3 лет; от 4 до 5 лет – 11 % и столько же – до 1 года.

По сфере деятельности организации самые разнообразные: религиозные, социальные, молодежные, женские, спортивные и др. Из числа опрошенных респондентов – 46 % являются руководителями общественных организаций, 22 % членами Правления и 33 % рядовыми членами. Социально-демографический состав экспертов: 76 % имеют высшее образование, абсолютное большинство в возрасте до 50 лет; 61 % женщины.

Как было отмечено, во всех организациях происходит свободное общение как между членами своей организации, так и с представителями других организаций. Случаев запрета общения с представителями других организаций никто не указал. Так, все опрошенные отметили, что случаи распространения запрещенных предметов им неизвестны. Тем не менее, 4 % респондентов указали, что они знают об общественных организациях, чья деятельность направлена на разжигание межнациональной розни. 4 % экспертов информированы об организациях, которые привлекают новых членов для насаждения своей идеологии, причем в некоторых организациях идет сбор материальных благ и финансовых средств.

Абсолютное большинство респондентов (70 %) указали, что их руководители не склонны к тоталитарному управлению.

Подводя итоги, следует отметить следующее.

1. Для эффективной борьбы с распространением идеологии насилия и экстремизма необходимо, прежде всего, отчетливое понимание со стороны общества степени ее опасности. В связи с этим:

- в ходе идеологической, просветительской работы до населения необходимо в спокойном тоне, без излишнего будоражения общественного мнения доносить информацию о реальных угрозах распространения радикальных установок, формировать стремление населения быть «во всеоружии» перед лицом этой опасности; закреплять навыки безопасного поведения в случае возникновения террористических угроз;

- предоставить населению возможность информировать органы о возможных террористических актах и угрозах, о гражданах, чье поведение вызывает серьезные опасения окружающих;

- усилия общества должны быть направлены на то, чтобы воздействовать на сознание таких людей, склонить их к отказу от насильствен-

ных способов решения вопросов, направить их устремления в правовое русло.

Поэтому в целях пресечения роста экстремистской преступности в Российской Федерации и обуздания криминальной ситуации в данной сфере представляется целесообразным усилить профилактическую работу среди молодежи путем проведения мер воспитательно-профилактического характера уже со школьной скамьи.

Всеми силами органов власти, общественных институтов нужно активизировать разъяснительную работу с молодежью об опасности идеологии экстремизма.

Необходимо всячески развивать правовую культуру молодежи, формировать ее политическую зрелость и специфику экономического мышления. От этого будет зависеть точность оценки действительности, система взглядов и мышление молодежи.

ЦЕЛИ, СТРУКТУРА И ФОРМЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЭКСТРЕМИСТКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ PURPOSE, STRUCTURE AND FORMS OF EXTREMIST'S ORGANIZATION

Т.П. Белова

Ивановский государственный университет

T.P. Belova

Ivanovo State University

Анализируются идеология и практика международной экстремистской организации «Хизб-ут-Тахрир ал-Ислами», характеризуются особенности ее деятельности в России.

This article analyzing the ideology and practice of the international extremist organization "Hizb-ut-Tahrir al-Islami", characterizing by the features of its activities in Russia.

Ключевые слова: экстремизм, радикализм, исламизм, панарабизм, халифат, джихад, организационная структура, деструктивная деятельность

Keywords: extremism, radicalism, Islamism, Pan-Arabism, the caliphate, jihad, the organizational structure, the destructive activities

Экстремизм – это идеология и практика, направленные на возбуждения вражды, ненависти, унижения других лиц, определенной социальной группы. Это явление имеет глобальный характер. Его основными акторами являются экстремистские организации. Нередко для обоснования экстремистских идей используются религиозные традиции, в частности, исламское вероисповедание.

Примером подобной организации является «Хизб-ут-Тахрир ал-Ислами» («Исламская партия освобождения», в дальнейшем – ХТ). Она была создана в 1953 г. в Иерусалиме судьей шариатского суда Таки ад-дином ан-Набхани (1908-1977). В настоящее время верховным лидером является Ата ибн Халил Абу Рашта (1948 г.р.), инженер по образованию, вступивший в партию в середине 1950-х. Под его руководством партия стала более радикальной.

Первоначально основатель партии разделял ан-Набхани идеи арабского национализма (панарабизма) и сотрудничал с представителями самой многочисленной и влиятельной исламистской организации «Братья-мусульмане». Однако затем он отказался от объединения с другими течениями исламизма, аргументируя свою позицию тем, что в исламе позволено иметь разногласия во мнениях.

Негативное, подозрительное отношение властей к данной организации в арабских странах вызвало ее радикализацию и раскол. В начале 1970-х годов от нее откололась группа «ат-Тахрир ал-ислами», совершившая в дальнейшем несколько террористических актов.

Сначала деятельность партии охватывала территорию Палестины, Иордании, Сирии и Ливана. Затем филиалы ХТ стали появляться и в других мусульманских странах: в Египете, Тунисе, Кувейте, Судане, Турции, Индонезии и др. В Пакистане партия поддерживала режим талибов и до ноября 2003 г. действовала почти легально. В настоящее время в ряде мусульманских государств ХТ запрещена (Иордания, Египет, Сирия, Ливия, Саудовская Аравия, Тунис и др.)

Интенсивная трудовая миграция в страны Западной Европы способствует активизации здесь хизбиев (членов партии). Главный офис и сервер Интернета ХТ стал базироваться в Великобритании. Однако после террористических актов в Лондоне на государственном уровне стал обсуждаться вопрос о запрете этой партии. В Германии официальный запрет деятельности ХТ стал действовать с 2003 г.

По инициативе второго лидера ХТ Абд ал-Кадима Заллума партия усилила свою работу в мусульманских странах бывшего СССР. С середины 1990-х гг. ее деятельность фиксируется в Узбекистане и других

государствах Средней Азии. В последнее время российские печатные и электронные СМИ стали сообщать о деятельности и об арестах хизбиев в различных регионах России, но чаще всего в Татарстане[1].

Согласно сайту ХТ, «Хизб-ут-Тахрир – политическая партия, основанная на принципах Ислама. Её деятельностью является политика, а основой – Ислам. Хизб-ут-Тахрир ведет свою деятельность среди народа и общается с народом, для того чтобы умма (т.е. мусульманское сообщество) приняла проблему ислама своей проблемой. Её стратегический план – вести исламскую умму к восстановлению Халифата и к правлению тем, что ниспослал Аллах»[2].

Таким образом, главная цель этой партии – создание единого всемирного исламского государства (халифата). «Хизб-ут-Тахрир» заявляет, что её конечная цель – содействовать возвращению мусульман к исламскому образу жизни и распространению исламской веры в мире путем джихада, трактуемого радикальным образом. При этом декларируется, что реализация этой цели возможна лишь путем воссоздания халифата. Сначала хизбии планируют создать исламское государство на основе арабских стран, затем присоединить к нему другие мусульманские страны, после этого распространить ислам на всей Земле.

Партия считает, что восстановить авторитет ислама возможно двумя путями: 1) через исламское просвещение и 2) через политическую работу (обозрение всех событий и проблем мира в контексте ислама).

Пропаганда идей партии осуществляется с помощью особой организационной структуры. В тех странах, в которых действуют филиалы ХТ, все подразделения партии подчиняются секретному Совету управления. Первичной ячейкой партии является халка (звено или кружок), объединяющая обычно пять человек. Обучением групп руководит мушриф, который выполняет функцию казначея и распространяет литературу.

Вступление в ряды партии имеет особый порядок. Основной контингент – люди, уже прошедшие предварительное обучение в религиозных учебных заведениях. Обычно активисты ХТ знакомятся в мечетях с молодыми людьми и предлагают им прочитать одну из брошюр организации. На изучение каждой брошюры отводится месяц. Начальный комплект состоит из четырех брошюр, после прочтения которых заинтересованным предлагается вступить в ряды ХТ. Если молодой человек соглашается, он дает клятву верности партии. После произнесения клятвы он получает статус дариса (послушника). Вступающие также дают обязательство хранить партийную тайну. Через три месяца дарис, сдав эк-

замен, может претендовать на статус мушрифa, который получает право создать свою обучающую группу – халку.

Большое внимание придается индивидуальной работе, поэтому некоторым предлагается стать членами после нескольких встреч, а кто-то может посещать встречи в халке, не подозревая долгое время о ее принадлежности к партии. Среди женщин существуют свои халки.

Деятельность ХТ на территории РФ ориентирована прежде всего на молодежь, особенно студентов. Факторами, которые содействуют рекрутингу и вхождению молодых людей в ряды партии, являются, например, такие: 1) стремление получить «неискажённые» знания об исламе; 2) разочарование в жизни; 3) стремление к самореализации; 4) потребность в особой романтике и риске. По некоторым инструкциям на определенных этапах хизбии не должны скрывать своей принадлежности к партии. Это делается с целью пропаганды, повышения популярности и создания символа мучеников за веру.

В брошюрах ХТ доказывается ненасильственный метод работы партии. Представители ХТ в Европе и в России утверждают, что их партия не ставит своей целью создание халифата на данных территориях. Однако в идеологических источниках ХТ указывается, что после создания халифата его армия будет способствовать распространению ислама во всем мире через военный джихад. При этом первоначально нападению подвергнутся те территории, которые когда-то находились под правлением мусульман, а также те государства, которые потенциально угрожают мусульманам, с точки зрения ХТ. Таким образом, «Хизб-ут-Тахрир» своей идеологической пропагандой способствует росту вооруженных конфликтов и террористических актов в мире, хотя сама в них не вмешивается и дистанцируется от них.

В целом можно заключить, что негативное социальное влияние ХТ проявляется в том, что эта партия вносит раскол в ряды мусульман, способствует их радикализации, вовлекает в антигосударственную деятельность. Социальная активность партии «Хизб-ут-Тахрир» носит конфликтогенный, деструктивный характер.

Российские группы ХТ – это часть международной экстремистской организации. Но широкой социальной базы среди мусульман России у ХТ пока нет, так как под влиянием государственной политики и СМИ в общественном мнении россиян сформировалось негативное отношение к этой организации. Однако вопрос о радикальном исламе для нашей страны является актуальным.

Литература

1. Ахмедханов Б. Халифат Россия // Московские новости. 22.12.2006; МВД Татарстана называет Нижнекамский район одним из центров религиозного экстремизма в республике. URL: <http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=47486> (дата обращения: 04.09.12).
2. О Хизб ут-Тахрир. URL: <http://hizb-russia.info/index.php/ru/ht/o-ht/o-ht-ut-takhrir> (дата обращения: 25.04.12).

ДУХОВНЫЕ ИСТОКИ МОЛОДЕЖНОГО ЭКСТРЕМИЗМА¹ SPIRITUAL ROOTS OF YOUTH EXTREMISM

Ю.В. Бурова

Средне-Волжский (г. Саранск) филиал Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации

J.V. Burova

Middle-Volzhsky (Saransk) branch of the Russian Legal Academy of the Ministry of Justice

Рассматриваются проблемы молодежного социума, анализируемые автором с позиций нравственно-идеологических ориентиров.

The problems of the youth society, the author analyzed from the standpoint of moral and ideological values.

Ключевые слова: молодежь, социум, экстремизм, нравственно-идеологические ориентиры

Keywords: youth, society, extremism, moral and ideological orientation

В моменты кризисного состояния общества возрастает влияние идеологического уровня, усиливаются суеверия, оккультизм, мистика. Особенно это заметно среди молодежи. В настоящее время резко изменились условия вхождения в жизнь, существенно ограничены возможности полноценного социально-гражданского становления, потеряны социальные и нравственно-идеологические ориентиры, ослаблена роль институтов социализации молодежи. Молодежь участвует в различных нетрадиционных религиозных объединениях и неформальных движениях, учащаются случаи экстремизма в ее среде. Так, на территории Рес-

¹ Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта «Историко-культурные основы концепции терроризма Ф. М. Достоевского и их трансформация в современности» (грант Президента РФ МК-1547.2012.6).

публики Мордовия правоохранительными органами пресечена деятельность религиозной группы, входящей в сатанинскую организацию «Благородный орден дьявола».

В Мордовии насчитывается более десятка неформальных молодежных движений: готы, эмо, рокеры, рэперы, панки, футбольные фанаты и т. п. В большинстве своем это студенты и школьники. Сотрудники Мордовского республиканского молодежного центра совместно с Центром по противодействию экстремизму при МВД по РМ создают специальный закрытый банк данных на неформалов, чьи объединения носят экстремистский и деструктивный характер. Начальник Центра по противодействию экстремизму при МВД по Республике Мордовия Ю. В. Соркин утверждает, что развитие неформальных молодежных организаций в республике подготовлено криминогенной ситуацией 1990-х гг. «Как ни парадоксально, разгул криминалитета 90-х гг. сдерживал рост неформальных молодежных объединений. В те времена было недопустимо, чтобы кто-то разгуливал по городу с серьгой в ухе или с длинными волосами. Развитие неформальных организаций для нас новое явление, и я уверен, что со временем оно пройдет. Некоторые неформальные организации могут деструктивно воздействовать на молодежь и преступать закон. Больше чем уверен, что у нас есть и другие подобные организации. Наша задача состоит в том, чтобы не допустить развития подобных неформальных объединений в Мордовии»[2].

В связи с этим в рамках работы кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Средне-Волжского (г. Саранск) филиала ФГБОУ ВПО «Российская правовая академия Министерства юстиции России» в феврале 2012 г. было проведено социологическое исследование по изучению духовных ориентиров молодежи в современном социуме. По результатам проведенного нами социологического исследования деятельность молодежных организаций в республике большинству молодого населения не известна.

Знания молодежи о функционирующих в Республике Мордовия субкультурах распределены следующим образом: готы (72 %), эмо (67%), рэперы (65%), гопники (54%), скинхеды (53%), панки (45%), рокеры (40%), металлисты (36,5%), сатанисты (23 %). Признались, что относятся к какой-либо субкультуре, 92 чел., что составляет около 8 % опрошенных. Подобные цифры вызывают тревогу, потому что о существовании субкультур, деятельность которых не всегда играет положительную роль, молодежь осведомлена лучше, чем о деятельности традиционных молодежных организаций Республики Мордовия, а 8 % уже открыто

заявляют о своей деятельности в рамках неформальных молодежных организаций. При этом 85 % опрошенной молодежи уверены в том, что деятельность субкультур влияет на общество, в том числе 47 % считают это влияние очень существенным, и только 7,5 % считают, что данного влияния нет.

Следует отметить во многом деструктивную роль подобных организаций, поэтому 60 % опрошенных считают, что необходимо усилить контроль правоохранительных органов республики деятельности субкультур, так как принадлежность к некоторым из них иногда может подтолкнуть человека к совершению правонарушений.

В связи с этим возникает необходимость конкретизировать, какие именно субкультуры могут подтолкнуть к совершению правонарушений. При подобном уточнении были получены следующие данные: скинхеды – 62 %, уличная молодежь (гопники) – 51%, сатанисты – 48%, националисты (нацисты) – 39%, готы – 23%, анархисты – 22%, эмо – 21%, панки – 20%, антифашисты – 17%, металлисты – 10%, рокеры – 8%, рэперы – 7%, альтернативщики – 3%, скапанки – 3%, трейсеры – 3%, скиперы – 2%, все указанные выше – 6 %. Нетрадиционные молодежные организации порождаются обществом в связи с его недостатками и проблемами. Если раньше мы говорили о физическом здоровье социума, то сегодня мы в большей степени ориентируемся на духовное здоровье. Поэтому возникает необходимость проанализировать актуальные проблемы общества, его ценности и религиозные установки.

К наиболее актуальным проблемам повседневной жизни 57 % опрошенных отнесли низкий уровень доходов, 48% – пьянство, 43% – преступность, 34% – угрозу безработицы, 23% – коррумпированность властей, 21 % – моральное и нравственное разложение общества, 20 % – состояние здоровья родных и близких, 17% – расслоение общества на богатых и бедных, 14 % – загрязнение окружающей среды, 7 % – напряженные отношения в семье. В большинстве случаев молодежь заявляет о внешних проблемах (низкий уровень доходов, пьянство, преступность, безработица, коррумпированность властей). Однако основы всех указанных проблем связаны с моральным и нравственным разложением общества, а пути решения – через преодоление напряжения в семейных отношениях, духовное возрождение общества.

Анализируя условия самовыражения молодежи, респонденты отметили, что на современном этапе развития общества в большинстве случаев – 41 % – они находят возможность для самореализации, 24 % твердо уверены в такой возможности, 17 % с неуверенностью заявляют

о невозможности самореализации и 4 % говорят о невозможности самореализации. Подобные цифры раскрывают другую проблему, связанную со способами самореализации современной молодежи, что очень часто происходит через агрессию и жестокость. Отсюда вытекает вопрос о традиционных ценностях.

Представляется необходимым отметить наиболее важные ценности общества, к которым опрошенные относят: любовь – 61 %, семью – 55%, здоровье – 50%, патриотизм – 48%, человеческую жизнь – 43%, взаимопонимание – 31%, справедливость – 27%, религию – 23%, друзей и подруг – 20%, интересную работу – 19%, связи с нужными людьми – 15%, спокойную жизнь – 14%, комфорт – 10%, милосердие – 10%, интеллект – 8%, власть – 5%, собственность – 4 %. Несмотря на указанные проблемы, доминирующей ценностью становится любовь, и если раньше она была абсолютной, то сегодня только 61 % признают ее основополагающей. Подобная трансформация происходит и в отношении других ценностей. Следствием вышеизложенного станет возрастание такого социального явления, как молодежный суицид. Анализируя причины молодежного суицида, 30 % респондентов в качестве доминирующей определяют возрастающие психические заболевания, 23 % указывают на нереализованность молодежи, 22 % на социально-экономические проблемы современного общества, 21 % на изменения в ценностных установках в современном обществе. Таким образом, молодежь отмечает, что духовные болезни общества станут основой психических заболеваний, вследствие которых человек идет на суицид. Учитывая подобные цифры, мы вряд ли можем говорить о прогрессе общества.

Анализируя духовный уровень общества на современном этапе, респонденты в большинстве считают, что он становится ниже (52 %). Отсутствие религиозности, падение духовности даст дальнейший прогресс социальным порокам, предотвратить которые трудно уже сегодня.

Причины вступления молодежи в организации деструктивного характера требуют пристального изучения. Наиболее распространенной причиной оказалась попытка выделиться из общей массы и попытка найти в этом религиозном учении оправдание всем своим негативным наклонностям (25,4 % и 24,7 %). Самой редкой причиной является поиск новых знакомых.

Таким образом, проблемы общества исходят из духовно-нравственных ориентаций. В связи с этим возникает необходимость изучения внутренних проблем молодежной жизни. Однако для нас актуально проанализировать, как происходит при вышеизложенных усло-

виях вовлечение молодежи в экстремистские организации. К этому подталкивает такое событие в регионе, как пресечение деятельности организации «Благородный орден дьявола», лидеры которой 19 июля 2010 г. были осуждены. Однако сама проблема осталась. Поэтому важно обратить пристальное внимание на деятельность нетрадиционных молодежных организаций, которые, по словам организатора сатанинской группы А. Б. Казакова, стали базой для создания секты.

Негативные стороны нашего общества свидетельствуют об имеющихся в нем проблемах. Молодежь живет в общем социальном и культурном пространстве, поэтому кризис общества и его основных институтов не мог не отразиться на содержании и направленности молодежных устремлений. Кризис института семьи и семейного воспитания, подавление индивидуальности и инициативности ребенка, подростка, молодого человека как со стороны родителей, так и педагогов – всех представителей взрослого мира – приводит, с одной стороны, к социальному и культурному инфантилизму, а с другой – к прагматизму и социальной неадаптированности, к проявлениям противоправного или экстремистского характера. В этой связи основной задачей является поиск возможностей для адекватного самовыражения молодежи, для превращения ее негативной энергии в позитивную творческую деятельность, спорт, социально одобряемые движения.

Литература

1. Материалы заседания коллегии по вопросам безопасности при Главном федеральном инспекторе по Республике Мордовия аппарата Полномочного представителя Президента РФ в Приволжском федеральном округе: [от 26.03.2009 № 1]: внутр. док. аппарата ГФИ по РМ, справка. С. 29.
2. ПМА. Юрий Викторович Соркин, 1971 г.р. Саранск, 23.09.2009

**МОЛОДЕЖНАЯ ДЕЛИНКВЕНТНОСТЬ И НАСИЛИЕ:
УГРОЗЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
THE YOUTHCRIME AND THE VIOLENCE:
IMPENDENCE OF NATIONAL SECURITY**

М.И. Зацепин

*«МАТИ – Российский государственный технологический
университет имени К.Э.Циолковского»*

M.J. Zatsepin

*MATI - Russian State Technological University
named after K.E. Tsiolkovsky*

Рассматривается аспект влияния молодежной делинквентности, насильственных преступлений на национальную безопасность.

In this article the impact of youth delinquency, violent crimes on the national security is considered.

Ключевые слова: молодежь, молодежная преступность, насилие, насильственные преступления, национальная безопасность

Keywords: youth, youth crime, violence, violent crimes, national security

Процессы модернизации российского общества требуют активного участия в проводимых преобразованиях максимально большого числа субъектов гражданского общества, экономических организаций, органов государственного и муниципального управления, отдельных граждан и социальных групп.

Особую роль в общественном развитии, трансформации социальной жизни традиционно играет молодежь, составляющая значительную часть населения страны. Молодое поколение объективно включено в абсолютное большинство процессов общественного воспроизводства и выполняет в их рамках как общие, так и присущие в основном только этой общности, особые социальные функции. Фактически, молодежь в различной степени и формах представлена на всех уровнях жизнедеятельности социума и во всех его сферах.

При этом молодежь – это не только настоящее, но и будущее общественной системы, в связи с чем ее текущее благополучие, высокий уровень социального самочувствия, позитивная ориентация на активное участие как в формировании своей собственной судьбы, так и перспектив развития своего муниципального образования, региона, Отечества в

целом позитивно влияют на состояние национальной безопасности нашей страны.

Напротив, получившие широкую распространенность в первое десятилетие постсоветского периода различные социальные патологии, свойственные значительной массе молодых людей, создавали и продолжают создавать совокупность угроз, наличие которых заметно влияет не только на безопасность государства, но и рядовых граждан, а также местных и региональных сообществ.

Помимо относительно распространенных в современной молодежной среде наркомании, алкоголизма, сексуальных девиаций, антисоциальных форм политической активности, особую опасность в рассматриваемом контексте имеет молодежная делинквентность и связанное с ней насилие, осуществляемое молодыми людьми как в отношении своих ровесников, так и представителей других поколений.

Молодежная преступность представляет собой сложный и многогранный феномен, функционирование которого обусловлено широкой совокупностью факторов и условий, носящих внешний и внутренний, объективный и субъективный характер.

С позиций обеспечения общественной безопасности следует выделить её следующие наиболее значимые моменты.

Во-первых, для молодежной преступности в значительной степени присуща групповая форма проявления. Это во многом предопределяется психосоциальными особенностями подростков и молодых людей: неустойчивость психики, неудовлетворенные потребности в общении и общественном признании, стремление к доминированию или принадлежности к группе, динамика и размытость социального статуса и др. Также существенную роль играют социально-экономические противоречия, заключающиеся, например, в противоречии между публичной доступностью различных материальных благ и реальной невозможностью их легального обретения из-за отсутствия у молодых граждан соответствующих доходов.

Во-вторых, одним из комплексных факторов, генерирующим молодежную преступность, является крайне сложное взаимодействие этой категории населения с обществом, его группами и институтами. Достаточно часто оно имеет конфликтную окраску и побуждает молодых акторов к совершению провокационно-радикальных действий, попирающих общественную мораль и систему общественных норм, закрепленных в действующем законодательстве.

В-третьих, молодому поколению имманентно присуща потребность участия в преобразовании общества, трансформации существующего общественного порядка.

К сожалению, инновационный потенциал молодежи в силу неготовности общества к созданию необходимых условий для его управляемого позитивного использования начинает самореализовываться молодыми гражданами в анти- или асоциальных формах. Они имеют деструктивную направленность по отношению к личности, группе, государству. К числу таких форм, безусловно, стоит отнести насильственные и другие связанные с ними преступные деяния.

Нет необходимости уделять более серьезное внимание анализу иных причин возникновения молодежной преступности, попытаемся лишь качественно оценить ее возможное влияние на систему национальной безопасности страны.

Для понимания картины происходящего рассмотрим некоторые данные государственного статистического наблюдения. В связи с этим отметим, что, относительно периода 1991 – 2000 гг., в последующее десятилетие по ряду показателей имеет место некоторое снижение значений, характеризующих криминальную активность молодежи. Это одновременно может быть объяснено как стабилизацией социально-экономического развития России, так и некоторым объективным снижением совокупной численности подростково-молодежных возрастных когорт.

Молодыми людьми, находящимися в возрасте 14 – 29 лет, в 2010 г. было совершено 559,1 тыс. различных преступлений, что составляет 50,32% от общего числа зарегистрированных преступлений. Групповая форма приводит к дополнительному масштабированию криминальных, в том числе насильственных, практик среди подростков и молодежи, а также признанию насилия как групповой нормы. Но в 1995 г. число преступлений, совершенных молодыми людьми, составляло 802,4 тыс. (50,29% от общего числа преступлений), в 2005 г. – 738,0 тыс. (56,9%).

Росстат также публикует данные о числе преступлений, совершенных несовершеннолетними или с их участием: 1995 г. – 209,8 тыс.; 2005 г. – 154,7 тыс.; 2010 г. – 78,5 тыс.

Среди лиц, находящихся в возрасте до 30 лет, осужденных за насильственные преступления (убийство, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, изнасилование), в 1995 г. было осуждено 27,7 тыс. человек, в 2005 г. – 38,0 тыс., 2010 г. – 24,0 тыс. В то же время, об-

шее число осужденных этого возраста в 1995 г. составило 527,1 тыс., 2005 г. – 515,7 тыс., 2010 г. – 439,8 тыс.

Тем не менее стабильно высока (более половины) доля молодых людей в возрасте 14- 29 лет среди всех осужденных: 1995 г. – 50,8 %, 2005 г. – 59,6%, 2010 г. – 52,0%.

Таким образом, несмотря на определенные количественные признаки снижения молодежной преступности, в относительном выражении имеет место достаточно устойчивая негативная тенденция, выраженная в сохранении высокого вклада молодежной преступности в общестатистические показатели. Сегодня каждое второе преступление и каждый второй из числа осужденных в стране – это молодой человек. В свою очередь, несмотря на ощутимое количественное снижение насильственных преступлений, их число по-прежнему значительно.

Нарушение норм уголовного законодательства и, в первую очередь, совершение насильственных преступлений молодыми людьми приводят к гибели граждан, их инвалидизации, невозможности ведения нормальной жизни вследствие полученных физических и психических травм. В абсолютном большинстве случаев и сами молодые граждане, осужденные за различные виды преступлений, даже после отбытия наказания и ресоциализации, оказываются неспособными достичь успеха в обществе, нормы которого они нарушили.

Молодежная преступность, молодежное насилие крайне негативно влияют на социальную ситуацию, на состояние национальной безопасности. Это прямо или косвенно проявляется в самых различных сферах и направлениях общественной жизни.

Говоря о все еще не преодоленной демографической проблеме необходимо понимать, что именно молодежь концентрирует в себе основную часть репродуктивного потенциала общества. Поэтому насильственная гибель молодых людей, представителей средних поколений, жертв других возрастов по вине молодых преступников ведет либо к снижению рождаемости, либо к утрате кормильцев в уже существующих семьях и переводу их в зону социального риска. Сами молодые люди, находясь в пенитенциарных учреждениях в период их нахождения по приговору суда, лишены возможности создавать семьи и производить потомство. Более того, в случае отбытия наказания они теряют связи с социальной средой и по этой причине нуждаются в длительной адаптации к нормальной жизни.

Молодежная преступность, как и преступность вообще, является фактором разрушения общественного порядка и внутренней угрозой

национальной безопасности. Молодые люди, совершившие те или иные преступления, не могут рассматриваться как источник для кадрового пополнения вооруженных сил страны, что приводит к снижению обороноспособности государства.

Кроме того, молодые люди чаще, чем представители других социальных общностей, оказываются вовлеченными в разного рода и масштаба конфликты, возникающие в обществе. В силу особенностей возраста, высокой социальной активности, не до конца сформированной системы жизненных ориентиров и личностных установок они, увлекаясь некими актуальными идеями, становятся акторами разновекторных общественно-политических процессов, имеющих как социально-конструктивную, так и наоборот, социально-деструктивную направленность. В последнем случае, если в сообщество активных молодых людей включаются индивиды, имеющие криминальный опыт и тем более совершавшие ранее насильственные действия, следует ожидать, что такие общечеловеческие ценности, как право на жизнь, право на свободу, на неприкосновенность личности и т.д. будут ими легко попираемы. В условиях нестабильных молодежных групп это будет приводить к росту насилия и созданию мультипликативных механизмов его воспроизводства.

Касаясь аспекта влияния насилия молодежной делинквентности на состояние духовно-нравственной сферы общества, можно констатировать, что эти феномены приводят к разрушению системы социально-одобряемых ценностей и норм. При этом, и ценности, и нормы являются регуляторами поведения индивидов, групп и взаимодействий между ними. Их игнорирование или подмена негативными в пространстве молодежного сообщества приводит к расшатыванию сложившегося социального порядка и, в итоге, снижает действенность системы национальной безопасности.

Таким образом, молодежная делинквентность и особенно ее составляющая, связанная с насильственными преступлениями, представляет собой очевидные угрозы национальной безопасности страны. Их ослабление возможно при условии проведения комплексной целенаправленной деятельности государства, местного самоуправления и гражданского общества. Речь должна идти не только о профилактике молодежной преступности, деятельности по повышению правовой культуры молодежи, но и более широкой системе мер, сконцентрированных в понятии молодежная политика. Именно ее эффективная реализация в государственном и негосударственном компонентах должна позволять улуч-

шать положение молодежи в обществе, упростить решение значимых молодежных проблем и в результате повысить уровень национальной безопасности нашей страны.

**ЭКСТРЕМИСТСКИЕ НАСТРОЕНИЯ
СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ
НА ФОНЕ ВЫБОРОВ ФЕДЕРАЛЬНОЙ ВЛАСТИ
EXTREMIST MOODS OF STUDENTS
AGAINST THE ELECTIONS OF FEDERAL POWER**

Д.В. Зернов, Е.С. Луконина
*Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского*
D.V. Zernov, E.S. Lukonina
N.I. Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Обсуждается динамика политической активности студентов на фоне выборов депутатов Государственной Думы, прошедших в декабре 2011 г., и выборов Президента РФ в марте 2012 г. Оценивается отношение студентов к прошедшим выборам, готовность молодых людей участвовать в протестных акциях, а также проявления экстремистских настроений среди них.

In article is discussed dynamics of political activity of students against the elections of deputies of the State Duma which have passed in December, 2011 and an election of the president of the Russian Federation, passed in March, 2012. It is estimated the relation of students to last elections, readiness of young people to take part in protest actions, and also manifestations of extremist moods among them.

Ключевые слова: акции протеста, выборы, молодежь, политическая активность, студенты, экстремистские настроения

Keywords: elections, extremist moods, political activity, protest actions, students, youth

Еще два-три года назад позиция молодежи в политической жизни страны была весьма пассивной. В выборах молодежь участвовала вяло, партийно-политическую деятельность игнорировала, а митинги, демонстрации и акции протеста в стране, если и проходили, то собирали под

свои знамена лишь весьма незначительную долю граждан, придерживавшихся крайне оппозиционных, порой даже экстремистских взглядов. Выборы депутатов Государственной Думы 2011 г. изменили ситуацию. Резкое недовольство результатами выборов спровоцировало среди населения всплеск протестной активности. Оппозиция вывела на улицы большинства крупных городов России граждан, раздраженных действиями власти. Страну захлестнула волна митингов и акций протеста, и активными их участниками стала ранее пассивная молодежь. Причем протестные мероприятия далеко не всегда проходили в рамках закона, и нередко в действиях молодых людей прослеживались экстремистские настроения.

Как правило, молодежь легко поднимается на протест, и даже отсутствие четкого понимания целей и задач проводимых митингов и протестных акций не мешает молодым людям эти мероприятия поддерживать и активно в них участвовать. С одной стороны, захватывает дух авантюризма, с другой стороны, складываются компании, «тусовки», где молодые люди находят себе единомышленников и друзей. Однако в основе все-таки лежит политика, что способствует повышению уровня политической активности молодежи, включенности в политическую ситуацию.

Оценивая итоги выборов в Государственную Думу, лишь немногие студенты говорили о том, что голосование прошло честно (5%) и о незначительных нарушениях (8%) (Использованы результаты исследований, проведенных кафедрой прикладной социологии факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского. Первый замер был осуществлен 1-13 ноября 2011 г., было опрошено 800 студентов нижегородских вузов. Второй замер был осуществлен 28 февраля – 2 марта 2012 г., было опрошено 400 студентов нижегородских вузов. Выборка квотная, репрезентативная).

Большинство из них высказывалось о выборах с критикой, причем порой в довольно резкой форме. Так, 27% молодых людей придерживались мнения, что нарушения были, но они не могли существенно повлиять на итоги голосования, 18% говорили о нарушениях, изменивших расстановку партийно-политических сил, а наиболее распространенной оценкой выборов стали высказывания о грубой подтасовке результатов, такую позицию продемонстрировали 40% студентов.

Казалось бы, столь критичное отношение к прошедшим выборам должно было способствовать повышению готовности студентов к участию в протестных акциях. Действительно, количество участников ми-

тингов, акций протеста несколько возросло с ноября 2011 г. по март 2012 г., но довольно незначительно. Так, участвовали в мирных митингах, разрешенных властями 12% студентов (8% в ноябре 2011 г.), 7% принимали участие в протестных акциях, несанкционированных властью (6% по результатам предыдущего замера), 3% молодых людей имели опыт активного сопротивления власти, столкновений с полицией (2% ранее).

Таблица 1

*Участие студенческой молодежи
в различных политических акциях и мероприятиях, %*

Формы гражданской активности	Не участвовали и не собираются		Не участвовали, но хотели бы поучаствовать		Принимали участие	
	Нояб. 2011 г.	Март 2012 г.	Нояб. 2011 г.	Март 2012 г.	Нояб. 2011 г.	Март 2012 г.
Участие в мирных митингах, разрешенных властями	61	61	31	23	8	12
Участие в митингах, акциях протеста, несанкционированных властью	67	71	27	19	6	7
Участие в митингах, акциях протеста за финансовое или иной вознаграждение	–	82	–	12	–	2
Активное сопротивление власти, столкновения с полицией	83	84	15	9	2	3
Участие в националистических акциях	81	83	16	10	3	3

Однако количество студентов, которые хотели бы принять участие в подобных мероприятиях, но пока не имеют такого опыта, сократилось. В ноябре 2011 г. хотели участвовать в мирных митингах 31% студентов, а в марте 2012 г. их число сократилось до 23%. Доля желающих принять участие в несанкционированных акциях протеста снизилась за указанный период с 27% до 19%, а количество сторонников активного сопротивления власти, столкновений с полицией сократилось с 15% до 9%.

Кроме того, за рассматриваемый период сохранились 3% участников националистических акций, но количество потенциальных участников подобных мероприятий, то есть тех, кто хотел бы в них поучаствовать в перспективе, сократилось с 16% до 10%.

Таким образом, в период с ноября 2011 г. по март 2012 г. часть студентов из разряда потенциальных участников протестных акций перешла в разряд участников, имеющих фактический опыт. При этом количество тех, кто не поддерживает различные акции протеста, не снизилось, а доля противников мероприятий, несанкционированных властью, даже увеличилась с 67% до 71%.

Непосредственных участников различных протестных акций, противоречащих закону, немного. И по данным ноября 2011 г., и по данным марта 2012 г., их доля составляет 8%. Эта группа представляет наибольшую угрозу общественному порядку и безопасности, в ней экстремистские настроения проявляются в наибольшей степени.

Таблица 2

Группы студентов со склонностями к экстремистским настроениям, %

Группы	Ноябрь 2011	Март 2012
Участники акций протеста (несанкционированные митинги, националистические акции, активное сопротивление власти, столкновения с полицией)	8	8
Участники и потенциальные участники акций протеста (несанкционированные митинги, националистические акции, активное сопротивление власти, столкновения с полицией)	39	30
Участники, потенциальные участники акций протеста и положительно оценивающие подобные акции (несанкционированные митинги, националистические акции, активное сопротивление власти, столкновения с полицией)	49	39

Однако, помимо реальных участников подобных акций, у них существуют и потенциальные сторонники, а также есть студенты, позитивно относящиеся к таким мероприятиям. Размеры этих групп более внушительные. В ноябре 2011 г. количество реальных и потенциальных участников акций, противоречащих закону, составляло 39%, а в марте их доля сократилась до 30%. Это те люди, которые потенциально или реально готовы к активным формам выражения протеста и агрессии. У участников несанкционированных государством протестных акций есть и сочувствующие, те, кто положительно к ним относится, но не демонстрирует желания в них участвовать. Если этих студентов прибавить к числу реальных и потенциальных участников протестных акций, то размер группы по данным ноября 2011 г. разрастается до 49%, а по данным марта 2012 г. – до 39%. Эти показатели уже весьма существенны. При определенных обстоятельствах и дополнительных стимулах эта группа может нанести серьезный ущерб общественному порядку, стабильности и безопасности. Ситуация в стране сейчас складывается таким образом, что даже потенциальная активность интенсивно подогревается, что создает все условия для ее выхода наружу.

Тот факт, что даже на фоне непризнанных значительной частью населения парламентских выборов, количество агрессивно настроенной молодежи не увеличилось, а доля потенциальных участников акций протеста даже сократилась, позволяет надеяться, что экстремистские настроения в молодежной среде не получили широкого распространения. Однако среди студентов отмечается повышенный уровень раздражения действующей властью, присутствуют протестные настроения, и такие формы политической активности, как митинги, демонстрации, акции протеста довольно быстро находят своих сторонников, тем более, что участие в них может рассматриваться молодежью как интересное, захватывающее, активное мероприятие, где грань между законным и незаконным весьма размыта. Соответственно процесс регулирования политической и гражданской активности молодежи должен быть направлен, с одной стороны, на воспитание у молодых людей готовности к конвенциональным формам политического участия и, с другой стороны, на нивелирование агрессии и готовности протестовать, выражать свою позицию неконвенциональными способами. Кроме того, необходим постоянный мониторинг уровня экстремистских настроений среди молодежи, что позволит более эффективно контролировать ситуацию и управлять ею.

ТЕРРОРИЗМ КАК КОНЦЕПТ КОНСТРУИРОВАНИЯ НАСИЛИЯ TERRORISM AS A CONCEPT OF DESIGN OF VIOLENCE

Е.В. Коровина, Е.А. Цветкова

Нижегородский государственный технический университет

E.V. Korovina, E.A. Tsvetkova

Nizhny Novgorod State Technical University

Затрагивается проблема влияния терроризма на усиление агрессии и насилия в обществе. Подчеркивается, что терроризм представляет угрозу мировому сообществу, проникая во все сферы общества, поставив целью посеять ужас, психологическую нестабильность, разрушить человеческие ценности, в том числе нивелировать ценность человеческой жизни. Создавшаяся обстановка может привести к росту агрессии и насилия в обществе.

In article is discussed the problem of terrorism and its influence into strengthening of the aggression and violence in society. One has to emphasize that terrorism is very dangerous to the human society. It's display in the whole spheres of society and takes fear, psychical destruction into human head, destroy human values, such as human life. This situation may be lead to aggression and violence among «soft targets».

Ключевые слова: терроризм, человеческие ценности, «мягкие мишени» – гражданское население, конструирование, насилие

Keywords: terrorism, sphere, human values, «soft targets», mass-media, manipulate, design, violence (force)

Терроризм, по мнению авторов, является концептом, который конструирует насилие во всех сферах жизни общества, выступая как крайняя форма его проявления, его социокультурный код. Насилие может быть рассмотрено как социальный концепт, который создается обществом в процессе его социокультурного развития и закрепляется в присутствующих данному обществу ментальных структурах. Терроризм и насилие проявляются как механизм социального влияния одних социальных субъектов на других с целью создания у субъектов, которые подвергаются воздействию, состояния опасности, вплоть до грозящей их жизненному существованию.

В экономической и финансовой сферах терроризм и порождаемое им насилие проявляются в рейдерских захватах и насильственном банкрот-

стве предприятий. Например, после того как в 2010 году были приняты антирейдерские поправки в Уголовный кодекс, количество обращений на рейдерские действия в России резко возросло. По данным СКР, количество сообщений о захватах возросло с 69 в 2010 г. до 400 в 2011 году [1]. В социальной сфере в ответ на использование методов террора конструируется насилие, которое проявляется во всех социальных отношениях и отличается своей многоликостью. Насилие встречается в межэтнических, межгрупповых, внутриорганизационных, трудовых, а также семейных и межличностных отношениях.

Если в социальной сфере терроризм и конструируемое им насилие могут проявляться скрыто, латентно (например, в семье, межличностных отношениях), то в сфере политики (в том числе и международной) реализуются через институциональные формы, которые вовлекают в сферу своего действия огромные массы людей.

Интерес представляет не только сам феномен терроризма, но и ответная реакция на него в социуме, которая, подчас, выражается в немотивированном росте агрессивности и насилия. Именно данный аспект проблемы заинтересовал авторов.

В научной и публицистической литературе длительное время велись дискуссии, затрагивающие как само содержание термина «террор», так и формулировку производных от него, терминов. Только к концу 80-х годов XX в. были опубликованы более шести тысяч различных статей. К настоящему времени статей, исследующих феномен терроризма и сопутствующих ему проблем, стало значительно больше.

В. Хорос, исследующий данный феномен, сообщает о более ста его дефинициях. Почти во всех имеющихся дефинициях терроризм напрямую связывается с насилием [2]. Исследователи предлагают не искать универсального определения, а выявить некий набор существенных признаков. Таких признаков выявлено четыре [2.С.52].

Участие в дискуссии не является целью данных тезисов, отметим лишь некоторые важные для современных реалий черты – гетерогенность и международность терроризма [3.С. 99- 103].

В XX столетии появилось новая форма терроризма – международный, которая характеризуется масштабностью действий, проникающих во все уголки земного шара, организованностью, овладением ими новыми технологиями и информационно-коммуникативным пространством.

Последнее наиболее опасно, так как использование современных технологий предоставляет широкие возможности не только для ведения

информационных войн, но и для формирования общественного мнения, манипулирования информационно-коммуникативным пространством.

Данные проблемы рассматриваются в исследованиях Д. Швеца, А.А. Иудина, А.А. Рюмина, Д. А. Шпилева [6.; 5. С.40-47].

Средства массовой информации, особенно TV, кино, Интернет и пресса, преследуя свои меркантильные цели, представляют нам носителей террора и насилия не лишенными человеческих чувств, героизируют и оправдывают их бесчеловечные поступки. Массированное влияние подобной информации на человека приводит к нивелированию жизненных ценностей и, в первую очередь, самой человеческой жизни.

Социально опасные последствия терроризма еще более усиливаются, если принимают идеологические или религиозные формы.

Целью террора и насилия являются так называемые «мягкие мишени» (soft targets), т.е. гражданское население, на которое оказывается массированное психологическое, информационное и физическое воздействие, поддерживается психологическое напряжение, панические настроения.

Авторам как профессиональным коммуникаторам известны все технологии и приемы подобного воздействия на массовое и индивидуальное сознание и внедрения в него нужной информации и действий.

Целевыми аудиториями конструирования насилия чаще всего выступают женщины и подростки. Сказанное не означает, что только среди данных представителей общества нивелирование ценностей человеческой жизни приводит к росту агрессивности и насилия. Но именно среди них оно приняло ужасающие формы: увеличение количества шахидок, появление женских батальонов в армиях многих стран, скинхедов и других форм.

Участились случаи издевательства матерей над собственными и приемными детьми, их убийство или неоказание помощи. Подростки натравливаются на стариков, иностранных рабочих, которые якобы не могут найти своего места в жизни или занимают «чужие места».

Благотворительная организация Save the Children в отчете за 2011 год «О положении матерей в мире» оценила 165 государств. В десятку лучших вошли, соответственно: Норвегия, Исландия, Швеция, Новая Зеландия, и замыкает десятку благополучных – Великобритания /Нидерланды. В десятку худших – Нигер, Афганистан, Йемен и другие государства Африки и Азии. Россия находится в этом рейтинге на 37 месте [6. С.44].

Приведенные данные не учитывали показателя «насилие» в семье. В Норвегии, как известно, существует довольно вольное сексуальное обращение родителей с детьми, а в Бельгии не скрывают своего возмущения супругой насильника, который не только издевался над своими жертвами, но и убивал их.

Это свидетельствует о том, что насилие не всегда имеет социально-деструктивные корни в обществе, но может выступать как следствие иных социокультурных реалий – религиозных, политических, идеологических.

Под воздействием этих реалий в Европе появились «террористы-одиночки», которых называют «одиночками волками». Формально они не связаны ни с какими движениями и организациями. Опасность в их действиях состоит в том, что их трудно вычислить. Они могут позиционировать себя представителями различных взглядов, что вполне допустимо в мультикультурной Европе. Андерс Беринг Брейвик, хладнокровно расстрелявший 77 членов молодежной организации Норвежской рабочей партии, провозгласил себя националистом. Дэвид Коупленд, англичанин, который совершил взрыв в Лондоне в 1999 году, считал себя расистом и гомофобом. Мохаммед Мере, которого обвинили в трех терактах убийстве четырех солдат, немотивированном расстреле трех детей и их отца на юге Франции, считал себя радикальным исламистом [7. С.37; С. 12-15].

Непонятные для законопослушных граждан проявления насилия диктуют необходимость искоренение одного из общественных концептов, который порождает и питает его – терроризма.

Борьба с этим феноменом требует общих усилий, к организации которых мировое сообщество не готово в силу политических причин.

Литература

1. Гридасов, А., Евстифеев Д. Рейдерских захватов становится все больше. //Известия. (Текст) 13.04.2012. С.1-7.
2. Современный терроризм в контексте глобализации: дискуссия // Мировая экономика и международные отношения. 2002. №3. С.36-53.
3. Коровина, Е.В. Современные международные отношения: актуальные проблемы. – Н.Новгород, 2009. С.99-103.
4. Иудин, А.А. Информационная война в Интернет: западные обыватели о России/А.А. Иудин, А.М. Рюмин, Д.А. Шпилев. – Н.Новгород, НИСОЦ, 2011. С.40-47.
5. Швец, Д. Международный терроризм: информационный аспект //Мировая экономика и международные отношения. 2003. №9.С.17-22.

6. Власть (Коммерсант) 2012. № 19. С.44.
7. Головниченко, Д. Детство, отрочество, ужас //Власть (Коммерсант) 2011. №30. С.12-15; Зубов, Н. «Одиноким волки» завоевывают Европу // Власть (Коммерсант) 2012. №12. С.37.

**ПРОФИЛАКТИКА ЭКСТРЕМИЗМА
В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ РЕГИОНА
EXTREMISM PREVENTION
AMONG STUDENTS OF THE REGION**

Г.П. Кулешова, Ю.В. Дадаева
*Средне-Волжский (г. Саранск) филиал
ФГБОУ ВПО «Российская правовая академия
Министерства юстиции Российской Федерации»*

G.P. Kuleshova, Yu.V. Dadayeva
Middle-Volga (Saransk) branch of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice

Рассматриваются направления профилактики экстремизма в студенческой среде, приводятся данные социологического исследования, характеризующие отношение студенческой молодежи Республики Мордовия в проблеме экстремизма.

The article deals with strategies for preventing extremism in the student's environment, given the results of sociological study that characterized the attitudes on the problem of extremism of Mordovian students.

Ключевые слова: профилактика, экстремизм; национализм, молодежь; студенчество, Республика Мордовия

Keywords: prevention, extremism, nationalism, youth, students, Republic Mordovia

Молодежь, являясь наиболее динамичной частью общества, особенно подвержена влиянию различного рода негативных тенденций в обществе и нередко вовлекается в различные экстремистские формирования. Распространению различных форм девиантного поведения, в том числе и экстремизма, способствует «промежуточное» положение студенчества как социальной группы на этапе жизни между детством и взрослостью. «Противоречивость» социального положения студенчества – это одновременное осознание себя как объекта заботы государ-

ства, так и активного участника социального действия приводит к сочетанию в поведении безответственности и независимости. Новые условия жизни и обучения, новое социальное окружение, зачастую отрыв от родительской опеки и контроля, отсутствие в этой связи психологической поддержки способны вызвать дезадаптацию и подтолкнуть молодых людей в сложных жизненных ситуациях к деструктивным формам поведения. К тому же воспитание студенчества в настоящее время осуществляется в обстановке значительного ослабления политического и идеологического прессинга, расширения свободы деятельности, самостоятельности и инициативы: студент все в большей степени становится суверенен как личность, способен сам выбирать свой тип поведения и стиль жизни, соотнося их со своими интересами, собственным жизненным опытом.

Успешное решение имеющихся проблем возможно при условии их точного диагностирования, определения их возможного развития и влияния. Стремительность и многовекторность процессов в век информационных технологий требуют постоянного мониторинга и учета быстро изменяющихся реалий. Как они влияют на сознание людей, прежде всего молодежной среды, каковы ценностные и мировоззренческие ориентиры молодежи, ее установки и отношение к современным вызовам и угрозам — для ответа на эти вопросы в 2012 г. в СВФ РПА Минюста России был проведен социологический опрос студентов 1-5 курсов в возрасте от 17 до 21 лет (выборка сплошная, N=521 чел.).

Анкета включала вопросы, позволяющие выявить отношение студентов к экстремизму, понимание сути этого явления, степень религиозной и национальной толерантности, а также определить ценностные приоритеты в жизни. Кроме того, опрос позволял выявить наличие тех или иных оснований, «слабых мест» в системе взглядов молодежи, которые могли бы быть использованы для укоренения экстремистских позиций.

Для выявления понимания экстремизма и отношения к нему были предложены следующие вопросы: «Что такое, на ваш взгляд, экстремизм?», «Какие причины, на ваш взгляд, приводят к тому, что некоторая часть молодежи попадает под влияние экстремистов?», «Считаете ли вы, что религиозно-политический экстремизм опасен для общества?»

Анализ ответов на первый вопрос показал, что сущность понятия «экстремизм» не вполне осознается студентами: лишь 50 % опрошенных дали объяснение, 31,3% не смогли определить, 18,7% дали приблизительное толкование, не будучи уверенными в ответе («по-моему, это

синоним слова «риск»). С точки зрения части студентов, экстремизм связан лишь с понятием «терроризм», «террористический акт», наиболее типичные ответы: «Неправильное понимание веры, религии, закрепощение людей для своих благ, прикрываясь религией», «действия для захвата власти путем насилия, несоблюдения закона», «схож с неонацизмом, но носит религиозный характер», «экстремизм раскалывает общество, делая его слабым перед лицом зарубежных противников», «одна нация, представители одной религии считают свою нацию и веру лучшей и всячески пытаются уничтожить представителей других наций, веры», «люди идут на крайность», «нападение на мирное население, навязывание страха» и т.д.

Говоря о причинах подверженности части молодежи экстремизму, большинство студентов назвали три причины: «из-за денег» — (33,3%), личностные качества человека («22,2%») («слабохарактерность», «подверженность влиянию друзей», «нет цели», «нет стержня», «характер самой молодежи», «непонимание опасности»), отсутствие семейного воспитания (22,2%). Незначительная часть опрошенных (в среднем по 2%) видит причину в невнимании государства к проблемам молодежи, в действиях силовых структур, в том, что «люди сильно углубляются в религию», в низком уровне образования.

Ответы на вопрос, представляет ли религиозно-политический экстремизм опасность, распределились следующим образом: подавляющее большинство ответили «да» (82%); «нет» — 3,3%; «сомневаюсь» — 1,3%; «опасность недооценивается» — 4,4%; «опасность преувеличена» — 2%), «затрудняюсь ответить» — 6%; «мне это безразлично» — 1%. Цифры показывают, что студенчество имеет четкие позиции по этому вопросу и не приемлет религиозно-политический экстремизм. Характерно, что практически никто из опрашиваемых не выбрал вариант ответа «мне безразлично».

Следующий блок вопросов позволял выявить степень толерантности по отношению к людям другой национальности и вероисповедания. На вопрос, «Влияет ли национальность человека на ваше отношение к нему?» были получены следующие ответы: «Да, людям своей национальности я больше доверяю» — 9,4%; «Да, мне легче общаться на родном языке» — 3,9%; «Да, до тех пор, пока я не узнаю этого человека» — 5,9%; «В основном — нет, может, по мелочам» — 4,3%; «Нет, главное — характер самого человека» — 64,7%; «Нет, как раз интереснее общаться с людьми разных национальностей» — 11,8%. Таким образом, для

90,6% опрошенных национальность человека не предопределяет характер отношения к нему.

На вопрос, «Влияет ли религиозность человека на ваше отношение к нему», большинство выбрали ответ «Да, но обращаю внимание на его человеческие качества» — 32,2%; «Да, мне он более симпатичен» — 23%; «Нет, оно зависит от самого человека» — 21,8%; «Нет, я уважаю все религии и право человека быть нерелигиозным» — 10,3%; «Да, я стараюсь общаться с единоверцами» — 9,2%; «Да, но я не проявляю это отношение» — 2,3%; «Нет, я не ставлю свое отношение к человеку в зависимость от его отношения к вере» — 1,1%.

Требует переосмысления и новых подходов государственная молодежная политика, которая ориентирована на профилактику вовлечения молодежи в экстремистскую деятельность, воспитание её в духе национальной и религиозной терпимости. При этом важным социальным институтом, имеющим возможность наиболее полно реализовать государственную политику по работе с молодежью, является высшая школа (шире система образования), которая также выступает в качестве важного инструмента в процессе воспитания молодежи.

В вузе целесообразным видится реализация следующих направлений профилактики экстремизма:

- осуществление мероприятий, направленных на улучшение студенческой социальной среды (в целом), стимулирования у молодежи положительных эмоций от участия в реализации социальных проектов, участия в культурно-массовых мероприятиях;

- создание механизмов эффективного влияния на процесс социализации личности молодого человека, включения его в социокультурное пространство вуза. Итогом такой работы должно стать формирование толерантной, ответственной, успешной личности, ориентированной на ценности гражданственности и патриотизма;

- разработка системы психокоррекционной работы, нацеленной на профилактику ненормативной агрессии, развитие умений социального взаимодействия, рефлексии, саморегуляции, формирование навыков толерантного поведения, выхода из деструктивных культов, организаций, субкультур.

**МОЛОДЕЖНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**
YOUTH EXTREMISM IN INTERNET IN MODERN RUSSIA

В.В. Лобырев
Московский Государственный Университет
им. М. В. Ломоносова
V.V. Lobyrev
M.V. Lomonosov Moscow State University

Обсуждаются вопросы, связанные с формированием экстремистских ценностей и настроений среди молодежи в сети интернет в современной России. В частности, затрагиваются темы интернет-зависимости, виртуализации личности, влияния социальных сетей на формирование ценностных ориентиров и установок современной российской молодежи.

In article are discussed questions of extremist valuables and mood formation among the youth Internet users in modern Russia. Particularly problems of Internet-dependency, personality virtualization, as well as social networks impact on value systems formation and guidelines of young Russians are concerning in the article.

Ключевые слова: экстремизм, интернет, виртуализация личности, интернет-зависимость, социальные сети

Keywords: extremism, Internet, personality virtualization, Internet-dependency, social networks.

Тема молодежного экстремизма является одной из наиболее актуальных в современной социологии. Эта проблема находится в центре внимания исследователей и средств массовой информации, поскольку экстремизм в молодежной среде стал достаточно массовым явлением. При этом молодежный экстремизм все чаще начинает проявляться в новых формах, в частности, в глобальной сети интернет.

Возникновение экстремизма в среде современной российской молодежи обусловлено рядом социальных и культурных противоречий в современном обществе (отчуждение и одиночество человека, разрушение традиционной культуры, системы ценностей, кризис социальных институтов, интенсивные глобализационные процессы, миграция).

Эти противоречия, отражаясь в молодежном сознании, системе ценностей и восприятии молодежью современного общества, могут пред-

определять выбор экстремистской модели поведения.

В определении факторов роста молодежного экстремизма многие авторы концентрируют внимание на вопросах, связанных с международной политикой, нерешенностью современных социально-экономических проблем, возрастных, прежде всего, психологических проблем молодежи. Действительно, глобальная угроза безопасности касается большинства населения планеты: очевидно возрастание рисков и угроз природного, социального и техногенного характера; участились и стали более жестокими вооруженные конфликты на социальной почве в разных регионах Земли; вопросы взаимодействия на мировой арене подчас решаются посредством насильственных методов с использованием вооружений. Такие условия способствуют росту экстремистских настроений, приводя к утверждению в сознании части современной молодежи наивной веры в возможность решения сложных социальных проблем с помощью лишь радикальных мер[1].

Экстремизм – это сложный социокультурный феномен, его нельзя рассматривать только в контексте нетерпимости либо сводить к самым крайним наиболее жестким формам (терроризм, расизм).

Немаловажное значение для характеристики экстремизма имеет его культурно-ценностный аспект (ценностные предпочтения, убеждения, установки), который позволяет определить внутриличностные механизмы формирования экстремистского сознания и поведения. Это эгоцентризм – нигилизм, вседозволенность, безответственность, тщеславие и пр. В особенности важно это учитывать при изучении латентных (додеятельностных) форм экстремизма, которые при определенных условиях могут трансформироваться в экстремистское поведение.

Тщеславные устремления молодого человека проявляются в героизации своей личности (фантастический герой толпы, амбициозный лидер оппозиции и др.), что в особенности опасно в условиях дестабилизации общественной жизни, когда сохраняется почва для социальной напряженности, экстремистские действия могут инициироваться и внешними, в том числе, политическими силами, действующими в собственных корыстных интересах. Бесспорно и то, что виртуализация личности открывает больше возможностей для манипулирования массовым сознанием.

Сегодня на молодежь через информационные сети, средства массовой информации, мобильную и спутниковую связь обрушивается поток информации разного, часто весьма сомнительного качества. Данные многочисленных исследований ценностных ориентаций современной

российской молодежи свидетельствуют не только о множественности жизненных миров молодых людей, их мозаичности, но и о растущей неустойчивости молодежного сознания в сфере базисных социальных представлений, составляющих основу ментальности, то коллективное бессознательное, которое должно способствовать взаимопониманию и сплоченности в рамках социума.

Проблематика личности в контексте киберпространства не нова. Проявившись одновременно с проникновением в дома недорогого персонального компьютера, развитием сети интернет, ввиду постоянного однонаправленного процесса по умножению вычислительных способностей ПК, скоростей коммуникационных каналов и др., она (проблематика) ширится, захватывая все новые сферы социальной деятельности индивида[2].

Трансформации, происходящие с личностью молодого человека в киберпространстве, отчетливо видны на примере межличностных коммуникаций в сети интернет. Виртуализация личности в сети происходит, когда пользователь создает себе виртуальную личность и она начинает жить внутри киберпространства; она может быть неопознаваема, если личные данные сокрыты, а вместо реального имени используется вымышленное, либо имеет множество обличей, при том что ни один облик может не соответствовать своему реальному владельцу.

По словам Ж. Бодрийяра, социальные сети становятся «чем-то вроде зеркала, верно являющего ... не реальный, а желанный образ»[3].

В этих условиях у личности возникает иллюзия безграничности свободы, вседозволенности, безответственности, безнаказанности при вмешательстве в жизнь других людей, ограничивая их свободу, пренебрегая их достоинством.

Нередко пользователю в сети интернет приходится сталкиваться с ресурсами, содержащими фото- и видеоматериалы насилия, детскую порнографию, с сайтами, посвященными самоубийствам или призывающим к расправе над представителями нацменьшинств, гомосексуалистов и пр.

Опасность попадания в сферу такого влияния довольно велика, так как только незначительная часть подобных интернет-ресурсов требует плату за просмотр, многие предлагают бесплатный доступ для подростков.

Негативная информация, полученная личностью на подобных сайтах, в том числе экстремистских, может с легкостью проявиться в реальном измерении. Таким образом, киберпространство ставит перед

необходимостью обсуждать заново вопросы об ответственности, свободе воли, достоинстве и цензуре и переосмысливать их, учитывая виртуальную специфику межсубъектного взаимодействия. Поскольку вопрос об ответственности в сети невозможно решить без идентификации субъекта, то требует решения проблема анонимности виртуальных коммуникаций. Данная проблема, пожалуй, является наиболее острой и сопровождает сеть интернет с самого ее основания, дебаты продолжаются до сих пор.

Совсем недавно (28 июля 2012 года) в России был принят Федеральный закон Российской Федерации «О внесении изменений в Федеральный закон „О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию“ и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу ограничения доступа к противоправной информации в сети Интернет. Этот закон внёс в другие федеральные законы ряд положений, предполагающих фильтрацию интернет-сайтов по системе чёрного списка и блокировку запрещённых интернет-ресурсов. Ряд экспертов высказывал и опасения, что данный закон может использоваться для цензуры в сети, однако официальные источники власти настаивают на том, что закон направлен исключительно на борьбу с засильем в рунете экстремистских ресурсов, содержащих детскую порнографию, сцены насилия, суицидов и пр.

Интернет-зависимость, в отличие от феномена виртуализации личности не вызывает столько споров ввиду ее более скрытого влияния, проявлением которого является постоянное ожидание следующего выхода в сеть, сокращение времени на прием пищи на работе и дома, игнорирование семейных и рабочих обязанностей, общественной жизни, недосыпание ради возможности быть в интернете, появление усталости, раздражительности, снижение настроения при прекращении пребывания в сети и непреодолимое желание вернуться за компьютер и др[4].

Многие исследователи считают, что интернет-зависимость выступает крайней формой отчуждения человека, когда в процессе поглощения киберпространством личность теряет все свои социальные связи, становится одинокой и удовлетворяет социальные потребности только посредством сети интернет[2].

В свою очередь, уход личности от ответственности и одновременно усугубление проблемы отчуждения лишь повышает степень комфортности пребывания в виртуальном мире; человек по выражению Э. Фромма, «бежит от свободы»[5] в таких условиях.

Социальные сети в интернете становятся прибежищем массового человека, стремящегося к самовыражению. Наиболее ярко это проявляется в блогах, дневниках, фотоальбомах. Здесь можно представить себя в качестве творческой личности: известным писателем, художником, музыкантом, режиссером, ученым, словом недостижимым кумиром. Причем главным здесь оказывается признание, слава, но не упорный творческий труд.

С другой стороны, интернет позволяет существовать в виртуальном мире, незаметно подменяет им мир реальный, усугубляя проблему отчуждения личности.

Интернет-зависимость может повлечь за собой неадекватное восприятие действительности, искаженное видение событий, что в свою очередь повышает внушаемость, манипулятивность сознания индивида, расширяет возможности управления процессом формирования ценностных ориентаций, а в условиях нестабильности и социальной напряженности может подпитывать экстремистские настроения.

Еще одной значимой формой экстремизма в сети является создание сайтов, блогов и сообществ в социальных сетях экстремистской направленности. Речь идет, прежде всего, о ресурсах, пропагандирующих религиозный фундаментализм, террористические призывы, политические лозунги, стимулирующие дестабилизацию общественной жизни. Как правило, такие сайты и сообщества создаются от лица действующих вне сети реальных организаций, тем не менее, нам их необходимо зафиксировать.

В заключение отметим, что различные формы кибер-экстремизма обусловлены как противоречиями в социальной жизни российского общества, так и несовершенством структуры сети интернет. При этом, если влияние дисфункциональности общественной жизни проанализировано основательно, то влияние социальных сетей интернет пока изучено недостаточно.

Литература

1. Кухтевич Т.Н., Туманян О.В. Экстремизм в молодежной среде; Издательско-типографский центр «МАТИ», 2008.
2. Барышев Р.А. Киберпространство: виртуализация личности и проблемы отчуждения.; Полиграф. центр Сиб. федер. ун-та; 2010.
3. Бодрийяр Ж. Система вещей. М.: РУДОМИНО, 2001. 218 с.
4. Suler J. Addiction to Computers and Cyberspace. N. Y., 1996. P. 95.
5. Фромм Э. Бегство от свободы / пер. с англ. А. Лактионова. М.: АСТ, 2009. С. 46.

**МОЛОДЕЖНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**
YOUTH EXTREMISM IN THE CONTEMPORARY RUSSIA

С.С. Лукьянова

Ярославский государственный педагогический университет

S.S. Luk'yanova

Pedagogical State University of Yaroslavl

Представлены результаты авторского исследования способов борьбы с проявлением группового экстремизма в молодежной среде.

In the article are presented results of the author's survey devoted to ways of group extremism reducing in the youth environment.

Ключевые слова: субкультура, экстремизм, ксенофобия, скинхед

Keywords: subculture, extremism, xenophobia, skinhead

Значительные политические, экономические и социальные преобразования, происшедшие в России с конца 80-х гг. прошлого века, оказали существенное влияние на появление в стране новых молодежных течений, движений и группировок.

Некоторые из них, возникшие в самом начале как спонтанные, музыкальные или другие субкультурные сообщества, постепенно переродились в хорошо организованные агрессивные группировки. В начале 90-х гг. XX века они уже стали носить явно экстремистский характер, все более прогрессируя в этом направлении. Внутренняя организация таких групп совершенствовалась, улучшалась степень идеологической и физической подготовки кадров, а также технического оснащения групп, осваивались способы ведения пропаганды, акции становились лучше подготовленными и организованными.

Шкала преступлений совершаемых такими молодежными группами продолжает подниматься вверх. Также увеличился уровень радикально-национализма в обществе.

Последние несколько лет ксенофобия в России держится на стабильно высоком уровне; ксенофобские призывы поддерживают 55-60% опрошиваемых социологами российских граждан. Все это чревато значительными проблемами для страны, так как в молодежной среде появляются уже не только группировки, но и партии, исповедующие ксенофобские взгляды. В настоящее время в России насчитывается около де-

сятка партий и движений, проповедующих ксенофобию и расизм. В молодежной среде самым массовым является движение скинхедов, в котором участвуют десятки тысяч людей в возрасте 14-25 лет. Уровень уличного насилия со стороны представителей группировок скинхедов постоянно растет, а сами эти преступления становятся все более дерзкими. Опасность этого явления заключается в том, что подобное насилие может вызвать ответные насилия со стороны антифашистов, иммигрантов, студентов-иностранцев, что приведет к непоправимым последствиям.

Исследование проблемы экстремизма в молодежной среде актуально, т.к. определяется не только его опасностью для общественного порядка, но и тем, что данное преступное явление имеет свойство перерастать в более серьезные преступления, такие как терроризм, убийство, причинение тяжких телесных повреждений, массовые беспорядки.

Объект исследования – деятельность экстремистских группировок в России.

Предмет исследования – деятельность экстремистских группировок среди молодежи в России.

Цель исследования – определить способы борьбы с проявлением группового экстремизма в молодежной среде.

Задачи исследования:

1) изучить современное состояние молодежного экстремизма в России и имеющуюся практику борьбы с преступлениями, совершаемыми молодежными экстремистскими сообществами;

2) определить причины и условия возникновения и существования группового молодежного экстремизма в России;

3) проанализировать особенности свойств личности преступников и потерпевших;

4) изучить практику предупреждения преступлений экстремистской направленности.

В результате исследования мы получили следующие *выводы*:

1. Доработка закона «О противодействии экстремистской деятельности» в направлении более четкого и операционального выделения экстремистских действий позволит избежать ситуаций, когда закон в отношении одних может быть применен, а в отношении других – нет. Иначе получается, что именно законодатель создает двусмысленные ситуации, провоцирующие правоохранительные органы на самостоятельное толкование норм закона и принятие решений по их применению или неприменению.

2. К путям профилактики молодежного экстремизма можно отнести:

1) социальное сопровождение несовершеннолетних и молодежи, относящихся к неформальным молодежным объединениям экстремистской направленности, в ходе которого должна проводиться серия индивидуальных профилактических, мотивационных, контрпропагандистских и информационных бесед с несовершеннолетними, их родителями и по необходимости с представителями образовательных учреждений;

2) организация и проведение совместно с правоохранительными органами профилактических мероприятий по предупреждению массовых хулиганских проявлений со стороны неформальных молодежных объединений экстремистской направленности во время массовых молодежных мероприятий;

3) мониторинг деятельности неформальных общественных объединений для подготовки описаний субкультуры или выявления их динамики;

4) отслеживание проэкстремистских настроений в средствах массовой информации и на открытых интернет-ресурсах.

3. Составы преступлений экстремистской направленности надлежит перемести в категорию тяжких преступлений, что существенно облегчит работу оперативных служб в выявлении вышеуказанных преступлений, так как проведение полного комплекса оперативно-розыскных мероприятий возможно лишь в отношении лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении тяжких или особо тяжких преступлениях.

**ЭКСТРЕМИЗМ, И ЕГО ОСМЫСЛЕНИЕ
В СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРИОД РАЗВИТИЯ**
**EKSTRIMIZM, AND UNDERSTANDING IN THE MODERN
PERIOD OF DEVELOPMENT**

А.В. Меркутова
ФГБОУ ВПО «Российская академия правосудия»
Приволжский филиал
A.V. Merkutova
FGBOU VPO "Russian Academy of Justice"
Volga branch

Обсуждаются проявление экстремистских тенденций в нашей стране, которая находится в переходном периоде своего развития.

The paper discusses the manifestation of extremist tendencies in our country, which is in a transitional period in its development.

Ключевые слова: экстремизм, общество, негативные последствия
Keywords: extremism, society, the negative effects

Проявление экстремистских тенденций в нашей стране представляет собой характеристику общества, которое находится в переходном периоде своего развития. Совершение девиантных поступков стало все чаще обсуждаться в СМИ, а учитывая, что распространение экстремистских идей ведет к нарушению всей общественной и социальной жизни, негативное изменение государственных институтов, которые должны обеспечивать права человека, становится серьезной проблемой[1].

Экстремизм представляет угрозу не конкретной политической силы, а для демократической государственности в целом, для общества и для каждого его члена в частности. Экстремистские настроения и тенденции представляют собой специфическую форму радикального и порой безнравственного нарушения общественных норм. При этом подобное явление распространяется и охватывает не только межконфессиональные, и межэтнические отношения, а имеет более широкую область действия. В рамках социальной жизни исследуемое явление способно породить революцию, бунт, восстания, терроризм (в том числе, как его форма), смену власти и общественного строя как наиболее радикальное последствие[2].

Экстремизм—это негативное социальное, криминогенно-криминальное и антиправовое явление, обуславливающее выражение определенных взглядов, которые реализуют путем прямого или опосредованного воздействия изменение основ конституционного строя[3]. Как предпосылки и последствия выступают возбуждение политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти, а также вражда, связанная с насилием и причинением имущественного и физического вреда, в том числе не исключаются призывы к подобным действиям.

Особую актуальность приобретает исследование процесса детерминации экстремизма, что в свою очередь порождает цель, направленную на поиски мер, связанных с его профилактикой.

Социально-экономические негативные явления, которые очень часто встречаются в современности, сделали специфической преступность экстремистского характера, придали ей новые черты. Вред обществу и

его устоям очень обширен, а проявления и последствия данного вреда распространяются от психологических до материальных характеристик обществу и государству и каждому индивиду. Негативные последствия экстремизма проявляются при совершении деяний и после них, в том числе и отражаются в последствиях, что по-своему содержание во многих случаях еще катастрофичнее, чем совершение самого деяния[4].

С учетом развития современных отношений и состояния общества экстремизм приобрел серьезные масштабы. Сегодня можно говорить о том, что это явление – одна из серьезнейших угроз национальной безопасности. За последние годы резко увеличилось число экстремистских групп, для которых характерны черты «воинствующей ограниченности», с авторитарностью мышления и полным отсутствием толерантных принципов и характеристик[5]. Нетерпимость ко всему «чужому» и желание решить моментально проблемы породили опасное явление[6]. Современный экстремизм характеризуется масштабностью, способствует увеличению потенциала и преобразованию экстремистских преступных групп в обладающие властью структуры политической жизни. Жесткость и беззаконие подобных групп, дифференциация их методов и действий, а также стремление к полномасштабному общественному резонансу делает экстремизм и его проявления острой темой для дискуссии и серьезной проблемой современности.

Российское общество с его проблемами и состоянием будет в кризисном состоянии и в условиях нестабильности до создания мощного правового механизма позволяющего сделать коренные сдвиги. Стабильность с ее оптимальными возможностями и последствиями возможна только в случае реформирования экономических, нравственных и правовых способов миропонимания людей. Современная жизнь общества говорит о необходимости коренного совершенствования правовой базы, направленной на регулирование происходящих в обществе процессов.

Экстремизм многогранен и в силу своей специфики состоит из идеологических, политических, социально-экономических и даже духовно-нравственных блоков. Религиозные течения радикальной направленности и различного рода экстремистские молодежные группировки требуют большего внимания, так как именно в этих сферах большой процент угрозы, имеющей скрытый характер[7].

Активное взаимодействие органов государственной власти, и регулирование механизма, направленного на борьбу с экстремизмом, позво-

лит создать защиту от негативных последствий, которые несет собой экстремизм, и искоренить данное явление.

Борьба с экстремизмом требует профилактики с привлечением общественных механизмов, главную роль обязано играть государство. Необходимо создать меры, цель которых – устранение предпосылок, подпитывающих национальные, этнические и общественные конфликты[8]. Оптимальной формой борьбы с конфликтами является стратегия и планирование, цель которых профилактика и предупреждение.

Подводя итог, следует сказать, что с развитием отношений и общества изменились не только формы, но и методы действий, и ввиду этого необходимо отметить, что приобретают большую опасность не силовые действия, а именно вербальные[9]. Слово стало опасным оружием современного экстремизма, и именно с этой грани экстремизма начинаются дальнейшие негативные последствия.

Литература

1. Мусаелян М.Ф. Экстремизм как угроза национальной безопасности Российской Федерации // Журнал российского права. 2009. № 3. С. 22 - 23.
2. Корнилов Т.А. Правовое регулирование противодействия экстремизму // Административное и муниципальное право. 2011. № 8. С. 51 - 55.
3. Ерыгина В.И. Ограничения экстремизма в деятельности политических партий для защиты парламентской демократии // Известия вузов. Правоведение. 2011. № 1. С. 44 - 59.
4. Никонов К.О. Проблемы определения экстремизма // Юридический мир. 2011. № 7. С. 41 - 43.
5. Лях Л.А. Криминалистическое исследование экстремизма (российский и международный опыт) // Международное уголовное право и международная юстиция. 2011. N 3. С. 16 - 17.
6. Устинов В.В. Правовое регулирование и механизмы противодействия терроризму и экстремизму в Российской Федерации: действующая нормативно-правовая база и перспективы ее совершенствования // Государство и право. 2002. № 7. С. 34 - 35.
7. Гриненко А.В. Понятие и классификация преступлений экстремистской направленности // Российская юстиция. 2012. № 3. С. 32 - 34.
8. Яворский М.А. Причины и условия проявлений религиозного экстремизма в современной России // Юридический мир. 2008. № 11. С. 23.
9. Пантелеев Б. Объективная критика или вербальный экстремизм // ЭЖ-Юрист. 2011. N 29. С. 1, 3.

**ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЕ ДЕЙСТВИЯ: ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ
И ДИСФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ**
**TERRORIST ACTIONS: FUNCTIONAL
AND DISFUNCTIONAL CONSEQUENCES**

В.В. Щебланова
Саратовский государственный технический университет
V.V. Scheblanova
Saratov State Technical University

Обсуждается возможный анализ феномена терроризма и его последствий с применением функционалистской объяснительной модели.

In article is discussed the possible analysis of a phenomenon of terrorism and its consequences with application of funktsionalistsky explanatory model

Ключевые слова: террористические действия, функции, дисфункции, социальные риски, социальные последствия

Keywords: terrorist actions, functions, dysfunctions, social risks, social consequences

Исследовательский интерес к изучению современных источников и последствий терроризма обращает нас к ключевым вопросам социологического знания: как соотносятся существующие социальные структуры и действующие в них социальные акторы; есть ли преопределяющая доминанта в этом соотношении или необходимо руководствоваться перспективой их многофакторного осмысления? Существуют различные социологические подходы, методологии анализа сложной и тонкой проблемы терроризма. Один из теоретических подходов, необходимых при анализе террористических действий, их последствий, структурный функционализм, объясняющий особенности социальных структур с позиции их вклада в поддержание социальной системы.

Согласно постулатам универсального функционализма общества, все стандартизированные социальные и культурные убеждения, обычаи имеют функциональное значение (позитивные функции) для общества в целом и для индивидов в частности, представляют собой необходимые элементы функционирования целого[1]. Однако, как показал Р. Мертон, не все стандартизированные социальные и культурные формы, структуры выполняют позитивные функции. Так, национализм в радикальных формах проявления (например, в террористической форме) крайне дис-

функционален в мире глобальных коммуникаций и вооружений. Функции, по Р. Мертону[1], определяются как наблюдаемые последствия, способствующие адаптации или приспособлению системы. Институты, структуры могут способствовать сохранению других частей социальной системы, но и иметь для них отрицательные последствия[2]. Теракты функциональны для определённых социальных единиц и вызывают функциональные, запланированные, с точки зрения их заказчиков, разработчиков или террористов, последствия (принуждение к определённым политическим переменам, изменениям во властных структурах, устрашение населения, разрушения). Они же являются дисфункциональными для пострадавших, жертв, власти, общества, на которых направлены террористические действия.

Кроме того, Р. Мертон, как известно, ввёл понятия «явных и латентных функций», ставших важным вкладом в функциональный анализ. Явные функции имеют осознанный намеренный характер, латентные функции – ненамеренный[1] Эта мысль связана с другой концепцией Мертона – концепцией непредвиденных последствий. Хотя все осознанные преднамеренные последствия, но чтобы обнаружить непреднамеренные последствия, требуется социологический анализ. П. Бергер назвал это «развенчанием», или взглядом за пределы заявленных намерений на реальные результаты. Р. Мертон пояснял, что непредвиденные последствия и латентные функции – не одно и то же. Латентная функция есть вид непредвиденного последствия, имеющего для определённой системы функциональный характер[2]. Например, существует практика заведомо ложного сообщения об акте терроризма в форме звонков, писем. Преднамеренным последствием здесь, очевидно, могут быть розыгрыш, шутка, срыв контрольной, экзамена, месть за увольнение, в то время как ещё целый ряд последствий, также функциональных для задуманного (эвакуация людей, возникновение страха, паники, вовлекающие непричастных к розыгрышу или мелкой мести граждан) не являются целевыми и преднамеренными.

Существует и другой вид непредвиденных последствий, дисфункциональных для определённой системы, – латентные дисфункции. Например, лжетеррорист, пытаясь решить мелкую проблему, зачастую не думает, что его действия будут квалифицированы как заведомо ложное сообщение об акте терроризма, непреднамеренно вовлекает в них правоохранительные органы (регистрирующие и реагирующие на звонки, отыскивающие инициатора), представителей ряда институтов. «Шутник» не ожидает наказания, предъявления обвинения в содеянном, что,

на наш взгляд, можно рассматривать как латентную дисфункцию его действий. Или из-за ложных сообщений о теракте может возникнуть дисфункциональное привыкание (что, в свою очередь, является проблемой и для общества, ведь можно не отличить шутку от серьёзного сообщения, требующего обезвреживания и эвакуации), которое будет помехой ожидаемым лжетеррористом последствиям-реакциям. Можно вспомнить такой пример непредвиденных дисфункциональных последствий террористических действий: в начале второй чеченской кампании нападавшие на Дагестан планировали поднять дагестанских сепаратистов, народ на борьбу (такая была идеологическая цель). Однако получили отпор от гражданского населения, началась вторая контртеррористическая операция, приведшая к постепенному разгрому боевых бригад и их командиров.

Таким образом, терроризм не лишён дисфункций для самой террористической структуры, что иллюстрируется и другими ситуациями. Так, в некоторых случаях дисфункциональным для террористических организаций становится достижение цели, ради которой осуществлялись теракты. Существует ряд примеров того, как террористическая структура прекращала террористическую деятельность вследствие достижения поставленных целей. Примером такого рода может служить эволюция Африканского Национального Конгресса (АНК), боровшегося с режимом апартеида в ЮАР, в том числе и террористическими актами. Лидер АНК (её вооружённого крыла «Копьё Нации») Нельсон Мандела стал первым демократически избранным президентом ЮАР, а боевики АНК вернулись к мирной жизни. Аналогичные изменения произошли с Организацией народа Юго-Западной Африки и «Иргун Цвай Леуми» (Израиль)[3].

Как отмечает Р. Мертон, структура по отношению к системе может иметь дисфункциональный характер и, тем не менее, продолжать своё существование[2]. Можно говорить, что терроризм дисфункционален для российского или американского обществ. Помимо огромного количества человеческих жертв, материальных затрат, создания атмосферы страха и ужаса, являющихся неизбежными и ожидаемыми следствиями применения терроризма, он влечёт за собой появление множества рисков и угроз как неожиданных следствий террористических действий. Очевиден рост социального неравенства как следствие терроризма, растут миграционные потоки, влияющие на процессы на рынке труда, жилья, сопровождающиеся ростом ксенофобии со стороны местного населения, новыми импульсами национализма, демонизацией иных культур,

межэтнической и межконфессиональной напряжённостью. Теракты вызывают волну ответных ударов (по странам, откуда происходит терроризм), из-за которых страдает мирное население (например, Чечня, Афганистан, Палестина). Миграция населения, в свою очередь, способствует транснациональной кооперации терроризма, универсализации террористической угрозы. Таким образом, в последствиях терроризма находятся социальные риски, которые участвуют в механизме взаимобратной причинно-следственной связи с явлением терроризма. Терроризм – это глобальный риск, опосредованный человеческой деятельностью, влекущий за собой новые социальные риски.

Но терроризм продолжает существовать, поскольку *функционален* для части социальной системы. Террористическая структура, наряду с исполнителями терактов, идеологами, включает и третью заинтересованную силу, получающую от террористической деятельности политические и (или) экономические дивиденды[3]. Для исполнителя, преследующего свои цели-функции (борьба за национальную, религиозную идею, свободу или получение денег за оплачиваемый теракт) и выступающего инструментом в руках более значимых структур, решающих глобальные задачи, эти дивиденды являются непреднамеренными последствиями его террористических действий.

Терроризм можно рассматривать как дисфункцию социальных институтов. Признание же того, что не все структуры необходимы для функционирования социальной системы, и некоторые элементы этой системы можно исключить, открывает путь для значимых социальных изменений[2]. Так, наше общество может продолжать своё существование (и улучшится) с устранением разных форм террористических действий. Таким образом, в тезисах представлен фрагмент анализа феномена терроризма и его последствий с применением функционалистской объяснительной модели.

Литература

1. Мертон Р.К. Явные и латентные функции // Американская социологическая мысль: Тексты / Под ред. В.И. Добренькова. М.: МУБиУ, 1996. С.406.
2. Ритцер Дж. Современные социологические теории. СПб.: Питер, 2003. С.132-134.
3. Лось А. Маркетинг терроризма // Человек и закон. 2006. №12. С.83.

НАСИЛИЕ В ПОЛИТИКЕ И ЕГО ЭФФЕКТИВНОСТЬ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ

НАСИЛИЕ КАК МЕТОД УПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВОМ И ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ VIOLENCE AS A METHOD OF STATE MANAGEMENT AND REALIZATION OF SOCIAL RELATIONS

Д.И. Бобков

*Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского*

D.I. Bobkov

N.I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Насилие – один из древнейших и наиболее примитивных способов разрешения социальных конфликтов. Оно имеет свою историю развития и обладает рядом отличительных особенностей. Насилие классифицировано и рассматривается с точки зрения различных концепций.

Violence is one of the most ancient and primitive ways of social conflict solving. It has a progress history and a number of distinctive fetures. Violence is classified and considered in terms of different conceptions.

Ключевые слова: политическое насилие, социум, власть

Keywords: political violence, society, authority

Вся история человечества представляет собой череду насильственных действий, направленных на уничтожение и порабощение одних индивидов и социальных групп другими. По мнению П. Шихирева, историю развития социальных конфликтов и применяемых в них форм насилия можно разделить на три основных этапа. Первый связан с применением прямого физического насилия. Первобытный человек стремился уничтожить другого индивида или группу, если они мешали ему жить. В период рабовладения человек дошел до понимания того, что более выгодно не убивать противника, а заставлять его работать на себя. Второй этап — политический. Суть его заключается в доминировании одних социальных групп над другими (принцип "согласись, а то убью").

Третий, экономический этап, основан на широком взаимовыгодном социальном обмене (принцип "дай это, а я тебе дам то")[1].

В широком смысле под насилием понимается любой ущерб (физический, моральный, психологический, идеологический и др.), наносимый человеку, или любые формы принуждения в отношении других индивидов и социальных групп. В основе насилия лежат стремления людей к господству и доминированию над другими людьми, а также борьба за жизненные ресурсы, в том числе и за власть.

Два основных вида: прямое насилие и структурное насилие. Прямое насилие предполагает непосредственное воздействие субъекта на объект (убийство, телесные повреждения, задержание, изгнание и т.д.). Структурное насилие — это создание определенных условий (структур), ущемляющих потребности и интересы людей, например, эксплуатация человека человеком в обществе.

Д. Галтунгом было введено понятие "культурное насилие", под которым понимается "любой аспект культуры, который может использоваться для легализации насилия в его прямой и структурной форме"[1].

Насилие широко используется как средство власти. Само понятие "власть" предполагает насилие (принуждение). При этом тоталитарные политические режимы в большей степени тяготеют к прямому массовому насилию, а либерально-демократические — к структурному.

Виды политического насилия: 1) коллективное структурированное насилие, которое осуществляется государственными институтами во имя интересов страны или правящей элиты; 2) коллективное неструктурированное насилие (массовые действия, идентифицирующие себя не с государством); 3) индивидуальное структурированное насилие, которое в наибольшей степени характерно для феодальных отношений между «вассалом» и «сюзереном»; 4) неструктурированное индивидуальное насилие. Это наиболее лично детерминированный вид насилия, охватывающий широкий круг явлений — от бытового хулиганства до служебных злоупотреблений чиновника[1].

Любая власть стремится к легитимации применяемых ею видов насилия, сделать насилие необходимым (естественным) элементом культуры.

Чем большей властью обладают правящие элиты, чем в меньшей мере они подконтрольны структурам гражданского общества, тем больше у нее возможностей применять различные типы насилия.

Наиболее радикальными формами насилия в обществе являются гражданская война и геноцид против собственного народа. Существует

два базовых типа методов государственного управления: убеждение, опирающееся в основном на техники манипулирования сознанием и установками поведения граждан, и принуждение, в целом основывающееся на использовании силы и различных форм насилия. На этой базе возможна масса комбинаций различных приемов и методов в государственном управлении в зависимости от политического режима. Государство издавна связывается или даже отождествляется с насилием, при этом важнейшим признаком является применение организованного насилия. Легальное насилие на своей территории осуществляет лишь государство, хотя его могут применять и другие субъекты политики.

Политическое насилие представляет собой преднамеренное действие, имеющее целью нанесение ущерба (экономического, психологического) человеку, социальной группе, лишение свободы, здоровья, собственности, жизни. Оно отличается от других форм не только физическим принуждением и возможностью быстро лишить человека свободы, жизни и др., но также организованностью, широтой, систематичностью и эффективностью применения.

Виды политического насилия: по сфере действия (внутригосударственное и межгосударственное); по отношению субъектов насилия к государственной власти (государственное и негосударственное); по степени организованности (стихийное и структурированное); по количеству участников (индивидуальное, коллективное, массовое); по источнику инициативы (оборонительное и агрессивное); по масштабу (единичное и массовое); виды по интенсивности (высокий, средний и низкий); по социальной характеристике субъекта насилия (социально-классовое, этническое, религиозное); по направленности и глубине социальных последствий насилия (реформистское, радикальное, консервативное); по способам воздействия на объект (демонстративное и инструментальное); виды по используемым средствам (вооруженное и невооруженное)[2]. Виды и формы политического насилия тесно между собой связаны, могут переходить друг в друга, оказывать сильное взаимное влияние.

Политическое насилие решает конкретную социальную задачу: завоевание, удержание и использование политической (государственной) власти, достижение политического господства. Степень социального насилия и его вида политического насилия зависит от содержания и остроты социальных противоречий, от сложившихся исторических, социально-политических и экономических условий, международной ситуации и т.д.

Негативную оценку социальной роли всякого насилия дают пацифисты и сторонники концепции ненасилия. Суть концепции заключается в отказе от применения силы при разрешении конфликтов и в урегулировании спорных вопросов на основе принципов гуманизма и нравственности. Философия ненасилия существенно отличается от пацифизма, пассивного созерцания зла, непротивления насилию. Она предполагает активные действия, не только вербальные, словесные, но и практические, однако при этом не должно быть никакого физического воздействия или ограничения свободы пространственного передвижения. К ненасильственным средствам борьбы относятся публичные выступления, заявления, письма протеста или поддержки, выставление лозунгов, депутатии, пикетирования, остракизм отдельных людей, забастовки, ненасильственная оккупация зданий, невыполнение законов и т.д.[3].

Теория насилия — одна из распространённых теорий происхождения государства и права. Краеугольный камень теории насилия составляет утверждение о том, что главная причина возникновения государства и права лежит не в социально-экономическом развитии общества и возникновении классов, а в завоевании, насилии, порабощении одних другими (т.е. связана с факторами военно-политического характера)[4].

В целом же в общественном сознании, в том числе среди ученых и политиков, преобладает отношение к насилию как к неизбежному злу, вытекающему либо из природного несовершенства человека, либо из несовершенства социальных отношений. Проявление насилия и его масштабы определяются многими причинами: экономическим и социальным устройством, остротой общественных конфликтов и традициями их разрешения, политической культурой населения и лидеров.

Важнейшим фактором, непосредственно влияющим на размеры, формы проявления и общественную оценку социального насилия как внутри отдельных стран, так и в отношениях между ними, является характер политического строя.

Литература

1. Г.И. Козырев Проблема насилия в теории, в массовом сознании и реальной жизни / <http://www.ekstremizm.ru/biblioteka/item/201-problema-nasiliya>
2. А.Ю. Пиджаков, Ф.Н. Решецкий, Ш.Б. Байра Типология политического насилия / http://www.intelros.ru/readroom/credo_new/2-2009/3937-tipologija-politicheskogo-nasilija.html
3. Вильям Мейерс Ненасилие и его насильственные последствия / http://yar.anarhist.org/library/theory/t_mod_58.htm
4. Теория насилия / http://ru.wikipedia.org/wiki/Теория_насилия

**ФАКТОР ДОВЕРИЯ КАК ОСНОВА ДЛЯ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ
ПОЛИТИЧЕСКОГО НАСИЛИЯ
В ПОСТКОНФЛИКТНОМ РЕГИОНЕ**
**TRUST AS THE BASE OF POLITICAL VIOLENCE PREVENTION
IN THE POST-CONFLICT REGION**

Е.М. Бобкова
Приднестровский Государственный Университет им. Т.Г.Шевченко
E.M. Bobkova
T.Shevchenko State University of Transnistria

Обсуждаются пути и способы преодоления последствий насилия, механизмы формирования доверия в постконфликтном регионе,
Ways and methods of the consequences of violence and mechanisms of trust formation in the post-conflict region overcoming are discussed.

Ключевые слова: насилие, доверие, социальные практики, постконфликтное общество.

Keywords: violence, trust, social practices, post-conflict society

Социальные противоречия, экономические и политические трансформации «позднесоветского» периода привели к возникновению целого ряда региональных конфликтов: нагорно-карабахский, осетинский, абхазский, чеченский, молдово-приднестровский.

Региональный социально-политический кризис, усугубленный «ростом национального самосознания», привел и к вооруженному конфликту на Днестре. Более 20 лет общественное развитие Молдовы и Приднестровья характеризуется неустойчивостью и неопределенностью своих перспектив, на этом фоне нестабильностью и тревожностью. Такое негативное влияние распространяется на все стороны жизни общества, накладывая свой отпечаток на материальное положение, возможность достойного трудоустройства, качество и образ жизни, социальное самочувствие и личную безопасность жителей данного региона.

Война между Молдовой и Приднестровьем, пережитые сторонами ужасы вооруженного насилия несли в себе потенциал аполитичности, отрицания важнейших ценностей политики, таких как компромисс, доверие, учет взаимных интересов. Современная ситуация взаимоотношений сторон конфликта наглядно иллюстрируется в высказывании профессора А.Ю. Пиджакова «...Эскалация насильственного противобор-

ства может привести к «точке невозвращения», в которой происходит окончательный разрыв между сторонами политических отношений, вызывающий крушение системы» [1].

В то же время сложились новые социально-экономические отношения, политическая и партийная системы, социальная структура, механизмы функционирования и взаимодействия государства и гражданского общества. Изменился геополитический контекст молдово-приднестровского конфликта. Существенные изменения произошли в системе образования и воспитания, затронули они и основу ценностных ориентаций и смысложизненных ориентиров.

Если конкретизировать эту проблему с точки зрения влияния феномена политического насилия на социальное развитие Молдовы и Приднестровья, можно сказать, что он является категорией социальной практики, так как общественные трансформации, происходящие в условиях замороженного конфликта, происходят как «снизу», благодаря инициативе и интересам субъектов деятельности, так и «сверху», с помощью структуры общества.

Кризисное состояние общественного развития Молдовы и Приднестровья определяется не только внутренними трансформационными процессами, но и проблемами эффективного взаимодействия между двумя конфликтующими сторонами. Как результат: снижение качества жизни населения, стагнация в экономике и развитии гражданского общества.

Эффективное социальное развитие, высокое качество жизни и социального самочувствия жителей страны опираются на фундамент стабильного политического и экономического развития региона, эффективного и качественного управления, авторитета и доверия политических институтов. Выход из кризиса невозможен без преодоления последствий насилия и восстановления доверия к обязательствам друг друга, и важно понимать, какое именно доверие необходимо в контексте постконфликтного развития, в качестве фактора эффективного развития региона.

В современной социальной практике, несмотря на значительное количество противоборствующих регионов, нет эффективной модели постконфликтного строительства. Молдово-приднестровский опыт такой реконструкции может послужить дорожной картой, ориентиром для других конфликтных зон.

На этом фоне необходимо по-новому осмыслить феномен социального доверия людей в условиях постконфликтного общества, пережив-

шего политическое насилие. В связи с этим необходим научный анализ и разработка обоснованных критериев и показателей, отражающих общность и различия социального развития на обоих берегах Днестра.

При построении системы измерений мы опирались на размышления П. Блау, Э. Гидденса, Р. Дарендорфа, Дж. Коулмена, Н. Лумана, А. Селигмена, П. Штомпки, Ф. Фукуямы, Т. Ямагиши.

При рассмотрении общественного развития в условиях замороженного конфликта особый интерес представляет анализ социальных издержек в ходе демократических реформ в странах Центральной и Восточной Европы (в частности, в Польше) Петром Штомпкой. Польский социолог фокусирует исследовательский интерес на влиянии радикальной реорганизации политических и социальных институтов на климат доверия в обществе. Введенное им понятие «травмы трансформации» (социальной, культурной травмы) аккумулирует в себе анализ проявления в сознании людей дисфункциональных последствий коренных социальных изменений, драматично сказавшихся на их жизни [2].

В разработанной им теоретической модели доверие/недоверие является ключевым индикатором общественного развития, одной из характеристик социальных ожиданий и поведенческих стратегий людей. Так, П. Штомпка пишет: «Когда происходит быстрое и радикальное изменение общества, без четкого направления и понятного смысла, экзистенциальная безопасность оказывается под вопросом, и появляется общее недоверие. ... Очень четко этот эффект проявился в посткоммунистических странах первой половины 1990-х годов, и лишь с середины 1990-х годов новая система начала понемногу «осваиваться» и обрела в ощущениях граждан некоторую нормальность» [3].

Таким образом, в период интенсивных социальных изменений (в частности, вооруженный конфликт, образование и развитие Приднестровской государственности, текущие общественные трансформации Молдовы и Приднестровья в условиях замороженного конфликта) теоретическая модель доверия П. Штомпки демонстрирует возможность эффективного объяснения повседневных практик общественного развития Молдовы и Приднестровья.

Важной предпосылкой преодоления последствий политического насилия и устойчивости постконфликтного сообщества является однотипность *политических культур* сторон конфликта, моделей политического поведения их членов. Так, только добровольная консолидация граждан в отношении стратегии общественного развития способна стабилизировать политическую систему. Нужно подчеркнуть, что такие

условия являются достаточно новыми для Молдовы и Приднестровья, так как практически весь постсоветский период характеризуется авторитарным режимом управления, когда целостность системы поддерживалась посредством жесткого контроля и регламентации общественной жизни.

Литература

1. Пиджаков А.Ю. Сущность и разновидности политического насилия. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://gzvon.pyramid.volia.ua/biblioteka/kafedra_filosofii/libph/sb/credo/credonew/02_02/7.htm
2. Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социол. исслед. – № 1,2. – 2001.
3. Штомпка П. Социология. Анализ общества. – М., 2005. – 365 с. (Sztompka P. Socjologia. Analiza społeczeństwa. Warszawa: Wydawnictwo Znack, 2002.)

КОНЦЕПТ «КОЛЛЕКТИВНОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ НАСИЛИЕ» И ЕГО ИЗМЕРЕНИЕ CONCEPT “POLITICAL COLLECTIVE VIOLENCE” AND MEASURING OF VIOLENCE

О.В. Епархина

Ярославский государственный университет им. П.Г.Демидова

O.V.Eparkhina

Yaroslavl State Demidov University

Социологический концепт политического коллективного насилия в работах Т.Гарра и Ч.Тилли представляет собой основу для дальнейшей операционализации данного понятия и формирования системы индикаторов для его измерения в мониторинговом режиме.

Sociological concept “political collective violence” which was created by Ch. Tilly and T.R.Gurr could be used as a base of operating of violence. It could be used as a indicator’s system for measuring of this concept and for any monitoring.

Ключевые слова: политическое коллективное насилие, индикаторы, мобилизация, урбанизация, организация

Keywords: political collective violence, indicators, mobilization, urbanization, organization

Коллективное насилие в западной социологической традиции вплоть до 80-х гг. XX в. рассматривалось как частный случай политического

насилия. Наиболее целостно данный концепт представлен в работах Т.Р. Гарра и Ч. Тилли. Указанные авторы предлагают не только определение коллективного политического насилия как общетеоретического конструкта, но и на основании ряда эмпирических исследований разрабатывают индикаторный набор для его измерения и мониторинга.

Т. Гарр сводит понимание протеста и бунта к трем факторам:

- недовольство и относительная депривация;
- убеждения в оправданности протестных действий и выгоды от их реализации;
- баланс между способностью недовольных действовать и способностью правительства регулировать их действия.

Он полагает, что его модель политических конфликтов, предложенная еще в 70-е гг., актуальна и в 2000-х. при анализе проявлений терроризма, этнической и экономической борьбы и пр.

Модель включает в себя исследования следующих моментов:

- анализ относительной депривации;
- мотивация ответа на политические призывы и возможности в свете испытываемых индивидами относительных деприваций;
- групповая идентичность и выбор политических курсов, поддерживающих/не поддерживающих эти идентичности;
- групповая мобилизация, определяющая интенсивность распространения политического протеста и восстаний;
- способы, которыми коммуникации власти и персональная мобильность трансформируются в политическую акцию; интернационализация протестных идей;
- учет роли насилия правительства, что указывает на то, будет ли направлен протест на правительство или канализирован в иных направлениях;
- международное влияние и давление.

Политическое насилие определяется им как «ряд событий, общим свойством которых является реальное или угрожаемое применение силовых акций», в число которых входят революции, партизанские войны, государственные перевороты, мятежи, бунты.

Насилие осуществляется в целях поиска средств выражения своих политических интересов или противостояния нежелательному политическому курсу. В основном речь идет о достижении партией или институтом своих политических целей в рамках определенного порядка или вне его.

Насилие, в его понимании, – категория, позволяющая гомогенизировать достаточно разные понятия: «страны, переживающие мощное политическое насилие какого-либо типа, будь то мятеж, терроризм, переворот или герилья, с большей степенью вероятности могут испытывать другие его виды, но ни с большей, ни с меньшей вероятностью не будут втянуты в иностранный конфликт[1,С.44]». Объектами его исследования выступают: потенциал коллективного насилия, потенциал политического насилия, величина политического насилия, формы политического насилия.

Потенциал коллективного насилия – это функция масштабов и интенсивности недовольства, разделяемого членами общества: «потенциал политического насилия – это функция той степени, до которой в такого рода неудовлетворенности обвиняют политическую систему и ее агентов» [1, С. 46].

Он указывает, что политическое насилие – это явление вездесущее: немногие из синхронных для нас обществ могли существовать без него достаточно долго, поэтому для макроанализа его интересует протяженность насилия и формы его проявления, для микроанализа – вероятность возникновения насилия в момент времени.

В социологических и социально-исторических исследованиях внимание Т.Гарра привлекает возможность измерения интенсивности насилия; с этой целью он рассматривает теории Ч.Тилли, П.Сорокина, но говорит о необходимости учета жесткости депривации как фактора, мотивирующего людей на длительное/краткое или интенсивное/слабое насилие. Размеры политического насилия (как и у Сорокина) определяются Т.Гарром с помощью трех переменных: масштаб; интенсивность (разрушительность); длительность.

При этом он указывает, что «различные формы насилия – признаки, не образующие простого измерения»[1.С.49].

Ч.Тилли, активно используя разработки Т.Гарра и опираясь на исторический материал Германии 1815-1930-х гг, рассматривает ритм насилия как основную характеристику, позволяющую выявить закономерности его возникновения и развития, а также его структурные политические основания, объекты. Он отмечает, что из европейских стран именно германское коллективное насилие было максимально политизировано и имело национально-организационный формат[2,р.235].

Факторами, определяющими формы насилия, являются индустриализация производства, организация рабочей силы, урбанизация и рост крупных городов, позднее – национализация экономики, развитие мас-

совых партий, активизация мобильности в силу демографического роста. Кроме того, графики динамики частоты насилия четко соответствуют графикам цен на продовольствие, что показывает связь насилия с экономическими колебаниями. Дополнительными факторами выступают снижение военного ресурса организации, толп, рост полицейского компонента. При этом резкая индустриализация и урбанизация снижают уровень насилия.

Тилли осуществляет сравнения массовых политических действий по параметрам насилия в целях выявления общих форм коллективного насилия, паттернов социальных изменений и расстановки политических сил, основанных на политических и индустриальных факторах. В основе коллективного насилия лежит взаимодействие, в нем исключительную роль играли правительства стран и проводимые ими репрессии, т.к. конфликты лишали их возможности удержать власть, не подчинялись правилам игры, угрожали расширением и пр. (схема 1.)

Схема 1. Политическое коллективное насилие и факторы его формирования [2, р. 244]:

Интересен анализ насилия и коллективных действий, проведенный Ч. Тилли в работе «Забастовки во Франции», где рассматривается динамика и формы протестной активности, роль социальных институтов в ее активизации. Он отмечает несколько ключевых субъектов, определяющих стратегии, формы и специфику борьбы: организации, рабочие слои, предпринимательские слои и государство.

При участии этих субъектов происходит постоянная трансформация паттернов насилия:

- изменились его формы, что проявилось в таких индикаторах, как продолжительность акций и число участников[3,р.58];
- изменились паттерны мобилизации;

- изменилась структура достигнутых целей, в частности, наблюдаются резкие всплески числа компромиссных решений.

Согласно модели Ч.Тилли, активность протестных действий зависит от таких факторов, как благополучие рабочих, предпринимателей, эффективность организации труда и политическая ситуация, причем все эти факторы мультиколлинеарны. На этой модели он рассматривает флуктуации активности, их связь с насилием и, рассчитывая коэффициенты корреляции, приходит к выводу, что в некоторые периоды доминировал общественный тренд таких действий, а в другие – общественные интересы не являлись ведущими для ядра протестного движения. Автор подчеркивает мультивариативность своего анализа и показывает это с помощью оргграфов, вершинами которых являются насилие, безработица, промышленное производство и др.[3,р.93]

Таким образом, Ч. Тилли пытается объединить депривационные теории, теории интересов на линии коллективных действий в процессе индустриализации и индустриальных конфликтов. Он говорит и о возможности использования в этом контексте психологической терминологии «фрустрация-агрессия», «ожидания-достижения» или «относительная депривация»[3,р.236]. Но, по мнению Ч. Тилли, авторы, придерживающиеся классических вариантов указанных теорий, концентрируют внимание в большей мере на изучении насилия или протеста, а не на борьбе как таковой, в то время как его теория позволяет рассмотреть именно ее как версию конфликта. Дихотомия «фрустрация-насилие» предполагает рассмотрение широкого спектра экономических и неэкономических факторов, деперсонализации, психической изоляции. Теории экономических интересов также ограничены, поскольку ими предполагается стремление людей максимизировать свои выигрыши и минимизировать проигрыши[3,р.338], что исключает использование чистого экономизма как методологической основы исследований.

Таким образом, две вышеуказанные теории предопределили ход развития теоретических оснований изучения коллективного политического насилия в конце XX в.

Литература

1. Т.Гарр. Почему люди бунтуют. - СПб: Питер, 2005.
2. Tilly Ch., Shorter E. Strike in France 1830-1968. Cambridge university press. 1983.
3. Tilly Ch. Etc. The rebellious century. Harvard university press. Cambridge. 1975.

**ФИНАНСОВАЯ ЗАВИСИМОСТЬ РОССИЙСКИХ
МУНИЦИПАЛИТЕТОВ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ
ПОЛИТИЧЕСКОГО НАСИЛИЯ**
**FINANCIAL DEPENDENCE OF RUSSIAN
LOCAL GOVERNMENTS AS A KIND OF
POLITICAL VIOLENCE**

А.Н. Кондратьева
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского
A.N. Kondrateva
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Затрагиваются проблема финансовой зависимости местного самоуправления от центральной и региональной властей. Решается вопрос о том, являются ли сложившиеся отношения проявлением политического насилия по отношению к муниципалитетам. Приводятся примеры, демонстрирующие непосредственную финансовую зависимость местной власти и то, как это отражается на муниципальном образовании.

This article reports on financial dependence of local government from the central and regional powers. It is also reported if financial dependence or not. There are a lot of examples showing the financial dependence of local government and how it is reflected in municipality.

Ключевые слова: местное самоуправление, государственная власть, финансовая зависимость, политическое насилие

Keywords: local government, state power, financial dependence, political violence

На протяжении многих лет одной из ключевых проблем муниципалитетов являлась их финансовая независимость от центральных и региональных органов управления государством. За все время существования местного самоуправления в России можно было заметить четкую тенденцию к усилению его финансовой зависимости от бюджетов более высоких уровней и соответствующих властных структур[1]. Не случайно, представители современной гуманитарной науки говорят о том, что зависимость муниципальных властей имеет финансовые корни[2]. Впрочем, нельзя не отметить и то, что на состояние местной власти влияет и политическое устройство, и последние реформы. Так или ина-

че, независимо от причин финансовая зависимость местного самоуправления в России имеет место быть.

Как известно, муниципальная власть и власть государственная имеют точки соприкосновения практически во всех сферах деятельности органов местного самоуправления, несмотря на то, что являются различными видами публичного управления. В зависимости от того, насколько сильно местная власть зависит от воли центра, можно определить и степень самостоятельности местного самоуправления вообще. В данном контексте финансовое обеспечение деятельности муниципалитетов является ключевым аспектом определения уровня взаимоотношений. Каким же образом происходит воздействие государственной власти на муниципальное управление и имеет ли место политическое насилие в данной ситуации?

Для того, чтобы ответить на поставленный вопрос, необходимо понять, что включает в себя термин «политическое насилие». Политическое насилие используется, прежде всего, как средство политики, а, значит, его цель – объективация общественных отношений, связанных с властью, прежде всего государственной. Исследование свойств политического насилия позволяет дать следующее его определение: это способ институционализации общественного отношения, в ходе которого одни индивиды или группы людей с помощью различных средств внешнего принуждения и манипулирования подчиняют себе сознание, волю, способности, производительные силы, собственность и свободу других в целях овладения властью, ее удержания и функционирования[3]. Сферой проявления политического насилия являются процессы и явления, касающиеся интересов больших социальных групп. Финансовая основа местного самоуправления в данном случае исключением не стала.

Данный тезис подтверждается тем, что на современном этапе не достигнуто соответствия между финансовыми потребностями муниципальных образований по решению вопросов местного значения и закрепленными за ними источниками доходов. Число полномочий местной власти за период, прошедший с момента принятия Федерального закона № 131[4] до настоящего времени, увеличилось практически вдвое, а налоговая база сократилась втрое. Несмотря на непрекращающуюся дискуссию о необходимости передачи на местный уровень дополнительных источников собственных доходов, прежде всего налоговых, в последние годы база таких доходов неуклонно сокращалась[5], а вместо нее усиливалась финансовая помощь сверху. Причем усиливалась весьма относительно, так как межбюджетные трансферты во мно-

гих регионах в 2009–2011 годах также сокращались, что поставило муниципалитеты, прежде всего городские и сельские поселения, на грань и даже за грань выживания. По проведенной оценке Счетной палаты России, лишь 2,5% муниципальных образований могут обеспечить свои расходные бюджетные обязательства полностью за счет собственных налоговых и неналоговых доходов[6].

Значительную долю в доходах местных бюджетов продолжают составлять межбюджетные трансферты, что ограничивает самостоятельность местных бюджетов и ставит их финансовое положение в зависимость от размеров финансовой помощи из бюджетов вышестоящего уровня. Следствием постоянно возрастающей зависимости стало прекращение или приостановление реализации многих муниципальных программ развития, в том числе инфраструктурных проектов, распространение на местном уровне негативных настроений к местной администрации и региональной власти. В связи с задержкой передачи отчислений от налогов, взимаемых с бизнеса, в муниципалитетах не формируются стимулы для поддержки предпринимательской деятельности, развития производства и сферы услуг на своих территориях и т.д. Такое положение приводит к тому, что местная власть должна подстраиваться под интересы центра, чтобы получить денежные средства, необходимые для развития территории. Как известно, далеко не всегда интересы совпадают. Местное самоуправление оказывается перед сложным выбором: соответствовать интересам федеральной и региональной властей, выполнять их проекты и получать средства при помощи трансфертов либо выживать в первую очередь за счет собственных бюджетов.

Сложившаяся ситуация, на наш взгляд, ярко демонстрирует взаимоотношения, где проявляются элементы политического насилия. Возможно, избранный тип отношений обусловлен потребностью в усилении политической системы, повышении роли государственного аппарата, укреплении вертикали власти в условиях системного кризиса и представляется политически закономерным. Но очень важно понимать, что без общественного консенсуса любая власть обречена на недостатки замкнутой системы, что чревато непредсказуемыми последствиями, в том числе насильственного характера.

Литература

1. Данный факт демонстрирует реформа 90-х годов XIX века, налоговая реформа 30-х годов XX века и современная реформа местного самоуправления.
2. Реков А. Вертикаль слабости// «Вечерний Красноярск», №21, 2010.

3. Кузина С.И. Политическое насилие: природа, манифестирование и динамика в глобализирующемся мире// автореферат дис. доктора полит. наук. Ростов-на-Дону, 2010
4. Федеральный закон от 06.10.2003 N 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»// «Собрание законодательства РФ», 06.10.2003, N 40, ст. 3822. (в ред. от 10.07.2012)
5. В результате изменений налогового и бюджетного законодательства с 2005 года местных налогов осталось всего два: земельный налог и налог на имущество физических лиц.
6. Волков В.В. Федеральная финансовая поддержка муниципалитетов в 2012–2014 гг.// «Практика муниципального управления», № 12, 2011.

**ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО НАСИЛИЯ
НА ДЕМОГРАФИЧЕСКУЮ СИТУАЦИЮ
THE INFLUENCE OF POLITICAL VIOLENCE
ON DEMOGRAPHIC SITUATION**

Н. В. Круглов

Ивановская государственная текстильная академия

N.V. Kruglov

Ivanovo State Textile Academy

Анализируется влияние политического насилия на составляющие демографической ситуации – естественное, механическое и социальное движение населения.

The author analyses the influence of political violence on such components of demographic situation as natural, mechanical and social population movement.

Ключевые слова: политическое насилие, демографическая ситуация, естественное движение населения, механическое движение населения, социальное движение населения

Keywords: political violence, demographic situation, natural population movement, mechanical population movement, social population movement

Основной тенденцией в развитии социально-демографического знания является учет все более широкого круга факторов, детерминирующих демографическую ситуацию: если поначалу исследователи демографических процессов уделяли внимание исключительно их экономическим предпосылкам, то впоследствии – также психологическим и со-

циокультурным. Сегодня к числу значимых для развития демографической ситуации факторов ученые относят и насилие в политической сфере.

Как известно, оценка демографической ситуации предполагает анализ естественного движения населения (рождаемости и смертности), механического движения (миграции) и социального движения (связанного с социальной мобильностью и отражающего изменения социально-го, экономического, образовательного, профессионального состава населения).

Что касается естественного движения населения, очевидно, что террор, массовые репрессии, войны, революции и другие события, сопряженные с политическим насилием, ведут к резкому *росту смертности*. Причем в этом случае население несет не только количественные, но и качественные потери. П. А. Сорокин в этой связи писал, что следствием подобных социальных катаклизмов является «отрицательная селекция», которая уносит «лучшие» элементы населения <...> а) биологически – более здоровые; б) энергетически – более трудоспособные; в) социально – более моральные; г) психологически – более волевые, талантливые, одаренные и развитые интеллектуально»[1].

В результате политических потрясений изменяется и половозрастной состав населения: чаще погибают мужчины трудоспособного возраста. А это означает, что возложить на себя их трудовые функции оказываются вынужденными женщины. В Советском Союзе, который в результате революций и войн понес гигантские потери мужского населения, «недостаток ресурсов для интенсивного экономического развития требовал максимального использования экстенсивных факторов, в частности, чуть ли не поголовного вовлечения в “общественное производство” всего трудоспособного населения, включая его женскую часть»[2]. Это привело к тому, что занятые на производстве женщины были оторваны от осуществления своей репродуктивной функции. Поэтому не удивительно, что другим следствием названных социальных бедствий в СССР явилось *снижение рождаемости*.

Интересно, однако, следующее: по оценкам специалистов, самые худшие показатели рождаемости сегодня имеют место в европейских республиках бывшего СССР, а также в Германии, Италии, Испании и Японии[3]. То есть, в тех странах, в которых женщины не столь активно, как в Советском Союзе, привлекались к производству, но в которых в XX веке существовали тоталитарные режимы. Это заставляет ученых предположить, что тоталитаризм сам по себе является фактором, детер-

минирующим снижением рождаемости. Механизм, благодаря которому тоталитаризм приводит в дальнейшем к снижению рождаемости, исследователям пока не понятен, но само его наличие у многих из них не вызывает сомнений[3].

Кроме того, по мнению некоторых авторов, наблюдающееся в тоталитарных обществах вмешательство государства в частную жизнь граждан опосредованно опять-таки влечет за собой рост смертности. Как они полагают, главная причина кризисных тенденций смертности, фиксирующихся в России с 1960-х годов, кроется в сохранении государственно-патерналистских установок. Они очень сильно ограничивают сферу индивидуальной активности и ответственности, а на современном этапе демографической модернизации смертность в большей степени зависит именно от индивидуального самосохранительного поведения[4].

Механическое движение населения ряд авторов также связывают с политическим насилием.

Например, А. С. Ахиезер, признавая, что миграция по своей сути – свободная деятельность, различает, тем не менее, две ее формы – добровольную и принудительную.

На ранних этапах отечественной (и не только) истории *добровольная, свободная миграция* чаще всего представляла собой попытку «уйти» от насилия, от власти, реализовать, возможно, утопическое, стремление начать новую жизнь в более благоприятных условиях[5]. В этом случае она приобретала форму массового бегства крестьян от своих хозяев, колонизации новых земель, казачьей вольницы.

Принудительная миграция реализовывалась, например, тоталитарным советским режимом. Когда ему нужно было обеспечить дешевой рабочей силой «стройки коммунизма», насильственная миграция осуществлялась им через громадную систему концентрационных лагерей. Насильственная миграция принимала также форму депортации целых народов, она «охватила более 6 млн. поляков, немцев, корейцев, китайцев, курдов, иранцев, греков, турок, калмыков, карачаевцев, чеченцев, ингушей, балкарцев, народов Прибалтики и Молдавии, финнов ингерманландцев, казахов, а также кулаков и казаков»[5]. Таким образом власть стремилась сломать естественно сложившиеся в стране миграционные потоки (на юг и на запад) и направить их на север и восток.

Важно отметить также, что в Советском Союзе имела место преимущественно *внутренняя* миграция. *Внешняя* на протяжении большей

части советской истории искусственно блокировалась антидемократическим политическим режимом[6].

О связи *социального движения населения* с кризисными явлениями, сопряженными с политическим насилием, известно давно. Ещё П. А. Сорокин писал, например, об армии как о социальном лифте, наиболее активно функционирующем в военное время: гибель лиц, имеющих более высокое звание, позволяет их подчиненным, оставшимся в живых, занимать их позиции и быстро продвигаться по служебной лестнице. Войны, революции, репрессии в интерпретации мыслителя – главные предпосылки групповой мобильности[7].

Подводя итог изложенного, можно сказать, что насилие в политической сфере способно (правда, вынужденно и лишь в определенном направлении) стимулировать механическое и социальное движение населения. В то же время оно приводит к негативным тенденциям в области естественного движения населения – росту смертности и снижению рождаемости.

Последнее обстоятельство не означает, однако, что, если общество исповедует демократические и либеральные ценности, негативные демографические тенденции в нем устраняются. Напротив: чем либеральнее общество, тем большее распространение в нем получают альтернативные формы семьи и брака (гомосексуальные союзы, например), тем больше люди стремятся к самореализации, не связанной с интересами семьи, а основанной на индивидуалистических ценностях. Как следствие, снижается рождаемость, происходит постепенное постарение населения, а за счет этого неизбежно будет расти смертность.

Таким образом, влияние политических факторов, в том числе политического насилия, на демографическую ситуацию, безусловно, имеет место, но это влияние сложно, неоднозначно и нуждается в дальнейшем глубоком исследовании.

Литература

1. Сорокин П. А. Влияние войны на состав населения, его свойства и общественную организацию // Голод как фактор. М., 2002.
2. Демографическая модернизация России, 1900-2000 // Под ред. А. Г. Вишневого. М., 2006. С. 81.
3. Демографическая модернизация России в XX веке («Круглый стол») // Общественные науки и современность. 2007. № 3. С. 132-133.
4. Вишневский А. Г. Демографические процессы в социальном контексте // URL: http://demoscope.ru/weekly/knigi/konfer/konfr_01.html (дата обращения: 09.10.2012)

5. Ахиезер А. С. Территориальная миграция – реализация потребности в полноте бытия // *Общественные науки и современность*. 2007. № 3. С. 141-143.
6. Вишневский А. Г. Демографические процессы в социальном контексте // URL: http://demoscope.ru/weekly/knigi/konfer/konfr_01.html (дата обращения: 09.10.2012)
7. Сорокин, П. Человек. Цивилизация. Общество / П. Сорокин. – М., 1992.

**ВЛИЯНИЕ СМИ НА ФОРМИРОВАНИЕ
ПОЛИТИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ**
**INFLUENCE MASS-MEDIA ON THE ORGANIZE
OF POLITICAL CONSCIOUSNESS**

Н.А. Кузнецова

Нижегородский государственный лингвистический университет

им. Н.А. Добролюбова

N.A. Kuznetsova

Linguistics University of Nizhny Novgorod

Рассматриваются особенности использования коммуникативных технологий в современной политической жизни общества.

In the articles the author analyze the particularity of development political communication, application communications technology in contemporary society life.

Ключевые слова: политическая коммуникация, современные коммуникативные технологии, психологическое влияние, власть

Keyword: political communication, modern communications technology, psychological influence, power, society

Воздействие СМИ на политическое сознание существенным образом зависит от восприятия индивидом основного субъекта этого воздействия (журналиста, владельца СМИ, органа власти и т.п.), а также от осознания, в чьих интересах это воздействие осуществляется. Дело в том, что восприятие СМИ в большей мере как органа социального управления, чем как средства выражения общественного мнения и социальной активности может не только не повышать авторитета СМИ и доверия к их сообщениям со стороны населения, но, наоборот, снижать его[1].

Политическое сознание является совокупностью ментальных явлений, в которых выражается восприятие политики индивидуальным субъектом политического процесса. Понятие «политическое сознание» едва ли может применяться для характеристики сложных субъектов политического процесса. Политическое сознание тесно связано с политическим поведением, является его подготовительным этапом, наполняет политическое поведение смыслом, а также делает возможным политическое взаимодействие между субъектами политического процесса. Одним из важных компонентов политического сознания являются политические ценности. Политические ценности рассматриваются как фундаментальные ментальные образования, как абстрактные идеалы, не связанные с конкретным объектом или ситуацией, как своего рода представления человека об идеальных моделях поведения и идеальных конечных целях. С понятием «политическое сознание» тесно связано понятие «политическая идентичность», политический менталитет. Для российского политического менталитета характерным является культ государственной власти, преклонение перед ней как воплощением силы и господства.

Агитация и пропаганда нередко переходят границы свободной конкуренции за сознание человека, подменяя способы его идейного завоевания методами насильственного навязывания ему заранее запрограммированных оценок и отношений, психологического давления на его сознание, рассчитанного на неосознанное восприятие и усвоение им определенных целей и ценностей.

Роль и характер влияния политической психологии на политическое поведение раскрывают способы устойчивого преобладания эмоциональных представлений в мотивации человеческого поведения[2].

К таким же фактам психического искажения относится и восприятие человеком реальности на основе умозрительной схемы (прототипа). В силу такого запрограммированного восприятия вся новая информация интерпретируется им уже на основе заранее сконструированного подхода. Столь схематическое мышление может существенно отличаться от реальности, игнорируя факты, не вписывающиеся в схему.

Американский ученый Р. Мертон попытался более систематизированно представить формы психологического влияния на политические процессы. По его мнению, доминирование эмоциональных установок над всеми иными соображениями может выражаться в следующем[3]:

– в стремлении человека придавать своим ролевым и функционально безличным связям в политике сугубо персональный характер (напри-

мер, выполняя функцию избирателя, человек может усмотреть в факте неизбрания президентом своего кандидата личную трагедию или личную заслугу);

– в отождествлении человеком своей личности с партией или профессией (когда, например, партийные цели начинают доминировать над жизненными целями человека);

– в проявлении чрезмерной солидарности с политическими ассоциациями (в результате чего такой корпоративизм подменяет у человека семейные или иные базовые для жизни ценности);

– в повышенном эмоциональном отношении к авторитету лидера, а также в ряде других случаев[4].

Психологическое влияние СМИ – это воздействие на психическое состояние, чувства, мысли и поступки других людей с помощью психологических средств: вербальных, паралингвистических или невербальных. Ссылки на возможность применения социальных санкций или физических средств воздействия также должны считаться психологическими средствами, по крайней мере, до тех пор, пока эти угрозы не приводятся в действие. Они, несомненно, имеют психологический эффект, но сами психологическими средствами не являются[5].

Итак, психологическое влияние – это воздействие на состояние, мысли, чувства и действия другого человека с помощью исключительно психологических средств, с предоставлением ему права и времени отвечать на это воздействие. СМИ используют «различные способы вербального и невербального эмоционально окрашенного воздействия на человека с целью создания у него определенного состояния или побуждения к определенным действиям. Путем внушения могут быть вызваны ощущения, представления, эмоциональные состояния, волевые побуждения, ослабление действия сознательного контроля, осуществляемого в отношении воспринимаемой информации»[6]. Поэтому многие виды влияния средств массовой информации являются смешанными, сочетающими в себе психологические, социальные средства. При подаче информационных сообщений по каналам политических коммуникаций, опосредованным СМИ, масс-медиа обладают серьезным арсеналом технологий, включающих как легальные, так и манипулятивные способы воздействия на общество.

Литература

1. Родин А.Г. Манипулятивные технологии средств массовой информации в избирательном процессе: теоретические и прикладные аспекты: Дисс. ... канд.

- полит.наук. – Н. Новгород, 2006. – С. 62.
2. Коноваленко А.В. Психология политической рекламы. – М.: Феникс, 2005. – С. 97.
3. Грачев М.Н. Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития: Монография. – М.: Прометей, 2004. – С. 57.
4. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. [Электронный документ] <http://socioline.ru/pages/r-merton-sotsialnaya-teoriya-i-sotsialnaya-struktura> Проверено 05.10.2012.
5. Почепцов Г.Г. Медиа. Теория массовых коммуникаций. – М.: Альтерпресс, 2008. – С. 112.
6. Психологический словарь, 1983. [Электронный документ] http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/olshansk/04.php /Проверено 05.10.2012.

**ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ ДИАЛОГОВ РОССИЙСКОЙ
МОЛОДЁЖИ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ
ТРАНСФОРМАЦИЙ**
**PECULIARITIES OF SOCIAL DIALOGUE OF RUSSIAN YOUNG
PEOPLE IN THE CONTEXT OF SOCIAL AND POLITICAL
TRANSFORMATION**

А.Б. Лымарь

*Институт молодёжной политики и социальных
технологий МАТИ - РГТУ имени К.Э.Циолковского*

А.В. Lymar

«МАТИ» - Russian State University of Aviation Technology

Современные социальные трансформации, которые экспертами все чаще рассматриваются в контексте повысившейся политической активности граждан, наибольшее влияние оказывают на молодёжь. Российская молодёжь, спустя два десятилетия после крушения большевистского государства, представляет собой новое и оригинальное социальное образование, вызывающее исследовательский интерес, прежде всего, с точки зрения изучения явлений переходных периодов. Речь в данном случае идёт о социальном диалоге как проявлении характеристик образов молодого поколения, взаимодействующего с представителями двух предыдущих поколений, со сверстниками в России и за рубежом, с традиционным и инновационным миром.

Contemporary social transformations, that experts observe in the context of greatly increased political activity of citizens, most of all influence

the youth. Russian youth, two decades after the collapse of the Bolshevik state, is a new and unique social formation, which is of high research interest, especially as the phenomena of transition periods. In this case, it is about social dialogue which reveals the main features of young people's interacting with the two previous generations, with their peers in Russia and abroad, with traditional and innovative world.

Ключевые слова: молодёжь, социальный диалог, социально-политическая активность, традиции и инновации

Keywords: youth, social dialogue, social and political activity, tradition and innovation

Новизна и традиционализм в социальных диалогах

Природная потребность молодёжи в новизне связана с естественным процессом роста и взросления, что методом проб и ошибок, методом оценки и отрицания приводит молодого человека к осознанию собственной социальной роли и возможностей, формирует убеждения и ценности, создает определяемый общественный образ и стиль, который приобретает субъектные характеристики в социальной коммуникации. Проблемой является то, что сама новизна, т.е. некий образ новизны, характеризуется традиционализмом, обилием стереотипов и стандартов, признаваемых молодыми как нечто принципиально новое. Это связано с тем, что приобретаемый молодыми людьми жизненный опыт мало согласуется с анализом и сравнением опыта предыдущих поколений. Исследователи все чаще отмечают, что уровень гуманитарной осведомленности и гуманитарного мышления современного молодого человека достаточно низок, зато более высоки объем и скорость потребляемой информации, её обработка с целью выделения практической пользы. Это приводит к тому, что в социальном диалоге молодёжь нередко использует лишь фрагменты знания, актуализированные в процессе отбора информации. Встреча в социальном диалоге с информацией неизвестной или автоматически отброшенной может вызвать как нарушение коммуникации, например, со старшим поколением, так, и стать заметно чем-то новым.

Темами, которые часто рассматриваются в исследованиях молодёжи, традиционно являются темы гражданственности и патриотизма. Действующие ныне дискурсы, посвященные этим темам, не отличаются заметной новизной. Патриотизм, например, навязывается современной молодёжи как атрибут, который следует принимать без поиска лишних

объяснений, им следует дорожить как неким сверхчувством, оформившимся исторически. Притом можно заметить, что в ответах анкет социологических опросов молодёжи интерес к истории своей страны чаще ставится ниже, чем ощущение гордости за её прошлое.

Не отличаются новизной и диалоги, в которых молодёжь участвует в контексте экономического и социального бытия. Здесь она также уверенно впитывает набор стереотипов, которые определяют содержание функционирования и взаимодействия в социуме, где экономическая свобода и социальная ответственность получили свое самобытное толкование, отличное от толкований, принятых в наиболее экономически и социально развитых обществах. Речь идет о том, что передача исторического опыта поколений, связанного с нестабильностью, с дефицитом удовлетворения материальных и духовных потребностей, с заниженной оценкой реального потенциала личности в развитии экономических и общественных отношений, в значительной мере повлияла на выработку ценностных стереотипов, которыми руководствуется современная российская молодёжь. Несмотря на обилие информации, получаемой извне о признаках успешности и способах постановки целей и достижения их, набор жизненно важных приоритетов молодого россиянина во многом формулируется в контексте национальной традиции. Такая привязанность объясняется не столько патриотическими чувствами или национальным менталитетом, сколько интуитивным знанием о том, что в стране за века не сложилось представления о некоем стандарте жизни, гарантирующем возможность существования и развития при любых изменяющихся обстоятельствах. По этой причине российская молодёжь, как и большинство общества, может говорить лишь об изменении качества и уровня жизни, зависящего более от внешних процессов, чем от собственной активности.

Признаки новизны

Несмотря на определенный пессимизм во взгляде на содержание и качество социального диалога, в котором принимает участие современная российская молодёжь, нельзя не отметить некоторые позитивные сдвиги в развитии опыта её социального общения. Эти позитивные сдвиги связаны с несколькими направлениями. Во-первых, современный молодой россиянин – это во многом продукт обновляемой уже два десятилетия системы образования. Новые принципы обучения, корректировка учебной информации, современные технологии, определившиеся требования к набору знаний и компетенций. Во-вторых, развитие

современных технологий и информационного пространства создали такие условия для значительной части молодёжи, в которых возникла возможность выбора и самоопределения. Выбор касается отбора информации, её актуализации и оценки, ориентации на процесс построения индивидуальных траекторий развития. Развитие образовательной системы и расширение мирового информационного пространства значительно повышают уровень мобильности молодого человека как в процессе перемещения, так и в процессе интеллектуального развития.

И наконец, повышение социально-политической активности в России за последний год во многом разрушило ту картину представлений о ценности стереотипов, то понимание стабильности, которые могли ещё долго удерживать молодое поколение во власти традиций. Активизация социально-политической жизни сделала неожиданно востребованными творческую энергию и потенциал молодёжи. Социологические опросы показывают заметный рост интереса молодых россиян к политической жизни, интерес к инновациям и переменам, которые уже в меньшей степени увязываются с традиционными представлениями о жизни. Ещё не определились правила нового диалога, не полностью сформулированы темы, представляющие взаимный интерес, но более четкими становятся характеристики субъектов диалога, формируются новые смыслы, первоочередные цели и задачи. Вместе с тем, как показывают все те же опросы, значительная часть молодёжи готова к тому, чтобы дистанцироваться от любых диалогов, избрав либо тактику невмешательства в процессы, которые напрямую не затрагивают ближайшие интересы, либо тактику готовности к тому, чтобы со временем переехать для работы и жизни за рубеж.

Вместо заключения

На недавно прошедшей научной конференции в Санкт-Петербурге отдельными зарубежными докладчиками традиционно был поднят вопрос о необходимости на государственном уровне дать оценку коммунизма и сталинизма, что, по мнению выступавших, может стать основой для взаимного прощения и примирения народов, в разной мере пострадавших от этих феноменов XX века. Выдвинутый нами тезис о том, что «коммунизм умер» в его привычном историческом толковании и восприятии, и что факт декларирования его осуждения в настоящее время не возымеет ожидаемого результата, вызвал неприятие у ряда участников саммита, как российских, так и зарубежных. Главным аргументом, как и прежде, стал опыт послевоенной Германии, направившей огром-

ные государственные и общественные усилия на преодоление последствий нацизма и гитлеризма. По нашему мнению, ссылка на германский опыт не совсем корректна и ещё меньше она логична. Во-первых, действия немцев по преодолению мрачного периода в своей истории начались в близлежащее от событий время, когда были ярко очевидны результаты деятельности павшей власти. Эти результаты подкреплялись ощущением того, что население было обмануто, унижено, а государство разгромлено. Во-вторых, гитлеровское правление не дало немцам длительных периодов ощущения стабильности и успешности (или их образцов), что могло бы стать причиной упрямо отстаивать положительные итоги в отдаленном будущем. Все это было вспыхнувшим мифом, общественным взрывом, национальным помутнением рассудка, принесшим трагические последствия.

Коммунизм и сталинизм – это результат многовекового процесса трансформации представлений о правде и справедливости, процесса развития человеческих привычек и предубеждений, желаний и страхов. Это долгий период духовной и моральной деградации, массового интеллектуального сна. Бороться с такими проявлениями человеческой природы декларациями бесперспективно. Единственным способом, который может уберечь современную российскую молодёжь от приятия их в качестве чего-то возможного и востребованного, является ускорение процессов социальных преобразований, опираясь на положительный мировой опыт, обеспечение политической открытости и свободы, правового равноправия. Отечественная история в её объективных оценках должна вернуться в учебную аудиторию и научную мастерскую, а не мелькать фрагментами в пространстве медиа, на площадях и в коридорах власти, добавляя всем заинтересованным аргументы собственной правоты. Немаловажно и создание условий для творческого развития молодого человека как профессионала и гражданина. Роль государства в данном контексте – это роль ненасильственного модератора реально протекающих процессов, а не функция манипулятора и имитатора социального действия.

Литература

1. Основы работы со студенчеством: учебное пособие. Под ред. Т.Э.Петровой, В.С.Сенашенко. - М.: Альфа-М: ИНФРА-М, 2012.
2. Lymar A. Wpływ mentalności na potencjał modernizacyjny współczesnej młodzieży rosyjskiej//Bezpieczeństwo współczesnego świata - edukacja, media i kultura, pod red. M. Baranowskiej-Szczepańskiej i J. Karwata, Wyd. Instytut

Naukowo-Wydawniczy Maiuscula, Wyższa Szkoła Handlu i Usług w Poznaniu, Poznań 2011. S.227-238

3. Lymar A. Niektóre aspekty pracy z młodzieżą we współczesnej Rosji// Młode pokolenie. problemy terażniejszości, wyzwania przyszłości. Pod red. Marty Makuch i Doroty Moron. Wyd. Uniwersytetu Wrocławskiego, Wrocław, 2012. S. 19-30

4. Lymar A. Młodzież Rosji jako uczestnik w komunikacji społecznej. Nowoczesne cechy//Komunikowanie się w społeczeństwie wiedzy XXI wieku. Red. naukowa E. Frolowicz i inn. Wyd. WSB, Poznan, 2012. t. 26, S. 235-240

5. Лымарь А.Б. Гуманитарная подготовка молодых специалистов как задача по формированию опыта оценки, планирования и прогнозирования социальных процессов// Сборник статей. Москва, МАТИ, 2010, с.15-24.

**ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ
ЕВРОПЫ И ВЫЗОВЫ СЕПАРАТИЗМА
(НА ПРИМЕРЕ ИСПАНСКОЙ БАСКОНИИ)
THE POLITICO-ECONOMIC PROBLEMS
OF MODERN EUROPE AND THE CHALLENGE
OF SEPARATISM (ON THE EXAMPLE
OF THE SPANISH BASQUE COUNTRY)**

А.В. Морозова

Финансовый университет при Правительстве РФ

A.V. Morozova

The Financial University under the Government of the Russian Federation

Проводится анализ состояния проекта объединенной Европы в условиях обострения угрозы сепаратизма на примере испанской Басконии.

The article contains the analysis of the status of the United Europe project in a worsening threat of separatism (on the example of the Spanish Basque Country).

Ключевые слова: Европейский союз, ЕС, Баскония, баски, сепаратизм, европейская интеграция, политика, экономика, ЕТА

Keywords: the European Union, EU, the Basque Country, Basque, separatism, European integration, politics, economics, EТА

Образ современной Европы за последние два десятилетия стал неразрывно связан с 12 золотыми звездами на синем фоне. При создании ЕС предполагалось, что будет проведена форсированная интеграция всех стран европейского континента, что, в итоге, должно привести к

образованию экономически, политически и социокультурно сбалансированного пространства взаимодействия народов на основе принципов мира и консолидированного сотрудничества без государственных границ. Так, в данной работе под «современной Европой» будет пониматься Европейский союз как длящийся во времени политический проект, а также как априорная основа сосуществования европейских стран в исторической перспективе.

12 октября 2012 года в Осло состоялось торжественное объявление лауреатов Нобелевской премии мира. Номинарование и даже победа не отдельных личностей, а целых общественных организаций и межгосударственных объединений уже не ново. Более того, имеет долгую историю, уходящую корнями в начало XX века, когда в 1904 году первым таким победителем стал Институт международного права (Гент, Бельгия). За ним в почетный список в разное время вошли Международный комитет Красного Креста (1917, 1944(присуждена в 1945)), Нансеновская международная организация по делам беженцев (1938) и др. В 2001 «За вклад в создание более организованного мира и укрепление мира во всем мире» Норвежский Нобелевский комитет присудил награду ООН во главе с Кофи Аннаном, а в 2005-м премию разделили Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ) и его директор Мохаммед аль-Барадеи. Тем не менее, победа ЕС в 2012 году вызвала не только всеобщее недоумение, но и противоречивые оценки высоких лиц. Неужели Союз «за шесть десятилетий защиты прав человека в Европе и долгосрочную роль в объединении континента» не заслужил награды?

Действительно, план Шумана и замысел объединить на надгосударственной основе ведущие европейские державы с целью предотвращения будущих войн должны были стать прорывом в сфере международных отношений, дать толчок новому витку развития благосостояния стран-членов ЕОУС и их граждан. Однако смена модели объединения в пользу «широкой интеграции» сделала Союз предельно рыхлым, нестабильным и неоднородным образованием. Как следствие, с учетом экстенсивной модели расширения равенство стран-членов ЕС оказалось лишь номинальным, и в условиях разразившегося экономического кризиса весь конгломерат дал трещину. Одним из проявлений всплеска внутренней напряженности в Европе стал рост сепаратистской активности как в государствах «переходного статуса» (к примеру, Сербии), так и в государствах-«локомотивах» (Великобритания, Германия, Италия и др.).

Одним из характерных примеров данной тенденции является испанская Баскония. Многовековые притязания то английской короны, то

Аквитании, то Франции, то Испании на территории по обе стороны Пиренеев выработали в представителях баскского этноса утрированное чувство самоидентичности и стремление к образованию собственного государства, независимого от политических конфликтов третьих стран. В начале XX века, после многовековой борьбы за отсоединение, произошли некоторые подвижки в пользу компромиссного урегулирования конфликта: в 1936 году Народный фронт завоевал право Басконии на статус автономии в составе Испанской республики. Однако благоденствие длилось недолго. В 1939 году республика пала, а к власти пришел генерал Франсиско Франко, установивший авторитарный режим, вследствие чего автономия Страны Басков была упразднена, баскский язык – запрещен, начались жестокие репрессии против несогласных, а главный этнический символ – город Герника – был уничтожен посредством бомбардировки.

Однако диктатура Франко вызвала к жизни новую волну сопротивления. Сепаратизм приобрел организованную форму, экстремистский характер, а на смену борьбе за фуэрос пришла идеология создания Эускади как отдельного государства басков.

С 1959 года, момента появления ЕТА (Euskadi Ta Askatasuna) – организации, изначально позиционировавшей себя как политическое движение сопротивления диктатуре Франко, Испания успела испытать весь спектр последствий сепаратистской агрессии. В ответ на террор фракистов против ЕТА движение признало насилие главным оружием достижения своих целей и за последние полвека стало практически синонимом внутреннего терроризма, жертвами которого оказались более 800 человек. Именно ЕТА является автором одного из самых громких политических терактов в новейшей истории Испании – убийства в 1973 году адмирала Луиса Карреро Бланко, преемника Франко на посту председателя правительства Испании.

Начав в 1960-е с покушений на чиновников и представителей силовых структур, к началу XXI века ЕТА вышла на тропу тотального террора, направленного против испанского народа в целом. Так, 15 мая 2001 года известный мадридский и баскский журналист и политический аналитик Горка Ландабуру получил конверт со взрывчаткой, а 9 августа 2009 года взрыв прогремел в баре на пляже в Пальма-де-Мальорка.

До 1970-х официальная власть не предпринимала попыток ведения диалога с террористами, но с падением франкистского режима в 1975-ом и переходом страны к демократии ЕТА было предложено отказаться от насилия в обмен на амнистию осужденных членов организации. Не-

смотря на то, что это предложение было отклонено, с 1988 года (когда баскскими сепаратистами было объявлено первое одностороннее перемирие) руководство ETA более десятка раз публично отказывалось от вооруженной борьбы.

Сегодня Страна Басков имеет самую широкую автономию в Королевстве: свой парламент, правительство, флаг, язык и даже свою полицию. Но радикалы требуют усиления автономии за счет, в частности, возможности ведения самостоятельной внешней политики и прямого представительства в международных организациях. Финалом автономизации должно стать полное отсоединение от Испании и создание самостоятельного государства.

Конечно, с начала эпохи национальных государств страны стремятся к сохранению своего суверенитета и территориальной целостности. Но можно ли поставить жизни граждан, погибающих от рук радикальных сепаратистов, наравне с политическим интересом того или иного государства, суть и сущность которого заключается в достижении блага для своих граждан? Возможно, «опухоль» стоит удалить из Левиафана, дабы оздоровить весь общественный организм? Или вызов баскского сепаратизма грозит обернуться слишком серьезными политико-экономическими последствиями в случае достижения им своих целей?

Взглянем на статистику. Три из семи провинций Страны Басков находятся во Франции и занимают на ее территории около 20 тыс. квадратных километров. В случае, если испанские официальные власти признают за басками право выхода из состава королевства, возникнет угроза территориальной целостности сразу двух стран «Большой пятерки».

Более того, само рассмотрение возможности получения Страной Басков статуса самостоятельного государства неизбежно вызовет волну сепаратистских выступлений в других нестабильных регионах как в Испании, так и за ее пределами: Наварры, Каталонии, Галисии, Андалусии, Арагона, Кантабрии и др. в Испании, Баварии в Германии и т.д. Что же касается Великобритании и Бельгии, то эти страны окажутся под угрозой «полного распада» и исчезновения с политической карты мира.

Сепаратизм бросает вызов самим фундаментальным принципам Евросоюза. Основным учредительным документом ЕС является Договор о Европейском союзе от 7 февраля 1992 г. (Маастрихтский договор). Согласно ст.2 которого Союз ставит своими целями:

- содействовать экономическому и социальному прогрессу, а также высокому уровню занятости, достигнуть сбалансированного и устойчивого развития, особенно путем создания пространства без внутренних

границ, укрепления экономического и социального сплочения и путем образования экономического и валютного союза, включающего в конечном итоге единую валюту в соответствии с положениями настоящего Договора;

- утверждать свою индивидуальность на международной арене, в частности, посредством осуществления общей внешней политики и политики безопасности (...).

В данном контексте резонным выглядит ввести одно дополнительное условие. Автор четко разделяет два вида сепаратизма: сепаратизм, направленный на выделение нового государства, и сепаратизм, направленный на передел границ (т.е. на присоединение к другому государству).

Так, образование отдельного государства Эускади подорвет сразу все перечисленные выше принципы и цели объединения Европы, еще более пространно изложенные в преамбуле того же договора. Не говоря уже о том, что заявленный процесс является дезинтеграционным и имеет противоположный заданному европейскими сообществами вектор развития Европы, сепаратистское движение имеет остро негативный характер, развивает идею национальной нетерпимости и ведет к регрессу социальной интеграции. Происходит попытка выстраивания новых границ, одностороннего экономического, политического, социального дистанцирования от Испании.

Более того, встает и международно-правовой вопрос. Будучи частью Испанского королевства, Страна Басков является бенефициарием целого ряда международных договоров, участником которых является Испания. При выходе из состава последней Страна Басков получит неопределенный международный статус. Вхождение же в состав ЕС регламентировано целым рядом условий, в том числе экономических и касающихся социальной политики. Несмотря на высокий уровень жизни населения, вряд ли Эускади сможет автоматически оправдать свои действия с точки зрения защиты прав человека. Ведь в соответствии с опросами общественного мнения, абсолютное большинство басков не желают развала Испанского королевства, и лишь 18% населения Басконии готово поддержать на референдуме образование самостоятельного государства. Как утверждает Министерство внутренних дел Испании со ссылкой на результаты собственных социологических исследований, 77% басков и 65% жителей всей страны считают насилие не столько идеологическим, сколько основанным на политическом интересе. Другими словами, баскский сепаратизм носит характер не «общенацио-

нального» движения, но «элитарного», когда народ оказывается вовлеченным в ситуацию борьбы узкого слоя населения за получение власти посредством эксплуатации исторического опыта народа в целом.

Тем не менее, переход баскских сепаратистов от методов физического насилия к методам насилия политического говорит о гибкости, которую постепенно приобретает это движение, меняющееся в соответствии с вызовами времени. 22 октября 2012 года были объявлены результаты внеочередных парламентских выборов в региональный парламент Басконии. Две трети мест получили баскские националисты всех направлений. Из 75 мест Националистическая партия басков получила 27, сепаратистская Bildu (симпатизирующая ETA) – 21, социалисты – 16, в то время как правящая Partido Popular – всего 10. Цифры показывают: отказ от терроризма и сглаживание формулировок требований играют в пользу националистов, за которых стали открыто голосовать.

Являются ли результаты последних выборов сигналом приближающейся победы сепаратизма в Испании или лишь индикатором «проявления» его сторонников, под угрозой находится большая часть современной Европы?

Сегодня лидеры евроинтеграции оказались не только в экономической ловушке из-за менее успешных соседей, но и в политической зависимости от них.

Для ЕС уступка вызовам сепаратизма станет признанием собственной несостоятельности не только как наднационального проекта, но и как представителя интересов объединенной Европы в мировом сообществе, а значит, в скором времени мир потрясет новый передел сфер влияния и границ.

Литература

1. Декларация основных прав и свобод
2. Договор о Европейском союзе от 7 февраля 1992 г. (с изменениями, внесенными Амстердамским договором от 2 октября 1997 г. и Ницким договором от 26 февраля 2001 г.)
3. Договор, учреждающий Европейское сообщество (консолидированный текст с учётом Ницских изменений)
4. А.Здитовецкий, М.де лос Льянос Баски против насилия и террора // Независимая газета. – 2001. – 16 мая. URL: http://www.ng.ru/world/2001-05-16/6_baski.html (дата обращения: 10.10.2012).
5. В.Ъ-Леонов, С.Ъ-Тамилин Баски встали на социалистический путь // Коммерсантъ. – 2009. – 3 марта. URL: <http://kommersant.ru/doc/1128480> (дата обращения: 10.10.2012).

6. А.Моисеев Расколлот ли баски Испанию // Независимая газета. – 2000. – 23 июня. URL: http://www.ng.ru/world/2000-06-23/6_basks.html (дата обращения: 10.10.2012).
7. А.Невзлин На пути к Французской империи // Русская Германия. – 2011. – 29 июля. URL: http://www.rg-rb.de/index.php?option=com_rg&task=item&id=2555&Itemid=13 (дата обращения: 15.10.2012).
8. Д.Семушин Испания между Сциллой и Харибдой: экономический кризис резко усилил региональный сепаратизм // Информационное агенство REGNUM. – 2012. – 29 октября. URL: <http://www.regnum.ru/news/1587206.html> (дата обращения: 29.10.2012).
9. В.Трухачев Брюссель рискует превратиться в Сараево // Pravda.ru. – 2011. – 16 августа. URL: <http://www.pravda.ru/world/europe/european/16-08-2011/1088002-belgium-1/> (дата обращения: 15.10.2012).
10. Выборы в Испании: правящая партия выдержала испытание // РБК. – 2012. – 22 октября. URL: <http://top.rbc.ru/politics/22/10/2012/675398.shtml> (дата обращения: 22.10.2012).

ОСОБЕННОСТИ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА **THE PECULIARITIES OF AN INTERETHNIC CONFLICT**

Н.М. Морозова

*Нижегородского государственного лингвистического университета
им. Н.А. Добролюбова*

N.M. Morozova

Linguistics University of Nizhny Novgorod

В условиях многонациональности государства конфликт является распространенным вариантом развития межэтнических отношений. Он обладает рядом отличительных особенностей, которые необходимо учитывать при разработке механизма его предотвращения или разрешения. Как правило, данные особенности находятся во взаимосвязи и с причинами разногласий между этническими группами. Зачастую межэтнические конфликты сопряжены с применением насилия.

In conditions of multi-ethnicity of states a conflict is a common variant of the development of interethnic relations. It has a number of distinctive features that should be taken into consideration when developing a mechanism for preventing or resolving conflicts. As a rule, these features are connected with the reasons for disagreements among those ethnic groups. Ethnic conflicts often involve violence.

Ключевые слова: этнос, межэтнический конфликт, межэтнические отношения

Keyword: ethnos, ethnic conflict, interethnic relations

Проблема насилия является актуальной при исследовании межэтнических отношений.

Россия – полиэтническое государство, в рамках которого проживает более 180 этносов[1]. Национально-этнические общности – большие социальные группы с характерными признаками (культура, язык, общая территория, религия, особенности психологического склада и др.), «которые своеобразным способом адаптировались к географическим и климатическим условиям своего существования»[2].

Естественным результатом подобного многообразия этносов становится налаживание межэтнических отношений, которые, в целом, можно определить как «субъективно переживаемые отношения между людьми разных национальностей, этническими общностями»[3]. Взаимодействие происходит во всех сферах жизни как на бытовом уровне в процессе трудовой деятельности, неформального, дружеского общения, так и в области политики, культуры, экономики. На характер межэтнических отношений влияет множество факторов: социально-политическая обстановка в стране и регионе, бытовые, культурные традиции, экономические условия, историческая ретроспектива развития отношений, интересы элит в конкретных областях, механизм их достижения и т.д. Соответственно, характеристикой межэтнических отношений может быть не только дружба, согласие, кооперация, сотрудничество, но и конфликт, угнетение, насилие. Как отмечает Р.Г. Абдулатипов в Специальном докладе Президенту РФ «О национальном самочувствии народов России. О состоянии и перспективах государственной национальной политики»: «Этнический фактор – это не миф, а суть нашей социальности, духовности и даже государственности. Он автоматически превращается в фактор этнополитический, националистический, взрывоопасный, если пренебрегать им»[4].

Следует различать конфликт и применение насилия на бытовом уровне и на уровне политическом. Во втором случае конфликт глубже, острее, масштабнее и имеет более значительные последствия. На бытовом уровне принадлежность к той или иной национально-этнической общности практически не влияет на развитие и ход конфликта.

В этой связи уместно привести слова заместителя директора Института этнологии и антропологии В.Ю.Зорина, который справедливо за-

мечает, что «этнический фактор существовал всегда, а проблемы возникают лишь тогда, когда этничность политизируется, когда на ее основе можно спровоцировать ксенофобию, изоляционизм, разрушительные действия»[5].

Директор Института этнологии и антропологии В. А. Тишков определяет межэтнический конфликт как любую форму «гражданского, политического или вооруженного противоборства, в котором стороны или одна из сторон мобилизуются, действуют или страдают по признаку этнических различий[6]».

Конфликтная ситуация – это специфическая форма межэтнических отношений. Проблема базируется на экономических, политических, правовых противоречиях. Вектором в развитии конфликта выступает психологический фактор, включающий в себя самосознание, ощущение уникальности и, зачастую, ущемленности в правах.

Основные противоречия между этническими группами сосредотачиваются либо вокруг получения доступа к ресурсам, либо вокруг владения властью. Собственно, этнический фактор проявляется как консолидирующий, мобилизующий группу на совместные действия, играет роль маркера при делении на «своих» и «чужих».

Конфликт может развиваться в различных направлениях, одним из которых является интенсивное протекание, т.е. с применением насилия. Это самая острая и наиболее опасная форма конфликта, т.к. он выходит из-под контроля. В этой фазе конфликт может перерасти в военное противостояние между этническими группами.

Применение насилия не противоречит законам РФ.

Первоочередной задачей в разрешении конфликта является прекращение насилия, т.к. оно, как правило, связано с человеческими жертвами.

Межэтнический конфликт представляет собой особую форму социального или политического конфликта. Можно выделить ряд характерных особенностей, присущих ему:

- в конфликтующих группах усматривается разделение по этническому признаку;
- в конфликте заинтересованы отдельные группы, как правило, элитарные. Ищут поддержку внутри «своей» этнической группы или в этнически дружеской среде, используя категорию «этичность» они находят сторонников, тем самым углубляя конфликт;
- межэтнический конфликт инициируется этносом более крупным с хорошо развитыми культурными институтами[7];

- в условиях межэтнического конфликта внутригрупповые противоречия затухают, происходит объединение для борьбы с общим «врагом»;

- исходя из этнической идентичности, даже при условии расхождения точек зрения по отношению к проблеме, новые участники выбирают одну из сторон конфликта для поддержки и становятся в ряды её сторонников;

- ценности, разделяемые той или иной группой, не являются основным поводом для конфликта. Как правило, межэтнические конфликты являются результатом противоречий, складывающихся вокруг притязаний на ресурсы, власть, столкновение интересов групп;

- межэтнические конфликты всегда сопряжены с фактором политизации и идеологизации.

Литература

1. Национальный состав населения Российской Федерации: [Электронный документ]// http://www.perepis-2010.ru/results_of_the_census/tab5.xls /Проверено 03.10.2012
2. Гумилев, Л.Н. Этногенез и биосфера Земли/ Л.Н.Гумилев [Электронный документ]// <http://lib.rus.ec/b/287761/read> /Проверено 03.10.2012
3. Мир психологии [Электронный документ]// <http://psychology.net.ru/dictionaries/psy.html?word=497/> /Проверено 03.10.2012
4. О национальном самочувствии народов России. О состоянии и перспективах государственной национальной политики. Специальный доклад Президенту РФ от 30.01.2001 г. – Режим доступа: http://www.ng.ru/document/2001-01-30/0_national_policy.html (Дата обращения: 04.02.2011)
5. Зорин, В.Ю. Российская Федерация: проблемы формирования этнокультурной политики/ В.Ю. Зорин. – М., 2003 г. 64 с. С. 23
6. Тишков, В.А. Очерки теории и политики этничности в России/ В.А.Тишков. – М., 1997. С.480
7. Коркмазов, А.Ю. Природа и типология межэтнических конфликтов: [Электронный документ]// http://abiturient.ncstu.ru/Science/articles/hs/13/04.pdf/file_download /Проверено 4.10.2012

**ПОЛИТИЧЕСКОЕ НАСИЛИЕ КАК ФАКТОР
ФОРМИРОВАНИЯ ПОКОЛЕНЧЕСКОЙ СПЕЦИФИКИ**
**POLITICAL VIOLENCE AS FACTOR OF SPECIFIC GENERATION
FORMATION**

Л. Ю. Пушина

Ивановская государственная текстильная академия

L.U. Pushina

Ivanovo State Textile Academy

Рассматривается влияние событий и процессов отечественной истории, сопряженных с политическим насилием, на становление поколений современного российского общества и формирование специфики каждого из них.

The article deals with the problem of historic events and processes influence in the country connected with political violence on formation of modern Russian society generations and their specific features.

Ключевые слова: политическое насилие, поколение

Keywords: political violence, generation

В современной социальной науке можно выделить два подхода к поколенческой проблематике. В рамках первого из них – *социально-демографического* поколение понимается как социально-демографическая (возрастная) группа. Суть разделяемого нами второго подхода – *социокультурного* состоит в интерпретации поколений как уникальных социокультурных общностей, качественное своеобразие которых определяется, прежде всего, тем, что на раннюю социализацию различных генераций оказывают влияние *разные* исторические явления, события и процессы.

К числу таких явлений может быть отнесено и политическое насилие.

Мы попытались выявить своеобразие ныне живущих российских поколений, связав его с «градусом» политического насилия, имевшим место в СССР – России в формативный период каждой из генераций.

В современном российском обществе мы выделили поколения: военное (лица 1921-1933 годов рождения), «оттепели» или «шестидесятников» (1934-1944 г.р.), «застоя» (1945-1964 г.р.), «перестройки» (1965-1971 г.р.), постсоветское (1972-1980 г.р.), «путинской стабилиза-

ции» (1981-1988 г.р.)[1]. С тем, чтобы выявить характеристики ныне живущих российских поколений, мы провели опрос, в котором приняли участие жители г. Иваново[2].

Итогом стали, в частности, следующие выводы.

Представителей самого старшего *военного поколения* отличает тоталитарное сознание. Например, отвечая в ходе нашего исследования на вопрос: «Какие из обязательств Вы считаете необходимым исполнять в первую очередь?» –18,2% представителей поколения (против 7,5% в целом по выборке и больше, чем во всех остальных поколениях) сообщили, что это обязательства перед государством. Подумав над вопросом о том, кто ответственен за происходящее в стране, 85,7% представителей военного поколения заявили, что это ее высшее политическое руководство. При этом возложили ответственность на все российское общество 23,8% из них (против 38,6% по выборке в целом и существенно меньше, чем в любом другом поколении), объявили ответственным каждого российского гражданина лишь 9,5% (этот показатель значительно выше во всех прочих поколениях, а в целом составляет 23,9%). По нашему мнению, здесь очевидны пиетет поколения перед властью, ее послушание власти, упование на власть, государство. Что вполне объяснимо: период с 1941 по 1953 гг., когда формировалось военное поколение, по словам Ю. А. Левады, довел до крайних форм тенденции предшествующей эпохи – эпохи становления монолитного тоталитарного общества с ее массовым террором, принудительным единообразием и единомыслием. Во время войны встал вопрос о выживании тоталитарного режима в противостоянии с внешним аналогом и в вынужденном сотрудничестве с демократическими союзниками; в послевоенные годы названное противостояние было продолжено созданием идейно-политических основ «холодной войны». Поэтому политические «чистки» в 1941-1953 гг. превращаются в военно-полицейские кампании, в качестве жертв «идеологической борьбы» начинают фигурировать уже не классовые враги, как раньше, а «свои», принявшие режим и воспитанные им, но заподозренные в неких чуждых влияниях. К тому же война упрощает и огрубляет все категории мировосприятия до противопоставления «свои – враги», оправдывает насилие, неизбежность массовых жертв и, следовательно, служит идеальной почвой для формирования тоталитарного сознания[3].

Поколение «оттепели» сформировано событиями 1953-1964 гг., начало которым положила смерть И. В. Сталина, кульминацией стало развенчание культа его личности XX съездом КПСС, а завершением –

смещение в 1964 г. с постов Первого секретаря ЦК КПСС и Председателя Совета Министров СССР инициатора попыток модернизации партийно-государственной системы Н. С. Хрущева. По мнению В. М. Воронкова, к факторам, сформировавшим поколение «оттепели», относятся также: Всемирный фестиваль молодежи 1957 года в Москве; появившаяся с 1950-х годов возможность чтения газет стран социалистического лагеря, в которых информация зачастую была более обширной и несколько иначе интерпретируемой, чем в советской прессе; возможность слушать западное радио; массовое строительство жилья и переезд из коммунальных в отдельные квартиры, что создало феномен приватной сферы и «кухонного» общения, в рамках которого зарождалось диссидентство[4].

В силу особенностей формативного периода поколение «оттепели» отличает оппозиционность. По данным того же В. М. Воронкова, среди лиц, родившихся с 1931 по 1945 гг., доля участников движения протеста против советской партийно-государственной системы значительно выше, чем среди родившихся раньше или позже: «шестидесятники» составляют более половины активистов протестного движения в СССР.

По данным нашего исследования, в поколении «оттепели» гораздо больше, чем во всех других генерациях, число тех, кто в последние годы участвовал в политических акциях (32,3% против 15% по выборке в целом). Причем 70% делавших это, по их признанию, надеялись тем самым повлиять на ситуацию в стране (в целом на это указали 38,1% респондентов), 30% стремились выразить свою политическую позицию. Никто из опрошенных «шестидесятников» (в отличие от представителей других генераций) не принимал участия в акциях по указанию руководства, из любопытства или по случайности.

Говоря о том, какие из обязательств являются для них первоочередными, 35,5% респондентов-«шестидесятников» (больше, чем в любой другой генерации) сообщили, что это обязательства перед страной. 25,5% (опять-таки больше, чем в других поколениях) заявили, что это обязательства перед человечеством. 22,6% указали на первоочередность обязательств перед сослуживцами и деловыми компаньонами. При этом лишь 3,2% опрошенных «шестидесятников» ответили, что для них значимы обязательства перед государством, и 0% признали важность обязательств перед непосредственным руководством. Очевидно, что «шестидесятники» проводят четкую грань между страной и государством и между коллективом сослуживцев и начальством, что, по нашему мнению, вновь свидетельствует об оппозиционности поколения, его недовольстве властью, руководством всех уровней.

Итак, исторические события, сопряженные с политическим насилием или связанные с отказом от него, с его общественным осуждением, формируют соответственно «тоталитарное» либо оппозиционно настроенное поколение. Не удивительно, что и оценки самих этих событий представителями разных поколений существенно различаются.

Так, в ходе нашего исследования респондентам было предложено выразить свою позицию по поводу наиболее значимых событий и процессов отечественной истории XX-XXI вв. В результате выяснилось, что представители всех без исключения поколений гордятся такими достижениями страны и ее народа, как индустриализация, победа в Великой Отечественной войне и восстановление разрушенного войной хозяйства, освоение целины, выход в космос, строительство БАМ. У всех без исключения поколений вызывают горечь и стыд массовые репрессии, война в Афганистане, перестройка и распад СССР. При этом весьма неоднозначно оцениваются разными поколениями Октябрьская революция, коллективизация, разоблачение культа личности И. В. Сталина, смещение с высших постов в государстве Н. С. Хрущева, либерализация экономики, «путинская стабилизация».

Далее. Как известно, войны и тоталитарные режимы имеют своим следствием не только массовую гибель людей, но зачастую ведут к распаду семей и разрыву родственных отношений между теми, кто остается в живых. Поэтому вполне закономерно представляется следующее: в ответ на наш вопрос о том, что мешает респондентам знать об истории своего рода, своей семьи больше, от 70 до 88% опрошенных во всех поколениях сообщили, что «родители сами мало знают (знали) об этом». Причем минимальный процент ответивших так фиксируется в рожденном до войны и начала массовых репрессий самом старшем поколении. Второй по частоте упоминаний ответ на данный вопрос – «отсутствие интереса». Думается, что отсутствие интереса к своей родословной отчасти также объясняется принудительным ослаблением родственных связей в годы репрессий и войн, недаром значительно большее по сравнению с другими поколениями число ответивших подобным образом – 29,4% - отмечается опять-таки в «тоталитарном» военном поколении. Третий по частоте упоминаний ответ – «то, что информацию о моих предках скрывали», его дали от 0 до 10% опрошенных во всех поколениях. Исключение составляет перестроечное поколение: для его представителей сокрытие информации о предках является второй по частоте упоминаний причиной незнания истории своего рода, ее назвали 24% из них. Здесь уместно вспомнить, что «перестройка», на кото-

рую пришлось формирование данной генерации, сопровождалась «гласностью», рассекречиванием закрытой ранее информации (в том числе – о репрессиях в СССР), всплеском интереса к отечественной истории и ее переосмыслением.

Подводя итог, можно констатировать, что отношение к политическому насилию государства и общества в целом, имеющее место в формативный период генерации, существенным образом сказывается на специфике этой генерации: оно определяет отношение представителей поколения к государственной власти, к историческому прошлому своей страны и даже к истории своего рода, своей семьи.

Литература

1. О методике, применявшейся для типологизации российских поколений, см.: Л. Ю. Пушина. Социальная ответственность поколений. – Иваново, 2012.
2. Объем выборки составил 369 человек, из них 22 представляют военное поколение, 38 – поколение «оттепели», 122 – поколение «застоя», 47 – поколение «перестройки», 65 – постсоветское поколение, 75 – поколение «путинской стабилизации»; выборка репрезентативная.
3. Ю. А. Левада. Поколения XX века: возможности исследования // Отцы и дети: поколенческий анализ современной России. / сост. Ю. Левада, Т. Шанин. М., 2005. С. С. 39-60.
4. Воронков В.М. Проект «шестидесятников»: движение протеста в СССР // Отцы и дети: поколенческий анализ современной России. С. 168-200.

ТЕОРИЯ «СТРУКТУРНОГО НАСИЛИЯ» Й. ГАЛЬТУНГА: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ J. GALTUNG'S «STRUCTURAL VIOLENCE» THEORY: PAST AND PRESENT

А.А. Сергунин
Санкт-Петербургский государственный университет
A.A. Sergunin
St. Petersburg State University

Рассматриваются теория «структурного насилия» Й. Гальтунга, стремившаяся объяснить источники насилия в обществе и мировой политике, а также её влияние на современную теорию международных отношений.

This article examines J. Galtung's 'structural violence' theory that aimed at explaining the sources of violence in society and world politics as well as its impact on the present-day international relations theory.

Ключевые слова: Й Гальтунг, теория «структурного насилия»

Keywords: J. Galtung, "structural violence" theory

В 1960-е гг. в рамках школы по изучению проблем мира (peace research school) сложилась довольно любопытная теория происхождения конфликтов – теория «структурного насилия» (structural violence theory), автором которой явился Й. Гальтунг. В отличие от других школ общественно-научной мысли, которые пытались свести истоки конфликта к одному-двум факторам (например, марксисты – к экономике, либералы – к неверным восприятиям намерений друг друга, реалисты – к «порочной природе» человека), норвежский ученый попытался создать комплексную теорию конфликта. Он считал, что причины конфликта нельзя свести к одному фактору, его истоки имеют сложносоставной и многомерный характер. В зависимости от конкретного случая на передний план выступают те или иные факторы, но и другие причины конфликта нельзя игнорировать. Главное же, на чем настаивал Й. Гальтунг, по мере исторического развития человечества насилие всё глубже «встраивалось», проникало в самую «ткань» общества и, в конце концов, стало неотъемлемой частью социальных структур.

В свою очередь, если ставить перед собой задачу изживания насилия из практики общественной жизни, нужно радикально менять как всё общественное устройство, так и самого человека (путем воспитания и перевоспитания). Эта рекомендация во многом перекликалась с учением марксизма-ленинизма, но, в отличие от последнего, Й. Гальтунг не допускал никаких насильственных методов для переустройства общества и перевоспитания человека. Он считал, что насилием насилие не изживешь.

Что касается сферы мировой политики, то Й. Гальтунг, несколько трансформировав свой методологический подход, предложил «структурную теорию империализма» (structural theory of imperialism). Он определял империализм как «структурное отношение господства», обладающее политическим, экономическим, военным, культурным и коммуникативным измерениями. Как и в случае с внутренней политикой, он предлагал рассматривать господство как комплексное явление, а не

сводить его только к одному виду насилия (военное или экономическое).

По Й. Гальтунгу, наибольшие угрозы безопасности порождаются отношениями государств, которые находятся как бы на границе центра и периферии. При этом с наибольшей скоростью разрыв растет между слабейшими из центра и слабейшими из периферии, ускоряя поляризацию мира. По мнению норвежского исследователя, механизм империализма состоит в следующем. Слабейшие из западных стран тяготеют к своему процветающему ядру и не считают партнерами слабейших из периферии. То есть солидарности относительно «бедных» из центра и бедных из периферии нет. А вот сильнейшие из периферии стремятся попасть в так называемый «золотой миллиард» (наиболее развитую часть стран мира), а не выступить союзниками своих более слабых «коллег» по периферии.

Получается, что, в отличие от центра, внутри периферии всегда возникают раздражающие ее противоречивые интересы, и потому периферия обречена быть более рыхлой политически, что дополнительно накладывает на экономическое отставание и усугубляет его. Тем самым создается замкнутый круг нарастающего конфликта, который часто прерывает революция, целью которой чаще всего является перераспределение богатства между бедными и богатыми странами.

В то же время, Й. Гальтунг считал, что революцию можно избежать путем оптимизации и регулирования международных отношений, в частности, с помощью добровольного перераспределения богатства между развитыми и развивающимися странами, установления более справедливых правил мировой торговли, укрепления роли международных организаций и права, пропаганды культуры мира и ненасилия и т.д.

И хотя многие идеи Й. Гальтунга, казалось бы, имели утопический характер, они, тем не менее, оказали заметное влияние на внутреннюю и внешнюю политику стран Северной Европы, а также на деятельность ряда международных организаций, включая ООН.

Что касается теории международных отношений, то концепция «структурного насилия» породила весьма плодотворные дискуссии вокруг таких вопросов, как природа войны, мира и международной безопасности, меняющаяся роль силы в международных отношениях и пр. Так, Й. Гальтунг обратил внимание на то, что большинство исследователей определяют понятия «мир» (peace) и «безопасность» (security) исключительно негативным образом как отсутствие войны или военных угроз. По мнению Й. Гальтунга, отсутствие войны или военной угрозы –

это лишь предпосылка для настоящего мира и безопасности. Должно быть позитивное наполнение этих понятий, т.е. в них должны быть отражены такие социальные условия, которые бы, с одной стороны, способствовали предотвращению войн и конфликтов, а с другой – обеспечивали стабильное развитие общества.

Сам Й. Гальтунг, введя в научный оборот термины «негативного» и «позитивного мира», не оставил после себя определения второго понятия. Его исследования продолжили ученики в рамках школы изучения проблем мира. Если суммировать результаты их научных разработок, то «идеальное» определение безопасности в рамках указанной школы выглядит примерно следующим образом. *Безопасность – это социальный порядок, в котором существует механизм предотвращения наиболее опасных внутренних и внешних угроз индивиду, обществу и государству, и обеспечены условия для наиболее полного раскрытия творческих способностей человека и устойчивого развития общества.*

Более полное раскрытие понятия «безопасность» происходит при характеристике её уровней – национальный (делится на индивидуальный, общественный, государственный) и международный (субрегиональный, региональный, глобальный) и видов (военная, политическая, экономическая, экологическая, информационная, демографическая, продовольственная, культурная безопасность).

Отметим, что в процессе изучения проблем мира и безопасности сторонники указанной школы натолкнулись на проблему философского порядка: а можно ли в принципе обеспечить *полную безопасность* человека и общества, можно ли предотвратить все угрозы – существующие и потенциальные? Возникает вопрос еще более общего плана: а нужна ли человечеству всеобщая безопасность? Не приведет ли такое состояние общества (если оно достижимо) к его деградации, ибо оно лишится противоречия как источника развития?

Школа «мирных исследований», несмотря на обвинения в утопичности, дала достаточно реалистичные ответы на эти вопросы. Полную безопасность человечества обеспечить никогда не удастся, ибо даже с ликвидацией угроз, порождаемых деятельностью человека (военные, экономические, этнорелигиозные и прочие конфликты, а также техногенные катастрофы), что само по себе вряд ли достижимо, останутся угрозы, порождаемые силами, неподвластными человеку (природные катаклизмы, воздействие из космоса). Речь можно вести только о минимизации ущерба от этих угроз путем объединения усилий всего человечества

и максимального использования достижений научно-технического прогресса.

Сторонники этой школы считают, что даже предотвращение угроз, порождаемых человеком, дело трудное и достижимое лишь в отдаленном будущем. Даже если удастся когда-либо создать надежный глобальный режим предотвращения военных конфликтов и контроля над вооружениями, все равно никто не может гарантировать этот режим от дестабилизирующих факторов. Среди них появление международных акторов, претендующих на роль новых центров силы, или новых видов оружия, которые могут создать соблазн использовать подобное «чудооружие» для достижения большего влияния или даже мирового господства.

ДИСКРИМИНАЦИЯ КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ В МУСУЛЬМАНСКИХ ГОСУДАРСТВАХ

DISCRIMINATION OF RELIGIOUS MINORITIES IN MUSLIM COUNTRIES

С.В. Старкин

*Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского*

S.V. Starkin

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Рассматриваются культурно-политические факторы положения конфессиональных меньшинств в мусульманских государствах, причины и закономерности возникновения дискриминации по религиозному признаку.

The article deals with the cultural and political factors provisions religious minorities in Muslim countries, the causes and patterns of discrimination on religious grounds.

Ключевые слова: конфессиональные меньшинства, религиозная дискриминация, теории рационального выбора

Keywords: religious minorities, religious discrimination, the theory of rational choice

Данная работа сфокусирована на объяснении степени различий в положении религиозных меньшинств в мусульманских странах. Преды-

дущие исследования кросс-национального характера о религиозной дискриминации можно разделить на несколько категорий. Во-первых, в них давалась оценка положения всех религиозных меньшинств в мире [1]. Во-вторых, перенесение фокуса исследования на один из мировых регионов, как правило, христианский [2]. Немногочисленные исследования, рассматривающие религиозную дискриминацию в мусульманских странах, изучают ситуацию в целом и не касаются дифференциации внутри самих исламских стран [3]. В-третьих, некоторые работы сравнивают положение в мусульманских и западных странах, но не касаются имеющихся различий [4]. В любом случае, все подобные виды исследований единодушно обнаруживают многочисленные факты дискриминации в мусульманских государствах.

Данный факт диктует необходимость проведения анализа существующих моделей дискриминации в рамках всех категорий государств. Соответственно, в настоящей работе мы ставим задачу изучения степени разнородности в государственной религиозной политике по отношению к меньшинствам в одной из наименее изученных категорий государств – с мусульманским большинством. Также необходимо объяснить причины этой разнородности. Следует предположить, что раскрытие размера и причин диверсификации религиозной свободы в мусульманских государствах может раскрыть закономерности и причины возникновения религиозной дискриминации в целом как комплексного социально-политического явления.

Понятие конфессиональной дискриминации можно сформулировать как государственное ограничение религиозных практик или институтов религиозных меньшинств, не затрагивающее при этом религии большинства. Это отличает религиозную дискриминацию от общераспространенного понимания преследования, поскольку фокусируется на ограничениях, направленных на определенную часть населения либо определенную религию. Естественно, это лишь один аспект из набора разнообразных инструментов государственной политики по отношению к меньшинствам в этих странах, и он не касается общественных предубеждений и дискриминации, также значительно влияющих на статус конфессиональных меньшинств.

Существует ряд теорий, объясняющих причины религиозной дискриминации. Можно выделить теории, относящиеся к общим государственно-религиозным отношениям, базирующиеся на идеологии либо культуре, и так называемые теории рационального выбора, предлагающие возможные объяснения для дифференциации среди мусульманских

стран. Можно предположить, что смена исследовательского фокуса для объяснения дифференциации в рамках политического пространства ряда стран, будет способствовать оптимизации компаративного метода изучения, поскольку поможет выявить комплекс факторов, являющихся детерминирующими при дифференциации различных стран. Следует отметить, что Ислам в данном контексте не является монолитным, и необходимо понять, как и почему мусульманские страны отличаются друг от друга.

Большинство зарубежных научных исследований концентрируют свое внимание на объяснении того, как мусульманские страны отличаются друг от друга. При этом немногие признают широкую степень различий среди этих стран. Политические системы, экономические отношения и социальная структура в странах мусульманского мира весьма различны. Рефлексивные теории полагают, что такие устойчивые состояния, как преобладание авторитаризма в политической культуре и традиционных социальных ценностях могут быть объяснены с позиций идентичности большинства населения. Объяснения уникальности этих обществ включают культурные и интеллектуальные учения Ислама, влияние природных ресурсов и историю Западного колониализма. Ислам в целом описывается как учение, имманентно отвергающее принципы суверенитета народа, отрицающее возможность разделения религиозной и политической сфер и наличие конституционального правительства. Некоторые исследователи обвиняют Исламские доктрины, в частности их политические манифестации, как нетолерантные в отношении меньшинств и их учений. Другие приводят аргументацию о том, что Исламская доктрина консервирует статус-кво в целях сохранения общественной гармонии и предотвращения борьбы за политические свободы.

В отличие от рефлексивных и культурных теорий, теория рационального выбора признает тенденцию, направленную на изменение предпочтений правительств мусульманских стран. Однако этой теории, в свою очередь, не хватает понимания того, насколько идеократия детерминирует эти предпочтения. Рассматриваемая теория фокусируется на объяснении уровней религиозности, используя экономические аргументы, относящиеся к терминам спроса и предложения. Данная теория также используется для объяснения структуры религиозного регулирования, базируясь на интересах политиков и религиозных деятелей. Несмотря на понимание того, что в целом мусульманские страны нетолерантны к религиозным меньшинствам, имеются существенные различия

между, например, такими странами, как Бангладеш и Сенегал, где уровень дискриминации незначителен, и такими, как Саудовская Аравия и Иран, где уровень дискриминации гораздо выше.

Анализ показывает, что одного объяснения столь сложных процессов и проблем недостаточно. В то время как политические и институциональные факторы важны в объяснении различий уровней дискриминации в мусульманских странах, интеллектуальные факторы помогают выяснить, почему некоторые меньшинства подвергаются большей дискриминации, чем другие.

Изученный эмпирический материал в отношении проблем дискриминации в мусульманских государствах позволяет структурировать следующие основные выводы:

Во-первых, уровень дискриминации в отношении религиозных меньшинств не зависит от уровня демократии в данной стране.

Во-вторых, степень дискриминации в отношении религиозных меньшинств зависит от их типа. В частности, приверженцы монотеистических религий, или «люди Книги», подвергаются меньшим гонениям, чем приверженцы иных немусульманских религий.

В-третьих, в зарубежной литературе господствует точка зрения, что арабские страны и страны «Исламского хартленда» имеют более высокий уровень дискриминации против религиозных меньшинств, чем неарабские исламские страны в других регионах. В данном контексте следует отметить, что в мусульманских странах бывшего СССР или региона Западной Сахары уровень дискриминации значительно выше, чем в государствах Ближнего Востока и севера Африки.

В-четвертых, большая по численности группа религиозного меньшинства будет подвергнута большим преследованиям.

В-пятых, страны, имеющие тесную связь религии и государства, практикуют большую степень дискриминации в отношении религиозных меньшинств.

Таким образом, следует признать, что объяснение причин и источников религиозной дискриминации в мусульманских странах требует комплексного подхода с учетом многочисленных и разнообразных факторов. Результаты показывают, что региональные и культурные/исторические дифференциации имеют немалое значение. Одним из важнейших факторов наличия/отсутствия дискриминации является идентичность религиозных групп. По сравнению с ортодоксальными мусульманскими группами представители других религий, как правило, подвергаются более высокому уровню дискриминации. Соответственно,

в то время как традиционно большое внимание уделяется внутримусульманским противоречиям между суннитами и шиитами, основное внимание государства всегда направлено на представителей других религий. Объяснение этого факта лежит в религиозной доктрине, различающейся степени легитимности различных религиозных традиций. В ряде стран религия максимально политизирована, и религиозная дискриминация может отражать попытки государства подавить некоторые группы, если находит их опасными или угрожающими его легитимности. Таким образом, то, что рассматривалось в формате культурных различий, фактически может отражать противостояние различных религий.

Литература

1. Fox J. *A World Survey of Religion and the State*. Cambridge: Cambridge University Press, 2008; Grim B. J., Finke R. *The Price of Freedom Denied*. New York: Cambridge University Press, 2011.
2. Branas-Garza P., Solano A. Religious Favoritism in Europe: A Political Competition Model // *Rationality and Society*. 2010. № 22(3). P. 333–52; Gwin Carl R., North Charles M. Religious Freedom and State Religion in an International Panel // *Baylor Business Working Paper Series*. 2004. № 2004-056-ECO.
3. Price Daniel E. Islam and Human Rights: A Case of Deceptive First Appearances // *Journal for the Scientific Study of Religion*. 2002. № 41(2). P. 213–25.
4. Facchini Francois. Religion, Law, and Development: Islamic and Christianity—Why is it in Occident and Not in the Orient that Man Invented the Institution of Religious Freedom? // *European Journal of Law and Economy*. 2010. № 39(1). P. 103–29; Fish M. Steven. Islam and Authoritarianism // *World Politics*. 2002. № 55(1). P. 4–37.

**РУССКИЕ НАЦИОНАЛ-ПАТРИОТЫ В ПЕРИОД
ПЕРЕСТРОЙКИ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ НАСИЛИЕ**
RUSSIAN NATIONAL PATRIOTS IN REORGANIZATION
AND POLITICAL VIOLENCE

А.А. Фоменков

*Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского*

A.A. Fomenkov

Nizhny Novgorod state university of N.I. Lobachevsky

Анализируется проблема политического насилия в деятельности русского национально-патриотического движения в период перестройки. Основной упор сделан на изучение в этом аспекте деятельности общества «Память».

In article the problem of political violence in activity of Russian national and patriotic movement in reorganization is analyzed. The main emphasis is made on studying in this aspect of activity of the society "Memory".

Ключевые слова: перестройка, русские национал-патриоты, общество «Память», этнорадикалы

Keywords: perestroika, Russian national patriots, society "Memory", ethnoradicals

Нет сомнений, что последние годы перестройки стали временем расцвета политического насилия. В самом деле, в тот период в СССР вспыхнули межнациональные конфликты, действовал ряд организаций экстремистской направленности. Не обошли стороной указанные процессы и территорию РСФСР.

Отчасти в стремлении действовать насильственными методами по отношению к политическим оппонентам обвиняли русское национально-патриотическое движение, достаточно активно развивавшееся во второй половине 1980-х годов. Нельзя также не отметить, что среди этнических русских середины 1980-х годов имелось немало ксенофобов. В качестве противников им виделись в первую очередь евреи и армяне. Судя по всему, эти обстоятельства объясняются наличием достаточно большого количества представителей данных этносов на территории регионов РСФСР, компактно заселённых русскими, а также более высоким (в среднем!) уровнем их благосостояния. Некоторые русские этно-

радикалы даже мечтали о погромах, слухи о предстоящих датах каких иногда просачивались в массы[1]. Сами эти идеи, видимо, черпались из распространённых в виде изустно передающихся мифов о черносотенных погромах в России в начале XX века.

Наибольшую известность в рамках аморфного русского национально-патриотического движения второй половины 1980-х годов приобрело общество «Память». Вышедшие на лидирующие позиции в нём Д.Д. Васильев, И.С. Сычёв активно пропагандировали свои идеи, основанные во многом на антисемитизме. В результате вокруг общества «Память» нагнеталась обстановка. Указанной организации рядом журналистов были приписаны наличие влияния в различных эшелонах власти и наличие большого числа сторонников, включая даже боевиков[2]. Не случайно Европарламентом была даже принята резолюция с обращением к руководству СССР с требованием запретить деятельность организации[3].

18 января 1990-го года «Память» оказалась втянута в громкий скандал, связанный с потасовкой между политическими противниками в Центральном доме литераторов (адрес – Москва, ул. Герцена, ныне Большая Никитская, д. 53). Зачинщиком того мероприятия был К.В. Смирнов-Осташвили, возглавлявший «Союз за национально-пропорциональное представительство «Память»». Тот инцидент получил большой резонанс. Возникает вопрос о случайности или неслучайности проявленного мировой общественностью интереса к данной политической акции. В самом деле, полгода информировать читателей о вполне интеллигентской потасовке довольно-таки странно, тем более что в 1990-м году в СССР происходили куда как более кровопролитные события (в первую очередь в Закавказье). К тому же «титульные» этно-радикалы в союзных и автономных республиках выражали своё отношение к евреям в ещё более жёсткой форме, нежели это было в ЦДЛ. Так, например, «в мае 1990 г. произошёл погром евреев и армян в Андигане. ... Начиная с февраля того же года вандалы несколько раз оскверняли еврейское кладбище в Ташкенте. На массовых митингах Народного фронта Азербайджана в 1989–1990 гг. звучал лозунг «Без евреев и армян процветай, Азербайджан!». В акциях Народного фронта Молдовы в тот же период звучит ксенофобский лозунг «Русских – за Днестр, евреев – в Днестр!»»[4].

Применение по отношению к К.В. Осташвили ст. 74 УК РСФСР (разжигание межнациональной розни) в реалиях 1990-го года выглядит небесспорно – в самом деле, по аналогичной статье не были осуждены в

1990-м году и позже ни организаторы погромов в Сумгаите, ни участники массовых бесчинств в Баку и Фергане – событиях, несомненно более страшных и кровавых (к тому же и с национальным подтекстом!), нежели хулиганская выходка в ЦДЛ[5].

Необходимо также отметить, что в конце 1980-х годов стали формироваться структуры русского национально-патриотического направления, не именовавшие себя «Память». При этом часть из них буквально «выросла» из недр последней. Среди таковых отметим Русское национальное единство (РНЕ), созданное в 1990-м году А.П. Баркашовым[6] (родился в 1953 году). РНЕ стала главной структурой нацистской ориентации в России и быстро потеснила «Память» (имеются в виду все её ответвления) на ультраправом фланге отечественной политики. Русское национальное единство, равно как и иные организации со сходными программными установками, можно с некоторой долей иронии назвать обществами любителей Адольфа Алоизовича Гитлера. В РНЕ и ему подобных организациях имелись военизированные отряды, однако в период перестройки они были не только крайне малочисленными, но и малоизвестными широкой общественности. Их активная деятельность началась уже после распада СССР.

В целом же следует признать, что представления о готовности русских патриотов (пусть и не всех, но лишь части) к силовым акциям против своих оппонентов оказались мифом. Никаких погромов, слухи о которых часто муссировались во второй половине 1980-х годов, не произошло. Пожалуй, лишь два мероприятия могли считаться проявлением силы и нетерпимости по отношению к противникам – кроме хулиганской выходки в Центральном доме литератора к таковой можно отнести ограбление 16 мая 1990 года квартиры А.М. Верховского[7], профессионально занимавшегося изучением деятельности политических организаций и неоднократно высказывавшегося негативно в адрес общества «Память». В 1988 году общество «Память» демонизировалось в том числе и с помощью информации о членстве в этой организации некоего жителя Ижевска А. Бузунова, приговорённого к расстрелу за убийство трёх человек[8], причём связь между этим преступлением с обществом «Память», в том числе и с видным сподвижником Д.В. Васильева К. Андреевым, с которым А. Бузунов состоял в переписке[9], отсутствует. На фоне разгула этнобандитизма в то же самое время в ряде союзных и автономных республик эти эпизоды выглядят едва ли не образцом корректности. Разумеется, больше возможностей для появления силовых структур, нежели у большинства патриотических организаций, имелось

у казачества. Однако, как показала практика, количество случайных людей, откровенных «ряженных» и даже представителей криминалитета оказалось весьма существенным, в результате чего казачество не сумело стать столь же значимой силой как, например, вооружённые формирования в ряде союзных и автономных республик в начале 1990-х годов. Таким образом, ситуация в русском национально-патриотическом движении наглядно подтверждает тезис о том, что в РСФСР (за исключением нескольких автономий) проблема политического насилия стояла куда как менее остро, нежели в ряде других бывших союзных республик.

Литература

1. В Комитете государственной безопасности СССР // Ленинградская правда. – 1990. – 10 фев. – С. 5; Юхнёва, Н.В. Указ. соч. – С. 45.
2. Гутионов, П. Опасность справа / Павел Гутионов // Огонёк. – 1990. – № 10. – С. 19; Ерёмин, И. В "Памяти" и беспамятстве / Игорь Ерёмин // Огонёк. – 1989. – № 39. – С. 21; Катус, М. Тоска по Сталину, или "новый авангард марксизма" / Марина Катус // Огонёк. – 1990. – № 13. – С. 26; Лосото, Е. В беспамятстве / Е. Лосото // Комсомольская правда. – 1987. – 22 мая. – С.4; Лосото, Е. Слишком похоже / Е. Лосото // Комсомольская правда. – 1987. – 19 дек. – С. 4 и др.
3. Васильев, Д.Д. Я русский и делаю русское дело / Д.Д. Васильев. – Воронеж: ООО "Пресса ИПФ", 2009. – С. 6.
4. Маркедонов, С. Турбулентная Евразия: межэтнические, гражданские конфликты, ксенофобия в новых независимых государствах постсоветского пространства / Сергей Маркедонов. – М.: Московское бюро по правам человека, 2010. – С. 144.
5. Дёмин, В. Вечные революционеры / Вячеслав Дёмин // Наш современник. – 1990. – № 9. – С. 189.
6. Портнов, А. Организационная история и программные принципы движения Русское национальное единство (1990 – 2011 гг.) / Алексей Портнов // Власть. – 2008. – № 9. – С. 88.
7. Паншин, А. Русские патриоты не шутят / Александр Паншин // Коммерсантъ. – 1990. – 21 мая. – С. 14.
8. Ерёмин, И. В "Памяти" и беспамятстве / Игорь Ерёмин // Огонёк. – 1989. – № 39. – С. 19–21.
9. Ерёмин, И. В "Памяти" и беспамятстве / Игорь Ерёмин // Огонёк. – 1989. – № 39. – С. 21.

**ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО И ВНУТРЕННЕГО
УСЫНОВЛЕНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ**
**PROBLEMS OF INTERNATIONAL AND INTERNAL ADOPTION
AT THE CURRENT STAGE**

Е.Б. Ходырева

*Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского*

Е.В. Khodyreva

Nizhny Novgorod state university after N.I. Lobachevski

Рассматривается ряд вопросов международного усыновления, связанных с отсутствием единого органа, регулирующего усыновление за рубежом, а также необходимость усовершенствования российского законодательства. Анализируются проблемы адаптации детей, усыновленных как зарубежными, так и российскими гражданами, в частности, насилие, утрата этнических корней и национальной идентичности.

The article looks at a number of issues of international adoption connected with absence of a unified organ to regulate international adoption abroad and a necessity to update the respective Russian legislation. Also the problems of adopted children are analyzed, such as violence, loss of national identity and ethnic roots.

Ключевые слова: международное усыновление, законодательство, адаптация, усыновители, контроль, сироты, агентства

Keywords: international adoption, legislation, adaptation, fosters parents, control, orphans, and agencies

Одна из главных причин того, что российские граждане неохотно усыновляют детей – ненадлежащий уровень социально–экономических условий, в том числе жилищные проблемы, а также отсутствие государственной поддержки детей и семей с детьми. Коммерциализация медицинских услуг оставляет все меньше надежд для родителей, в том числе усыновителей, вылечить больного ребенка. Это один из серьезных факторов, тормозящих усыновление внутри страны[1]. Складывается впечатление, что законодатель создает все условия для стимулирования международного усыновления, а российские граждане могут усыновить ребенка только при условии, если они являются обеспеченными людьми. Понятно, что без необходимого материального дохода и нормаль-

ных жилищных условий надлежащее воспитание усыновленного ребенка затруднено, тем не менее, недопустимо, чтобы материальный аспект преобладал над морально-этическими качествами кандидата в усыновители. В противном случае нельзя говорить о достижении цели института усыновления как социального института.

На практике не только усыновители, но и сами дети сталкиваются с различными трудностями, особенно если усыновителями являются иностранные граждане. Речь идет о сложностях, связанных с адаптацией усыновленного ребенка на территории иностранного государства, в чужой стране. Это уникальный способ взаимодействия двух разных культур. По мнению специалистов, такое противоречие обусловлено различными материальными, социальными, психологическими ресурсами. Решение вопроса о международном усыновлении не может рассматриваться только в правовой плоскости. Цель усыновления состоит не только в том, чтобы ребенок приобрел свою семью, но и в том, чтобы интересы ребенка были максимально учтены в результате усыновления.

Проблемы, которые возникают в практике усыновления ребенка иностранными гражданами, способствуют выявлению реальной ситуации, сложившейся с внутренним усыновлением. Совершенно ясно, что необходимо проводить комплекс мероприятий, направленных на стимулирование, повышение привлекательности усыновления в нашей стране. Во-первых, необходимо стремиться к усовершенствованию действующего законодательства. Во-вторых, необходима реальная государственная поддержка в отношении семей, усыновивших ребенка, адресная социальная помощь усыновителям. Так, например, зарубежное законодательство предоставляет существенные льготы для усыновителей; в США компенсация при усыновлении ребенка достигает 10 тысяч долларов плюс выплата ежемесячного пособия на ребенка в размере 900 долларов [2]. В-третьих, нормы, регулирующие процедуру усыновления, нуждаются в конкретизации в части определения правового статуса представителей агентств, участвующих в процессе усыновления, а также обеспечения права на получение полной, достоверной и своевременной информации о детях усыновителями. В-четвертых, обеспечение оптимальных условий для российских усыновителей, реализация их приоритета невозможны без подготовки кадров, узких специалистов для работы с детьми и их родителями. В частности, в США созданы так называемые адаптационные центры, где специалисты разного профиля (педагоги, врачи, социальные работники) помогают семьям, усыновившим ребенка, установить с ним межличностный контакт. Помогают они

и самим детям, которые оказались в другой стране, и им необходима помощь для "освоения" в чужой для них обстановке.

В вопросах адаптации детей-сирот в новых семьях в западных странах (а теперь и в Восточной Европе) большую роль играют разнообразные религиозные организации и общины. Церковные центры помощи семьям в Западной и Восточной Европе особое внимание уделяют будущим родителям, желающим усыновить ребенка. Архиепархиальная консультация по вопросам усыновления во Вроцлаве (Польша), например, занимается всесторонней подготовкой будущих приемных родителей к появлению ребенка в их семье. После беседы с психологом и прохождения соответствующих психологических исследований супруги приглашаются как минимум на три групповые учебные встречи с психологами, длящиеся в общей сложности около четырех часов. Главная цель этих занятий – психологическая поддержка супругов, ожидающих усыновления ребенка, трансляция знаний из области практической психологии и получение консультантами дополнительной информации о будущих родителях[3].

В-пятых, отсутствие действенного механизма контроля над судьбой усыновленных детей на территории иностранного государства требует проведения конкретных мероприятий на международном уровне. В частности, государствам предлагается заключать двусторонние договоры между собой либо ратифицировать Гаагскую конвенцию от 29 мая 1993 г. "О защите детей и сотрудничестве в области международного усыновления". Даже если будут созданы условия для принятия решения о ратификации данной Конвенции, усыновление должно осуществляться с учетом основополагающего принципа, закрепленного в этом документе, а именно: "Иностранное усыновление может предоставить ребенку преимущества, связанные с наличием постоянной семьи, если подходящая семья не может быть найдена для него в стране происхождения"[4]. Таким образом, усыновление иностранцами рассматривается только в качестве альтернативного способа устройства ребенка.

Меры, направленные на повышение привлекательности усыновления, не принесут желаемого результата до тех пор, пока отношение нашего общества к усыновлению принципиально не изменится. Другими словами, необходимо учитывать социокультурную обстановку, принимать во внимание социальный контекст, в котором происходит этот процесс. На Западе усыновление – это нормальное явление, потому что всегда престижнее иметь семью и детей, если даже они не свои, нежели оставаться бездетным. К тому же перед усыновителями не возникает

того ужасного психологического барьера, который приходится преодолевать нашим соотечественникам. От усыновленного ребенка не будут скрывать, что он в семье не родной. В России же усыновители прилагают все возможные усилия, направленные на сохранение тайны усыновления: переезжают в другие районы и города, инсценируют беременность, только чтобы никто не заподозрил, что ребенок у них неродной. Страх усыновителей оказаться "разоблаченными" в кругу знакомых, друзей, других лиц оказывается сильнее по сравнению с желанием создать ребенку нормальные психологические условия для его адаптации в новой семье[5].

Многим детям международное усыновление действительно необходимо. Речь идет в первую очередь о тяжелобольных: в России их усыновляют неохотно, а по казенной линии лечение оставляет желать лучшего. На Западе лечение и условия для людей с ограниченными возможностями гораздо благоприятнее. Однако при существующих правилах, когда на международное усыновление передаются только дети, неусыновленные в России в течение 6 месяцев нахождения в банке данных, ускорить этот процесс невозможно, даже если очевидно, что наносится существенный урон здоровью и развитию ребенка. В случае дальнейшего сворачивания программ международного усыновления удар будет нанесен по наиболее беззащитным нашим гражданам – тяжелобольным сиротам, практически не имеющим шанса ни на усыновление, ни на качественную медицинскую помощь в России.

Особым аспектом в рассмотрении вопросов как внутреннего, так и международного усыновления является насилие над приемными детьми в семьях. Бесспорен тот факт, что появление усыновленного ребенка в семье приводит к существенным изменениям в ее статусе и динамике развития, к перестраиванию этапов ее жизнедеятельности и усложнению межличностных связей и отношений. Эти обстоятельства требуют продуманной системы мер по подготовке будущих родителей к реализации в естественных условиях семейного воспитания своих новых обязанностей. При этом, российские усыновители, в своем большинстве, являются сторонниками закрытого усыновления, то есть они скрывают факт принятия ребенка как от окружающих, так и от самого малыша. Страх перед раскрытием тайны усыновления заставляет замещающих родителей находиться в постоянном напряжении. Что в свою очередь, во-первых, приводит к ограничению общения с ближайшими родственниками, друзьями, соседями; во-вторых, постоянная фиксация внимания на данной проблеме не позволяет им качественно выполнять свои роди-

тельские функции, выстраивать должным образом отношения с усыновленным ребенком. И, в-третьих, в случае раскрытия факта усыновления, с чем нередко сталкиваются замещающие родители, особенно в небольших городах, они оказываются неспособными помочь себе и ребенку справиться с кризисной ситуацией.

Столкнувшись с данной проблемой, взрослые люди чувствуют себя обманутыми, они жалеют о своем поступке, но вынуждены, боясь осуждения общественности, сосуществовать с этим ребенком. Все свои обиды за неоправданные надежды, осложнившиеся отношения внутри семьи они вымещают на ребенке, хотя, как правило, для окружающих усердно демонстрируют заботу и любовь к малышу. Жестокое обращение с детьми понимается как любые умышленные действия или бездействия приемных родителей, от которых ребенок находится в зависимости, наносящие ущерб его физическому или психологическому здоровью, нарушающие развитие личности ребенка[6].

Конфликт между ожиданиями и действительностью протекает часто неосознанно. Складывается он на фоне жизненного опыта родителей, их реальной жизненной ситуации, культурных потребностей. В ребенке сосредоточены надежды и ожидания родителей так же, как и страх, сможет ли ребенок реализовать желаемое. Родители зачастую даже не подозревают о том, что у ребенка могут быть свои желания и возможности, не отвечающие требованиям родителей. Чтобы не допустить конфликта, родители должны искать баланс между своими собственными желаниями и желаниями ребенка. Приемные родители, которые жестоко обращаются с детьми, не могут найти этого баланса. Они не могут осознать, что в то время как они сами себя ощущают субъектом в отношениях с ребенком, для ребенка они являются в такой же мере объектом. Насилие в таком случае — попытка избежать требований этого баланса, на первое место выходят желания и потребности ребенка. Как показывает опыт сопровождения семей усыновителей, где дети подвергались различным формам насилия, тщательный отбор и предварительная подготовка потенциальных родителей в большинстве случаев могла бы способствовать предотвращению нарушения внутрисемейных отношений.

Литература

1. Летова И.В. Усыновление в Российской Федерации: правовые проблемы. [Электронный ресурс] // Юридический портал LawMix.ru URL:

<http://www.lawmix.ru/commlaw/1193>. М., 2006, с. 71-90 (дата обращения 17.09.12)

2. Charges by agency. Article 7 §7-104 [Электронный ресурс] // Uniform Adoption Act. URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Uniform_Adoption_Act (дата обращения: 26.09.12).

3. Захарова Ж.А., Свешников С.Ю. Быть всегда рядом: методическое пособие для приемных родителей, Кострома: Авантитул, 2007.

4. Гагская конвенция о сотрудничестве в области международного усыновления от 23.05.93 Электронный ресурс // URL: http://pravarebenka33.ru/company/the_hague_convention_on_cooperation_in_respect_of_intercountry_adoption.php

5. Проблема детей-сирот в российском общественном мнении. Социологическое исследование // Беспризорник. 2004, №6, с. 28-31.

6. Захарова Ж.А. О насилии в семьях над усыновленными детьми [Электронный ресурс] // Предотвращение насилия в семье URL: <http://www.vetkaivi.ru/main/kids?id=92> (дата обращения: 28.09.12).

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ ОГРАНИЧЕНИЕ НАСИЛИЯ

СЕКСУАЛЬНОЕ НАСИЛИЕ КАК ОБЪЕКТ КУЛЬТИВИРОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ SEXUAL VIOLENCE AS AN OBJECT OF CULTIVATION IN MODERN SOCIETY

Н.М. Белоусов, Я.А. Серпухов

*Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского*

N.M. Belousov, Y.A. Serpuhov

Nizhny Novgorod State University of N. Lobachevsky

Проблема защиты прав и законных интересов личности в сфере сексуальных отношений в настоящее время привлекает огромное внимание общественности. По данным статистики, каждое восьмое преступление в стране – это насильственное преступление [1], что и актуализирует исследования данного феномена.

Protection of human rights in the sphere of sexual behavior is a very significant problem. According to the statistics, every eighth crime is a crime of violence. This circumstance accounts for the importance of this topic.

Ключевые слова: насилие, сексуальное насилие, домогательство, сексуальное принуждение, гендерная дискриминация, растление, виктимное поведение

Keywords: violence, sexual violence, harassment, sexual abuse, gender discrimination, victim behavior

В статье 21 Конституции РФ говорится: «Никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию», и, тем не менее, насилие имеет негативную тенденцию к распространению.

Для понимания сути явления «*насилие*» необходимо вначале разобратсья с этимологией данного слова.

Насилие или насильство означает принуждение, неволя, нужда, силованье, то есть действие стеснительное, обидное, незаконное и своевольное [2].

В юридическом смысле слово «*насилие*» понимается как физическое или психическое воздействие одного человека на другого, нарушающее право граждан на личную неприкосновенность (в физическом и духовном смысле) [3].

Одной из распространенных форм насилия является *сексуальное насилие*.

Сексуальное насилие, на наш взгляд, определяется как любые действия против половой свободы человека с использованием принуждения, совершаемые человеком независимо от его взаимоотношений с жертвой, в любом месте.

Мы считаем, что основой сексуального насилия является сексуальная агрессия. Она проявляется в трех основных формах: сексуального домогательства, принуждения и собственно самого насилия.

Самое мягкое и распространенное из них – *сексуальное домогательство*, что означает навязчивое приставание в форме физического или вербального воздействия, вопреки ясно выраженному нежеланию лица.

Сексуальное принуждение как вторая форма проявляется, когда человек добивается сексуальной близости с другим вопреки его воле, но не прибегая к насилию. Учитывая возможность притворного, условного сопротивления, в силу того что в России, где традиционные полоролевые стереотипы сильнее, чем на Западе, уголовный кодекс в статье 133 наказывает за «понуждение к действиям сексуального характера», только если оно осуществлялось такими способами, как шантаж, угроза уничтожения, повреждения или изъятия имущества либо с использованием материальной или иной зависимости потерпевшей или потерпевшего.

Крайняя форма принуждения – *сексуальное насилие*: изнасилование, то есть половое сношение с применением физического насилия или с угрозой его применения к потерпевшей или к другим лицам, либо с использованием беспомощного положения потерпевшей (статья 131 УК РФ), или другие насильственные действия сексуального характера (статья 132 УК РФ).

В эпоху информатизации и демократизации общества сексуальное насилие благодаря некоторым факторам становится краеугольным камнем на пути развития человечества в целом.

Можно выделить несколько причин, влияющих на повышение уровня сексуального насилия:

1. Свобода СМИ.

После развала СССР Россия поставила задачу выйти на новый уровень развития и произвести демократизацию и гуманизацию условий жизни. Однако был упущен тот факт, что закрепление на конституционном уровне свободы СМИ способствовало разрушению нравственных идеалов. Необходимо подчеркнуть, что большой объём насилия, показываемого в СМИ, негативно влияет на сознание и стереотипы сексуального поведения в обществе, деформацию половой морали.

Из этого можно сделать вывод, что Российская Федерация столкнулась с таким явлением, как «*gare culture*», уже давно и часто описываемое на Западе. На русский язык это понятие переводят как «культура сексуального насилия», представляющее собой комплекс убеждений, поощряющих сексуальную агрессию у мужчин и одобряющих насилие против женщин.

2. Гендерная дискриминация.

Историко-этнографические данные показывают, что сексуальное насилие чаще встречается в тех обществах, где мужские и женские роли резко обособлены и где власть принадлежит мужчинам. Там, где взаимоотношения полов более равноправны, насилие встречается реже.

В обществе издревле существует парадигма, что мужчина по своей сути является «завоевателем» по отношению к женщине. Это задаёт жёсткие рамки для восприятия и проявления мужской сексуальности, вплоть до того, что подталкивает мужчину к нежелательному сексу. Таким образом, это явление непосредственно связано с гендерными ролями и губительно и для женщин, и для мужчин, ограничивая их самовыражение и причиняя им психологический вред.

3. Растление детей.

Американский врач С. Кемпе (1961) определил сексуальное насилие над детьми как «вовлечение функционально незрелых детей и подростков в сексуальные действия, которые они совершают, полностью их не понимая, на которые они не способны дать согласие или которые нарушают социальные табу семейных ролей».

Исследователи сходятся в том, что при сексуальном насилии в семье насильниками, как правило, являются лица мужского пола, молодого и

зрелого возраста, с низким образовательным уровнем и социальным статусом, значительная часть которых имеет не только определенный опыт асоциального поведения, но и наличие судимости.

Данные события в жизни ребенка, безусловно, наносят ему сильнейшую психологическую травму, которая впоследствии может привести к психическим расстройствам.

4. Виктимное поведение потерпевших.

В реалиях современной жизни нередки случаи, когда совершение преступлений обусловлено виктимным поведением потерпевшего. Можно выделить типологию виктимного поведения.

Первым типом является провоцирующее, когда жертва из потенциального преступника делает реального. Такие жертвы характеризуются прежде всего своим дерзким поведением, ведут себя и одеваются вызывающе, что в конечном итоге и приводит к трагедии.

Вторым типом будет поведение, способствующее совершению преступления. Примером может служить неизбирательный путь следования потенциальной жертвы через гаражи в темное время суток, через пустыри, мимо компаний находящихся в состоянии опьянения.

В отдельную группу можно вынести малолетних и пожилых женщин как самый социально незащищенный слой.

В процессе совершения преступного деяния сами жертвы проявляют различное отношение к посягательству. Некоторые проявляют пассивное подчинение, которое характеризуется снижением двигательной активности и выполнения всех требований насильника. В других случаях жертва выбирает пассивно-оборонительный вариант поведения, при котором пытается оказать незначительное сопротивление. В конечном итоге эти робкие попытки переходят в стремление вызвать жалость, но для насильников это в большинстве случаев оказывается стимулом к реализации задуманного. Нередки случаи провоцирующего поведения, когда жертва стремится к эротическим переживаниям, но не желает вступления в половой акт. Реализуя тем самым неправильную линию своего поведения, такая жертва превращается из потенциальной в реальную.

5. Латентность преступности.

Официальные статистические данные не в полной мере олицетворяют динамику анализируемых событий в силу того, что в поле зрения не попадают так называемые латентные (скрытые) преступления.

Латентность преступности зависит от многих факторов, но прежде всего в отношении сексуальных насилий большую роль играет нежелание потерпевшего идти в правоохранительные органы, мотивируя это тем, что преступление уже было совершено, а его огласка может повредить их дальнейшей жизни (карьере, семейным отношениям и т.д.).

В соответствии с официальными статистическими данными, по Нижегородской области в 2010 году зарегистрировано 153 изнасилования, в 2011 году 61 преступление в данной сфере. Прослеживается тенденция уменьшения раскрываемости преступлений: так, в 2010 году доля раскрытых изнасилований составила 83,2%; в 2011 году – 74,1%; за 7 месяцев 2012 года при количестве изнасилований 38 доля раскрытых составила 46% [4].

Считаем интересным отметить, что изнасилование во время свидания (date rape) не подходит под классическую схему изнасилования и часто не воспринимается как таковое. Только 5% изнасилованных женщин обращаются в полицию, и лишь 27% вообще считают себя изнасилованными; из мужчин же свой поступок «изнасилованием» не признает ни один [4].

Кроме насилия при свиданиях, очень часты так называемые супружеские изнасилования, когда муж, обычно пьяный, осуществляет свои «права» вопреки желанию жены. Однако такие случаи почти не попадают в поле зрения правосудия, разве что сексуальное насилие сопровождалось особенно жестокими побоями. Люди не хотят разрушать брак, выносить сор из избы и т.д., а потому и соседи предпочитают в такие дела не вмешиваться.

На наш взгляд, для изменения ситуации в данной сфере и снижения уровня сексуального насилия необходимо следующее:

- создание программ по борьбе с распространением наркомании и алкоголизма;
- создание учебных программ, включающих специальное сексологическое образование, основы безопасного общения, охватывающих детей и подростков, родителей, педагогов, сотрудников служб социальной защиты и милиции;
- создание специализированных сексологических лечебно-реабилитационных центров с достаточным врачебным, психологическим и педагогическим штатом (например, на базе женских консультаций, поликлиник);
- активная работа в СМИ.

Хочется верить, что ситуация с сексуальным насилием в нашей стране в будущем коренным образом изменится, а сейчас можно исходить лишь из существующих реалий.

Литература

1. Шикун И.П., Андреева С.Ю. Виктимологическая профилактика семейно-бытового насилия в отношении женщин: проблемы и перспективы развития // Российский следователь. – М.: Юрист, 2011. – № 21. – С. 26-28.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 тт. т 2: и – о – Оформл. «Диамант». – СПб.: ТОО «Диамант», 1998. – 468 с.
3. Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю. Юридическая энциклопедия / Под ред. М.Ю. Тихомирова. – М.: 1997, – 256 с.
4. Статистика Прокуратуры Нижегородской области за 2010-2012 год.

ПРОБЛЕМА ПСИХИЧЕСКОГО НАСИЛИЯ ПРИ ДОПРОСЕ THE PROBLEM OF MENTAL VIOLENCE DURING INTERROGATION

С.Н. Емельянова

*Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского*

S.N. Emelyanova

Nizhny Novgorod State University of N. Lobachevsky

Допрос – это способ получения следователем информации от соответствующих участников процессуального процесса. Он связан с активной познавательной деятельностью самого следователя, который ставит задачу получения относящихся к делу показаний, непосредственно в ходе следственного действия принимает меры к проверке и оценке достоверности показаний. Одним из возможных средств получения информации является психологическое насилие, которое недостаточно законодательно ограничено.

Questioning is a method of obtaining the investigator information from the respective participants of the procedure of the process. It is connected with active cognitive activity of the investigator, who has the task of getting the relevant evidence, directly in the course of the investigative activities take measures for the verification and assessment of the credibility of the witness. One of the possible means of obtaining the information is psychological violence, which is not enough legislatively limited.

Ключевые слова: допрос, психическое насилие, психическое воздействие, психологическая манипуляция

Keywords: interrogation and psychological violence, mental health impact, psychological manipulation

Допрос является наиболее распространенным следственным действием. В соответствии с ч.2 ст. 189 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее УПК РФ), «Задавать навоящие вопросы запрещается. В остальном следователь свободен при выборе тактики допроса» [1]. При этом ч.4 ст.164 УПК РФ гласит: «при производстве следственных действий недопустимо применение насилия, угроз и иных незаконных мер, а равно создание опасности для жизни и здоровья участвующих в них лиц» [1]. В теории уголовного права преступное насилие традиционно подразделяется на два вида: физическое и психическое. Определений данных понятий в законодательстве не содержится, поэтому в соответствии с традиционным подходом, психическое насилие понимается исключительно как угроза применения физического насилия либо совершения иных противоправных действий. Иные противоправные действия могут выражаться в причинении душевной или психической травмы, путем обмана, шантажа либо с помощью противоправного психологического воздействия, направленного на подавление воли потерпевшего для достижения преступного результата, нужного виновному. В связи с отсутствием законодательного урегулирования данного понятия, возникает проблема установление границы между правомерным воздействием и психическим насилием, которые оказываются при проведении допроса.

Важно отметить, что психическое насилие является результатом двух видов воздействия – психического и психологического. Но если психическое воздействие является неправомерным всегда, то психологическое – может быть как правомерным, так и нет.

Прежде всего, необходимо установить критерии правомерного психологического воздействия, которое может оказываться на допрашиваемого. Анализируя критерии правомерности психологического воздействия, представляется целесообразным выделить в качестве основных следующие три:

- 1) сохранение за адресатом воздействия свободы выбора своей позиции, наличие условий для ее выбора;
- 2) правомерность целей воздействия;
- 3) результатом воздействия является изменение взглядов, установок.

Следовательно, все тактические приемы и комбинации, применяемые следователем в ходе допроса, не соответствующие данным критериям, могут рассматриваться как психическое насилие.

В доктрине и практике выработано большое количество рекомендаций по проведению допроса. Однако не все из них соответствуют вышеизложенным критериям правомерности психологического воздействия и могут неверно ориентировать следователя на применение тактических приемов, фактически содержащих психическое насилие. Ученые-психологи справедливо указывают, что некоторые виды психологического воздействия могут иметь негативный эффект для адресата воздействия.

Так, например, существует рекомендация проводить допросы в критические периоды биоритмов допрашиваемого. Это обосновывается тем, что в данные дни на допросах обвиняемые чаще дают путанные, противоречивые ответы, невольно выдавая себя и способствуя тем самым своему разоблачению. Также рекомендуется использовать слабые места личности. К числу слабостей личности можно отнести недостатки интеллекта, трусливость, вспыльчивость, тщеславие, прямолинейность и т.п. Данная методика используется для нейтрализации сопротивления допрашиваемого, устранения возникающих противоречий, получения правдивых показаний.

Анализируя данные методики и критерии правомерности психологического воздействия, можно сделать вывод, что они являются незаконными мерами принуждения к даче необходимых следователю показаний. В данном случае происходит эксплуатация тяжелого психологического состояния допрашиваемого, которое складывается у него в силу объективных закономерностей, что нарушает принцип уважения чести и достоинства личности, предусмотренный ст.9 УПК РФ. Кроме того, данные приемы могут существенно ограничивать либо полностью лишать свободы выбора допрашиваемого лица. Таким образом, это является психическим насилием в форме противоправного психологического воздействия.

Психическое насилие могут содержать и тактические приемы, основанные на использовании психологической манипуляции. В криминалистической литературе рекомендуются манипуляционные тактические приемы, основанные на «предоставленной противодействующим лицам возможности выбора решения при дефиците информации»; «инерционности мышления, стандартности решения противодействующим лицом возникшей перед ним задачи» [2, 615]. Однако все манипуляционные

приемы подразумевают использование скрытой, обманной тактики и имеют целью удовлетворение интересов воздействующего за счет интересов допрашиваемого. «Способы манипуляции, основанные на использовании стереотипов мышления, наиболее подробно исследовались зарубежными учеными, при этом исследователи справедливо оценивали их как ограничивающие свободу волеизъявления лица, подвергнутого такому воздействию» [3]. Следовательно, манипуляция не соответствует критериям правомерности психологического воздействия и является психическим насилием.

Таким образом, можно сделать вывод, что рассмотренные тактические приемы, по сути, рекомендуют применение в ходе допроса психического насилия, поскольку в рекомендациях не содержатся критерии разграничения правомерного воздействия и психического насилия. Данная проблема, как уже было сказано, возникла в связи с отсутствием законодательного определения понятия психического насилия. В связи с этим представляется целесообразным включить определение психического насилия в Уголовный кодекс РФ. Кроме того, для более эффективной возможности разграничения правомерного психологического воздействия и психического насилия, необходимо поставить выбор тактики допроса, в частности, применение приемов допроса, основанных на психологическом воздействии, в зависимости от критериев правомерности психологического воздействия, которые необходимо законодательно зафиксировать. Это в свою очередь позволит контролировать правомерность действий следователя при допросе.

На наш взгляд, более удачным является следующее определение психического насилия: «Психическое насилие – это воздействие на организм другого человека посредством оказания влияния на его психику с помощью угроз применения физического насилия либо совершения иных действий, нарушающих права и законные интересы граждан, обмана, шантажа либо с помощью противоправного психологического воздействия, основанного на использовании закономерностей человеческой психики и стереотипов социального поведения личности, с целью преодоления воли потерпевшего, для достижения преступного результата, нужного виновному» [4].

Литература

1. Сборник законодательства РФ, 24.12.2001, N 52 (ч. 1), ст. 4921
2. Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Росинская Е.Р. Криминалистика. Уч. для вузов / Под ред. Р.С. Белкина. – М.: НОРМА, 2001.

3. Чалдини Р. Психология влияния. – СПб, Питер, 2002. С. 256-257; Нельсон Т. Психология предубеждений. Секреты шаблонов мышления, восприятия и поведения. – СПб.: «Прайм-Еврознак», 2003. – С. 19, 380. Хассен С. Освобождение от психологического насилия. – СПб.: «Прайм-Еврознак», 2001. – С. 83
4. Иванова В.В. Преступное насилие. Уч. пособие для вузов. – М.: ЮИ МВД РФ, Книжный мир, 2002. – С. 16.; Тер-Акопов А.А. О правовых аспектах психической активности и психологической безопасности человека // Государство и право. – 1993. – № 4. – С. 93.; Наумов А.В. Уголовно-правовое значение насилия // Насильственная преступность / Под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова, Институт государства и права Рос.акад.наук. – М.: Спарк, 1997. – С. 51.

**ДЕДОВЩИНА КАК РАЗНОВИДНОСТЬ НАСИЛИЯ
В СИЛОВЫХ СТРУКТУРАХ СТРАНЫ
VIOLENCE AGAINST YOUNGER CONSCRIPTS IN THE ARMY
AS A KIND OF VIOLENCE IN THE RUSSIAN SECURITY,
DEFENCE AND LAW ENFORCEMENT AGENCIES.**

А.С. Зиновьева, Л.А. Сырова
*Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского*
A.S. Zinov'eva, L.A. Syrova
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Рассмотрено распространенное в нашей российской действительности явление «дедовщина» как форма неуставных взаимоотношений в виде эксплуатации, психологического и физического насилия.

Events of violence against younger conscripts in the army as a form of violence among servicemen are considered. These happenings are widespread in the modern Russia and can become apparent as exploitation, psychical and physical violence.

Ключевые слова: дедовщина, «дед», неуставные взаимоотношения

Keywords: violence against younger conscripts in the army, old-timer (conscript), acts of violence among servicemen

Долгие годы длится дебаты о дедовщине в российской армии. Если обратиться к словарю, то можно встретить определения следующего плана, что дедовщина – это сложившаяся в Вооружённых Силах иерар-

хическая система взаимоотношений между военнослужащими низшего армейского звена (солдатами, ефрейторами, сержантами), основанная на их ранжировании, «сортировке» по признаку величины фактически выслуженного срока службы каждого конкретного индивида и связанной с этим дискриминацией, одна из разновидностей неуставных взаимоотношений.

Её формы проявления могут заключаться как в психологическом, так и физическом насилии, которое во все времена признавалось самым простым и эффективным методом отстаивания своих интересов. В армии, как и в любой другой жесткой системе, хорошего и приятного мало, а плохого и тяжелого очень много. Потому у более наглых и сильных всегда есть соблазн подчинять себе другого. Отсюда и возникает большое количество конфликтов.

А откуда берет свои истоки данная разновидность насилия в российской армии?

Считается, что данный порок армии как дедовщина перекочевал из еще советской армии, но уже в более жесткой форме выражения. С шестидесятыми годами прошлого столетия связывают появления данной проблемы в Вооруженных Силах, когда сокращался срок службы с трех до двух лет. И как следствие, новобранцы стали вызывать раздражение «дедов», которые по-своему устанавливали «справедливость». В качестве «дедов» выступали люди, перенесшие все тяготы войны и победу, которые не были уволены в запас после ее завершения, имели за плечами годы службы и которые имели моральное право, если не на демобилизацию, так на отдых. Все это выразилось в возложении основной нагрузки по несению должностных войсковых обязанностей на новобранцев. Следует отметить, что тогда это не воспринималось как несправедливость, тем более как форма насилия. А если и относить это к дедовщине, то она имела более «мягкую» форму по сравнению с той, которая существует сегодня.

Дедовщина является одной из разновидностей неуставных взаимоотношений, которые могут выражаться на практике в следующем. У новобранцев сразу по прибытии в часть «деды» отбирают деньги, продукты и новую форму. Если новобранец сопротивляется, «деды» зачисляют его в «непонятливые» и после этого доводят его до изнеможения хозяйственными работами или физическими упражнениями.

Особо почитаемый «дедами» ритуал, который начинается ровно за 3 месяца и 10 дней до приказа министра обороны об увольнении старослужащих из армии. Это так называемая «стодневка». Забавы дедов мо-

гут быть различными. Самое распространенное это каждую ночь молодые солдаты должны класть под подушку дембелям сигареты, на которых должно быть написано, сколько «дедушке» осталось до приказа. Непослушных ждет издевательское наказание. Солдаты могут заставить рассказывать «дедам» сказки по ночам или петь им колыбельные по заказу. Кто путает слова, будет учить их всю ночь без сна.

Но ведь «конфискация», «стодневка» – примеры еще нормальной системой отношений. Бывает и хуже, начиная с синяка под глазом, полуманьями ребрами и заканчивая самоубийством или убийством. Явление это можно обозначить как терроризм, который можно встретить везде: на улице, в школе, в армии, в тюрьме. В последних двух случаях это наиболее грубые формы, так как нет путей убежать или скрыться от такого насилия.

Все это является нарушением прав человека, ведет к снижению уровня военной подготовки военнослужащих, снижению числа призывников, а в итоге к общей боеготовности армии.

Причин проявления дедовщины существует большое множество. Среди них можно назвать следующие:

социально-экономические: возможность получения материальной выгоды за счет использования чужого труда;

правовые: отсутствие внутренних механизмов защиты одних членов сообщества от агрессии со стороны других (в армии – за порядок официально отвечают офицеры, фактически они выполняют эту функцию настолько, насколько хотят). Здесь же можно отметить малую эффективность рычагов воздействия на рядовой и сержантский состав;

необходимость выполнения работ, не относящихся к непосредственным целям и задачам сообщества, но отнимающих время и не являющихся популярным, например, хозяйственные работы. Существует противоположная точка зрения, согласно которой дедовщина развивается в условиях лишнего свободного времени у военнослужащих, и что новобранцу лучше заниматься хозяйственными работами, чем сидеть в казарме и быть объектом иерархических экспериментов «дедов»;

конечно, и человеческий фактор здесь играет немалую роль. Зачастую «деды» мстят за свое унижение, которое они испытали в начале службы.

В армии преступления на почве дедовщины предпочитают скрывать, латентность преступности в разы превосходит «гражданку». Данные сведения не могут быть открытыми, их публикация будет свидетельствовать о недостатке боевой готовности, а за выявленные случаи ко-

мандиров подразделений ждут строгие меры: их могут не повысить в звании или понизить в должности, либо вообще уволить из рядов Вооружённых Сил.

Когда факты дедовщины «всплывают» и проводится разбирательство с участием армейской прокуратуры, действия военной прокуратуры далеко не всегда эффективны.

С увеличением в два с половиной раза призыва в казарме, к сожалению, стало больше мордобоя и издевательств. Нам известна статистика на май 2012 года: если за весь прошлый год было зафиксировано 2163 неуставных преступления, то за пять месяцев нынешнего их уже набралось 1172.

Несмотря на то, что дедовщина имеет много объективных предпосылок, известны случаи (Приволжско-Уральский военный округ), когда младший призыв создавал организацию, своего рода «профсоюз», и при поддержке командования подразделения избавлялся в целом от проявлений дедовщины. И ранее, еще в советской армии, известны были случаи принятия эффективных мер борьбы, которые позволяли, если не полностью изжить дедовщину, так хотя бы смягчить ее проявление. Примером может служить издания приказа № 0100 1982 года «О борьбе с неуставными отношениями», в соответствии с которым ужесточилась борьба с дедовщиной и на местах стали с ней бороться (стали ночевать в казармах, а как известно именно в ночное время совершается действий насильственного характера; стали наблюдать за происходящем в парке и другие меры).

В заключение хотелось бы отметить, что, несмотря на все выше сказанное, в нашей стране по-прежнему остается уважение к армии и остаются надежды, что в ближайшем будущем будут приняты эффективные меры, позволяющие преодолеть порок российских Вооруженных сил под названием дедовщина.

**ПРОБЛЕМА ДОПУСТИМОСТИ НАСИЛИЯ В РЕЛИГИОЗНЫХ
ИСТОЧНИКАХ ПРАВА. ВЕТХИЙ ЗАВЕТ И ТАЛМУД
О РОЛИ НАСИЛИЯ В РЕГУЛИРОВАНИИ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ**
**PROBLEM OF VIOLENCE ADMISSIBILITY IN RELIGIOUS LAW
SOURCES. OLD TESTAMENT AND TALMUD ABOUT
THE ROLE OF VIOLENCE IN REGULATION
OF INTERNATIONAL RELATIONS**

Е.В. Калинина

*Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского*

E.V. Kalinina

Nizhny Novgorod State University

Анализируется подход иудейской официальной традиции к решению проблемы применения насилия.

The article analyses Jewish official approach to the problem of violence application.

Ключевые слова: иудаизм, религиозное право, Тора, Ветхий Завет, Талмуд, насилие, война

Keywords: Judaism, religious law, Torah, Old Testament, Talmud, violence, war

Вопрос о допустимости и оправданности применения насилия в общественных отношениях издревле поднимался как светскими, так и религиозными мыслителями. И по сей день проблема остается неразрешенной. Что говорить о светском правовом регулировании, если Священные Писания ряда религий содержат описания актов насилия, а в некоторых случаях даже оправдывают таковое. Одним из таких источников считается Ветхий Завет. По утверждениям исследователей Библии, в политико-правовом учении Ветхого Завета проблема войны предстает одной из наиболее явных. Такое внимание к праву войны и праву применения насилия в международных отношениях объясняется закономерностями развития сообществ Древнего Востока. Создается впечатление, что Тора оправдывает войны. Достаточно обратить внимание на следующие фрагменты. Второзаконие 20:13-14: *«Порази в нем весь мужской пол острием меча, только жен и детей и скот и все, что в*

городе, всю добычу его возьми себе и пользуйся добычею врагов твоих, которых предал тебе Господь Бог твой...» Или: «А в городах сих народов, которых Господь Бог твой дает тебе во владение, не оставляй в живых ни одной души, но предай их заклятию...» (Втор. 20:16-17). В книге Числа содержатся не менее красноречивые наставления: «Убейте всех детей мужского пола, и всех женщин, познавших мужа на мужском ложе, убейте...[1]». «А жен Мадиямских и детей их сыны Израилевы взяли в плен, и весь скот их, и все стада их и все имение их взяли в добычу...» (Числ. 31:9). В Ветхом Завете имеются и другие аналогично жестокие описания.

Эти отрывки, будучи «вырваны» и использованы вне контекста, действительно приводят к мысли о чрезмерной кровожадности как самой иудейской религии, так и еврейского общества в целом.

Полагаем целесообразным развенчать бытующее мнение, кратко проанализировав взгляд иудаизма на заявленную проблему.

Иудейская традиция выделяет войны предписанные (Богом) и дозволенные. Современные еврейские правоведы предлагают также включить в классификацию войны запрещенные. Только предписанные войны иудеи могут вести с безусловной поддержкой Всевышнего, поскольку эти военные действия связаны с осуществлением высшей цели:

1) возмездие «провинившимся» народам, которым инкриминируется либо массовое кровопролитие, либо крайне безнравственное поведение (связанное, в том числе с языческими культами), либо и то и другое вместе;

2) лишение «провинившихся» народов их территории и передача данной земли в награду тем, кто выступит в роли поборников чистоты нравов.

Большая часть из перечисленных фрагментов (Числ. 31:9, 31:17; Втор. 20:13-14, 20:16-17, Иисус Навин – 6:20, 10:30) описывают события предписанной войны, т.е. войны по завоеванию Земли Обетованной.

Более того, упомянутым стихам 13-14 Гл.20 Книги Второзакония («Порази в нем весь мужской пол острием меча, только жен и детей и скот и все, что в городе, всю добычу его возьми себе и пользуйся добычею врагов твоих, которых предал тебе Господь Бог твой...») предшествует пояснение, из которого следует, что описанную жестокость следует применять только по отношению к захваченному с оружием в руках противнику (речь идет об осаде (Втор., 20:12)), но предварительно осажденным следует предложить мир (Втор. 20:10). Ведущий еврейский правовед эпохи Средневековья Маймонид поясняет: «осажая город с

целью завоевания, мы не должны окружать его со всех четырех сторон, но лишь с трех, оставляя, таким образом, путь к бегству любому, кто захочет спасти свою жизнь[2]».

Еврейская традиция принимает в качестве безусловно предписанной только войну по захвату Земли Обетованной. Допустимость всех остальных военных действий весьма спорна. Описанные в Ветхом Завете военные мероприятия, совершенные без Божественного повеления, считаются либо дискреционными, либо прямо запрещенными.

Безусловно, столь частое упоминание в Писании насилия наводит на мысль о «зацикленности» религии на данном вопросе. Тем не менее, следует помнить о том, что в большинстве случаев это совпадает с периодом становления учения, а оно часто сопровождается кровопролитием. История становления христианства и ислама является тому подтверждением.

В Торе проявляется даже идея допустимости нравственного протеста человека против жестоких повелений Бога, отраженная в форме диалога между Всевышним и отдельными персонажами Ветхого Завета (Авраам, Саул, Моисей). В результате такового возражения Высшей волей вносятся изменения в первоначальное повеление о массовом уничтожении народов в пользу попыток мирных переговоров. Всевышний как будто испытывает тех, кто облечен властью, на предмет наличия у них необходимой доли милосердия, а с другой стороны, показывает, что, как у индивидов, так и целых народов всегда есть выбор.

В Талмуде приведен рассказ о царе Сауле, который отказался выполнить повеление уничтожить амаликитян: «если взрослые грешили, то чем грешны дети?[3]» – вопрошает Саул. Божественный ответ был таков: «Не следует быть слишком добрым». В Писании ничего подобного нет, зато показана личная заинтересованность Саула, как в сохранении жизни обреченным, так и в присвоении имущества, которое, согласно Божественной воле, подлежало уничтожению[4]. Но другие толкования мидраша использовали Писание именно для защиты статуса нравственной оппозиции войне, предоставляя ей полную легитимацию. Моисей, как и Саул, заявил нравственный протест против приказа беспощадно уничтожить невинных людей. С этого момента, прежде чем применять силу, следует предложить мир.

Таким образом, согласно еврейской религиозной концепции, за человеческим сознанием признается определенная самостоятельность в противовес Божественному императиву. В любом случае, традиция оставляет за человеком право выразить несогласие даже по поводу обязательной войны, если это противоречит нравственным устоям.

Можно выделить следующие факторы допустимости войн, с точки зрения иудейской традиционной теории:

- 1) правомерность оснований (великая цель, соответствие нравственным ценностям);
- 2) наличие необходимой санкции / одобрения (Всевышним – для обязательной войны, Сангедрином – для диспозитивной);
- 3) численность прогнозируемых жертв (не более 1/6);
- 4) прогнозируемая опасность вынужденного отступления от Закона во время ведения боевых действий (не является препятствием для начала обязательной войны, но в случае дискреционной, считается отлагательным и даже исключаящим обстоятельством).

Литература

1. Числ. 31:17
2. Книга Судей, Цари 6:7
3. Вавилонский Талмуд, Йома 22б.
4. Первая Книга Царств 15:1-9

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ НАСИЛИЮ В ПРОПОВЕДЯХ ДАМАСКИНА COUNTERACTION OF VIOLENCE IN DAMASKIN'S SERMONS

Т.Г. Минеева, В.Б. Романовская
*Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского*

T.G. Mineeva, V.B. Romanovskaya
Nizgorodskii State University

Рассматриваются взгляды Дамаскина на просвещение народа, религиозную свободу, естественное право и гражданское равенство как факторы борьбы с социальным насилием.

In article are analysed opinion of Damaskin on public education, liberty of religion, natural law and civil equality as factors of struggle with social violence.

Ключевые слова: просвещение, народ, порок, добродетель, проповедь, право

Key words: education, people, vice, virtue, sermon, law

Проблемы, связанные с возникновением насилия и противодействия ему, составляют один из важных аспектов общественно-политической мысли эпохи просвещения. Достаточно вспомнить многочисленные рассуждения Ж.-Ж. Руссо о «золотом веке» человечества и следовавшие после появления частной собственности акты грабежей, убийств и разнообразных насилий. Мыслители России несколько по-другому определяли корень зла, видели основы для возникновения конфликтных социальных явлений не в существовании частной собственности, а прежде всего в непросвещенности и даже дикости человечества. Эта мысль достаточно часто повторяется в произнесенных в 70-80 гг. XVIII в. проповедах Дамаскина, будущего епископа Нижегородского и Алатырского[1].

22 сентября 1779 г. Дамаскин произнес проповедь в Успенском соборе Московского Кремля «О поправлении народного характера». В этой проповеди Дамаскин высказывает взгляды, родственные прежде всего взглядам Ш.Л. Монтескье, который в основу классификации форм государства заложил представление о влиянии географического фактора на нрав народа и, соответственно, форму государственного устройства. По мнению Дамаскина, народный характер – это «отменные признаки, через которые один народ от другого отличается...». Эти признаки проявляются не только «в рассудке и умствованиях, но и в склонностях..., и в добродетелях, и в пороках...», а также «во внешнем виде и поступках»[1, С. 68-69]. Дамаскин полагает, что все же невозможно, чтобы все представители одного народа обладали одними и теми же свойствами, но видит «в целом народе, совокупно взятом, в сравнении с другими... нечто отменное и ему свойственно»[1, С. 70]. В основе народного характера, по мнению Дамаскина, лежат три фактора: «климат», «обращение с людьми» и «система правительства». Особое значение Дамаскин, в духе своей эпохи, придает просвещению.

«Ныне все почти ученые люди в том согласны, что возвышение и удобрение сил душевных или просвещение разума в целом народе происходит от распространения преполезных наук и художеств». Счастливым, по мнению Дамаскина, будет то общество, в котором «учение повсюду распространено», где все «здоровомствующие» следуют «рассудку»[1, С. 71]. Климатическому же фактору Дамаскин меньшее значение. Для пояснения своей мысли Дамаскин использует метод сравнительной исторической аналогии. Например, климат в Греции со времен Перикла и до XVIII в. не изменился. Однако ничего общего не существует между античными эллинами и «нынешними турками», т.е. турками, жившими

в Греции во время Дамаскина. Опять же, климат Германии за долгие века не изменился, но разве можно сравнить варваров-германцев, знакомых по запискам Гая Юлия Цезаря, со студентами Геттингенского университета. Не обошел Дамаскин вниманием и Россию: «прежде из диких, грубых, праздноживущих и зверообразных народов переменялись после в обходительных, мягкосердечных, скоропонятных, труды и благопристойность любящих людей»[1]. Дамаскин не раз спрашивает себя, откуда же в современную ему эпоху возникает бунт и мятеж, человекоубийство и похищение чужих имений. И ответ находит только один: недостаток просвещения делает людей беспокойными и развратными. «Дикой же, и в варварстве возросший человек не имеет мягкосердечия, а получа случай к освобождению себя от утеснения, всегда грубейшие и бесчеловечнейшие к тому употребляет средства»[1, С. 75].

Среди проблем, которые освещал Дамаскин в своих проповедях, едва ли не самое важное значение имела проблема гражданских прав человека и связанная с ней более узкая тема крепостного состояния населения России. Именно крепостное право можно считать затянувшимся во времени и влияющим на все сферы жизни общества актом насилия. Вопрос о крепостничестве был «роковым» для любого политического деятеля России второй половины XVIII в.

Дамаскин не говорит прямо об отмене крепостного права. В проповеди «О гражданине» он рассуждает об апостолах Петре и Павле, замечая, что один из них «рыболов», а другой – «делатель шатров», т.к. «бог не смотрит на знатность природы». Данная мысль повторится в проповеди еще несколько раз: «самого низшего состояния человек может быть через малейшее свое действие благодетелем своего отечества и всего человеческого рода». Уважительное отношение проповедника к личному достоинству человека, в том числе происходящему из низов, молчание об особых правах, которыми были наделены дворяне, свидетельствует об осторожном осуждении крепостного права Российской империи. Много раз в проповеди он обратится к идее всеобщего образования, которое должно освободить народ от цепей крепостничества. Он пишет, что «уверен..., что опытом многих просвещенных народов, что науки много споспешествуют к благосостоянию человеческого рода...». Подобные высказывания позволяют уловить мысль Дамаскина о всеобщем гражданском равенстве, от апостолов до низшего состояния, именно гражданском, а не естественном или перед богом. Уважительное отношение к человеку и его личному достоинству, проскальзывающее в

похвалах апостолу Петру, выходцу из низов общества, классификация слушателей не по сословной принадлежности, а по образованию, игнорирование особых прав российского дворянства, все это говорит о критическом отношении к крепостничеству. Из многочисленных рассуждений о просвещении можно сделать вывод: образованный человек не может быть рабом, дайте образование, и рабство в России исчезнет, а вместе с ним исчезнет основание для мятежей и бунтов крестьян.

На смену рабству придет сословие граждан, о котором Дамаскин подробно говорит в проповеди «Об истинном гражданине», произнесенной 29 июня 1777 г. в Успенском соборе. По его мысли, гражданин – это человек в одном с другими обществе живущий, все граждане живут в общезжитии, ограждая свои права законами, добровольно подчинившись правлению своих сограждан. Проповедь Дамаскина позволяла слушателям сделать выводы о заключенном когда-то общественном договоре и выборности, а не божественной избранности монархов.

Особое значение Дамаскин уделяет праву. Церковному праву, да и праву позитивному вполне в духе господствовавшей в Западной Европе идеологии просвещения он предпочитает «естественный закон». Проповедь «О том, что право возвышает народ, а грехи уменьшают его», произнесенная 24 ноября 1779 г., ставит на первое место естественный закон, была произнесена при огромном стечении народа. Дамаскин полагает, что «Правило» или закон имеет в человеческих сердцах «от природы», т.е. естественное происхождение. «Но как никто один сам собой не может сискать себе столько пользы, сколько его желание требует, никто один не в состоянии умножить свои выгоды...сохранить себя и быть совершенно счастливым без помощи других, то сия нужда заставила каждого человека жить в сообществе с другими, взаимную по обязательствам наблюдать пользу и об общем благополучии стараться»[1, С. 37-38]. Чтобы соблюсти общую пользу, члены общества должны выработать договорным путем правила и соблюдать их, не нарушая. Дамаскин повторяет, что «нужно поступать по правилам точной справедливости, чтобы положенные между собой при вступлении в сообщество договоры ...сохранены были безупустительно»[1, С. 41]. Много в проповедях Дамаскина говорится о «духовных особах». Они «закону учат народ с кротостью, снисхождением, долготерпением и, хотя находят в иных ...противоборствующих, однако...к своему мнению привести стараются не строгостью, не тяжким мучением, не изгнанием из общества...но убеждением, сильнейшими доводами, но оставлением на волю, если не убедят...не употребляют меч телесный, но меч духовный».

Рассуждение о «духовных особах» прямо противоположно представлениям Аврелия Августина о карающей силе церкви и необходимости применения насилия по отношению к еретикам. Взгляды Дамаскина основываются на принципе веротерпимости, характерной для политики просвещенного абсолютизма. «Оставление на волю» и есть признак свободы совести.

Итак, просвещение всего народа, опора на естественный закон, общий для всех людей и понятный всем людям, свобода совести и религиозных убеждений, воспитание в гражданине патриотических чувств служат превращению диких, «варварских», склонных к мятежу народов в «истинных граждан», по мнению Дамаскина.

Литература

1. Проповеди Святейшего Правительствующего Синода конторы члена, ставропигального второклассного Заиконоспасского училища монастыря архимандрита и Московской Славяно-греко-латинской Академии ректора Дамаскина в бытность его в Московской Академии сперва префектом, потом ректором в высокочоржественные и другие дни говоренные с 1775 по 1782 гг. Изданием Новикова и Компании. М., Университетская типография, у Новикова. 1783.

ПСИХИЧЕСКОЕ НАСИЛИЕ КАК СПОСОБ ЗАВЛАДЕНИЯ ЧУЖИМ ИМУЩЕСТВОМ PSYCHOLOGICAL VIOLENCE AS A WAY OF TAKING POSSESSION OF ANOTHER'S PROPERTY

Н.Л. Назарова

*Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского*

*N.L. Nazarova
Nizhegorodsky State University*

Рассматривается уголовно-правовая оценка психического насилия при хищении чужого имущества. Анализируются признаки угрозы как основообразующее содержание психического насилия. Обоснована идея классификации психического насилия по характеру причиняемых потерпевшему общественно опасных последствий в результате применения гипнотических технологий. Дана характеристика гипноза и суггестивных методов воздействия на человека в качестве признаков психического насилия. Рассмотрены особенности квалификации преступле-

ний при применении информационного воздействия, гипнотического внушения, гипноза.

The criminal-legal estimate of mental violence when theft of property is considered in this article. Here are analyzed the signs of threat as basis content of mental violence. There is substantiated the idea of classification of mental violence by nature caused by the victim socially dangerous consequences from the use of hypnotic technologies. In this article there is a characteristic of hypnosis and suggestive methods of influence on the human as a sign of mental violence. Here are considered the features of qualification of crimes in the application of information influence, hypnotic suggestion, and hypnosis.

Ключевые слова: грабёж, разбой, психическое насилие, угроза, гипноз, информационное воздействие

Keywords: robbery, assault, mental violence, threat, hypnosis, information influence

В последние годы посягательства на собственность являются наиболее распространенными преступлениями. Типичные формы совершения хищения чужого имущества постоянно обновляются в связи с использованием новых информационных технологий, применением различных способов воздействия на потерпевших, в том числе и гипнотической техники.

Отметим, что в доктрине уголовного права сложился традиционный подход к определению формы хищения чужого имущества в зависимости от способа совершения преступления. Можно согласиться с мнением ученых, что «способ выступает формой выражения преступного действия»[1]. С объективной стороны действия виновного влекут утрату контроля собственника или иного владельца над своим имуществом, помимо их воли. Действия виновного носят всегда активный характер и осуществляются насильственным или ненасильственным способами совершения указанных преступлений. В доктрине уголовного права и на практике сложилось определенное понятие каждого из способов, выработаны признаки, разграничивающие их между собой.

Таким образом, способом совершаемых форм хищений выступает лишь то, что характеризует, как, каким образом совершается изъятие имущества или приобретение права на имущество, склонение их к передаче[2]. Ситуации, когда происходит воздействие на потерпевшего (как физическое, так и психическое) требуют особого рассмотрения.

Данный вопрос актуален потому, что самым частым основанием для разной квалификации действий виновных служит недостаточное четкое закрепление в уголовно-правовых нормах понятия и правовая оценка характера интенсивности воздействия на потерпевшего. Речь идет о насильственном завладении чужим имуществом или приобретения права на чужое имущество. Насилие – «действие стеснительное, обидное, незаконное, своевольное»[3], – такое понятие дано в словаре В. Даля. Не случайно в исторических актах использовался для обозначения преступления термин "обида"[4].

Взаимодействия виновного с потерпевшим может выражаться в виде применения к последнему информационного воздействия (при мошенничестве), психического насилия (угрозы) либо воздействия на анатомическую целостность, организм (физическое насилие). В зависимости от характера насилия и интенсивности воздействия на потерпевшего разграничиваются такие преступления, как насильственный грабеж и разбой.

Небезынтересным представляются положения уголовного законодательства Латвии, Германии, Швейцарии, Японии, предусматривающего ответственность за преступления, состоящие в краже и разбое. Понятие грабежа, как таковое, отсутствует. Любое насилие, применяемое к потерпевшему в целях завладения имуществом, квалифицируется как разбой. Ст. 239. УК Японии «Тот, кто совершил кражу имущества у другого лица после того как он привел его в бессознательное состояние, наказывается как совершающий разбой»[5]. Создателями Уголовного уложения 1903 г. была сделана попытка объединить составы кражи и грабежа в едином составе воровства как тайного или открытого похищения чужого движимого имущества. Однако эта новелла так и не была апробирована в связи с изменением общественного строя и правовой системы России в 1917г.

УК РФ ограничивает психическое насилие только угрозами. Психическое насилие при грабеже и разбое состоит в запугивании (угрозе) немедленного применения насилия к потерпевшему, подавлении его воли к сопротивлению. Угроза должна субъективно восприниматься потерпевшим как реальная, наличная и действительная, возможная к реализации со стороны виновного. Угроза обычно выражается словесно, может дополняться жестами или угрожающей манерой поведения преступника. При грабеже угроза связана с насилием, не опасным для жизни и здоровья, при разбое с насилием, опасным для жизни и здоровья[6].

Но в реальных ситуациях при совершении преступления содержание угрозы не всегда носит определенный характер, указывающий на применяемое насилие. В таких случаях вывод о наличии в действиях виновного грабежа или разбоя можно сделать только с учетом всех обстоятельств дела: числа преступников, места совершения преступления, характера предметов, которыми угрожали потерпевшему, субъективного восприятия содержания угрозы потерпевшим. Все это в совокупности позволяет определить субъективное отношение самого виновного к предъявленной угрозе – как средства устрашения, которое реально способно парализовать волю потерпевшего.

Таким образом, в насильственных преступлениях против собственности под психическим насилием следует понимать противоправное воздействие, направленное на психику другого лица с целью подавления его сопротивления и подчинения его воли воле виновного путем заигрывания применением физической силы[7].

На наш взгляд, понятие «психическое насилие» шире, чем угроза применения насилия. Психическое насилие, применяемое к потерпевшему с целью завладения его имуществом или правом на имущество, может также выражаться в психологическом воздействии путем внушения той или иной информации (психологический гипноз). Гипноз – сноподобное состояние, вызываемое с помощью внушения, при этом торможением охвачена не вся кора головного мозга, а отдельные ее участки. Сторожевые пункты сохраняют возбудимость, обеспечивая контакт загипнотизированного с раздражителем[8]. Для достижения эффекта внушения необходимо наличие некоторых факторов: способ конструирования сообщения информации, свойства суггерента (потерпевшего) – его статус, интеллект.

Профессор А.М. Свядощ отмечал, что гипнотическое внушение – «это введение информации, принимаемой человеком без критической оценки, оказывающей влияние на нейропсихические процессы»[9]. Статистика большинства зарубежных стран показывает, что наиболее часто криминальный гипноз применяется при мошенничестве. Мошенничество включает в себя элементы обмана и доверия. Обман выступает в виде дезинформации: прямое скрывание фактов, тенденциозный подбор данных, нарушение временных или причинных связей между событиями, обуславливающих ложные суждения или поступки объекта. Внедрение информации в мозг «внушаемого» осуществляется методом целенаправленного аналитико-логического убеждения. И при использовании психологического информационного воздействия на потерпевшего

путем сообщения ему ложных сведений о событиях, явлениях и фактах действия виновного расцениваются как мошенничество.

Все психические функции человека распределены между левым и правым полушариями мозга. Работая одновременно, оба полушария человеческого мозга порождают ту внешнюю результирующую психику, которая называется «обычным состоянием сознания». «Криминальные» гипнотизеры стараются достичь у своих жертв так называемых «измененных состояний сознания», или трансовых состояний. Под трансовым состоянием понимается внушенное воздействие на потерпевшего, приводящего его в сумеречное состояние сознания, состояние отрешенности, характеризующееся внезапным началом и окончанием, нарушением ориентировки в окружающей среде [10]. Такое воздействие на человека против или помимо его воли, безусловно, следует рассматривать в качестве психического насилия, независимо от способа воздействия – тайно, открыто, с помощью обмана или физического насилия. В этих случаях разграничивая физическое и психическое насилие, следует исходить из объективных (нарушение процессов жизнедеятельности организма или воздействие на психику) и субъективных (направленности умысла) признаков.

Таким образом, представляется целесообразным внесение изменений в УК РФ. В частности, предлагается:

- исключить из УК РФ ст.161 «Грабеж». Совершение хищения с применением насилия (независимо от характера и интенсивности) к потерпевшему, рассматривать как разбой;

- дополнить дефиницию кражи (ст. 158). Кража – тайное или открытое хищение чужого имущества;

- внести изменения в ст.162 УК РФ, изменив дефиницию. Разбой – хищение чужого имущества с применением физического или психического насилия. Под психически насилием следует понимать не только применения угрозы насилием, но и использование гипнотических технологий.

Литература

1. Брайнин Я.М. Уголовная ответственность и ее основания в советском уголовном праве. М.,1963 С. 181.; Сухарев Е.А. Оптимальное отражение способа совершения преступления в конкретных составах. Сб. научных трудов. Свердловск, 1974. Вып. 29. С. 57.
2. Плохова В.И. Ненасильственные преступления против собственности :криминологическая и правовая обоснованность .-СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2003 С.228.

3. Даль В. Толковый словарь русского языка. -7-е изд. М.: Русский язык, 1978.
4. Чернявская Т.А. Русская Правда с комментариями. Н.Новгород, 1995. С.38.
5. УК Японии. Владивосток. 1995.
6. Определение указанных видов насилия конкретизировано в Постановлении Пленума Верховного суда РФ от 27 декабря 2002 г. «О судебной практике по делам о краже, грабеже, разбое»// Российская газета. 2003. 18 янв.
7. Симонов В.И., Шумихин В.Г. Квалификация насильственных преступлений против собственности. Учебное пособие. М.: 1993. С.23.
8. Универсальный энциклопедический словарь. - М.: Изд-во ЭКСМО; Большая Российская энциклопедия, 2003. С.155.
9. Свядощ А.М. Психотерапия. СПб.: «Питер». 2000. С.47.
10. Кандыба В.М. Криминальный гипноз. СПб.: Издательство « Лань». 2001. С.31.

**ВЛИЯНИЕ КАТЕГОРИИ НАСИЛИЯ
НА СОСТАВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ
EFFECT OF CATEGORIES VIOLENCE CRIME**

С.В. Остроумов, Н.В. Остроумов
*Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского*
S.V. Ostroumov, N.V. Ostroumov
Nizhny Novgorod State University of N. Lobachevsky

Выявлено влияние категории «насилие» на состав преступления, определена его роль как основного противоправного деяния или же средства его совершения, объективной стороны или квалифицирующего признака.

Violence definition influence on corpus delicti is analyzed. Significance of violence as the general type of crime, or the means of committing the crime, actus reus or the basic feature is also defined.

Ключевые слова: насилие, преступное насилие, интеллектуальное насилие, физическое насилие

Keywords: violence, crime of violence, intellectual violence, physical violence

Насилие представляет собой весьма сложное, многослойное, разно-стороннее явление объективной действительности. Исследованием данного феномена занимаются многие науки, в частности, философия, со-

циология, психология, медицина, педагогика, уголовное право, криминология и ряд других. Выделена даже специальная наука о насилии – виолентология. Как следствие, в юридической литературе встречается достаточно большой спектр определений «насилия», в которых акцентируется внимание на тех или иных существенных признаках, обусловленных предметами соответствующих отраслей знаний [1].

Насилие как явление имеет социальную природу. Однако отдельные проявления насилия ввиду их повышенной общественной опасности для личности, общества и государства запрещаются уголовным законом под угрозой наказания [1]. И, несмотря на то, что легальное определение насилия в российском законодательстве отсутствует, доктриной уголовного права выработаны определенные существенные признаки, характеризующие преступное насилие. Л.Д. Гаухман, предлагает выделять в понятии «преступное насилие» две группы признаков: социальные и юридические. К социальным (фактическим) относятся объективные и субъективные свойства данного явления, которые раскрывают внешнюю сторону действия (объективные признаки), а также выражают волевое отношение к этому действию со стороны лица, применяющего насилие (субъективные признаки). Юридические признаки преступного насилия характеризуют его общественную опасность, противоправность и виновность [2].

Преступное насилие уголовно-правовая доктрина разделяет на определенные виды: физическое и психическое насилие. Некоторые авторы, наряду с традиционными видами преступного насилия, говорят еще об одной его разновидности – интеллектуальном насилии. По их мнению, интеллектуальное насилие должно включать в себя весьма разнообразные деяния, которые направлены на причинение вреда определенным правам и законным интересам потерпевшего [3]. Выделенные виды преступного насилия (физическое и психическое), наряду с общими (родовыми) признаками, обладают специфическими (видовыми) чертами. При этом к общим свойствам следует отнести: общественную опасность, противоправность, виновность, действие вопреки или помимо воли потерпевшего. Специфическими признаками названных видов насилия являются: предмет насилия, способы воздействия, характер последствий [1]. «В конкретных составах насильственных преступлений, – пишет Л.Д. Гаухман, – общие признаки, о которых идет речь, находятся в сложной сети взаимосвязей и взаимоотношений как между собой, так и с теми или иными признаками, индивидуализирующими тот или иной состав. Общие и индивидуальные признаки сплетены в

органическое единство, чем обеспечивается индивидуальность конкретного состава преступления» [4]. В уголовном законе составы преступлений, которые совершаются с насилием, описываются по-разному.

Следует также отметить, что понятие «насилие» в уголовном праве имеет несколько значений (функций). Во-первых, насилие, примененное к потерпевшему, является необходимым условием для признания его действий правомерными при обстоятельствах, исключающих преступность деяния. Во-вторых, насилие представляется в виде конструктивного или квалифицирующего признака состава преступления. В-третьих, насилие выступает в виде обстоятельства, смягчающего или отягчающего наказание. Таким образом, уголовно-правовое значение насилия гораздо шире, чем только признание его криминализованным в статьях УК РФ [1].

Насильственные преступления – это преступления против личности в широком смысле, в которых ее блага выступают в виде либо основного (например, убийство – ст. 105 УК РФ), либо чаще всего в виде дополнительного объекта (например, разбой – ст. 162 УК РФ). Традиционно насильственные преступления распределяются по различным главам Уголовного кодекса, при этом доля их разнится в зависимости от родового объекта уголовно-правовой охраны [5].

В насильственных преступлениях насилие является характеристикой объективной стороны. Отдельные авторы рассматривают преступное насилие через призму элементов состава преступления, а именно выделяют объект, субъект, объективную и субъективную стороны насилия [6]. В теории уголовного права распространен также подход к насилию как к отдельному преступлению, в котором выделяют признаки общественной опасности, противоправности и виновности.

Преступное насилие, будучи признаком объективной стороны преступления, играет различную роль в насильственных преступлениях. По этому вопросу сложилось несколько позиций.

Наиболее распространенным является подход к насилию как способу (средству) совершения преступления (Л.Д. Гаухман, А.В. Наумов и др.).

Представляется интересной позиция по данному вопросу Р.Д. Шарапова: «Роль физического насилия в конкретных составах преступлений может быть неоднозначной. В одних преступлениях физическое насилие предусмотрено в качестве основного (главного) деяния в объективной стороне, в других преступлениях в качестве дополнительного (второстепенного) элемента, иначе говоря, средства преступления, определенным образом связанного с основным деянием, которое, как правило, является ненасильственным» [6].

Действительно, в отдельных случаях насилие полностью поглощает объективную сторону тех или иных преступлений (например, убийство), и говорить о том, что оно в подобных случаях выступает только способом, не совсем верно. Однако чаще всего в насильственных преступлениях насилие играет роль средства, «орудия» их совершения.

Таким образом, в насильственных преступлениях насилие может выступать в качестве как основного деяния, так и средства совершения преступления (дополнительного деяния).

Признак «преступное насилие» в объективной стороне преступления может иметь разное значение с точки зрения конструкции состава, а именно быть обязательным, альтернативным или факультативным. При этом, как пишет Л.Д. Гаухман, насилие может как быть конструктивным элементом состава, так и нет [4].

Основываясь на вышеизложенном, можно выделить ряд проблем, возникающих в теории и на практике в связи с многозначностью и различными функциями категории насилия.

Одна из проблем заключается в отсутствии единого подхода при квалификации уголовно-правовых деяний по признаку насилия. В отсутствие законодательной дефиниции и четкого определения признаков, характеризующих различные формы и виды насилия, которые толкуются неоднозначно и противоречиво даже на уровне высшей судебной инстанции, нарушаются принципы законности и справедливости как при уголовно-правовой оценке, так и при назначении наказания [7].

Другая трудность проявляется следующим образом. В УК РФ примерно одна треть статей Особенной части указывает на насилие или угрозу применения насилия как на признак преступного деяния. В конструкциях норм Особенной части УК в одних случаях насильственный характер преступного деяния обозначается последствиями насилия в виде причинения вреда охраняемым законом интересам, например, жизни или здоровью потерпевшего в случае убийства или причинения телесных повреждений; в других насилие прямо называется в качестве обязательного признака объективной стороны основного состава. Имеются составы, в которых насилие предусматривается в качестве квалифицирующего признака.

Представленное в различных значениях насилие в составе преступного деяния вызывает трудности при квалификации насильственных преступлений, о чем свидетельствует правоприменительная практика [8].

Суды не всегда правильно оценивают характер насилия, которое применяется виновным при совершении преступления, что также явля-

ется одной из причин неправильной правовой оценки общественно опасного деяния. Анализ конструкций диспозиций уголовно-правовых норм, содержащих признак насилия, показывает, что роль и место насилия в составе преступного деяния могут быть различными. Неправильное толкование его предназначения может осложнить квалификацию и привести к ошибочной правовой оценке насильственного общественно опасного деяния [8].

Таким образом, можно сделать вывод, что категория насилия влияет на состав преступления в зависимости от того, какую роль в нем играет – основного противоправного деяния или же средства его совершения, объективной стороны или квалифицирующего признака. В связи с этим, большое значение для квалификации деяния, установления и доказывания виновности лица в совершении преступления имеет верное толкование категории насилия применительно к конкретной статье Особенной части УК РФ и уяснение ее роли в составе преступления в каждом отдельном случае.

Литература

1. Зателепин О.К. Квалификация преступлений против военной безопасности государства: Монография. Серия «Право в Вооруженных Силах – консультант». – М.: За права военнослужащих, 2009.
2. Гаухман Л.Д. Борьба с насильственными посягательствами. – М., 1969. – С. 4.
3. Золотухин С.Н. Уличная насильственная преступность и ее предупреждение (по материалам Уральского региона): Автореф. дис. канд. юрид. наук. – Челябинск, 2000. – С. 14-15.
4. Гаухман Л.Д. Проблемы уголовно-правовой борьбы с насильственными преступлениями в СССР. – Саратов, 1981. – С. 68, 42-43.
5. Наумов А.В. Уголовно-правовое значение насилия / в кн. Насильственная преступность / Под ред. В.Н. Кудрявцева и А.В. Наумова. – М., 1997. – С. 58-60.
6. Шарапов Р.Д. Физическое насилие в уголовном праве. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. – С. 37-273.
7. Абубакиров Ф.М. Уголовно-правовая оценка насилия в уголовном законодательстве и судебной практике // Российский судья. – 2011. – № 8.
8. Зурушев А.К. Категория «насилие» в нормах Особенной части УК РФ и проблемы судебно-правовой оценки // Российский судья. – 2008. – № 9.

**КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЖЕНЩИН,
СОВЕРШАЕМЫХ НАСИЛЬСТВЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ**
**CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF WOMEN
COMMITTED VIOLENT CRIMES**

С.А. Попова

Нижегородского института менеджмента и бизнеса

S.A. Popova

Nizhny Novgorod Institute of Management and Business

Обсуждаются вопросы, связанные с криминологической характеристикой женской насильственной преступности, ее состоянием, структурой и причинным комплексом, способствующим детерминации.

In article the questions connected with the criminological characteristic by female violent crime, its condition, structure and the causal complex promoting determination are discussed.

Ключевые слова: насилие, женская преступность, агрессия, криминология

Keywords: violence, female crime, aggression, criminology

Проблема агрессивного поведения женщин, в особенности с психическими расстройствами, сложна и многогранна, в ней можно выделить несколько важных аспектов: клинический, социальный, юридический, судебно-психиатрический, каждый из которых нуждается в глубоком изучении. Женщины совершают убийства, наносят телесные повреждения в большинстве случаев на почве семейно-бытовых конфликтов, где на первый план зачастую выходит виктимное провоцирующее поведение потерпевших, в лице которых обычно выступают мужья и сожители виновных. Типичным для женщин преступлением продолжает оставаться детоубийство.

В развитии криминогенной ситуации присутствуют две стороны – преступник и жертва преступления. При совершении преступления часто важнейшую роль играют отношения, в которых находятся жертва и преступник. В генезисе внутрисемейных преступлений жертва преступления играет значительную роль. Неразрешенные в течение длительного периода конфликты, развивающиеся на семейно-бытовой почве, в ряде случаев приводят к виктимизации членов семьи. В 28% случаев потерпевший был инициатором конфликта. Активные, агрессивные по-

терпевшие были выявлены в 19% ситуаций, непосредственно предшествующих преступлению. В 78% ситуаций совершения преступления с негативным поведением он находился в сильной стадии алкогольного опьянения. В ситуации с позитивно направленным потерпевшим выделяется группа, составившая 19% случаев, в нее по большей части входят родители преступниц, родители супруга, иные родственники. В 37% совершаемых женщинами в семье преступлений конфликтная ситуация возникает по причине допускаемого жертвой преступления жестокого обращения с детьми преступницы[1].

В последние годы растет доля женщин, осужденных на длительные сроки заключения. За ними числятся очень опасные преступления. Преступления, за которые отбывают наказание представительницы прекрасного пола, ничуть не отличаются от тех, за которые наказаны мужчины: хищения, наркотики, убийства. Наблюдается определенная зависимость между сферами занятости женщин и видами совершаемых ими преступлений. В последние годы, по мере распространения различных социально-негативных явлений и процессов в стране и разрушения традиционного уклада жизни, наблюдаются неблагоприятные тенденции в динамике женской преступности. Женщины проявляют не только все большую криминальную активность, но меняется и форма их участия в совершении корыстно-насильственных преступлений.

Если до недавнего времени они действовали вместе с мужчинами, выполняя при этом второстепенную роль при совершении преступлений, то ныне иногда сами объединяются и обходятся без помощи сильного пола. Но при этом в силу своих психофизических особенностей им приходится изобретать различные способы совершения насильственных преступлений. Выявлено также, что женщины, совершающие насильственные преступления, практически всегда характеризуются крайне отрицательно, а их исправление и перевоспитание значительно сложнее.

В целом для преступности характерен процесс феминизации. Резко растет доля девочек-правонарушителей в возрасте 14–15 лет. Если 10 лет тому назад большинство обитательниц женских тюрем и колоний осуждались за корыстные преступления, в основном за кражи, то сегодня свыше 60% женщин отбывают наказания за тяжкие насильственные преступления – убийства, грабежи, разбои. В 2011 году каждое пятое зарегистрированное в стране преступление совершено женщиной, каждое восьмое – подростком. Два преступника из пяти – лица без определенных занятий. Из 65 тысячи выявленных лиц, совершивших преступления, несовершеннолетние составили 12%, женщины – 20%[1]. Факто-

ром, заметно влияющим на формирование агрессивности женщины, является применение насилия в родительской семье.

Убийства и причинение тяжкого вреда здоровью чаще всего женщины совершают на почве нездоровых семейно-бытовых отношений, причем в городе больше предпосылок для совершения указанных преступлений. Криминогенная ситуация в семье нередко характеризуется длительной конфликтностью в условиях сильной эмоциональной напряженности, часто между членами семьи возникают ссоры и скандалы. Изменение института семьи, социальной и семейной ролей женщины – процесс объективный. Подход к семье, ориентированный на традиционное понимание разделения обязанностей и ответственности между мужем и женой, родителями и детьми, семьей и обществом, сегодня вступает в противоречие с тенденциями развития общества. В процессе общественного развития возникают новые механизмы семейной саморегуляции, соответствующие новому положению членов семьи.

Существенное влияние на формирование личности женщины-преступницы оказывает злоупотребление ее родителей алкоголем. Характеризуя конкретные формы и виды преступного поведения лиц, отягощенных алкоголизмом, можно заметить, что такие деяния, как убийство, причинение тяжких телесных повреждений, сопротивление работнику милиции или народному дружиннику и другие, именуемые агрессивной преступностью, не характерны для женщин-алкоголичек. Кроме того, употребление алкоголя у лиц с преступной ориентацией часто является своеобразной формой общения и проведения досуга, что, несомненно, становится одним из элементов криминальной групповой сплоченности.

Насильственная женская преступность, будучи обусловленной общими причинами преступности, имеет свои особенности. Они в основном связаны с половыми, психологическими и иными отличиями личности насильственных преступниц и механизмом их преступного поведения, с проявлением и действием обстоятельств, способствующих совершению таких преступлений; с динамикой их преступности, демографическими и другими факторами, которые относятся к различным социально-экономическим и нравственно-психологическим сферам общественной жизни. Всестороннее исследование насильственной женской преступности представляет не только научный, но и практический интерес, способствует более целенаправленной и научно обоснованной организации борьбы с этим явлением.

При анализе насильственной женской преступности, можно отметить, что она существенно отличается от насильственной преступности мужчин. Это обусловлено психофизиологическими особенностями женщин. Практическая необходимость изучения насильственной женской преступности как самостоятельной криминологической проблемы обуславливается тем, что, во-первых, недооценка такого фундаментального биосоциального свойства человека, как пол, зачастую оборачивается тем, что традиционно мужские свойства и образцы поведения невольно принимаются за универсальные, а функциональные, психологические, социальные особенности женщин при исследовании совершенных ими преступлений не учитываются, что сказывается на качестве предупреждения насильственных преступлений; во-вторых необходимо учитывать сложившуюся негативную тенденцию увеличения числа женщин, совершающих преступления данного вида, считавшиеся до недавнего времени сугубо «мужскими». Она имеет свои особенности, которые необходимо учитывать. Возрастные, психофизиологические особенности, оказывая влияние на преступное поведение женщин, вместе с тем настолько опосредуются социальными факторами, что выполняют лишь роль условий, а не причин этой преступности.

Литература

1. Осужденные и содержащиеся под стражей в России. По материалам специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей, 12-18 ноября 2009 г./Под общей ред. Ю.И. Калинина, под науч. ред. д.ю.н. проф. В.И. Селиверстова. – М.: ИД «Юриспруденция», 2012. – С. 468.

**ДИАЛЕКТИКА ГОСУДАРСТВЕННОГО НАСИЛИЯ
КАК СОСТАВЛЯЮЩЕЙ МЕТОДА ПРИНУЖДЕНИЯ
В ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ФУНКЦИЙ ГОСУДАРСТВА
DIALECTICS OF STATE VIOLENCE AS PART
OF THE METHOD OF COERCION IN THE IMPLEMENTATION
OF FUNCTIONS OF THE STATE**

С.А. Соловьев

Нижегородский государственный университет

им. Н.И. Лобачевского

S. A. Soloviev

Nizhniy Novgorod State University after N.I. Lobachevskiy

Рассматривается роль насилия как одного из средств осуществления функций государства.

In the article analysed the role of violence as a means to carry out the functions of the state.

Ключевые слова: насилие, принуждение, теория государства и права, функции государства

Keywords: violence, compulsion, Theory of State and Law, functions of the state

В юридической литературе под функциями государства традиционно понимаются основные направления деятельности государства по решению стоящих перед ним задач, обусловленных его сущностью и социальным назначением, осуществляемых в присущих им формах и с помощью специфических методов.

Методы осуществления функций государства способствуют достижению поставленных целей. Среди прочих одним из действенных методов властного руководства обществом в процессе реализации функций государства является метод государственного принуждения.

Государственное принуждение представляет собой систему властного воздействия, состоящую из нормативно-институционального обеспечения, определяющего основания, формы и порядок действий государственных органов по отношению к подвластным в целях охраны государственных и общественных интересов. Неравенство сторон властеотношения, несовпадение интересов приводит к тому, что субъект власти вынужден прибегать к принуждению. Таким образом, государственное принуждение можно характеризовать как совокупность средств, прие-

мов и способов властного воздействия в рамках государственно организованного общества, которые необходимы, чтобы заставить действовать объект власти, вопреки его волевым установкам. Разновидностью принуждения выступает насилие.

Ряд функций государства осуществляется, в числе прочих, насильственными средствами. Это как внутренние функции: охрана правопорядка, обеспечение прав и свобод человека, так и внешние: оборона страны, поддержание мирового порядка. Функции по обеспечению интересов отдельных социальных групп («классовых интересов»), так и функции общесоциальные («общих дел»). Как результат в осуществлении функций государства насилие может быть позитивным и деструктивным. Являясь во все времена одним из наиболее эффективных средств достижения поставленных целей на государственном уровне, насилие вместе с тем несет в себе разрушительные последствия. Рассмотрим специфику насилия как составляющей метода государственно принуждения в осуществлении функций государства.

Насилие всегда являлось наиболее откровенным, радикальным средством государственного господства. В отличие от иных форм властвования (убеждение, стимулирование, манипулирование) насилие непосредственно ограничивает свободу субъекта путем прямого воздействия на него (ограничение свободы, физическое устранение и т. д.).

Под государственным насилием предлагается понимать применение или угрозу применения различных форм, методов и средств прямого или косвенного принуждения и подавления (государственно-властных, экономических, военных и т.д.) в отношении социальных групп, классов, общества, государств с целью обеспечения захвата и удержания государственной власти, экономического господства, приобретения и сохранения суверенитета, прав и привилегий, навязывания кому-либо своей воли, выполнения иных поставленных задач. Таким образом, государственное насилие как метод осуществления функций государств может включать в себя физическое, психологическое, эмоциональное, экономическое, информационное и прочие формы принудительного воздействия. История демонстрирует неизбежность социальных конфликтов. Любой конфликт может перерасти в насильственный, что в свою очередь влечет за собой использование соответствующих средств воздействия со стороны органов управления обществом.

Ряд исследователей (С. Хук, Э. Дюркгейм, Ж. Госс) относят к государственному насилию исключительно незаконное использование методов физического принуждения. На наш взгляд, подобное понимание

феномена государственного насилия не совсем верно, поскольку: а) особенностью государственного насилия является его легитимный и легальный характер, поддержка в конечном итоге подобных мер со стороны населения страны или большей его части; б) государственное насилие, как уже было сказано, несет в себе не только способы физического, но и иного воздействия на подвластных.

Специфичность насилия в системе государственной власти состоит не только в возможности непосредственного применения физического, психического, иного воздействия, но и в том, что государство располагает специальным аппаратом насилия, обеспеченным материально и технически. Это армия, спецслужбы, правоохранительные органы.

Роль насилия, широта его использования в осуществлении функций государства, находится в тесной взаимосвязи с политическим режимом отдельно взятого государства. Так, в тоталитарном государстве насилие неизбежно выступает как средство, с помощью которого государство решает задачи по достижению целей, поставленных руководством страны, направляет поведение отдельных индивидов и социальных групп. Насилие, в том числе в такой его форме как террор, при тоталитарном режиме – повседневно используемый инструмент выполнения государственных задач. Объясняется это, как правило, тем, что субъект государственной власти руководствуется в своих действиях революционными с целями, идеями переустройства общества, а любой социальный слом с неизбежностью вызывает сопротивление.

При демократических политических режимах насильственные методы осуществления функций государства задействованы в наименьшей степени. Общество отличается высокой степенью самоорганизации и саморегуляции. Демократические политические режимы, в отличие от тоталитарных и авторитарных, не предполагают монополии отдельно взятых групп общества на государственную власть, в силу чего сокращается основа для насильственных средств осуществления власти.

И все же любое из современных государств так или иначе вынуждено прибегать к использованию насильственных средств осуществления власти. При этом насилие предполагает игнорирование интересов объекта воздействия, причем игнорирование в жесткой форме, что влечет за собой негативную эмоциональную окраску со стороны подвластного. Как результат, насилие уничтожает доверие между субъектом и объектом власти.

Изложенное позволяет сделать вывод, что государственное насилие малоприспособно для решения долговременных задач. Являясь на ранних

этапах исторического развития одним из важнейших факторов организации государственной жизни, регулирования правоотношений, постепенно удельный вес и значение насилия в государственной жизни снижается. Широко распространено деление функций государства на постоянные и временные. И если в рамках выполнения вторых насильственное воздействие зачастую демонстрирует свою эффективность, то при осуществлении постоянных функций государства насилие приемлемо лишь в строгих, заранее отмеренных дозах (так, по-прежнему необходимо прибегать к насильственным методам при реализации функций по охране правопорядка, обеспечению сохранности государственного строя, охране прав и свобод человека). При этом в обоих случаях недопустимо использование насилия в пределах, выходящих за рамки, установленные законом.

XX век широко проиллюстрировал попытки придать насилию роль важнейшего средства организации социальной жизни. Продемонстрировав эффективность насильственных методов, с одной стороны, государства, обширно использовавшие управленческие практики, опирающиеся на насилие, показали, что ценой достижения общественного порядка, социальной стабильности является деградация общества, государственного строя, политической и правовой системы общества.

Мир без насилия – в настоящий момент бесконечно далекая перспектива, идеал и цель социального развития, однако в силах членов социума сокращать масштабы государственно-правового насилия, минимизировать его использование. В современном государстве насилие может являться лишь второстепенным, экстраординарным средством государственной власти, тем методом осуществления функций государства, использование которого необходимо только тогда и только в том объеме, в котором это допускается законом, с учетом установленных им ограничений, общечеловеческих начал в государственном руководстве.

**МЕДИАЦИЯ КАК СРЕДСТВО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
НАСИЛИЮ В ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ**
**MEDIATION AS MEANS OF COUNTERACTION TO VIOLENCE
IN THE LABOR RELATIONS**

С.В. Соловьева

*Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского*

*S.V. Solovyova
Nizhni Novgorod State University*

Осуждается медиация как альтернативный метод разрешения конфликтов, возникающих между участниками трудового процесса и преимуществ ее использования работниками и работодателями.

In article the mediatsiya as an alternative method of the resolution of conflicts, arising between participants of labor process and advantage of its use is discussed workers and employers.

Ключевые слова: трудовые отношения, насилие, конфликт, медиация, способ урегулирования споров

Keywords: labor relations, violence, conflict, mediatsiya, way of settlement of disputes

В соответствии со статьей 15 Трудового кодекса Российской Федерации[1], трудовое отношение – это отношение, основанное на соглашении между работником и работодателем о личном выполнении работником за плату трудовой функции, подчинении работником правилам внутреннего трудового распорядка при обеспечении работодателем условий труда, предусмотренных трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права, коллективным договором, соглашениями, локальными нормативными актами, трудовым договором.

Трудовые отношения – это отношения власти-подчинения. Работник обязуется выполнять определенную трудовую функцию в интересах работодателя, а, следовательно, под его руководством и контролем.

Л.С. Таль, характеризуя власть работодателя в трудовых отношениях, отмечал, что она включает в себя следующие правомочия: право дирекции, т.е. право направлять работу своими указаниями; дисциплинарную власть, т.е. право налагать взыскания за нарушение установлен-

ного порядка, нормативную власть, т.е. право в известных пределах устанавливать порядок, которому должны подчиняться работающие на предприятии[2].

Само понятие «власть» предполагает принуждение как внешне воздействие на поведение субъекта. В трудовых отношениях принуждение можно рассматривать как способ воздействия на работника путем применения норм трудового законодательства. Легальное (правовое) принуждение, обеспеченное, например, нормами института дисциплинарной ответственности, необходимо отличать от нелегального (не основанного на законе) принуждения (насилия).

Как правило, в сфере трудовых отношений легальное принуждение сочетается с насильственными методами, направленными на достижение целей путем подавления воли противостоящей стороны, на внушение ощущений безнадежности сопротивления и страха.

Насилие в трудовых отношениях – достаточно часто встречающееся явление, негативно влияющее на производственную сферу, личностное достоинство работника, на качество взаимоотношений работника и работодателя, а также на отношения между самими работниками.

Например, эмоциональное насилие «моббинг» - коллективный психологический террор, проявляющийся путем преследования, изоляции, распространения слухов, враждебного отношения со стороны других работников или работодателя (его представителя). Словесное насилие, крики, оскорбления («буллинг») также имеет место в рамках трудовых правоотношений.

Применение насилия получает самые широкие возможности при конфликтных ситуациях субъектов трудового права. Конфликт можно рассматривать как развитую форму противоречий.

Авторы работ в сфере конфликтологии в зависимости от задач исследования по-разному определяют конфликты. Тем не менее, при всех различиях всегда подчеркивается наличие противоречия, отсутствие согласия[3].

По мнению Л.Н. Захаровой, в физическом пространстве организации могут разгораться самые разные конфликты: организационные и неорганизационные. К неорганизационным конфликтам автор относит внутриличностные, носителями которых могут быть сотрудники, находящиеся в конфликте с самим собой по причинам, не связанным с организационными процессами; межличностные на основе личной неприязни. Организационными являются такие конфликты, которые возникли,

существуют, развиваются как результат угрозы значимым потребностям людей, исходящей от организационных отношений.

Организационные конфликты могут возникать во всех сферах организационных отношений: производственных (по поводу того, как следует выполнять те или иные производственные операции), формальных (конфликт между работником и представителем работодателя по поводу отказа от выполнения работы за пределами трудовой функции), неформальных (конфликт между работниками, например, после обсуждения преимущественного права на оставление на работе ввиду сокращения численности или штата)[4].

В конфликте каждый из его участников пытаются игнорировать интересы друг друга, что в результате негативно влияет на производственную атмосферу и ложится дорогостоящим бременем на конфликтующие стороны и на общество в целом.

Возможно ли бороться с насилием в трудовых отношениях безнасиленным путем?

Ответ на этот вопрос дает законодатель в ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (далее Закон о медиации)[5] и призывает внедрять в российскую практику цивилизованный метод урегулирования трудовых споров. Медиация как способ внесудебного разрешения споров в мировой практике применяется весьма широко и дает ощутимые результаты – до 70-80% решаемых с участием медиатора споров заканчиваются заключением соглашения между сторонами[6].

По-мнению В. Кернтке, медиация во многих случаях представляет собой хорошую альтернативу судебным разбирательствам. Одновременно, если медиация не хочет ограничиваться маргинальным существованием, она должна интегрироваться в регулируемую систему, признанную обществом и наделенную полномочиями реализации решений, то есть кодифицированное право[7]. В настоящее время в Российской Федерации созданы такие правовые основы становления и развития медиации.

В соответствии с п.2 статьи 1 Закона о медиации, споры, возникающие из трудовых правоотношений, могут быть урегулированы с применением данной процедуры.

Процедура медиации – способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения.

Почему при урегулировании трудовых споров медиацию стоит предпочесть иным способам?

Медиация базируется на предпосылке, что все участники конфликта должны быть задействованы в его определении и разрешении. Отличительным преимуществом медиации является то, что это сотрудничающий, а не индивидуалистический процесс[8].

В отличие от судебного разбирательства, процедура медиации не затягивается на месяцы и годы, она может завершиться всего лишь в течение нескольких часов, соответственно она экономит не только время, но и деньги. Медиация сохраняет конфиденциальность спора, позволяет сберечь деловые связи и отношения[9].

Но, как отмечает Ц. Шамликашвили, есть еще одно, может быть самое важное, преимущество медиации, из которого вытекают все ее достоинства. Медиация – это процесс, в котором нет проигравших. Результат медиации не запрограммирован на «да» и «нет», на «прав» и «виноват». Результат удачной медиации может быть самым неожиданным, но всегда выгодным для всех спорщиков и полностью удовлетворяющим их интересы. Противопоказание к применению медиации только одно: нежелание спорщиков в принципе разрешить свой спор миром [10].

До тех пор, пока важнее всего будет отстаивание собственных прав, обвинение, отрицание равных прав у другой стороны, насилие как способ воздействия друг на друга будет иметь место в трудовых отношениях.

Литература

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 года (с изм. от 28 июля 2012 г) // СЗ РФ.2002. №1 (ч.1). Ст.3; 2012. № 31. Ст. 4325.
2. Таль Л.С. Трудовой договор. Цивилистическое исследование. Ч.2. Ярославль.1918. С.71.
3. Захарова Л.Н. Психология управления: учебное пособие.- М.: Университетская книга: Логос. 2009. С.281.
4. См.: Там же. С.307-308.
5. ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»// СЗ РФ. 2010. № 31. Ст.4162.
6. Большова А.К. Состояние и перспективы сокращения нагрузки на судей// Журнал российского права. 2010. № 10. С.87.
7. Кернтке В. Медиация как метод организационного развития: Работа с конфликтами – руководство к действию для руководителей/ Пер. с нем. И. Тарасовой. СПб. 2011. С.53.

8. Кроули Д., Грэм К. Медиация для менеджеров: разрешение конфликтов и восстановление рабочих отношений. – М., 2010. С.15.
9. Пун Г. Руководство по медиации для корпоративных юристов. - М., 2012. С.15-16.
10. Азбука медиации/Научно-метод. центр медиации и права. 2011. С.37.

**АЗАРТНЫЕ ИГРЫ КАК ИСТОЧНИК НАСИЛИЯ
В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ И ПРАВОВЫЕ
ФОРМЫ ИХ ОГРАНИЧЕНИЯ**
**GAMBLING AS A REASON FOR VIOLENCE IN THE MODERN
SOCIETY AND LEGAL FORMS OF ITS RESTRICTION**

А.В. Сохан
*Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского*
A.V. Sokhan
Nizhniy Novgorod State University after N.I. Lobachevskiy

Рассматриваются основные исторические этапы законодательного ограничения азартных игр как одного из источников насилия в российском обществе.

In the are article analysed main historical periods of legal restriction of gambling.

Ключевые слова: азартные игры, история государства и права, Россия

Keywords: gambling, history of state and law, Russia

Склонность к играм, в том числе азартным, присуща самой человеческой природе, в ряде случаев приобретает криминальный характер и влечет применение насилия в обществе. Поэтому сфера организации и проведения азартных игр должна находиться под строгим контролем государства, государство должно предпринимать все возможные меры, в том числе и запретительные, чтобы максимально ограничить азартные игры в общественной жизни и не допустить возникновения негативных последствий данного явления, в первую очередь, каких-либо насильственных действий. Предлагаем рассмотреть основные исторические формы правового ограничения азартных игр как источника насилия в российском обществе.

С древнейших времен и до середины XVI века азартные игры не являлись объектом правового регулирования и полностью регулировались религиозными нормами, нормами морали и другими социальными нормами. В середине XVI века стали появляться первые упоминания об отдельных видах азартных игр в нормативных правовых актах, осуждающих данную деятельность. При этом в Московском государстве нередко азартные игры рассматривались как источник доходов государственной казны: известны случаи, когда карты и зернь – популярные тогда азартные игры отдавались на откуп частным лицам. В XVII-XVIII вв. ослабевают позиции церкви и ее влияние на общественную жизнь, на смену религиозных норм о запрете нетрудовых способов дохода приходят правовые нормы о запрете азартных игр. Однако несмотря на устанавливаемые запреты и меры ответственности за их нарушение, азартные игры продолжают активно распространяться и становятся неотъемлемой частью дворянской жизни как постоянный элемент досуга. В XVIII-XIX века принимаются многочисленные правовые акты, нередко дублирующие друг друга, направленные на ограничение азартных игр в жизни общества. Безрезультатность принимаемых актов отчасти связана с личным отношением российских императоров к данному явлению: Петр II, Анна Иоанновна, Елизавета Петровна, Петр III, Екатерина II, Николай I сами играли в азартные игры, что было примером для дворянства. Азартные игры в дореволюционной России служили одним из основных способов времяпрепровождения. Проводившуюся в дореволюционной России политику в отношении азартных игр нельзя назвать борьбой с азартными играми, это, скорее, была некая ограничительная политика. При этом меры ответственности за большинство нарушений правил об азартных играх были достаточно мягкими. Все это не способствовало искоренению из общественной жизни данного явления, которое с очевидностью влекло множество негативных последствий для общества.

Произошедшие в результате революции 1917 года изменения в социальной структуре общества неизбежно повлекли изменения и в отношении азартных игр. Вместе с дворянством исчезли сложные старинные карточные игры, клубы, собрания, где проходили такие игры, однако склонность к азарту не исчезла, изменились лишь формы ее проявления: игры стали примитивными и часто агрессивными. Советское государство четко определило свое отношение к азартным играм: они были признаны несовместимыми с духом трудового пролетариата. Поэтому государство берет курс на борьбу с азартными играми. Вместе с тем

первоначально советское государство многократно прибегает к различным способам получения дохода от азартных игр, даже разрешая в ряде случаев создавать игорные заведения. Однако в последующем запрещаются все игорные заведения, а перед распадом СССР запрещается и само участие в азартных играх на деньги, вещи и иные ценности. При этом государство активно использует лотереи как источник средств для решения различных социальных проблем. В целом, политика советского государства, особенно в послевоенный период, является намного более жесткой и последовательной в отношении азартных игр, нежели в Российской империи. В условиях тоталитарного государства масштабы распространения азартных игр были минимальны. Однако азартные игры не исчезли из общественной жизни: они велись среди уголовного элемента в тюрьмах, лагерях, поездах, на квартирах, дачах и т.д. и, главным образом, тайно. Основными разновидностями азартных игр, разрешенных в советское время, были игры на тотализаторе и лотереи.

Что касается современного этапа в развитии законодательства об азартных играх, то действовавший перед распадом СССР запрет на организацию, проведение и участие в азартных играх, а также на создание игорных заведений постепенно сменяется на полную свободу игорной деятельности в конце XX – начале XXI вв. Вступившие в силу с 1 июля 2009 года предусмотренные ФЗ № 244-ФЗ положения о деятельности игорных заведений исключительно в специальных игорных зонах осложнило создание игорных заведений в России. При этом букмекерские конторы и тотализаторы продолжают действовать на основе лицензий. Лотереи также могут проводиться на всей территории России при наличии разрешения государственных или муниципальных органов. Такие резкие изменения в правовом регулировании игорной деятельности привели к тому, что многие ранее действовавшие официально игорные заведения продолжили существовать под видом тотализаторов, букмекерских контор, лотерейных клубов, а также различных Интернет-заведений. Лотерейное оборудование и используемые на них программы нередко ничем не отличаются от принципов работы игровых автоматов. То есть серьезные ограничения для легальной деятельности игорных заведений не имеют никакого значения при условии существования в настоящее время возможностей для маскировки игорных заведений под различные разрешенные заведения. Такая законодательная политика представляется недостаточно продуманной и требующей реформирования.

**О СОВРЕМЕННЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ
КРИМИНОФАМИЛИСТИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ, ЗАТРАГИВАЮЩИХ
ПРОБЛЕМАТИКУ НАСИЛИЯ В ОТНОШЕНИИ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ**
**TO THE QUESTION ABOUT MODERN DIRECTIONS
IN CRIMINOFAMILISTIC'S INVESTIGATIONS,
TAKING PROBLEMS OF VIOLENCE CONCERNING
UNDER AGE**

С.С. Тихонова

Нижегородский государственный университет

им. Н. И. Лобачевского

S.S. Tikhonova

Nizhny Novgorod State University after Lobachevsky

Обсуждаются вопросы разработки мер предупреждения насильственных преступлений, совершаемых в семье в отношении несовершеннолетних, в отечественных криминологических исследованиях; поднимается проблема невмешательства во внутрисемейные отношения представителей общественности и государственных структур; оценивается значимость экономического фактора в создании гармоничной атмосферы внутри семьи.

In this article we will discuss questions about working out the prevention of forcible crimes, which are managed to be in the family, relative to under age; rises problem of the non-intervention in the family circle's relations from leaders of the community and government's structures, in home criminal investigations; fixes the price of economical factor in invention harmonious atmosphere in the family.

Ключевые слова: виктимность несовершеннолетних; внутрисемейная преступность; криминофамилистика; насилие; семья

Keywords: victimization of minors; criminality in the family circle; criminofamilistic; violence; family

Уникальность семейных отношений как одной из составляющих частной жизни человека (неприкосновенность которой гарантирована Конституцией РФ) заключается в том, что они формируются, находясь большей частью вне поля зрения общественности и правоохранитель-

ных структур. Одно из негативных последствий обособленности и наименьшей нормативной урегулированности семейных отношений среди прочих общественных отношений – фактическая возможность разрешения возникающих внутрисемейных конфликтов внеправовыми, в том числе противоправными способами, включающими применение насилия к наименее защищенным членам семьи – несовершеннолетним. Неэффективность мер предупреждения жестокого обращения с несовершеннолетними в семье снижает эффект от всей системы правоохраны представителей данной возрастной социальной группы. И, несмотря на то, что внутрисемейная насильственная преступность как интегративный результат сложного взаимодействия множества социальных свойств индивидов (членов семьи) характеризуется латентностью, что существенным образом затрудняет анализ ее реального состояния, это не может служить антистимулом к научным разработкам по проблематике совершенствования многоуровневой системы государственных и общественных мер предупреждения данного вида преступности.

В рамках современной доктрины преступности социальных подсистем актуализируется изучение взаимодействия (интеракции) между членами семьи, приводящее к возникновению криминального конфликта, характеризующегося применением насилия к несовершеннолетним, обладающим повышенной виктимностью, мотивации соответствующего насильственного поведения внутри семьи (самоутверждение; корысть; избавление от забот, связанных с несовершеннолетним и др.). При этом сама семья понимается как фактическое социальное образование (специфическая социальная единица), в том числе не характеризующееся правовыми связями его членов. Однако эффективность проведения криминофамилистических исследований зависит от качества информационного обеспечения, в то время как получение точных статистических данных о структуре насильственной внутрисемейной преступности представляет собой серьезную проблему. В этой связи настоятельной необходимостью является развитие *виктимологической статистики* как самостоятельного раздела уголовной статистики, введение соответствующей статистической карточки при регистрации преступления, позволяющей учитывать как возраст потерпевшего, так и его родство с виновным.

Исследуя вопрос о механизме возникновения умысла на применение насилия в отношении ребенка, криминологи подчеркивают различия как в механизме его возникновения, так и в механизме его реализации у членов семьи противоположного пола, обращаясь к проблематике фи-

зиологически обусловленных периодов (период беременности; послеродовой период и т.д.) агрессии у лиц женского пола, а также к проблематике возрастной агрессивности разнополых лиц. При этом необходимо подчеркнуть, что проводимые в России криминофамилистические исследования подтверждают выводы криминологов относительно того, что субъекты внутрисемейных насильственных преступлений в свою очередь в подавляющем большинстве – выходцы из неблагополучных семей, усвоившие силовую модель поведения при внутрисемейном конфликте в процессе первичной социализации.

Опираясь на результаты проводимого в рамках криминофамилистических исследований анкетирования несовершеннолетних, можно говорить об ориентации детей на внешнюю помощь в ситуации внутрисемейного насилия. Однако в России повсеместно наблюдается ситуация осведомленности третьих лиц о применении насилия к несовершеннолетним без сообщения о ставших известными фактах сотрудникам правоохранительных органов для принятия соответствующих мер к виновным лицам. В современном российском обществе распространен стереотип поведения (полностью противоположный советскому подходу) – невмешательство во внутрисемейные дела. Кроме того, и сами представители государства игнорируют материалы о жестоком обращении с несовершеннолетними, получаемые, в частности, в ходе бракоразводных процессов и иных разбирательств, что свидетельствует о формализме в осуществлении служебных обязанностей.

Криминофамилистические исследования подтверждают, что для семей, практикующих жестокое обращение с несовершеннолетними, характерен низкий материальный достаток. Логическим следствием заявленного подхода криминологов к оценке значимости экономического фактора в создании гармоничной атмосферы внутри семьи является прогнозирование дальнейшего роста насильственных преступлений, совершаемых членами семьи в отношении несовершеннолетних, в связи с ростом безработицы среди населения России. Отсутствие комплексных государственных мероприятий по скорейшему выходу Российской Федерации из экономического кризиса порождает увеличение общего уровня тревожности населения, нарушающего и микроклимат в семье, в связи с чем представители отечественной криминофамилистики предлагают осуществлять льготное кредитование многодетных семей. В то же время большинство криминологов реалистично смотрит на перспективу реализации предложений, сопровождающихся значительными материальными затратами со стороны государства. Так, присоединяясь к из-

вестной в криминологии позиции относительно целесообразности создания резервных жилищных фондов для размежевания лиц, расторгших брак (в целях предупреждения конфликтных отношений в процессе продолжающегося вынужденного совместного проживания лиц), многие криминологи не рассматривают создание таковых возможным в современных условиях затянувшегося экономического кризиса.

Понимая под предупредительным воздействием на внутрисемейную насильственную преступность все те виды социальной деятельности, которые позволяют обеспечивать функционирование общественного механизма, стимулирующего право послушность поведения и ослабление причинных связей преступности, криминологи дают низкую оценку эффективности существующей системы организации досуга населения по месту жительства, обнаруживая в ней существенные недостатки, негативно сказывающиеся на взаимодействии субъектов семейных отношений в свободное время. В целях разработки оптимальной системы мер предупреждения внутрисемейной насильственной преступности криминофамилистами подвергается оценке и превентивное значение привлечения к административной ответственности лиц, склонных к антиобщественной деятельности. Однако в настоящее время приходится вынужденно констатировать отсутствие позитивных последствий как привлечения к административной ответственности, так и судимости лица за предыдущее преступление, назначением которой по действующему уголовному законодательству является исправление виновного и предупреждение совершения им новых преступлений. Что же касается сомнений криминологов относительно целесообразности сохранения введенного в Российской Федерации с 2003 года запрета принудительного лечения лиц, страдающих алкоголизмом или наркоманией, в случае совершения ими преступления, то они являются абсолютно обоснованными. Возврат к принудительному лечению соответствующего контингента виновных за счет средств государства представлял бы собой адекватную меру предупредительного воздействия на криминальное поведение социопатов.

**НАСИЛИЕ, ВИНА, НЕПРЕОДОЛИМАЯ СИЛА: ОСОБЕННОСТИ
ЮРИДИЧЕСКОЙ КОНСТРУКЦИИ ТЕРМИНОВ**
**VIOLENCE, FAULT, FORCE MAJEURE: PECULIARITY
JURIDICAL CONSTRUCTION TERMS**

С.З. Шарангия
*Нижегородского государственного университета
им. Н.И. Лобачевского*
S.Z. Sharangia
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Рассмотрены юридические конструкции таких правовых категорий, как насилие, вина и непреодолимая сила.

The article describes the legal structure of such legal categories of violence, fault and force majeure.

Ключевые слова: насилие, вина, непреодолимая сила, обстоятельства непреодолимой силы

Keywords: violence, fault, force majeure, conditions force majeure

Юридические конструкции таких правовых категорий как насилие, вина, непреодолимая сила имеют разную правовую природу, но тем не менее взаимосвязь между ними можно охарактеризовать терминологическими привязками. Можно говорить, что данные понятия взаимосвязаны внутренним единством прав, обязанностей и форм ответственности соответствующих лиц.

Проблема насилия в обществе – одна из самых глобальных проблем нашего времени. Содержанию слова «насилие» и различным его понятийным значениям (социологическое, религиозное, национальное, медицинское, сексуальное, преступное насилие и др.) уделяется пристальное внимание всего мирового сообщества[1].

Насилие определяют как элемент политической, социальной, экономической организации общества[2].

Мировое сообщество стремится найти и описать единую форму человеческого поведения, несущего в себе содержание разрушающей силы – зло. Так, всемирная организация здравоохранения определяет «насилие» как «преднамеренное применение физической силы или власти, действительное или в виде угрозы, направленное против себя, против иного лица, группы лиц или общины, результатом, которого явля-

ются (либо имеется высокая степень вероятности этого) телесные повреждения, смерть, психологическая травма, отклонения в развитии или различного рода ущерб»[3].

С юридической точки зрения, «насилие» – это умышленное общественно опасное противоправное воздействие на организм человека, осуществляемое против или помимо воли потерпевшего, направленное на нарушение физической и психической неприкосновенности.

В юридической науке выделяют следующие виды насилия:

– «физическое насилие» – умышленное общественно опасное противоправное воздействие на организм человека, осуществляемое против или помимо воли потерпевшего, направленное на нарушение физической неприкосновенности;

– «психическое насилие» – это умышленное, общественно опасное противоправное воздействие на психику человека, осуществляемое против воли потерпевшего, направленное на нарушение психической неприкосновенности;

– «принуждение» – умышленное общественно опасное противоправное воздействие на организм и сознание человека, осуществляемое против или помимо воли потерпевшего, в целях совершения (либо несовершения) принуждаемым определенных действий в интересах принуждающего или представляемых им лиц;

– «понууждение» – умышленное общественно опасное противоправное воздействие на сознание лица, осуществляемое против воли потерпевшего, в целях совершения (либо несовершения) понуждаемым определенных действий в интересах понуждающего или представляемых им лиц, осуществляемое посредством применения к этому лицу психического насилия.

Каждое из действий, входящих в содержание видов насилия, попадают под признаки преступлений, указанных в соответствующих статьях Уголовного кодекса РФ, и могут быть условно выделены в самостоятельные преступления. Особенностью вменения является то, что каждый из представленных видов имеет собственный юридический состав и форму вины.

Вина (ст. 5, 24, 25, 26 УК) — это обязательный признак субъективной стороны преступления, понимаемый как *психическое отношение лица к совершаемому деянию и наступившим последствиям*. Учение о вине является стержневым в теории уголовного права и в судебной практике. Как писал проф. Н.С. Таганцев, каждое цивилизованное государство крайне озабочено «...и тем, чтобы кривда правду не переспори-

ла, и тем, чтобы при этом торжестве правды карающий меч правосудия разил только виновного и разил по *мере его вины*»[4].

Принцип субъективного вменения, закрепленный в ст. 5 УК РФ устанавливает, что «лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина». Данный принцип указывает на сугубо персональный характер уголовной ответственности, установленный российским законодательством. За совершенное преступление отвечает лишь тот, кто является виновником, но не социальная общность, к которой он принадлежит, не его семья, единомышленники или иные лица. Принцип вины предполагает не только физическую, но и психологическую индивидуальность субъекта. Вина – это необходимое условие юридической ответственности. Без установления вины не могут вменяться оценочные признаки «насилие», «насилие, не опасное для жизни или здоровья» и «насилие, опасное для жизни или здоровья».

Природные стихийные явления – наводнения, землетрясения, тайфуны, пожары, резкие температурные колебания, влекущие гибель или позднее созревание урожая. Некоторые обстоятельства общественной жизни – военные действия, эпидемии, революции, национальные и отраслевые забастовки, войны, запретительные акты государственной власти, все это относится к обстоятельствам непреодолимой силы, которые в той или иной степени связаны с насилием.

При обстоятельствах непреодолимой силы насилие может быть выражено в последствиях, причиненных непреодолимостью данного явления.

Понятие непреодолимой силы (*vis major, force majeure, act of God*) существует уже тысячелетия и означает высшую силу, «божий промысел», судьбу, событие, превосходящее по силе те человеческие силы, которые можно ему противопоставить, а потому освобождающее от ответственности[5]. Это понятие было известно римскому частному праву классического периода, гражданскому праву стран континентальной Европы, англо-американскому гражданскому праву (форс-ажорные оговорки в договорах). В российском гражданском праве непреодолимая сила традиционно определяется как чрезвычайное и непредотвратимое при данных условиях обстоятельство (ст. 85 ГК РСФСР 1964 года, п. 2 ст. 71 Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик, ст. 202, п. 3 ст. 401 действующего ГК РФ).

В зарубежных государствах никогда не вызывало сомнения также и то, что непреодолимой силой могут быть социальные явления. Например, в римском частном праве к «социальным» обстоятельствам непреодолимой силы относили вооруженное нападение банды, кражу, совершенную с насилием, и тому подобные обстоятельства. Современное гражданское право зарубежных стран относит к непреодолимой силе забастовку, революцию, войну, а также невозможность исполнения по объективным причинам.

Непреодолимую силу можно рассмотреть в двух аспектах:

непреодолимая сила – это само объективное стихийное или социальное обстоятельство, а во втором – основание освобождения от ответственности, другими словами, граница ответственности. Поскольку непреодолимая сила в силу закона является основанием освобождения от ответственности без вины и ее границей, понятие непреодолимой силы в этом аспекте не может быть не связано с понятиями, обозначающими субъективное отношение правонарушителя к своему противоправному поведению «вина» и «невиновность». Кроме того, из определения «непреодолимая сила», закрепленного в п. 3 ст. 401 ГК РФ, следует, что непреодолимая сила – это обстоятельство, обладающее качествами чрезвычайности и непредотвратимости не вообще, а при данных условиях, то есть условиях деятельности конкретного субъекта.

Гражданский кодекс указывает обязательные, императивные признаки, которые в совокупности определяют непреодолимую силу. Любые другие характеристики (такие, как "внешность", "внутренность", "законность" обстоятельства по отношению к деятельности, причиняющей убытки) являются дополнительными, от их наличия или отсутствия ничего не зависит. Другими словами, они не влияют на юридическую оценку события как обстоятельства непреодолимой силы, а лишь помогают детально воссоздать обстановку случившегося.

Известно, что непреодолимая сила подразумевает под собой ряд негативных непреодолимых последствий, которые невозможно предотвратить в момент их наступления.

Как и непреодолимая сила, так и насилие представляют собой негативные явления.

Юридические дефиниции: насилие, вина и непреодолимая сила могут быть взаимосвязаны друг другом. Насилие как общественно опасное деяние может явиться следствием действия непреодолимой силы и подразумевать собой вину определенных лиц, в то же время насилие может быть вызвано действием непреодолимой силы, которая является обстоятельством, освобождающим от ответственности, соответственно и от вины.

Литература

1. Токарчук Р. Е. Некоторые теоретические вопросы соотношения уголовно-правовой и социальной категорий “насилие” // Преступность и общество: сб. науч. тр. – Москва: ВНИИ МВД России, 2011. – С. 187.
2. Гутгенбуль А. Зловещее очарование насилия. Профилактика детской агрессивности и жестокости и борьба с ними / пер. с немец. Н. Скородума, послесл. В. Зелинского. – СПб., 2000.
3. Насилие и его влияние на здоровье: доклад о ситуации в мире / под ред. Этьенна Г. Круга и др. М-2000; пер.с англ. - С. 5.
4. Вина в насильственных хищениях // Уголовное право. – 2007. – № 3. – С. 39
5. Ответственность без вины в гражданском праве: Дмитриева О.В. – Воронеж. Изд-во ВВШ МВД РФ, 1997 – с.86

РЕАБИЛИТАЦИЯ ПОСТРАДАВШИХ ОТ СЕКСУАЛЬНОГО НАСИЛИЯ

НАСИЛИЕ В РЕКЛАМЕ КАК ФАКТОР КОНСТРУИРОВАНИЯ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ VIOLENCE AS A FACTOR IN ADVERTISING DESIGN GENDER IDENTITY

А.М. Глазырина, Т.Л. Михайлова
Нижегородский государственный технический университет
A.M. Glazyrina, T.L. Mikhailova
Nizhny Novgorod State Technical University

Анализируется насилие в рекламе в рамках гендерной проблематики. Средства рекламы задают гендерные нормы и стереотипы поведения, определяя формирование гендерной идентичности. Диапазон возможного выбора достаточно широк: образы супермужчины, эмансипированной феминистки, традиционной женщины и др. демонстрируют, каковы шансы мужчин и женщин в доминировании во властных структурах.

The authors analyze a violence used in commercial in gender range of problems. Commercial makes various gender regulations and behavior stereotypes thus defining a shape of gender identity. A wide variety of possible choice - images of superman, emancipated feminist etc. demonstrates recipients which chances men and women have in domination inside power structures.

Ключевые слова: гендер, гендерная идентичность, гендерный дисплей, маскулинность, феминность, насилие в рекламе

Keywords: gender, gender identity, gender display, masculinity, femininity, domestic advertising

Постмодернистские и конструктивистские работы по гендеру отвергают идею о неподвижной и стабильной гендерной идентичности. Исследователи рассматривают маскулинность и феминность как постоянный меняющийся набор значений, которые мы конструируем в обществе, друг с другом и окружающим нас миром. Конструирование гендера

можно сравнить с процессом постоянного накопления гендерного опыта, дополняющего и раскрывающего гендерную идентичность [1, С.7]. В отличие от традиционных обществ, где социализация была процессом обретения отдельным индивидом идентичности, уже присущей всем остальным, в настоящее время обретение идентичности становится одновременно ее созданием, конструированием. Существует достаточно большое количество факторов, оказывающих влияние на гендерно-ролевую социализацию индивида. К факторам, определяющим закрепление «мужской»/ «женской» идентичности, относят наряду с образованием, общественным мнением, произведениями литературы, СМИ и рекламу. Весь арсенал этих средств направлен на воспроизводство традиционных представлений о ролях мужчин и женщин, а также формирование новых гендерных норм и моделей поведения.

Целью этого исследования и является анализ рекламы, репрезентирующей насильственное поведение в рамках гендерной проблематики. В частности, делается акцент на особенностях конструирования маскулинности/феминности в российской рекламе. В фокусе исследовательского интереса оказались как сам процесс формирования гендерной идентичности, так и роль насилия в рекламе в процессе ее конструирования.

Рассмотрение насилия в рамках гендерного дискурса требует от авторов новой теоретической интерпретации понятия «насилие». В социологии насилие определяется как «разновидность агрессивного поведения, целью которого является причинение вреда другому человеку, которое может быть не только физическим, но и сексуальным, экономическим, психологическим. Насилие в гендерных отношениях может быть определено как разновидность агрессии на основе признака пола; это поведение, наносящее вред или имеющее целью причинение вреда другому человеку» [2].

Конструирование гендерной идентичности протекает через принятие и усвоение предлагаемых обществом, семьей, сверстниками, школой, СМИ гендерных норм и правил поведения (мальчик не должен плакать, девочка должна быть послушной), внешнего вида, мимики, жестов, ценностей. Так, например, мужчины не красят волосы, женщины не носят брюки. Или отметим некоторые манеры: женщины не курят, мужчины должны уступать место женщинам в трамвае [3, С. 11]. И в этом смысле реклама, насыщенная образными сообщениями о том, что представляет собой гендер, может считаться одним из наиболее агрессивных факторов, определяющих становление гендерной идентичности. Рекла-

ма визуализирует коммуникативное пространство, действуя через повседневную ткань жизни человека, увеличивает воздействие на аудиторию многократным повторением идентичного сообщения, от чего реципиент теряет способность критической оценки воспринимаемой информации. С учетом того, что насилие подсознательно притягивает и завораживает человека, оно является наиболее выигрышным и оправданным, с точки зрения финансовой мотивации данного вида деятельности, элементом рекламы. По данным исследований, в 2001 году за два часа телевещания зрители пяти каналов (ОРТ, Россия, НТВ, Тв-6, Ren-TV) увидели 103 сцены насилия в рекламе [4]. При этом было выявлено, что в рекламных паузах сцен насилия больше, чем в остальных передачах. Мотивы насилия также используются и в печатной рекламе (см. подборку материалов на сайтах: www.sexistad.com; www.advertorial.ru).

В рекламной продукции, ориентированной на женскую аудиторию, гендер практически полностью приравнивается к полу (в особенности это касается изображения женщин исключительно в рамках половой принадлежности); внимание реципиента рекламного сообщения приковывается к полу, а не к социальной личности. Женственность в рекламных объявлениях проявляется в бесконечной агрессивной демонстрации всевозможных костюмов и поз, разнообразии ролей, часто взаимоисключающих друг друга [5]. Кроме того, наблюдается явное преобладание объявлений, утверждающих недостижимые для большинства женщин стандарты красоты и акцентирующих внимание на значимости женской привлекательности для достижения профессионального успеха. Таким образом, реклама совершает психологическое насилие над субъектом, усиливая чувство беспокойства и тревоги, формируя неудовлетворенные потребности, воспитывая чувство самоуничижения и презрения к себе в тех, кто не достиг успеха в следовании предложенным идеальным образцам. Реклама также может осуществлять некоторую корректировку гендерных стереотипов аудитории. Диапазон возможного выбора достаточно широк. Это и образы суперженщины и супермужчины, эмансипированной феминистки, традиционной женщины, демонстрирующие реципиентам потенциальные шансы мужчин и женщин относительно их возможностей доминирования во властных структурах.

В ходе социальной коммуникации рекламные символические репрезентации женственности и мужественности передают информацию о характерных особенностях межличностных взаимоотношений мужчин и женщин и зачастую оказывают психологическое насилие, активно используя стереотипы «настоящей женщины», «настоящего мужчины»,

тем самым определяя формирование гендерной идентичности [6]. Традиционные стереотипы мужественности побуждают мужчин демонстрировать активность, напористость, целеустремленность, силу, выраженный волевой потенциал, уверенность в себе, умение добиваться своих целей, настоять на своем, для чего допускается проявление агрессивности и директивности. В рекламе агрессия и насилие часто репрезентируются как неотъемлемая часть маскулинной мужской идентичности. В телерекламе и печатной продукции нередки случаи демонстрации культурного одобрения применения силы мужчинами, поскольку агрессивность понимается как «гендерно маркирующая» форма поведения [4,С.64]. Для женщин, в соответствии со стереотипом женственности, напротив, важно в отношениях с другими людьми проявлять уступчивость, мягкость, деликатность, скромность, застенчивость, отзывчивость, умение понять и простить другого, жертвенность, заботливость, а также умение достигать своих целей, не используя явного доминирования и директивности. При этом в рекламной продукции позитивно оценивается использование женщинами манипуляции в целях достижения собственной выгоды. Женщина, которая в совершенстве владеет мастерством манипуляций, неслучайно именуется «настоящей женщиной», а сами манипуляции – «маленькими женскими хитростями». Вот почему навязываемые, в том числе и рекламой, гендерные стереотипы побуждают мужчин и женщин в межличностных отношениях реализовывать не партнерскую, а доминантно-зависимую модель отношений. В такой модели отношений главенствующая позиция завоевывается мужчинами часто при использовании подавления и явного принуждения как способа воздействия на свою партнершу, а женщины чаще обращаются к скрытому психологическому принуждению – манипулированию как способу влияния и достижения властных позиций.

Таким образом, традиционные гендерные стереотипы, широко представленные в рекламе, ориентируют мужчин и женщин как субъектов межполового взаимодействия на формирование такой модели поведения, где нет партнерства, а отношения характеризуются несимметричностью, проявляющейся во власти одного субъекта над другим. Представляется, что пока не будет преобразовано смысловое содержание мужественности и женственности и их репрезентации в рекламе и других каналах социальной коммуникации, не удастся устранить проявление разных форм насилия в гендерных отношениях.

Литература

1. Здравомыслова, Е. Социальная конструкция гендера и гендерная система в России /Е. Здравомыслова, А.Темкина// Гендерное измерение социальной и политической активности в переходный период. Сборник статей; под ред. Здравомысловой Е., Темкиной А. – СПб.: Труды ЦНСИ. 2009. Вып. 4. С. 5-13.
2. Лысова, А. В. Женская агрессия и насилие в семье/А.В. Лысова // Общественные науки и современность, 2008, № 3.
3. Темкина, А. Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России /А. Темкина, А. Роткирх, А. //Социс, 2005, № 11. – С. 4-15.
4. Материалы федерального образовательного портала «Экономика-социология-менеджмент» // www.ecsocman.edu.ru/
5. Материалы сайта «Сексизм в рекламе» // www.ecsocman.edu.ru/
6. Гендерная экспертиза российского законодательства / Отв. ред Л. Завадская. М.: Изд-во БЕК, 2009.
7. Михайлова, Т. Л. Женское молчание как бинарная оппозиция мужскому властному дискурсу /Т.Л. Михайлова// Женщина в российском обществе. Российский научный журнал, 2008, № 4 (49). – С. 62-77.

ТРЕНИНГ «МЕТОДЫ И ТЕХНИКИ РЕАБИЛИТАЦИИ ДЕТЕЙ, ПОСТРАДАВШИХ ОТ НАСИЛИЯ»

TRAINING "METHODS AND TECHNIQUES OF REHABILITATION OF CHILD VICTIMS OF VIOLENCE"

А.Г. Ермолаева
Нижегородский Женский Кризисный Центр
A.G. Ermolaeva
Nizhny Novgorod Women's Crisis Center

Цели тренинга:

1. Выявление психологических последствий детей, пострадавших от насилия.
2. Диагностика посттравматического стрессового расстройства у детей, пострадавших от насилия.
3. Обучение методам и техникам психологической реабилитации детей, пострадавших от насилия в зависимости от возраста и вида насилия.
4. Разработка протокола психологической реабилитации ребенка, пострадавшего от насилия.
 - Психологический портрет ребенка, пострадавшего от насилия. Механизмы развития ОСР и ПТСР. Особенности протекания посттравматического стрессового расстройства у детей.

- Первичное консультирование. Практические упражнения.
- Психологическая диагностика детей, пострадавших от насилия, в зависимости от возраста. Практические упражнения.
- Индивидуальная терапевтическая работа с детьми, пострадавшими от насилия, в зависимости от возраста и вида насилия. Игровая терапия, арттерапия, сказкотерапия, терапия с использованием песка. Работа с гримом. Особенности работы с детьми, пережившими сексуальное насилие. Практические упражнения.
- Техника реперезивания. Практические упражнения.
- Групповая работа с подростками, пережившими сексуальное насилие.
- Завершение тренинга. Обратная связь.

Психологический портрет ребенка, пострадавшего от насилия

- 1) Чувство вины и стыда.
- 2) Повышенная тревожность, страхи, вызванные недоверием по отношению к взрослым и окружающему миру.
- 3) Повышенная возбудимость или заторможенность.
- 4) Неуверенность в себе, заниженная самооценка.
- 5) Отказ от привычных игр и увлечений.
- 6) Проявление агрессии и аутоагрессии.
- 7) Сексуализированное поведение.

Механизм развития острого стрессового и посттравматического стрессового расстройства

- Борьба или бегство как два варианта реагирования на стресс.
- При отсутствии этих вариантов происходит «зависание» в незавершенной стрессовой ситуации.
- Оживание сенсорных переживаний в сознании – «флэш-беки», ночные кошмары.
- Преодоление невыносимой ситуации с помощью социальной изоляции и самодеструктивного поведения (прием алкоголя, наркотиков, самоповреждения) и диссоциации.
- Создание доминирующих «травматических сетей» памяти.
- Невозможность свободно распоряжаться фантазией и когнитивными ресурсами.
- Компulsive повторное переживание травматических событий.

Диагностические критерии посттравматического стрессового расстройства по DSM-IV

– Ребенок подвергся воздействию психотравмирующего события, которое включало смерть или угрозу смерти либо тяжелого ранения, или угрозу физической целостности;

– Реакция ребенка включала интенсивный страх, беспомощность или ужас (у детей это может проявляться в виде дезорганизованного или возбужденного состояния);

– Психотравмирующее состояние упорно переживается вновь и вновь одним (или более) из перечисленных способов:

1) повторяющиеся мучительные навязчивые воспоминания о событии, включая представления, мысли или ощущения (у детей младшего возраста могут наблюдаться повторяющиеся игры, в которых звучат темы и аспекты пережитой травмы);

2) повторяющиеся тягостные сновидения о событии (у детей это могут быть пугающие сновидения с неопределенным содержанием);

3) такое поведение и эмоции, как будто событие происходит снова, включая чувства оживления пережитого, иллюзии, галлюцинации и диссоциативные эпизоды навязчивых воспоминаний («флэш-бек»), у детей младшего возраста может наблюдаться повторяющееся проигрывание в лицах эпизодов травмы;

4) интенсивный психологический дистресс при воздействии внешних и внутренних сигналов, которые символизируют или имеют сходство с каким-либо аспектом психотравмирующего события;

– Постоянное избегание стимулов, ассоциирующихся с травмой, снижение общей реактивности (отсутствующей до травмы), на что указывает три (или более) из перечисленных ниже признаков:

1) стремление избегать мыслей, чувств или разговоров, ассоциирующихся с травмой.

2) стремление избегать действий, мест, людей, напоминающих о травме.

3) неспособность вспомнить важный аспект травмы.

4) явное снижение интереса к важной деятельности и участию в ней.

5) чувство отчужденности и отдаления от других.

6) чувство бесперспективности будущего.

– Устойчивые симптомы повышенной возбудимости, отсутствующие до травмы, на что указывает два или более из перечисленных ниже признаков:

1) трудности с засыпанием и поддержанием сна.

- 2) раздражительность или вспышки злости.
 - 3) трудности с концентрацией внимания.
 - 4) чрезмерная настороженность.
- Продолжительность расстройства больше одного месяца.
 - Расстройство вызывает клинически значимый дистресс или нарушения в важных сферах функционирования.

Диагностика детей, пострадавших от насилия, в зависимости от возраста

Дети дошкольного возраста

- Ночные кошмары, страхи
- Регрессивное поведение
- Сексуальные игры
- Открытая мастурбация

Дети младшего школьного возраста

- Снижение успеваемости
- Замкнутость
- Изменение ролевого поведения
- Ухудшение отношений со сверстниками
- Сексуально окрашенное поведение

Дети старшего школьного возраста

- Депрессия
- Побег из дома
- Низкая самооценка
- Суицидальные попытки и мысли
- Употребление наркотиков и алкоголя
- Проституция и беспорядочные половые связи.

Особенности индивидуальной терапии с детьми, жертвами насилия

- Установление контакта с детьми
- Работа с эмоциями: клиентцентрированная терапия, гештальттерапия (работа с симптомом), реперезивание, психодрама
 - Работа с мыслями: психоаналитическая терапия, рационально-эмотивная терапия, когнитивно-бихевиоральная терапия
 - Работа с поведением: бихевиоральная терапия, адлеровская терапия, терапия реальностью
- Телесная терапия, EMDR

Используются следующие методы терапии:

- Игровая терапия
- Арттерапия
- Сказкотерапия
- Терапия с использованием песка
- Работа с гримом

Программа групповой работы с подростками, пережившими сексуальное насилие (10 встреч)

1. Что такое сексуальное насилие?
2. Последствия сексуального насилия.
3. Набраться смелости и вспомнить.
4. Как справляться с воспоминаниями.
5. Почему случившееся сексуальное насилие держится в секрете?
6. Что случится, если ты расскажешь.
7. Почему рассказ деталей о сексуальном насилии может помочь?
8. Было ли это твое поражение?
9. Это нормально, если ты что-то чувствуешь.
10. Позаботься о себе.

СЕКСУАЛЬНОЕ НАСИЛИЕ SEXUAL VIOLENCE

Л.Н. Казнин

***Нижегородский государственный педагогический
университет им. Козьмы Минина***

L.N. Kaznin

Koz'ma Minin State Pedagogical University of Nizhny Novgorod

Раскрываются причины и природа сексуального насилия в современном обществе.

In the article are discovered the reasons and nature of the sexual violence in the contemporary society

Ключевые слова: сексуальное насилие, агрессия, изнасилование

Keywords: sexual violence, aggression, rape

Наличие двух полов – основа мира, его двуединства. Цельность личности состоит в ее многообразии. В ней уживается добродетель и сексу-

альность. Сексуальные отношения – это не только способ продолжения жизни, но и духовная составляющая человеческих взаимоотношений. Уважение личности означает уважение сексуальных проявлений. Суть единения мужчины и женщины основана на различии. Насилие – неотделимо от двойственности. Женщины чаще, чем мужчины становятся жертвами сексуального насилия. Мужчины выступают в роли агрессоров, а женщины в роли их жертв. Изнасилование – акт агрессии, в котором жертву лишают права на самоопределение. Этот акт совершается под угрозой смерти.

Одним из основных вопросов о природе сексуального насилия является вопрос о его источнике. Причины мужской агрессии остаются предметом споров ученых. Биологические и генетические интерпретации сексуального насилия довольно распространены [1]. Количественное превалирование мужчин в качестве сексуальных преступников свидетельствует в пользу теорий мужского насилия. Подобного рода теоретические конструкции в современном культурном контексте подверглись некоторой модификации. Жизнь показывает «преобладание мускулиной атрибуции у женщин». Не следует исключать женщин из анализа сексуальных насильственных преступлений, носящих феминный характер по определению. Хотя социобиологические теории игнорируют агрессивность женщин, сводя ее к патологии, нереализованному мазохизму. Феминизм считает женское насилие принципиально отличным от мужского и предлагает вариант особой теории насилия женщин. Мифы о миролюбивости женщин не имеют под собой оснований. Лесбиянки также подвергаются сексуальному насилию со стороны своих партнеров, как и в гетеросексуальных отношениях. Но в силу ряда причин они более быстро и эффективно выходят из насильственных отношений.

Возможно, предрасположенность к сексуальному насилию следует искать в структуре отдельной личности. Но лица совершившие сексуальное насилие не обладают единой, типичной структурой личностных черт. Насилие реализуется в поведении, на уровне самооценки и личностных характеристик оно неуловимо. Сексуальное насилие может быть результатом компенсаторного развития мужской личности. У подростка складывается вульгаризированное представление о мужском поведении как агрессивном, грубом и жестком.

Мужчины по-своему оценивают и интерпретируют насилие. Многие насильники считают, что вели себя как мужчины. При оценке собственного насилия они интерпретируют роль жертвы, снимая с себя ответственность. Мужчины-насильники противоречивы и не логичны в своих

объяснениях. Физически женские тела (сексуальные формы) более доступны для насилия. Насильники обдуманно создают ситуации беспомощности жертвы.

Распространенное представление об изнасиловании не соответствует действительности. Насилие, в большинстве случаев, происходит не спонтанно, а отчасти планируется заранее. Изнасилование – следствие соединения сексуальности с ощущением силы, превосходства. Унижение женщины имеет большее значение по сравнению с половым актом. Причины – пренебрежительное отношение мужчины к женщине как человеку.

Свобода выбора в половых отношениях – один из основных элементов нашей жизни. Нелегко провести черту между посягательством и интересом мужчины к женщине. Женщины не чувствуют себя в безопасности в повседневной жизни – невозможность прогулок одной, поездок на природу и путешествий, возвращаться поздно домой. По утверждению швейцарского психолога С. Браунмиллер, все женщины являются жертвами изнасилования, которое есть часть общей системы запугивания женщин мужчинами. Женщина находится под впечатлением, вызванным этим страхом. Женщина должна быть осторожной, если она хочет сократить до минимума возможность стать жертвой насилия. Все женщины являются жертвами насилия, так как они вынуждены принимать специальные меры предосторожности для защиты своей чести и жизни от угрозы насилия [2].

Среди субъектов насилия лидируют знакомые мужчины (мужья, бывшие мужья и партнеры). Только десять процентов составляет насилие над женщинами незнакомых мужчин. Такое же процентное отношение составляет насилие женщин над женщинами. Мужчина, обладающий властью и деньгами, может применить насилие по отношению к женщине. Жестокое обращение остается широко распространенным в семье, где женщина подвергается насилию. Хотя сегодня женщины лучше защищены в правовом отношении, чем в прошлом.

Сексуальные посягательства крайне распространены на рабочем месте. Это может быть использование служебного положения с целью удовлетворения сексуальных потребностей. Это явление может принимать самые вопиющие формы. В Великобритании семь из десяти женщин подвергаются сексуальным посягательствам в процессе трудовой деятельности. В США по делу сексуального домогательства к Аните Хилл была создана комиссия Конгресса с транслированием слушания на всю страну. По данным статистики, каждые шесть минут в США со-

вершается одно изнасилование [3]. Большинство изнасилованных женщин не хотят обращаться в полицию и вспоминать об этом, хотя сексуальное насилие представляет серьезную угрозу для жизни женщин. Принадлежность к женскому полу – фактор риска.

В плане сексуального насилия одной из наименее защищенных женских групп являются проститутки. По отношению к ним часто совершаются акты насилия, противоправные действия. Эта группа испытывает сильное давление общественного мнения. Термин проститутка используется как отрицательно коннотированный, что не вызывает у населения сочувствия к этой группе женщин. Они изначально рассматриваются как объект потребления. Особенно часто подвергаются насилию «уличные девочки».

Важная роль в преодолении насилия принадлежит правоохранительным органам, судебной системе и законодательным структурам, ориентированным на наказание насильников. На практике для них характерно бездействие. Эти структуры патриархатного общества формируют и утверждают определенные представления о социальном порядке. Профилактическую работу во время проповедей с мужчинами могла бы вести и православная церковь. Существенным фактором преодоления насилия против женщин могут выступить заинтересованные группы, создание центров помощи жертва сексуального насилия.

Для раскрытия истинных причин сексуального насилия необходим анализ совокупности таких факторов, как бедность, отсутствие социальных связей, экономической и психологической зависимости. В обществе необходимо создавать условия равных возможностей для мужчин и женщин.

Литература

1. Kindsey A. Sexual behavior in the human female. – Philadelphia, 1953.
2. Brownmiller S. Against our will, women and rape. – London, 1975. – p. 52.
3. Ежеквартальник «Права человека». – М, 1990. – № 12.

**АГРЕССИВНОСТЬ И СОРЕВНОВАТЕЛЬНОСТЬ:
ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ**
AGGRESSIVENESS AND COMPETITIVENESS: GENDER ASPECT

А.В. Курамшев
Нижегородский государственный университет
A.V. Kuramshev
Nizhny Novgorod State University

Рассматриваются агрессивность и соревновательность как факторы гендерной идентификации современных мужчин.

The article deals with aggressiveness and competitiveness as the factors of the modern males identification.

Ключевые слова: гендер, агрессивность, соревновательность

Keywords: gender, aggressiveness, competitiveness

Агрессивность и соревновательность имеют сильную оценочную нагрузку, при этом, как правило, агрессивность позиционируется как негативное качество, а соревновательность как социально одобряемое. При этом их использование характеризуется высокой степенью неопределенности, порой сложно развести, где речь идет о проявлении агрессивности, а где мы имеем дело с соревновательностью.

Агрессивность и соревновательность, наряду с другими словами, например, такими, как пассивный, активный, чувствительный, эмоциональный, заботливый, контролирующий, лидер, менеджер, мужественный могут быть прочитаны и поняты разными способами в зависимости от того, о ком идет речь: мужчине или женщине. Подобная двойственность предполагает определенные стереотипы о том, что такое мужественность и женственность. Таким образом, разговорный язык может выступать в качестве инструмента, с помощью которого мы интерпретируем гендерную идентичность.

Дуализм гендера такой, какой наблюдается в разговорном языке, дает нам ощущение порядка и безопасности, поэтому когда мы глядим на человека, то видим сразу мужчину или женщину, с учетом их индивидуальных телесных и возрастных репрезентаций. Гамма мифов, символов и идеологических практик формирует наши представления и дают нам чувства порядка, упорядоченности и естественности такого восприятия реальности. На обыденном уровне преимущества биологического

эссенциализма в объяснении гендера/пола и заключаются в его очевидности, в отсутствии необходимости его объяснения, различия между мужчинами и женщинами кажутся естественными.

При таком подходе отличие агрессивности от соревновательности заключается порой только в том, как оценивается та или иная практика в том или ином сообществе, с учетом гендерных норм.

Зачастую соревновательность определяется как нормативно приемлемая, допустимая форма агрессивности, что делает её употребление крайне сложным.

Как отмечает И.С. Кон, "соревновательность и агрессивность тесно связаны с эмоциональным миром личности, который описывается множеством разных, сплошь и рядом не соподчиненных друг с другом, понятий: чувства, эмоции, эмоциональная реактивность, эмоциональность, регулирование эмоций (эмоциональный самоконтроль), эмоциональная культура, эмоциональная компетентность, эмоциональная коммуникация и даже "эмоциональный интеллект""[1]. В современной социальной психологии эмоциональные реакции разделяются на первичные (непосредственные, вызываемые конкретной причиной и измеряемые силой реакции) и вторичные (индивидуально выработанные реакции на переживание первичных эмоций). Эмпирические исследования эмоций выявили гендерные различия на обоих уровнях. Так, например, мужчины реже женщин выражают свои эмоции, хуже расшифровывают выражение лица других людей и реже сообщают о своих отрицательных эмоциональных переживаниях.

Особое место в исследованиях эмоционального поведения мужчин занимают исследования агрессивности и соревновательности. С одной стороны, высокая соревновательность, агрессивность, стремление к достижениям, риск – являются нормативными для мужчин в большинстве культур, именно наличие этих качеств "делает из человека мужчину".

Порой агрессивность и соревновательность рассматривают как сугубо мужские характеристики, имеющие биологическую природу, связывая их либо с генетическими, либо гормональными факторами[2].

Социокультурный подход отсылает проблему агрессивности и соревновательности к комплексу социальных структур, культурных норм и систем ценностей, которые продуцируют определенный тип социальной чувствительности общества, толерантной к проявлению силы мужчин в отношении женщин или же поощряющей ее использование. В основе данного подхода лежит теория социального конструирования,

утверждающая, что причины агрессивного поведения мужчины следует искать не в биологии, а в процессах социализации.

По нашему мнению, мужское насилие в большей мере является выражением того, что мужчине (больше, чем женщине) в общественном смысле запрещается проявлять свою слабость, беспомощность, и, как результат, он вынужден ненавидеть, возникающую в результате этого запрещения, экстраполировать на самого себя и на других.

Многие проявления мужской агрессии, как отмечает И.С. Кон, связаны с символической культурой общества. Характерная черта всякой мужской культуры – силовые соревнования и драки... В мужских развлечениях всегда присутствует "силовая" составляющая, причем и "победа", и "сила" понимаются не только как физическое, но и моральное превосходство над соперником[3]. В подростковых группах, где социальный успех в большей мере зависит от физической агрессии и состязаний в физической силе, подобные формы проявления агрессивности и соревновательности закрепляются. Агрессивное поведение становится не простым проявлением эмоциональной разрядки, а важной социальной стратегией, позволяющей добиться социальных дивидендов.

Обычно мужественность для мужчин важнее, чем женственность для женщин. Быть мужчиной значит постоянно сражаться – суть стремления к мужскому идеалу, сражаться с самим собой, чтобы не поддаться податергающим его слабости и пассивности. Мужской идеал, определенный этими требованиями, остается недостижимым для большинства современных мужчин: слишком он суровый, слишком принудительный. Усилия, которых требует от мужчин соответствие идеалу, порождает чувство тревоги, сдерживание эмоций, страх перед неудачей и компенсаторное потенциально опасное и разрушительное поведение.

А что же женщины? Требуя, чтобы мужчины стали менее агрессивными, женщины сами усваивают традиционно "мужские" качества для самоутверждения и самореализации. Это не удивительно, так как женщина вынуждена реализовывать себя в "мужском" мире, где ценятся именно мужские качества, следовательно, только при помощи традиционных мужских средств возможно достижение определенных целей, связанных с положением в обществе. Критикуя мужчин за их традиционные ценности, с одной стороны, женщины продолжают ценить в мужчинах именно традиционные мужские качества, с другой стороны, таким образом женщины сами выступают трансляторами традиционных патриархальных ценностей.

Литература

1. Кон, И. Мужчина в меняющемся мире / И. Кон. – М.: Время, 2009. – С. 193.
2. Бэрон, Р. Агрессия / Р. Бэрон, Д. Ричардсон. – СПб.: Питер, 1998. – С. 227 – 255.
3. Кон, И. Мужчина в меняющемся мире / И. Кон. – М.: Время, 2009. – С. 208.

СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА С ЛИЦАМИ, ПЕРЕНЕСШИМИ ЖЕСТОКОЕ ОБРАЩЕНИЕ SOCIAL WORK WITH PERSONS WHO HAVE UNDERGONE ILL-TREATMENT

Е.Н. Приступа,
*ГБОУ ВПО города Москвы «Московский
городской педагогический университет»*
E.N. Pristupa
«The Moscow city pedagogical University»

Обсуждаются проблемы негативного социального явления – жестокого обращения с ребенком. Представлен аналитический обзор ведущих экспертов ООН по вопросам защиты детства. Представлен пакет социальных услуг для социозащитных учреждений по защите ребенка от насилия.

The article discusses the problems of negative social phenomenon of child abuse. Presents analytical review of the leading experts of the United Nations on protection of childhood. Presented a package of social services for the social welfare institutions for the protection of the child against violence.

Ключевые слова: жестокое обращение, насилие в отношении детей
Key words: child abuse, violence against children

Единого определения понятия «жестокое обращение» не существует. Жестокое обращение с детьми – сложное социальное явление, отдельные стороны которого изучаются разными науками (социологией, психологией, медициной, уголовным и семейным правом). Понятие «жестокое обращение с детьми» было введено в зарубежную научную литературу не юристами, а врачами и психологами, оказывавшими помощь пострадавшим детям. Целью работы с ребенком было устранение негативных последствий, которые вызвали перенесенное насилие, а не наказание виновного. Сходство негативных последствий для личности ре-

бенка привело к объединению в одно понятие жестокого обращения с ребенком не только насилия, которое может быть выражено только в действии, но и пренебрежения основными нуждами ребенка, которое выражается в бездействии. Жестокое обращение с детьми является частным случаем насилия по отношению к детям. *От других форм насилия жестокое обращение отличают особенности отношений, существующих между ребенком и насильником.* О жестоким обращении с ребенком можно говорить лишь тогда, когда насилие совершается родителями или лицами, выполняющими функции родителей (опекунами, попечителями, постоянно проживающими в семье отчимами или мачехами, воспитателями интернатных учреждений) [1; С. 21-22].

В 2006 году был представлен доклад независимого эксперта Паулу Сержу Пиньейру по результатам исследования Организации Объединенных Наций во исполнение резолюции 60/231 Генеральной Ассамблеи по вопросу о насилии в отношении детей. Это исследование было подготовлено на основе широкого процесса, который включал проведение региональных, субрегиональных и национальных консультаций, совещаний тематических экспертов и поездок на места. Настоящее исследование является первым проведенным Организацией Объединенных Наций всеобъемлющим и глобальным исследованием всех форм насилия в отношении детей. В его основе лежит исследование о влиянии вооруженных конфликтов на детей, подготовленное Грасой Машел и представленное Генеральной Ассамблеей десять лет назад, а также «Доклад Всемирной организации здравоохранения о ситуации в мире: насилие и его влияние на здоровье». Оно также является первым глобальным исследованием, к подготовке которого непосредственно и последовательно привлекались дети. Сформулирован *вывод*: никакое насилие в отношении детей не имеет оправдания; любое насилие в отношении детей поддается предупреждению. Вместе с тем подробное исследование насилия в отношении детей (ниже именуемое исследованием) подтверждает, что такое насилие существует во всех странах мира, различных культурах, классах, в сфере просвещения и не зависит от уровня доходов и этнического происхождения. Во всех регионах в нарушение обязательств по правам человека и без учета потребностей детей в развитии насилие в отношении детей является социально приемлемым и часто осуществляется с одобрения закона и государства. Исследования, проведенные во многих странах во всех регионах мира, свидетельствуют о том, что от 80 до 98 процентов детей страдают от физического насилия в семьях и более одной трети становятся жертвами

жестоких физических наказаний с применением тех или иных предметов [2].

В 2012 году в Российской Федерации Национальным фондом защиты детей от жестокого обращения подготовлен Рекомендуемый пакет профилактических услуг (25 наименований) по предупреждению социального сиротства и жестокого обращения с детьми, среди которых: 1. Услуга «приём информации о нарушении прав и законных интересов ребёнка». 2. Услуга «информационно-методическое обеспечение деятельности по выявлению детей, нуждающихся в защите государства». 3. Услуга «оценка безопасности и оценка риска жестокого обращения с ребёнком». 4. Услуга «координация работы со случаем нарушения прав ребенка в семье». 5. Услуга «организация и проведение междисциплинарного консилиума специалистов для оценки плана реабилитации семьи и ребёнка и мониторинга его реализации (междисциплинарный консилиум специалистов)». 6. Услуга «профессиональная (супервизорская) поддержка деятельности по защите прав ребенка». 7. Услуга «экстренная психологическая помощь детям по телефону (служба детского телефона доверия)». 8. Услуга «психолого-педагогическое сопровождение семьи с риском отказа от новорожденных детей (профилактика ранних отказов)». 9. Услуга «социально-бытовой патронаж семьи (домашний помощник)». 10. Услуга «формирование реабилитационной среды для семьи и ребенка (семейный клуб)». 11. Услуга «краткосрочное кризисное консультирование семьи». 12. Услуга «психолого-педагогическое сопровождение ребенка группы риска в образовательном пространстве (социальная гостиная)». 13. Услуга «социально-психолого-педагогическое сопровождение ребёнка в образовательном и социальном пространстве (реабилитационный досуг)». 14. Услуга «групповая работа с родителями (лицами, их заменяющими), применяющими физические наказания или склонными к домашнему насилию («управление гневом»)». 15. Услуга «групповая работа с детьми с агрессивным поведением» и др.

Таким образом, специалисты по социальной работе с лицами, пострадавшим от жестокого обращения, должны *знать*: классификацию и описание видов насилия; основные причины возникновения жестокого обращения с детьми, а также негативные последствия для ребенка его пережившего; нормативно-правовые документы, составляющие основу системы защиты детей от насилия и жестокого обращения; организацию социальной работы с лицами, пострадавшим от жестокого обращения; зарубежный опыт социальной работы с лицами, пострадавшим от жестокого обращения; роль НКО

в решении проблем социальной работы с лицами, пострадавшим от жестокого обращения. *Уметь*: анализировать и прогнозировать основные тенденции развития социальной работы с лицами, пострадавшим от жестокого обращения; обеспечивать эффективность и качество реабилитационного процесса во взаимодействии всех субъектов профилактики; проводить мониторинг эффективности работы с семьями в СОП; организовывать комплексную просветительскую деятельность среди населения (статьи и выступления в СМИ, лекции в школах, буклеты и листовки для широких слоев населения, профилактические беседы с привлечением специалистов разных ведомств). *Владеть*: информацией о возможных путях выявления домашнего насилия в отношении несовершеннолетних, использовать теоретические знания в области социальной работы для разработки стратегий и конкретных программ помощи различным группам населения на территориальном, региональном и федеральном уровнях; технологией по предотвращению насилия к ребенку в семьях в социально опасном положении (СОП); технологиями социальной работы в учреждениях различных ведомств: образования, здравоохранения, социальной защиты и социального обслуживания по предотвращению насилия к ребенку в семьях в социально опасном положении.

Литература

1. Зырина А.И.; Индейкина Т.Л. Предотвращение жестокого обращения с детьми в семье. – Пермь: Ресурс, 2009. – 109 с.
2. Global Estimates of Health Consequences due to Violence against Children, op. cit. at note 8.

**ТРЕФФИК КАК ФОРМА ПРОЯВЛЕНИЯ
НАСИЛИЯ НАД ЖЕНЩИНАМИ**
TRAFFICKING AS A FORM OF VIOLENCE OVER WOMEN

Т.В. Свадьбина

*Нижегородский государственный педагогический
университет им К. Минина*

О.А. Немова

*Нижегородский государственный педагогический
университет им К. Минина*

Т.А. Пакина

*Нижегородский государственный лингвистический
университет им. Н.А. Добролюбова*

T.V. Svadbina

Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University

O.A. Nemova

Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University

T.A. Pakina

Linguistics University of Nizhny Novgorod

Затрагиваются следующие проблемы: трэффик как современная форма работорговли и насилия над женщинами; основные причины быстрого распространения трэффика в мире; участие России и стран СНГ в мировом криминальном бизнесе (торговле «живым товаром»); роль современных СМИ в распространении работорговли и т.д.

In the article are discussed the problems of trafficking as a modern form of slave trade and violence, the main reasons for trafficking distribution over the world, participation of Russia and CIS countries in world criminal business, the role of modern mass media in slave trade distribution, etc.

Ключевые слова: трэффик, сексуальное насилие над женщиной, криминальный бизнес, сексуальное рабство, общество потребления

Keywords: trafficking, sexual abuse, violence, criminal business, sexual slavery, consumer society

Проблема возникновения и роста трэффика (работорговли) в современном мире является крайне актуальной. Практически невозможно назвать ни одной страны в мире, которая так или иначе не охвачена сетями работорговли, является либо поставщиком, либо транзитером, ли-

бо потребителем услуг торговцев «живым товаром». Россия одновременно выполняет все три данные роли, хотя международные эксперты относят Россию в основном к странам-поставщикам женщин-рабынь. Не случайно за границей синонимами слову «проститутка» стали слова «русская» и распространённое в России имя «Наташа», а русский язык обрёл статус международного языка среди работорговцев и жертв трэффика, сутенёров и проституток.

Привлекательным для международного криминалитета этот вид «бизнеса» стал по нескольким причинам:

Во-первых, расходы на вербовку, транзит и содержание рабов минимальны, а получаемые средства покрывают все затраты и приносят огромные прибыли.

Во-вторых, в отличие от торговли оружием и наркотиками, «живой товар» можно перепродавать несколько раз.

В-третьих, из-за несовершенства законодательства разных стран, отсутствия слаженной международной системы борьбы с работорговлей этот вид криминальной деятельности, как правило, остается безнаказанным. Особенно это касается стран с высоким уровнем коррупции, к разряду которых относят и Россию.

В-четвертых, организация преступного бизнеса для мошенников не представляет особого труда. Молодые женщины, особенно из глубинки, стимулируемые массовой пропагандой роскоши, гламурной жизни, часто загнанные в угол социальным неравенством и насилием, не видя перспектив повышения своего благосостояния на родине, активно ищут выход из сложившегося положения. Они сознательно идут на риск, выезжая на работу по туристическим визам, заключая фиктивные браки с иностранцами и т.д. Таким образом, поиск подходящего «живого товара» максимально облегчается самими жертвами.

В-пятых, работорговцы активно внедряют и используют научные разработки. Ими применяются знания психологии, менеджмента, маркетинга и т.д. Всемирная сеть Интернет, СМИ позволяют вести активную рекламную кампанию бизнеса «живого товара». Например, на сайте туристического агентства размещается реклама разнообразных сексуальных услуг с фотографиями, адресами, телефонами, отзывами потребителей и прайс-листом.

Через различные средства массовой информации осуществляется вербовка женщин и несовершеннолетних для занятия проституцией. Это могут быть туристические, брачные, модельные агентства и т.д. Преступники проводят маркетинговые исследования рынка сексуальных

услуг; организуют развоз и сбор проституток по точкам; осуществляют разрешение конфликтных ситуаций по защите прав проституток и потребителей их услуг и т.д.

Изучением проблем, связанных с работорговлей, заняты криминалисты, правоохранительные органы, ученые различных научных направлений, представители общественных организаций, а также журналисты и кинематографисты. Несмотря на то, что проблемы работорговли постоянно обсуждаются в различных СМИ, количество жертв трэффика с каждым годом не только не уменьшается, а постоянно возрастает.

В отечественной науке за последние два десятилетия был накоплен определенный опыт по изучению проблем трэффика. Однако, мы считаем необходимым продолжить дальнейшее изучение проблем, связанных с работорговлей. Данный научный вопрос нуждается в систематизации имеющихся данных, поиске коренных причин массового распространения работорговли и разработке эффективных мер по его предотвращению и профилактике.

**ЗНАЧЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО МЕНЕДЖМЕНТА В РЕШЕНИИ
ПРОБЛЕМЫ БЫТОВОГО НАСИЛИЯ НАД ЖЕНЩИНАМИ**
**VALUE OF SOCIAL MANAGEMENT IN THE SOLUTION OF THE
PROBLEM OF DOMESTIC VIOLENCE OVER WOMEN**

Е.Е. Туманова

*Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина*

Е.Е. Tumanova

*Ural Federal University named after the first
President of Russia B. N. Yeltsin*

Рассматривается значение социального менеджмента в решении проблем бытового насилия над женщинами, методы помощи и поддержки женщин, пострадавших от бытового насилия. Показан опыт решения данной проблемы в Уральском федеральном округе.

In article are discussed value of social management in the solution of problems of domestic violence over women, methods of the help and support of women, affected by domestic violence is considered. Experiment of the solution of this problem in Ural Federal region district is shown.

Ключевые слова: насилие, бытовое насилие, социальный менеджмент, кризисные центры, социальная работа

Keywords: violence, domestic violence, social management, crisis centers, social work

В основу социальной работы с женщинами России положены научно-теоретические подходы, методы, принципы, которые дополняются общими критериями мирового практического опыта в сфере социальной политики. В законодательном порядке определены позиции и ответственность органов социальной защиты за организацию и развитие этого направления. создана и действует достаточная широкая сеть социальных услуг, которые частью ориентированы на практическое решение социальных проблем женщин. В нестабильной обстановке специалисты социальной сферы помогают адаптироваться женщинам к окружающему миру. Но одних усилий со стороны социальных служб недостаточно. Для полной реализации социальных функций женщин требуется и активное участие их самих.

Женские организации являются неотъемлемой частью социальной структуры. Перестройка стимулировала появление независимых женских организаций, сфера деятельности которых охватывает спектр от профессиональных, творческих, деловых, коммерческих, предпринимательских до благотворительных организаций взаимопомощи и самоподдержки.

Эффективность процесса зависит от активизации общественной деятельности женщин, вовлечения их в процессы социальных реформ, создание реальных условий для совмещения профессиональных и семейных обязанностей, обеспечение широкого участия в процессах принятия и реализации решений.

В социальной работе с жертвами домашнего насилия выделяются три группы задач:

- по их спасению,
- по поддержанию социального функционирования,
- по социальному развитию.

Следует отметить, что в конкретных индивидуальных и социальных условиях на передний план выходит та или иная группа задач.

В случае реальной опасности для жизни и здоровья женщины могут использоваться приюты-стационары, кризисные центры, убежища с комплексом своих социальных услуг. Острые экономические затрудне-

ния дают право женщине обращаться за адресной социальной или экстренной помощью.

Поддержание социального функционирования может обеспечиваться социально-психологической реабилитацией и поддержкой женщин в трудной жизненной ситуации, мероприятиями по переподготовке или переобучению их более нужным профессиям, консультациями или иной правовой помощью для защиты их прав.

Задачи социального развития могут обеспечиваться деятельностью по поддержанию групп самопомощи и взаимопомощи, ассоциаций защиты социальных и иных прав различных групп женского населения, содействием самозанятости и самообеспеченности женщин.

Все эти задачи, как правило, выполняются специалистами социальной работы, совместно с сотрудниками различных сфер.

Защита от насилия может проходить как в условиях стационарного наблюдения, так и с помощью нестационарных учреждений. Работа нестационарных учреждений сочетает, как правило, деятельность правоохранительных органов и учреждений социального обслуживания. Первые пресекают насилие, вторые оказывают реабилитационную, юридическую и иные виды помощи его жертвам. Она заключается в морально-психологической реабилитации, информационно-консультативной помощи и социальных ресурсах для их защиты.

В декабре 2005 г. кризисные центры Урала и Сибири, зная серьезные социальные последствия насилия в отношении женщин и детей, объединились в Коалицию кризисных центров Уральского Федерального округа и назвали ее «Вместе мы – сила!» Первоначально Партнерское соглашение между членами Коалиции подписали представители 20 организаций из Свердловской, Челябинской, Курганской и Тюменской областей, Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого округов.

Целями Коалиции являются:

1. Развитие региональной сети служб для женщин и детей, подвергающихся насилию.
2. Улучшение осведомленности общественности о проблемах, связанных со всеми формами насилия в отношении женщин и детей.
3. Разработка и продвижение действенных систем реагирования государственных структур и общественных организаций на все случаи насилия в отношении женщин и детей.
4. Помощь развитию профессиональной компетенции сотрудников различных государственных служб и кризисных центров, занимающихся проблемой насилия в семье.

В Свердловской области функционирует крупнейший центр «Екатерина», специализирующийся на работе с женщинами, подвергшимися домашнему насилию. Одной из форм социальной работы с женщинами, испытывавшими насилие, является создание «телефона доверия». Основной целью телефона доверия является оказание психологической и правовой помощи. Психологическая помощь достигается за счёт снятия эмоционального напряжения, активизации внутренних ресурсов женщины, разрешения внутреннего конфликта. Правовая помощь – донесение до женщины, её юридических прав.

Многие из организаций, вступивших в Коалицию, стали работать по проблеме домашнего насилия при поддержке этого кризисного центра. Работать им довольно сложно: не хватает обученных специалистов, люди быстро «сгорают» на этой работе, чаще всего по причине невысокого профессионализма. В то время как у давно существующих, опытных кризисных центров региона накоплен различный и очень нужный опыт работы. Задача созданной Коалиции – аккумулировать опыт и найти возможность передать его молодым организациям.

Второй аргумент в пользу развития Коалиции наших центров в Урало-Сибирском регионе: многие зарубежные и российские фонды в последнее время изменили приоритеты в своей деятельности в России, гендерная тематика теперь для них стала второстепенной, менее значимой. Встать на ноги новым организациям при поддержке благотворительных фондов сегодня гораздо сложнее. Этим организациям приходится сейчас надеяться прежде всего на поддержку коллег, работающих по проблеме в своем регионе. Перенимая опыт наших единомышленников из женских общественных организаций за рубежом, необходимо объединиться и работать, помогая друг другу.

Голоса членов Коалиции, объединенных в межрегиональную организацию, будут лучше услышаны руководителями муниципалитетов и областных, и региональных органов власти, что будет способствовать продвижению решения проблемы домашнего насилия на государственный уровень.

В 2009 году был выпущен первый в России сборник исследований под названием "Домашнее насилие: анализ и мониторинг проблемы на примере Свердловской области и Уральского Федерального округа". Издание исследований – небольшой вклад сотрудников центра "Екатерина" и наших добровольных помощников из других центров Коалиции в дело национального движения борьбы против насилия в семье, защиты прав и интересов пострадавших.

3 марта 2009 года в Екатеринбурге прошла конференция "Домашнее насилие: мониторинг и анализ проблемы на примере Свердловской области и Уральского федерального округа"

Выделение насилия в семье в самостоятельную и значимую социальную проблему — только первый шаг, направленный на ее разрешение. На этом пути возникает ряд препятствий: отсутствие четких определений и теоретической базы; недостаток информации о степени распространения и причинах применения силы в семье; позиция правоохранительных органов, которые в силу разных причин практически устранились от работы в семье и не принимают меры, направленные на разрешение кризисных ситуаций в семье.

**ДЕТСКИЕ РОЛИ КАК ПРЕДПОСЫЛКИ
АГРЕССИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ДЕВУШЕК
CHILDREN'S ROLES AS PRECONDITIONS OF AGGRESSIVE
BEHAVIOUR OF GIRLS**

А.В. Щербаков

*Нижегородский государственный университет
им. Н.И.Лобачевского*

A.V. Scherbakov

Nizhny Novgorod State University named after N.I.Lobachevsky

Рассматривается один из аспектов проблемы предопределения дисфункционального поведения человека в социуме во взрослом возрасте совокупностью семейных ролей, которые он выполнял по отношению к отцу/матери в детстве. Особое внимание уделяется определению причин формирования агрессивного ответа на фрустрирующие ситуации как основной причины внутрисемейного эмоционально-психологического насилия.

The author of the article considers one of aspects of a problem of pre-determination of dysfunctional behavior of the person in society at adult age set of family roles which it carried out in relation to father/mother in the childhood. The special attention is given to definition of the reasons of formation of the aggressive answer to frustrating situations as the main reason for intra family emotional and psychological violence.

Ключевые слова: копинг-стратегия, семейная роль, агрессия, эмоционально-психологическое насилие

Keywords: coping-strategy, family role, aggression, emotional and psychological violence

Проблема влияния детско-родительских отношений на формирование личности и индивидуально-психологических характеристик являются одной из наиболее актуальных в психологии. Современная семья утратила многие функции, цементирующие ее в прошлом: производственную, охранительную, образовательную и др. Большее значение в настоящее время приобрели следующие функции: психологическая безопасность, эмоциональная удовлетворенность всех членов семьи и подготовка детей к жизни в обществе. Их реализация предполагает зрелость чувств и психологическую культуру родителей. Однако зачастую многие современные родители, уделяя внимание внешней стороне процесса воспитания, в недостаточной степени учитывают важность ролевой структуры в детско-родительских отношениях, в то время как семейные роли могут быть определяющими для дальнейшего развития ребенка как личности. Определенные роли, в которых находился ребенок в родительской семье, приводят к вполне определенному складу его характера в будущем. Дисфункциональные детские роли порождают неконструктивное поведение взрослого человека как в социуме, так и в рамках собственной семьи, являясь провокаторами различных форм насилия, том числе и эмоционально-психологического. Психологическое насилие выражается в форме оскорбления, изоляции, принижения, унижения, контроля или угрозы и может приводить к следующим негативным последствиям: суициду, расстройству приема пищи, алкоголизму, наркомании, бродяжничеству и др.

Нами была предпринята попытка выявления набора детских ролей, дисфункциональность которых часто обнаруживается только во взрослой жизни, когда поведенческие паттерны становятся настолько устойчивыми, что трудно поддаются коррекции.

Наше исследование было посвящено выявлению характерных детских ролей, которые испытуемые выполняли по отношению к их родителям в детстве. В исследовании принимали участие девушки 18-20 лет, студентки ННГУ им. Н.И.Лобачевского. Были использованы методика SACS (копинг-стратегии) С. Хобфолла (Н. Е. Водопьянова и Е. С. Старченкова), позволяющая выявить наиболее часто избираемые испытуемыми стратегии поведения в ситуации преодоления, и методика «Социальные семейные роли» (Роли ребенка) Форма Б (Е.Н.Васильева,

А.В.Орлов) для определения характерных ролей испытуемых по отношению к родителям в детстве.

На первом этапе мы выявляли зависимость формирования способов поведения девушек в ситуациях преодоления от выполняемой ими роли в детстве по отношению к отцу (таблица 1).

Таблица 1

Связь агрессивной копинг-стратегии поведения девушек с семейными ролями, которые они выполняли в детстве по отношению к отцу

В детстве давали возможность отцу....	Агрессивные действия
...проявлять заботу, чувствовать себя нужным человеком	0,17
...гордиться собой	-0,12
...узнать что-то новое	0,2
...зарядиться энергией	-0,13
...дарить любовь	0,2
...получать любовь, эмоциональную близость	0,42 (p<0,05)
...чувствовать себя более комфортно в семье	0,57 (p<0,05)
...мечтать о будущем	-0,50 (p<0,05)
...быть ближе к супругу (супруге)	0,28
...учить, воспитывать, делиться опытом	-0,21
...довериться, получить совет или сочувствие	-0,27
...получить поддержку, помощь	-0,54 (p<0,05)

Такое положение девочки в семье, которое позволяет отцу получать любовь от ребенка, эмоциональную близость, чувствовать себя более комфортно в семье, увеличивает вероятность агрессивной реакции в ситуации преодоления у девушки, а отцовская возможность мечтать о будущем с дочкой, получить поддержку, помощь от него – уменьшает.

Далее, мы рассматривали зависимость формирования способов поведения девушек в стрессовых ситуациях от выполняемой ими роли в детстве по отношению к матери (таблица 2)

Таблица 2

Связь агрессивной копинг-стратегии поведения девушек с семейными ролями, которые они выполняли в детстве по отношению к матери

В детстве давали возможность матери....	Агрессивные действия
...проявлять заботу, чувствовать себя нужным человеком	0,02
...гордиться собой	-0,02
...узнать что-то новое	0,17
...зарядиться энергией	-0,07
...дарить любовь	-0,39 (p<0,05)
...получать любовь, эмоциональную близость	0,64 (p<0,05)
...чувствовать себя более комфортно в семье	-0,02
...мечтать о будущем	0,15
...быть ближе к супругу (супруге)	0,05
...учить, воспитывать, делиться опытом	0,03
...довериться, получить совет или сочувствие	0,09
...получить поддержку, помощь	-0,05

Такое положение ребенка в семье, которое позволяет матери получать любовь, эмоциональную близость от дочери, увеличивает вероятность агрессивной реакции девушки в ситуации преодоления, а возможность дарить любовь – уменьшает.

Анализируя данные таблиц, мы пришли к заключению, что при выполнении ролей, когда девочка позволяет отцу и матери получать от нее любовь, эмоциональную близость, чувствовать себя более комфортно в семье, она испытывает высокое напряжение, так как эти роли накладывают на нее слишком большую ответственность. И агрессивное поведение выросшей девочки может являться для нее способом снятия этого напряжения, сброса негативных эмоций. В меньшей степени агрессивные действия характерны в том случае, если отец получает от дочери поддержку и помощь, возможность мечтать о будущем, а мать – возможность дарить девочке свою любовь. Данные роли предполагают большую, чем в вышеуказанных ролях, собственную активность ребенка в отношениях с родителями и являются по своей сути конструктив-

ными – будь это планирование совместного будущего или проявление сочувствия, поддержки, любви.

Тенденция к агрессивному поведению у девушек в ситуациях преодоления, выявленная в нашем исследовании, имеет генерализованный характер, распространяясь как на внутрисемейную среду, так и на общество в целом. Закрепившееся агрессивное поведение со временем может перерасти в различные формы насилия, в частности, эмоционально-психологическое. В будущем, создав собственную семью, девушка получает возможность проявления дисфункционального поведения по отношению к своему супругу и детям, в среде, более безопасной для нее относительно последствий своего насилия. Такой способ внутрисемейного взаимодействия снижает качество семейных контактов, ухудшает общее эмоциональное состояние членов семьи и является причиной нарушения микроклимата семьи, ее психологического здоровья и в итоге приводит к распаду семьи.

Практический психолог, работая с проблемной семьей, при анализе причин неконструктивного поведения членов семьи может опираться на факты, выявленные в нашем исследовании.

Социокультурные корни насилия в современном обществе

Составитель и научный редактор
З.Х. Саралиева

Компьютерный набор
И.В. Елистратова

Формат 60x84 1/16.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Гарнитура «Times New Roman».
Усл. печ. л. 38,3. Тираж 150 экз. Заказ № 245.

Издательство НИСОЦ

Отпечатано в типографии ННГУ им. Н.И. Лобачевского
603000, г. Н. Новгород, ул. Б. Покровская, 37